

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

**ДРЕВНЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
РУСИ**

ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ

ДРЕВНЕЙ РУСИ

**ВОТ
ДУС
ИЖИ**

**ШАД
ИМ
ДА**

**ДРЕВНЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
РУСИ**

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Ш 19

Оформление серии *Г.И. Саукова*

Шамбаров В.Е.
Ш 19 Великие империи Древней Руси / В.Е. Шамбаров. — М.: Алгоритм, 2007. — 576 с. — (Древнейшая история Руси).

ISBN 978-5-9265-0423-8

Русская история началась задолго до призвания варягов. Предками русского народа были отнюдь не только славяне, но и финские, угорские, тюркские племена, сарматы, скифы, киммерийцы, пеласги, древние арии. О глубоком прошлом нашей страны, о великих государствах, существовавших на нашей земле в незапамятные времена, рассказывает новая книга Валерия Шамбарова, охватывающая период от библейского Потопа до Крещения Руси. Известная ранее работа автора о древнейшем прошлом нашей страны «Русь — дорога из глубин тысячелетий» стала бестселлером и в короткий срок выдержала несколько изданий.

Издание рассчитано на всех глубоко интересующихся историей своего Отечества.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-9265-0423-8

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

ОТ АВТОРА

Искренне рад приветствовать всех, кто открыл эту книгу и читает сейчас эти строки. Наверное, не случайно открыли-то. Значит, вас тоже что-то интересует в нашем далеком прошлом. Вот и меня оно давно интересовало. В частности, интересовало, почему историю Руси принято исчислять только с IX в., с «призвания варягов»? А до них что же, наша земля была пустыней, где ничего достойного внимания не происходило? И вот еще интересно, почему так настойчиво маститые господа и товарищи ученые производят нашу культуру от кого угодно, от греков, римлян, немцев, но только не от нас самих?

Факты показывают совершенно обратное. Что задолго до всяких варягов и независимо ни от каких греков у славян существовали развитые государства, княжества, даже империи. Впрочем, следует отметить и другое — что совершенно неправомочно низводить историю Руси только к славянам. Это, кстати, тоже оказывается «хорошим методом» обеднения нашего прошлого. Отечественные историки рассуждают — вот это, дескать, относится к славянам. Вроде, так и быть, «наше». (Для зарубежных историков — «ваше».) А вот это не доказано, что славянское. Стало быть «чужое». Подобное деление абсолютно ничем не оправдано. В том числе обычным здравым смыслом.

Вполне можно согласиться с теорией этногенеза Л.Н. Гумилева. О рождении, старении, гибели народов. И с тем, что нынешний великорусский этнос вовсе не идентичен этносу Киевской Руси. Это уже новый, другой народ. Но ведь древние русичи были предками нынешних. А предки древних русичей?... Тот же Гумилев образно указывал, что у каждой новой системы «есть как минимум два предка, папа и мама». А при формировании этноса в его состав входит не два, а куда больше компо-

нентов. И они тоже для нас совсем не «чужие»! Разве мы с вами отбрасываем то, что лежит за пределами нашей личной биографии? Разве нас не интересует, кем были наши деды, бабки, прадеды? Так почему же в истории мы должны быть «иванами, не помнящими родства»? Данная книга как раз и является попыткой проследить русскую «родословную».

И если понимать слово «мы» образно, в обобщенном, «родовом» смысле, то в глубинах древности мы были не только славянами. Мы были ариями, завоевавшими половину мира. Мы были пеласгами, давшими начало всей античной цивилизации. Мы были доблестными киммерийцами, сотрясавшими грохотом копыт Европу и Азию. Мы были мудрыми скифами, основавшими многонациональную пятисотлетнюю империю. Мы были блестящими роксоланами, чья бронированная конница сметала с лица земли римские легионы. Мы были русами, хорошо умевшими не только воевать, но и дружить, из-за чего их имя с гордостью приняли другие народы. Мы были великими гуннами, наводившими ужас на страны Запада. Мы были антами, сильными и богатыми, но слишком доверчивыми. Мы были отчаянными варягами, пенившими суровые моря в своих быстрых ладьях. Мы были и финнами, уграми, балтами, торками, берендеями...

Но могу сказать и то, кем мы никогда не были. Не были дикарями, нуждавшимися в иноземных «наставниках». Никогда вплоть до относительно недавних времен не были дегенератами, слепо подстраивающимися под чужие взгляды и стандарты. Не были пауками, живущими за счет соседей. Не были паразитами, основывающими гнезда в телах других народов и сосущими из них соки... И вот за это низкий поклон всем нашим предкам. За то, что они не были такими. За то, что создали для нас великую Русь. И замечательный народ. Оставив ему очень древнюю, дивную и честную историю.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ?

А действительно, с чего же она начинается? С появления письменных изложений прошлого? Вот уж никак нельзя согласиться. Во-первых, таким образом получится, что бесписьменные народы станут «неисторическими». Хотя именно они зачастую оказывали влияние на судьбы народов «письменных». И какую-то историю, несомненно, имели — так, вожди Полинезии помнили своих предшественников и их дела на протяжении 800 лет. А проверка их преданий, произведенная по упоминаниям солнечных затмений, подтвердила, что их сведения точны. Во-вторых, письменные памятники многих народов попросту не сохранились. Или их уже невозможно расшифровать. И что же, эти народы тоже отбросить — раз не сохранилось, то как бы и не было?

А в третьих, даже историю «письменных» народов часто создавали пост-фактум, на основе воспоминаний и устных преданий. Так, историю Древнего Египта «вспомнил» по требованию македонских правителей жрец Манефон, историю Древнего Рима «вспоминали» по заказам римских хозяев греческие учителя, а единую историю Древней Греции воссоздавали из фрагментов и осколков европейские профессора в XVIII—XIX вв., поскольку и единой Эллады в древности не существовало.

И хотя именно такая, реставрированная «из будущего», история древнего мира принята сейчас за основу фундаментальной науки, доверять ей можно далеко не всегда. Потому что составлялась она крайне некритично. Тот же Манефон мог плести что угодно — македонские завоеватели этого все равно не знали. Греческие ученые заведомо льстили римлянам, абы их не обидеть. А «просвещенные» профессора Европы были влюблены в эллинов и римлян, идеализируя их в меру собственной

фантазии. Принятая методика не критического пользования «классикой» таит в себе еще одну опасность. Ведь каждый народ создавал исторические труды для себя, со своей точки зрения. В своей собственной системе координат. И, допустим, в древнегреческой системе координат предстает в виде «варваров» цивилизация Персии, куда более высокая, чем у самих греков. Западная Европа тоже имела собственную систему координат. Но сочла себя «наследницей» греков и римлян, и на эпоху древнего мира переняла *их* точку зрения.

Своя система исторических координат была и на Руси. Но только до XVIII века. Когда западное «просвещение» подменило ее собственной. После чего... мы стали смотреть на собственное прошлое *чужими глазами!* Что из этого получилось? Простой пример. Допустим, вы живете на одном этаже со многими соседями. И насколько вам было бы интересно, если бы ваша биография, описание жизни вашей семьи составлялись не из подлинных событий, трудов, достижений, а из того, что думает о вас и ваших близких алкоголик, обитающий за стеной? Из оценок бабки-сплетницы, проживающей напротив? А между тем с нашей историей именно такая штука и произошла.

Вот и давайте попробуем взглянуть на нашу древнейшую историю не с точки зрения римлян или германцев, а со своей. Установив эту самую систему координат на территории России. Конечно, за недостаточностью источников, мы будем пользоваться и данными чужеземных авторов. Но смотреть на эти данные будем из собственного «начала координат», в соответствии с собственными условными осями «икс», «игрек» и так далее. Мы на них, а не они на нас. Ведь наверное, так будет правильнее.

Но... опять встает вопрос, поставленный в начале главы. С чего начать? С Адама, как начинали свои хроники авторы Средневековья? Пожалуй, это было бы некорректно. Под Адамом, наверное, правильнее понимать некое обобщенное «первочеловечество». Исследователи уже обратили внимание, что в Ветхом Завете, в родословных Книги Бытия и 1-й Книги Паралипоменон под именами тех или иных потомков Адама фигурируют целые народы. И речь идет об их происхождении, степени родства друг к другу.

Взять за исходную точку возникновение человечества? Однако и этот вопрос неоднозначен. В археологической и геологической литературе многократно описывались находки останков людей современного вида в геологических слоях среднего и даже раннего плейстоцена. То есть их возраст должен был бы составлять 100—150 млн. лет. Существует теория катастроф, согласно которой нынешнее человечество произошло от неких працивилизаций, погибших в результате космических катаклизмов. Я подробно касался этих гипотез в книге «Русь: дорога из глубин тысячелетий», поэтому не буду здесь повторяться.

Правда, большинство ученых объясняет слишком древние находки останков нарушениями строгих требований геологической датировки. А происхождение человека выводит по теории Дарвина. Несмотря на то, что сейчас уже доказана ее ошибочность. Возникновение тех или иных видов животных и растений шло отнюдь не эволюционным путем, не постепенным изменением их признаков под влиянием внешней среды, а путем «революционным», через мутации. Что вполне соответствует библейской традиции о сотворении их по воле Божьей. Но рассмотрение и критика биологических концепций не входят в тематику этой книги. Поэтому выберем начальный временной срез в какой-то мере произвольно. Такой, где человек уже заведомо существовал. А именно эпоху XXV—XV тыс. лет назад.

В это время значительную часть Северного полушария Земли закрывал гигантский ледник. В Европе он доходил до Валдая, в Америке до Миссисипи. Но области, прилегающие к леднику, в том числе и российские, были не похожи на современную тундру. Тундра — замерзающее болото, напитанное водой и покоящееся на слоях вечной мерзлоты. А в ту эпоху климат был намного холоднее нынешнего, но и намного суше. Значительное количество воды сконцентрировалось в самом леднике. И на земной поверхности суша занимала гораздо больше места, чем теперь.

Англия, например, составляла одно целое с континентом, как и дно Северного и Балтийского морей. В Атлантике существовали большие острова в районе о. Рокколл, на месте Большой Багамской банки, подводных хребтов Срединно-Атлантического и Сьерра-Леоне, Канарского архипелага, подводного архипе-

лага Подкова. В Индийском океане был континент, объединявший Сейшельский архипелаг с прилегающим подводным плато, Мадагаскар и изрядную территорию южнее его. Много затонувших ныне островов располагалось и в Тихом океане — скажем, на месте подводного хребта Сала-и-Гомес. А современные острова были значительно больше по площади. Не было Берингова пролива, Азия соединялась с Америкой. А в Северном Ледовитом океане были сушей хребты Ломоносова, Менделеева, окрестности Шпицбергена, Новой и Северной Земли, Новосибирских островов, острова Врангеля.

В результате всего этого, как и более низкой температуры, испарение воды в атмосферу было меньше. И кроме того, трехкилометровая толща ледника, как горный массив, закрывала Восточную Европу от атлантических циклонов. Поэтому природа здесь, скорее, напоминала не тундру, а альпийские луга с обильными травами, кустарниками, а южнее и лесами. Это позволяло кормиться огромным стадам травоядных, даже таких крупных, как мамонты. А значит, имелась база и для пропитания людей.

Впрочем, и люди в ту эпоху имели не только расовые, но и биологические различия. Кроме человека современного типа еще сохранялись неандертальцы. Плосконосые, с приплюснутым лбом и массивными надбровными дугами. Объем мозга у них был уже таким же, как у нынешних людей, если не больше, хотя о количестве извилин, нам, разумеется, ничего не известно. Распространены они были весьма широко, их останки находят в Англии, Бельгии, Франции, Германии, Испании, Италии, Югославии, Чехии, на Балканах, в Крыму, Украине, на Волге, в Средней Азии, Африке, Палестине, Иране, Ираке.

Неандертальцы уже использовали каменные орудия труда — рубило, скребло. Иногда строили примитивные жилища наподобие шалашей круглой формы (найденно на Украине на стоянке Молдова-1). Знали огонь, который поддерживали постоянно. Одевались в шкуры, но не умели их шивать. Исследователи выделяют разные типы неандертальцев — европейский, африканский, азиатский. И как раз от них-то дарвинисты выводят человека современного, Homo Sapiens. Дескать, скрещивались между собой эти самые европейские, африканские, азиат-

ские, вот вдруг и получился совсем другой человек. Где получился? Ну конечно же, в «Благодатном полумесяце»! То есть в районе, охватывающем Месопотамию, Ближний Восток и Египет.

С «Благодатным полумесяцем» по ходу книги нам еще придется статкиваться неоднократно. Дело в том, что западная историческая наука формировалась в Средние века под сильным влиянием античных источников, ученых арабов и евреев, а позже — масонских школ, склонных производить всю человеческую цивилизацию исключительно с Ближнего Востока. Эти теории были подхвачены и российскими западниками. И с «Благодатным полумесяцем» связывалось буквально все — зарождение металлургии, гончарного, ткацкого дела, строительства, письменности. И само появление человека вписали сюда же. Обосновывая весьма «научно»: «Тип современного человека сложился в центре ойкумены, по-видимому в Передней Азии и Средиземноморье, вследствие интенсивного смешения различных представителей неандертальского типа, происходившего в центре ойкумены сильнее, чем в ее окрестностях» [150]. А доказательство приводится одно-единственное — в 1931—1932 гг. в Палестине в пещере Мугарэт эс-Схул были найдены останки гибрида от неандертальца и Homo Sapiens.

При этом умалчивается одна «мелочь» — ребенок неандертальско-человеческого происхождения был маложизнеспособным. И на самом-то деле данный пример является не правилом, а редчайшим исключением. По той простой причине, что неандертальцы были каннибалами. Вот этому доказательств найдено предостаточно в виде костей, обожженных и расколотых для извлечения мозга. Причем кушали не только людей вида Homo Sapiens, но и себе подобных. Вероятно, даже и членов своей общины. Поскольку были существами далеко не всегда дружными, нередко затевали драки между собой, и археологи обнаруживают на многих неандертальских черепах прижизненные пробоины, сделанные камнями и рубилами в руках ближних. А если палестинскому неандертальцу захотелось использовать пойманную «человечиху» не в качестве бифштекса, а по-иному, значит, еды в этот момент хватало. Или собственная самка погибла. Словом, «любовь зла»...

По-видимому, в легендах и сказках различных народов неандертальцы отразились в виде циклопов, троллей, гоблинов, джиннов и прочих персонажей, с коими лучше не встречаться. Ни причин, ни поводов для дружбы с ними у людей *Homo Sapiens* не было. Сами же люди *Homo Sapiens* в описываемое время тоже широко распространились по лику Земли. Но только миф о «Благодатном полумесяце» как прародине цивилизации, если уж следовать строгим фактам, трещит по швам. Развитие культуры и техники человечества действительно шло очень неравномерно. Однако как раз Африканско-Средиземноморская область с Ближним Востоком в данном плане весьма «отставали».

Чему имелись и вполне объективные причины. Сам по себе этот «полумесяц» еще не был «благодатным». Как уже отмечалось, массив ледника, а также антициклон, постоянно стоявший над ледником, не пропускали на равнины Евразии атлантические циклоны, и они, неся влагу, проходили южнее. Ближний Восток и Средиземноморье представляли собой зону густых лесов. А охота в лесу на зверя, прячущегося в чаще, — занятие очень трудоемкое и малоэффективное. И главным занятием местных людей являлось собирательство. Самый примитивный способ добыть пропитание. Поэтому они вели сугубо кочевой образ жизни. Не строили постоянных жилищ и селений. Бродили маленькими группами — большие не смогли бы обеспечить себя пищей. Захоронения их бедны. Очень мало костяных орудий, чаще каменные, плохо обработанные. Точно такая же картина наблюдается в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии.

Хотя в это же время существовали очаги куда более высокой культуры. Например, в Индии. В 1979 г. индийский ученый Д.Ф.С. Дварикеш обнаружил в джунглях штата Мадхья-Прадеш комплекс из 600 пещер с довольно совершенными барельефами, скульптурами, разноцветными настенными рисунками людей, животных, растений. Причем изображения Луны и других тел Солнечной системы свидетельствовали о существенных познаниях древних обитателей в области астрономии. Кроме живописи и скульптуры, в пещерах сохранились пиктографические надписи и даже целые тексты — и возраст их, как было

установлено с помощью радиоуглеродного анализа, составляет около 25 тыс. лет! [38]

Вероятно, имелись и другие очаги «цивилизации» каменного века — скажем, оставившие свои следы на островах Океании. Но в данной работе нас интересуют не они, а территория нашего отечества. И отметим, что самый обширный регион относительно высокой культуры протянулся широкой полосой по областям, прилегающим к леднику. От Западной Европы до Восточной Сибири. Что тоже объяснимо. Здешние природные условия — степи, богатые растительностью и стадами животных, были идеальны для облавной охоты. Способной снабдить пропитанием довольно большие группы людей.

Но облавная охота сама по себе требует крепкого, организованного коллектива. Судя по археологическим данным, как раз такие коллективы здесь возникли и успешно существовали. И еще небезынтересный момент — неандертальцев в околледниковой зоне не было. То ли климат для них тут оказывался слишком холодным. То ли сплоченные охотничьи общины умели обезопасить себя и не допускали в свои края столь нежелательных «соседей». Предоставляя им меситься и скрещиваться друг с другом где-нибудь подальше. В Средиземноморье, Передней Азии...

УМЕЛЬЦЫ КАМЕННОГО ВЕКА

Когда мы говорим «каменный век», то обычно подразумеваем нечто совершенно дикое и примитивное — людей, кое-как прикрытых шкурами, прыгающих вокруг забитого мамонта и ютящихся в норах и пещерах. Именно такими изображают наших далеких предков иллюстрации школьных учебников. Однако фактам это не соответствует. Археологические находки, свидетельствуют, что люди ледниковой эпохи старались устроить свой быт с относительными удобствами, были весьма изобретательны. И умели оптимальным образом приспособиться к окружающей действительности. Кое-где жили действительно в пещерах — на Пиренеях, Урале, Енисее. Но естественные

пещеры встречаются все же редко. И обнаружены остатки жилищ, постоянных поселений — в Брянской, Черниговской, Гомельской, Курской, Владимирской, Воронежской областях, на Печоре, Ангаре, в Чехии.

Так, в Костенках под Воронежем найдены следы 60 поселений, возникавших здесь в течение нескольких тысячелетий. Выявлены остатки строений. Скажем, огромного жилища площадью 600 кв. м. Кровля удерживалась на подпорках-колоннах из бревен и бедренных костей мамонта, для каркаса использовались мамонтовые ребра и кости, которые затем покрывались шкурами и дерном. Обогревался такой «дом» девятью очагами, расположенными на равных промежутках по оси главного «зала». Из основного помещения можно было попасть в боковые пристройки, окаймлявшие жилище по всему периметру. Две из них были жилыми, с очагами — возможно, они предназначались для вождей. Одна пристройка являлась святилищем, здесь найдены вырезанные из мергеля скульптуры женщин, мамонта, медведя, пещерного льва. Остальные были кладовыми для продуктов, запасных кремневых орудий и инструментов.

Люди здесь уже знали лук — в Костенках найдены целые россыпи наконечников стрел. Обнаружены и своеобразные верстаки древних мастеров, сделанные из врытых вертикально крупных костей мамонта с приспособлениями для изготовления и обработки орудий труда и охоты. Один из девяти очагов служил не для приготовления пищи, а представлял собой постоянно действующую мастерскую для пережигания бурого железняка и сферосидерита и производства из них краски. Датируется поселение Ориньякской эпохой (XVIII—XV тыс. до н.э.) И не лишне отметить, что в пресловутом «Благодатном полумесяце» самые древние поселения относительно постоянного характера зафиксированы на 10 тыс. лет позже. Большие жилища, сходные с костенковским, открыты и в других местах — на Дону в Боршево, под Курском, в Чехии, Сибири.

Встречаются и строения меньшего размера, но более сложные по конструкции и более благоустроенные, со стенами, облицованными деревом. В Мезине на Черниговщине существовал целый поселок из 5 домов и различных служебных построек. Площадь их составляла от 8 до 30 кв. м, они были снабжены

1—3 очагами, и жило в них около 50 человек. Один дом был ритуальным, окрашенным охрой, его крышу венчала голова волка, а в пол была воткнута женская статуэтка. Подобные селения существовали на Брянщине, в Сунгири под Владимиром, в Бурети на Ангаре, в Мальте на р. Белой, на Печоре, Лене, Енисее. Но и пещеры, кстати, благоустраивались с помощью искусственных сооружений. Скажем, в Каповой пещере на Урале оборудовались хижины — «квартиры», а на второй, верхний ярус пещеры, который также был жилым, вела лестница.

Люди ледниковой эпохи уже хорошо умели шить и кроить одежду. Сохранившиеся изображения, статуэтки, раскопки захоронений показывают, что в разных местах «фасон» ее отличался. Иногда костюмы представляли собой плотно облегающий меховой комбинезон с капюшоном, оставляющим открытым только лицо. Иногда наряд был более сложным и состоял из нескольких частей — меховой или замшевой рубахи без разреза, штанов, мокасин, шапки-капора. Все это обшивалось бусинками из кости — в могилах находят порой по 3,5 — 7,5 тыс. бусинок.

Правда, как показывают найденные изображения и даже отпечатки тел на глине, внутри своих жилищ люди ходили совершенно голыми или носили нечто вроде «передничка», но прикрывая не переднюю, а заднюю часть — вероятно, чтобы не застудить ее, сидя на камнях и земле. Однако подобная бытовая особенность объясняется отнюдь не «дикостью», а просто рациональными соображениями. Как сейчас установлено, в жилищах, подобных костенковским, когда там горели все очаги и собирался на зимовку весь род, было довольно жарко и душно. Интересно отметить, что уже тогда была своя наука красоты. Украшением тел служили браслеты, связки бус, татуировка и ритуальная раскраска. Женщины делали себе разнообразные и сложные прически. На рисунках и статуэтках волосы у них то спадают вниз сплошной волной, то собраны концентрическими кругами, то уложены зигзагообразными рядами.

Главным источником существования служили коллективные облавные охоты. Так, в Амвросиевке на Украине пересчитаны черепа более тысячи бизонов, в Пршедмости (Чехия) найдены 40 тыс. охотничьих орудий и останки тысячи с лишним

мамонтов. А Костенки получили свое название как раз из-за того, что местные жители постоянно натыкались на залежи костей древних животных. Оружие и орудия труда изготовлялись из камня и кости, но обработка их достигла довольно высокого уровня, при раскопках находят иглы с ушками, шилья, наконечники стрел, копий и гарпунов, ножи, большие каменные или костяные кинжалы, изделия из кости с каменными вкладышами-лезвиями, каменные топоры.

Разницу в технологиях, в конструкциях жилищ обычно объясняют разбросом по времени. Так, поселки в Сунгири и Мезине, относят не к Ориньякской, а к Мадленской эпохе — XV—VIII тыс. до н.э. Но все это весьма приблизительно. Современная археология давно уже пришла к выводу, что принятая ранее классификация эпох, основанная на технологии обработки камня — «ранний палеолит», «поздний палеолит», «мезолит» и т.д., на самом деле оказывается довольно условной, а то и не совсем корректной. Потому что, судя по данным углеродного анализа, культура ледникового периода носила «очаговый характер». В одно и то же время в разных местах сосуществовали совершенно разные уровни техники. Где-то еще пользовались грубыми, почти необработанными камнями, а где-то применялась микротехника, ретуширование, шлифовка. В том же палеолите наряду с самыми примитивными орудиями кое-где обнаруживаются копья с наконечниками из кости и рога, гарпуны, луки со стрелами, шлифованные топоры, копьеметалки — дощечки с упором, увеличивавшие дальность полета копья почти вдвое.

Возможно, различными технологиями и орудиями пользовались разные народы и племена. В Восточной Европе в данную эпоху по соседству (или в относительном соседстве) обитали еще неандертальцы (в Крыму) и четыре расы человека современного типа. Жили два типа европеоидов — кроманьонцы и «пршедмость», различающиеся ростом, сложением, формой черепа. Жили «люди из Сунгири» — сочетавшие в себе европеоидные и монголоидные черты. И племена негроидов, так называемая «гримальдийская раса», близкая меланезийцам или папуасам. Хотя объяснение разницы технологий может быть и иным. Они могли зависеть просто от потребностей человека —

для черной работы использовали более грубые орудия, а там, где это требовалось, более совершенные.

Кстати, само по себе использование камня или кости для изготовления орудий труда вряд ли можно считать показателем «отсталости». Известно, что в Древнем Египте кремневые изделия широко использовались вплоть до начала нашей эры — они были дешевле, чем металлические. В американских цивилизациях ацтеков, инков, майя, знавших металлы, люди предпочитали каменное оружие и орудия труда, считая их надежнее медных и бронзовых. Да и во времена Киевской и Московской Руси для охоты на птицу или мелкого зверя долгое время использовались не железные, а костяные наконечники стрел, более дешевые.

И упрощать, примитивизировать представления о людях каменного века, право, не стоит. В нескольких местах археологами обнаружены куски трута и части деревянных приборов для добывания огня трением. И лампы для освещения жилищ — из камня с углублением, куда заливался жир и вставлялся фитиль. На Енисее уже в те времена научились топить каменным углем, а в Дольне Вестонице (Чехия) обнаружены изделия из обожженной глины (опять же, на десяток тысяч лет раньше, чем на Ближнем Востоке). Иногда находят терочки и мотыги — следовательно, даже и в ледниковый период там, где это было возможно, охота уже дополнялась зачатками земледелия.

Люди знали принципы консервирования, заготавливая на зиму некоторые травы и корни. Заготавливали и желуди, удаляя из них дубильные вещества. Были известны и некоторые технологии, которые впоследствии оказались утраченными — например, размягчения кости. Так, некоторые найденные образцы рисунков по кости были не вырезаны, а продавлены. Попадают ученым и цельные дротики, сделанные из бивней мамонта, которые каким-то образом распрямлялись. Была и своя медицина — практиковалось лечение переломов, вывихов, удаление больных зубов. Использовались лекарственные травы.

А в селении Мальта в Прибайкалье недавно обнаружена настоящая мастерская, а то и «фабрика» по изготовлению каменных орудий. На которой, по оценкам специалистов, трудилось до 200 человек! Причем производство тут велось по типу

конвейера, одни мастера откалывали заготовки, другие вели их грубую обработку, третьи более тонкую, четвертые занимались окончательной доводкой изделий. Само наличие столь крупного производства показывает, во-первых, существование межродовой, а то и межплеменной организации, поскольку численность обычных охотничьих общин составляла 40—50 человек. А во-вторых, производство таких масштабов должно было носить «товарный» характер. Продукция предназначалась для меновой торговли.

Имеются и другие доказательства, что подобная торговля имела место. Кремень, самый подходящий материал для каменных изделий, можно найти далеко не везде. А изделия из него распространены повсюду. Следовательно, он был «товаром» для обмена. Еще одним «товаром» являлась охра. Она занимала какое-то важное место в верованиях древних людей. Ее использовали для ритуальной раскраски, ею натирали священные изображения и статуэтки, покрывали стены ритуальных строений. И в захоронениях, уложив покойника, обязательно засыпали его охрой. Это было распространено и в Западной Европе, и в Восточной, и в Сибири. Хотя сырье для приготовления охры тоже встречается не везде. А с другой стороны, в различных регионах — на Черниговщине, во Владимирской области, на Урале, в Сибири археологи находят застежки для одежды и украшения из морских раковин. Что подтверждает торговый обмен между весьма отдаленными местами.

Богатым был и духовный мир людей каменного века. У них существовали какие-то неведомые нам религии, явно выраженные эстетические потребности. Достаточно вспомнить великолепные наскальные росписи на Пиренеях в пещерах Альтамира, Лоссели, Ля Мут, Ля Мадлен, Ляско, Трех Братьев. Или на Урале в Каповой, Игнatieвской пещерах, в Медвежьей пещере на Печоре, в пещерах Афонтовой горы на Енисее, на Алтае, Ангаре. Некоторые пещеры являлись крупными святилищами. И, очевидно, как и мастерская в Мальте, имели межплеменное значение. В Лоссели на каменных плитах у входа выбиты барельефы нагих женщин, каждая держит в руке рог, и судя по результатам химического анализа, центральную фигуру натирали охрой. Напротив расположен другой барельеф — мужчина с копь-

ем и лань. А вход в пещеру Ля Мадлен «охраняли» две женские фигуры — рядом с одной изображена лошадь, со второй бизон. В нескольких пещерах обнаружены места, где священные предметы и рисунки соседствовали с многочисленными следами детских и юношеских ног. То есть там находились какие-то древнейшие школы, которые одновременно были и местами для инициаций.

Практически во всех местах поселений попадаются статуэтки птиц, львов, медведей, носорогов и других зверей. Из камня, глины, кости, дерева. Нередки и фигурки людей, в основном, женщин — очевидно, они имели ритуальное значение и относились к культу плодородия. Это очень полные «палеолитические Венеры» с непропорционально большими грудями, животом и лоном. Порой они практически целиком состоят из гипертрофированных признаков пола. Только в Костенках таких «Венер» найдено более 60, в Мезине — 30. Но встречаются и другие типы изображений. В Мезине и в Гагарине найдены две статуэтки танцующих женщин, в Дольне Вестонице — девичьи фигурки и даже портретная скульптура. А иногда наряду с изображениями людей и животных попадают фигурки или рисунки разных фантастических существ.

Существовали уже все типы музыкальных инструментов — и духовые (флейты), и ударные — барабаны, и струнные, сделанные наподобие луков на основе из дерева или бивня мамонта, и разнообразные трещотки, погремушки, наборные браслеты из костяных пластин, гремевших в такт движений танцора. Например, в Мезине в «ритуальном» доме обнаружены 2 колотушки, 6 костяных барабанов, браслет с погремушкой и... нанесенным на него лунным календарем. Да, наши предки явно интересовались астрономией. В различных селениях ледниковой эпохи археологам встречаются лунные и солнечные календари с отмеченными на них точками равноденствия. Рисунки, обнаруженные на Алтае академиком Окладниковым, также доказывают, что люди каменного века наблюдали за небесными светилами и вели учет лунных фаз. А на Малой Сые (Сибирь) найдены остатки настоящей «палеолитической обсерватории».

Но наряду с астрономией важное место в быту и верованиях людей играла и магия. Использовался, например, «прин-

цип подобия» — чем больше и чем лучше нарисовать животных, тем больше появится и настоящих аналогов. Практиковались и направления, которые впоследствии были отнесены к «черной» магии. Вроде «убийства изображения». Нарисованное животное пронзается нарисованными стрелами и копьями, иногда на изображении находят царапины от реальных наколечников, что, по магическим представлениям, должно помочь убить аналог. Точно таким же способом наводили пагубу средневековые колдуны, рисуя или делая куколку человека и протыкая иглами. А на некоторых фигурках людей, изготовленных в каменном веке, имеются специальные углубления, куда вкладывались частицы жизнедеятельности реального человека — волосы, ногти и т.п. То есть, изображение «связывалось» с конкретным лицом. Это могло быть ритуалами некромантии — с целью «притянуть» дух умершего человека и «вселить» в фигурку, чтобы он еще послужил племени. Могло служить и другим целям. Допустим, «прилюбить» понравившееся лицо.

О бытовых особенностях и традициях тех далеких времен мы, конечно, знаем слишком мало. А предположения весьма расплывчаты. Например, существуют гипотезы, что в тогдашних общинах, обитавших в больших жилищах, мужчины и женщины одного поколения свободно сходились друг с другом. А потом, мол, был введен запрет на брачные союзы внутри одного рода. За неимением достоверных знаний исследователями берутся «аналоги» — современные охотничьи племена Африки, Амазонии, Австралии. Что вряд ли может быть принято, так как быт этих племен определяется собственными традициями и верованиями, а отнюдь не общеисторическими закономерностями. Отметим лишь, что в мифологиях различных народов древние боги и впрямь не стеснялись сходиться со своими близкими родственницами. А в исторически известные времена в традициях некоторых этносов вполне допускались, а то и поощрялись браки братьев с сестрами. Но чаще образовывались союзы из двух дружественных родов, и жен или мужей полагалось брать не из своего, а из другого рода. Хотя формы семейных отношений бытовали разные — у одних народов практиковались групповые браки, у других полигамия или полиандрия. Вероятно, различались обычаи и в каменном веке.

Были отличия и в похоронных обрядах. Какие-то представления о загробной жизни, несомненно, существовали у всех. Умерших обычно хоронили в лучших одеждах и украшениях, часто клали в могилы орудия труда и охоты. И засыпали их древесным углем, известью, охрой. Однако встречаются захоронения с рядом особенностей. Так, в Сунгири во Владимирской области рядом со следами двух поселений были похоронены двое детей, мальчик и девочка. Над ними через два года похоронили женщину — без головы. А еще через несколько лет мужчину в возрасте около 60 лет и женский череп. По-видимому, голова жены, умершей раньше мужа, оставалась у него в качестве талисмана или вместилища ее духа. Кстати, как мы видим, здесь люди жили четко определенной семьей.

А на Ангаре в Бурети в 1934 г. нашли коллективный могильник с захоронением мужчины, женщины и ребенка, причем тазовая кость женщины оказалась пробита наконечником стрелы. То есть опять мы видим вполне выраженную семью. Сделавшие эту находку академик Окладников и чешский ученый Хрдличка предположили, что супругу и малолетнего отпрыска преднамеренно отправили на тот свет в связи со смертью главы семьи. Но это сомнительно. Зачем в подобном случае понадобился бы расстрел из лука? И неужели опытный древний охотник так плохо стрелял, чтобы в процедуре ритуального умерщвления стоящей перед ним жертвы попасть ей не в грудь или в голову, а в низ живота? Логичнее считать, что семья погибла в боевом столкновении.

Правда, нельзя исключать, что в каких-то из тогдашних племен действительно существовали обычаи избавления от «лишних едоков». Впоследствии среди древних греков и римлян ходили легенды о гипербореях, которые летом занимаются хозяйством, а зимой «скрываются в пещерах». И по этим легендам старики гипербореев, когда пресыщаются жизненными благами и устают от них, сами бросаются со скалы. Нетрудно понять, что такая традиция, если она действительно имела место, возникла совсем не от пресыщения, а наоборот. Но гипотеза Окладникова и Хрдлички о ритуальном убийстве вдов никакими другими находками не подтверждается. И «лишними едоками» в каменном веке женщины не являлись. Это же были не

хрупкие голливудские «герлз», шеголяющие изящными ножками и пупками в фильме «Миллион лет до нашей эры», а выносливые и физически развитые особы, ценные члены общины, способные и потомство производить, и тяжелую работу выполнять, и охотиться наряду с мужчинами.

А вот... существовала ли в то время история? Несомненно. Любое племя, любой народ тщательно сохраняет сведения о тех или иных экстраординарных событиях, старается передать память о них от поколения к поколению. В прошлой главе уже отмечалось, как бережно относились к «устным летописям» полинезийские вожди. Или возьмем пример с индейцами Аризоны: на месте кратера от падения метеорита они сообщали «бледнолицым», что здесь спустилось с неба божество в огненном облаке — а по данным радиоуглеродного анализа, произошло это аж 25 тыс. лет назад.

В жизни людей ледниковой эпохи важные события тоже случались. Допустим, природные катаклизмы. Или переселение негров-гримальдийцев. Оно прослежено археологами от Средиземноморья, прошло по Украине и Дону и достигло Нижней Оки. Ясно, что не обошлось без войн. При раскопках описанного выше селения в Костенках археологи пришли к выводу, что оно было брошено внезапно, в связи с внешней угрозой. А все статуэтки божеств были планомерно разбиты пришедшими врагами. При исследовании других поселений и захоронений в этом районе оказалось, что в более древних погребениях останки принадлежат к европеоидному типу, в следующих по возрасту культурных слоях захоронены негроиды, а потом — опять европеоиды.

Периодически встречаются захоронения связанных людей, принадлежащих к негроидной и европеоидной расам — возможно, пленников, убитых или принесенных в жертву. Впрочем, существует и другое объяснение — что свои же соплеменники связывали труп человека, умершего какой-то «нехорошей» смертью, чтобы его дух не начал вредить. Но в любом случае, войны с гримальдийцами были жестокими. Мулатов в Восточной Европе не осталось, так что результат очевиден. Вероятно, иногда происходили и столкновения меньших масштабов, за охотничьи угоды. А какие-то из племен тогдашней Евразии не

брезговали и людоедством — на некоторых стоянках археологи вместе с расколотыми и высосанными костями животных находят человеческие кости, точно так же расколотые и выеденные. И, конечно, если появлялись такие соседи, охотничьим общинам приходилось вести с ними борьбу в прямом смысле не на жизнь, а на смерть.

Но все же войны были тогда редким явлением, скорее — исключением, чем правилом. Об этом свидетельствует изобразительное искусство. Ни в наскальной живописи, ни в скульптуре военная тематика вообще не фигурирует. Только охота. Пока это было важнее, и именно от охоты, а не от успеха боевых действий обычно зависели жизнь и благополучие людей.

ЗЕМЛЯ, ОБНОВЛЕННАЯ ПОТОПОМ

Примерно 12 тыс. лет до н.э. началось таяние ледника. В истории этому соответствует «мезолит». Определен он весьма приблизительно — как уже отмечалось, в одно и то же время сосуществовали разные уровни развития людей. Но в целом мезолит представляет собой некий промежуточный этап между ледниковой эпохой и временами, когда климат, флора и фауна Земли приблизились к современным. Причины таких изменений называют различные. По некоторым теориям, они были вызваны катастрофой космического масштаба. Но есть и факты, свидетельствующие против подобного предположения — лунные и солнечные календари, упоминавшиеся в прошлой главе, соответствуют современным. То есть, заметного изменения положения Земли на орбите не произошло. И причины могли быть вполне «земными».

Например, обычные периодические колебания климата под влиянием солнечной активности — которая влияет на направление господствующих ветров с соответствующими последствиями. Нынче, кстати, стоит только случиться жаркому лету или «аномальной» зиме, ученые «светила» вместе с некомпетентными журналистами хором начинают вопить о «глобальном потеплении» и «необратимых изменениях», вгоняя в пани-

ку почтеннейшую публику. Что говорит о полном незнании истории авторами данных «сенсаций».

Если внимательно изучить хроники прошлого, то мы увидим, что колебания климата — для нашей планеты дело обычное, они происходят с цикличностью в 2—5 веков. И порой бывают куда более впечатляющими, чем сейчас. Например, в I в. до н.э. кочевники каждую зиму вторгались в Римскую империю по льду замерзавшего Дуная, а одна из битв произошла на льду Керченского пролива. Зато в X в. викинги назвали открытый им остров Гренландией — «зеленой землей», а не «белой», каковой она является сейчас. Разводили скот на зеленых гренландских лугах, а Канаду окрестили «Винланд» — там рос дикий виноград. В том же X в. уровень Каспия поднялся на 7 метров из-за таяния ледников на близлежащих горах и усилившегося притока воды... А эпоху XVI—XIX вв. палеогеографы именуют «малым ледниковым периодом», она характеризовалась сильным похолоданием.

Вот и древний ледник под влиянием таких потеплений и похолоданий должен был то подтаивать, то нарастать. И в один прекрасный момент процесс стал необратимым. Причем, как логично показал Л.Н. Гумилев, таяние шло неравномерно. Ледник мог нарастать только с запада под влиянием атлантических циклонов, осаживающих на нем влагу. Но сами же ледяные горы не пропускали эти циклоны дальше, и с восточной стороны ледник подтаивал под лучами солнца. Таким образом не только отступал на север, но и сдвигался с востока на запад. Эта теория подтверждается текстами древнеарийской «Авесты», где царь Йима по указаниям Бога — Ахурамазды трижды «расширяет землю» для заселения ее людьми и животными — через 300, 600 и 900 лет, и всякий раз площадь земли увеличивается на одну треть. Но потом приходят большие снега с суровыми морозами. А потом — все затопляет «обильная вода». И от этих бедствий Йиме с его родом приходится спасаться в построенной ими «варе».

Действительно, отступление ледника сперва было для людей благом — «расширялась» земля, пригодная для стад травоядных. Множилось их поголовье, следовательно, было хорошо и охотникам. Но по мере дальнейшего сдвига ледника на Евро-

пейскую равнину прорвались циклоны с «ледовитой» в то время Атлантики. Холодные, с массами снега. Животные не могли добывать из-под него пищу, погибали. А почва из-за сильного увлажнения стала заболачиваться и зарастать лесами. Все данные говорят о том, что процесс был очень долгим. Если даже небольшая часть ледника, сползшая в 2002 г. с гор Северной Осетии должна, по расчетам ученых, таять 12 лет, то дрейф и таяние древнего ледника растянулись на тысячелетия. И люди мигрировали в более благоприятные края. В этот период поселения с относительно высокоразвитой культурой распространяются на Кавказский регион, Среднюю Азию.

Какая-то часть древних охотников уходила и на север. В области, которые все еще прикрывал ледник, куда отступали стада мамонтов, носорогов, бизонов, лошадей, оленей. Это подтверждается и археологическими данными, согласно которым север Европы сперва заселялся с востока. Поселения распространялись от Среднего Урала — и до Прибалтики. Скорее всего, именно тогда родились легенды о «гипербореях» — людях, живущих «за» холодным северным ветром. Ведь прорвавшиеся в евразийские степи циклоны и впрямь разделили людей каменного века полосой снежных тундр и болот.

Плиний Младший писал о стране гипербореев: «Здесь, по общему верованию, находится мировая ось и самые отдаленные пути звезд, здесь полгода бывает светло», то есть описывает природу Заполярья, хотя ни сам он, и никто из античных авторов, естественно, на Крайнем Севере не бывал. Точно так же в «Тайттирии-Брахмане», «Ведах», «Авесте» описывается прародина людей, где год делится на один долгий день и одну долгую ночь, в «Ригведе» рассказывается о поведении солнца вблизи полюсов и полярном сиянии. Строгие математические расчеты, подтвердившие полярное происхождение многих небесных явлений, описанных в древнеарийских преданиях, произвел в свое время индийский ученый Балгангадхар Тилак.

Многочисленные следы «Гипербореи» открыты экспедициями Е.С. Лазарева на Кольском полуострове. Хотя существуют теории, что эти предания и находки относятся к доледниковым временам, к легендарной Арктиде, которую ариям пришлось покинуть в результате космической катастрофы и начала

оледенения. Что ж, может быть и так. Но что касается гипербореев, то Плиний и ряд других авторов отмечают, будто они летом занимаются хозяйством, а зимой «скрываются в пещерах» — а это, как нетрудно понять, соответствует реалиям ледникового периода. И еще отметим, что во всех легендах Гиперборея — страна сказочного изобилия и счастья. Там всегда царит весна, земля сама кормит людей, они отличаются завидным долголетием и проводят жизнь в веселье и радости. В самом деле, охотничьи общины, уходившие на север вслед за ледником, сохраняли прежний «золотой век» с относительно мягкими погодными условиями, стадами животных, дающими богатое пропитание.

Людам, остающимся на прежних местах или отошедшим южнее, это и впрямь должно было казаться «золотым веком». Им приходилось труднее. В их краях дичи оставалось значительно меньше. И лесная охота, в отличие от степных облав, не могла давать аналогичное количество мяса и жира. Но тем не менее люди приспособлялись, выживали в изменившихся условиях. Главным продуктом их рациона становится рыба. Поселения перемещаются на берега рек и озер. Среди археологических находок попадаются многочисленные новые изобретения — рыболовные крючки, плетеные верши, сети из волокна ивовой коры, гарпуны.

Да, человек приспособился. И техника его продолжала развиваться. Он жил теперь в лесах, и для изготовления орудий труда и предметов обихода все в большей степени использовал дерево. Все шире распространяются топоры, тесла, кирки, режущие инструменты из кости и дерева с лезвиями из кремневых вкладышей. Появляется и первое домашнее животное — собака. Она тоже старалась приспособиться к изменениям природных условий и нашла источник пищи вблизи человеческих селений, где ей перепали отходы.

И культурного «упадка» человечества не произошло. Наоборот. На Севере строились впечатляющие культовые сооружения, сохранились выбитые на скалах масштабные изображения, имевшие ритуальный и астрономический характер. Развивалась тогдашняя наука. Начиная с эпохи мезолита древние медики — знахари или жрецы — уже умели производить тре-

панацию черепа. А в одном из захоронений Шанидара (Средняя Азия) найдены останки мужчины, рука которого была ампутирована задолго до смерти — и заменена протезом!

Но затем постепенные изменения климата вдруг сменились лавинообразными. Катастрофическими. Где-то в VIII тыс. до н.э. гигантский ледник, продолжая сдвигаться с востока на запад, начал съезжать в Атлантический океан. И разрушаться. Огромные айсберги дрейфовали на юг, таяли. Резко стало меняться альbedo Земли — доля солнечной энергии, которая поглощается планетой, а не отражается от нее. Поверхность воды поглощает ее куда лучше, чем ледяные поля. И процесс таяния пошел бурно, разрушая и те участки ледника, что еще оставались на континентах...

Это и определило Всемирный Потоп, отраженный в Библии и отмеченный в мифологии практически всех народов — в шумерской, вавилонской, греческой, малайской, полинезийской, индийской, китайской, вьетнамской, иранской, германской, сказаниях американских индейцев, народов Африки. Между прочим, попытки современных «просвещенных» ученых отрицать Потоп выглядят просто каким-то диким, ничем не мотивированным упрямством. Дескать, не было, и все тут — поскольку для человека от «науки» верить Библии не положено. И до сих пор школьные учебники преподносят детишкам версию, будто «миф о Потопе» породили разливы Тигра и Евфрата, а уж от шумеров и вавилонян его переняли в других странах.

Хотя строгие научные факты показывают, что *по окончании ледникового периода Потопа не могло не быть*. И именно *Всемирного!* Нынешний уровень Мирового океана по сравнению с ледниковым периодом поднялся на 100—130 метров! Были затоплены огромные участки земной поверхности. Так, на дне пролива Ла-Манш обнаружено «продолжение» реки Сена, составлявшей некогда одну систему с реками Британии, а на дне Северного моря — «продолжение» Рейна. Там же, под водой Северного моря обнаружен торф сухопутных болот и найдены изделия людей каменного века. У берегов Норфолка выловлен в куске торфа костяной гарпун того же вида, как обнаружены в близлежащих сухопутных регионах. Подобные находки известны и на других участках Северного и Балтийского морей

от Ганновера до Вислы. Затопило множество обширных островов и микроконтинентов в Северном Ледовитом, Атлантическом, Тихом, Индийском океанах — тех, о которых упоминалось в первой главе, и запечатлевшихся в легендах об «Арктиде», «Атлантиде», «Лемурии», «Пацифиде». Взгляните-ка на карты океанов. Везде, где глубины показаны самыми светлыми тонами, до 100 — 130 м, все это было сушей!

А первоначально, пока массы воды не перераспределились по земной поверхности после бурного таяния, пока они не стекли в подземные разломы, не осели частично в шапках современных полярных ледников, уровень мог быть и раза в два выше. Вода залила современные низменности. Причем все в нашем мире взаимосвязано, и катастрофа такого масштаба, столь резкое нарушение геологического равновесия и теплового баланса, конечно, должно была сказаться и активизацией тектонических процессов — землетрясений, цунами. И атмосферными катаклизмами — ураганами, ливневыми дождями, снегопадами, туманами. Так что и впрямь «разверзлись хляби земные и хляби небесные».

Разумеется, вода залила не всю Землю. И спасся не один лишь Ной с семьей. Ветхий Завет передал информацию о столь далеком прошлом образно. Но у народов мира сохранилась память именно о всемирном характере бедствия. И об огромных понесенных жертвах. Почти все легенды рассказывают о немногих уцелевших, которые и выступают «прародителями человечества». У ариев это 2 тыс. человек, спасенные Йимой, в Шумере — Зиусудра, в Вавилоне — Атрахасис, в Урукке — Утнапишти, у индусов — Ману и семь праведников, у греков и сирийцев — Девкалион и Пирра, у скандинавов — Лив и Ливтрасира, у бриттов — Двиван и Двивах, у вьетнамцев — два брата и две сестры, у германцев — Бергельмир с женой и детьми и т.д. Везде они спасаются по-разному — кто в ковчеге, кто в крепости-«варе», кто в ящике, на плоту, на высоком дереве, на горах.

Потоп привел к окончательному вымиранию мамонтов и прочих животных ледникового периода. Одни утонули при затоплении шельфов Северного Ледовитого океана — впоследствии штормы часто выносили на берег мамонтовые бивни. Другие погибли от бескормицы в северных тундрах и на островах.

Из древних бесчисленных стад выжили только северные олени, сумевшие перейти на питание тундры. Исчезли и неандертальцы. Им было труднее, чем человеку *Homo Sapiens*, приспособиться к новым условиям. А оставшихся, вероятно, истребили люди, осваивая новые регионы. Они были лучше организованы и лучше вооружены. Флора и фауна приобрели современный вид.

Таким образом Всемирный Потоп явился не только катастрофой. Он преобразил лик Земли. Стал как бы предвестником Крещения планеты, удалив с нее «лишнее» и открыв пути развития современному человечеству. Но поначалу людям пришлось очень нелегко. Климат после Потопа долгое время оставался холоднее нынешнего, был гораздо более влажным. Почти вся Восточноевропейская равнина стала болотами, которые быстро заросли сплошными густыми лесами.

И одним из главных изобретений эпохи мезолита стала лодка. Сперва это были долбленки из цельного ствола дерева, внутренность которого выжигалась. Одна из таких лодок, очень хорошо сохранившаяся и датируемая VII тыс. до н.э., обнаружена на Дону. Лодка в болотистых чащобах превратилась в главное средство передвижения. И не только передвижения — основой питания оставалась рыба. Кочевать за ней не требовалось. И оседлые поселения людей распространились по всей Восточной Европе.

Они строились у слияния рек, вблизи богатых рыбой плесов и отмелей и состояли из 2 — 3 больших домов. Их конструкции были очень похожи на жилища охотников ледникового периода, только материалы применялись другие. Копалось углубление, ставился каркас из столбов, покрывался плетеной «арматурой», а поверх обкладывался землей и дерном. Дерн вскоре срастался, и получалось нечто вроде полого холма. Внутри горели в ряд несколько очагов, а по периметру стен устраивались нары, где спали люди. В потолке делалось отверстие для дымохода. Оно же служило входом в дом, к нему приставлялась лестница — ствол дерева с обрубками ветвей.

В каждом поселке обитало 30—40 человек. Реконструкции по методу Герасимова позволили восстановить их облик — это были сильные, рослые мужчины и женщины, в одних местно-

стях европеоидного типа, в других — с примесью монголоидных черт. Примерно такими же, как у древних охотников, были и их костюмы. На «улице» — меховые рубахи, штаны и мокасины, расшитые множеством бусинок, а внутри жилища люди одеждой себя не отягощали: вентиляция в их землянках оставляла желать лучшего, было душно. Впрочем, в совсем недавние времена чукчи и другие северные народы внутри жилищ тоже предпочитали обнажаться. Это оказывалось удобно и с санитарной точки зрения — прожарить одежду и самому «прожариться» от насекомых. А что касается бытовых неудобств, то люди их не замечали — ведь так жили из поколения в поколение,

Добыча рыболовства дополнялась сезонной охотой на водоплавающую птицу, охотой на лосей и других лесных зверей, сбором ягод, грибов, орехов, съедобных трав. Часть рыбы и птицы коптили на зиму, траву заквашивали в облицованных глиной специальных ямах. Совершенствовались орудия труда и предметы обихода. Широко внедрились такие технологии, как сверление, пиление, шлифовка. Люди научились лепить глиняную посуду, осваивали методики ее обжига. Развивалось искусство плетения, обычным предметом обихода стали корзины, которые иногда обмазывались глиной для хранения сыпучих продуктов. Да и горшки порой изготавливались на плетеном каркасе из прутьев.

По археологическим находкам видно, что и сами орудия труда стали приобретать «персональный» характер, их старались изготавливать такими, чтобы владельцу было приятно иметь хорошие вещи и работать ими. Лезвия каменных топоров тщательно шлифовались, гарпуны и кинжалы украшались причудливой резьбой. А по ряду косвенных признаков можно прийти к выводу, что у человека развивалось абстрактное мышление: прежде распространенная от Пиренеев до Урала «мадленская живопись» с детальными изображениями животных исчезла. А на смену ей приходят рисунки не менее искусные, но схематические, переходящие в системы символов и орнаментов. Существовала своя культура, религия. Строились святилища открытого типа. Вырезались из дерева идолы, некоторые из них сохранились в торфяниках и были обнаружены археологами.

Кладбища обычно отделялись от поселения — их устраивали на другом берегу реки, на каком-нибудь обособленном острове.

Новые технологии позволили изготавливать более совершенные конструкции. Начали строиться большие составные лодки. А зимой выпадало много снега, но одновременно морозы делали проходимыми реки и болота. И появляются лыжи, сани. Лыжи делались и плетеные, и цельнодеревянные, для лучшего скольжения обтягивались шкурами мехом наружу. Сани изготавливали уже составными, соединяя различные детали пазами и клиньями. Подобные средства передвижения позволяли преодолевать значительные расстояния. Лесные селения этой эпохи были очень редкими, разбросанными друг от друга на десятки, а то и сотни километров. Но жили они отнюдь не изолированно, поддерживали между собой регулярную связь. Организовывались крупные совместные предприятия вроде сезонных походов для добычи морского и озерного зверя.

Ладожское, Онежское, Белое, Чудское и другие озера были гораздо больше, чем сейчас. И на их островах существовали лежбища тюленей. Много морского зверя было на Балтийском, Белом морях. Охота на него могла дать значительное количество жира, мяса, шкур, сравнимое с облавными охотами ледникового периода. Для таких походов строились большие лодки, берущие на борт по 6—10 человек. И отправлялись эскадрами в десятки лодок. То есть в предприятиях участвовали люди многих поселков. Следовательно, существовала межродовая организация, контакты между собой. А раз такие контакты были, то, вероятно, устраивались и другие встречи, какие-то совместные ритуалы, праздники.

Археологические находки показывают, что люди эпохи неолита предпринимали дальние путешествия и для меновой торговли. Предметами ее были кремь для изготовления орудий труда, раковины для украшений, моржовая и тюленья кость, соль. Для таких сообщений была разработана стационарная система речных путей, снабженная «дорожными знаками» — это выбитые на больших прибрежных валунах отметки в виде следа босой ноги, которые кое-где сохранились до сих пор. Когда-то они обозначали направление движения, места поворотов из реки в притоки, волоки. Для сравнения отметим, что в Сре-

диземноморье в это время все еще обитали весьма дикие племена, замусоривавшие берега «кухонными кучами». Они питались за счет собирательства — тем, что вынесет прибой, главным образом моллюсками. И каждая стоянка отмечалась горами выеденных раковин.

ВСЕГДА ЛИ ПРАВДИВА НАУКА?

Прежде чем продолжить наше повествование, необходимо сделать отступление и коснуться методов, коими добываются сведения о прошлом. Ведь письменная история человечества прослежена лишь на интервале чуть больше трех тысячелетий, да и то фрагментарно, с огромными временными и пространственными «пробелами». А основной багаж информации составляет археология. Казалось бы — она «всемогуща», вскрывая неизвестные цивилизации и следы исчезнувших народов...

В действительности это не так. Потому что археологические находки надо интерпретировать. А методики подобной интерпретации весьма и весьма несовершенны. Обычно археология оперирует понятием «культура». Которые к самим древним народам имеют не прямое, а лишь косвенное отношение. Выделяются несколько характерных деталей, они и служат показателем принадлежности к той или иной археологической культуре. Причем выделить значительный комплекс бытовых предметов, однозначно определявший жизнь той или иной общности, удается крайне редко. Чаще берутся один-два признака. Например, тип захоронений. Или тип керамики. И всю территорию, где распространялись такие захоронения или керамика, относят к данной культуре. Подразумевается — к некоему народу.

Хотя на самом-то деле территория расселения этноса или границы государства вовсе не обязаны соответствовать археологической культуре. Тип захоронений определяется религиозными верованиями, а они могли быть близкими у нескольких народов. Могли и изменяться со временем. Ну а индикация с помощью керамики и прочих бытовых предметов способна дать еще более грубые ошибки. По мере технического про-

гресса и общения с соседями вещи совершенствуются, перенимаются друг у друга — каждому хочется иметь изделия лучше. И вот, допустим, где-то внедрилась мода расписывать свои горшки иначе, чем раньше. Разве после этого народ стал уже другим? Но по археологическим критериям получается именно так. Была одна культура, ее сменила другая. И вытекают предположения, что прежний народ куда-то ушел. Или был завоеван пришельцами, принесшими новую технологию.

Некорректность отождествления материальной культуры с этносами весьма образно продемонстрировал Л.Н. Гумилев, указавший, что археолог ХХ в. при изысканиях на территории Ленинграда «выделит «культуру глиняных горшков», «культуру фарфора», «культуру алюминиевых мисок», «культуру пластмассовых блюд». При раскопках жилищ он разнесет по разным «культурам» дворцы в стиле ампир, кирпичные доходные дома и блочные строения. Все эти дома он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особых этносов. А ведь для примера взята 250-летняя история одного города».

Еще проблематичнее дело обстоит с датированием археологических находок. В середине ХХ в. был открыт метод, основанный на исследовании радиоактивных изотопов, обладающих известным периодом полураспада. Чаще всего это радиоуглеродный анализ, измеряющий количество изотопа C_{14} . Данный метод произвел настоящую революцию в археологии, поскольку наконец-то позволил устанавливать абсолютный возраст находок.

Но по мере его использования выяснилось, что он не всегда применим, иногда способен давать значительные погрешности. Причем по мере увеличения возраста находок количество еще не распавшегося изотопа C_{14} в них уменьшается, и, соответственно, погрешность возрастает. Очень сложным и хлопотным оказывается выбор образцов для анализа, оценка правильности полученных данных — скажем, при определении возраста деревянного изделия радиоуглеродный анализ дает возраст дерева, а не изделия. Соседство с предметами, имеющими повышенный радиоактивный фон, способно значительно исказить результаты.

И вдобавок, основная база археологических данных накапливалась задолго до открытия радиоуглеродного анализа. Да и сейчас его используют не всегда и не везде — и из-за технических сложностей, и по финансовым причинам, поскольку это очень дорого. И в конце концов радиоизотопные методы остались вспомогательными. А в качестве основных наука до сих пор пользуется старыми методами «стратификации» и «типологии». Стратификация — это порядок залегания культурных слоев в раскопах, позволяющий определить не абсолютный, а относительный возраст находок. Что лежит глубже, то и старше. А на основе этого составляют типологические цепочки эволюции тех или иных предметов — керамики, оружия и т.д. Привязка подобных цепочек к абсолютным датам весьма условна. И не только условна, но и субъективна.

Допустим, удалось четко датировать разгромленный врагами древний город. Там найдены черепки кувшинов, мечи, стрелы, украшения. Это и будет «привязкой». От которой выстраиваются цепочки, пространственная и временная. Нашли в других местах похожие по технологиям изготовления черепки, мечи — и ученые начинают рассуждать, за сколько времени такие технологии могли распространиться от одного региона к другому. Рассуждать теоретически — не как было на самом деле, это остается неизвестным, а как думают сами ученые. И направления распространения технического прогресса тоже задаются заведомо предвзято, на основании старых «общепризнанных» мнений. Согласно коим все хорошее и полезное произошло... ну ясное дело, из «Благодатного полумесяца». А после него — из Древней Греции, Рима.

Предположим, нашли боевой топор в Месопотамии и второй похожий — в Прибалтике. Официальная наука второй топор обязательно датирует на несколько веков младше первого. Поскольку, мол, по авторитетным мнениям, такая удобная форма только за несколько веков могла дойти с Ближнего Востока далеко на запад. А гипотезы, что эта форма появилась независимо друг от друга в разных местах или была выработана на Западе и перенята Востоком, никто даже и рассматривать не станет. Как не соответствующие «общепринятым».

Есть и временные цепочки. От точек «привязки» в глубь столетий и тысячелетий выстраивается ряд аналогичных изделий по мере их упрощения. И в обратную сторону — по мере усложнения. Их датируют тоже условно и субъективно. На основании «общепринятых» мнений о скорости прогресса. Ага, дескать, вот этот топор, как мы знаем, относится к началу III тыс. до н.э. А этот похуже и попроще. Отнесем его к середине IV тыс. до н.э. А этот получше — значит, относится к середине III тысячелетия. И сама по себе подобная цепочка становится «линейкой», помогающей датировать другие предметы. Обнаружили в одном слое с более совершенным топором нож, гвоздь и бронзовое зеркало — и их тоже отнесут к середине III тысячелетия. Сочтут уже «датированными». И включают в типологические цепочки ножей, гвоздей и зеркал.

Как нетрудно заметить, методика может дать результаты очень сомнительные. И заведомо отрицает возможность опровержения устоявшихся взглядов новыми находками — ведь и сами «типологические цепочки», служащие мерилom возраста, построены на основе именно старых взглядов. Так, еще Тит Лукреций Кар в I в. до н.э. предложил деление истории на каменный, бронзовый и железный века. Насколько компетентным мог быть древнеримский мыслитель с точки зрения современной науки — вопрос риторический. Но его градация так и сохраняется до сих пор. При этом для бронзового века принят период III — II тыс. до н.э., а железный начинается с I тыс. до н.э. И любой бронзовый предмет будет датироваться только «официальным» бронзовым веком, а железный — железным. Иные версии в расчет приниматься не будут. Даже несмотря на то, что сама датировка бронзового и железного веков уже показала свою несостоятельность. И несмотря на то, что в разных регионах бронзовый и железный век сосуществовали в одно время.

К какой путанице может привести применение условной археологической хронологии, очень наглядно показал американский ученый И. Великовский [31, 32]. В одном и том же слое раскопок или одном захоронении нередко обнаруживаются предметы, которые по разным признакам и разными учеными датируются с разбросом в несколько столетий, а то и тысячелетий. И даже расшифрованные памятники письменности далеко

не всегда вносят ясность, поскольку каждая древняя цивилизация вела хронологию по-своему, обычно по годам правления очередного царя. А когда он правил, тоже бывает загадкой.

Наконец, следует иметь в виду, что археология доносит до современников далеко не все, а лишь сохранившиеся детали. Как писал Л.Н. Гумилев: «Дивная иконопись эпохи подъема византийской культуры стала жертвой иконоборцев. Роскошные золотые и серебряные украшения угров, аланов, русов и хазар были перелиты в монеты и слитки, а те разошлись по краям ойкумены. Чудные вышивки, тонкие рисунки на шелке, богатые парчовые одежды, тюркские поэмы, написанные на бересте, истлели от времени, а героические сказания и мифы о возникновении космоса были забыты вместе с языками, на которых их декламировали рапсоды» [61]. Вот и получается, что регионы, где люди использовали для изготовления своих произведений камень или глину, считаются на основании археологических находок «развитыми» и «культурными». А там, где жители предпочитали более удобные, но менее долговечные подручные материалы — отсталыми и «неисторическими».

Археология чаще всего не дает ответа, какой именно народ оставил те или иные памятники. На каком языке он говорил. Чем жил, о чем думал и мечтал, к чему стремился. Поэтому археологические данные — конечно, лучше чем ничего. Но для человека, желающего не защитить диссертацию, а получить собственное представление о прошлом, пользоваться ими надо с известной осторожностью. И уж во всяком случае критически оценивать «общепринятое».

Кроме археологии для исследования времен древнейших порой привлекается и лингвистика. Но здесь порекомендовал бы еще большую осторожность. Некоторый собственный опыт подобных исследований, проводившихся в 1993—1995 гг. для газеты «Вечерняя Рязань» вполне убедил автора — с помощью лингвистики можно доказать все что угодно! Сходные слова чрезвычайно легко производятся друг от друга и ложатся в то русло, которое вам потребуется.

Да и по другим причинам исторические выводы, основанные на лингвистике, часто бывают обманчивы. И порой смахивают на обычную подгонку к «общепринятому». Так, лингвис-

тическими методами доказывається, що скотіводство і металургія родились в Месопотамії: існуючи з шумерійських слів «нгуд» — «бык» і «уруду» — «руда». Потому що з «нгуд» різними хитрими шляхами виробляється єгипетське «ка», коптське «ко», санскритське «ганх», древнеіранське «гбус», древнеславянське «говядо». А з «уруду» — латинське «рудус», німецьке «эрц», славянське «руда». Ну а Карамзін утверждає, що славяне навчилися скотіводству з римлян, поскільки «пастыр» — латинське слово.

Но даже если исключить очевидные натяжки и даже если действительно выявлены прямые лингвистические совпадения, то никакими доказательствами они служить, естественно, не могут. Они лишь свидетельствуют о прямых или опосредованных контактах народов и не более того. А механизм словарных заимствований из одних языков в другие весьма сложен и неоднозначен. Мы, например, пользуемся турецким словом «деньги» («танга») — но это вовсе не означает, что само денежное обращение было заимствовано Русью с Востока. Просто во время интенсивных контактов с Золотой Ордой слово «деньги» вытеснило прежний термин «пенязи». Иногда словарные заимствования определяются культурными влияниями, иногда — лишь «модой». Поэтому в XIX в. внедрялись заимствования из французского языка, и издревле существовавшие в нашей стране харчевни превращались в «рестораны». Точно так же сейчас идут заимствования из английского. Но опять же употребление слова «шоу» отнюдь не означает, что раньше в России не было «представлений» и «зрелищ» (которые и являются прямым русским переводом «шоу»).

Стоит коснуться и некоторых других некорректных научных воззрений. Например, о скорости миграций. В фундаментальных трудах мы сплошь и рядом встретим утверждения, что в таком-то веке некий народ расселился, допустим, до Дуная, а через сто-двести лет он «постепенно» продвинулся, скажем, до Днепра. Подобные взгляды могли родиться только у кабинетных теоретиков, для которых собственная дача — это уже очень далеко.

На самом же деле миграции происходили скачкообразно, в исторических масштабах — практически «мгновенно». Много

ли нужно времени коню, чтобы проскакать даже тысячу километров? И много ли нужно времени пешеходам, чтобы пройти их? Неужто века? В 1235 г. в Монголии прошел курултай, провозгласивший поход на запад, а через два года конница Батыея уже громила Русь. В XVII в. русские ратники из Казани, Вологды, Москвы каждое лето отправлялись верхом или на своих двоих к Белгороду, Севску, Воронежу, а осенью возвращались домой. А в XX в. наши солдаты, тоже на своих двоих, за полтора года прошагали от Курска до Берлина и Вены, да еще и при сильнейшем сопротивлении врага. Точно так же и в древние времена перемещения людей происходили быстро. А если задерживались на каких-то рубежах, то это могло быть вызвано желанием самих переселенцев остановиться здесь. Или означало, что их остановили местные жители.

Коснусь еще «автохтонной» и «миграционной» теорий заселения Восточной Европы. Автохтонная является «классической», она была принята фундаментальной советской наукой. Ее сторонниками являлись академик Б.А. Рыбаков и прочие столпы истории. И славяне, согласно данной теории, всегда обитали примерно в одних и тех же местах. Различные пришельцы накатывались и исчезали, а наши предки так и жили себе, трудились, помаленьку развивались и совершенствовались. Миграционная теория, сторонником коей является известный историк В. Щербаков, заставляет предков русичей бродить по всему миру. Дескать, сперва они жили в Малой Азии, потом переселились во Фракию, потом еще куда-то.

Ни та, ни другая теория сами по себе быть приняты не могут, поскольку обе они примитивизируют действительность. Многочисленные и весьма масштабные миграции известны, они шли и на территорию России, и с ее территории. Однако и вторая версия критики не выдерживает. Один и тот же народ не может перемещаться по свету, оставаясь изолированным и неизменным. Это не мячик, катающийся по футбольному полю. Факты показывают, что массовые миграции, как правило, сопровождались расколом этноса. Причины переселений бывали разными, но уходила только часть людей, а другая оставалась на старых местах. Отсюда возникали народы и племена с одинаковыми или сходными этнонимами, но обитающие на зна-

чительных расстояниях друг от друга. И накапливающие отличия между собой. Ушедшие взаимодействовали с новым окружением. Оставшиеся — с новыми пришельцами. Происходило генетическое смешение, взаимное культурное влияние. И как раз по этой причине почти все народы, когда-либо населявшие российскую территорию, внесли свой вклад в формирование ее современного населения.

ЖИЗНЕРАДОСТНЫЕ ГОРОДА ТРИПОЛЬЯ

Примерно в VII тысячелетия до н.э. Земля оправилась от последствий Потопа, климат стал теплее и суше, приближаясь к нынешнему. По мере подсыхания болот гораздо более благоприятные условия для людей возникли не в лесах, а в степной полосе. Хотя сама эта полоса была «сдвинута» несколько южнее, чем сейчас. Значительную часть современных степей занимали широколиственные леса. Но в то время были степью прикаспийские пески, пустыни Средней Азии. Вся эта зона, щедро напоенная водами Потопа, представляла собой как бы гигантские «заливные луга». А обилие кормов открыло возможности к возникновению и развитию скотоводства.

Утверждения о том, что скотоводство родилось на Ближнем Востоке и перенималось оттуда другими регионами, оставим на совести авторов. Ни малейшей связи между Ближним Востоком и российскими степями в данную эпоху не просматривается. И, кстати, сама «идея» скотоводства существовала еще у охотников ледникового периода. Археология выявила любопытный факт — их поселения «специализировались» на определенных видах диких животных. В одном обнаруживаются залежи костей мамонтов, в другом — оленей, в третьем — лошадей или бизонов. Напрашивается вывод, что в той или иной местности обитало большое стадо животных, а охотники поселялись поблизости и считали это стадо «своим», по мере надобности забывая несколько особей.

После Потопа таких огромных диких стад не стало, но их начали создавать искусственно. Однако скотоводство в Восточ-

ной Европе не могло быть кочевым. Снега здесь выпадает много, скот не способен добывать из-под него корм. Поэтому здесь возникали постоянные населенные пункты, где заготавливалось сено и зимовали стада и люди. Естественно, они строились не в голой степи, продуваемой всеми ветрами. Самым удобным местом для них являлась граница между степями и лесами, где имелись дрова для отопления, стройматериалы, дерево для изготовления орудий труда.

Эти поселки становились и религиозными, административными, ремесленными племенными центрами. И торговыми тоже — тут была возможность вести меновой торг с лесными жителями. Теории о вечном противостоянии оседлого культурного «леса» и дикой кочевой «степи» — недалекая и бездоказательная выдумка историков. Изначально лесные народы стояли на гораздо более низкой ступени развития, чем степные. И жили не в пример беднее. Судя по археологическим данным, в «глухом углу» северо-западной России, на территории нынешних Ленинградской, Новгородской областей, Карелии вплоть до начала нашей эры сохранялись поселения древних рыболовов, описанные в предшествующих главах. Вероятно, они стали предками самодийских народов.

Конечно же, не степняки их грабили. Что у них было грабить-то? Скорее наоборот, лесные жители могли совершать налеты на степняков для угонов скота. На что владельцы, естественно, отвечали карательными рейдами. А их было больше, они были лучше организованы и вооружены. Поэтому после первоначальных столкновений лесной народ отступал в «глубинку», а затем устанавливался взаимовыгодный симбиоз и «разделение труда». Лес поставлял для меновой торговли мед, воск, рыбу, орехи, грибы, а скотоводы — мясо, жир, шерсть, кожу. Кроме того, лесные племена контролировали дальние пути сообщения — реки. И выступали посредниками в торговле с отдаленными регионами.

Археология свидетельствует, что более высокая культура распространялась по направлению из степи в лес, а не наоборот. Не у охотников и рыболовов, а у скотоводов, чье пропитание гарантировали стада, были лучшие возможности для развития ремесел, искусств, религии. И именно лесостепные районы Ев-

разии — юг Приуралья, России, Украины, Прикарпатье и Северобалканский регион выделяются учеными в качестве главного эпицентра так называемой «неолитической революции».

Дальнейшее развитие получает гончарное производство. Скот давал шерсть, и начинается выделка тканей — появляются такие инструменты, как веретена, прясла, первые ткацкие приспособления и станки. И возникает земледелие. Как ранее отмечалось, в зачаточных формах оно тоже практиковалось издревле, у охотников ледникового периода. Да и теперь у скотоводов мотыжное земледелие сперва играло роль побочного промысла. Часть людей должна была проводить лето в селениях, заготавливать сено. И когда мужчины отгоняли скот на летние пастбища, этим занимались женщины и подростки. У них оставалось свободное время. Так почему бы не возделывать полоску поля или огородик? Древние изображения и информация, сохранившаяся в мифах, дают основание утверждать, что земледелие изначально было женской профессией, в то время как скотоводство — мужской. Но постепенно новая отрасль хозяйства развивалась и стала играть не менее важную роль, чем прежняя.

Основными материалами для изготовления орудий труда все еще были камень и кость. И обнаружены шахты, большие мастерские, где велось производство кремневых инструментов. Технологии их обработки стали весьма совершенными. Широко применялись пиление и сверление камня, полировка. Впрочем, сохранялись и грубо обработанные орудия — очевидно, применявшиеся для каких-то черновых нужд. Изготавливались копья, наконечники стрел, и особенно характерны для этой эпохи топоры. Их находят во множестве — они требовались для рубки деревьев, строительства. Да и земледелие стало подсечным. При раскопках часто встречаются земледельческие орудия, диски-утяжелители для палок-копалок, мотыги. И ступки, зернотерки, серпы, которые делались из рога с кремневыми лезвиями-вкладышами. Обнаруживаются следы прядения, ткачества — применялись шерсть, нити из крапивы, конопли, лыка. Появляются изображения парусных лодок, колесных повозок.

Население было еще неоднородным, в Восточной Европе сосуществовали две расы, высокорослая и низкорослая. В результате тех или иных смещений, вероятно, возникли различ-

ные группы народов — финских, угорских. Возможно, имели место и конфликты, но следов крупных боевых действий в это время не отмечено. Земли еще хватало. И если ближневосточные культуры пошли по интенсивному пути развития хозяйства со сложными системами орошения и удобрения почвы (что случилось гораздо позже), то восточноевропейская цивилизация пошла по экстенсивному: истощилась земля — возьми другую.

В VI тыс. до н.э. выделилась весьма масштабная культурно-историческая общность, охватывавшая современные Украину, Югославию, Болгарию, Молдавию, Румынию, Венгрию. Дома тут строились большие, 25—27 м в длину и 5—6 м в ширину. Сооружались они на каркасе из плетеных прутьев, обмазанных глиной. Крыша поддерживалась несколькими рядами столбов, в доме имелась глинобитная печь, а стены раскрашивались белой, черной, коричневой красками. Вокруг располагались хозяйственные постройки, кладовые амбары. Поселения обносились канавой и частоколом. Изготавливалась керамика, которая расписывалась разными цветами, орнаментами. Люди держали скот, возделывали небольшие поля, где выращивали ячмень, полбу, чечевицу, лен. Но обрабатывали участки, пока земля не истощалась, потом бросали и переселялись. И продвигались таким образом по речным долинам.

А наиболее впечатляющими выглядят археологические находки Трипольской культуры, охватившей Поднепровье и начавшей распространяться на юг и запад, к Прикарпатья и Дунаю. Хронология этой цивилизации уже несколько раз подвергалась пересмотру. Еще совсем недавно историческая традиция относила ее к III—II тыс. до н.э. Сейчас датировка успела сдвинуться к IV—III тыс. до н.э. (*тысяча лет плюс-минус, какая мелочь, правда?*). Но некоторые специалисты склоняются к еще более древним датам. Что вполне справедливо и подкрепляется весомыми доводами. Во-первых, металл в Трипольской культуре был еще редкостью и обнаруживается только в поздних поселениях. А согласно данным радиоуглеродного анализа, с V тыс. до н. э. по соседству, в Карпатах, уже всю функцию выполняли рудники. Во-вторых, в V—IV тыс. до н.э. в восточноевропейских степях и лесостепях обитали сильные и воинственные народы,

имевшие отличное оружие. У трипольцев ничего подобного не выявлено, они жили еще вполне мирно и были земледельцами, а не воинами. Следовательно, датировать их цивилизацию логично VI — началом V тыс. до н.э.

По уровню развития она существенно отличалась от других современных ей народов Европы. Люди Триполья вели оседлый образ жизни, строили большие селения, можно сказать — города. Дома в них располагались концентрическими кругами и, например, город, обнаруженный в районе Умани, состоял из 200 домов, выстроенных в шесть кругов. А население его насчитывало 2—4 тыс. человек. В каждом селении имелась центральная площадь, где располагались одно-два здания, по размерам превышавшие остальные. Очевидно, они принадлежали местной верхушке или являлись общественными сооружениями. Укрепления вокруг городов не возводились, что говорит об отсутствии поблизости сильных врагов. Единственной оборонительной системой служило само круговое расположение домов, да еще иногда забор или частокол. Всего к настоящему времени открыты следы более 900 подобных селений. Ясное дело, это только часть от существовавших.

И тут, наверное, можно уже говорить о государстве. Впрочем, до сих пор нет единого мнения, а что же это такое? Марксисты однозначно увязывают понятие государства с наличием «классов». Нет классового общества — значит, нет государства. Но и буржуазные теоретики недалеко ушли от социалистов. Поскольку рождение государства соотносят с «разложением» родоплеменного строя. Дескать, начали люди заниматься земледелием, скотоводством, тут-то и начал он «разлагаться», поскольку повысилась производительность труда, появился избыточный продукт, частная собственность... К действительности те и другие теории имеют весьма слабое отношение. Замыкаться на наличии классов — значит отрицать, что была государством, например, империя Чингисхана, поскольку у монголов никаких классов в помине не существовало. Но и с «разложением» родоплеменных общин нестыковочка выходит. Люди действительно занимались земледелием, скотоводством, а эта самая община в течение тысячелетий... не хотела «разлагаться»! И избыточный

продукт действительно могли производить — но не производили. Зачем он, избыточный?

Люди древности вели себя гораздо мудрее нынешней западной цивилизации, в погоне за прибылью штампующей продуктов в несколько раз больше, чем можно съесть, одежды многократно больше, чем можно износить и т.п. Наши далекие предки брали от природы ровно столько, сколько нужно для употребления. Плюс некоторый запас на случай неурожая. И хватит. И частной собственностью, частным производством обременять себя не спешили. Зачем, если есть общественное, удовлетворяющее все нужды? Даже и в древних городах Шумера, возникших на 1—2 тыс. лет после трипольских, никакой частной собственности еще не было. Вся продукция поступала в собственность храма и с общественных складов распределялась среди горожан.

Но как же быть с государством? Давайте подумаем — что вообще понимается под этим термином. К бесспорным его признакам можно отнести, во-первых, наличие правящего аппарата, организующего жизнь некой человеческой общности. Во-вторых, наличие правовых норм, определяющих эту жизнь. В-третьих, наличие определенной территории, на которую распространяется юрисдикция данных норм. Отсюда следует, что даже первобытная охотничья община несла в себе зачатки «государственности». Там были свои руководители, вожди или старейшины. Была «своя» территория. Были обычаи и религиозные установки, которые часто оказывались прочнее, умнее и эффективнее современных плодов законотворчества. В дальнейшем эти формы совершенствовались. Выделились профессиональные вожди, выборные или наследственные. Существовали прообразы «парламентов» — общие сходы, советы старейшин.

Ну а в Трипольской культуре мы встречаемся уже с довольно развитой государственностью. Посудите сами, могут ли несколько тысяч жителей одного города сосуществовать вместе, не имея каких-то органов управления? И даже если предположить, что различные города жили сами по себе, обособленными и самоуправляемыми полисами, то мы видим, что множество селений располагалось на близкой территории, мирно уживаясь друг с другом, каким-то образом улаживая спорные вопросы.

Значит, существовали и институты, осуществлявшие координацию между общинами. И правовые нормы, на основе коих регулировалось сосуществование внутри селений и между ними.

Кто же такие были загадочные трипольцы, к какому народу принадлежали? Можно ответить на этот вопрос, проследив, куда дальше мигрировали культуры, родственные Трипольской — естественно, меняющиеся со временем, но и сохранявшие многие близкие черты. Впоследствии потомки трипольцев сдвинулись на юг, в долину Дуная, потом в Фессалию, где зафиксировались как «культура Димена». А дальнейший путь их пролегал на Эгейские острова, Пелопоннес и Крит, где они создали великолепнейшую Минойскую (Среднеминойскую) цивилизацию. Это были пеласги. Древний, еще доарийский, индоевропейский народ.

В Поднепровье жили далекие предки будущих жителей Средиземноморья, но и здесь они создали весьма впечатляющую культуру. Дома у них были большими, строились на основе из плетней, обмазанных глиной. Часто они были двухэтажными. И состояли из нескольких помещений — одни жилые, другие использовались под кладовые. В них стояли большие сосуды для зерна, в каждой жилой комнате имелась отдельная печь или очаг. То есть в доме проживало несколько семей. Или несколько поколений одной семьи.

В Трипольской культуре зерновое земледелие достигло высокого уровня, уже превратилось в ведущую отрасль хозяйства. Выращивали, в основном, пшеницу. Появились такое изобретение, как деревянная соха, в которую впрягали быков. Появились мукомольные жернова, а значит, и технологии выпечки хлеба. Совершенствовалась выделка тканей. Значительного развития достигло гончарное производство — изготавливались красивые расписные горшки, кувшины, чаши, декоративные изделия. Археологи находят украшения из янтаря и яшмы, а в поздних трипольских селениях и металлические изделия — украшения из золота, серебра, меди, бронзы, медные лезвия ножей, топоров. Следовательно, поддерживались торговые контакты с очень отдаленными регионами. Янтарь, например, можно было получить только с Балтики. А металл — с Карпатских гор, Кавказа или Урала.

Обнаружены несколько образцов портретной скульптуры. И очень сложная значковая символика — различные сочетания ромбов, кружков, треугольников, спиралей, зигзагообразных и параллельных линий, нескольких видов креста, животные и растительные орнаменты. Степень развития этой символики приближается к настоящей письменности. Возможно, она уже и играла роль письменности. Найденная археологами настенная живопись показывает богатство духовного мира здешних жителей. У них была развитая мифология и религия. Стены домов покрывались многоцветными яркими орнаментами и рисунками. На этих росписях мир делился на три яруса. Верхний занимали небесные светила и звезды, в нижнем — земля, где обитают люди, колосятся их поля и пасется скот, а между ними находилось пространство, населенное богами и духами, среди них всегда изображалась «мать-олениха», из сосков которой течет на землю живительная влага.

Отметим, что впоследствии для многих индоевропейских народов — кельтов, германцев, славян, индусов, было характерно «трехъярусное» деление мира. И культ оленя тоже — это животное часто сопровождало тех или иных богов и богинь или являлось их воплощением. «Олень — золотые рога» служил символом солнца и сил света. Изображение оленей рядом с богиней-Матерью нередко встречается в парфянской живописи и в славянских вышивках. В этих вышивках олени сохранялись в качестве одного из излюбленных орнаментов, они постоянно встречаются в русских сказках и приметах — опять же ассоциируясь с небесными силами (например, после Ильина дня нельзя купаться, потому что «олень в воде хвост помочил»).

В верованиях трипольцев главную роль играли культы плодородия. В росписях неоднократно присутствуют изображения женских грудей, мужских и женских половых органов. А верховную роль в пантеоне играли богиня-Мать, которая ассоциировалась с Землей, и мужское божество, предстающее в облике быка. Найдены многочисленные статуэтки женщин-богинь, заметно отличающиеся от палеолитических пышных «венер». В Трипольской культуре изображались молодые, изящные женщины с небольшим бюстом. Часто с едва заметными признаками беременности. А изготовлялись статуэтки из глины, смешан-

ной с мукой или зернами пшеницы. Из чего можно сделать вывод, что отвечала богиня за плодородие земли.

Культ быка, олицетворяющего мужское начало, также характерен для многих индоевропейских религий. А в трипольских селениях археологам часто попадаются фигурки быка, лепные и нарисованные изображения быка, очень хорошо выполненные ритуальные маски быка. В домах в каждой из жилых комнат имелся маленький алтарь в виде трона, украшенного бычьими рогами, на который помещалась статуэтка богини. Видимо, это означало соединение мужского и женского начал природы. И должно было обеспечить супружеское благополучие семье, хороший урожай и приплод скота.

Священнослужительницами в Триполье выступали женщины. Сохранились фигурки и рисунки, где полунагие жрицы, одетые только в длинные юбки, поднимают к небу большие чаши, украшенные изображениями женских грудей. Не исключено, что в летнее время, когда погода позволяла, обычный костюм здешних жителей и жительниц тоже состоял из юбки или набедренника, отмеченного на статуэтках. Но у потомков трипольцев на Крите существовала очень сложная и изысканная мода. Тем не менее жрицы, которым там тоже отводилась главная роль, в священных обрядах выступали аналогично своим далеким предшественницам — босые, в одних лишь длинных юбках. И изображения жриц в обеих культурах очень похожи, повторяются их жесты, стандартные позы.

Быт трипольцев был тесно связан с их верованиями. Весь сельскохозяйственный год неразрывно сочетался с мифологическими представлениями и религиозными празднествами. В древности у всех народов подобные праздники являлись отнюдь не механическим «отмечанием» определенных дат календаря — это были магические ритуалы, производимые в некоторых точках годового цикла, чтобы поддерживать природные условия в благоприятном режиме. Время ритуалов вычислялось жрецами по положению небесных светил. А целью было «единение» с богами через копирование тех или иных их действий, отраженных в легендах. Считалось, что повторение из года в год выработанных обрядов должно «привязать» земной цикл к

«небесному», обеспечить повторяемость и неизменность климатических факторов.

Одним из основных ритуалов у трипольцев являлась весенняя «священная свадьба». В ней отображался миф о соитии бога-Быка с богиней-Матерью. Этот миф зафиксирован впоследствии на Крите, где верховный бог Диве (Зевс) сочетался со своей супругой Дивией, носившей эпитет Ковийя (Коровья), после чего родился сын Дивонусойо (Дионис — изначально он был божеством всей живой природы) [133]. У греков данная легенда трансформировалась в сюжеты о похищении Зевсом быком Европы, отчего пошла династия критских царей, и о совокуплении с быком царицы Пасифаи. Сходные мифы известны у индусов, туранцев, славян, у которых Дажьбог породил людей «через корову Земун» («Велесова книга», II 7э). И, кстати, у эллинов Северное Причерноморье называлось Таврией — Страной Быка.

В мистериях трипольцев божество изображал избранник-мужчина — как раз для этого предназначались ритуальные маски быка (на Крите найдены такие же маски, очень напоминающие трипольские). Жрица, игравшая роль богини-матери, как следует по мифологическому сценарию, исполняла перед ним священный танец. После чего осуществлялось их торжественное соитие. Оно отнюдь не было чем-то постыдным или интимным, а важнейшим священным актом, от которого зависело будущее народа. И если все протекало благополучно, это предвещало хороший, плодородный год.

Трипольцы придерживались единого культа, поэтому и ритуал «священной свадьбы», скорее всего, осуществлялся на разных уровнях. Централизованно, в общих святилищах, наряду с этим — в каждом городе. А потом и в каждом доме. Именно в этот день статуэтка богини водружалась на «бычий» алтарь, а супруги вступали в ритуальную связь, чтобы распространить блага плодородия на свою семью. Важным весенним обрядом пеласгов была и посадка священного дерева, что сопровождалось органистическими танцами и празднествами. Вероятно, этот обряд совмещался с праздником «священной свадьбы». А осенью священное дерево вырывалось и оплакивалось, что символизировало зимнее «умирание» природы.

Были и игры с настоящим, живым быком. Сохранились критские фрески, печати и рельефы, на которых под руководством жриц стройные юноши и девушки в набедренниках совершают акробатические прыжки через грозных животных, вскакивают на них, делают стойки на их спинах и даже повисают, как на брусках, ухватившись за рога. Подобные игры характерны и для других мест расселения пеласгов. Римский историк Светоний писал, что в I в. н.э. император Клавдий, устраивая свои пышные зрелища, «выводил фессалийских конников с дикими быками, которых они гоняют по всему цирку, вскакивают обессиленным на спину и за рога швыряют их на землю» [180]. Очевидно, такие игры были и в Триполье. Скорее всего, они произошли от пастушеских забав или входили в программу тренировок и инициаций молодежи.

У пеласгов были и мужчины-жрецы. Точнее, предсказатели. Они обслуживали, например, святилище в Додоне. Греки их называли «черноногими», поскольку они всю жизнь ходили босыми и не мыли ног, а будущее предсказывали по шелесту листвы священного дерева. Существовал и какой-то культ мака. Может быть, из него добывались дурмящие вещества в ритуальных целях. Этим культом ведали девушки. На Крите находят статуэтки совсем юных служительниц с едва обозначившейся грудью, украшенных маковыми головками. Но и на Украине в глухих полесских деревнях вплоть до начала XX в. сохранялся древний языческий праздник мака — участвовали только девушки, они должны были собраться ночью на лесной поляне и исполнить тайную «пляску Макавеи», причем, как и на минойских статуэтках, танцевать требовалось обнаженными.

Был и женский культ змей. Очевидно, связанный с тем, что змея выступала символом хтонических, подземных божеств. Но и богиня-Мать олицетворяла Землю, а жрицы являлись ее представительницами. В Минойской культуре и на Балканах обнаружены изображения жриц со змеями. У фракийских и эпирских вакханок, участвовавших в оргастических празднествах в честь Диониса, одна из высших служительниц несла больших ручных змей, выползавших из священных корзин и обвинявших ее. Как сообщает Плутарх, такую обязанность выполняла в свое время и Олимпиада, мать Александра Македонского,

и однажды муж застал ее спящей рядом со змеей, пригревшейся и вытянувшейся вдоль ее тела — что и породило потом домыслы и легенды о зачатии Александра от бога, явившегося в образе змея [154].

У трипольских жриц, видимо, тоже существовали свои сообщества, наподобие вакханок. Например, у родственных пеласгам этрусков очень долгое время сохранялись женские фратрии. И римляне, которые в республиканский период были поборниками строгой морали, очень осуждали обычаи знатных этрусских дам устраивать пирушки, где матроны пребывали в чем мама родила, а прислуживали им юные красивые рабы в таком же натуральном виде. Хотя и эта традиция, судя по всему, являлась неким древним ритуалом.

Как видим, большинство обрядов трипольцев и их сородичей носило ярко выраженную сексуальную окраску. Но это не было спецификой одних лишь пеласгов. Сходные ритуалы «магии плодородия» отмечены почти во всех древних обществах. Они отобразились в знаменитой эротической росписи и скульптуре индийских храмов. Обряды «священной свадьбы» существовали когда-то и у германцев, у славян, оставили многочисленные следы в мифологии, представлены на наскальных рисунках Скандинавии.

Они были присущи и земледельческим цивилизациям Балкан, Малой Азии, Ближнего Востока, Месопотамии с различными вариациями. Так, на изображениях «священной свадьбы» у шумеров и вавилонян мужчина, а в поздних вариантах — статуя божества с соответствующим признаком пола, лежит на спине, а нагая жрица под руководством других жрецов осуществляет «стыковку» сверху, сидя на корточках. Что имело определенное смысловое значение, поскольку в ближневосточных религиях, в отличие от индоевропейских, женщина (Инанна, Ашторет, Астарта) представляла небесное начало, а мужчина — земное.

Ну а на севере в VI — V тыс. до н.э. наряду с Трипольем возникло еще два крупных очага высокой культуры. Один — на Кавказе, где повсюду развивалось земледелие, началась разработка руды и выплавка меди. Второй очаг — Средняя Азия. Селения тут были поменьше, чем в Поднепровье, состояли из однокомнатных глинобитных домиков. Но при раскопках найдены

большие могильники с богатым инвентарем, каменные и глиняные фигурки людей и животных. В здешних культурах ведущую роль тоже играли женщины-жрицы. Высокого уровня достигли ткачество, земледелие, скотоводство. Люди уже накопили изрядный багаж сельскохозяйственных знаний, занимались целенаправленной селекцией скота, выводя более продуктивные породы. Хозяйство, видимо, было общинным. И археологами найдены деревянные бирки с насечками, применявшиеся для счета и учета продукции. С теми самыми насечками, которые известны нам как «латинские» цифры — I, V, X. Попадают на карты, выполненные на коре, дереве, коже. То есть местные жители путешествовали в далекие края, старались сохранить и передать информацию о различных местах и дорогах.

Но среднеазиатская и кавказская цивилизации продолжали развиваться, а Трипольская в V — IV тыс. до н.э. исчезла. Все ее селения носят следы уничтожившего их огня. И версий бытует несколько. По одной, здешняя культура погибла в результате вражеского нашествия. По другой — жители сами сжигали свои селения, переходя на другое место. Подобные традиции известны у ряда американских, африканских народов: менять место поселения по окончании астрологического цикла, при истощении земли, по указаниям жрецов. Или в случаях, когда на прежнем месте людей преследуют бедствия, и оно признается «проклятым» [78].

Что ж, причины сожжения отдельных городов могли быть и такими. Но сама культура в целом была, без сомнения, оттеснена прочь сильными и агрессивными соседями. Ушли не все. Доказательством служат, например, находки В.А. Курбатова, недавно обнаружившего женские статуэтки, очень близкие трипольским, в Калужской области [106]. В качестве товара они сюда попасть не могли — богами не торговали. Следовательно, фигурки очутились здесь или с женами-пленницами, или, что вероятнее, какая-то часть трипольцев отступила не на юг, а в северные леса, впоследствии смешавшись с автохтонным населением.

Остальные потомки жителей Триполья, как уже отмечалось, мигрировали на Балканы и Эгейские острова. Согласно

Геродоту, они стали учителями древнейшего населения Эллады в области религиозных и светских знаний, градостроительства, государственности. Греческие мифы первым царем Аркадии считали Пеласга, который принес здешним людям науку строить жилища, изготавливать одежду, отучил их употреблять в пищу траву и коренья. Его сын Ликаон построил первый в Элладе город Ликасуры, по образцу коего стали возводиться и другие города.

«Жемчужиной древности» называют Минойскую цивилизацию Крита. А когда она в середине II тыс. до н.э. была уничтожена в результате землетрясений и мощнейших извержений вулкана на о. Фера, пеласги переселились на Ближний Восток, где стали известны под именем «пелиштим» — филистимляне. От их этнонима как раз и получила название Палестина. Филистимляне и сюда принесли гораздо более высокую культуру. Еще одна ветвь пеласгов отпочковалась в Малую Азию, а оттуда в Сардинию и Италию — это уже упоминавшиеся этруски, они же тиррены. И в Италии они тоже стали учителями римлян, перенимавших у них религиозные, магические, научные знания. Но это произошло много позже, когда на территории России уже кипели совершенно другие события.

Между прочим, известный лингвист Г.Гриневич при попытках расшифровать минойскую письменность древнего Крита приходил к выводу, что язык пеласгов был близок к праславянскому [53], хотя пока его заключения оспариваются большинством ученых. А этруски сами себя называли «расена». Помнили о своем происхождении откуда-то с далекого севера. На севере обитал их верховный бог Тин — божество света (ср. славянское «день»). И уже в христианские времена Стефан Византийский считал этрусков «словенским племенем».

Обращает на себя внимание и созвучие — «пеласги», «пелиштим» и... «поляне». Обитавшие впоследствии в тех же районах, что и трипольцы. Нет, я вовсе не хочу сказать, что пеласги, филистимляне и поляне — один народ. Это уже разные этносы, различавшиеся по эпохам, развитию, происхождению, путям становления исторических традиций. Однако этноним в прежних местах проживания вполне мог сохраниться. Такие примеры в истории не редки.

В V тыс. до н.э. в Восточной Европе широко внедрилось производство и использование металлов. Как показывают данные радиоуглеродного анализа, изготовление медных орудий на территории нынешних Румынии, Венгрии, Болгарии развернулось около 4500 г. до н.э. Кстати, это яркий пример того, какую путаницу могут вносить упоминавшиеся ранее археологические методы. Поскольку до изотопных исследований возраст северобалканской культуры оценивался старыми способами стратификации и типологии. Утверждалось, что производство медных орудий пришло с Ближнего Востока в Грецию, а оттуда распространилось на север. И по соотношению с греческими карпатские находки датировались 2300 г. до н.э. А выяснилось — все было наоборот...

Правда, путаница продолжается до сих пор. Так как старых теорий никто не отменял, они остаются «неопровержимыми», и ситуация порой доходит до абсурда. Например, авторы многотомной «Всемирной истории» [42] указывают, что на севере Балкан и в Карпатах в V — IV тыс. до н.э. уровень металлургического производства «был очень высоким и, возможно, не имел себе равных в то время ни в Анатолии, ни в Иране, ни в Месопотамии», но в другой главе того же тома, руководствуясь старыми концепциями, сообщают, что форма боевых топоров в Паннонии была близка топорам Месопотамии и принимают рассуждать, через какое же время *после* Месопотамии эта технология могла дойти до Дуная.

В Северобалканском регионе продолжала развиваться культурно-историческая общность, выделившаяся еще в эпоху неолита. Племена, родственные пеласгам и ставшие предками фракийцев, иллирийцев — впрочем, вошедшие в этнические корни и многих других народов. Если раньше они бросали истощившиеся участки земли и перебирались в другое место, то теперь земледелие вышло на более высокий уровень. Селения становятся постоянными. Возникают города, окруженные каменными стенами, в центральной части возводилась главная

цитадель. Археологи находят орудия земледельческого труда, красивую керамику, оружие.

На территории Румынии обнаружены глиняные статуэтки мужчин и женщин, сидящих на скамеечках в живых позах. А в Трансильвании выявлено несколько памятников письменности, относящейся к V тысячелетию до н.э. — это самые древние на земле образцы письменности, найденные к настоящему времени. Они пока не расшифрованы. Хотя некоторые исследователи утверждали, что им удалось добиться успеха. Так, Г. Гриневич доказывал, что эта письменность принадлежала отступившим на юг трипольцам и является праславянской [54]. Однако его выводы подтверждений пока не получили.

Жители здешних городов были и отличными ремесленниками. В 1970-х гг. болгарские археологи обнаружили в захоронениях великолепные золотые украшения, относящиеся к 3500 г. до н.э. Это уже явно произведения не «любителей», а специалистов. То есть выделились профессиональные мастера. И не лишне отметить, что в данный период подобного уровня градостроительства и ремесла еще не знали ни Эллада, ни Древний Египет, ни Месопотамия. Но каменные стены и городов и цитаделей свидетельствуют и о другом. О том, что жизнь людей стала далеко не мирной, и им периодически приходилось отражать нападения врагов.

Что ж, в греческой мифологии «медный век» — одновременно и «век героев». И это оказывается действительно так. Появление металлургии примерно совпало со временем, когда человечество вступило в эпоху войн. По соседству с Карпатско-Северобалканским регионом, в лесостепях и степях Восточной Европы, развивались другие культуры — которые археологи называют Ямной и Катакомбной. Относились они, судя по всему, к одному и тому же народу, который погребал своих покойников под курганами. Но в более древних захоронениях укладывал тела в простые ямы, присыпая охрой, а позже стал устраивать более сложные могилы в виде катакомб, каменных склепов под курганами. Народом этим были древние арии.

Точнее, арии были группой родственных племен и народов. Какие-то из них действительно носили этноним «ариев», какие-то назывались иначе, но говорили на близких языках и

имели сходную культуру. «Велесова книга» называет отца Ария первым вождем славян, спасающим их от какого-то стихийного бедствия: «... Родичи бились за главенство, и многие говорили: «Не пойдем к Роду, так как нет успокоения огнищанам, а будем лучше сами в лесу или горах хозяйствовать». И сильно сердился и лютовать волил на это бог Сварог. Наказуючи, великое смятение горам утворил. И славяне в ночи пробудились великим громом и земли дрожанием и слышали, как каменные горы вопили. Страхом объятые и ослепшие, пошли вон из селений, а овец бросили. А поутру видели дома разрушенные, одни горы стали долинами, а иные в дыре великой земной без следа пропали. И были те славичи в великом оскудении и скотину кормить ничем не имели. И сказали Арию отцы: «Веди нас вон». И рек Арий: «Тогда я буду над вами с сынами моими». Сказали ему: «Тогда подчинимся тебе» (ВК III 38а).

Размеры курганов Ямной и Катакомбной культур свидетельствуют об организации, о существовании сильных государств — подсчитано, что на сооружение одного из них, диаметром 110 м и высотой 3,5 м, было затрачено около 40 тыс. человеко-дней. Ясно, что погребали великого вождя или царя. Строились укрепленные города, имевшие сложные оборонительные системы со рвами и стенами из каменных плит толщиной более 3 м. Дома были большими, площадью примерно 160 кв. м, и состояли из нескольких комнат, жилых и хозяйственных. В каждом таком доме проживало 40—50 человек.

Существовали и неукрепленные поселки, они часто группировались вокруг городов, что также доказывает наличие государственной организации. Но государство у ариев было одно. Точно так же, как впоследствии у кельтских, славянских, германских народов, племена ариев не были едиными в политическом отношении. Иногда объединялись в союзы, иногда воевали между собой — поэтому и требовались крепости. Арии вообще были народом воинов. При раскопках погребений и населенных пунктов находят боевые топоры, мечи, копья, защитные панцири, наконечники стрел с шипом — значит, делались они уже не для охоты, а специально для войны, чтобы труднее было вытащить стрелу из раны.

Эти племена отлично владели металлургией меди. Открыли и бронзу — сплав меди с оловом (иногда с сурьмой, свинцом, мышьяком, цинком). Добыча меди велась на Урале и Кавказе, олова — в Западной Сибири и Казахстане. В последующие времена русское население Урала и Сибири называло древние шахты «чудскими копиями». И «рудознатцы», отыскивая медь, первым делом как раз и пытались найти эти «чудские копи» как верный признак наличия руды. Это, между прочим, стало одной из причин, почему большинство таких рудников не дошло до нас — они уничтожались последующими разработками. В частности, на месте «чудских копей» был основан знаменитый Гумешковский завод.

Но все же описания находок, составленные в XVIII—XIX вв., и отдельные «копи», сохранившиеся до XX в., позволяют составить представление о добыче руды в древности. Шахты были неглубокими, до 30 м. Роль лестниц играли бревна с сучками или толстые стволы с зарубками. От наклонной шахты отходили боковые штольни, имевшие деревянные крепления и освещавшиеся смолистыми лучинами. В них обнаруживались каменные и медные молоты, медные кайла и кирки, иногда и личные вещи древних горняков — на Гумешковском руднике нашли остатки шубы, встречаются и рукавицы. А в завалах иногда натыкались на скелеты самих добытчиков с кожаными сумками для руды. Выплавка металла обычно осуществлялась поблизости, на открытых высоких местах, где был ветер для создания тяги.

Характерными для арийской культуры были и мегалиты — культовые сооружения из больших необработанных или грубо обработанных камней. Огромный вес этих глыб также красноречиво говорит о координации труда многих людей и наличии централизованного руководства. А сами мегалиты сооружались нескольких видов. «Менгиры» — камни, поставленные вертикально. Возможно, в качестве памятников тем или иным событиям. «Дольмены» — несколько камней, составленных в виде «стола» или «ящика». Иногда они служили для погребений, иногда, вероятно, были жертвенниками. Третий тип — кольцеобразные «кромлехи». Которые являлись святилищами ариев. И кроме того, были древними «обсерваториями». Как мы пом-

ним, первые такие «обсерватории» строились еще охотниками палеолита и играли какую-то важную роль в их редигии. Арии стали их преемниками в данном отношении. И так же, как в исторически известные времена у кельтов, эти святилища имели межплеменное (или «надплеменное») значение.

Одним из них являлся Аркаим, обнаруженный в 1987 г. недалеко от Магнитогорска. Датируют его весьма приблизительно III тыс. до н.э. Однако такая датировка производилась «по аналогии». Структура его точно такая же, как у британского Стоунхэнджа, время строительства которого определено с помощью радиоуглеродного анализа. Вот и Аркаим отнесли к тому же времени. Хотя он, несомненно, значительно древнее Стоунхэнджа. Само название Аркаим связывает его с первым царем ариев Йимой, упоминаемым в «Авесте». А «арк» в иранских языках — крепость или гробница. Таким образом Аркаим переводится как «крепость Йимы» или «гробница Йимы». Как показали археологические раскопки, это был город-храм, население его достигало 2 тыс. человек. Судя по богатым погребениям, основную роль здесь играли женщины-жрицы. А построен он был, как и более поздний Стоунхэндж, в виде «обсерватории», позволявшей древним служителям и служительницам очень точно отслеживать 18 событий годичного астрономического цикла [48]. Видимо, они соответствовали неким важным религиозным обрядам.

Но такое святилище было не единственным. Остатки еще одной древней «обсерватории» найдены на Куликовом поле. Здесь обнаружен огромный «Цыганский камень», в котором просверлено отверстие, четко ориентированное на точку восхода Солнца в летнем солнцестоянии, треугольные плиты, ориентированные на точку восхода в весенне-осеннем равноденствии, найдена каменная астролябия и камень с отверстием, нацеленным на Полярную звезду [110]. Целый комплекс «кромлехов», фиксирующих моменты равноденствий и солнцестояний, выявлен в Меркенском районе Казахстана.

Культура ариев распространялась в нескольких направлениях. В V — IV тыс. до н.э. она охватила Среднюю Азию (возможно, что и до этого времени здешняя цивилизация принадлежала арийским племенам). Продвинулась она и на Кавказ, и

здесь тоже возникли мегалитические комплексы, аналогичные Аркаиму и Стоунхенджу. Еще одна ветвь ариев расселялась от Урала к Днепру. Именно она заставила отступать на Балканы трипольцев. И стала распространяться дальше — на Польшу, Словакию. Остатки храма-обсерватории, датирующиеся около 3500 г. до н.э., обнаружены в 1961 г. у села Макотржасы недалеко от Праги, причем доказано, что возводились подобные комплексы по общему «типовому проекту». Существовала единая стандартная единица измерения, «мегалитический ярд» (82,9 см), которой пользовались строители и в Аркаиме, и в Макотржасах, и при сооружении мегалитических комплексов Западной Европы [38]. Еще одно такое же святилище найдено в Польше на горе Шленза.

Конечно, очень трудно судить, как же жили люди тех далеких времен. Какими были обычаи, нравы, быт? Какие события волновали тогдашнее человечество? Не только у ариев, но и у других народов Земли письменной истории еще не существовало. А устные предания спустя тысячелетия отразились только в мифах и легендах. Но отразилось, разумеется, не все. И в искаженном до неузнаваемости виде — в сюжетах о битвах тех или иных богов, в сменах их поколений, в мифах об их любовных и иных приключениях... Можно лишь бросить общий взгляд на степень развития человечества в данный период. И мы увидим, что во всех странах время было суровым и жестоким. Время яростных схваток между древними воинами, захватывавшими себе «место под солнцем» или отстаивавших это место от пришельцев. Схваток, память о которых забылась. Или была позже перенесена на героев более близких эпох.

Многие обычаи глубокой древности нам с вами показались бы дикими и абсурдными. Но сама психология человечества со временем меняется, и судить о нравах одной эпохи с точки зрения другой не совсем корректно. Тогдашним людям их традиции представлялись вполне разумными, они и помыслить не могли жить как-то иначе. Так, все древние народы руководствовались теорией «ойкумены» — некоего ограниченного мира. Земель освоенных, населенных родственными племенами и находящихся под покровительством «своих» богов. А за пределами «своего» лежало «чужое». Там властвовали уже чуждые боже-

ства, там не было привычного мирового порядка, туда проникали лишь герои, сражавшиеся с чудовищами и совершавшие другие подвиги. И население этих чуждых краев заведомо являлось «варварами», коих следовало остерегаться. А если представится возможность, не грешно и поколотить, пограбить.

Быт людей, как уже отмечалось, был неразрывно связан с их верованиями. Которые не мыслились без жертвоприношений. Надо отметить, что жертвоприношения не были только «подарком» божеству. Изначальным их смыслом было сближение, единение с небожителями. Часть принесенного сжигалась, а часть съедали сами люди. То есть они как бы устраивали совместную трапезу с божеством. Формы религиозного поклонения в разных культурах имели ряд отличий. Например, у индоевропейских народов в жертву женским божествам полагалось приносить самок животных, а мужским — самцов. У жителей Ближнего Востока такое разделение не соблюдалось.

У индоевропейцев служительницами женских божеств были женщины, мужских — мужчины. В храмах шумеров и семитских народов — наоборот (что требовалось для ритуалов «священной свадьбы», поскольку, по их верованиям, жрецы и жрицы вступали в связь с божеством, которое обслуживают). У индоевропейцев служительницы некоторых богинь обязаны были соблюдать девственность. У семитов, напротив, существовала ритуальная проституция. За супружескую неверность женщина строго наказывалась, чаще всего смертью, но если она пошла в храм и отдалась первому встречному, это было не предосудительно, а похвально. Это тоже было формой служения богине и «единения» с ней, чем очень охотно пользовались вавилонянки, финикиянки, сириянки.

Кстати, само понятие храма, «дома» божества, возникло на Ближнем Востоке. Для арийских народов были характерны святилища открытого типа. Не только «обсерватории». Иногда это были капища с алтарями, иногда — священные рощи. Различались и представления о загробной жизни. У некоторых арийских племен существовало учение о переселении душ. Но наряду с этим бытовали и представления о двух загробных мирах. Один — радостный и яркий. Такой же, как земной, но богатый, изобильный, с тучными стадами, плодоносящими деревьями и

полями. Сюда попадали те, кто прожил век честно и достойно. Для нечестивцев и преступников имелся другой мир, подземный, темный и страшный. Семитские народы такой градации не знали. У них загробный мир был единым и весьма неприглядным. Впоследствии от них и греки переняли представление о «мрачном царстве Аида».

Но стоит отметить и то, что древнейшие божества были особами весьма крутыми. И капризными, как сама природа, которую они изображали. Праздников, лепешек и овец им оказывалось мало. Они требовали жертв и посерьезнее. И человеческие жертвоприношения зафиксированы практически во всех архаичных религиях. Как уже было сказано, главную роль играли культы плодородия. Но как раз эти культы и были самыми жестокими. Земля, которую олицетворяла богиня-Мать, являлась не только подательницей благ. Она принимала в себя и мертвых. Поэтому богиня-Мать или какие-то из ее воплощений заведовали и смертью, миром потусторонних духов, черного колдовства.

Это уже в поздних, литературных переложениях мифов всякие афродиты, геры, артемиды стали изящными «культурными» красавицами. Изначальный их облик был иным. Часто откровенно сексуальным. Часто и мрачным, кровавым. Гораций в «Юбилейном гимне», восхваляя богиню Эйлифию, помогающую в срок рожать женам, указывает, что она может быть кроткой Люциной, а может — чувственной Генитальной. А Плутарх приводит такое обращение к Артемиде: «Иль роженицу ты только что мучила, иль удавиться кого-то заставила. Или явилась от трупа нечистой, или с распутия, кровью запятнана и злодеянием душегубительным». Тимофей в хвалебной песне называл Артемиду «исступленной, неистой, бешеной, яростной». И именно такие богини сперва были покровительницами войны. Мужские божества сменили их на поле брани позже.

Тот факт, что священнослужительницами являлись женщины, тоже отнюдь не делал культы добрее и гуманнее. У кельтов, допустим, женщины-жрицы были основными исполнительницами ритуалов человеческих жертвоприношений. И если в прошлой главе я назвал цивилизацию Триполья «жизнерадостной», понимать это надо условно. Она и была «жизнерадостной» с

точки зрения самих трипольцев. Однако вовсе нельзя утверждать, что она обходилась без страшных кровавых обрядов. Например, на Крите обнаружено подземное помещение со множеством сосудов, заполненных расчлененными человеческими, в основном детскими скелетами с зарубками на костях — их убивали священной секирой-лабрисом. И делали это жрицы.

Вообще же человеческие жертвы бывали нескольких типов. «Подарок», «гонец», «сопровождающий» и «заместитель божества». В «подарок» убивали пленников. И посмертная участь их, по древним представлениям, была незавидной. Они же отправлялись к «чужому» для себя божеству, обрекались стать его рабами или пожирались им. Другое дело — «гонец». Его племя посылало к богам, чтобы сообщить о каких-то нуждах, попросить помощи. Избирали его из сородичей, по жребию, а то и добровольно. Порой за такую честь соревновались, это было почетно. Человек отправлялся к «своему» божеству, мог стать его приближенным. Ну а «сопровождающих» убивали на похоронах властителя или знатного воина. И по идее они просто меняли один мир на другой. Прислуживали в этой жизни — будут прислуживать в загробной. Были женами или помощниками — сохраняют тот же статус. На такую жертву тоже нередко шли добровольно.

Подобные «подарки», «гонцы» и «сопровождающие» кое-где практиковались и в совсем недавние времена. В некоторых африканских религиях требовалось умиловить духов воды во избежание засухи, поэтому в их честь ежегодно топили девушку или скармливали ее крокодилам, и в XX в. известен ряд судебных процессов над участниками подобных жертвоприношений. Дожил до нашей эпохи и древнеиндийский обряд «сати» — ухода из жизни жены вместе с мужем. Ни о каком насилии и речи быть не могло, поскольку законами такие ритуалы воспрещались. Но когда в 1987 г. в Раджастане восемнадцатилетняя вдова с энтузиазмом взойшла на костер и сторела заживо, ее поступок заслужил массовое одобрение, в том числе среди женщин. Ее объявили избранницей и даже воплощением богини Дурги, и у нее до сих пор находятся последовательницы, славящие возрождение традиции и объявляющие это пробуждением угасавшей женской энергии «шакти»...

Ну а что касается «заместителей», то они назначались для более близкого единения с божеством. Такие обряды тоже известны в относительно недавние времена, в XV—XVI в. они существовали у центральноамериканских индейцев, где назначались юноша — «двойник» бога Тескатлипока, и девушка, «двойник» богини кукурузы Чикомекохуатль. В течение года им воздавались почести. После чего юношу укладывали на алтарь, а «богине» отрубали голову и сдирали кожу, в которую облачался жрец, возглавлявший священную пляску. И назначали следующих. Таким образом считалось, что сами боги в телах «заместителей» живут среди людей. В древности подобные ритуалы практиковались и в других цивилизациях, были связаны с культурами умирающих и возрождающихся божеств. Так, сейчас доказано, что многочисленные записи мифов, обнаруженных на табличках древних шумеров и вавилонян — со вставленными в них диалогами и монологами, песнями, повторами обращений одного персонажа к другому, являлись не просто передачей легенд, а «сценариями» храмовых мистерий [39]. Среди них есть и «сценарии», восходящие к архаичным обрядам жертвоприношений.

Например, тексты о нисхождении богини любви и красоты Инанны (в вавилонском варианте Иштар) в преисподнюю к своей сестре Эрешкигаль. Проходя поочередно семь ворот подземного мира, она произносит определенные ритуальные диалоги, и у каждого ворот с нее по частям снимают одежды и украшения — точно так же, как в обрядах ацтеков «заместитель» божества поэтапно разоблачался, поднимаясь с яруса на ярус пирамиды. После этого обнаженная Инанна предстает перед сестрицей и семью судьями, которые умерщвляют ее, подвешивая на вбитый в стену крюк. А на четвертые сутки подземные боги соглашаются отпустить Инанну-Иштар при условии, что она оставит себе замену. Ее воскрешают, посыпая «пищей жизни» и окропляя «водой жизни», а при возвращении на землю она у каждого из семи ворот получает назад свои одежды и украшения. Что очень напоминает ритуал посвящения новой «заместительницы», который и символизировал «воскрешение» богини, оставившей вместо себя в мире мертвых прошлую жертву.

Причем в записях данного мифа, обнаруженных в разных городах Месопотамии, существовали значительные расхождения. Иногда богиня идет в преисподнюю, чтобы выкупить собою мужа и брата Думузи (Таммуза) — божество плодородия, без которого на земле «бык не покрывает корову, осел не оплодотворяет ослицу, мужчина не оплодотворяет деву». В других вариантах наоборот, по возвращении на землю отдает его в жертву, как плату за себя — очевидно, это соответствовало различным обычаям жертвоприношений у разных племен.

Вариации сходных обрядов можно найти и в легендах других народов. Иногда они связаны со смертью женского божества, как в мифе о Деметре и Персефоне, иногда мужского — как в легендах об Аттисе, Осирисе, Дионисе. В более поздние времена жертвоприношение обычно обыгрывалось символически. Скажем, в греческих Элевсинских мистериях, посвященных Деметре и Персефоне, добровольцы условно проходили через смерть, приобретая при этом некие «тайные знания». Но кое-где обряды очень долго сохраняли свою изначальную кровавую природу.

Иногда «заместителями богов» выступали древние цари — на этом и основывался сакральный характер их власти. Но когда люди полагали, что властители перестали олицетворять божество, участь их была печальной. Так, на Крите в Минойскую эпоху кроме женщин-жриц имелся и мужчина-царь. Но он был не пожизненным, а избирался на девять лет. После чего ему требовалось подтвердить свои «полномочия», в определенных обрядах доказать «богоизбранность», физическую и мужскую силу. Если не прошел — отправлялся к «богам» и заменялся новым. В Месопотамии подтверждение требовалось ежегодно. Для чего царю надо было подняться на вершину зиккурата, и после таких физических нагрузок вступить в связь со жрицей, обитавшей в расположенном наверху храме.

Позже обряды смягчились, стали допускаться символически. Но в древнейшие времена старость, болезнь, недееспособность царя могли стоить ему короны. Вместе с жизнью. Чтобы вместе с царем не ослабло и государство [214]. Такие же обычаи вплоть до недавнего прошлого существовали у некоторых африканских народов, причем индикатором немощи и необхо-

димости замены царя служила его неспособность удовлетворять своих жен [78]. В скандинавских сагах конунгов Домальди и Олафа-Лесоруба приносят в жертву по случаю неурожая и голода — делался вывод, что «божество» их покинуло, и они уже не угодны небожителям.

Хотя иногда для этого определялся «заместитель» царя. В Вавилоне при тех или иных бедствиях, плохих предсказаниях жрецов, властитель символически уступал трон другому человеку. Этого «двойника» убивали, и считалось, что предсказание исполнилось, «царь» умер, и прежний властитель может править дальше. Последний раз такой ритуал попытались воспроизвести при болезни Александра Македонского. А в скандинавских преданиях конунг Аун для продления собственной жизни несколько раз назначал «заместителями» и приносил в жертву своих детей.

В целом же кровавые ритуалы процветали повсюду. Л. Вулли обнаружил в Уре 16 шумерских царских гробниц, датируемых III тыс. до н.э., со множеством «сопровождающих». В одной их количество достигло 74 — целый штат воинов, придворных дам, музыкантов, слуг. У древних индусов существовала градация жертв: козел, баран, бык, конь, высшая — человек. В святилищах Крита найдены записи, относящиеся уже не к Микенской, а к Ахейской эпохе — перечислялись рабы и рабыни, которых знатные паломники дарили храмам для ритуального убийства.

В греческих легендах для достижения победы над врагом Демофонт приносит в жертву Макарию, Эрехтей — Хтонию, мессенцы — деву из рода Кресфонта, этолийцы — Каллирою, Ойней — деву по жребию, Тесей в последний момент спасает от заклания Елену, перед началом Троянской войны кладут на алтарь Ифигению, а после победы режут Поликсену. И избранницы, как сообщают мифы, относились к такой участи с полным пониманием. Украшались наподобие жертвенных животных, с достоинством восходили к алтарю, сами обнажали грудь, подставляя ее под жертвенный нож. Кстати, если учесть традицию, согласно коей пол жертвы должен был совпадать с полом божества, нетрудно увидеть, что вплоть до II тыс. до н.э. роль главных воительниц все еще выполняли богини.

В семитских культурах Ближнего Востока — сирийской, финикийской, еврейской, очень широко были распространены жертвоприношения собственных детей. Они зафиксированы в греческих, римских, иудейских источниках, неоднократно упоминаются в Ветхом Завете (напр. 3-я Кн. Царств, 16, 34; 4-я Кн. Царств, 17, 17; 17, 31; Иезекииль, 16, 20-21;) — «и устроили высоты Тофета в долине сыновей Еномовых, чтобы сожигать сыновей своих и дочерей в огне» (Иеремия, 7, 31). Такие ритуалы подтверждены и археологическими данными — жертвенник-тофет с остатками золы и детских костей обнаружен при раскопках карфагенской колонии Мотия на Сицилии. Но это считалось вполне нормальным, тофеты одновременно играли роль культурных центров, так сказать, мест «народных гуляний» и празднеств.

И если в Ветхом Завете Бог вроде бы запретил Аврааму человеческое жертвоприношение, то в иудаизме они все равно случались. Взять хотя бы историю, как Иефай в благодарность за победу убивает на алтаре свою дочь (Суд., 11; 34-40). И его поступок не осуждался, считался похвальным. Да и жертва ничуть не возмущалась, сочла — надо так надо. Отпросилась попроститься с подругами, после чего послушно вернулась к отцу для заклания.

Римляне свидетельствовали о жутких ритуалах кельтов — в честь одного божества жертву вешали, в честь других топили, закалывали, зарывали заживо или сжигали. Сцена человеческого жертвоприношения показана и на фреске этрусков, где несколькими голым пленникам или рабам перерезают глотки. А гладиаторские игры произошли от погребальных обрядов этрусков, у которых они тоже являлись формой жертвоприношений. Но и у самих римлян страшные обряды практиковались, хоть и редко. Тит Ливий рассказывает о жертвоприношении двух пар рабов и рабынь, чтобы вымолить победу над галлами. И подчеркнем, перечисленные примеры относятся ко временам и народам, которые уже принято считать «цивилизованными». А в глубинах «темных веков» крови в честь богов лилось куда больше. Но, повторюсь, психология людей была иной, и они полагали свои порядки вполне естественными, мудрыми и справедливыми, заповеданными от самих богов.

АРИИ ЗАВОЕВЫВАЮТ ЗЕМЛЮ

Арийская цивилизация стала широко распространяться по лицу планеты. Причины могли быть различными. Скорее всего, они и были различными для разных племен, разных волн переселенцев. Во-первых, умножение людей и их стад требовало освоения новых пространств. Во-вторых, войны. Начавшись в ограниченном варианте, например, из-за угонов скота, они перерастали и в более крупные столкновения. А если удалось разгромить и покорить ближайших соседей, то почему бы не ударить на следующих? Ну а более слабым, чтобы не быть покоренными, оставалось уходить в другие места. В-третьих, случались переселения в поисках более благоприятных и плодородных мест, инициировались колебаниями климата — временными похолоданиями, засухами. Наконец, стоит упомянуть и обычай, отмеченный впоследствии у некоторых италийских народов — умбров, самнитов, сабинов. В случае, если племя начинали преследовать неудачи, оно в качестве искупления объявляло год «священным». И всех родившихся в этот год детей и животных как бы жертвовало богам. Но не убивало, а давало подрасти, и по достижении совершеннолетия высылало за пределы своей земли. На волю богов. Захотят — погубят, а захотят — дадут новые, более «счастливые» места для поселения.

Миграции шли в различных направлениях. И картина их была очень запутана существующими методами оценки археологических находок. Так, выделяют три «культуры», распространявшиеся из Восточной Европы на запад, — культуры «строителей мегалитов», «боевых топоров» и «шнуровой керамики». И все они по признаку «бронзового века» датировались II тыс. до н.э. Позже покумекали, и тот же признак «бронзового века» сдвинули к III тыс. до н.э. Получается, что в одном направлении, по одной и той же территории, двигались три разных народа. Один состоял из воинов с боевыми топорами. Другой строил мегалиты. А третий лепил горшки!

Хотя с точки зрения обычной логики нетрудно понять, что данные «культуры» надо объединить. Что одни и те же племена

ариев возводили мегалитические памятники, пользовались керамикой со шнуровым орнаментом и выходили на врага с боевыми топорами. И отследить хронологию освоения ими Европы мы можем достаточно определенно. Как уже отмечалось, по данным радиоуглеродного анализа, святилище в Чехии, в Макотржасах, было построено около 3500 г. до н.э., а Стоунхендж в Британии — в 2250—2000 гг. до н.э. Откуда видно — это был не единовременный завоевательный поход, а именно постепенное расселение.

О том же свидетельствует расположение мегалитических комплексов в виде «цепочки». Аркаим, Куликово поле, Макотржасы, Шленза. Аналогичные комплексы обнаружены в Нидерландах, во Франции — Карнак, в Ирландии — Нью-Грейндж. А, допустим, по верованиям древних индусов, святилище на момент совершения ритуалов считалось «центром земли». Откуда напрашивается предположение, что мегалитические комплексы в определенные периоды являлись центрами обитания тех или иных общностей, племенных союзов. Когда же обстоятельства требовали переселиться или от одной общности отпочковывалась другая, возводились новые святилища.

А о единстве культуры свидетельствуют не только общие «типовые проекты» и общая мера длины, «мегалитический ярд». Но и расположение святилищ. Замечено, что главные из них тяготеют к 52-й параллели. Этот выбор не случаен. Как вы знаете, Земля — не идеальный шар, а эллипсоид, «сплюснутый» у полюсов и «растянутый» у экватора. Если же представить ее в виде правильного шара, то линия пересечения такого шара с реальной формой пройдет как раз по 52-й параллели. Жрецы выбрали для строительства своих обсерваторий идеальное место!

Успехам ариев в освоении огромных пространств от Испании до Китая и Индии способствовало изобретение колесной повозки. Что научные школы опять с какой-то стати селятся связать с Месопотамией. Забывая или не желая подумать, что лодки в Восточной Европе существовали давным-давно. А самый удобный способ перетащить лодку через волок — подложить под нее бревна-катки. Да и огромные камни для строительства мегалитов перемещали не иначе как с помощью катков. А отсюда и до колеса недалеко. И мигрирующие племена

получили возможность перевозить свой скарб, стариков и детей. Индоарийским народам принадлежат первые в Центральной и Западной Европе изображения и статуэтки колесных повозок, запряженных волами или лошадьми.

Впрочем, и в остальных отношениях они принесли на Запад весьма высокую для того времени культуру — земледелие, скотоводство, градостроительство, металлургию. Археологические находки показывают, что уровень развития автохтонного населения Запада был еще весьма низким. Обитатели древней Франции и других прилегающих регионов по-прежнему жили охотой, рыболовством, только-только начали заниматься примитивным земледелием. Как подметили антропологи, вплоть до бронзового, а то и до начала железного века в Швейцарии, Северной Италии, Англии сохранялись потомки племен каменного века, негры-гримальдийцы. Вероятно, именно они отмечены в древнегреческих мифах в качестве «эфиопов», живших не только на юге, но и где-то на западе, у Океана. А Сардинию вообще населяли каннибалы — при раскопках их селений найдены расколотые и высосанные человеческие кости вперемешку с костями животных. Только в XIV в. до н.э., они были истреблены пришельцами с востока, тирренами-этрусками.

Цивилизация Восточной Европы отличалась от Западной, как небо и земля. Там всюду строились многочисленные селения и укрепленные города. Крупные населенные пункты, окруженные рвами и валами, существовали по Дунаю, Саве, Тисе и Драве. Остатки больших и развитых городов найдены в Отомани, Урмице, Майене. Люди здесь жили в длинных деревянных домах с несколькими жилыми комнатами и стойлами для скота на 20 — 30 голов. Население такого дома составляло 15 — 20 человек. Выявлены однозначные следы государственной организации. В Урмице город объединял вокруг себя целый ряд неукрепленных поселков, а для строительства защитных сооружений был проделан колоссальный объем работ — перерыто 60 тыс. кубометров земли, возведены прочные бревенчатые стены и палисады. В Отомани (Словакия) город окружали стены с башнями, защищавшими въездные ворота, и кроме того, существовал внутренний акрополь, застроенный каменными домами. Причем богатые археологические находки показывают, что

в акрополе проживала местная знать (когда читаете это, не забывайте, что речь идет не об эпохе Средневековья, а о временах, когда в Египте правили фараоны Раннего и Древнего царств, а Рима в помине не существовало).

С приходом индоарийских народов в Европе быстро прогрессирует ремесленное производство. Крупным центром по производству металлических изделий стала Паннония, отсюда топоры, ножи и прочие инструменты расходились по всем соседним странам. Началось производство стекла и фаянса. И разработка рудников в Чешских, Рудных горах, Судетах, Бескидах, Альпах. Осваиваются соляные копи. В Центральной Европе выделяют ряд сходных археологических культур — Баденскую, Унетицкую. Так, Унетицкая названа по обширному могильнику близ Праги. Покойников здесь погребали под курганами. Вместе с мужчиной-воином отправляли на тот свет женщину, супругу или наложницу, клали оружие, бронзовые кинжалы и топоры, золотые и бронзовые украшения. Гробницу устраивали из бревен в виде «шалаша», а сверху засыпали землей. То есть видно явное сходство обрядов с Ямной и Катакомбной культурами. Здесь тоже существовал развитый центр ремесленного производства — бронзовые изделия, характерные для Унетицкой культуры, распространялись до Трансильвании, Северной Италии, Балтики и Атлантики. Характерным оружием воинов были бронзовые боевые топоры, хотя наряду с ними употреблялись и шлифованные каменные.

В долине Дуная и его притоков строились свайные деревянные дома на помостах — остатки примерно таких же жилищ обнаружены в Вологодской обл. и на Урале. Поселение окружалось валом и рвом. Придунайские культуры интересны тем, что благодаря консервирующему действию болотных почв и торфа, тут сохранилось много деревянных предметов. Мебель, стоявшая в древних домах — столы, скамьи, сундуки. Деревянная посуда. Найдены изделия из льна и шерсти — нитки, шнурки, веревки, тесьма. Ткацкие станки и ткань, вязанная вручную. Эта культура дошла до Альп и переклестнула в Северную Италию — такие же поселки возникли в долине р. По.

А от Чехии близкие культуры курганных погребений распространялись на Германию, Австрию, Голландию, Данию, Скандинавию.

динавию. В прирейнской Германии, верховьях Дуная и Восточной Франции зафиксирована Михельсбергская культура. Тут тоже возводились мощные и обширные крепости со рвами, валами, каменными стенами, строились мегалиты. Вокруг крепостей группировались неукрепленные поселки скотоводов и земледельцев. Выявлено множество курганов со сложными погребальными сооружениями. С рядовым общинником обычно клали только топор. С вождями и царями — по несколько мечей, копий, шлемы, щиты, при похоронах убивали коней.

Люди держали большое поголовье скота — коров, овец, лошадей. Пахота производилась с помощью сохи или плуга. Наскальные изображения плуга с упряжкой волов сохранились в Швеции и Альпах. Да и сами образцы древних плугов обнаружены в Польше, Швеции, Дании, Италии. Археологические находки показали, что люди уже использовали на полях удобрения. Развивалась торговля. Между разными регионами шел обмен товарами, коими являлись соль, металлы, фаянс, оружие, украшения, янтарь. На берегах Балтийского и Северного морей возникло развитое мореходство. В здешних рисунках встречаются изображения многовесельных кораблей. Причем в Бохусене (Швеция) наскальная роспись показывает, как корабли высаживают десанты воинов с длинными мечами и круглыми щитами. Внутрибалтийские плавания становятся обычным явлением — похожие изображения кораблей найдены и на восточном берегу, в Финляндии, Карелии, на Онежском озере.

Морским путем арии попали в Англию, Ирландию. Очевидно, даже раньше, чем освоили Францию — с Ютландского полуострова или берегов Рейна. Судя по данным археологии, культуры бронзового века и мегалитов распространялись по островам с севера. Легенды шотландских пиктов упоминают о переселениях откуда-то из Восточной Европы. А предания, собранные в ирландской «Книге завоеваний», сообщают, что «племя богини Дану» — одна из главных волн переселенцев, пришло на остров с севера, «ведомое друидами». И в результате жестоких войн захватило Ирландию, которой раньше правили чудовища-фоморы. Возможно, в таком виде ирландские легенды сохранили память о черных гримальдийцах.

Очевидно, без войн не обходилось и расселение в другие районы. Завоеватели при этом получали преимущественное положение, а завоеванные становились подданными. И крепости требовались не только при столкновениях между самими арийскими племенами, но и для защиты от набегов автохтонных охотников, для удержания их в повиновении. Появилось уже и рабство. Но оно еще носило патриархальный характер. Рабы и рабыни принадлежали не персональному владельцу, а роду. И включались в состав «большой семьи» на правах «второсортных», подчиненных ее членов.

Население деревни или большого дома составляла одна такая семья, включающая 3—4 поколения родичей и рабов. Она сообща владела имуществом, вела общее хозяйство, совместно справляла праздники и религиозные обряды. И состав «семьи» мог достигать 200—300 человек. Но в Европе последующих времен национального расслоения уже не обнаруживается. Следовательно, более высокоразвитые пришельцы постепенно ассимилировали коренных жителей, и их потомки растворились в арийских племенах. За исключением все тех же гримальдийцев. Они были слишком не похожими на европеоидов. И с ними, видимо, войны шли на полное вытеснение или истребление.

Археология приходит к выводу, что во второй половине III тыс. до н.э. обширные области Европы «составили в некотором отношении единство, которого Европа не достигала ранее в эпоху неолита» [150]. А лингвисты полагают, что «этнолингвистическая картина, которая известна для Европы бронзового века, сложилась во второй половине III тысячелетия до н.э.» [42]. Что четко совпадает с «конечной точкой» мегалитической «цепочки» — строительством Стоунхенджа в 2250 — 2000 гг. до н.э. Это и есть время окончательного завоевания Европы арийскими племенами.

Правда, археологи выделяют и «неарийскую» культуру, распространявшуюся с Пиренеев, так называемую «культуру колоколовидных кубков», утверждая, что она дошла от Испании до Центральной Европы, Польши и Венгрии. Что ж, в Испании действительно жило неиндоевропейское население, иберы, тоже находившиеся на довольно высокой ступени развития (единственный такой очаг на Западе). Но что касается распростране-

ния упомянутой «культуры», то тут исследователи явно попали в плен собственных ограниченных методик. Поскольку колоколовидные кубки были отнюдь не культовыми предметами. Это были большие кружки наподобие современных пивных, красивой формы и с ручкой. Гораздо удобнее обычных чаш. Поэтому распространялись не иберы, а их кружки. Либо через торговлю, либо через заимствование технологий.

В то же самое время, когда арии заселяли Запад, другая их ветвь с Восточноевропейской равнины двинулась на юг. Прорвалась во Фракию, оттесняя здешних жителей южнее, переправилась через Босфор в Малую Азию (впрочем, пролива Босфор еще не существовало, на его месте был перешеек) и основала Фригийское царство. В начале III тыс. до н.э. здесь был построен знаменитый город Троя (Илион). Но в Малой Азии продвижение не было таким легким, как в Европе. Тут арии встретились с другими сильными народами. Хурритскими (кавказской языковой семьи), семитскими (халдеи), с пеласгами. И пришельцы были остановлены.

Лишь значительно позже, во II тыс. до н.э., часть индоевропейцев проникла и в центральные области Анатолии, и здесь возникло хеттское царство со столицей Хаттусас (недалеко от Анкары). Однако оно не стало чисто арийским. Археология и лингвистика выявляют смешанное, очаговое проживание разных народов. Государственные архивы велись на нескольких языках — арамейском, фригийском, хурритском (родственном абхазскому и адыгскому). Среди «тысячи богов хеттов» известны и арийские — Пирва (Перун), Сиват (Свет), Арма. Но они являлись второстепенными. А основа религии и мифологии, зафиксированной в архивах хеттских табличек, была хурритской. В общем, здесь случилось обратное тому, что произошло в Европе — завоеватели-индоарийцы были малочисленными. И ассимилировались в среде автохтонного населения, переняв его обычаи и верования. Да и само царство хеттов было, судя по всему, неоднородным, состояло из различных полуавтономных частей. Они то объединялись в могучую империю, угрожавшую Египту и Вавилону, то распадались. Троя-Илион то входил в сферу влияния хеттского царства, то оказывался самостоятельным.

Еще одна группа арийских племен во II тыс. до н.э. углубилась на юг через Закавказье. И основала царство Миттани, оно же Мидия, занимавшее территорию к востоку от р. Тигр до южного побережья Каспия. Нередко историки ошибочно локализуют это царство в Сирии, где его абсолютно некуда «втиснуть» между другими народами. Но архивы царей Миттани из нескольких тысяч табличек обнаружены в г. Нузу на территории Мидии. И представляются верными выводы американского историка И. Великовского, отождествившего два произношения одного и того же названия. Хотя цари Миттани вели завоевательные войны, одно время и впрямь владели Сирией, отчего и случилась путаница.

Другая часть ариев расселялась через Среднюю Азию на Иранское нагорье и Афганистан. Иран как раз и означает — Ариана, страна ариев. Мидийцы и иранцы (это были два разных народа) стали барьером на пути семитов-амореев, которые во II тыс. до н.э. достигли вершины могущества, покорили города-государства шумеров и в XVIII в. до н.э. под руководством царя Хаммурапи создали Вавилонское царство, объединившее Месопотамию. Но расширить свои владения на восток аморей не смогли, там территории уже принадлежали сильным арийским властителям.

Проследить и датировать расселения на восток гораздо труднее. Здесь сохранилось меньше характерных археологических находок. А методики их оценки оставляли желать лучшего. Не сохранилось свидетельств и у соседей. Потому что китайскому императору Цзин Ши Хуанди, правившему в 246 — 209 гг. до н. э. и завершившему объединение страны из нескольких царств и княжеств, вздумалось начать отсчет мировой истории с самого себя. И по его приказу в Китае были сожжены все книги и документы, относящиеся к предшествующим временам, в том числе исторические хроники, эпические поэмы — было велено оставить только «техническую литературу», к коей отнесли книги по гаданию, медицине и агрономии. Мало того, император распорядился казнить всех, кто ранее читал уничтожаемые труды.

Но отметим — к тому времени, когда началось составление новых хроник, китайцы считали европеоидов, обитавших

рядом, уже древними народами и очень давними своими соседями. В Синцзяне индоарийцы основали очень развитую тохарскую цивилизацию (по-тибетски «то-хар» означает «белая голова», блондин). Тут были построены системы подземного водоснабжения и орошения, что позволяло собирать по несколько урожаев в год, выращивался лучший в мире виноград, арбузы, фрукты. Города являлись важными центрами торговли и ремесла. Арийские скотоводческие племена освоили и всю степную полосу до Забайкалья и Маньчжурии. Кое-где они успели глубоко проникнуть и в сам Китай, образовав там свои княжества (народ «ди»). Впоследствии, в ходе кровопролитнейшей Войны Царств, шедшей в III в. до н.э. за объединение Китая, эти княжества были разгромлены, а их население перебито.

Что же происходило в «эпицентре» арийского мира, в причерноморских, поволжских, уральских краях? Здесь по-прежнему существовали весьма развитые формы цивилизации, что подтверждает версию не *переселения*, а *расселения*. Например, остатки древнего города, относимого ко II тыс. до н.э., открыты археологами под Челябинском. Он имел два обвода мощных стен, жилые здания, дворцы. Здесь же, в Синташтинских могильниках найдены богатые погребения знати с оружием, украшениями, жертвоприношениями коней, быков и баранов. И с боевыми колесницами. Этот род вооружения был хорошо известен ариям, колесницы составляли в атаках их главную ударную силу.

Следы крупных поселений, относящихся к данной эпохе, обнаружены на Волге и Каме. Тут строились большие дома сложной бревенчатой конструкции площадью от 50 до 200 кв.м с многочисленными очагами и хозяйственными сооружениями. В центре поселка устанавливался жертвенник. При раскопках находят слитки бронзы, ножи, долота, которые соседствуют и с костяными или кремневыми изделиями. В погребениях встречаются украшения — височные кольца, бусы из камня или меди, сосуды, колчаны для стрел, остатки богатой одежды. В кургане у деревни Калиновка Волгоградской обл. обнаружено захоронение мастера-литейщика. В его могилу положили формы для отливки бронзовых топоров разных видов. Найдены и заготовки, «полуфабрикаты» изделий.

Часто в захоронениях оказываются вместе останки мужчины и женщины. Но не во всех. Вероятно, ритуал отправлять супругу на тот свет вместе с мужем существовал, но были и случаи, когда он не применялся. Иногда вместе с мужчиной и женщиной находят и детей. Что допускает разные объяснения. Может быть, в определенных ситуациях полагалось умерщвлять и отпрысков. А может, просто хоронили вместе семью, погибшую от какой-то эпидемии или при набеге врагов.

Государство на территории России существовало явно не одно. Так, на Северном Кавказе выявлена Майкопская культура, датируемая II тыс. до н.э.. Здесь найдены остатки городов с каменными стенами, курганы с богатой утварью. В одном из курганов на глубине 11 м был похоронен мужчина. Поверх тела был установлен балдахин, поддерживаемый 6-метровыми серебряными трубками. В могилу положили множество украшений из золота, лазурита, бирюзы, сердолика, золотые и серебряные сосуды. Здесь найдены чеканные пластины с изображениями льва и быка, вазы с фигурами животных и рисунком Кавказского хребта, бронзовое оружие — боевые топоры и кинжалы. Это, разумеется, была могила могущественного царя. А рядом находились погребальные камеры с останками двух женщин. С куда более бедным инвентарем. Видимо, это были не жены, а рабыни-наложницы.

А на север от степей, в лесах, возникла Фатьяновская культура. Может быть, создавшие ее племена были вытеснены сюда врагами, а может, действовали иные механизмы расселения. Фатьяновские племена освоили территорию от Ярославской и Московской до Брянской областей, принесли сюда высокие формы металлургии и керамики, развитое скотоводство, стали здесь первыми земледельцами. Но данный очаг цивилизации оказался недолговечным и дальнейшего развития не получил. То ли был разгромлен местными охотничьими племенами, а скорее, постепенно растворился в них.

Что касается духовной жизни ариев, то самой древней из известных нам является ведическая религия. Та самая, от которой произошел современный индуизм. Несомненно, уже существовала какая-то религиозная философия, священная и эпическая поэзия. Исследователи полагают, что самые древние гим-

ны «Ригведы» восходят к III, а то и к IV тыс. до н.э. Известно, что ведическую религию исповедовали арии Миттани, Афганистана. Она родственна и древнеславянским верованиям. Само слово «веда» близко славянскому «ведать» — знать, ведический бог Агни — Огонь и т.д. Эта религия оставила следы и в российской топонимике. Река Кама носит имя ведического бога (в некоторых версиях богини) любви, а Ока — его (ее) сын. В Ригведе упоминается и «река Ра — великая мать» — это древнеарийское название Волги.

Но позже в этих же краях родилась еще одна мировая религия — зороастризм. Исследователи зороастрийских текстов приходят к выводу, что зороастризм возник в середине II тыс. до н.э. на территории нашей страны. Доказательства этому приводят последователи авестийской школы П. Глобы [47]. С ним согласна и известная английская исследовательница М. Бойс: «Исходя из содержания и языка сложных Зороастром гимнов, теперь установлено, что в действительности пророк Зороастр жил в азиатских степях к востоку от Волги» — и время его жизни датирует II тыс. до н. э.[67].

Зороастр был реальным историческим лицом. По предположению П. Глобы, родился где-то на Каме. Судя по его «гатам» — гимнам, он происходил из рода Спитама, отца звали Пурушаспа, мать — Дугдова. Они погибли при нашествии врагов. Зороастр стал профессиональным жрецом, имел жену и двоих дочерей. В 30-летнем возрасте он отправился утром на реку за водой для приготовления священного хмельного напитка, хаомы (или сомы). Где ему было видение, и он стал проповедовать новую веру. Прежних богов — дэва он объявил дэвами — демонами. А истинным, единым Богом — Ахурамазду. Другие, младшие божества выступают лишь его проявлениями. Но религия зороастризма дуалистична, она полагает наличие в мире и злого начала, Анхра-Манью. И роль человека в мире — помогать Ахурамахе одолеть врага. Зороастр отменил жертвоприношения людей и животных, ввел обряд поклонения огню. И был первым, кто предрек грядущий приход в мир Спасителя, Мессии.

На родине пророка эту веру не приняли, ему пришлось бежать и скитаться. И прибежище он нашел в могущественном царстве Хайрат. Сторонники школы Глобы локализуют это го-

сударство на Южном Урале — там, где находилось крупное святилище Аркаима, упомянутые города и погребения близ Челябинска. Правил там царь Авватаспа, а потом его преемник Виштаспа. Который и стал покровителем Зороастра, первым обращенным. И ввел новую религию в своей стране. Основы ее были изложены в трех книгах «Авесты» — «Ясна», «Яшты» и «Видевдат». Но запись их была сделана гораздо позже. Впрочем, как и индуистских «Вед». Даже когда уже была распространена письменность, древняя арийская традиция повелевала передавать священные тексты только устно, заучивая их наизусть.

«Авеста» перечисляет 16 известных ей древних стран, указывая их достоинства и недостатки. Большинство из них идентифицировать, конечно, затруднительно. Но любопытно упоминание об одной из них — расположенной у истоков реки Ранха, т.е. Волги. Она названа в числе «лучших», а недостатками ее являются жестокие морозы, насылаемые дэвами, и чужеземные властители. Вероятно, имеется в виду как раз Фатьяновская культура в бассейне Волги и Оки. А Виштаспа в дошедших до нас молитвах просит даровать ему победу над царями «неверных» Тантрияватой, Пэшану, Ардэтаспу и Хумаяку. Очевидно, они правили соседними с ним государствами Восточной Европы и Средней Азии.

И внедрение новой религии наверняка не обошлось без войн. Для тех, кто принял зороастризм, он стал знаменем, поводом сокрушить «неверных». Для «неверных» — поводом ударить на вероотступников. Не исключено, что именно эти войны стали толчками к дальнейшим передвижкам и переселениям народов. Во всяком случае, такие передвижки происходили. Где-то в период с XVIII до XII в. до н.э. часть «ведических» ариев с территории Афганистана несколькими волнами проникла в долину Инда. Здесь они сокрушили и завоевали высокоразвитую Хараппскую цивилизацию. И начали постепенно распространяться по землям полуострова Индостан. Упоминания об этих войнах сохранились в гимнах «Ригведы»: «В один день Индра и Агни разрушили 99 городов дасу...»

Но дравиды-негроиды, встреченные здесь ариями, были куда более развитыми народами, чем охотники Западной Европы. Поэтому пошла не их односторонняя ассимиляция, а вза-

имное этническое и культурное смешение пришельцев с автохтонным населением. Однако со времен завоевания в индуизме сохранилось деление на «варны»: брахманы — жрецы, кшатрии — воины, вайшьи — крестьяне и ремесленники, и шудры — слуги. Плюс внекастовые, неприкасаемые. Причем только три высших касты — брахманов, кшатриев и вайшьев, 30% населения — называли себя «ариями». А низшие должны были их обслуживать — они происходили от покоренных народов.

Хотя не все арии, участвовавшие в завоевании Индии, остались там. Вероятно, для кого-то поход на богатые города Хараппы был просто грабительским набегом. Или климат показался неподходящим. И часть их вернулась. Это отразилось в греческом мифе о победоносном походе на Индию бога Диониса. Дионисий Периегет писал, что «после индийской войны» Вакх-Дионис направился к «камаритам» — жителям Кубани и Черноморского побережья Северного Кавказа, где встретил радужный прием, и был утвержден его культ. А потом он во главе полчищ скифов, фракийцев, амазонок, то есть народов севера, вторгся в Грецию.

Это соответствует вторжению на Балканы в XVIII—XVI вв. до н.э. нескольких волн арийских народов — ионийцев, эолийцев и ахейцев. Античные авторы уже позже, в начале нашей эры, упоминают племя «ахеев» на Кубани и в Приазовье. Очевидно, часть его осталась на старых местах проживания, а часть отправилась завоевывать новые земли. Пришельцы разгромили прежних жителей Греции — пеласгов, данайцев, карийцев. Мифы рассказывают о битве Диониса с данайцем Персеем. Старое население потеснили в горные районы Аркадии и Эпира. И в Элладе утвердились новые хозяева, создавшие здесь величественную Ахейскую цивилизацию.

Между прочим, древние переселения ариев отразились и в русских преданиях — в былине о Волхе Всеславьевиче, воевавшем с царем Индейским. Имя Волх близко к тому же самому Вакху-Дионису. А ни в какие другие времена предки русичей и обитателей Индии в войнах не сталкивались. Правда, былина могла сохранить воспоминания и о войнах с индийцами, которые... еще не жили в Индии.

ТРОЯНСКИЙ УЗЕЛ

В середине — второй половине II тыс. до н.э. расселение ариев в основном завершилось охватив почти всю Европу и значительную часть Азии. Но когда мы говорим о «семье» индоевропейских народов, надо помнить, что данный термин остается чисто лингвистическим. Друг с другом члены этой «семьи» враждовали и месились еще и покруче, чем с «чужими». Например, носители зороастрийской веры оттеснили на юг носителей ведической, но и сами на севере не удержались. Некоторые исследователи полагают, что сказались и колебания климата. Может быть и так, но и новая религия понравилась явно не всем, и у ариев-зороастрийцев появились сильные враги.

В это время в евразийских степях и лесостепях возникают Срубная и Андроновская культуры. Срубная, названная по курганам, под которыми устраивались погребения в виде сруба, охватила Среднее Поволжье и Южное Приуралье. Она принадлежала киммерийцам. А Андроновская — скифам и распространялась восточнее, охватывая Казахстан, Западную Сибирь, Киргизию, Забайкалье, Алтай. Скифы и киммерийцы произвели революцию в военном деле — оседлали коня. А по сравнению с кавалерией боевые колесницы оказывались неуклюжим и неэффективным вооружением. И зороастрийцам пришлось в конце концов отступить в Иран, где и утвердилась их религия.

А Средняя Азия стала Тураном. Здесь возникла еще одна мировая религия — митраизм. Она приняла понятие единого Бога. Точнее, была пантеистической. Согласно концепциям митраизма, Бог присутствовал во всех явлениях природы, а различные божества выступали Его воплощениями. Но пантеон остался близким к ведическому, а на первый план выдвинулись боги неба, земли и их сын — божество солнца и войны, Митра (хотя у разных народов имена его различались).

В Передней Азии спорили за главенство несколько государств. Миттани, Ассирия, Вавилон, Египет, Хеттское царство, Фригия. Одно время лидировала Миттани-Мидия. Она разгро-

мила и захватила Ассирию, овладела Сирией. Воевала с египтянами и хеттами, но от хеттов понесла тяжелое поражение, утратила свои завоевания. После чего мидийцев разбила вернувшая самостоятельность Ассирия. А хетты утратили власть над Фригией, отобравшей у них значительную территорию.

Ну а некоторые народы, обитавшие в Причерноморье, нам известны по греческой мифологии, по произведениям последующих античных авторов. Так, в Западной Грузии существовало царство колхов — они были прекрасными мореходами, градостроителями, воинами, металлургами. В Малой Азии на р. Галис жили гализоны. Но и в Северо-Западном Причерноморье, на Южном Буге, упоминаются земледельцы-ализоны. Вероятно, это были две ветви одного и того же народа. Причем в «Илиаде» их вождь носит близкое к славянскому звучанию имя Годий. В Южном Крыму проживал древний, судя по всему даже и не индоевропейский народ тавров, приносивший в жертву богине-деве всех пленников и потерпевших кораблекрушение у их берегов.

А в низовьях Кубани и на Тамани лежало царство синдов. Здесь археологами обнаружены остатки укрепленных городов. Синды тоже умели строить корабли и были отличными моряками. Тут, кстати, стоит еще раз вспомнить, что при миграциях народ обычно разделялся. Поэтому одинаковые или сходные этнонимы оказываются порой разбросаны очень далеко друг от друга. И синды, например, известны не только на Кубани, но и в Индии. Где тоже славились в качестве моряков, отсюда и Синдбад-мореход арабских сказок. Дополнительным подтверждением о родстве тех и других синдов служит упоминавшийся миф о том, что Дионис после похода в Индию прибыл на Кубань.

Но зафиксированы и другие народы с похожими названиями. Древнегреческие авторы называют виндов или индов, и прародину их Геродот локализует где-то на востоке, в районе Каспийского моря. По-видимому, речь идет о разных ветвях одного и того же народа. Однако те же винды часто называются в другой транскрипции — венеды, венеты, энеты. Во II тыс. до н.э. одно из племен венетов обитало и в Малой Азии, предположительно во Фригии. Под именем венедов или вендов впослед-

ствии известны и славяне. Хотя, конечно, говорить о тождестве славян с индийскими хинди и синдами нельзя. Но они имели общие корни, разделившиеся в ходе древних переселений.

На Балканах в описываемое время господствовали ахейцы, создавшие в Греции ряд городов-государств, то союзничавших, то воевавших друг с другом. Гомер и прочие певцы-аэды составляли свои песни и сказания уже несколько веков спустя после гибели Ахейской цивилизации. Когда бывшее могущество рухнуло, господство на морях захватили финикийцы и тиррены, топившие все чужие суда. Поэтому во времена Гомера «ойкумена» греков крайне сузилась, сопредельные страны стали представляться далекими и недостижимыми, населенными всякими чудовищами. Но археологические находки показывают, что в период своего расцвета ахейцы вели обширную международную торговлю, имели регулярные связи с Сирией, Египтом, Финикией, Кипром, Сицилией, Италией, северобалканскими странами, Иллирией, Моравией.

Посещали и Черное море, клад их изделий обнаружен в устье Днестра. Память о встречах с всадниками российских степей запечатлелась в их мифах о кентаврах. Сами ахейцы верховой езды еще не знали, и легенды соединили лошадь и наездника в одно целое. О том же свидетельствует само слово «кентавр». Дословно — «конь — бык», что облику кентавров никак не соответствует. Правильнее будет перевод — конный житель Таврии, Северного Причерноморья.

В мифе о Язоне герои, спасаясь от погони колхов, направляются в устье Дуная, плывут по этой реке и снова попадают в море где-то далеко на западе, возле острова волшебницы Цирцеи. Разумеется, столь «прямого» сообщения по Дунаю быть не могло, река не канал. Но таким образом сохранилась память о важном «трансевропейском» торговом пути — ведь с Верхнего Дуная можно по притокам попасть в другие реки, достигнуть Атлантики или Западного Средиземноморья. А тот факт, что различные регионы Европы были связаны друг с другом, уже отмечался в прошлых главах.

Но затем разразилась первая война, известная нам по письменным описаниям. Троянская. Это было отнюдь неординарное событие, не рядовой набег нескольких племенных царьков

на другой город, как представляют некоторые теории. Народная традиция четко отделяет важное от мелочей. А Троянская война отделилась в памяти не одних только греков.

В XIII в. до н.э. среди эллинских городов-государств стали возвышаться Микены. Их цари начали диктовать свою волю другим городам, выступать верховными арбитрами в спорах между ними. И хотя это нравилось далеко не всем здешним царствам, Греция под гегемонией Микен фактически объединилась. Если раньше энергия воинственных ахейцев гасилась во взаимных столкновениях, теперь она выплеснулась вовне. Развернулась экспансия на Малую Азию. Главным противником ахейцев стала Фригия. Троя была фригийским городом. В «Илиаде» ее жителей часто называют «фригийяне», да и другие авторы — Павсаний, Вергилий и др. отождествляют троянцев с фригийцами.

Но с обеих сторон война носила коалиционный характер. Можно прийти к выводу, что в нее оказались вовлечены практически все государства Эгейского и Причерноморского региона. В «Илиаде» на стороне троянцев сражаются контингенты из Фракии, Пафлагонии, Мизии, Фригии, Лидии, Карики, Ликии, кикконы, пеоны, венеты, гализоны, пеласги из Фессалии. Позже, как упоминают Гомер, Гесиод и Вергилий, подключились какие-то амазонки и эфиопы. Может быть, это были последние европейские негроиды, нашедшие свою гибель в этой войне.

Привлекали союзников и ахейцы. В «Илиаде» один из главных героев сражений, Ахилл, является царем фессалийского племени мирмидонян, который погиб и был похоронен под Троей, но у греков были широко известны и другие версии. О том, что Ахилл и его друг Патрокл привели своих воинов с северных берегов Черного моря. Ликофрон называл Ахилла «владыкой Понта», а Алкей писал, что он «владычествовал над Скифской землей». Могилы, где якобы он похоронен, показывали и почитали на двух островах. На Змеином, в устье Дуная, и Белом, в устье Днепра — сейчас он превратился в Кинбурнскую косу. На обоих островах существовали святилища в его честь. А Тендровская коса между Днепром и Перекопом носила название «Ахиллов дром» («дром» — значит «бег» или «рис-

талище для бега»). По преданию, на этой длинной и узкой косе он упражнялся или проводил какие-то игры.

Могилу и храм Ахилла на о. Белом описывали Дионисий Периегет, Филострат Младший, Плиний, Страбон, Павсаний, Арриан, Псевдо-Скимн. И археологические раскопки на Кинбурнской косе действительно обнаружили остатки жертвенника, ритуальных приношений и надпись в честь Ахилла, а неподалеку, возле Очакова, найдены три мраморных плиты с посвящениями ему. Очевидно, в фигуре Ахилла предания совместили нескольких могущественных вождей, сражавшихся на стороне ахейцев. Поддерживало их коалицию и Хеттское царство. По легендам, путь к Трое указал грекам Телеф, сын Геракла, хотя сам в войне не участвовал. Но Телеф — это Телепин, один из главных богов хеттов. Можно выдвинуть версию, что после поражений, понесенных от фригийцев, хеттская дипломатия стала искать способ расквитаться и обезопасить себя от соседей. И наскакала на них ахейцев.

Осада и падение Трои — факт исторический, подтвержденный археологией. А мифологическая хронология четко сходится с данными радиоуглеродного анализа. Так называемая «Троя — 7а» (и до нее, и после нее на том же месте были другие постройки города) погибла в 1250—1200 гг. до н.э., что сопровождалось сильным пожаром и разрушениями. Но надо помнить и о том, что «Илиада» и «Одиссея» — не исторические хроники, а эпические поэмы, составленные на основе устных песен и преданий. В них содержатся неизбежные искажения, вполне обычные для фольклорного творчества. Так, все основные боевые действия сосредотачиваются под Троей, осада коей длится 10 лет. В IX—VIII вв., когда создавались поэмы Гомера, Троя представлялась весьма далекой от Южной и Средней Греции. Добраться туда очень трудно, пути неизвестны, и герои, отплыв на войну, на десять лет отрываются от дома. Хотя в Ахейскую эпоху, как уже отмечалось, существовало развитое морское сообщение и подобные плавания не составляли особой проблемы.

По-видимому, осада Трои действительно являлась центральным эпизодом войны, поэтому она так крепко и запомнилась. По карте легко увидеть, что Троя занимала ключевую позицию, с одной стороны перекрывая дороги для ахейской экс-

пансии на восток, вглубь Фригии, а с другой стороны — контролируя Дарданеллы и Босфор, то есть пути на север, в Черное море. Но сражения шли и на других фронтах. В истории зафиксировано, что в XIII в. до н.э. ахейцам удалось завоевать часть Малоазиатского побережья — в архивах Хеттского царства эта область стала называться Аххиява. Да и в «Илиаде» упоминается об экспедициях, направлявшихся для захвата островов и прибрежных пунктов Малой Азии, о 23 городах, взятых ахейцами за первые 9 лет войны. Между народами, входившими в ту или иную коалицию, должны были происходить столкновения и внутри Малой Азии, на севере Балкан, в Причерноморье.

Масштабный характер боевых действий подтверждается данными археологии. Около 1250 г. до н.э. резко сокращаются торговые связи ахейской Греции с Египтом, Сирией, Финикией — война требовала полного напряжения сил и отдачи материальных ресурсов. Суда были заняты военными перевозками, торговать стало нечем. Да и опасно. Ведь и у противной стороны имелись корабли, значит, бои шли не только на суше, а и на море. Связи ахейцев с Иллирией и Фракией прерываются совсем — они входили во враждебный союз. Словом, драки развернулись крупные и жестокие. С грабежами, резней, порабощением пленных, принесением их в жертву богам. И война стала толчком к масштабным миграциям. Сперва бежали куда глаза глядят побежденные, троянцы и их союзники. У египтян эта волна стала известна как «народы моря». Они обосновались на островах, в Северной Африке, нападали на Египет, всю пиратствовали.

В Сицилии беженцы из-под Трои образовали народ элимов, основавший там несколько городов. О своем троянском происхождении хорошо помнили и латиняне. Об этом упоминается в хрониках Дионисия Галикарнасского, Агафокла, Деметрия из Скепсиса, Тимея, Невия, Энния, Квинта Фабия Пиктора, Публия Сципиона, Катона. И подтверждается следами Малоазиатской культуры, обнаруженной археологами при раскопках Лавиния, Политория, Фикана. И примечательно, что первым известным нам внешнеполитическим актом Рима (в 281 г. до н.э.) было заступничество сената перед Сирией за соплеменных троянцев. Имелись и другие прецеденты такого рода — ска-

жем, просьба аркананцев «к потомкам Энея» о помощи против этолян со ссылкой на то, что аркананцы единственные из всех греков не участвовали во взятии Трои. Или просьба жителей Лампсака в Малой Азии о помощи против македонцев — опять со ссылкой на родство и общность предков.

Другие источники связывали фигуру легендарного родоначальника латинян Энея с Фракией (Арктин, Гелланик, Дамаст Сигейский, Эгесиант, Арисиф). То есть каким-то из фракийских племен тоже пришлось уйти в Италию. Многочисленные изображения Энея найдены на сосудах и в статуэтках этрусков. Гелланик, Ликофрон и Дионисий Галикарнасский производили этот народ от малоазиатских пеласгов, переселившихся в результате Троянской войны. Мигрировали на запад и малоазиатские венеты. Они вышли к Адриатике, изгнали прежних жителей, эвганеев, и основали Венецию. Тит Ливий связывал их переселение с Троянской войной. И сами венеты считали себя выходцами из Малой Азии, сородичами и давними союзниками латинян, поэтому никогда не воевали с римлянами. Полибий писал, что одеждой и нравами венеты не отличались от кельтов, но говорили на особом языке. Об этом языке до сих пор ведутся споры в ученых кругах. Однако В.Щербаков весьма убедительно доказал, что древневенетские надписи читаются и переводятся довольно легко — они близки славянскому языку. Например, надпись на надгробии «Лар ея целуа» — «гроб ее целуя».

Переселения в этот период шли не только в Италию, но и в Испанию, Северную Африку. А в ирландской «Книге завоеваний» для последней волны переселенцев — гойделлов, исходным пунктом их странствий названа «Скифия», дальше упоминаются Ближний Восток, Египет, Испания — и Ирландия. В общем, путь практически соответствует миграциям «народов моря», а по времени это тоже увязывается с Троянской войной.

Впрочем, и для победителей война ничего хорошего не принесла. Она стала наивысшим взлетом, но и преддверием крушения Ахейской цивилизации. Ее хозяйство не выдержало перегрузок, стало еще в ходе боевых действий приходить в упадок. Из-за дележки трофеев и прочих плодов победы нарастало недовольство гегемонией Микен — это нашло отражение и

в сюжете «Илиады». Копились и противоречия в ахейской верхушке — между военными предводителями и «администраторами», осуществлявшими гражданское управление в отсутствие царей и вынужденными выжимать ресурсы для обеспечения войск. Сразу после войны все это выплеснулось бурным периодом революций, переворотов, междоусобиц, отразившихся в преданиях о гибели Агамемнона и прочих вождей, разрушении Фив «эпигонами» и т.п.

Господство на морях было утрачено — флот понес потери в войне при интенсивных перевозках войск. А потом морские пути оказались под ударами «народов моря», враждебных ахейцам. И этим воспользовались финикийцы, вступившие с «народами моря» в союз и окончательно добившие греческое мореходство. Что это значило для ахейцев, можно судить по одной детали — вся их цивилизация зиждилась на использовании бронзы. Но рудники в Аттике еще не разрабатывались, и изготовление металлических изделий велось из привозного сырья. Которого вдруг не стало...

Добавилась еще и какая-то эпидемия наподобие чумы. Она тоже началась во время войны и упоминается в «Илиаде». А корабли, осуществлявшие связь с тылом, и возвращавшиеся воины разнесли ее по всей Греции. Геродот и Вергилий рассказывают, что эта эпидемия опустошила Крит, свирепствовала в других местах. А легенда об Оресте сообщает, что мор принял невиданные масштабы. Чтобы избавиться от него, боги предписывают Оресту восстановить города, разрушенные в ходе Троянской войны — то есть, попросту говоря, греки, спасаясь от эпидемии, начали переселяться в Малую Азию.

Наконец, случилось и нашествие извне. Ослаблением как проигравших, так и победителей воспользовались другие народы. На Балканы двинулись дорийцы. Часть их осела на севере Греции, в Македонии и Эпире, часть прорвалась на юг. Воевать они умели куда лучше ахейцев, еще не знавших искусства взятия крепостей, сражавшихся нестройными толпами и использовавших боевые колесницы. Дорийцы уже применяли сомкнутый строй — фалангу. Имели железное оружие. И шутя овладевали циклопическими стенами ахейских городов. Смели Микенскую культуру и поселились на Пелопоннесе, распро-

страняясь на Крит, Родос и другие острова. Многим ахейцам от всех этих бедствий тоже пришлось вслед за побежденными перебираться в Италию. О таких переселениях упоминают Эфор, Скилак, Стесихор, Аристотель, Каллиас.

Ну а в результате катастроф, постигших победителей, разгромленная Фригия смогла оправиться. Добилась нового подъема. И сполна рассчиталась с хеттами, в XII в. до н.э. нанеся сокрушительное поражение их царству. Оно начало разваливаться. Чем воспользовались и другие соседи хеттов. Тоже потрепали их, присоединяя отчлененные территории. На юго-западе Малой Азии возникло царство Лидия, а на востоке — государство Урарту, раскинувшееся от Синопа до нынешней Армении.

ПУТИ ПРОГРЕССА

Как видим, сама теория о том, что Восточное Средиземноморье является единственным, уникальным очагом человеческой культуры, оказывается мифом. Да, этот регион был особенным. Но не как первоисточник, а как перекресток, где сошлись потоки разных культур. Сошлись не *отсюда*, а *сюда*. Из Египта, Месопотамии, Малой Азии, с Севера. К примеру, если рассмотреть, кто же такие были древние эллины, то мы увидим, что они произошли от смешения различных племен. Автохтонных делегов и кавконов. Карийцев — народа кавказской группы. Данайцев — выходцев из Ливии, родственных египтянам. Семитов-финикийцев, которые, согласно мифу о Кадме, основали Фивы, а согласно мифу о Европе, участвовали в этногенезе критян. А с севера пришли пеласги, фригийцы, ионийцы, эолийцы, ахейцы, дорийцы.

И факты показывают, что все переселенцы с севера были отнюдь не «дикарями». Существовавшие до их прихода Раннеминойская и Раннеэлладская культуры находились на первобытном уровне. Сами греки, как уже отмечалось, связывали начало своей цивилизации с царем Пеласгом и его сыном Ликаоном. К культуре пеласгов однозначно относится расцвет Минойской культуры, что подтверждается раскопками в «фи-

листомлянском оазисе» в Палестине, находки которых идентичны находкам Крита. Впрочем, и евреи знали, откуда пришли филистимляне-пелиштим. Считали их близкими сородичами критян («кафтриев») (Быт.; 10, 14). Заселенное ими побережье называлось у иудеев «критским югом» (1-я Кн. Царств; 30, 14; Иезекииль, 25, 16). А самих филистимлян именовали «остаток острова Кафтора» — Крита (Иеремия, 47,4).

Именно пеласги смогли остановить нашествие кочевников-евреев, подчистую сокрушавших города и поголовно истреблявших население древнего Ханаана. Поэтому в Ветхом Завете филистимляне описываются сугубо отрицательно. Но следует помнить, что войны с ними на несколько веков связали варваров-убийц. И за эти несколько веков евреи тоже «цивилизировались», перенимая культуру у соседей, в том числе и своих врагов. Без чего они вряд ли смогли бы создать такое произведение, как книги Ветхого Завета. В общем получается, что филистимляне в данном случае стали орудием для исполнения воли Божьей.

Очень высокоразвитой являлась и Ахейская цивилизация, хотя совершенно не походила на Минойскую. А чтобы проследить направление распространения культуры, можно коснуться мифологии. Солнечный Аполлон вел свое происхождение с севера, из «счастливой страны гипербореев». И зимой, по греческим легендам, он улетал на лебедях не на теплый юг, а на север. Из страны гипербореев пришла его мать, богиня Лето, а также Эйлифия, богиня плодородия (иногда отождествляемая с Деметрой, хотя это была другая богиня, малоизвестная исследователям из-за сакрального характера поклонения ей). Причем связи этих культов с какими-то северными святилищами не прервались, а поддерживались еще длительное время. Древнегреческие авторы рассказывают, что от «гипербореев» храму Аполлона в Делосе регулярно пересылались священные дары, передаваемые от народа к народу, и что в далеком прошлом в Делос приезжали служить северные жрицы.

Оттуда же, из «страны гипербореев», Геракл принес в Олимпию ростки священной оливы. Культ Диониса-Вакха пришел из Фракии или с Кубани, опять с севера. Из Фракии происходил и культ Орфея — местом его гибели считалась река Марица. Фра-

койцы ревностно чтили Муз — что уже не согласуется с представлениями о них, как о дикарях. Фракию называли местом рождения и бога войны Ареса. Богиня плодородия Деметра, желая научить людей возделывать хлеб, изначально послала элевсинского царевича Триптолема на север, в страну скифов. А священное изображение Афины Паллады, якобы упавшее с неба, было похищено из Трои. В «стране скифов», на горах Кавказа, был прикован покровитель людей титан Прометей.

Обратите внимание, в данном перечне богов отразились все важнейшие сельскохозяйственные культуры — хлеб, виноград, олива. И пчеловодство — мифы утверждали, что мед и воск дал людям Аполлон. Отразились искусства и науки. Культ Аполлона включал в себя медицину, а культ Муз — это не только песни, танцы, поэзия. Это еще и история, астрономия. Культ Диониса — не только вино, но и театр. Афина Паллада была покровительницей ремесел. А Прометей не только дал людям огонь, но и объяснил смысл движения небесных тел, открыл науку о числах, научил письму. Он же научил их впрягать в повозки волов и коней, искать руду, выплавлять металлы, построил первый корабль. А изобретение лука, гончарного колеса, горящего трута и даже, как это ни странно, корабельного якоря греки приписывали скифам.

Кроме того, как раз перечисленные культы: Аполлона, Диониса, Орфея, Деметры, Эйлифии, характерны тайными магическими учениями и создававшимися на их базе оккультными школами. А магическое начало было присуще верованиям многих индоевропейских народов — этрусков, персов, кельтов, индусов. И имело, судя по всему, общее происхождение. От Галлии до Индии была распространена растительная магия, сходная практика гаданий. Было также выявлено, что космогонические теории, изложенные в греческих трудах Гесиода, Аполлония Родосского, в этрусской «Суде» и священных текстах зороастрийцев, восходят к какому-то общему источнику [134].

Ну а со следующей волной пришельцев с севера, дорийцев, в Греции наконец-то прекратились человеческие жертвоприношения. И они же принесли сюда «железный век».

То, что изготовление железа пришло в Средиземноморье с севера, можно считать доказанным фактом. В Египте археоло-

ги находят железные изделия в золотой оправе — это была драгоценность, диковинка. Во II тыс. до н.э. фараон Рамзес II обращался к хеттскому царю Хатсусили III с просьбой прислать железа. А тот отвечал, что для получения железа «сейчас плохие времена», и выслал единственное лезвие кинжала. Значит, и хетты получали его извне. Очевидно, что не из соседних держав Месопотамии, где еще царил бронзовый век. А по преданиям греков, к ним железо пришло от таинственных «халибов», живших на севере. И «страной железных руд» они называли Скифию и Кавказ.

Археология показывает, что в некоторых районах Европы бронзового века не было вообще, культура от неолита перескочила сразу к железу. Что вполне логично. Ведь месторождения медной руды встречаются довольно редко. А чтобы получить прочные орудия, нужна не медь, а бронза, сплав с оловом. Которое встречается еще реже. Ну а болотная железная руда есть на севере повсюду. Другой вопрос, что если просто выплавить железо, оно будет ни на что не годным. Требуются дополнительные технологии — ковка, термическая обработка, легирование, чтобы превратить его в сталь. И такие технологии были открыты.

Доказательств северного происхождения железного века много. Например, в Приморье и Приамурье, в племенах Янковской культуры, он начался в X—VIII вв. до н.э., а в соседнем Китае значительно позже — в VIII—VII вв. до н.э., в Корее — в VI—V вв. до н.э. Следовательно, и в эти страны железо пришло из скифских гор и степей, а не наоборот. Можно обратить внимание и на наскальные рисунки II тыс. до н.э., найденные в Швеции — воины на них рубятся длинными мечами. И пираты «народов моря», обрушившиеся после Троянской войны на Египет, на здешних изображениях показаны все как один с длинными мечами. А бронзовые мечи не могли быть длинными. Они получились бы слишком тяжелыми и ненадежными, гнущимися или ломающимися. Основными типами оружия бронзового века являлись топор и копье. Мечи же делались коротенькими и играли вспомогательную роль. Значит, воины на изображениях имели стальное вооружение.

Наконец, коснемся и письменности, которая признается одним из важных показателей «цивилизации». Уже отмечалось, самый древний в мире памятник письменности обнаружен в Трансильвании. Позже появляется минойская письменность Крита, так называемое «линейное письмо А». Оно не расшифровано. Но выявлено, что оно имело слоговый характер. И, между прочим, многие буквы имеют сходство со значками трипольской символики. Следующим в Греции возникло «линейное письмо Б» — тоже слоговое, ахейское, его удалось прочесть. А дальше появляется алфавит. И в мировой традиции принято считать, что он произошел от финикийского.

Но отметим, что в греческих мифах отразились не одна, а три версии происхождения письменности. Первая, что письму научил людей Прометей. Вторая — что его принес в Грецию финикийянин Кадм. Третья — изобретателем письма назван мудрец Паламед. Участник Троянской войны. Ему же легенды приписывали введение греческих мер веса, длины, времени, разработку календаря. Из этих трех версий предпочтение почему-то всегда отдавалось второй. И именно на предании о Кадме покоится вся теория происхождения греческого письма от финикийского.

Хотя, если разобраться, теория эта оказывается совершенно несостоятельной. Во-первых, откуда взялся сам финикийский алфавит? Гипотеза о его происхождении от древнесинайского письма выглядит искусственной. Синайское письмо было иероглифами, и сходство между синайскими и финикийскими знаками весьма условно. Да и вообще принцип алфавитного, буквенно-звукового письма был чуждым для Ближнего Востока, не имел здесь исторических корней. Египтяне использовали идеографически-ребусное письмо, иероглифы. Для семито-хамитских культур, к которым принадлежала Финикия, была характерна клинопись.

Миф о Кадме на самом-то деле археологией подтвержден. При раскопках Фив в древней крепости Кадмее, в слое, относимом к XV—XIV вв. до н.э., действительно обнаружено, что здесь высадились и жили финикийцы. Найдены и образцы финикийской письменности. Но это клинопись! Характерная для ранних финикийских культур Сирии и Палестины. Таким об-

разом вся теория происхождения алфавита «от Кадма» рушится. Он никак не мог «научить эллинов» алфавиту, которого финикийцы еще не знали!

Здесь же, в Фивах, археологами найдены образцы другого письма. Но опять не алфавита, а того же «линейного письма Б», слогового, которое обнаружено и в других центрах ахейской цивилизации. Можно предположить, что оно-то и возникло путем эволюции из финикийской клинописи. И было утрачено в период крушения Ахейской цивилизации.

Что же получается? Если разнести разные виды письменности по «мифологическому» возрасту, то самой древней оказывается «прометеева». Очевидно, она соответствует минойскому «линейному письму А». «Кадмова» письменность соотносится с ахейским «линейным письмом Б». На долю алфавита остается происхождение «от Паламеда». Жившего, по преданиям, в XIII в. до н.э. А свою мудрость он постигал... где-то на севере, поскольку являлся учеником кентавра Хирона. (Надо сказать, очень мудрого кентавра, ведь тот же Хирон учил искусству врачевания самого бога Асклепия и был воспитателем Ахилла).

Имеются ли факты, способные подтвердить северное происхождение алфавитов? Да, имеются. Потому что алфавиты оказываются характерными для всех индоевропейских народов. В Эгейском регионе мы встречаем фригийский, лемносский, фракийский алфавиты. В Италии — латинский, этрусский, умбрский, оскский, венетский, ретский, элимский. В античных источниках упоминается, что у итальянских племен луканов и бреттиев имелась какая-то своя древненациональная письменность — и о том, что эту письменность они принесли с собой откуда-то с севера. Письменность была широко распространена и у кельтов. До XIX в. (нашей эры) у берберов сохранялся «ливийский» или «нумидийский» алфавит — и как было доказано, происходивший вовсе не от финикийского алфавита Карфагена, а от каких-то более древних корней. У кельтиберов в Испании существовало несколько видов письменности, один в долине р. Эбро, другой в Андалусии у турдетанов. В других странах мы обнаруживаем руны, германские и древнеславянские.

«Общепринятые» научные теории возводят все это к одному началу. Мол, греческий алфавит произошел от финикий-

ского, латинский от греческого, рунический от латинского... Но тут-то и выходит нестыковка. Поскольку «происходить» друг от друга алфавиты никак не желают! Каждый обладает рядом особенностей, серьезными различиями в написании букв, разнятся даже направления письма — правостороннее и левостороннее. Чтобы объяснить это, выдвигаются теории независимого происхождения алфавитов. Дескать, финикийцы были купцами-мореходами, плавали по всему свету, вот и разнесли свою письменность... Что не выдерживает критики. Финикийцы были действительно торгашами, часто пиратами. Но зачем им было брать на себя роль эдаких всеобщих учителей? И везде, куда ни добирались, учить «варваров» уму-разуму? Или они расплачивались своими уникальными знаниями за товары? Вдобавок пришлось бы допустить, что в далеком прошлом сплошь и рядом работали талантливые лингвисты, реформирующие чужой алфавит для других языков с учетом их особенностей.

А если взять огамическое письмо древних ирландцев, которое, по легендам, дал людям бог Огма, то оно вообще не имеет ничего общего ни с одним из известных алфавитов: знаки в нем различаются количеством черточек и их расположением относительно горизонтальной черты-строки. Но принцип его тоже алфавитный, буквенно-звуковой. Кстати, арийские народы Средней Азии и соприкасавшиеся с ними тюркские народы, имевшие письменность, также пользовались только алфавитами.

У германских рун обнаруживается немалое сходство не только с латинскими или финикийскими буквами, но и со знаками древнеиндийского письма «брахми». Оно, правда, было не алфавитным, а слоговым, однако знаки очень похожи. Известно и то, что некой разновидностью письма «брахми» пользовались тохары, проживавшие в западной части нынешнего Китая. А в наскальных рисунках на горе Сулех в Хакасии обнаружены руны, очень напоминающие германские. Уж этим-то видам письменности трудновато было «произойти» от финикийской. Куда труднее, чем от неких общих арийских корней. И между прочим, древнеиндийские священные тексты принято было писать... на бересте. На бересте, а вовсе не на папирусе, пергаменте или глиняных табличках, традиционных материалах Среди-

земноморья. На той же бересте писали и древнетюркские народы — позаимствовавшие свои руны у тохаров.

Российский историк и исследователь фольклора А. Снисаренко пришел к выводу, что предания о рунах и многие из их названий относятся к глубокой древности, уходя корнями аж «в ледниковый период» [189]. А главной причиной того, что памятники северной письменности относительно «молоды», считал сакральный характер древней письменности. И это действительно так. Но есть еще две причины, по которым обнаруженные образцы письменности оказываются «недавними». Многие памятники письменности в северных краях до нас просто не могли дойти. Дерево и береста — гораздо менее долговечные материалы, чем камень или глина. Высекать же какие-то надписи на камне для здешних жителей было нелепо: зачем, если есть более податливое и доступное дерево? А вот на Ближнем Востоке наоборот, древесина была драгоценностью, деревянные дома могли себе позволить только богатейшие вельможи — и неудивительно, что памятники письменности там создавались на подручных камнях и глиняных табличках. Хорошо сохранившихся на протяжении многих веков.

Ну а вторая причина — сами методики оценки возраста памятников письменности! Определяется-то он предвзято. Исходя из того, когда данная письменность могла быть позаимствована у тех же финикийцев, греков, римлян. Любой образец германских рун будет соотнесен с контактами германцев и римлян. Славянских рун — с контактами германцев и славян. А найденные наскальные надписи фригийцев расшифровать пока не сумели, но датировали VIII в. до н.э. Поскольку буквы сходны с греческими. Вот и прикинули приблизительно, когда фригийцы могли перенять письмо от греков.

Однако можно заметить, что распространение алфавитов в Средиземноморье оказывается тесно связано... все с тем же «Троянским узлом». Паламед, гипотетический автор греческого письма — участник Троянской войны. В Италии самые древние памятники письменности принадлежат этрускам, выходцам оттуда же, из Малой Азии. И Диодор Сицилийский в I в. до н.э. писал: «Хотя вообще эти буквы называют финикийскими, потому что их привезли к эллинам из страны финикийцев, они

могли бы носить название пеласгических, так как ими пользовались пеласги». Он же рассказывал об этрусках: «Они изобрели письмо, ревностно изучали науку о богах...»

Имел письменность и народ элимов, живших на Сицилии. Все древние авторы единодушно называют их выходцами из Трои, «фригийцами». При раскопках в 1967 г. их города Сегесты были обнаружены многочисленные осколки сосудов, сбрасывавшихся в одно и то же место со скалы в течение нескольких столетий, и среди них более 400 — с короткими надписями граффити. Как доказал итальянский ученый В. Туза, эти сосуды носили культовый характер. Надписи до сих пор не расшифрованы, но признано, что сделаны они «архаичным греческим алфавитом» [74]. И датируются VIII в. до н.э. — причем хронология опять условна, она привязана к появлению на Сицилии первых греческих колоний. Но если следовать данной версии, то получается полнейший абсурд! Ведь финикийцы селились на Сицилии задолго до греков. Тем не менее их алфавит элимы почему-то не переняли. А стоило появиться грекам — сразу позаимствовали. И начали использовать, причем не в бытовых, а только в религиозных целях. И почему-то письменность подсуетились перенять только элимы, а другие народы Сицилии — сикулы, сиканы, моргеты, отнюдь не позаботились это сделать.

Кстати, а самые древние образцы финикийского алфавита, выявленные в Палестине, относятся к XIII в. до н. э. Снова ко времени Троянской войны! Когда сюда хлынули «народы моря». Да и сами финикийцы, если уж на то пошло, не были чистыми семитами — они произошли от смешения древних хананеян с филистимлянами, а потом и «народами моря». Похоже, именно от них финикийцы получили искусство кораблестроения и навигации, некоторые религиозные обряды. Вероятно, переняли и алфавитный принцип письменности.

Ну а использование элимами письма сугубо в культовых целях не случайно. Индоарийская письменность изначально и впрямь была тесно связана с религией. Недавние разработки британских и ирландских ученых, исследовавших кельтский фольклор, саги и предания, выявили, что у друидов задолго до войн с римлянами существовал тайный алфавит «Бойбил-лос»

из 18 букв. Назывался он так по двум первым буквам «б» и «л» (Точно так же, как «альфа-бэт» — «алфавит» или «аз-буки» — «азбука». Можно сопоставить «Бойбил-лос» и с греческим «библиос», «библион» — «книга»). Этот алфавит был не единственным. До него существовал более ранний — «Бес-луис-нион», тоже тайный и тоже состоявший из 18 букв. Почему же они сохранились в таком секрете? («Бойбил-лос» — в течение тысячи лет!) [134].

Потому что буквы обладали особым, сакральным смыслом. Во-первых, каждой из них соответствовало какое-то растение. А во-вторых, алфавит в своей совокупности представлял собой жреческий календарь. Одни буквы соответствовали месяцам, другие — равноденствиям и солнцестояниям. Причем растение, относящееся к данной букве, было растением данного месяца. Растением, участвующим в ритуалах и обрядах данной точки календаря. И, как показал английский исследователь Р.Грейвс, именно эти растения фигурировали на соответствующих праздниках всех древнеарийских народов от Палестины до Ирландии (часть такой «растительной магии» вошла и в христианские обряды: елка на Рождество, верба — на Вербное воскресенье, березка — на Троицу...) Друидический алфавит как бы связывал «земное» и «небесное». Каждое слово, записанное его буквами, являлось магическим сочетанием — или растений, или небесных явлений. Сочетанием благоприятным либо неблагоприятным, разрушительным. Отсюда понятно, как в легендах жрецы и колдуны налагали заклятия своими рунами, заговаривали те или иные предметы, гадали по сочетаниям букв.

И «Бойбил-лос», и «Бес-луис-нион» содержали равное количество букв — 18. Следовательно, священный календарь состоял из 18 основных событий годового цикла. А как уже отмечалось, «обсерватория» в Аркаиме тоже отслеживала 18 астрономических точек. Что лишний раз подтверждает общность древнейшей культуры Южного Урала, Галлии и Британии. А друидический растительный календарь, таким образом, был связан с астрономическим — там, где поблизости не было святилищ-«обсерваторий», небесные события могли отслеживаться приближенно, по выявленным закономерностям в жизни тех или иных растений.

Косвенным доказательством подобного происхождения алфавитов служит внешний вид букв. В любом энциклопедическом словаре, научной и научно-популярной литературе нетрудно найти германские руны, латинские и греческие письмена. Разве не похожи многие буквы на стилизованные деревья и кустарники? Все эти «гаммы», «тэты», «кси», «пси» и т.д.? У многих германских рун и названия были «растительными»: «тури-саз» — терн, «эйваз» — сосна, тис, «альгиз» — тростник, «беркана» — береза [152]. И конечно, смешно представить, чтобы народ сделал своей священной тайной алфавит, позаимствованный у заезжих торгашей или врагов-римлян.

Само слово «руна» в одном из своих значений переводится как «тайна». И их сакральный смысл, по германским сагам, открылся Одину, когда он сам принес себя в жертву. А впоследствии тайное значение рун доводилось до посвященных на мистериях Одина. В ходе древнегреческих мистерий — Элевсинских, Орфических, Пифагорейских, посвящаемых неопитам, тоже раскрывали скрытый смысл букв алфавита. Но нетрудно понять и то, что сакральный характер древнейшей письменности ограничивал ее применение. И делал ее уязвимой. В ходе переселений, войн и прочих катаклизмов письменность не только распространялась, но нередко и утрачивалась. Стоило небольшой группе грамотных жрецов погибнуть — и все...

А «рассекречивание» алфавитов, превращение их из магического инструмента в предмет бытового обихода, могло происходить по разным причинам. Или по мере утраты сокровенных знаний, ослабления традиций прошлого. Или «рассекречивался» устаревший алфавит, заменившийся в жреческом обиходе новым. Так, Юлий Цезарь писал, что священные тексты у галлов заучиваются наизусть и передаются посвященным устно, «между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом» (любопытно, что и здесь «греческим» — как и фригийцы, элимы...)

И вот как раз в «рассекречивании» финикийцы действительно могли сыграть большую роль. У себя на родине или путешествуя в качестве купцов-мореходов, они узнали принцип буквенно-звукового письма. Беречь чужую тайну им было не-

зачем, а точнее, сакральный смысл букв так и остался им неизвестным. Зато они в полной мере оценили практическую выгоду алфавита. И взяли его на вооружение. Чем могли подтолкнуть к «рассекречиванию» другие народы Средиземноморья. Имеет ли смысл сохранять в тайне то, что уже раскрыто?

МЕЧИ КИММЕРИЙЦЕВ

Киммерийцы... Их облик донесли до нас греческие изображения. На них несутся во весь опор лихие всадники и рубят врагов. Всадники, очень похожие на казаков — в папахах, одежде наподобие жупанов, подпоясанной кушаками. Только вместо сабель в руках длинные прямые мечи, расширяющиеся к кончику для тяжести удара. А сопровождают всадников собаки, похожие на овчарок...

Об этом народе неоднократно упоминают античные авторы — Гесиод, Гомер, Аполлодор, Геродот, Страбон, Посидоний, Диодор Сицилийский, Плутарх, Помпоний Мела, Плиний, ассирийские источники. Как уже отмечалось, киммерийцам соответствовала археологическая Срубная культура, возникшая в районе от Среднего Поволжья до Южного Приуралья. А потом распространившаяся на запад до Днепра и Южного Буга. Случилось это в XIII в. до н.э. и по времени совпало с Троянской войной. Историк А.Г. Кузьмин считал, что киммерийцы были союзниками ахейцев, участвовали в сокрушении Трои. Каких-либо доказательств его гипотезы мне найти не удалось. Но война действительно должна была сыграть свою роль. Ведь народы Причерноморья участвовали в ней, были отвлечены и ослаблены боевыми действиями. Что и облегчило победы киммерийцев, захвативших эти края.

Но это было не одно племя, а большая группа племен, одни из которых были скотоводческими, другие земледельческими. И Причерноморьем процесс не ограничился. «Великое переселение» случилось в это время по всей Европе. И если в Средиземноморье массовые миграции были связаны с «Троянским узлом», то на севере сказался другой фактор. Как свидетельст-

вует археология и выводы этнологов [61], нашествие киммерийцев стало частью расселения и движения на запад волны кельтских народов.

Впрочем, тут надо иметь в виду, что различия между кельтами, славянами, германцами в древние времена были гораздо меньше, чем впоследствии. Племена жили сходным бытом, исповедовали сходные религии. И языковая разница накопилась позже — от соседей, от «добавок», вбираемых в себя (например, в Галлии кельты смешались с «прото-кельтами», индоарийскими племенами, пришедшими сюда раньше). Окончательного разделения между этносами еще не произошло, и граница между ними оставалась достаточно условной. Так, лугии (лужичане) в последующие века известны как славяне, а слово «тевтоны» стало синонимом германцев. Но изначально те и другие были кельтами, Луг и Тевтат — кельтские боги.

И к тому же в кельтской волне расселения участвовали не одни только кельты. Но и праславянские и иные племена. Несколько источников указывают на близкое родство киммерийцев и древних русов. Один из них — арабское сочинение XII в. «Маджмал-ат-таварих» («Собрание историй»), приводит легенду, где фигурируют три брата, Рус, Кимари и Хазар, ставшие прародителями русов, киммерийцев и хазар.

Другой источник — «Велесова книга». Достоверность ее в научных кругах до сих пор признается спорной. И в своей работе «Русь — дорога из глубин тысячелетий» я подробно останавливался на истории находки «Велесовой книги» и выводах, почему считаю возможным доверять ей. Не буду здесь повторяться. Скажу лишь, что ее содержание не соответствует многим представлениям об истории славян, бытовавшим в первой половине XX в., во время находки книги, но подтверждается более поздними открытиями. Кроме того, ваш покорный слуга тоже занимался переводами текстстов книги и отверг версию фальсификации предшествующими публикаторами и переводчиками. Потому что они не заметили ряд ее важных особенностей. Скажем, рассматривая «Велесову книгу» в качестве исторической хроники. На самом же деле это — политический трактат IX в., направленный против экспансии варягов и византийского православия. Поэтому автор (или авторы) подробно останавлива-

ется на столкновениях славян с германцами и греками, а о войнах с другими противниками упоминает мельком. Например, в дидактических примерах о вреде разобщенности.

Еще один немаловажный момент — в текстах «Велесовой книги» явно видны особенности, характерные для устной, эпической передачи истории. Народная память часто склонна приписывать те или иные деяния не их подлинным авторам, а наиболее известным историческим персонажам. Так, в Забайкалье все памятники местные жители связывают с Чингисханом, на Северном Кавказе любую древнюю крепость вам назовут «крепостью Шамиля», в русских преданиях всюду будут фигурировать Иван Грозный, Петр I. То же самое характерно для «Велесовой книги», и этого переводчики также не заметили. Допустим, во фрагменте (32) «И Эрменерих розбиешей и повернедете русе боже Бусе и седен десет ине кроиженш» переведено «И Германарех разбил и ниспроверг Русь бога Буса и десять иных краев». Мой вариант перевода иной: «И Германарих разбил и ниспроверг русских богов, Буса и семьдесят иных крестил». Имеется в виду известный факт распятия князя Буса и семидесяти старейшин, хотя совершил это не Германарих, а его внук.

Подобные «нестыковки» как раз и убедили меня, что прежние публикаторы не фальсифицировали тексты книги. Разумеется, пользоваться ее информацией надо с осторожностью — но точно так же, как и в работе с любыми источниками, дошедшими до нас из глубины времен. Поэтому я буду пользоваться лишь теми фрагментами, смысл которых выглядит однозначным и достоверным. И подтверждается при сопоставлении с иными данными (ссылки и цитаты приводятся по изданию [30]).

А о киммерийцах книга сообщает: «Биаста киморие такожде оце нахше а ти то ромои триасаи а греце розметше иако прасете устршенои» — «Были киммерийцы также отцы наши, и они римлян потрясали, а греков разметали, как испуганных свиней» (II 6е). Называется и несколько прародин славян — Семиречье, берега Ра-реки, Карпаты. Локализовать название «Семиречье» затруднительно, это мог быть любой регион с семью реками. Ну а Ра-река — древнеарийское название Волги. Под этим названием она упоминается в «Ригведе», в «Авесте» именуется «Ранха», в ряде античных источников — «Раса». Под именем

«Ра» Волга фигурирует у Птолемея, Агафемера, Аммиана Марцеллина, Альберта Кампензе и др. Оно сохранилось и в славянском фольклоре, упоминается в заговорах, былинах — Добрыня Никитич перед схваткой со Змеем купается в реке «Ирай». И вплоть до нынешнего времени название «Ра» употребляется у мордвы-мокши. А информация «Велесовой книги» о волжской прародине четко согласуется с эпицентром, откуда распространилась Срубная культура.

Обосновавшись в Причерноморье, киммерийцы начали расселяться и предпринимать походы далее на запад. На Центральную Европу в это время распространяется похоронный обряд трупосожжения — прежнее население своих покойников хоронило в земле.

В XIII — XI вв. до н.э. Тишелецко-комаровскую археологическую культуру сменяет Лужицко-скифская. Термин этот ввел академик Б.А. Рыбаков, и он нуждается в пояснениях. «Скифская» — поскольку материальная культура скотоводческих племен киммерийцев была близка к скифской. А двойное название предложено из-за того, что оседлая «лужицкая» (она же «венетская») культура и полукочевая «скифская» сосуществовали в симбиозе, были взаимосвязаны. Откуда и делается вывод о группе скотоводческих и земледельческих племен.

Лужицкая культура кельтских переселенцев и их союзников охватила Польшу, Германию, Словакию, Австрию. Пришлого население отмечают и антропологи — на Балтике появляются люди с более узким лицом. Именно эти пришельцы вытеснили с прежних мест обитания дорийцев. Их путь отслежен археологами по характерным захоронениям и украшениям из янтаря. Раньше они проживали по берегам Одера и Шпрее. А под натиском с востока двинулись на Балканы, где дали начало македонянам, эфирцам, спартамцам [134]. В сторону Балкан отступили и некоторые другие племена Центральной Европы, и здесь выделилась область иллирийских народов.

В ходе этих передвижек образовалась и цепочка племен с названием «венеты» или сходными этнонимами. Одни из них тоже уходили от пришельцев в другие места. Другие, возможно, сами влились в кельтскую волну и стали союзниками наступающих. Во всяком случае, этнос венетов оказался разорванным на

несколько частей. Одни, как ранее описывалось, обосновались на Адриатике. Другая ветвь — на южном берегу Балтики. И античные авторы упоминают в этих краях «энетов», «виндов» или «индов», добывающих янтарь.

Но и в «промежутке» между адриатическими и балтийскими венетами обнаруживается несколько подобных этнонимов. Племя «винделиков» осело на Боденском озере, а еще одно племя «венетов» дошло до Атлантики и обосновалось на полуострове Бретань. У этих народов (точнее, осколках одного народа) можно отметить много общего. Все они тяготели к морю, были искусными кораблестроителями и мореходами (винделики на Боденском озере тоже). У всех погребения вождей сопровождалась жертвоприношениями коней. И известно, что разные ветви венетов помнили о своем родстве, поддерживали связи. Возник, например, путь торговли янтарем от Балтики до Адриатики. Отчего некоторые греческие и римские авторы даже считали, что его добывают адриатические венеты.

В Северном Причерноморье приход киммерийцев не казался катастрофами и упадком. По-прежнему занимался земледелием на Буге народ ализонов. Сохранилось и царство синдов. Может быть, они стали данниками киммерийцев, а может, смогли найти с ними общий язык. Синдское государство на Кубани достигло своего расцвета. Около Анапы, станицы Варениковской и в других местах археологами найдены остатки синдских городов, каменных стен с башнями, погребения с конями и золотыми украшениями. Синдские города стали в это время главными портами на Черном море, господствовали в здешней торговле — мореходство фригийцев и фракийцев было подорвано в ходе Троянской войны, а колхов разгромили цари Урарту.

Впрочем, и пришлые племена киммерийской группы находились на высоком уровне развития. Кельты были великолепными металлургами и ремесленниками. В Западную Европу они принесли Гальштадтскую культуру, которая как раз и характеризуется очень совершенными технологиями обработки стали и бронзы. Они превосходили современные им народы Средиземноморья и в гончарном деле, в технике помола зерна, культуре племенного скотоводства. И в искусстве верховой езды. Римляне впоследствии все это перенимали у галлов. И лучшая рим-

ская конница состояла из кельтов, от них перешли в латинскую военную науку все кавалерийские термины, команды, тактические приемы.

Киммерийцы не являлись исключением. У них прослеживаются те же самые достижения и особенности. Была очень развита металлургия железа и бронзы. Следы разработки их рудников и металлургического производства со шлаками и остатками плавки найдены в Донбассе вблизи г. Артемовска. Изготавливалось первоклассное оружие — длинные стальные мечи, наконечники стрел, копий. Но наряду со сталью использовались и бронзовые наконечники и боевые топоры. Основным родом войск была конница. Они уже использовали уздечки, трензеля, что позволяло хорошо маневрировать лошадьми.

В целом же в Причерноморье киммерийская эпоха знаменовалась расцветом культуры и хозяйства. Ширилось пахотное земледелие в Приазовье, на Кубани, в Поднепровье, Побужье. И скотоводство тоже. Уже говорилось, что в Причерноморье оно не может быть кочевым, и археологические находки подтверждают, что зимой практиковалось «стойловое содержание скота» [150]. А о его поголовье свидетельствуют хотя бы размеры погребальных жертвоприношений, где убивались сотни голов быков, коней, овец.

Величина курганов Срубной культуры, достигавших высотой 15 м, показывает и наличие государственной организации. Из античных источников известно, что у киммерийцев существовали свои цари, города. Геродот уже много позже, в V в. до н.э. писал об оставшихся в Скифии «киммерийских стенах» — возможно, имеется в виду «киммерийский вал» на Керченском полуострове, упоминал «киммерийский город Портмен». Аполлodor, Гекатей Милетский и Помпоний Мела сообщают о городе Киммерида или Киммерий. А согласно Страбону, этот город располагался на Таманском полуострове, перекрывая своими рвами и валами его перешеек.

Но идея политической централизации была чуждой кельтской культуре. Кельтские народы всегда жили самостоятельными племенными княжествами, которыми правили наследственные князья (или короли), содержавшие дружины рыцарей — «амбактов». Имелась родовая аристократия, «сенаторы»

(старейшины). То есть социальная организация походила не на античную средиземноморскую, а на ту, что утвердилась в Европе в Средние века. Центрами княжеств являлись укрепленные города. Но в данном случае хотелось бы избежать терминологической путаницы, поскольку в разных цивилизациях слово «город» понималось по-разному. В русском языке «город» производится от «огораживать», это крепость. Однако у греков и римлян понятие «полис» было отнюдь не фортификационным или административным, а юридическим. Под городом-полисом понималось сообщество граждан, имеющих свое самоуправление, собственное право, принадлежащую городу землю и иную собственность.

На данном основании известный масон-историк Р.Пайпс пытался даже доказать, что и на Руси не было городов — они, мол, являлись просто «селениями», поскольку не имели самоуправления и городского права. Точно так же греческие и римские авторы никогда не признавали кельтские города городами, а писали о «селениях», «крепостях». Хотя это были крупные ремесленные и торговые центры, об их размерах говорит тот факт, что в некоторых «селениях» зимовала вся римская армия или выдерживала длительные осады.

Племенные княжества кельтов то дружили, то воевали между собой. Очевидно, это было характерно и для киммерийцев. Геродот упоминает во множественном числе о их «царях», правивших одновременно. И городов-крепостей, вокруг которых группировались неукрепленные поселки, в Восточной и Центральной Европе было много. Очевидно, они были столицами разных княжеств. Надплеменную роль у кельтов играла религия. Существовал развитый институт служителей со сложной организацией — друиды, филиды, барды. Каждая категория специализировалась в определенном направлении от изучения законов и священных текстов до научных знаний, объем и глубина которых поражают даже современных ученых.

Действовала специальная система образования, и обучение иногда длилось до 20 лет. В результате каждый жрец получал весьма фундаментальную подготовку не только в области религиозных вопросов, но и географии, естественных наук, поэзии, астрономии, астрологии, медицины. Жрецы регулировали меж-

племенные отношения, выступали судьями в спорных вопросах, могли даже прекращать войны (хотя делали это не всегда, а лишь в случаях, если сочтут войну «несправедливой»). Кельтские верования включали учение о реинкарнации душ. Правда, они сочетались и с понятиями «рая» и «ада». Религия была тесно связана с астрономией, с культом небесных светил, о чем писали Цезарь, Плиний и Диодор Сицилийский. И тот же Стоунхэндж, построенный первыми волнами арийских переселенцев, стал и святилищем кельтских друидов.

Для киммерийцев все это тоже было не чуждо. Ведь Южный Урал с «обсерваторией» Аркима входил в зону, откуда начала распространяться их культура. А неподалеку от Артемовска, центра их металлургии, была найдена «каменная баба» с отверстиями и пазами в голове, ориентированными на разные точки небесной сферы. А с культурой киммерийцев были тесно связаны и древние русы. Историками уже отмечено, что в древних преданиях под именами прародителей — эпонимов обычно фигурируют целые народы. У Вятичей был Вятко, у радимичей — Радим и т.д. И в мифологических родословных речь идет не о генеалогии отдельных лиц, а о происхождении народов и племен. Когда другие данные отсутствуют, считается достаточно строгим исследовать происхождение народов на основании ветхозаветных Книги Бытия и Первой Книги Паралипоменон или на базе эллинской мифологии [134, 74].

Согласно традиции исследований по Ветхому Завету, киммерийцев принято производить от сына Иафета — Гомера (Быт. 10,2; 1-я Кн. Паралипоменон, 1, 5). Но, очевидно, такая же методика применима и к славянским мифам. Поэтому еще раз обратимся к «Велесовой книге». Первым из легендарных прародителей славян там назван отец-Богумир (I 9a). Как совершенно справедливо показал А.И. Асов, Богумир тождественен древнеарийскому царю Йиме из иранских преданий, спасшему свой род от Потопа. Точно так же, как Йима получил от Ахурамазды тайну приготовления священного напитка, хаомы или сомы, так Богумира боги научили готовить сурицу — священный хмельной напиток на основе забродившего меда (III 22).

Можно согласиться и с выводами А.И. Асова, что в германской мифологии Богумир фигурирует в лице великана Бер-

гельмира или Имира (оба выступают в роли прародителей людей, Имир — как «первочеловек», а Бергельмир — как спасшийся с семьей во время Потопа). Кстати, между иранским Йимой и Бергельмиром прослеживается еще одна любопытная связь. Дело в том, что в германских легендах Бергельмир с женой и детьми спасается от Потопа не в корабле и не на плоту, а... в гробу. Что всегда вызывало удивление исследователей. Но, как отмечалось, название Аркаим можно перевести двояко. «Крепость Йимы» и «Гробница Йимы». Возможно, святилище считалось той самой крепостью, в которой Йима уберег людей от непогод и паводков. И где он был потом похоронен.

Очевидно, от Йимы-Имира-Богумира производили свой род созвучные с этим именем киммерийцы. И нетрудно увидеть, насколько ветхозаветное имя «Гомер» близко «Богумиру». Ну а у Богумира, как передает «Велесова книга», были два сына, Сева и Рус, от которых пошли северяне и русы, и три дочери — Древа, Скрева и Полева, от которых идут древляне, кривичи и поляне (I 9a). Следовательно, эти пять племен считались родственными киммерийцам. Причем северяне и русы — их прямые потомки, «наследники» Богумира, а остальные «дочерние», возникшие в результате смешения с другими народами — поскольку дочери по легенде были выданы замуж «на сторону».

Применение данной методики в нашем случае тем более оправдано, что сам автор «Велесовой книги», судя по всему, знал об условном принципе древних родословных. Наряду с Древой и Полевой он в других фрагментах текста указывает на вполне прозаическую причину возникновения этнонимов: «Те, которые от страха были в лесах, назвались именем древичей, а бывшие на поле именовались поляне» (II 7a). То есть Древа и Полева для него — не объяснение самих этнонимов, а условные символы, позволяющие понять, от кого произошли древляне и поляне, с кем и в какой степени они родственны.

После перечисления потомков Богумира и образовавшихся от них племен сообщается, что возникли эти роды в глубоком прошлом. «И было это в древности до исхода нашего к Карпатской горе. И было это за тысячу триста лет до Германареха. В те времена была прях великая на берегах моря Готского, и там праотцы наши возводили курганы из белых камней, под коими

погребли мы бояр и вождей своих, павших в сече» (I 9a). Даты, приводимые «Велесовой книгой» (там, где они поддаются проверке), достаточно точны. Что, в общем-то не удивительно. Ранее приводились доказательства, что даже устная традиция без какой-либо письменности сохраняла память о важных событиях прошлого на огромных промежутках времени. А за 1300 лет до готского императора Германариха, правившего в середине IV в. н. э. — это X в. до н. э. Расцвет киммерийской эпохи.

И рассказывается здесь о борьбе за берега Балтики (Готское море). То ли с автохтонным населением, близким иллирийцам, то ли с другими племенами, участвовавшими в переселениях. В результате этих войн часть киммерийцев осела в Прибалтике, они известны под именем кимвров. А рядом с ними впоследствии обнаруживается и народ ругов — предков русов. Примерно в указанное время, в X—IX вв. до н. э. в лесостепной зоне выделяется и Чернолесская культура, которая, как выявили исследователи, «по своей конфигурации совпадает с архаичным слоем славянской топонимики» [143].

К сожалению, о каких-либо исторических событиях, происходивших внутри «киммерийского мира», почти ничего не известно. Предания об этом не сохранились. Нет информации и у современников-соседей. У эллинов наступила эпоха развала и хаоса, Черное море стало для них слишком далекой экзотикой. Финикийцы, господствовавшие на морях, очевидно, контактировали с синдами. Но исторических и географических записей не оставили — их интересовала только прибыль. А малоазиатские народы были заняты своими проблемами. И о киммерийцах запомнили только одно — что они были прекрасными воинами.

Запомнили на своей шкуре, поскольку они совершали походы на Кавказ, на Фракию, обложив данью или сделав своими союзниками местное население. Страбон писал, что они не единожды вторгались на южное побережье Черного моря. Продолжалась и экспансия кельтов на запад. Это был не единовременный процесс. Происходил он в несколько этапов, но охватил всю Европу. Францией кельты овладели где-то к VIII—VII вв. до н. э. Проникли и в Испанию, частично смешавшись с местными народами, отчего возникли племена «кельтиберов». Участ-

вовали в этих походах и киммерийцы. Археологические находки, связанные с их культурой, встречаются вплоть до Южной Франции. Какая то их часть попала в Британию — они известны как кимбры (предки уэльсцев).

Но в VIII в. до н. э. случился новый толчок переселений народов. С востока в Причерноморье двинулись скифы. Геродот излагает запутанную историю, будто при этом у киммерийцев произошел разлад. Якобы цари выступали за то, чтобы сражаться, а простонародье предпочитало отступить. Тогда, мол, цари начали драку между собой, все погибли, народ похоронил их возле р. Тираса (Днестра) и ушел. Могилу Геродоту показывали местные жители, но сам сюжет выглядит непонятным и нелогичным. Можно лишь сделать вывод, что перед лицом надвигающихся скифов у киммерийцев действительно случилась какая-то крупная междоусобица. После чего они ушли, без боя оставив Причерноморье.

Часть их отступила на запад. Часть на юг, во Фракию, образовав там царство треров. А еще часть направилась вдоль восточного берега Черного моря в Малую Азию. Но ушли не все. Плутарх писал, что из Причерноморья переселилась лишь часть киммерийцев, а основная масса осталась и смешалась со скифами [154]. К этому же заключению пришли А.Г. Кузьмин, специалист по киммерийской проблеме А.И. Тереножкин [143, 202] — на основании археологических данных. Которые показывают, что население лесостепной полосы, земледельцы Приазовья и Кубани никуда не уходили. И влились в состав Великой Скифии, о которой пойдет речь дальше.

СТРЕЛЫ СКИФОВ

Скифы и близкие им народы — массагеты, исседоны, сарматы, согды населяли юг Сибири до Забайкалья, нынешний Казахстан, Среднюю Азию. Первоначальный толчок к очередной цепочке переселений народов дали предки гуннов. В X в. до н. э. в Китае образовалась сильная и агрессивная империя Чжоу, и в связи с этим кочевые племена были вынуждены переселить-

ся подальше от ее границ — с южной окраины пустыни Гоби на северную. Здесь пришельцы ассимилировали с автохтонным населением, и возник народ гуннов, который, окрепнув, принялся завоевывать себе жизненное пространство. А уж дальше пошел «принцип домино», гунны потеснили соседей, те — своих соседей...

Это согласуется с легендами, записанными Геродотом, что «детонатором» переселений были таинственные «аримаспы», обитающие на краю земли. Дальше «аримаспов» живут только грифы, охраняющие свое золото. Как пишет Геродот, «аримаспы» согнали с прежних мест проживания исседонов, те — скифов. Под страной грифов, богатой золотом, в мифах, очевидно, запечатлелся Китай. А «аримаспы» в переводе с иранских языков — «друзья лошадей», что вполне согласуется с обычаями гуннов. К тому же греческие авторы представляют их «одноглазыми» — вероятно, искажив информацию об узком разрезе глаз, поскольку с тюркскими народами эллинам сталкиваться еще не приходилось.

В VIII в. до н.э. после серии степных войн часть скифов отошла в Среднюю Азию, они там известны как «саки». Другая часть двинулась в Причерноморье. Как и киммерийцы, они представляли собой не единый народ, а группу племен. В античных источниках приводятся несколько племенных этнонимов — авхаты, катиары, траспии, паралаты. Материальная культура их была близка скотоводческим киммерийским племенам, поэтому греки иногда считали их одним народом с киммерийцами. Хотя скифы говорили на других языках — не кельтских, а иранских. Впрочем, в общей переселенческой волне, судя по всему, участвовали и иноязычные народы — одной из особенностей скифов было умение дружить и находить союзников.

Они были прекрасными металлургами, ремесленниками, воинами. Их оружие многими исследователями считается лучшим в тогдашнем мире. Защитным вооружением служили чешуйчатые металлические панцири, шлемы, щиты — деревянные, окованные бронзой или железом. Обычно воин имел два меча, длинный и короткий (акинак). Можно вспомнить, что в последующие времена в Китае и Японии тоже применялось фехтование двумя мечами. А поскольку железо скифы начали

использовать раньше, чем китайцы, логично предположить, что первые приемы фехтовального искусства на двух мечах придумали они. Другими типами вооружения скифов были копья, боевые секиры, клевцы.

Но в первую очередь они были непревзойденными стрелками. Основа их тактики состояла в том, чтобы засыпать врага градом стрел, а уже потом гнать и громить его в рукопашной. Скифской новинкой в военном деле был усовершенствованный тип стрел с граненым бронзовым наконечником со втулкой, что значительно повышало эффективность стрельбы. Применялись и «свистящие» стрелы, с особой формы отверстием в наконечнике. Когда туча таких стрел, издающих в полете жутковатый свист, неслась на неприятеля, это вызывало панику. В общем скифы были грозным противником. И отлично организованным. Их традиции отличались от киммерийских, они жили не племенными княжествами, а предпочитали централизацию власти. И создавали мощные племенные союзы во главе с царями. Неудивительно, что киммерийцы сочли за лучшее с ними не сталкиваться и уступили причерноморские степи. В прочих здешних городах и земледельческих селениях следов войны тоже не выявлено. Очевидно, они просто признали над собой власть новых пришельцев и продолжили жить по-прежнему.

Скифы в данный период близко сошлись с праславянами, а впоследствии часть их влилась в славянский этнос. Об этом свидетельствуют многие источники. «Повесть временных лет» сообщает, что некогда все славяне принадлежали к великому государству, внутри которого племени сохраняли свое устройство, обычаи, законы, предания отцов, «у каждого племени было свое свойство», а греки называли это государство «Великой Скифией». А Иоакимовская летопись считает два народа «братьями», приводя легенду: «Славен з братом Скифом, имея войны многие на востоце, идоша к западу, многие земли о Черном мори и на Дунае себе покориша... И от старшего брата прозвашася славяне. Славен князь иде к полуночи и град великий созда во имя свое Словенск нарече. А Скиф остася у Понта и Меотиса в пустынех обитати, питаяся от скот и грабительства, и прозвася страна та Скифия Великая». Сыном Славена там назван Вандал. Подобный миф излагает и «Велесова книга»: «И были кня-

зья Славен с братом его Скифом... И пришли они на север, и там основал Славен свой город. А брат его Скиф был у моря, и был он стар, и имел сына своего Венда, а после него был внук, который был владельцем южных степей» (I 6a).

Но здесь еще раз коснемся методики исследования по именам прародителей-эпонимов. Наряду со Скифом и Славеном одним из родоначальников славян по «скифской» линии «Велесова книга» называет отца-Ария, от которого производит народы русов, чехов и хорват. Имя Арий здесь явно соответствует не обобщенному названию арийских народов, а отдельному племени, сохранявшему это наименование. И участвовавшему в скифских миграциях. Хотя само оно, вероятно, было не скифское: «...А после шли горами великими, и снегами, и льдами, и притекли в степи со своими стадами. И там скифами перво-наперво были наречены наши пращурь» (II 15a). Отдельно от Ария и Славена упоминаются два других родоначальника. Отец-Тиверец и отец-Кисек (похоже, брат Ария) который «вел родичей по степям со скотом своим на полдень». Тиверец, понятное дело, прародитель тиверцев. А Кисек, если судить по созвучию, может олицетворять племя касогов (или кашаков), зафиксированное позже на Кубани и Северном Кавказе.

Ну а Вандал и Венд, названные в Иоакимовской летописи и «Велесовой книге», вполне могут быть одним «лицом» — точнее, одним народом. То, что в двух версиях он происходит от разных братьев, не столь важно. Это может значить лишь то, что племя вендов вобрало в себя и славянские, и скифские корни. Иоакимовская летопись более детально отслеживает первую линию, а «Велесова книга» — вторую. Точно так же не является противоречием «двойное происхождение» русов, от Богумира и Ария. Примеры подобного пересечения «родословных» встречаются и в Библии. Например, Енох, Мафусаил и его сын Ламех, отец Ноя, производятся и по линии Каина, и по линии его брата Сифа (Быт; 4,5).

Разберем и две легенды, которые поместил в своих работах Геродот. В одной из них прародителем скифов является Таргитай, который жил за тысячу лет до нашествия Дария. То есть в середине II тыс. до н.э. Такая хронология, кстати, очень хорошо соответствует времени возникновения Андроновской культу-

ры. Фактически — с возникновением скифского народа. То есть мы опять видим, что устные предания четко сохраняли память о важных датах. Таргитай назван сыном Зевса и дочери Борисфена (Днепра). А дальше легенда повествует о начале скифской государственности — у Таргитая было три сына, Липоксай, Арпоксай и Колаксай. И с неба упали священные золотые реликвии: плуг, ярмо, секира и чаша. Старшие братья взять их не смогли, при их приближении реликвии раскалялись. А Колаксай они дались, и он стал царем.

Приводится и вторая легенда, слышанная Геродотом в Причерноморье. Что Геракл в низовьях Днепра встретил местную богиню, полудеву-полузмею, переспал с ней и оставил свой лук и пояс. Родились сыновья Агатирс, Гелон и Скиф. Мать дала им задачу натянуть отцовский лук и опоясаться его поясом. Старшие не сумели, и им пришлось уйти в другие края. А Скиф сумел и стал владеть Причерноморьем. Отметим, скифы были пришлым народом, но в обоих мифах зафиксировалось их «родство» с поднепровскими богинями. Что подтверждает объединение или частичное смешение с доскифскими племенами. К более раннему населению Причерноморья относились и «старшие братья» агатирсы с гелонами. Очевидно, они принадлежали к киммерийской группе. Но не умели владеть луком так, как скифы, и им пришлось уступить землю, одни отошли южнее, другие севернее, в леса.

Что касается Таргитая, то Б.А. Рыбаков показал значительное сходство его фигуры с греческим и малоазиатским Аполлоном-Таргелием и славянским Тархом-Дажьбогом. А в «Слове о полку Игореве» славяне названы «Дажьбожьими внуками». Да и «Велесова книга» сообщает: «Мы — потомки Дажьбога, родившего нас через корову Земун, и потому мы кравенцы: скифы, анты, русы, борусины и сурожцы» (II 7э). Можно указать и на сходство имен «Таргитай» — «Арий». Греческие мифы тоже знают это имя, в них Арий — сын Аполлона (родина которого, напомним, находилась где-то в краях гипербореев, на севере).

Кстати, и первая из четырех главных святынь скифов — плуг. А слово «Арий» переводится как «пахарь» — оно родственно слову «орать». Возможно, четыре указанных святыни были символами четырех племен или народов, составивших

скифский союз. Нельзя исключать, что к Арию относится еще одна из Геродотовых легенд о древнем скифском царе Арианте. Который после переселения в Причерноморье устроил истребление своего народа. Для этого каждый должен был принести наконечник стрелы, и из них потом был отлит огромный котел. Причем святилище, где хранился котел, располагалось в верховьях притока Южного Буга, реки Эксампей (ныне Синюха) — не в степях, а в местах расселения оседлых праславянских племен.

«Велесова книга» упоминает и первого царя Колаксия, хотя причиной его избрания на царство называет не обладание святынями, а желание обрести мир и порядок: «И крови много там лилось оттого, что была распря великая за посевы и пашни по обе стороны от Дона и до гор Русских, и до пастбищ карпатских. И там они начали рядить и выбрали Кола, и был он для них царем, а также он отпор врагам творил... И после стояла земля та пятьсот лет...» (I 6a) Приставка к имени «ксай» в иранских языках означала «вождь», «царь». А скифское государство просуществовало действительно около 500 лет.

Кстати, привычное нам и известное в истории слово «скифы» не совсем точно. Настоящим их самоназванием было «сак» или «ска». А «скиф» — либо множественное число от этого этнонима, либо искажение — греческое или праславянское. Но кроме этнического самоназвания существовало и «государственное». Как писал Геродот: «Общее название всех скифов, по имени царя их, сколоты». Как видим, в этом названии соединились слова «ска» — «скиф» и имя «Кола». Вероятно, от «сколотов» произошло и название реки Оскол. Академик Б.А. Рыбаков в своих работах доказывал, что «сколоты» были праславянами. Хотя с какой-то стати отделял их от скифов. Считал, что это имя относилось только к оседлым скифским подданным. Что представляется беспочвенным — по Геродоту, это было именно «название всех скифов». О том же свидетельствует приведенный выше анализ слова «сколоты».

Государственная организация скифов была очень развитой. В Пазырыкских курганах на Алтае благодаря вечной мерзлоте сохранились ковры древних согдов, родственных скифам, с изображением их царей. Хотя их держава была куда менее могуще-

ственной, чем Скифия, но изображены там вовсе не какие-нибудь степные князьки, а самые натуральные цари, восседающие на тронах в богатых одеждах. Существовала и родовая знать.

О религии скифов информации до нас дошло не много. Что неудивительно — они были не склонны раскрывать свои священные тайны перед чужеземцами. Геродот приводит лишь несколько описаний экзотических обрядов (вероятно, полученных из третьих рук). И перечисляет имена скифских богов, которым пытается отыскать аналоги на греческом Олимпе. Он называет супружескую пару из Зевса и Геи, богини Земли, со скифскими именами Папай и Апи, Аполлона — Гайтосира, Афродиту Уранию — Аргимпасу, Посейдона — Тагимасада, богиню домашнего очага Гестию — Табити, Геракла и Ареса, почитаемого в образе меча-акинака.

Причем мы даже не знаем, «настоящие» ли имена названы. Имен у богов бывало много, и многие народы предпочитали своих богов «всуе» не поминать. А вместо этого в обиходе заменяли их «истинные» имена общеупотребительными эпитетами (вроде Киприда — Афродита, Громовержец — Зевс). И тот же «Папай», если сопоставить со сходными по звучанию словами и в индоарийских, и в тюркских языках, с большой долей вероятности означает просто «отец» (ср. «бабай», «папа», «папас» и т.п.). Да и вообще изучение верований на основе механического сопоставления имен вряд ли правомочно. Судя по всему, религия скифов принципиально отличалась от греческого язычества — персонального обожествления сил природы. Даже те отрывочные данные, которые нам известны, позволяют прийти к выводу — это был митраизм, характерный для народов Великой Степи и Средней Азии.

Упомянутая Геродотом «семейная пара»: Зевс-Папай и Гея-Апи — известный во всех митраистских религиях дуализм Неба, представляющего мужское начало, и Земли, представляющей женское начало. (Хотя это не верховные боги, над ними стоит еще Бог-творец Хормуст, соответствующий зороастрийскому Ахурамазде — но упоминали его редко). Характерен был для митраизма и культ воина, воинской силы — «культ меча». Поскольку основной концепцией этой религии, как и в зороастризме, является мировая борьба сил добра и зла. И Митра,

сын Неба и Земли (у Геродота — Арес), выступает воином Богатворца в борьбе со злом. А скифская Афродита-Аргимпаса, по-видимому, соответствовала митраистской Анахит.

Митраизм, как уже отмечалось, не политеистическая, а пантеистическая религия. Различные божества считаются лишь проявлениями и инкарнациями единого Бога. И в высказываниях скифского царя Анахарсиса, которые приводит Плутарх, мы видим доказательство именно таких верований. Например, он говорит, что «душа присутствует во всех частях мироздания». «И огонь есть орудие Бога, и вода, и ветер, и облака, и дожди, которыми Он одних спасает и питает, а других уничтожает и губит». «Тело есть орудие души, а душа — орудие Бога, и как тело многие движения производит своею силою, но больше всего и лучше всего — силою души, так и душа некоторые движения совершает сама по себе, некоторые же вверяет Богу, чтобы Он обращал и направлял ее по своей воле. И из всех орудий душа — самое послушное». Главным проявлением Бога у митраистов считалось Солнце — «глаз Митры». Анахарсис тоже прославляет Солнце, говорит, что «это бог единственный свободный или самый свободный».

Скифы сохранили явную преемственность с «астрономическими» учениями более древних времен. Об этом свидетельствует их курган Аржан на Алтае с кромлехом-«обсерваторией» диаметром 110 м, построенной по тому же принципу, что Аркаим или Стоунхэндж. Геродот сообщает также об институте женоподобных «энареев», занимавшихся предсказаниями, переплетая и расплетая липовое лыко. Он считал их большими какой-то особой болезнью. Но скорее, речь шла о жрецах какого-то женского божества. В арийских верованиях мужчинам не полагалось быть служителями богинь, и таковыми являлись женщины либо скопцы. Были у скифов и другие предсказатели, гадавшие «раскладыванием ивовых прутьев». Вероятно, на самом деле не просто прутьев, а рун. Практика предсказаний путем выбрасывания палочек или дощечек с изображениями рун бытовала и у кельтов, и у германцев.

Гомер называет скифов «доителями кобылиц» — «бедными», «дивными», «справедливыми». Хотя, что касается «бедности», то здесь сказались разные представления о ней. Ведь для

эллинов богатство составляли золото, серебро, дворцы, рабы, а главным богатством скифов как раз и были «кобылицы». Но их справедливость подтверждается и другими авторами, сообщавшими о высоких моральных принципах скифов, о развитом понятии чести. Лукиан Самосатский писал, что «скифы являются более верными друзьями, чем эллины», что они «ничего не признают выше дружбы, каждый скиф сочтет наиболее достойным разделить с другом его труды и опасности», у них «считается самой тяжкой обидой, если тебя назовут изменником дружбы». Кстати, подобные понятия верности товариществу, взаимовыручки, нетерпимости ко лжи и предательству были тоже характерны для митраизма. Ведь Митра был не только воином, но и хранителем мирового порядка, поэтому нарушение договора или данного обещания считалось серьезнейшим грехом.

Ну а миграции скифов Причерноморьем не ограничились. После того, как они расселились и освоились в здешних краях, часть их двинулась на юг, в Закавказье. Геродот писал, что они отправились преследовать киммерийцев, но истине это не соответствует. В Переднюю Азию скифы пришли на несколько десятилетий позже предшественников и совсем другим путем, не по восточному берегу Черного моря, а по западному берегу Каспия. Да и с чего бы им пускаться в погоню? Никаких войн и кровной вражды между скифами и киммерийцами не было. Весь ход событий показывает, что в ходе переселений скифы просто пытались завоевать более богатые и плодородные места. И таким образом на юг устремились два независимых друг от друга нашествия. Которые перевернули вверх дном весь Малоазиатский, Закавказский и Ближневосточный регион...

АЗИЯ ПОД КОПЫТАМИ КОНЕЙ

Обстановка в Передней Азии в VIII в. до н.э. была сложной и, надо сказать, довольно неприглядной. Доминировали здесь две великих державы — Урарту и Ассирия. Царство Урарту подмяло под себя Западное Закавказье, изрядную часть Малой Азии, в зависимость от него попали хетты. Завоевания

были крайне жестокими. Чтобы предохранить себя от восстаний, цари Урарту прикидывали количество населения покоренных областей. И определяли, какую долю сохранить, чтобы ее можно было без проблем удерживать в повиновении. А «излишки» истреблялись. Допустим, решено сохранить треть — и солдаты в каждом населенном пункте рассчитывают жителей, «третьего» оставляя в живых, а первых и вторых режут. Сдержат натиск урартов сумела только Фригия, сохранившая самостоятельность.

Ближний Восток переживал глубокий упадок. От величия Египта остались лишь воспоминания, он был завоеван ливийцами, поделившими его на множество княжеств. Мелкие государства Сирии, Финикии и Палестины непрестанно дрались между собой. Еврейское царство разделилось на два, Иудею и Израиль, враждебные друг другу. Пророк Исайя говорил: «Земля ваша опустошена, города ваши сожжены огнем, поля ваши на ваших глазах съедают чужие». На здешние края распространяла свое влияние Ассирия. Ничего не осталось и от бывшего могущества Мидии. Она тоже зависела от Ассирии. Даже официальным государственным языком служил уже не арийский, а арамейский, и правили страной чужеземные ставленники. Туго приходилось и Вавилонии. Ее теснило то царство Элам, расположенное на восток от Персидского залива, то воинственные князья мелких халдейских княжеств.

Ассирия же казалась вечной и непобедимой. Здесь царь Тиглатпаласар III вместо прежнего народного ополчения создал профессиональную армию. И если до него ассирийцы только облагали соседей данью, стал присоединять побежденных, обращая в свои провинции. Когда Вавилон попросил помощи против халдеев, Тиглатпаласар помог. Но при этом сам провозгласил себя царем Вавилонии. Впрочем, здесь он проводил мягкую политику — Вавилон, величайший в тогдашнем мире город, почитался «священным», а вавилоняне и ассирийцы были родственными народами, исповедовали одну религию и считали себя «братьями».

Другим покоренным приходилось куда хуже. При Тиглатпаласаре и его преемнике Салманасаре V ассирийская империя захватила Сирию, Финикию, царство Манну в Западном Ира-

не, восточные районы Малой Азии, подчинила Лидию. А для упрочения завоеваний применялась политика «насаху» — «вырывать с корнем». Победенных депортировали в другие районы, а на их место переселяли пленников из иных мест. Чтобы народы «перемешались», оказались в чуждом окружении и не могли поднять восстаний. Хотя такая практика дала плоды сугубо отрицательные. Этнические границы были стерты. Население Передней Азии превратилось в безликую массу, говорящую на арамейском языке. И в этой массе растворились сами немногочисленные ассирийцы. Для перемешавшихся жителей империи не могло быть речи о каком-то «патриотизме», любви к своим властителям. Они были совершенно индифферентны к политике и успехам своего государства. Жили лишь собственной выгодой.

Возникло государство-монстр. Столица его Ниневия отнюдь не зря была названа в Ветхом Завете «городом кровей». Она достигла высочайшего расцвета, но походила на паука, сосущего соки из всех соседних стран. Здесь сконцентрировались колоссальные богатства, награбленные в течение веков по всему Востоку. Строились роскошнейшие дворцы и храмы. Собирались библиотеки, воспевающие царей. Лучшие мастера украшали город барельефами, фресками, статуями. Среди таких богатств даже простолюдины могла существовать безбедно, привыкая к паразитарному существованию, но помня, что они — ассирийцы, владыки мира! Славилась Ниневия и своим развратом, выделяясь даже на фоне других государств древнего Востока, нравы коих были далеки от аскетизма. Цари и вельможи развлекались в умопомрачительных оргиях. Лупанары были переполнены женщинами, девочками и мальчиками из всех покоренных народов, при изобилии и дешевизне «живого товара» тут могли удовлетворить любые вкусы клиентов.

Рабы были так дешевы, что служили разменной монетой — ими расплачивались за кувшин вина, за услуги садовника. Или убивали ради потехи. Садистские удовольствия у ассирийцев вообще были в моде. Их рисунки смакуют многочисленные и изощренные казни, сопровождавшие любую победу. Пленников массажи сажали на кол, сжигали, резали. А когда вереницы рабов, пригнанные после очередных завоеваний, оказыва-

лись «излишками», затоваривая невольничий рынок, цари баловали своих подданных кровавым зрелищем — с пленников и пленниц сдирали кожу. Эта кожа покрывала все стены и башни Ниневии ради пущего устрашения врагов и гордости за свое величие. С той же целью у восточных ворот города был устроен своеобразный «зоопарк» — в клетках на цепях сидели пленные цари и толкли в ступках кости своих предков, вырытые из гробниц.

Но опорой ассирийских царей среди покоренных народов и собственного «интернационального» населения могла быть только армия. Да ведь и она черпала кадры из той же перемешанной космополитичной массы. Быстро превратившись в полчища наемных убийц, ценивших только удовольствие резать других, грабеж и наживу. Такая армия не могла существовать без новых завоевательных походов. И они продолжались. В 722 г. до н.э. Саргон II разгромил Израиль, захватил его столицу Самарию, прокатился огнем и мечом по всему Ближнему Востоку. Тех, кто уцелел из «десяти колен израилевых», депортировали. А в Израиль Саргон переселил сирийцев и вавилонян. Но во время его похода восстал Вавилон. Заключил союз с халдеями и Эламом, провозгласил царем халдея Мардук-аплу-иддина...

И вот в этот момент в Переднюю Азию последовало первое вторжение. Киммерийцев. По кавказскому берегу Черного моря они ворвались в пределы Урарту. Царь Руса I двинулся на них с войском. Но кавалерии здешние державы еще не знали. Воевали массами бронированной пехоты, колесницами. Киммерийская великолепная конница засыпала врага стрелами, ударила в мечи и разнесла урартов подчистую. В Ассирии была очень хорошо поставлена разведка, она чуть ли не первой в мире создала профессиональные спецслужбы, по здешней традиции их возглавлял наследник престола. Архивы этого «разведуправления» обнаружены археологами, и в донесении шпионов, касающемся царя Урарту, говорится: «Когда он пошел на страну Гимир (*киммерийцев*), его войско было целиком перебито, трое его вельмож вместе с их войсками были убиты, а сам он убежал и пробрался в свою страну. Его лагерь еще не был атакован».

Затем киммерийцы сокрушили то, что оставалось от государства хеттов. И в районе нынешнего Синопа основали свое

«царство Гимир», как именовали его ассирийцы. До 711 г. до н.э. киммерийцы клевали и добывали Урарту, пока оно не признало себя данником пришельцев. В других государствах Востока политический расклад тоже менялся. Египет захвалили нубийцы, разбив ливийцев и объединив страну. Они попытались возродить старые египетские порядки. Нашли опору в местных жрецах, которые за возвращение и расширение привилегий охотно признали новых властителей законными фараонами, очередными воплощениями Амона-Ра. Черные фараоны стали жениться на своих сестрах, как было принято в прежних династиях. Черные дамы и вельможи нарядились в традиционные египетские наряды, начали по здешней традиции обривать все волосы на теле и голове, заменяя их париками. И на рисунках их изображали вовсе не черными, а такими же, как египтяне.

«Возрождение» Египта подтолкнуло Иудею сбросить ассирийскую зависимость и перекинуться под покровительство фараонов. А Саргон II завяз в войнах с Вавилонией и ее союзниками. Лишь в 710 г. до н.э. он сумел разбить и выгнать из Вавилона Мардук-аплу-иддина. Но торжество было недолгим. Киммерийцы добрались и до ассирийских владений. В 705 г. до н.э. Саргон выступил против них со всей своей армией — однако и его киммерийская конница разгромила. В битве погиб и сам Саргон. Это поражение Ассирии, дотоле считавшейся непобедимой, аукнулось по всей Передней Азии. Снова восстал Вавилон. Палестинское царство Экрон свергло проассирийского князя, вступив в союз с Иудеей и Египтом.

И сыну Саргона Синнахерибу пришлось усмирять непокорных — благо киммерийцы не тревожили, отвлеклись на разборки с Фригией. А усмирение было крутым. В битве при Альтаку Синнахериб разгромил войско палестинцев, иудеев и Египта. И писал: «Я прибыл в Экрон и перебил заместников и правителей, совершивших грех, а их трупы повесил на столбах вокруг города. Граждан города, совершивших преступление и грех, я включил в добычу». Затем Синнахериб покарал остальные мятежные области, и в описаниях своих «подвигов» хвастался: «Я отсек головы воинам и сложил из них пирамиду перед городом. Я сжигал в огне юношей и девушек. Оставшихся в жи-

вых пленных я сажал на колья вокруг города, а остальным выкалывал глаза».

В 689 г. до н.э. был взят последний очаг сопротивления, Вавилон. И если Саргон помиловал город за первое восстание, то Синнахериб за рецидив приказал полностью его уничтожить, несмотря ни на какое «побратимство». Вся вавилонская знать была предана мучительным казням, простолюдинов продали в рабство или депортировали в Иудею и Израиль. Истуканы богов увезли в Ниневию и древнюю ассирийскую столицу Ашшур. Вавилон был сожжен и разрушен, руинами запрудили Евфрат, чтобы река затопила город. И место, где он стоял, было проклято на 70 лет.

Но победы обострили политические дразги в самой Ассирии. Аристократия была недовольна засильем военщины и ее влиянием на царя. Под влиянием любимой жены Закуту Синнахериб пошел на уступки знати, назначив наследником ее ставленника, младшего сына Асархаддона. Старшим, Адармелику и Шарру-уцуру, это не понравилось, они убили отца и попытались захватить власть. Но армия и знать не поддержали их. Асархаддон выступил против братьев, и они бежали в Урарту. Тем не менее новый царь чувствовал себя на троне непрочно. И положение самой Ассирии было шатким. Она была окружена всеобщей ненавистью. Киммерийцы совершали набеги на зависимые от нее Манну и Лидию. И Асархаддон задумал искусственно создать «друзей» — себе и своему царству. А для этого реабилитировать Вавилон и превратить государство в дуалистическое, ассиро-вавилонское.

Были подправлены все хроники, из них исчезли упоминания о разрушении Вавилона Синнахерибом — якобы просто город подвергся каре богов. А потом они смилоствивились. Цифру 70 лет изменили на 11 — в клинописи они похожи. И началось восстановление Вавилона. Собирали отовсюду уцелевших граждан, рабов и депортированных, возвращали им собственность. Но коренных вавилонян осталось мало, и город заселяли абы кем.

В 679 г. на Ассирию обрушился новый массиванный набег киммерийцев. После чего пришельцы заставили вступить в союз с собой Урарту и напали на Фригию. В трехлетней войне

676 — 674 г. до н.э. ее одолели. Фригийский царь Мидас (тот самый, который в греческих мифах превращал в золото все предметы, к коим прикасался, и имел ослиные уши) погиб в сражении, а его государство прекратило существование. Вошло в состав «царства Гимир». Которое через Босфор получило возможность сообщаться с фракийскими киммерийцами, трерами. Они охотно вступили в альянс с братьями. Их войска тоже стали появляться в Малой Азии, нападая на греческие города и Лидию.

Но в это же время дали о себе знать и другие «гости» с севера. Скифы. Часть их племен прошла через Дербентский проход, обосновавшись на территории нынешнего Азербайджана. И ударила на Мидию. Как сообщает Геродот, «здесь мидийцы, вступив со скифами в бой и потерпев поражение в битве, лишились власти, а скифы завладели всей Азией». Впрочем, серьезной войны не было. Ведь Мидией правили ассирийские марионетки. И, судя по некоторым упоминаниям в переписке того времени, после первых же поражений здешний царь бежал к своим ассирийским хозяевам, бросив страну на произвол судьбы [32]. О чем большинство его подданных отнюдь не горевало — наоборот, в 673 г. до н.э. Мидия восстала и вышла из-под власти Ассирии. Предпочла стать данницей скифов.

Захватив Восточное Закавказье и часть ассирийских земель, скифы основали здесь «царство Ишкуза». И их царь Ишпакаи в союзе с Мидией начал войну против Ассирии. Но в одном из столкновений был убит, его преемником стал сын Партатуа (Прототий) — скифские и киммерийские имена дошли до нас в ассирийской или греческой транскрипции, и, естественно, могут быть искажены. Одолеть грозных скифов Ассирия была не в состоянии. Однако у нее имелась еще и отличная дипломатия и спецслужбы. Которые начали активную игру со скифами и добились успеха. Партатуа согласился на мир и союз с Ассирией. Чтобы скрепить его, Ассархадон выдал за Партатуа свою дочь. И не только дочь — уступил Мидию. Она осталась вассалом «царства Ишкуза».

Пользуясь миром, достигнутым на северных границах, Ассирия смогла достичь побед на юге. В 671 г. она привела к повиновению Ближний Восток и захватила Египет, сокрушив нубий-

скую династию. Исполнилось пророчество: «Так поведет царь Ассирийский пленников из Египта и переселенцев из Ефиопии, молодых и старых, нагими и босыми и с обнаженными чреслами в посрамление Египту» (Исаия, 20,4). Но завоевания были уже непрочными. В Египте одно за другим вспыхивали восстания. Их еще удавалось подавлять. Однако и в верхушке Ассирии углублялся разлад между аристократической и военной партиями, они поддерживали разных наследников престола, возникали мятежи и заговоры.

И Ассархадон, желая примирения, попытался угодить тем и другим, назначил младшего сына Ашшурбанипала наследником Ассирии, а старшего, Шамаш-шу-укина наследником Вавилона. В 669 г. царь умер, и в Ниневии и Вавилоне стало два разных монарха, хотя Шамаш-шу-укин должен был подчиняться Ашшурбанипалу. Но спокойствия не было. В 665 г. киммерийцы опять напали на Лидию. Царь Гиг воззвал о помощи к ассирийским покровителям. Ассирия пригласила скифских союзников, и совместными усилиями Лидию удалось отстоять — скифы были единственными, кто мог победить киммерийскую конницу.

Однако в 654 г. грянула новая полоса войн. Египет объединился под властью фараона Псамметиха I и окончательно сбросил ассирийское иго. А киммерийцы снова навалились на Лидию, взяли штурмом ее столицу Сарды. Царь Гиг пал в бою. И... Лидия точно так же, как прежде Мидия, вышла из-под власти Ассирии. Перекинулась под протекторат киммерийцев. В Малой Азии их кавалерия не остановилась. Прокатилась по Сирии, Палестине, достигнув Египта. И фараону Псамметиху, только что изгнавшему ассирийских наместников, с большим трудом удалось остановить киммерийцев. Впрочем, для них это был просто набег. Египта они достигли уже «на излете» и, встретив сопротивление, повернули назад.

Ассирия серьезной помощи лидийцам и сирийцам оказать не смогла, она вела войну на востоке. Покорила халдейское царство Гамбулу и Элам, взяв его столицу Сузы. И в это же время начали проявляться последствия эксперимента с восстановлением Вавилона. По сути, идея с его «возрождением» оказалась мертворожденной. Старый Вавилон так и не воскрес — вместо

прежнего «священного» и аристократического центра возникло еще одно государство-монстр. Хотя и совершенно не похожее на Ассирию. Ведь местная знать была истреблена, и мегаполис со сборным населением стал городом нуворишей, торгашей, ростовщиков. «Столицей» бездуховности, алчности, стяжательства.

Лицемерие «новых вавилонян» доходило до того, что «благочестивые» богачи стали заказывать статуэтки, где они были изображены молящимися. И дарили их в храмы. Статуэтка «молится», а человек занимается своим бизнесом. Вавилонянки, правда, ходили в храмы лично — для ритуальной проституции. Этот обряд сохранился и практиковался куда шире, чем в «старом» Вавилоне, отчего и пошло выражение «вавилонская блудница». Многочисленные таблички, найденные археологами, донесли до нас и любопытные свидетельства о здешнем быте. Даже семейные отношения оказывались тут сугубо корыстными. Супруги владели раздельной собственностью, ссужали друг другу деньги под проценты, то и дело судились.

Нередко жена разоряла мужа и наоборот. Но при этом они не переставали быть семьей. Здесь так было принято. Если у родителей дела шли плохо, детям и в голову не приходило помочь им. А родителям — обратиться к детям за помощью. Это было не по-вавилонски. Разве что тоже могли дать ссуду под проценты и оттягать дом или сад. Мало того, если отец и мать не оставили наследства, дети освобождались от обязанности совершать по ним похоронные и поминальные обряды. Несмотря на то, что по здешним верованиям это обрекало покойных на совершенно беспросветное загробное существование. Но что ж, не оставил наследства — сам виноват. Ни малейших намеков на честь и благородство вавилонская мораль вообще не предусматривала.

На фоне подобной картины весьма своеобразно выглядят рассуждения историков о том, как дикие «варвары», киммерийцы и скифы, вторглись и крушили самые «культурные» страны тогдашнего мира [20]. Хотя, конечно, все зависит от точки зрения. Ведь вавилонская «цивилизация» и впрямь стала первым подобным монстром на планете. И именно она явилась прообразом современной Западной цивилизации. Но отметим и то,

что пришельцы с севера были «варварами» отнюдь не для всех народов. Для многих они стали освободителями и хорошими друзьями, заслужив искреннее уважение и симпатии. Например, в грузинском языке сам этноним «гмири» — «киммериец», стал обозначать слово «герой», «богатырь». А в армянском языке то же самое значение приобрело слово «ска» — «скиф».

Ну а вавилонская олигархия к середине VII в. под покровительством ассирийских царей разжирела и набрала силу. После чего эти цари стали для нее лишними, ей захотелось определять политику самостоятельно. Посаженный в Вавилоне царь Шамаш-шу-укин Ашшурбанипала ненавидел. Был оскорблен тем, что младший брат начальствует над ним. И олигархи без труда подчинили его своему влиянию. Уговорили последовать примеру отделившихся Египта и Лидии. Вавилон тайно заключил союз с Эламом, халдейскими княжествами, арабами, Персией, направил посольства к фараону и лидийцам. И в 650 г. восстал, провозгласив независимость. Месопотамия раскололась — некоторые города поддержали Вавилон, другие сохранили верность Ассирии.

Завязалась война. Реально на стороне Вавилона выступили далеко не все союзники. А ассирийские спецслужбы вносили дополнительный разлад. Организовали в Эламе переворот, царь Умманиташа II и его родня были убиты. Когда же новый царь Таммариту взял страну под контроль и собрался выступить против Ассирии, разведка инициировала второй переворот. Таммариту и 85 князьям с семьями пришлось бежать к ассирийцам. В Ниневии их заставили нагишом ползти на животах к подножию трона Ашшурбанипала и целовать ему ноги.

Ассирия благодаря успехам спецслужб смогла сосредоточить силы в Месопотамии. Осадила Вавилон, брала другие восставшие города — Куту, Сиппар, сопровождая победы казнями и резней. В Барсиппе восставшие граждане предпочли сами покончить с собой. А вавилоняне в полной мере проявили себя. За оружие взялись немногие. Когда в городе начался голод и люди «ели мясо своих сыновей и дочерей», другие их сограждане спекулировали продовольствием, скупали землю, дома, за мерку ячменя забирали в рабство детей. И шпионили, поставляя информацию ассирийцам. Причем обирали людей и зани-

мались шпионажем те же самые олигархи, которые толкнули своего царя на восстание.

Наконец, Шамаш-шум-укин, поняв безнадежность ситуации, поджег свой дворец и бросился в огонь вместе с женой и придворными. Ассирийцы, заметив пожар, пошли на штурм, и все было кончено. Репрессии были на редкость умеренными — ведь богачи успели доказать свою лояльность Ашшурбанипалу, а вину за восстание свалили на мертвого царя. Казнили, изрубив на куски, только активных участников обороны. А остальных Ашшурбанипал помиловал и сам принял титул царя Вавилона. К 644 г. до н.э. были подавлены последние очаги восстания — Элам, арабы. Ашшурбанипал ознаменовал победу пышным триумфом, на котором в его колесницу были впряжены пять пленных царей.

Его скифские союзники в это же время, в 640-х гг., сражались на другом фронте. Их сумели нацелить против киммерийцев и урартов. Царь скифов Мадий, сын Партатуа от ассирийской принцессы, возглавил войско, двинувшееся вместе с частями ассирийцев в Малую Азию. Встретился в битве с киммерийским царем Лагдамисом (у ассирийцев Тугдамме) и разгромил его. А сын Мадия царевич Сандакшатр нанес жестокое поражение фракийским трерам. Скифская конница погромила Урарту и Манну, они стали вассалами Ассирии. Лидийский царь Ардис, сын погибшего Гига, тоже счел момент подходящим, чтобы сбросить зависимость от киммерийцев, и изгнал их со своей территории. Но и под власть ассирийцев Лидия уже не вернулась, сохранила самостоятельность.

И история «царства Гимир» этим разгромом завершилась. Киммерийцы отступили на запад Малоазиатского полуострова и ушли оттуда к своим сородичам во Фракию. Часть из них по долине Дуная мигрировала дальше и нашла пристанище у других сородичей, прибалтийских.

Ну а Ашшурбанипал, опираясь на столь могущественных друзей как скифы, смог «почтить на лаврах». Почти в прямом смысле, поскольку вести завоевательные войны Ассирия уже не могла. Сохранить бы имеющееся. Но разложившейся солдатне это очень не нравилось — ей хотелось воевать и грабить. В 630 г. до н.э. она взбунтовалась, низложила царя и возвела на

престол его сына Син-шарру-ишкуна. И империя тут же начала разваливаться.

Египтяне стали захватывать ассирийские владения в Палестине. Из подчинения Ниневии вышел иудейский царь Иосия. На юге Месопотамии поднял восстание здешний наместник халдеев Набопаласар, и Вавилон признал его царем. Нашелся у него и сильный союзник — Мидия. Ее вассалитет от скифов ограничивался выплатой дани, зато обеспечивал защиту. За полвека под эгидой Скифии страна окрепла, усилилась, значительно расширила владения, захватив Персию. И мидийский царь Фраорт считал уже возможным присоединиться к Набопаласару. В 625 г. он двинул войско на Ассирию, но был разгромлен и погиб.

Однако и ассирийцы никак не могли сладить с Вавилоном. Стороны обменивались ударами и контрударами, осаждали и захватывали друг у друга города. А преемником Фраорта на престоле Мидии стал энергичный сын Киаксар, сумевший в короткий срок реорганизовать национальную армию, причем во многом он перенял военное искусство скифов. В 623 г. до н.э. он вторгся в Ассирию и осадил Ниневию. Спас ее союзник Мадий. Явился с войском, атаковал, разбил и прогнал Киаксара.

С мидян скифы взыскали за самовольство большой выкуп, но под Ниневией не остановились. А двинулись дальше, погромили Месопотамию, Сирию, Палестину. Как сообщают предания «Велесовой книги»: «Принеся в жертву белых коней, ушли мы из Семиречья, с гор Арийских, из Загорья, и прошел век. И так пришли в Двуречье, разбили там всех конницей своей и пошли к земле Сирийской...» (II 15a). В «Книге Иезекииля» эти события отразились известием о нашествии «Гог и Магога». «Гог» — киммерийцы, «Магог» — скифы. Это искаженное имя Мадия (в арабской транскрипции — Маджудж). А пророк Иеремия говорил: «Вот идет народ от земли северной, и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руке лук и копье. Они жестоки и беспощадны. Их голос шумит, как море. Они мчатся на конях, выстроившись, как один человек, чтобы сразиться с тобой, дочь Сиона».

Скифы докатились до границ Египта, и фараону Псамметиху с трудом удалось откупиться от них данью. Фактически

скифы в это время стали полными хозяевами Передней Азии. Вся политика, успех любых войн зависел от них. Но... в Ассирии нашлись умники, внушившие царю, что «варвары» куда опаснее «культурных» вавилонян. Что они набрали слишком большую силу. И Син-шарру-ишкун начал сколачивать союз против... скифов. Заключил соглашения с Урарту, Манну, примкнул и Египет.

Мадий об этом узнал. Возможно, не без помощи вавилонян и мидийцев. И понравиться такое дело скифам никак не могло. По понятиям степняков предательство — одно из самых страшных преступлений. И скифы перестали появляться на выручку Ассирии. А Киаксар и Набопаласар скрепили свой союз браком детей, царевны Амритис и Навуходоносора. И война пошла «в одни ворота». В 614 г. пала древняя столица Ассирии, г.Ашшур, была разграблена и разрушена. Затем мидийская и вавилонская дипломатия провела переговоры с Мадием. И он тоже примкнул к коалиции. В 612 г. до н.э. соединенное войско разбило ассирийцев в трех полевых сражениях и осадило Ниневию.

Продолбило таранами стену. Защитники отчаянно сопротивлялись, возвели позади проломов новые укрепления. Но была применена хитрость. Ассирийцы сосредоточили все силы у проломов, с северо-восточной стороны крепости. А осаждающие отвели воду реки Хуцур во рвы у южной стены и ворвались в город по руслу, через речные ворота. Очевидец, пророк Нуам, писал: «Горе городу кровей! Весь он полон преступления, не прекращается в нем разбой. Хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание скачущего коня и грохот несущейся колесницы. Несется конница, и блестит меч, и сверкает копьё — и множество сраженных, и груды трупов. Без конца тела, спотыкаются о тела убитых!...» Царь Син-шарру-ишкун поджег дворец и погиб в пламени. Город с 300-тысячным населением был стерт с лица земли. Кого не перебили, угнали в рабство.

Союзники договорились о разделе «ассирийского наследства». Мидянам отошел Элам, Вавилону — Ближний Восток, скифам — Урарту и Манну. Уцелевшая часть ассирийской армии и знати еще попыталась сопротивляться. Новой столицей стал Харран, где был провозглашен царем Ашшур-убаллит, брат Аш-

шурбанипала. К нему пришли на помощь египтяне. Но в 610 г. до н.э. явились главные силы мидийской, скифской и вавилонской армий. Египетские и ассирийские воины в ужасе бежали, бросив Харран. Он достался Вавилону.

В следующем году египетский фараон Нехо вместе с Ашшур-убаллитом попытался отбить его. Но добавились и политические игры Иудеи. Ее царь Иосия счел за лучшее перекинуться на сторону победителей-вавилонян и отказался пропустить египетское войско. Фараон разгневался, атаковал и разгромил евреев, Иосия был убит. Нехо подступил к Харрану, однако взять его не смог. А когда узнал о приближении Набопаласара со скифами и мидянами, отступил без боя. С этого момента Ашшур-убаллит и Ассирия исчезли со страниц истории.

Но война не кончилась. Правда, фараон на несколько лет получил передышку — скифы настояли, чтобы сперва союзники помогли отвоевать их часть «наследства». В 609 — 607 гг. до н.э. они вместе с армиями Киаксара, Набопаласара и его сына Навуходоносора овладели царствами Урарту и Манну. Скифы сохранили им государственную автономию, но обложили данью. Египет тоже времени даром не терял. Прибрал к рукам «бесхозный» Ближний Восток, наращивал войска, заключил союзы с Ливией и Лидией. И в мае 605 г. до н.э. на Евфрате под Кархемишем сошлись войска двух коалиций. С одной стороны — вавилоняне и скифы под командованием Навуходоносора, с другой — огромная армия фараона Нехо из египтян, ливийцев, нубийцев, лидийцев и греческих наемников. Произошла одна из самых масштабных битв в древней истории, и фараона разгромили наголову, полегли десятки тысяч его воинов.

Мелкие государства Ближнего Востока, потрясенные таким исходом, признали власть Вавилона. Набопаласар в это время умер, Навуходоносор стал царем. Между прочим, исследователи отметили интересную особенность. Оба монарха были в первую очередь полководцами, всю жизнь провели в походах. Но в вавилонских текстах об этом почти ничего не сказано — цари как будто только усердно молятся, жертвуют храмам... Потому что у вавилонян, как это обычно бывает у торгашей и ростов-

щиков, профессия военного считалась совершенно непристойной, даже позорной. Не для «приличного» человека.

Хотя вложить меч в ножны Навуходоносору так и не пришлось. В государствах Ближнего Востока тоже верховодили олигархи, и связь с Египтом для них была выгоднее, чем зависимость от вавилонских конкурентов. Шок Кархемиша быстро прошел, и узнав о смерти Набопаласара, опять переметнулись на сторону фараона Иудея и Аскалон. В 603 г. до н.э. Навуходоносор вместе со скифами явился их усмирять. Помощи от Египта они не получили. Аскалон был взят и разрушен, население угнали в плен. Скифы при этом разграбили местный знаменитый храм Астарты. Иудея сопротивляться не посмела, царь Иоаким обязался платить дань.

Но в 601 г. до н.э. Навуходоносор потерпел поражение, попытавшись вторгнуться в Египет. Что вызвало очередную смену политической ориентации в Иудее. Расплата не заставила себя ждать. Начались набеги, разорявшие иудейскую землю, а в 597 г. до н.э. пришел Навуходоносор со своими союзниками. Перепуганный Иоаким прибыл к нему с дарами, однако вавилонский царь больше ему не доверял и велел убить вместе с приближенными. Посадил на престол его сына Иехонию, забрал сокровища Иерусалимского храма и увел в плен 11 тыс. видных евреев (в счет шли только главы семейств, вместе с ними угнали родных и домочадцев). Так началось известное «вавилонское пленение».

Однако в 597 — 595 гг. до н.э. почему-то испортились отношения Вавилона со скифами. Причину мы не знаем, хотя она должна быть весомой — у всех народов скифы считались людьми чести. Но они своих хроник не вели. А в вавилонских причина замалчивается. Ясное дело, если бы вина лежала на скифах, замалчивать ее резона не было бы. Вероятно, имели место какие-то политические интриги, попытки антискифского сговора, как было с Ассирией. И последующие события показывают, что такой сговор существовал. Ссора обозначилась очевидно и резко. Скифы вдруг стали вести себя враждебно. На границах начались стычки. Отряды скифов прорывались до самого Вавилона, осыпая его стены свистящими стрелами. Вавилоняне прятались по крепостям, забросив поля. Цены на продукты

скакнули в 15 раз, начался голод (на чем, кстати, опять не забывали играть олигархи).

Скифы готовились к большой войне, затребовали вспомогательные войска от вассалов — Мидии, Урарту и Манну. Но мидийский царь Киаксар нанес подлый удар исподтишка. В 595 г. до н.э. пригласил к себе для переговоров всех скифских вождей, устроил пир. У всех степных народов (как и у славян, кельтов) гость почитался священной особой. Если уж ты приглашен, можно не заботиться о своей безопасности, оберегать тебя должен другой. Но у «цивилизованного» царя психология была другой. И когда гости напились, он перебил их. Очевидно, по сговору с вавилонянами. После этого Киаксар ударил на скифов, их обезглавленное войско было разгромлено и отступило на север.

А мидяне вознаградили себя, кинувшись захватывать скифскую долю «ассирийского наследства». Но стоит отметить, что Урарту и Манну встретили армию Киаксара отнюдь не как освободителей, жестоко сопротивлялись. Под властью скифов они сохраняли государственную автономию, своих царей, Киаксар же превратил их в завоеванные провинции. Не «варвары»-скифы, а мидяне разрушили урартскую столицу Тушпу (Ван), Тейшебаини (Кармин-Блур) и другие города. А обороняли их, как показывает археология, скифские гарнизоны.

Так закончилась более чем столетняя эпопея вторжений в Переднюю Азию. Скифы удалились обратно в Причерноморье. Впрочем какая-то их часть осталась в Закавказье — они известны под именем сакашенов, обитавших на юг от Куры и влившихся потом в состав армянского народа и албанов (ветвь армян, проживавшая на территории Азербайджана). Но с другой стороны, Страбон сообщает, что какое-то племя из Мидии ушло со скифами на Дон.

А много веков спустя археологи обнаружат в скифских курганах память о былых походах и победах — вавилонские, ассирийские, египетские, палестинские трофеи. В частности, на Кубани возле станицы Келермесской найден великолепный ассирийский меч с золотым эфесом и в золотых ножнах. Исследователи не исключают, что некогда он мог принадлежать самому Ашшурбанипалу...

В середине VII в. до н.э. устанавливались тесные контакты скифов не только с народами Востока, но и с греками. В Причерноморье возникают эллинские колонии. Почти все они основывались выходцами из малоазиатского Милета. Не исключено, что контакты были наведены во время войны Мадия и Сандакшатра против киммерийцев, которые нападали на владения греческих городов, и Милет, таким образом, был естественным союзником скифов. Возможно, тогда и было дано (или куплено) разрешение селиться в Причерноморье.

Хотя могло быть и иначе. Первая черноморская колония, Истрия, возникла в 657 г. до н.э. все же не на скифских землях, у Дуная. Возможно, в Милете разузнали от киммерийцев и скифов о северных краях, сперва закрепились на Дунае, а уж отсюда стали наведываться к скифским правителям и договариваться о разрешении обосноваться в их владениях. Без таких договоренностей строить города на пустынном чужом берегу не получилось бы. Но скорее всего, получить разрешение было не сложно. Прибрежная полоса песка и камней была не нужна ни скотоводам, ни земледельцам. Зато открывались возможности взаимовыгодной торговли.

В 645—640 гг. до н.э. появилась Борисфенида в устье Днепра. А дальше колонии стали расти по берегам, как грибы — Ольвия у Южного Буга, Тирас на Днестре, Офиусса, Никоний, Одесс, Пантикапей, Феодосия, Китей, Нимфей, Херсонес, Фасис, Мирмекей, Фиска, Фанагория, Диоскуриада и др. Большинство из них устраивалось тоже милетянами или почковалось от более ранних милетских поселений. Исключение составлял только Херсонес (рядом с нынешним Севастополем), он был основан переселенцами с о.Делос, и порядки тут отличались от милетских республик, Херсонес был теократическим государством, управляла им коллегия жрецов, главный из которых носил титул базилевса — царя. А основную часть населения составляли не торговцы, а свободные земледельцы. Не совсем ясно и происхождение Пантикапея. Здесь утвердилась не характерная для

эллинов наследственная монархия, хотя и с греческой династией Археанактидов. И возникло Боспорское царство.

Из-за столь близкого соседства львиная доля информации о скифах дошла до нас от эллинов, традиционно изображавших иные народы «дикарями», тупыми и невежественными. И вся историческая наука подхватила противопоставление «высококультурных» греков и «варваров», рассуждая о благотворных эллинских влияниях на этих самых «варваров», которые только таким путем и могли чуть-чуть цивилизоваться.

Хотя если уж смотреть в лицо фактам, на чем основано наше преклонение перед Древней Элладой? На «великих» событиях ее истории, которые нам преподносят учебники. На сохранившихся мраморных статуях, трудах философов и литераторов, на описаниях не сохранившихся произведений искусства. Но на самом-то деле мы изучаем не эллинскую историю, а лишь узкие выкопировки из нее. А в целом... Несколько десятков микроскопических городов-государств веками грызлись друг с другом и объединить усилия сумели только один раз — в Персидских войнах. Да и то не все. Значительная доля государств предпочла власть персов. И изрядную часть персидских солдат и матросов, сражавшихся с эллинами при Марафоне, Фермопилах, Саламине, Платеях, составляли точно такие же эллины. Персидские войны стали единственным случаем, когда греки сумели отразить вражеское вторжение. После чего сразу же разделились на спартанскую и афинскую коалиции и снова принялись меситься между собой. Причем оба союза искали поддержку... у тех же персов. Что же тут великого?

Нас ослепляет миф об эллинской демократии. Потому что либеральные историки XIX в. тащились от самого слова «демократия». Но, во-первых, она существовала далеко не во всех греческих государствах. Во-вторых, демократии в Афинах и ряде других полисов сопутствовали постоянные социальные потрясения, революции, перевороты, убийства политических противников. А в-третьих, что хорошего дала демократия тем же Афинам? Лучшие полководцы, государственные деятели, мыслители были изгнаны или казнены своими же согражданами, серой обывательской «общественностью», тупо и безжалостно набра-

сывавшейся на любого, кто возвышался над уровнем толпы. Что и предопределило упадок Афин.

Эллинские произведения архитектуры и искусства действительно достойны восхищения. Но забывается, что в древности те же статуи выглядели иначе. Греки их раскрашивали разными цветами. И вместо строгой белизны и изящества мрамора статуи смотрелись наподобие нынешних манекенов в витринах магазинов. Забывается и то, что само ремесло художника или скульптора считалось в Греции отнюдь не почетным, а позорным. Известно высказывание Перикла: «Все восхищаются конями Лисиппа, но никто не хотел бы быть самим Лисиппом». Настоящий, полноценный эллин должен был владеть землей, торговать, болтаться по базару и драть глотку на общественных собраниях. А люди искусства относились ко «второму сорту».

Мыслители? Их было два десятка. Из миллионов эллинов. При жизни их знали только в узком кругу. Популярность они приобрели значительно позже, когда у римлян возникла мода на «греческую мудрость», и ее ринулись перенимать. Кстати, если уж подходить объективно, то и переоценивать эту мудрость не стоит. Часто она напоминает бесцельное умствование от нечего делать. Ну кому и какую пользу (даже не практическую, а хотя бы теоретическую) принесли споры о том, из чего создавался мир, из огня, воды, воздуха или «эфира»? Только загрузили лишней информацией сегодняшних студентов, сдающих философию. Или взять «идеальное государство» Платона. Кто оказался мудрее, Платон, придумавший его, или сиракузские тираны, отказавшиеся экспериментировать со своим государством и претворять в жизнь этот бред?

А уж распространять понятие «древнегреческой культуры» на всю Грецию и на все века ее существования вообще некорректно. Известный историк Г. Вебер, исследуя жизнь Спарты, Афин, Фив, Сиракуз, Агригента, Коринфа, Фессалии пришел к парадоксальному выводу: «К кому же применима распространенная хрестоматийная характеристика эллинов? Любовь к искусству, тонкое эстетическое чувство, предпочтение изящного роскошному, воздержанность в наслаждениях... Только к афинянам двух поколений, живших между Марафонской бит-

вой и началом Пелопоннесской войны. Ни до ни после этих дат!» [29]

Но ведь и «хрестоматийные характеристики» о многом умалчивают. Например, о забитом и убогом положении женщин в Афинах и ряде других греческих государств, причем именно в тех, которые принято относить к самым «культурным». Не мусульмане, не персы, а афиняне первыми изолировали свою «прекрасную половину». Она должна была знать свое место, сидеть в гинекее, женской части дома, и оттуда не высовываться. А при выходе из дома прикрывать лицо покрывалом. Правда, были и женщины другого рода, гетеры (точнее, гетайры — «товарищи»), они вели себя свободно, специально учились музыке, поэзии, пению. Но ведь и их назначением было обслуживать и улаживать мужчин. И они считались существами «низшего сорта», точно так же, как художники и скульпторы.

Однако эллинскому аскетизму и устоям «нравственности» (для женщины — смертная казнь за супружескую неверность, но не для мужчины) ничуть не противоречили разнузданные оргии на религиозных праздниках. Очень широко были распространены извращения. Гомосексуализм считался не только нормальным явлением, но даже признаком хорошего тона. Поэтому, кстати, многочисленные статуи обнаженной мужской натуры выполняли функции банальной порнографии. Женскую натуру греки изображали гораздо реже. Поскольку мастера подстраивались под вкусы заказчиков, элиты, а она предпочитала собственный пол. Гомосексуальными интересами подогревался и культ спорта — ведь на всех играх атлеты выступали голыми. Ну а у простонародья спектр общепринятых удовольствий дополнялся зоофилией, удовлетворить свои желания с козой не считалось чем-то зазорным.

Вот и встает вопрос — а заслужили ли греки право быть однозначными и безапелляционными судьями других народов? Да, нам приходится пользоваться их источниками за отсутствием других. Но подходить к ним надо не с эллинским, а с собственным разумением. Так, известно греческое предание о Черном море. Мол, первоначально оно называлось Аксинским Понтом (Негостеприимное море), поскольку дикие скифы убивали и пожирали всех чужеземцев. А потом, по мере колонизации и

утверждения здесь греческих городов, название изменилось на Эвксинский Понт (Гостеприимное море). Все это, разумеется, не более чем сказки. Уже отмечалось, что мореходство здесь процветало давно, и никто путешественников не кушал. А название «Аксинский Понт», как выясняется, греки позаимствовали у самих скифов, именовавших свое море «Ахшайна» — «Черное». То есть, этот термин родился уже в период контактов между ними. А уж потом «Аксинский» преобразовался в «Эвксинский», поскольку название не соответствовало сути.

Стоит разобраться и в том, по каким же признакам греки объявляли скифов «варварами»? И оказывается, что главных причин три, их неоднократно приводят античные авторы. Первая — скифы пьют вино неразбавленным, вторая — носят штаны, третья — ездят верхом. Даже Гиппократ, описывая эти обычаи, всячески доказывал, что носить штаны и ездить верхом вредно для здоровья. Я, конечно, не знаю, найдется ли среди читателей этой книги хоть один любитель разбавлять вино водой. Но наряд эллинов действительно состоял из одного лишь хитона — куса ткани, сшитого на живую нитку, который носили на голом теле. Плюс сандалии — кожаные подошвы на веревочках. Скифы же носили штаны, шапки типа малахая, рубашки, куртки или кафтаны, низкие сапоги со шнуровкой. Женщины надевали просторные платья, похожие на сарафаны, голову увенчивали кокошником. Чей национальный костюм выглядит «культурнее», судите сами.

Самые подробные описания Скифии оставил Геродот. Что ж, спасибо ему. Но Геродота правильнее было бы назвать не «отцом истории», а «отцом журналистики». Он целенаправленно подбирал всякие «экзотические», шокирующие «изюминки», чтобы потрафить вкусам читателей. И, между прочим, только благодаря этому значительная часть его трудов дошла до нас — они пользовались большим спросом, размножались переписыванием. А «тиражи» других авторов были значительно меньше, и их работы не сохранились. Но уже доказано, что Геродот частенько подвирал. Например, размеры стен и храмов Вавилона преувеличил в несколько раз, хотя видел их лично. Или написал, что массагеты поедают своих покойников. Что археологией опровергается — захоронения у них обычные, с отнюдь не

«съеденными» останками. У массагетов Геродот не бывал: видеть, услышал клевету от их врагов, и она показалась подходящей для «исторической желтой журналистики».

Скифию он посетил. Однако в глубь своих земель скифы чужеземцев не пускали. И Геродот собирал информацию в греческих причерноморских городах, описав ряд «варварских» обычаев. Что воин пил кровь первого убитого им врага, с побежденных неприятелей снимались скальпы, используемые потом в качестве утиральников. Что из черепов самых знатных врагов изготовлялись чаши. Что в каждой скифской области существовало святилище «Ареса» — гора хвороста высотой 3 стадия, а на вершине находился «древний железный меч», в жертву коему приносят одного из ста пленников, окропляя меч кровью. Описал Геродот и похоронные обряды царей, с которыми отправляют на тот свет одну из наложниц, пятерых слуг, а потом еще полсотни...

Что из этого правда — трудно судить. Обычаи скальпирования врагов и изготовления чаш из черепов существовали и у кельтов. Возможно, они бытовали и у скифов. Количество погребальных жертв археологией не подтверждается. Даже в кургане Аржан на Алтае, относящемся к самым архаичным скифским временам, задолго до переселения в Причерноморье, были похоронены 15 человек и 166 коней. А в последующих царских могилах обычно находят лишь одну наложницу. Ну а что касается жертвоприношений пленных, то сама высота горы хвороста, 3 стадия (свыше 550 м) совершенно невероятна.

Какие-то из кровавых обрядов, конечно, существовали. Но надо помнить, что многое объясняется не какими-то национальными особенностями, а «духом времени». Жестокие обычаи были так или иначе присущи всем древним народам. Мы не знаем, действительно ли скифы убивали одного пленника из ста, но известно, что греки часто резали всех пленных — если не было возможности продать их в рабство. А в Спарте даже и в мирное время юноша обязан был убить хоть одного илота (человека из покоренного автохтонного населения), и лишь тогда признавался мужчиной. Наконец, если эллинам претили скифские традиции, то ведь и скифам многие эллинские традиции казались «варварскими» и шокирующими — те же ор-

гии, гомосексуализм, лживость, вероломство. Словом, судить о «варварстве» или «цивилизованности» только на основе «экзотики», описанной предвзятыми иностранцами, было бы опрометчиво.

Современные искусствоведы выделяют в Европе I тыс. до н.э. три главных очага высокой культуры — средиземноморский, кельтский и скифский [39]. Геродот и прочие греческие авторы дружно утверждали, что у скифов нет городов, что они ведут сугубо кочевой образ жизни. Действительности это не соответствует. Видимо, сказалось и разночтение в понимании термина «город» у эллинов и прочих народов. Но сказался и другой фактор. Уже в летописные времена, как только стало известно о городках половцев, где зимовал их скот, они тут же стали легко уязвимы для ударов русских дружин. Скифы это понимали и о своих городах перед посторонними не распространялись.

Столицей их было найденное археологами Каменское городище в Запорожской обл. Тут обнаружены остатки каменных домов знати во внутренней части города, святилища, многочисленные мастерские — кузнечные, литейные, гончарные, ткацкие. Кстати, у Геродота мы можем найти косвенное подтверждение, что скифы действительно скрывали наличие и расположение своих городов. Он писал, что могилы скифских царей находятся «в том месте, до которого Борисфен судоходен», и что район этот особенно строго охранялся от проникновения посторонних. Но основные скифские захоронения обнаружены именно здесь, вблизи Днепровских порогов, до которых была судоходна река — и как раз в этом «запретном» районе находилось Каменское городище.

Впрочем, сам же Геродот описывает (понаслышке) огромный деревянный город Гелон в «стране будинов», каждая стена которого тянулась «на 30 стадиев». Археологи предполагают, что Гелон — это Бельское городище в Полтавской обл., где найдены остатки жилищ, мастерских, загонов для скота. Периметр его валов достигает почти 30 км, а площадь — 4400 га. «Гелон» упоминается и в «Велесовой книге» как Голунь, основанная отцом-Арием — «и увел их далеко и так сказал: «Здесь мы воздвигнем град. Отныне здесь Голунь будет, которая прежде была голой степью и лесом» (I 1a). Кроме того, у Геродота названы

«киммерийский город Портмен» на Дону, «гавань» и «торжище на Меотидском озере (Азовском море), называющееся Кремнами» — гавань и торжище, очевидно, тоже было городом. Гекатей Милетский называет скифские города Каркинитида (Евпатория) и Кардес, Страбон — крепость Фат в Приазовье, Помпониий Мела — богатый Синд на Кубани.

Остатки других скифских городов выявлены археологами — это Матронинское, Пастырское, Немировское и др. городища. Как показывают раскопки, они представляли по тем временам большие и мощные крепости. Следы городов скифского времени, окруженных внушительными крепостными валами, обнаружены и на Десне. Естественно, не были кочевниками и земледельцы-праславяне. А земледелие было в Скифии очень развито. Достаточно вспомнить, по какой причине обосновались на Черном море греческие колонии — для покупки и экспорта скифского хлеба, которым кормилась вся Эллада. В V — IV вв. до н.э. из Причерноморья только в Афины, и только через одну колонию — Боспор, вывозилось от 400 до 670 млн. медимнов хлеба (от 16 до 22 тыс. тонн).

Ну а скотоводы в летнее время и впрямь кочевали, этого требует их способ хозяйствования. В степях они жили в удобных и просторных войлочных кибитках на колесах. Описания их мы можем найти у Эсхила, Гиппократ. Кибитки устанавливались «на высоких повозках с прекрасными колесами» — четырьмя или шестью, перевозились двумя или тремя парами быков. А сама кибитка состояла из 2—3 отделений, то есть представляла собой настоящую передвижную квартиру, эдакий трейлер древнего мира. Она устилалась коврами или кошмами. Для постели имелся помост из досок. На стенах висело оружие. На «женской половине» размещался разный домашний инвентарь, горшки и посуда, несколько столиков для разделки и приготовления пищи. Тут же находился очаг на огнеупорной земляной подкладке, иногда он делался выносным.

Эллинское унижение и закрепощение женщин было для скифов чуждо. Их дамы пользовались куда большей свободой. Страбон рассказывает о скифском национальном празднике «Сакея», где женщины и мужчины гуляли и пили наравне, а потом между ними, невзирая на пол, разыгрывались бои и со-

стызания. Скифянки любили выглядеть привлекательно. Хорошо знали косметику — например, широко использовали технику наложения косметических масок не только на лицо, но и на все тело. Эти методы, неизвестные грекам, описывает Геродот: «Женщины их растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладанного дерева, добавляя воду, и этой перетертой густой массой натирают все тело и лицо. От этого они приобретают аромат. А на следующий день, сняв пластырь, они одновременно становятся чистыми и блестящими».

Как показывают найденные изображения, скифянки делали себе пышные и затейливые прически. Обнаружены золотые и серебряные флаконы для духов. В захоронениях находят и другие предметы роскоши — собольи меха, дорогие ткани, изящные украшения из золота и бирюзы. Встречаются и относительно хорошо сохранившиеся платья из китайского шелка и тюля — настолько тонких, что после реставрации такое платье для взрослой женщины (общей площадью ткани 7,5 кв.м) легко смогли зажать в кулаке. Ну а заодно это свидетельствует и об обширных торговых связях Скифии.

Скифы, в том числе и кочевники, были весьма чистоплотны. Геродот приводит первое в истории описание паровой бани, которыми они пользовались, и сообщает, что «скифы, наслаждаясь парильней, вопяют». (Кстати, к самим эллинам бани пришли значительно позже, от римлян. А во времена Геродота мылись они редко. Чаще натирались оливковым маслом и соскребали его скребком вместе с грязью. Какой запах шел от человека, носящего на теле следы старого, подпортившегося масла, читатель может представить сам).

Что касается общего уровня развития скифов, то сами же греки, контактировавшие с ними, считали их очень умными людьми. Лукиан Самосатский сообщает: «Скифы превосходили других убедительностью красноречия». Напомню, что у эллинов красноречие ценилось чрезвычайно высоко, этому специально учились, автор той или иной «крылатой фразы» становился знаменитостью. Но для скифов это оказывалось обычным, у них было развито чувство юмора, и о метких остроумных афоризмах в Греции даже сложилась поговорка — «говорить, как скиф».

Отметим и то, что многие выходцы с севера, попадавшие в Средиземноморье, прославились там своей мудростью. Существует версия, что сам великий Гомер был по происхождению киммерийцем — поскольку в ближневосточной транскрипции Гомер как раз и означает «киммериец». Правда, это лишь гипотеза, но в VI в. до н.э. откуда-то с севера в Грецию прибыл «гиперборейский» жрец Абарис — может быть, кельт или славянин. Он остановил в Спарте распространение моровой болезни и умел лечить ее. Поразил даже Пифагора объемом своих знаний. А легенды прославили его как величайшего мага и чародея, он умел предсказывать землетрясения, ему приписывалась власть над погодой и умение ходить по воде.

Настоящую сенсацию произвел в VI в. до н.э. скифский царь Анахарсис, посетивший Афины. Не только рядовые граждане, но и знаменитые философы восхищались его умом, его высказывания и речи записывались. Анахарсиса эллины включили в число «семи мудрецов» — семерку самых мудрейших из известных им людей. Великими греческими философами стали Бион и Сфер, оба «борисфениты» — родом из Поднепровья.

Не кому иному как Анахарсису эллины приписывали изобретение гончарного круга, использования трута для разведения огня, двузубого корабельного якоря. Хотя гончарный круг существовал у них гораздо раньше, он описан у Гомера, упоминается в мифах как изобретение Дедала. Но уж своих мифов и поэм Гомера эллины не могли не знать. Видимо, Анахарсис подсказал им какие-то усовершенствования, известные в его стране. А якорь, возможно, уже применялся у синдов, и Анахарсис поделился информацией с греками. Геродот и Гиппократ подробно рассказывают и о скифских методиках изготовления сливок, сливочного масла. Эти продукты и технологии также еще не были известны эллинам.

У скифов существовала письменность, хотя и на основе греческого алфавита. Мы не знаем, насколько широко она была распространена, но археологами обнаружены надписи, принадлежавшие скифам. Сохранились свидетельства о письмах, посылавшихся скифскими царями азиатским владыкам — Ктесий Книдский сообщает о «гневном и дерзком письме» царя Идантирса Дарию, Диоген Лаэртский — о стихах в 800 строк, кото-

рые писал Анахарсис, и о его послании Крезу, Лукиан Самосатский — о записях скифских законов на медной доске. А на одной из золотых пластинок с изображениями животных в скифском «зверином стиле» обнаружена подпись мастера, сделанная греческими буквами — «Поранко». Ремесленник, носивший праславянское имя, был грамотным!

Была у скифов и своя медицина. Судя по описаниям Гиппократу, они знали основы рефлексотерапии и многие болезни лечили методом игнипунктуры (точечного прижигания). Он упоминает производимые у них хирургические операции. А у Теофраста и других авторов неоднократно говорится о «скифских травах», помогающих от астмы и еще целого ряда недугов. Можно обратить внимание и на то, что в описании Геродотом Скифии приводятся сведения о многих отдаленных странах и народах, проживавших от Балтики до Средней Азии. А ведь эти сведения Геродот собирал у скифов. И видно, что географию они знали гораздо лучше эллинов. Даже через два-три века после Геродота греки в вопросах географии откровенно «плавали», отождествляя, например, Дон с Сырдарьей, Памир с Кавказом, а Каспийское море считая заливом океана, омывающего Азию.

Как показывает археология, у скифов были развиты ремесла. Уже говорилось о великолепном оружии. На высоком уровне находилось ткацкое ремесло. Скифы выделывали тонкие ткани из конопли, не уступающие льняным. Изготавливались и шерстяные ткани, красивые ковры и покрывала. Раскопки обнаруживают отличную керамику, изящные металлические вазы, и образцы вышивки, украшенные растительными и животными орнаментами.

Скифские мастера изготавливали весьма совершенные украшения из золота и бронзы в «зверином стиле». Греческие ремесленники такого качества достичь не смогли. Когда установилась интенсивная торговля, они, чтобы подстроиться к вкусам заказчиков, тоже стали подражать «звериному стилю», но современные специалисты, находя такие вещи, сразу выявляют разницу и считают эллинские украшения подделкой — чем-то вроде нынешнего китайско-корейского ширпотребя, изготовленного «под фирму».

У скифов найдены и многочисленные женские терракотовые статуэтки, выполненные на высоком художественном уровне (правда, в этом случае действительно возможно влияние эллинской школы). Греческие авторы упоминают о скифских песнях. Конечно, существовала и устная эпическая поэзия — она была у всех народов. Только дошло до нас далеко не все.

Коснемся и вопроса: а что представляла собой скифская государственность? Царь Скифии во всех античных источниках фигурирует в единственном числе. А Геродот называет и «скифские области» и их «правителей». Эсхил и Лукиан Самосатский писали, что скифы «пользуются хорошими законами». То есть налицо сложная и развитая государственная структура. Но известно и то, что царство было многонациональным. Каково же было в нем положение праславян и иных народов?

Геродот указывал, что племя «царских скифов» прочих скифов почитает «своими рабами». Однако слово «раб» вряд ли здесь уместно. Дело в том, что оно, как и «город», в различных цивилизациях понималось по-разному. Например, Страбон называет «царскими рабами» сословие свободных крестьян Иверии (Грузии) — только лишь из-за того, что по законам Иверии вся земля считалась принадлежащей царю. Вот Страбон и отнес крестьян к «рабам», поскольку в Средиземноморье на чужой земле трудились только рабы. Да и вообще в Греции и Риме была лишь одна ступень градации: свободный гражданин — и раб, невольник.

В других государствах форм зависимости существовало несколько. Были действительно невольники — они имелись и у скифов, хотя и в ограниченном количестве, работали по домашнему хозяйству. Были семейные, «патриархальные рабы» — они входили в состав рода, пользовались всеми правами сородичей, но как бы «младших». Наконец, была и форма зависимости, которую правильнее характеризовать как «вассалов», или «подданных» — однако у греков и римлян этому тоже соответствовало слово «раб». И к народам, подвластным скифским царям, применительно именно такое определение. Они являлись, конечно же, не рабами, а подданными. Страбон писал, что в Скифии кочевники довольствовались получением от своих оседлых подданных «условленной умеренной дани, не для наживы,

а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей». То есть речь идет даже не о дани, а о налоге — ведь взамен народы Скифии получали надежную защиту от внешних врагов и возможность мирного существования. Согласитесь, что для суровой эпохи древнего мира это было немало.

Имеются ли доказательства того, что праславяне не были в Скифии подневольным народом? Да, имеются. Геродот рассказывает легенду, что во времена, когда скифы гуляли по Передней Азии, их жены сошлись с рабами. И по возвращении мужей рабы пытались противостоять им с оружием в руках. Но скифы догадались выйти против них не с оружием, а с бичами, и рабы, привычно оробев, тут же разбежались... А вот Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию в XVI в., получил возможность ознакомиться с русскими летописями, неоднократно цитировал их в своих «Записках о московитских делах» и приводит новгородское предание, совершенно аналогичное скифской легенде. С той лишь разницей, что в длительном походе находились не скифы, а новгородцы, осаждавшие Херсонес [166]. Эту же легенду приводит английский дипломат XVI в. Дж. Флетчер, как весьма популярную среди новгородцев [162].

Отметим, что это — не «ходячий сюжет». Он встречается только дважды, у скифов и новгородцев. Характерно и то, что в обоих вариантах легенды вернувшиеся мужья представлены героической стороной, а рабы — карикатурной. Следовательно, предки новгородцев, донесшие через 2 тысячи лет это предание, и в скифское время принадлежали к господствующим, а не подневольным слоям населения. Кстати, сами-то предки новгородцев — это словене. А Славен — «брат» Скифа.

Второе доказательство — характерные бронзовые сосуды, изготовлявшиеся в Закавказье и во множестве принесенные оттуда скифами в качестве трофеев. Археологи находят их по всей территории Скифии. В том числе и в праславянских поселениях. Значит, здешние жители тоже участвовали в скифских походах. И участвовали в качестве полноправных союзников, раз делили добычу наравне со скифами. Третье доказательство — праславянские земледельческие села Милоградской культуры Поднепровья и Побужья не имели никаких укреплений. То есть их жители не опасались налетов из степи. Наоборот, чувство-

вали себя в безопасности под эгидой скифов. Кстати, и Квинт Курциний Руф подтверждал, что «скифы слыли за справедливейших из правителей».

Подводя итог, можно прийти к выводу, что государство скифов по своей сути представляло империю. Было первой империей на территории нашей страны (по крайней мере первой, о которой сохранились достоверные исторические сведения). Эта империя было огромной для своей эпохи, от Карпат на западе до Волги на востоке, от Северского Донца на севере до Крыма и Кавказа на юге. Но принципы ее построения разительно отличались от Ассирийской и Вавилонской империй. Они основывались не на порабощении одним народом других, а на их взаимовыгодном союзе и симбиозе. Только из-за этого Скифская империя смогла просуществовать полтысячелетия — в древнем мире такое было редкостью. Отсюда нетрудно понять и то, почему русские летописи сохранили добрую память о Великой Скифии. И те же самые принципы славяне будут использовать для построения последующих империй — вплоть до Российской и Советского Союза.

СКИФСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

Разобраться с Геродотовым описанием Скифии непросто. Во-первых, климат 2,5 тыс. лет назад был иным, более холодным и влажным. Лесная полоса распространялась гораздо южнее, чем сейчас. Больше было рек и озер, ныне исчезнувших. Геродот писал об озерах, из которых вытекали Днестр и Южный Буг — что считалось ошибкой, пока следы этих озер не были обнаружены в Винницкой обл. А о большом озере в «стране будинов», «где ловят выдр, бобров и других животных», историки долго ломали голову — но следы существования огромного озера были найдены под Харьковом.

Вторая трудность — Геродот представлял географию крайне схематично. Черное море он полагал подобием прямоугольника, Дунай и Днестр считал текущими строго в широтном направлении, а Днепр и Дон — в меридиональном. Поэтому

и разные народы нередко получились у него «смещенными». А Кубань вообще выпала из рассмотрения. Он указывает здесь только царство синдов, а восточнее Дона, текшего, по его представлениям, строго с севера на юг, помещает савроматов. Но археология говорит о том, что синды занимали лишь прибрежный район. А в степях Кубани и Ставрополья тоже жили скифы. Савроматы же обитали восточнее, в Волго-Уральских степях. Еще одна трудность — этнонимы греки часто давали в собственной транскрипции, а то и в буквальном переводе на свой язык. Или заменяли их прозвищами.

Но все же с привлечением других источников попробуем разобраться с информацией Геродота и «пройдемся» вдоль Черного моря с запада на восток. По Днестру, Пруту и Серету обитали «агатирсы». Геродот говорит о них: «Агатирсы — самые изнеженные из людей; они носят много золотых украшений; они сообща пользуются женщинами с тем, чтобы всем быть друг другу близкими родственниками и, находясь в близком родстве, не испытывать друг к другу ни ревности, ни вражды. А остальные обычаи у них похожи на фракийские». О «раскрашенных агатирсах» писал Вергилий, а Помпоний Мела сообщал: «Агатирсы разрисовывают лица и тела более или менее, смотря по степени благородства, все одними и теми же рисунками и причем так, что смыть их невозможно» — ясно, что имеются в виду татуировки. У агатирсов существовало свое царство, независимое от скифов, и воевать они умели отлично, не смотря на «изнеженность».

На Буге, вблизи греческой Ольвии, жили «каллипиды». А дальше по этой реке — земледельцы — «ализоны». Каллипиды были «эллинскими скифами», результатом смешения греков и местных жителей. И являлись подданными не скифских царей, а правительства Ольвии. Кем же были другие здешние племена? Своевременной идентификации агатирсов, вероятно, помешала византийская путаница с древнегреческими буквами, когда «тэта» стала читаться как «ф» вместо «т», «бэта» — как «в» вместо «б» и т.д. В результате чего «агатирсы» долгое время значились в литературе «агафирсами». А между тем, этноним «агатирсы» во-первых, перекликается с названием Днестра — Тирас, а во-вторых... со славянами-тиверцами! Которые обита-

ли позже в тех же самых местах. Конечно, сам народ на долгом промежутке времени значительно изменился. Но этноним сохранился. И агатирсы, очевидно, являлись далекими предками тиверцев. Если же мы проверим это предположение на их соседах, то опять получим совпадение. Ализоны — уличи. Жившие в летописную эпоху рядом с тиверцами, по Южному Бугу. Снова мы видим сходство этнонимов.

Кстати, и Нестор называет уличей и тиверцев очень древними народами, существовавшими еще в Великой Скифии. Но если быть точнее, то уже отмечалось, что они относились к доскифскому населению Причерноморья. Агатирсы отступили перед скифами, ализоны остались и покорились. А в горной части Крыма сумело сохранить независимость древнее царство тавров, которых Геродот описывает варварами и грабителями. Они по-прежнему приносили человеческие жертвы некой богине-деве, промышляли морским пиратством, то есть знали мореходство — их главная база располагалась в Балаклавской бухте.

Сохранилось и царство синдов — оно стало данником Скифии. Как и меоты Приазовья. Но меоты не были единым народом, античные авторы перечисляют множество племенных названий: керкеты, ахеи, гениохи, кораксы, колики, дандарии, тореаты, агры, аррехи, тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски, аспургиане. Очевидно, «меоты» было обобщенным названием доскифского оседлого населения берегов Меотиды — Азовского моря. Археологические раскопки показывают, что это были развитые племена, у них на высоком уровне находилось земледелие, существовало мореходство, были большие селения, ремесленные центры.

Ну а самих скифов Геродот разделяет на четыре части. На правобережье Днепра и в верхнем течении Южного Буга до Карпат обитали «скифы-пахари», по Днепру — «скифы-земледельцы», они же «борисфениты». В степях Северной Таврии от Днепра до реки Герра (р. Молочная около Мелитополя) жили «скифы-кочевники», а земли севернее, от Левобережья Днепра в районе Днепровских порогов до Дона, как и степную часть Крыма занимали «царские скифы» — «храбрейшие и многочисленнейшие» (вероятно, им принадлежали и степи Кубани).

Такое четырехчастное деление давно представляет загадку для ученых. Допустим, «земледельцев» от «кочевников» можно разделить по роду занятий. Но почему тогда отделены «земледельцы» от «пахарей»? А «кочевники» от «царских скифов», которые тоже были кочевниками? Настоящими скифами (или саками) являлись «царские скифы», занимавшие господствующее положение в империи и давшие ей свое название. А остальные? «Пахари», «земледельцы», «кочевники»? Видимо, другими народами, вошедшими в скифский союз. И берусь предположить, что их обозначения у Геродота — это как раз и есть этнонимы, которые он дал в буквальном переводе.

Например, «пахари» — это «оратаи». Арии. То самое племя, которое производило себя от отца-Ария. Согласно «Велесовой книге», именно Арий довел свой род до Карпат (II 15a, I 26). А «земледельцы»? Конечно же, это поляне. Жили они там же, где впоследствии поляне, по Днепру. Видимо, Геродоту объяснили, что поляне — от слова «поле». Он и перевел этноним — «земледельцы». А другое их имя, «борисфениты», соответствует этнониму «борусичи». Тогда само греческое название Днепра — Борисфен, можно перевести как «река боруси». Вероятно, сперва это были разные племена. Борусичи производили себя от Ария («От Ария — это общий наш отец с борусами...») (II ба). А поляне, как уже говорилось, были «дочерним» киммерийским племенем, ушедшим в «чужую семью». Но в Поднепровье они смешались, и во времена Геродота поляне и борусичи были уже двумя названиями одного и того же народа.

Коснемся и «кочевников». Но, в принципе, русский перевод «кочевники», обычно употребляемый в данном случае, не совсем корректен. У Геродота эта часть скифов обозначена термином «номады». А слово «номады» в греческом языке имело несколько значений, и «кочевники» далеко не самое главное из них. Более точно «номады» переводится как «пастухи». И это вполне могут быть предки хазар. Поскольку слово «козар» в древнеарийских языках означало именно «пастух» [106].

Где-то на востоке Скифии Геродот помещает «меланхленов», «племя иное, не скифское». «Меланхлены» не этноним, а явное прозвище, в переводе с греческого — «черные плащи». Сообщается, что они «все носят черные одежды, откуда и про-

изошло их наименование, а образ жизни ведут скифский». По Геродоту, они жили «выше» царских скифов, то есть, получается, на Верхнем Дону. Но здесь сказалось как раз смещение у автора географических представлений. Историк VI в. до н.э. Гекатей Милетский локализует меланхленов гораздо южнее, рядом с народами Приазовья и Тамани. А Скилак Кариандский и Помпоний Мела прямо указывают их место проживания на Кавказе, по соседству с колхами. То есть они жили «выше» кубанских владений царских скифов. Возможно, это касоги или какой-то другой из кавказских народов. Или обобщенное прозвище северокавказских народов, а их «черные плащи» — обычные бурки.

Севернее, в полосе лесов, Геродот называет «будинов». «Будины — племя большое и многочисленное, все они очень светлоглазые и рыжие». «Будины, будучи исконными жителями — кочевники, они единственные из тех, кто здесь живет, питаются шишками» (вероятно, орехами). И населяют они «область, всю поросшую разнообразным лесом... за пустыней, если отклониться к востоку». Узнать «будинов» легко. Это чудины, финны. «Очень светлоглазые будины» — «чудь белоглазая». Мы видим красноречивое доказательство того, что Геродот действительно слышал славянские выражения и пытался их переводить и истолковывать по-своему. А буквы и звука «ч» в греческом языке не было, вот и превратились чудины в «будинов».

Археология подтверждает, что финны в это время населяли юг лесной полосы от Левобережья Днепра до Средней Волги. Упоминает их и «Велесова книга», но именует «ильмерами», происходящими от отца-Ильмера. К названию озера Ильмень прямого отношения он не имеет, поскольку «ильмень» у древних славян значило просто «озеро». А «ильмеры» означало «озерные люди». Прародитель финнов Ильмер фигурирует и в «Калевале» как кузнец-Ильмаринен, а слово «ильмеры» имеет общий корень со многими известными этнонимами финских племен — меря, мордва, мари, мурома, мещера. Финны, согласно текстам «Велесовой книги», почти всегда выступали друзьями и союзниками славян.

А по Геродоту, соседями будинов являлись еще два народа. Один из них — «гелоны», не коренные, но пришедшие в «стра-

ну будинов» и построившие деревянный город Гелон. Геродот считал их очень высокоразвитым народом, выдвигал даже предположение, что это эллины, изгнанные из торговых поселений и осевшие на севере. В их языке он находил скифские и греческие слова. Упомянул, что в этом городе построены «святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева», люди поклоняются Дионису, что гелоны — земледельцы, употребляют хлеб, занимаются садоводством и не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи».

Версию об эллинском происхождении сразу надо отбросить. Так бы и пустили скифы греков в глубь своих земель! Археологический возраст Бельского городища, с которым идентифицируется Гелон, намного старше, чем начало эллинской колонизации, оно было построено в конце киммерийской — начале скифской эпохи. И выше уже приводилась легенда о братьях Агатирсе, Гелоне и Скифе, где двое старших уступили место младшему. Возрасту городища эта информация вполне соответствует — гелоны были киммерийским племенем, отступившим на север перед пришельцами. То есть они являлись либо кельтами, родственными гэлам (предкам шотландцев) и галлам, либо праславянами — если верить легенде об основании Голуни отцом-Арием.

Но противоречия тут может и не быть. Большинство кельтских племен, осевших в Восточной Европе, впоследствии «ославянилось» или так или иначе влилось в славянский этнос. И более поздние авторы, например, Евстафий, писали, что гелоны — «сарматское государство». Что же касается «греческих» слов в гелонском языке, то они наверняка сохранились от общих индоевропейских корней. Ведь и большинство эллинских племен мигрировали на Балканы из Причерноморья. Ну а гелонский Дионис, соответственно, был кельтским Дагдой, славянским Дажьбогом или каким-то другим аналогом. В принципе, и сам культ Диониса, как уже отмечалось, пришел к грекам с севера. А «вакхические» обряды, упомянутые Геродотом у гелонов, бытовали как у кельтов, варивших пиво для священных праздников, так и у славян, употреблявших медовую сурицу.

Еще одним народом, жившим в этих краях, были «невры». О них Геродот сообщает: «У невров нравы скифские... Кажется,

что люди эти колдуны; по крайней мере скифы и эллины, живущие в Скифии, рассказывают, что ежегодно однажды в год каждый невр становится на несколько дней волком, а потом снова принимает человеческий облик... и рассказы удостоверяют клятвою». Они жили где-то западнее, на Волыни или Карпатах, у истоков Днестра и Южного Буга, а в середине VI в. до н. э. покинули свою родину — по Геродоту, из-за чрезвычайно расплодившихся змей, после чего поселились с будинами и гелонами. «Велесова книга» упоминает тот же этноним и это переселение: «А потом мы потекли на восход Солнца и шли до Непры (Днепра). Река же та течет к морю, и мы осели у нее на севере и именовались непрами и припятцами» (II 5а).

А «змеями» были, скорее всего, «щеки» — род Щека, предки чехов. Согласно работам академика Н.Я. Марра, древнеарийское слово «щек» переводится как «змей». А в отрывке «Велесовой книги», где говорится о переселении, указано и на то, что именно род Щека (по легенде — сын Ария) главенствовал в то время в Прикарпатье: «За тысячу пятьсот лет до Дира прадеды наши дошли до Карпатской горы, и там они осели и жили ладно, потому что роды управлялись отцами родичей, а старшим был род Щека из ариев» (II 5а). То есть мы видим еще одно доказательство подлинности текстов «Велесовой книги» — и еще одно доказательство, что Геродот применял дословный перевод этнонимов.

Кстати, в подлиннике у Геродота могли быть не «негры», а «небры» — из за той же путаницы с прочтением буквы «бэта». Согласно Плинию негры жили где-то в верховьях Днепра, а рядом с ними он называет гелонов — что согласуется с приведенным выше отрывком «Велесовой книги» о «непрах», осевших по Днепру и Припяти, и подтверждает локализацию Гелона на Левобережье. «Дан» в иранских языках — река. И само название Днепра — Данапр, могло произойти от этнонима, «река непров» или «небров». Невры тоже были киммерийским народом, праславянским или кельто-славянским — племя «невриев» зафиксировано Цезарем и в Галлии.

А культ волка впоследствии был известен у славян. Один из племенных союзов прибалтийских славян назывался лютичами или вильцами — волками («лютый» — синоним волка). Этно-

ним «лютичи» упоминается Нестором и где-то на Карпатах, в верховьях Днестра. А для славян Поднепровья были характерны поверья о способности своих вождей превращаться в волков. Это отмечено в былинах о Волхе Всеславьевиче. Такие же способности приписывались популярным запорожским атаманам Кривоносу и Сирко. В «Слове о полку Игореве» князь Все-слав Полоцкий «великому Хърсови влъком путь прерыскаше». А св. Георгий, с чьим образом совместились в простонародных верованиях многие черты Хорса, считался в народе «волчим пастырем». Ходила в средневековой Европе и легенда, сходная с преданием о неврах. Будто в каких-то районах Литвы все жители — оборотни, раз в год, на Рождество, они на 12 дней превращаются в волков и рыщут по полям под руководством некоего сверхъестественного «волчьего пастуха», хотя и не трогают при этом людей.

Вверх по Днепру, на северо-запад, лежала «обширная пустыня» (т.е. безлюдные места), а уже за ней жили «андрофаги, народ особенный, вовсе не скифский». «Андрофаги» в переводе с греческого — «людоеды». «Из всех народов они имеют самые дикие нравы, нет у них ни правды, ни закона; они ведут кочевую жизнь; их одеяния схожи со скифскими; их язык отличен от скифского; они одни из всех этих племен являются каннибалами». Никаких следов и ни малейших намеков на каннибализм в здешних краях археологией не выявлено. Это не более чем сказки. Но тогда почему «андрофаги»? И опять разгадка лежит на поверхности! Это еще одна попытка дословного перевода — славянского слова «самоядь», «самоеды»! Самодийские племена. Те самые рыболовы и охотники на озерного и морского зверя, которые описаны в главе 3. В скифскую эпоху места их проживания не ограничивались Крайним Севером, они по-прежнему населяли весь Северо-Запад нынешней России.

На северо-восток от страны будинов, гелонов и невров тоже лежали безлюдные места «на протяжении семи дней пути». «А за пустыней, больше в восточном направлении, живут тиссагеты, народ особый и многолюдный... В смешении с ними, в тех же местах, живет народ йирков...» В «йирках» исследователи склонны видеть народ, создавший Дьяковскую культуру (названную по Дьяковскому городищу — ныне в черте Москвы, в

Коломенском). Они населяли Московскую, часть Ярославской, Тульской, Калужской, Тверской областей. А этноним «йирки» — это искаженное урги или уроги. Угорские племена. Помпоний Мела в своем «Землеописании» вместо «йирки» употребляет слово «турки» — обычное для римлян обозначение угров.

Их проживание в здешних краях подтверждается и гидронимикой — в верховьях бассейна Оки есть реки Угра, Угричка, Угреша, и в Московской обл. была р. Угреша — приток Пехорки. А исследователи приходят к выводу, что в топонимике Московской области угорские названия — самые древние. Только после них появляются финские и балтские. Славяне, кстати, именовали угров «берендеями», их неоднократно упоминают русские сказки. Геродот называет йирков конным народом, отличными наездниками и дрессировщиками лошадей, что также соответствует обычаям угров. Правда, он писал, что они живут охотой, а раскопки показывают наличие у них больших укрепленных городищ, развитого скотоводства. Охота же, очевидно, велась не столько для пропитания, сколько за пушным зверем — ценные меха отсюда в виде товара или дани шли в Скифию и далее в Средиземноморье.

«Многолюдных» тиссагетов, живших «в тех же местах» что йирки, ученые отождествляют с племенами, создавшими Городецкую культуру. Она распространялась по Оке до Средней Волги. Археологами обнаружены остатки многих городищ — небольших по площади, от 2 до 5 тыс. кв. м, но сильно укрепленных. Валы достигали высоты 6 — 8 м, перед ними выкапывались рвы, а по гребню возводился бревенчатый тын. То есть, тиссагетам было от кого обороняться (вероятно, от соседей-угров, а может, и от скифов). Обитали они в домах-полуземлянках, поклонялись богам в открытых капищах, располагавшихся на холмах — в центре, на возвышенности, устанавливался главный деревянный идол, а вокруг него несколько второстепенных.

Занимались они в основном скотоводством, отчасти земледелием, рыболовством, охотой. Мужчины носили полотняные штаны, рубашки, кожаные поршни. Наряд женщины состоял из длинной рубахи, а украшения были довольно простыми. Волосы повязывались лентой, иногда — с подвесками,

на груди нашивались на рубаху серебряные или медные круглые диски, на которых попадаются изображения лунных и солнечных календарей. Расшифровать значение слова «тиссагеты» пока не удалось. По сходству материальных культур ученые обычно относят их к финнам. Но Геродот, точнее, его праславянские источники информации, тиссагетов с будинами-финнами не смешивают. Так что, скорее, это были балтские племена — балтская топонимика в Центральной России тоже зафиксирована, и она весьма древняя.

Геродот называет еще один народ, проживавший вдали от Причерноморья — «особые скифы». Они обосновались на севере и прибыли «в эту местность по отделении от царственных скифов». С «особыми скифами» однозначно увязывается Ананьинская археологическая культура на Средней Волге, Каме и Вятке. Время ее существования, VIII — III вв. до н.э., четко соответствует и времени существования Причерноморской Скифии. На этой культуре стоит остановиться подробнее, поскольку ее раскопки позволили узнать много нового не только о жителях данного района, но и о всей Великой Скифии. Дело в том, что «археологические открытия» причерноморских курганов происходили в основном еще в XIX в. И велись бессистемно, безграмотно, а зачастую и хищнически — кладоискателями, грабителями могил и дилетантами, хватавшими лишь ценное со своей точки зрения и оставлявшими без внимания «второстепенное».

А Ананьинская культура досталась современным ученым почти «нетронутой», во всей совокупности бытовых предметов и находок. Археологический и антропологический анализ показывают, что сюда действительно пришла какая-то часть скифов, смешавшись с автохтонным населением — оно было монголоидным (вероятно, угорским) и находилось на уровне бронзового века. Постепенно топоры-кельты и другие предметы, характерные для прежней культуры, исчезают и сменяются типично скифскими вещами. Здесь строились большие деревянные дома длиной до 40 м, а шириной 4—6 м, пол при этом углублялся в землю на 80 см. Дома имели два входа, двускатную крышу, а по средней линии располагались 9 очагов. Существовали и крупные поселения — например, Концецгорское городище или Пижемское на р. Вятке, представлявшее собой первоклассную кре-

пость — ее вал и в XX в. достигал 7 м, а в древности дополнялся рвом и частоколом.

Судя по изображениям на памятниках, по найденным статуэткам и захоронениям, мужчины тут носили остроконечные шапки наподобие малахая, узкие кафтаны с поясом, мягкие сапоги. Рукава, штаны и обувь украшались вышивкой. Наряд женщины состоял из рубашки с поясом и передником или платья с рукавами. Поверх надевался плащ с вышивкой и мехом. И головной убор с бронзовым венчиком. Иногда венчик был из простой полосы металла, иногда в виде затейливого кокошника. Хотя у некоторых женщин головные уборы представляли собой кожаный ремешок или полосу ткани с нашитыми бляшками и подвесками — видимо, это зависело от достатка и общественного положения.

Как показывают археологические данные, здесь почиталось какое-то верховное женское божество. Поклонялись местные жители и солнцу — его изображения и символы выявлены на многих предметах. Люди Ананьинской культуры занимались подсечным земледелием, скотоводством, у них имелись все известные виды домашних животных. Распространенным занятием была и охота. Но, судя по находкам костей, 70% добычи приходилось на долю пушных зверей — соболь, куница, белка, бобр. А по количеству костей видно, что охота носила товарный характер. Была очень развита металлургия, существовали ремесленные мастерские. Изготавливалось отличное оружие — например, великолепные топоры в виде грифонов или изображений хищников. Производились украшения из меди и бронзы, хорошая керамическая посуда, выделывались ткани. В одном из погребений обнаружен узелок с семенами — оказалось, что это конопля. Так что находка подтверждает сообщения Геродота о ее использовании скифами. Но в погребениях обнаруживаются и остатки шерстяных тканей, а в одном случае — шерстяная ткань с полотняным переплетением волокон, очень тонкая и очень плотная, имеющая на 1 кв.см. 16 нитей основы и 16 поперечных. Изначально она была окрашена в алый цвет.

Воины были вооружены бронзовыми и железными кинжалами, копьями, короткими мечами, аналогичными скифским акинакам. И воинские традиции напоминали скифские. Если Ге-

родот упоминает об изготовлении чаш из черепов врагов, то здесь существовал обычай сохранять череп противника в качестве трофея. Например, в Луговском могильнике обнаружены скелеты без голов, но у одного из них лежал под рукой чужой череп. Найдены и другие погребения, состоящие из одних черепов. Может быть, отбитых у врагов сородичами.

Однако «особые скифы» были не только и не столько воинами. Города Ананьинской культуры на Волге и Каме являлись главным торговым центром Восточной Европы, который связывал самые отдаленные страны и народы! И представляется характерным, что на могилах здешних вождей устанавливались каменные лады — они являлись купцами-путешественниками. Плавали по рекам, а скорее всего, выходили и в моря. Находки показывают тесные торговые связи с Причерноморской Скифией — в селениях Ананьинской культуры были очень распространены нагрудные бляхи и другие украшения, производившиеся там. А в Причерноморье поставлялись меха и изделия ремесленного производства — там часто находят упоминавшиеся топоры-грифоны, характерные для Ананьинской культуры.

Но через Камский район велась торговля и с более далекими регионами. По тем же топорам и другим изделиям прослеживаются связи «особых скифов» до Белого моря, Финляндии и Норвегии. А взамен они там, вероятно, скупали пушнину. Транзитные торговые пути из Скифии через Каму шли и в Сибирь — скифские медные и бронзовые котлы находят под Тобольском, в Нарымском крае, в Усть-Полуе. Под Тобольском, в святилище на р.Вагай, обнаружено и серебряное изображение Артемиды в греко-бактрийском стиле.

А на стрелке Камы и Чусовой, в Концевгорском селище, археологам попались статуэтка египетского бога Амона и иранская бронзовая чаша — наверное, они попали сюда в качестве трофеев после походов скифов в Переднюю Азию. Но торговые связи с далекими южными странами поддерживались здесь и позже. Мы не знаем, куда добирались сами купцы «особых скифов» — может быть, они плавали только до Черного и Каспийского морей, контактируя с греками и иранцами. Но часть мехов, добывавшихся и скупавшихся людьми Ананьинской культуры, продавалась в Средиземноморье и страны Востока.

А среди женщин волжских и камских городов очень модными украшениями были ожерелья из средиземноморских раковин, бусы из стекла и египетской пасты.

Геродот пишет, что за землями «особых скифов» «земля уже твердая, как камень, и неровная». Снова мы видим следы праславянской информации, поскольку Уральские горы у славян традиционно назывались «Камень». А «после долгого перехода по этой каменной области» лежала страна «аргиппеев», которые «лысые от рождения, плосконосые и с широким подбородком», одеваются «по-скифски, а питаются плодами деревьев... Никто из людей не обижает их, потому что они считаются священными, нет у них никакого вооружения. Далее, они улаживают раздоры в среде окрестных народов, а убежавший к ним изгнанник защищен от какой бы то ни было обиды».

Очевидно, речь идет об автохтонных жителях Сибири, хотя сведения о них носят уже полусказочный характер. Однако в целом еще раз надо отметить, что географические познания информаторов Геродота были весьма обширными. И, опираясь на них, он сообщает о многих народах, обитавших за пределами Скифии. Ближайшими ее восточными соседями были савроматы, за Уралом кочевали аорсы, в степях нынешнего Казахстана и Средней Азии обитали массагеты, еще восточнее — сираки, исседоны. Все эти племена известны и из других источников как народы скифо-сарматского происхождения. И некоторые из них жили очень далеко от Причерноморья — например, город Исседон располагался на востоке Средней Азии.

Стоит коснуться еще одной особенности. В своем описании Скифии Геродот выделил меланхленов, будинов, андрофагов, тиссагетов, йирков, аргиппеев как народы «особые», «не скифские». Следовательно, остальные перечисленные народы — агатирсов, ализонов, скифов-пахарей, скифов-земледельцев, скифов-номадов, царских скифов, особых скифов, невров, гелонов, он считал «скифскими». То есть близкими скифам. Почему же тогда одни из них названы скифами с различными добавлениями, а другие иначе? Ответить на этот вопрос помогает перечень царей, собравшихся на совет по поводу нашествия Дария.

Скифы «разослали вестников к соседним народам. Цари этих народов уже собрались по случаю вторжения огромного

войска; это были цари тавров, агатирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов, савроматов». А царей йирков, тиссагетов и особых скифов звать не стали из-за отдаленности их проживания. Конечно, термин «цари» не стоит понимать буквально. У андрофагов, будинов и т.д., очевидно, речь идет о племенных князьях. Но если проанализировать перечень, то мы увидим, что у «пахарей», «номадов», «земледельцев» своих «царей» не было. Следовательно, определение «скифы» в названиях народов обозначало не национальную, а государственную общность. Скифы-пахари (арии), скифы-земледельцы (поляне), скифы-номады (предположительно хазары) и царские скифы входили в систему одного государства. Что подтверждает предположение о союзе четырех народов, которым соответствовали и четыре главных святыни Скифии — золотые плуг, ярмо, секира и чаша. Цари синдов на совет не приглашались. А у меотов и ализонов царей не существовало, но и «скифами», в отличие от «пахарей» и «земледельцев», их не называют. Потому что синды, меоты и ализоны были не полноправными членами скифского союза, а только его подданными.

НАШЕСТВИЕ ПЕРСОВ

Информация античных авторов дает нам возможность хотя бы фрагментарно восстановить историю Скифской империи. Сюжет с рабами, которые сошлись с женами скифов во время их похода в Переднюю Азию, а потом пробовали воевать — конечно же, сказка. Те, кто ушел в Закавказье, пробыли там восемь десятилетий. Они там устраивались «всерьез и надолго». И женились, естественно, там же. Но после изгнания оттуда в 595 — 594 гг. до н.э. им требовалось «место под солнцем», пастбища. Которые в Причерноморье были уже освоены другими племенами. Очевидно, произошла война за главенство и передел территорий. Победили пришлые. Они-то и сочинили насмешливую легенду, что им пытались противостоять «рабы». Возможно, во время этих миграций и войн отделились и «особые скифы», уйдя на Каму.

Если брать не легендарных, а «исторических» царей Причерноморской Скифии, то первым у Геродота фигурирует Ариапит. При нем империя уже занимала важное место в Восточно-европейском регионе, поддерживала дипломатические связи с соседями. Одна из жен Ариапита была гречанкой из придунайской Истрии, своих дочерей выдала за него царь Фракии Терей и царь агатирсов Спаргапит. Но затем Спаргапит убил Ариапита. Как именно, неизвестно. Сообщается лишь — «коварно умутил». И попытался захватить скифский престол (вероятно, при поддержке части знати). Но не удержался на нем. В результате начавшейся войны скифы отстаивали права прежней династии, и царем стал малолетний Скил, сын Ариапита от жены-гречанки.

Кстати, рассказ об этих событиях опровергает версию, будто вместе с царями отправляли на тот свет их жен. Впрочем, и Геродот указывает — с монархом хоронили «одну из наложниц». А жены Ариапита продолжали здравствовать. И играть важную роль в политике. У ряда степных народов сын наследовал и жен отца, кроме собственной матери. По-видимому, так было и у скифов. Супругой и царицей-регентшей при юном Скиле стала одна из вдов по имени Опия. А воспитывала его мать. И воспитывала не в скифском, а в греческом духе. Отметилась в политике и вдова-фракиянка. На ее родине после смерти Тереея развернулась борьба за власть между его сыновьями. Победил Ситалк, а его брат бежал в Скифию к сестре и получил убежище. После чего отношения между Скифией и Фракией, естественно, испортились.

Ну а царь Скил под влиянием матери стал первым в нашей истории «западником» (конечно, употребляю этот термин условно). Он повадился ездить в эллинскую Борисфениду. Свиту отпускал за городом и жил в нем по месяцу и больше. Переодевался в эллинскую одежду, приносил жертвоприношения в эллинских храмах. Завел себе местную жену, отгрохал беломраморный дворец, обнесенный стеной, украшенный сфинксами и грифонами (откуда видно, что скифские цари были людьми далеко не бедными). Скил преклонялся перед всем греческим и открыто объявлял, что эллинская культура ему милее обычаев собственного народа. Но в один прекрасный день он пожелал,

чтобы его посвятили в таинства Диониса-Вакха. А кто-то из горожан расхвастался перед скифами — дескать, вы «варвары», и даже ваш царь предпочитает нашу «цивилизованность».

Скифы не поверили, и болтун тайком провел их и показал, как Скил в «вакхическом исступлении» прыгает и бесится в толпе полуголых вакхантов и вакханок. Это вызвало в Скифии такое омерзение, что страна восстала. И провозгласила царем Октомасада, сына Ариапита от фракиянки. Что ж, патриотизму скифов можно только позавидовать. Они хорошо понимали, какую опасность для государства и народа несет вероотступничество и измена национальным традициям. Скил бежал во Фракию. Октомасад двинулся за ним с армией. На Дунае его встретил с войском фракийский царь Ситалк и предложил переговоры. Сказал — имеет ли смысл нам резаться? Ведь ты мой племянник. У тебя нашел убежище мой братец, у меня твой. Вот и давай разменяемся. Октамасад согласился. Выдал фракийского царевича, а взамен получил Скила, коему тут же отрубил голову. А заодно были восстановлены добрососедские отношения с Фракией.

Археологические находки показывают, что скифы совершали походы до Урала, Верхней Волги — очевидно, обложив данью местные племена. Были походы и на запад, скифы доходили до Балтики, их богатые погребения, относящиеся к VI в. до н.э., обнаружены на Одере и в Венгрии (хотя хронологии этих войн мы не знаем). Однако главным эпицентром мировой политики в данную эпоху оставалась Передняя Азия.

Здесь развернулась борьба за лидерство четырех великих держав: Мидии, Лидии, Вавилона и Египта. При изгнании скифов из Закавказья какая-то их часть ушла не в Причерноморье, а в Лидию. Для которой они были не врагами, а союзниками, помогшими ей сбросить зависимость от киммерийцев. Поэтому скифов здесь приняли, предоставили убежище [20]. Для мидийского царя Киаксара это стало поводом к войне с Лидией. Но вмешался с посредничеством Вавилон и развел враждующие стороны. В итоге вавилонские цари повысили свой авторитет, провозгласили систему «равновесия», а себя — ее гарантами.

На самом деле «расновесие» стало лишь лозунгом, под коим Вавилон вышел в лидеры. Разгромил египтян, окончатель-

но подмяв Ближний Восток. После нескольких восстаний в Иудее добил ее. Иерусалим с храмом Соломона был разрушен, уцелевших после осады и штурма горожан угнали в плен. Были покорены Аммон, Моав, Финикия. Это подорвало финикийскую торговлю и господство на морях, в Восточном Средиземноморье лидерство перехватили греки. Зато в Западном Средиземноморье стал усиливаться Карфаген — финикийцы перебирались туда, переводили капиталы. Но усиливалась и Мидия. Захватила обширные области на востоке. И Навуходоносор, осознав угрозу, от дальнейших войн с Египтом отказался. Заключил мир и союз, чтобы противостоять мидянам. Тогда и Киаксар спохватился. Заключив мир и союз с Лидией.

Однако главная опасность для Вавилона вызрела не извне, а изнутри. Этот огромный космополитичный город стал не только прообразом нынешних мегаполисов, но и родоначальником... либерализма. Здешних купцов и банкиров уже не удовлетворяла царская власть. Хотелось дорваться до нее самим. И у них вызрела идея сделать пост царя выборным, ставить своих марионеток. Реализовывать ее стали в 562 г. до н.э., когда умер Навуходоносор II. Его наследник Амель-Мардук был убит заговорщиками, на престол олигархи возвели Нергал-шарру-уцура. Но в 556 г. до н.э. он скончался. И снова законный наследник Лабаша-Мардук был убит, вавилонские тузы поставили царем Набонида.

Но с этой кандидатурой они серьезно просчитались. Набонид не желал быть марионеткой, а своей опорой сделал армию. Опорой олигархов были жрецы (храмы тоже являлись банками и крупными собственниками). А под идеологию выборности царя была подтасована древняя традиция — в каждый праздник вавилонского «нового года» монарх слагал свои регалии и проходил обряд «утверждения», должен был «взять руку» истукана бога Бэла и совершить ритуальное соитие с его жрицей. После чего считался «избранным» еще на год. Набонид понимал, что при такой процедуре жрецы могут объявить его «неутвержденным». Или его просто прикончат. И нашел оригинальный выход — вообще покинул Вавилон. Оставил там гарнизон во главе с царевичем Валтасаром, назначив его соправителем, а сам захватил Аравию и остался там, его резиденцией стал го-

род Тейма. В отсутствие царя само празднование «нового года» и обряд «утверждения» не могли состояться. А строить козни против Валтасара для олигархов было бессмысленно — он не являлся «богоизбранным» царем.

Из Аравии Набонид начал проводить религиозную реформу. Пересылал указания, а Валтасар выполнял. Сносились храмы и строились новые — с заменой жрецов. В противовес культуре Бэла царь поднял значение храма бога Луны Сина, и верховной жрицей-иеродулой назначил свою дочь. В Вавилоне Набонида ненавидели. Свидетельство сохранилось в «Книге Пророка Даниила», хотя Ветхий Завет выпустил нескольких царей и Набонида совместил с Навуходоносором — который якобы сошел с ума, семь лет жил с дикими зверями, оброс шерстью и питался травой. Именно такие сплетни пускали олигархи про Набонида, удалившегося из столицы в Аравию.

Неурядицами в Вавилоне решили воспользоваться мидяне, готовили вторжение. Но обстановка вдруг переменялась. Вассалом Мидии была Персия. И ее царь Кир в 553 г. до н.э. поднял восстание против мидийского Астиага. Для Вавилона сперва это стало спасением. Но Кир шел от победы к победе, и уже сам угрожал соседям. И Набонид заволновался, стал сколачивать антиперсидскую коалицию — к ней примкнули Египет, Мидия, Лидия, греческая Спарта. Но союз возник только на бумаге. Персы громили противников по очереди. В 550 г. до н.э. пала Мидия, в 547 — 546 гг. до н.э. — Лидия.

В Скифии в это время правил Савлий, правнук Ариапита. И как раз он послал принца Анахарсиса в Грецию. Эллины именовали Анахарсиса «царем» — вероятно, из-за отсутствия в их словаре титула «принц». В действительности же он был братом Савлия (хотя мы и не знаем, родным, двоюродным или сводным). Как уже отмечалось, Анахарсис произвел настоящий фуррор среди эллинов, поражая их своими познаниями и остроумием, побывал в разных государствах, установил связи с царем Лидии Крезом. А по возвращению в Скифию пришел к выводу: «Все эллины, кроме лакедемонян, стараются все узнать. И стать мудрыми, кроме лакедемонян. Однако только с лакедемонянами можно вести разумную беседу».

По Геродоту, Савлий посылал брата «на учение», в чем мы усомнимся. Переучиваться по греческим меркам скифы никогда не стремились. Скорее, целью миссии была дипломатическая разведка в связи с нарастающей персидской угрозой. Об этом говорит связь с Крезом и положительная характеристика лакедемонян — спартанцев. Из греческих государств они были единственными, кто уже осознал эту угрозу и пытался противостоять ей.

Но для самого Анахарсиса попытка контакта с зарубежьем кончилась плачевно. Нет, он не стал оголтелым «элллинофилом», как Скил, он был умнее. Однако как раз увлечения «умствованиями» его сгубили. Контактировав с греческими мудрецами разных школ и городов, Анахарсис заразился тайным оккультным учением «Матери богов» — Кибелы. О чем, кстати, Геродот упоминает мельком, без всякого осуждения. Хотя культ этот был темным и страшным, с ритуальными членовредительствами, человеческими жертвоприношениями, сексуальными оргиями. И Анахарсис принес его на родину. В Гилее — густых лесах низовий Днепра, устроил тайное святилище, где и начал практиковать эти ритуалы, привлекая к ним скифов. Но кто-то сообщил царю, и Савлий самолично застрелил брата из лука.

В Азии же полыхала война. Набониду пришлось вернуться из Аравии, организовывать оборону против персов. В 539 г. до н.э. он вышел с войском навстречу врагу. Кир разгромил его и обложил Вавилон. Крепость была мощной, гарнизон большой, но... сыграла роль «пятая колонна». Свои же вавилонские олигархи! Заключили с Киrom тайный сговор — за обещание оставить им самоуправление и сделать пост царя выборным. И подсказали, как и когда можно взять город. 12 октября, когда все вавилоняне пили и плясали, справляя большой праздник, персы с помощью местных специалистов использовали систему шлюзов, спустив воду Евфрата в обводной канал Паллукат. И по руслу реки вошли в Вавилон. А царевич Валтасар, пировавший во дворце, был убит заговорщиками.

Олигархи и жрецы принялись соревноваться в низкопоклонстве перед персами. Все вавилонские хроники изобразили их не захватчиками, а «освободителями» от Набонида, густо заливая его грязью. Но Кир хорошо понимал, чего стоят такие «дру-

зья». Идти на поводу у них не желал. И решил создать здесь собственную опору, даровав свободу пленникам-евреям. Вернуться на родину, в нищую, разоренную Иудею, захотели немногие. Большинство уже прижилось в Вавилоне, имели семьи, дома, свое дело. Они остались, но уже в качестве полноправных вавилонских граждан. А что касается договоренностей с олигархами, то была разыграна комедия. «Автономным» царем Вавилона с соблюдением всех формальностей был избран сын Кира Камбиз, но вскоре он как бы добровольно уступил корону отцу. Местные тузы зароптали, но поделать уже ничего не могли.

Персия расширяла экспансию, и в 530 г. до н.э. Кир повел войско в Среднюю Азию. Здесь лежало государство массагетов, родственных скифам. Правила им мудрая царица и воительница Томирида, предложившая вступить в переговоры. Она получила высокомерный отказ, персы уже считали себя непобедимыми владыками мира. И сперва они смогли одержать победу. Притворно отступили, бросив лагерь с пожитками и большим количеством вина. Войско массагетов во главе с сыном Томириды увлеклось грабежом, напилось и было перебито. Но тут уж разъяренная царица, подняв все подвластные племена, сама явилась с армией. Персов разгромили. А голову убитого Кира Томирида велела бросить в бурдюк с кровью, сказав — «Раз ты хотел крови, то пей!»

После чего Персия чуть не развалилась. Царем стал самодур и пьяница Камбиз. Убил младшего брата Бардию. Сумел еще завоевать Египет. Но погиб при странных обстоятельствах, якобы напоролся на собственный кинжал. Покатилась смута. Выдвинулся Лже-Бардия. Его убили аристократы, провозгласив царем Дария из рода Ахеменидов. В начавшейся междоусобице «обиженный» Вавилон отпал, и здешние «либералы» наконец-то реализовали мечту о выборных царях-марионетках. Возвели на трон некоего Нидинту-Бэла, назвав его Навуходоносором III, сыном Набонида. Он был разбит персами, пленен и казнен. Тогда вавилонская верхушка короновала армянина Араху под тем же именем Навуходоносора III. Простонародье даже не узнало, что царь сменился — его держали во дворце, а от его имени правили купцы и банкиры.

Но Дарий постепенно одолел всех своих противников. И двинулся на Вавилон. Олигархи, достигшие своих чаяний о политической власти, призывали народ к оружию для борьбы за «свободу». А чтобы подогреть решимость стоять насмерть даже решили избавиться перед осадой от «лишних едоков» и учинили массовое избиение женщин. Но, как отмечает Геродот, кроме своих матерей, жен. А как показывают сохранившиеся таблички, не тронули и рабынь видных граждан. Перерезали состарившихся невольниц, персонал многочисленных лупанаров, храмовых рабынь, безответных вдов и сирот из бедноты. Да ведь только... и у персов была в городе «пятая колонна». Благодетельствованные ими евреи. У Геродота история падения Вавилона (якобы осаждавшегося 7 лет) искажена фантастической журналистикой. На самом же деле в августе 521 г. до н.э. войско Дария выступило из Персии, а через 3 месяца все было кончено. Осаждать мощную крепость почти не пришлось, персам открыли ворота изнутри.

Кто — история умалчивает. Но известно, кто оказался в выигрыше. На этот раз, в отличие от взятия Киром, расправа была крутой. Часть богачей перебили солдаты в ходе грабежа. А 3 тыс. уцелевших именитых граждан вместе с их семьями Дарий велел повесить на кольях — персы не сажали приговоренных на кол, а поддевали острие под ребра, насаживая грудной клеткой. Имущество погибших было конфисковано и передано так называемым «держателям» для формирования армии. В зависимости от количества земли и собственности, держания различались на «дом лука», «дом коня», «дом колесницы». Получили их в основном евреи, но сами они не служили, а должны были платить налог на содержание, соответственно, лучника, всадника, колесницы с экипажем. С этого времени евреи стали в Вавилоне господствующей прослойкой, подобрав под себя промыслы здешних торговцев и ростовщиков.

Дарий провел реформы, разделив свою державу на 20 сатрапий во главе с наместниками. На каждую сатрапию налагалась определенная постоянная дань. Так, IX сатрапия, Вавилония с Ассирией, должна была ежегодно поставлять царю 1 тыс. талантов (30,3 т) серебра и 500 мальчиков-евнухов. Персы совершил победоносный поход в Индию, подчинив ряд местных

княжеств. Покорилось и большинство греческих государств: Милет, Самос, Абидос, Лампсак, Парий, Херсонес Фракийский, Митилена, Кизик, Византий, Хиос, Фокея, Килия. Другие, в том числе Афины, тоже склонялись к подчинению.

А в 514 г. до н.э. Дарий объявил поход на Скифию. Причиной Геродот называет месть за давнее вторжение скифов в Переднюю Азию. Что ж, в древности и не такие поводы использовались. Но истинная причина была, конечно, иной — идея власти над миром. На востоке персы покорили все что могли. На юге тоже — за Египтом лежала пустыня. Грецию уже считали фактически покорившейся. Оставался север. Состав армии и флота Геродот определяет в 700 тыс. человек и 600 кораблей. Что наверняка сильно преувеличено. Для такой массы людей и лошадей не хватило бы никаких обозов и травы в степи. Поэтому цифру надо уменьшить раз в 5. Но ясно, что войско было огромным. Кстати, вот еще любопытный момент — посылают ли большие армии для завоевания дикой и необжитой «пустыни», каковой обычно представляют Скифию? Вот уж нет. Повторюсь, Скифия являлась богатой и развитой страной. И в Персии об этом знали.

Для переправы персидских полчищ через Босфор пришлось строить мост из кораблей. Создавший его инженер, самосец Мандрокл, в память такого достижения подарил в храм Геры картину с низкоподданнической надписью. Расхваливал мост и указывал: «Славу самосцам стяжал, себе же венец лишь почетный, царскую волю свершив, Дарию я угодил». У Босфора были воздвигнуты и две мраморные стелы с перечнями народов, которые Дарий вел на Скифию. Персы, мидяне, вавилоняне, сирийцы, финикийцы, лидийцы, фригийцы, египтяне... наверное, побольше «двунадесяти языков». «Попутно» была завоевана Фракия. Большинство племен подчинилось без боя. Сражение дали только геты. Потерпели поражение, выразили покорность, и Дарий присоединил их к войску.

Отражать врага довелось царю Идантирсу, сыну Савлия. Геродот называет еще двух «царей», Скопасиса и Таксакиса. Но они занимали подчиненное положение и, очевидно, были принцами. При системе многоженства царевичей у скифов хватало, и двое из них были выделены в качестве полководцев. Ин-

формация о надвигающейся опасности, разумеется, поступила заранее. Связи между разными берегами Черного моря существовали. Тогда-то и созвали скифы упомянутую международную конференцию с участием всех соседей. Хотя, возможно, имела место не единовременная конференция, а серия переговоров. Представители греческих колоний на них не приглашались. Ведь они были милетянами, а Милет являлся союзником Дария.

В результате переговоров поддержать скифов согласились гелоны, будины и савроматы. Невры, тавры, меланхлены, андрофаги отказались. Агатирсы тоже — они заняли вооруженный нейтралитет, собрали войска и объявили, что будут драться как с персами, так и со скифами, если те нарушат их границы. Впрочем, агатирсы жили в Карпатских горах, и имели надежду отбиться. Тем временем персидский флот достиг устья Дуная, снова навел мост из кораблей и дождался подхода сухопутной армии.

Но описание войны у Геродота выглядит совершенно невероятным. Будто Дарий, переправившись, оставил на Дунае флот и греческих союзников, а сам за 2 месяца прошел все Причерноморье, форсировал Дон, вдоль его левого берега двинулся вглубь страны. Сжег деревянный Гелон, оставленный жителями, и оттуда повернул обратно в степи... Для огромной армии, обремененной обозами, сроки такого похода нереальны. Кроме того, флот Дария был и понтонным парком. Как без него армия дважды переправилась бы через Днепр, Дон и другие реки? Да и в греческих городах Северного Причерноморья полки персов не появлялись, хотя это было бы естественно — восполнить запасы продовольствия, связаться с флотом.

Значит, скифы увели врага западнее, прочь от побережья. И вся война развернулась в степях между Дунаем и Днестром (или, по крайней мере, между Дунаем и Днепром). Это подтверждает и Страбон, писавший, что войско Дария погибло в «Гетской пустыне», по которой водили его скифы. Они эвакуировали на север, в леса, свои стада и женщин с детьми, а сами двигались на один день пути впереди персов, не принимая боя, но сжигая траву и засыпая колодцы. Причем, когда враги, лишённые припасов, начинали голодать, и возникали сомнения,

не пора ли повернуть обратно, их специально «подкармливали», оставляя на пути немного скота. Скифы, охранявшие стадо, разбежались, что создавало иллюзию победы. Персы приободрились, подкреплялись трофеями. И их заманивали дальше.

Но и в покое не оставляли. Нападали по ночам, засыпали стрелами, клевали вражескую конницу. Она паниковала, кидалась на собственную пехоту, спешившую на помощь. А с пехотой скифы столкновений не принимали и ускользали. Возможно, персы на подручных средствах сумели форсировать Днестр (разумеется, не в нижнем течении), в легендах перепутанный с Доном. И действительно сожгли какой-то праславянский деревянный город, а то и не один — городов в этих местах обнаружено несколько.

Когда Дарий сообразил, что забрался слишком далеко, он остановил войско. И попытался закрепить на достигнутых рубежах, построив укрепления. Но вскоре понял, что и этого не получится. И послал Идантирсу письмо: «Зачем ты убегаешь? Если ты силен — остановись, и мы померяемся силами. Если ты слаб — тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар своему владыке землю и воду, вступить в переговоры». На что получил ответ: «Я не убегаю, а кочую, как привык кочевать; если же вы желаете во что бы то ни стало сразиться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы, или нет... А сильнее мы тебя или слабее — пойми из моего подарка». Подарок же состоял из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел.

Лизоблюды пытались трактовать их как знак покорности — скифы дают «землю и воду» и складывают оружие. Но мудрец Гобрий расшифровал: «Если вы не скроетесь в небо, как птицы, или в землю, как мыши, или в воду, как лягушки, то вы все погибнете от наших стрел». После чего персы наконец-то увидели и войско скифов, массы конницы и пехоты. Очевидно, праславянской и финской. Но когда на поле выскочил заяц, скифы в боевом строю начали со смехом гоняться за ним. Такое их поведение привело Дария в ужас. Он понял, что персов не боятся: «Эти люди презирают нас...»

По Геродоту, генеральной битвы не было. Хотя, скорее, столкновение произошло. Неудачное для персов (иначе не

скрыли бы) и действительно не «генеральное» — скифам не требовалось лезть на рожон. Они и так поставили врага в безвыходное положение. Когда измученные персы повернуло назад, скифы обрушились со всех сторон и принялись истреблять их, налетая днем и ночью. А конный корпус Скопасиса из части скифов и савроматов двинулся наперерез, к Дунаю. Грекам, стоящим тут с флотом, посоветовали разрушить переправу — «и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов». Афинянин Мильтиад, тиран Херсонеса Фракийского, склонялся последовать совету. Но правители остальных полисов дружно воспротивились. И развели только часть моста от северного берега.

А войско Скопасиса повернуло навстречу Дарию. Спасло его лишь стечение обстоятельств. Скифы рассуждали, что отступить он будет по тем местам, где сохранились трава и вода, туда и бросили свои силы. Но у Дария-то логика была другая — не считаясь с потерями людей, падежом коней и верблюдов, он шел по своим старым следам, где все было выжжено и вытоптано, зато не было опасности заблудиться. Уже вблизи переправ, чтобы отвлечь внимание преследователей, он бросил в лагере 80 тыс. «самых изнуренных и тех, чья гибель имела наименьшее значение». А сам с личной гвардией среди ночи метнулся к Дунаю. Сохранившие ему верность греки быстро навели недостающую часть моста, и царь сумел выскочить. По этому поводу у скифов родилась поговорка: «Если греки — свободные люди, то нет людей их трусливее; если греки рабы — то нет рабов их преданнее».

Закончилась кампания полным триумфом скифов — преследуя остатки персов, они переправились через Дунай и дошли до Дарданелл, захватили зависимый от Дария Херсонес Фракийский (Галлиполи). Намеревались вторгнуться и в саму Персию. И направили послов для переговоров со Спартой, чтобы ударить с двух сторон. Но тут уж помешала случайность другого рода. Дипломатия сопровождалась пирами. А пить скифы умели куда круче греков. Поэтому спартанский царь и полководец Клеомен, пытавшийся поднимать чашу наравне с ними, свалился в белой горячке и повредился в уме.

Тем не менее именно Скифия оказала решающее влияние на весь ход Персидских войн. В результате разгрома Дария среди покоренных народов начались восстания. Резко изменились настроения многих греческих государств, в том числе Афин. А Персия оправилась от катастрофы очень не скоро, и операции против эллинов Дарий начал лишь через 20 лет. Да и то посылал на них уже не гигантские армии, а по сути лишь карательные экспедиции, одну из которых разметала буря, а другая была разбита при Марафоне — разбита тем же афинянином Мильтиадом, который в скифском походе участвовал на стороне персов. Не смог одолеть Элладу и сын Дария Ксеркс. Ведь он вел на нее разношерстное рыхлое ополчение, собранное из разных провинций. А основной костяк прежних персидских воинов — тех, которые одним махом крушили великие державы, навеки остался в скифских степях...

КОГО НЕ ПОБЕДИЛ АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Геродот посетил Скифию в V в. до н.э., но описывал только историю Персидских войн. И события, происходившие в Причерноморье в его время, остались нам неизвестными. Другие авторы тоже этим не интересовались — в эгейском мире кипели свои страсти. Битвы с персами, война между афинской и спартанской коалициями, политические дразги. Хотя и в Скифии, разумеется, жизнь шла своим чередом. Именно в V в. до н.э. здесь отстраивается великолепная столица, Каменское городище, описанное ранее. А в керченском Боспорском царстве в 438 г. греческая династия Археанактидов сменилась фракийской династией Спартокидов. Почему и каким образом у власти там оказались фракийские цари, история не знает.

Где-то в это время начались и столкновения скифов с сарматами. Сарматы — обобщенное название арийских кочевых племен, обитавших в степях Казахстана и Средней Азии. По языку, образу жизни они были близки скифам, и многие древние авторы считали их одним народом, отличая лишь рядом

особенностей. Так, уже отмечалось, что восточными соседями Скифии являлись савроматы. У которых важную роль в племенной организации играли женщины — они были жрицами, царицами, воительницами. Геродот сообщал, что савроматы говорят на скифском языке, но «с ошибками». И излагал легенду, будто они произошли от от смешения скифов с амазонками.

Мол, при сражении у реки Термодонт, на востоке Малой Азии, где греческие мифы традиционно помещали «царство амазонок», эллины разбили этих воительниц, а пленных погрузили на три корабля. Но в море амазонки перебили мужчин, судами управлять не умели, и их занесло в Азовское море к устью Дона. Где они сошлись со скифскими юношами, вот и возник народ савроматов. Об их обычаях он сообщал, что девушки сражаются наравне с мужчинами, а выйдя замуж, увольняются «в запас» — замужние женщины брались за оружие лишь призыве общенародного ополчения. Греки писали и о том, что в брак девушка могла вступить лишь после того, как убьет врага. Причем чем дальше проживал автор от Скифии, чем экзотичнее были для него эти края, тем больше убитых врагов у него требовалось для замужества — два, три, пять.

Но тут надо коснуться вопроса — а кто же такие были легендарные «амазонки», столь часто фигурирующие в мифах? В сюжетах о Геракле, Тесее, нашествии Диониса на Грецию, Троянской войне. Плутарх описывает, как они в незапамятные времена осаждали Афины. Само их название эллины переводили от «а-маза» — «безгрудые», утверждая, что для удобства стрельбы из лука они выжигают себе правую грудь. Не задумываясь при этом, каким образом женщины после такой процедуры сохраняют способность к деторождению. Да и мифологические героини вряд ли смогли бы влюбиться в искалеченных девиц и брать их в жены.

Существование царства или отдельного народа амазонок, конечно же, вымысел. Но основанный на реальных фактах. Корень «ма» или «ама» во многих арийских языках означает «мать». (Например, у индусов верховное женское божество носило имена Ума и Амбика — «Матушка»). Как уже отмечалось, изначально верховными божествами были женские. Часто они считались девственницами, как греческая Артемида, римская

Диана, славянские Дзевонна и Дзеванна. То есть олицетворяли мать-природу, одновременно кормящую всех, но при этом всегда девственную. Это видно и из славянских языков, где индоарийское «деви» — «богиня», трансформировалось в «дева», что подразумевает целомудрие.

И эти же богини в глубокой древности выполняли функции воительниц. Следы таких функций запечатлелись в фольклоре многих народов. В мифах Аркадии фигурирует могучая дева Аталанта, во фракийских легендах — воинственные Гарпалика и Полифонта, у иранцев — Гурдафарид, у ирландцев — Скатах, у германцев — девы-Валькирии, а спартанцы перед сражением молились Музам, которые у них играли и роль, аналогичную Валькириям. У индоевропейцев служительницами женских божеств были женщины. И в некоторых «девственных» культах они тоже должны были давать обет безбрачия — как жрицы Артемиды Эфесской, римские весталки. Были и жестокие культы, где для «закрепления» такого обета служительницы действительно подвергались процедуре удаления молочных желез. На всех женщин такой обряд, естественно, не распространялся.

Но богини, подобные Артемиде, считались еще и покровительницами молодежи, не достигшей брачного возраста. И при святилищах существовали общины, где девушки под руководством жриц проходили обучение, обряды посвящения и инициации. В том числе, у некоторых народов, учились владеть оружием, охотиться, несли охрану святилищ. И выставляли отряды на войну. А «выпускницы» поддерживали связь со своими общинами, периодически собирались для участия в религиозных обрядах и особых женских празднествах. Такие организации впоследствии зафиксированы и у славян. А у других народов известно существование женских фратрий, тайных женских культов и мистерий, сохранявшихся от подобных общин древних богинь-матерей.

Судя по всему, как раз эти традиции бытовали у савроматов. И не только у них, но и у племен исседонов, иксаматов, писаматов. Выше уже упоминалась царица-воительница у массагетов. Хотя, в принципе, владеть оружием и участвовать в боях в ту эпоху было обычным для женщин северных стран. Одна-

ко чаще женщины сражались лишь в случае необходимости, война считалась все же мужским занятием. Савроматы такого различия не делали. Именно их воительницы запечатлелись в русских сказках в облике прекрасных, но жестоких богатырш-полянц.

Савроматские погребения, относимые к Прохоровской археологической культуре, часто находят на Нижней Волге, Урале, в Оренбуржье. В захоронениях попадаются украшения, посуда, характерные для сарматских племен булавы вождей и «многоствольные» свирели из кости. И оружие. Ножи, стрелы, длинные, более метра, мечи. Встречаются и женские могилы с богатым воинским убранством, со следами пышных похоронных ритуалов, человеческих и конских жертвоприношений. То есть это были царицы или какие-то важные «командирши». Савроматы были кочевниками-скотоводами, поселения строили только для зимовок скота. И народ это был очень воинственный — захоронения часто бывают коллективными, а останки носят следы повреждений, полученных в бою.

Мы не знаем, когда и по какой причине савроматы ассоциировались со скифами. При отражении Дария они выступали союзниками. Однако все авторы IV — III вв. до н.э. уже называют эти народы кровными врагами. Указывают, что скифы чаще всего воюют со своими восточными соседями (и соседками), а взаимные набеги и сшибки называют повседневным явлением. Но сперва дело и ограничивалось пограничными драками, Скифия была еще не по зубам врагам.

В середине IV в. до н.э. она вновь появляется на страницах эллинских хроник. В это время правил ею царь Атей, при котором Скифская империя достигла максимального могущества. Античные источники рисуют его весьма яркой личностью — мудрым правителем, заботливым «отцом» своего народа и полководцем, в чем-то напоминавшим Суворова. Сухоньким старичком, но энергичным, бесстрашным, милостивым к побежденным и очень остроумным. Многие его изречения ходили по Греции в качестве афоризмов. Он всегда был в походах, лично возглавляя их. Покорил агатирсов, сделал данниками Скифии племена Кавказа, Севера, ряд западных народов. Его войско наведывалось и в Закавказье.

На Балканах в тот же период восходила звезда другого полководца, Филиппа II Македонского. Он провел военную реформу, создав из горцев-пастухов профессиональную армию, внедрил новый строй, «македонскую фалангу», подчинил Эпир, Фессалию, побережье Босфора и Мраморного моря. И начал распространять свою власть на эллинские государства. Которые, надо сказать, после недолгого яркого взлета быстро деградировали. Афины и Спарта в результате затяжных междоусобиц надорвались и пришли в упадок. Пробовали лидировать Фивы, Агригент, Коринф, но возвышение получалось непрочным. Нравы изменились до неузнаваемости. Афинянки, 100 — 200 лет назад жившие в затворничестве и считавшиеся образцом добродетели, теперь славились по всему Средиземноморью как самые распущенные и искусные развратницы. Прежние патриоты-спартанцы эмигрировали и становились наемниками во всех азиатских армиях. Впрочем, наемничество стало самым распространенным ремеслом у всех греческих воинов.

Хваленая эллинская «мудрость» напрочь выродилась. В моду вошли схоласты, считавшие верхом учености доказать какое-либо утверждение, а потом доказать прямо противоположное. Очень популярными были и киники, которые откровенно хулиганили. Например, знаменитый Диоген жил в бочке, хамил всем встречным и преднамеренно оскорблял их, публично мастурбировал или ласкал своих последовательниц. И это в эллинском мире признавалось гениальным! Ну а образцом «гражданственности» стали типы вроде Демосфена, поднимавшего греков на борьбу с македонянами — но делавшего это за щедрую плату от персидского царя. Причем возбудив соотечественников постоять за «свободу», сам Демосфен имел обыкновение в драку не лезть, а заблаговременно смыться. Подчинять подобные государства для Филиппа Македонского не составляло особого труда.

Царь Атей занялся тем же. Он один за другим подвел под свою власть греческие полисы Причерноморья. Одни сами выразили покорность ему. Другие, например, Никоний, ему пришлось брать штурмом. Но даже города, взятые с боем, Атей не разорял и не отдавал воинам на разграбление, как обычно поступали «цивилизованные» завоеватели того времени. Удов-

летворялся выкупом и признанием подданства. Захватил он и часть заданайской Фракии. Но здесь его интересы столкнулись с Филиппом Македонским, который в 339 г. до н.э. выступил на скифов. Когда послы Македонии прибыли к скифскому двору, и их провели к Атею, они увидели, что 90-летний царь-солдат собственноручно чистил скребницей коня. Он поинтересовался, делает ли так же Филипп? А узнав, что нет, удивился: «Как же тогда может он идти на меня войной?»

Тем не менее, Филипп победил. Правда, по свидетельствам современников, сумел одержать верх лишь с помощью какой-то хитрости — конкретные версии на этот счет расходятся. Скифская армия потерпела во Фракии жестокое поражение, погиб и Атей. Но Филипп оказался благоразумнее Дария. Захватил лишь Фракию, а в глубь Скифии не пошел. Предпочел более легкую добычу. В 338 г. до н.э. при Херонее разгромил афинян и фиванцев с их союзниками и стал хозяином Греции. После чего стал готовить поход на Персию. Но в 336 г. до н.э. был убит — судя по всему, во главе заговора стояла его сумасбродная супруга Олимпиада. И царем стал ее сын Александр III.

Он тоже побывал на севере, заново подчиняя отпавших фракийцев, даже переправлялся за Дунай, на скифскую территорию, хотя чисто символически, ради жеста — сразу вернувшись. Заново пришлось усмирять и греков, но это удалось довольно легко. И любопытно, что македонян, прежде считавшихся «варварами», эллины после взбучки сразу признали равным с собой «культурным» народом. А затем Александр реализовал идею отца и двинулся на Персию.

Но в числе своих целей видел и завоевание Скифии. В 332 г. до н.э. по приказу Александра его полководец и наместник во Фракии Зопирион выступил за Дунай с 30 тыс. македонской пехоты и многочисленными вспомогательными формированиями вассальных народов. По численности армия была примерно такой же, какую сам Александр повел на персов. Зопириону предписывалось покорить Причерноморье и соединиться со своим царем на «Танаисе» — как ранее указывалось, греки считали Дон и Сырдарью одной и той же рекой. О подробностях похода Зопириона нам ничего не известно по одной простой причине — из Скифии не вышел никто. Войско сгинуло до по-

следнего человека. Впрочем, если представить в голой степи неповоротливую македонскую фалангу, окруженную конницей и засыпаемую стрелами, результат сражения предсказать нетрудно. А может и не дошло до сражения, и Зопириону устроили то же самое, что Дарию, только на этот раз довели уничтожение до конца.

Александру везло куда больше. Что неудивительно. Персидская держава уже 150 лет назад растеряла остатки воинственности. Была сугубо мирной, только отбиваясь от наскоков соседей. Армии по мобилизации могла выставить огромные, но это были необученные ополчения, свиты знати, архаичные колесницы. Лучшими ее солдатами были те же греческие наемники да среднеазиатские степняки. Но они терялись в разнородной массе, сшитой на живую нитку и малоуправляемой. А сама величина армий позволяла македонянам эффективно их бить и одерживать впечатляющие победы, деморализующие персов.

Но в исторической литературе сложилась уродливая традиция изображать всех восточных завоевателей сугубо отрицательно, а вот Александра Македонского с какой-то стати противопоставлять им, считать выдающимся героем, эдаким «культуртрегером», распространившим на полмира высокую цивилизацию «эллинизма». С действительностью подобные взгляды и близко не лежали. Македоняне были настолько «культурными», что не знали даже обуви, в сандалиях щеголяла лишь знать и отборные «щитоносцы» Александра, а личный состав знаменитой фаланги шлепал в бой босиком. Сам же Александр впервые в жизни увидел ванну среди трофеев, взятых у Дария, и восхищенно сказал: «Вот что значит царствовать!» Человеком он был жесточайшим, психически неуравновешенным. Одного за другим казнил собственных друзей, полководцев. И македоняне катились по Азии жутким, поистине варварским нашествием.

Всех жителей Тира, посмеявшего сопротивляться, Александр распорядился распять. И его воины ничуть не колебались, привязывая к крестовинам или прибывая гвоздями к дверям и стенам домов беззащитных стариков, орущих от ужаса детишек, только что изнасилованных девушек. Всех пленных, взятых под Гавгамеллами, Александр велел умертвить — и были перереза-

ны десятки тысяч людей. Дикая македонская орда погромила богатейшие города Финикии, разрушила роскошную древнюю культуру Персии и Турана. Ради пьяной забавы, по идее, стукнувшей в голову обозной шлюхи Таис Афинской, была сожжена великолепная столица Ирана Персеполь. Царь и его приближенные отправляли домой награбленные сокровища, превращая в золотой и серебряный лом уникальные изделия восточных мастеров. А когда войско слишком отягощалось драгоценной добычей, ее по приказам Александра попросту сжигали — получая стимул для новых грабежей.

В 329—328 гг. до н.э. армия дошла до Средней Азии и занялась ее покорением. Местные скифо-сарматские племена отступили за Сырдарью, а Зопириона на этой реке Александр, естественно, не встретил. Все его хроники описывают только блестящие победы, но факты говорят о том, что ему здесь чувствительно всыпали. Античные источники глухо упоминают о нескольких его «отдельных отрядах», уничтоженных саками. А когда Александр со всей армией двинулся за Сырдарью, то почему-то очень быстро вынужден был ретироваться обратно.

Причерноморские скифы, кстати, передвижения македонян отслеживали и о местонахождении их войска хорошо знали. Несколько раз они присылали посольства, предлагая дружбу и союз, который царь Скифии (имя не упоминается) готов был скрепить династическим браком и отдать Александру в жены свою дочь [12]. Идею жениться на «дикарке» завоеватель счел смешной, очень потешался над таким предложением. Но с послами обошелся любезно и заверил их в своей дружбе. Хотя это было не более чем дипломатической хитростью.

Проектов покорения Скифии он не оставил. Уверив самого себя в «непобедимости», он никак не мог смириться с неотомщенной гибелью армии Зопириона. К тому же он стал считать себя и наследником персидских царей. А значит, по его убеждениям, должен был рассчитаться и за Дария. С возвращавшимися делегатами Скифии он отправил ответных послов из числа своих приближенных «гетайров», все с теми же пустыми фразами о дружбе. Настоящей их задачей являлась разведка — «познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением

оно выходит на войну» [12]. К сожалению, судьба этого посольства и какие-либо его донесения остались нам неизвестными.

Но в это же время хорезмийский царь Фарасман предложил Александру союз против Скифии и вызвался провести войско к Черному морю вокруг Каспия. Вероятно, предполагался и союз с савроматами — Фарасман и сатрап Мидии Атропат, желая угодить македонцу, представили ему сотню «амазонок». Арриан пишет: «Одеты они были как мужчины-всадники, только вместо копий держали секиры и легонькие щиты вместо тяжелых. Говорят, что правая грудь у них меньше левой; во время битвы она у них наружу». Насчет разнокалиберного бюста Арриан, конечно, выкручивается, чтобы как-то состыковать информацию с мифами, где правой груди вообще не должно быть. А тут она вдруг оказывается на месте и даже «наружу», во всей красе. Александр, правда, на «амазонские» прелести не впечатлился и вообще к такому роду войск остался равнодушен. Но предложение Фарасмана его заинтересовало. Он заключил с царем Хорезма антискифский союз. Однако поход в Причерноморье счел пока несвоевременным, «попросил отложить свою помощь» [12].

Сперва решил завоевать Индию. И его орда ринулась крушить цветущие государства Индостана. Кстати, крушить совершенно бесцельно. Даже когда стало ясно ясно, что завоевания окончены, на обратном пути, все равно жгли и грабили города, уничтожая жителей — поскольку уж под руку попались. Ну и наконец великий полководец сдуру угробил большую часть своей армии, когда вопреки советам повел ее назад в Персию через пустыню по берегам Аравийского моря... Есть свидетельства, что Александр Македонский в своих дальнейших планах предусматривал и поход на Скифию. Но в 324 г. до н.э. скончался в Вавилоне в возрасте 32 лет. Существует версия, что от яда — достал он буквально всех своих подчиненных.

Между прочим, если провести сопоставление с другими знаменитыми завоевателями: Баламбером, Чингисханом, Батыем, Тамерланом, то сравнение получится далеко не в пользу Александра. Они все же действовали в интересах собственных народов, а царь Македонии — только ради личной «славы». Его войска роптали, протестовали, и их приходилось то усмирять,

то демобилизовывать, пополняя армию за счет покоренных народов. Перечисленные завоеватели были патриотами своих национальных традиций, и созданные ими империи прожили по крайней мере несколько поколений. Александр же совершенно ошалел от роскоши Востока, начал подстраиваться под обычаи побежденных, а в конце концов задумал воссоздать все ту же Персидскую державу, но с собой во главе. И просуществовала его «империя» всего... 9 лет!

Стоило царю умереть, как его ближайшие соратники-диадохи тут же передрались между собой, разодрали завоевания на части и почти перебили друг дружку. А в края, опустошенные и обезлюженные ими, расчищенные от всякой культуры, начала проникать культура греков. И это называется торжеством «эллинизма»! Впрочем, отметим и то, что народы, взбаламученные македонским нашествием — персы, армяне, туранцы, подхватили *классическую* греческую культуру. Прошлых веков. А в самом «эпицентре эллинизма», Греции и Эгейском регионе, продолжалась деградация и упадок этой культуры.

Сойтись на поле брани со Скифией Александру Македонскому не пришлось. Очень может быть, что только из-за этого ему удалось остаться в истории «непобедимым»... Но Лисимах, один из диадохов, получивший при разделе империи Македонию, развернул войну против фракийских гетов, вышедших из подданства. Решил вторгнуться и за Дунай и нанес скифам поражение, хотя имел дело не со всей их армией, а лишь с приграничными племенами. Но когда он предпринял второй поход на север, геты при поддержке скифов наголову разгромили его и взяли в плен его. Потом, правда, отпустили — просто так, широким жестом души. Чем-то он им понравился.

Любопытно, что в ранних польских хрониках XII в. — Галла Анонима, Винценция Кадлубека, сохранились какие-то предания о победах поляков над Александром Македонским. Очевидно, это отголосок сражений, которые вели с Филиппом Македонским, Зопирионом и Лисимахом скифы совместно с праславянами. А у Низами, создавшего в XII в. свои поэмы противниками Александра выступают русские. И одолеть их македонянам не удается, после сражений, закончившихся вничью, стороны заключают почетный мир.

Как уже отмечалось, на престоле Боспорского царства со столицей в Пантикапее (Керчь) утвердилась фракийская династия Спартокидов. Возможно, из-за этого и политика Боспора отличалась от других греческих колоний. Они сохраняли традиционную структуру городов-государств, контролирующих лишь небольшие участки прилегающей территории. А Боспор в конце IV в. до н.э. повел завоевательную политику, подчиняя соседние города и племена. Зависевшие от Скифии. Очевидно, Спартокиды опирались не только на силы своего города, но и на поддержку соотечественников-фракийцев. Во Фракии в эту эпоху существовали царства бессов, трибаллов, дентелетов, одрисов, гетов, далматов. И государства это были довольно сильные и развитые. Археологи находят здесь остатки больших городов, дворцов, замков. Собственные золотые и серебряные рудники обеспечивали роскошную жизнь знати и колоссальные богатства фракийских царей. Культура этих стран ничем не уступала греческой. Славилась она и своими воинами — Александр Македонский одолел их с трудом, а для похода на Персию привлек значительные контингенты фракийцев.

Тем не менее воевать с могущественной Скифией и отхватывать от нее куски для Боспора было бы проблематично. Кроме фракийцев, у него должны были найтись другие союзники. И они имелись — савроматы. В это же время, примерно в конце IV в. до н.э., они вдруг распространились на запад, заняв степи Кубани и левобережья Дона. Что также не могло обойтись без войны со скифами. Логично предположить, что экспансия Боспора и савроматов была взаимосвязанной, и они действовали совместно. Точное время их побед неизвестно. Но вспомним, что скифская армия Атея была разгромлена в 339 г. до н.э. во Фракии, потом последовали вторжения Зопириона и Лисимаха. Для савроматов и Боспора было бы удобнее всего воспользоваться этими событиями. И если на Дария восточные соседи выступали вместе со Скифией, то теперь, когда ее силы были отвлечены на запад, вероятно, ударили ей в спину.

Правда, и политика Боспора не всегда была однозначной. В 309 г. до н.э. умер царь Перисад, и началась гражданская война между его сыновьями Сатиром II и Евмелом. Первый заключил союз со скифами и фракийцами, второй с савроматами. Поначалу скифы одолели, разгромили противника в битве, Евмел укрылся в крепости Фат в Приазовье. Но при ее осаде погиб Сатир, и его заменил еще один брат, Претан. Который оказался совершенно бездарным полководцем и правителем, быстро растерял сторонников и был побежден. Евмел приказал казнить не только его, но и всех друзей Претана и Сатира и их семьи. Спасся лишь один сын Сатира, бежал и получил убежище при дворе царя Скифии Агара.

В Пантикапее это ознаменовало окончательную победу «савроматской ориентации». Опираясь на своих союзников, Боспор присоединил Феодосию, страну синдов, уже пришедшую в упадок — здесь утвердились греческие города Фанагория (Тамань), Горгиппия (Анапа), Корокондама, Гермонасса. Под власть Боспора перешло все черноморское побережье Северного Кавказа.

А западные границы Скифии по-прежнему оставались неспокойными. Не успели отбиться от македонян, как надвинулся новый враг, кельты. Причины их миграций остаются неясными. Возможно, на них нажимали соседи, прагерманцы и праславяне. Но не исключены и иные причины. Например, локальные ухудшения климата. Или кельтским племенным княжествам, занимавшим Центральную и Западную Европу, становилось просто тесно, и проигравшим в междоусобицах приходилось уйти. В конце IV в. до н.э. случилось их вторжение в Италию, кельты взяли и сожгли Рим, несколько племен осело на севере Апеннинского полуострова.

А в 280-х гг. до н.э. массы кельтов двинулись вдруг на восток. Через Карпаты прорвались в Западную Украину, племя котинов заняло Галицию (которая и получила название от галлов). По Дунаю кельтские племена вышли в нынешнюю Молдавию, достигли Днестра. Штурмом захватили и разорили небольшой греческий город Офиуссу. Осаждали Тирас, но взять не смогли и вскоре убрались. Точнее, сами-то не убрались бы. И Галици-

ей не ограничились бы. Остановили кельтов на Украине и изгнали из Приднестровья скифы с праславянами.

Но отвлечение их сил на запад опять откликалось на востоке — Боспор распространил свои владения на все Приазовье, а в устье Дона на месте скифского города Кремны возникла крепость Танаис (Азов). Попытки Спартокидов продвинуться в глубь материка скифы пресекли. Но и вернуть побережье не смогли. Впрочем, тут сказались еще несколько факторов. Боспор сумел утвердиться не на землях самих скифов, а на территориях их подданных, синдов и меотов. Не исключено, что Спартокиды пообещали им какие-то льготы и смогли привлечь на свою сторону. К тому же Боспор, в отличие от Скифии, располагал флотом. Что давало ему преимущество в прибрежных районах.

Ну а кельты, отбитые на севере, устремились на юг, на Балканы. Погромили Дельфы и ряд других греческих городов. Но, по эллинским преданиям, обратились вспять, испуганные сильным землетрясением. Кельтское Тилисское царство возникло во Фракии. А четыре племени — тектосагов, толистобогов, трокмов и битуригов, переправились в Малую Азию. Образовали тут несколько княжеств, которые античные источники именуют «Галатией». И основали город Анкира (Анкара) — в переводе с кельтского «город-мать». Сто лет галаты не давали житья соседям, нападая на всех подряд. И лишь потерпев ряд серьезных поражений, угомонились, стали налаживать нормальные отношения с другими государствами этого региона. А их фракийское Тилисское царство было разгромлено бессами и одрисами.

Кельты-галаты надолго прервали связи Причерноморья с Грецией, поскольку захватили и берега Босфора (один из районов Стамбула до сих пор называется «Галата»). Экспорт хлеба из Скифии, прочно связывавший ее с Элладой, прекратился. Греческим колониям, жившим за счет этого экспорты, пришлось переориентироваться на внутричерноморскую торговлю — между Поднепровьем, Крымом, Кавказом, Малой Азией. Увы, с севера перестало поступать не только зерно, но и информация. И все, что происходило там, осталось «за кадром» истории.

А в конце III — начале II в. до н.э. важные события случились в Средней Азии. Здешние народы произвели революцию в военном деле. У них появились «неранимые» — тяжелая панцирная конница. Вооружение ее практически соответствовало последующим рыцарям средневековой Европы. Всадник облачался в доспехи, были специально выведены могучие «нисейские» кони, способные выдержать тяжесть брони. Иногда и лошади защищались доспехами. А оружие всадников составляли длинные мечи и четырехметровые копья. Гелиодор писал: «Одетый в доспехи и как бы упакованный всадник садится на коня, но из-за веса он не может сделать этого самостоятельно, и его поднимают другие. Когда дело доходит до сражения, он отпускает коню уздечку, дает ему шпоры и бросается на врага, как человек из железа или живая железная дребезжащая статуя, копьё направлено по горизонтали и держится кольцом на шее лошади... Если он ложится на копьё и всем весом нажимает на него, то пронзает все, что попадает ему на пути, и одним ударом порой поднимает двух человек».

Выстроившись в линию и сохраняя строй, такая конница наносила страшные удары, сметавшие врага. Первыми этот тип вооружения приняли кочевники Турана. Несколько их племен объединилось под руководством Аршака из сакского племени дахов, обитавших на восточном берегу Арала, и образовался народ парфян, начавший борьбу за создание своего царства. Оно охватило территорию нынешней Туркмении, часть Узбекистана и Казахстана. Пошли этнические передвижки. Одни племена примыкали к парфянам, другие терпели поражения и пытались переселиться в другие места, тесня соседей.

Причем парфянское вооружение быстро переняли другие народы, в том числе савроматы. К тому же несколько племен, вытесненных из Средней Азии, двинулись на запад. Вместо того, чтобы встретить их в копья, савроматы предпочли вступить в переговоры. И вовлекли их в союз против Скифии. С перспективой выделить часть ее земель для переселенцев. После чего был нанесен удар. Согласно Полибию, война разыгралась в 179 г. до н.э. Хотя скорее всего она протекала в несколько этапов. Примерно в одно время погibli и Причерноморская Скифия, и княжество «особых скифов» на Волге и Каме. И не-

известно, какое государство раньше. Но кто сокрушил камских скифов, ясно. Здесь обнаружены савроматские погребения.

Обращает на себя внимание еще один факт. Ананьинская культура была разгромлена, а Дьяковская и Городецкая уцелели. Мало того, поселения Городецкой культуры начинают распространяться восточнее — на местах Ананьинской. Вывод напрашивается однозначный: савроматы заключили союзы не только в пришлыми кочевниками, а еще и с уграми и тиссагетами-балтами. Которые, очевидно, были данниками скифов и из-за этого поддержали их врагов. Подтверждается данное предположение и тем, что после поражения Скифии угры стали широко расселяться по лесостепям Верхнего Дона и Северского Донца.

Такой состав коалиции предопределил исход войны. Скифская кавалерия с луками и дротиками выдержать лобовые атаки панцирных сарматских полчищ не могла. А легкая конница угров дополняла главную ударную силу, прикрывая ее от обходов. И сражения в Северной Таврии скифы проиграли, после чего война пошла на истребление. Страбон сообщает, что савроматы, «сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню».

Чем объясняется такая жестокость, кровной мстью, накопившимися счетами или религиозной враждой, историки гадают до сих пор, и ответа нет. Спаслись только те скифы, которым удалось отступить. Одни ушли в Крым и сумели отстоять его перешейки. Прорвать эту оборону савроматы не сумели. У славян крымские скифы стали называться «сурождцами» (слово «Сурож» употреблялось в нескольких значениях, в том числе как обобщенное обозначение Крыма). А для эллинов они стали «тавроскифами» (поскольку название просто «скифов» греки перенесли на все северные народы).

Другая часть скифов откатилась на юг, за Дунай, они осели в Добрудже, получившей название «Малой Скифии», и постепенно смешались с придунайскими кельтами. Третья часть отошла на запад, к праславянам. По данным А.С. Бугая, исследовавшего методом радиоуглеродного анализа колоссальную оборонительную систему Змиевых валов на Украине, самые древние из них датируются как раз II в. до н. э. То есть предки славян в

этой войне выступали на стороне Скифии, а не савроматов. Это еще раз свидетельствует о том, что они были полноправными союзниками скифов, а не покоренными невольниками.

Никакие подробности боевых действий до нас не дошли. Но такие сооружения, как Змиевы валы, за день-другой не построишь. Значит, бои носили затяжной характер, первые удары удалось отразить. Что неудивительно — лес и лесостепь куда менее удобны для действий тяжелой конницы, чем открытая степь. И сами савроматы прорвать оборону вряд ли смогли бы. Следовательно, и тут им помогли угры с балтами. Потому что конечный итог войны известен.

Раскопки показывают, что Милоградская культура Среднего Поднепровья во II в. до н. э. погибла с явными следами вражеского нашествия. А возникшая на ее месте Зарубинецкая культура представляла значительный регресс — мелкие поселения вместо крупных городищ, охота и рыболовство вместо развитого скотоводства и земледелия. Следующая высокоразвитая культура в этих краях, Черняховская, датируется уже II в. н.э. Разрыв составляет около 300 лет. Разгромленные осколки славянских и скифских племен отступили на запад. В Карпаты и за Карпаты. При этом какая-то часть людей предпочла остаться, хотя и вынуждена была сменить образ жизни — они-то и оставили следы Зарубинецкой культуры.

Все сведения мы вынуждены черпать только из археологических данных. Письменные источники великих держав того времени о событиях на севере молчат, им было не до того. Всюду кипели свои войны. Рим сражался с Карфагеном, и решался вопрос о существовании одного из этих государств. Империя Александра Македонского развалилась на три царства — Птолемеев в Египте, Селевкидов в Азии и Македонию на Балканах. Тоже враждовавших друг с другом. В ходе их драк от непрочных македонских владений отпадали самостоятельные государства. Эпир и Этолия в Греции, Понт и Пергам в Малой Азии, Армения на Кавказе, Бактрия в Средней Азии.

Однако постепенно политическая карта менялась. В Иран вторглись парфяне, выгнали македонских правителей и подчинили страну, возведя на престол династию Аршакидов. А в Средиземноморье выдвинулся главный претендент на лидерст-

во — Рим. Ему поочередно удалось разгромить своих соперников. В 192 — 188 гг. до н.э., после победы над царством Селевкидов, римляне утвердились в Малой Азии, в 160 — 140-х гг. до н.э. захватили Эпир и Македонию, поставили под контроль Грецию, затем добились ослабленный прежними войнами Карфаген.

И уже римляне, как прежде македоняне, стали для греков тоже «не варварами». Зато парфяне, туранцы, армяне — о, эти остались презируемыми «варварами». Несмотря на то, что в области военной техники, ремесла, сельского хозяйства значительно превзошли греков с римлянами, соединив собственные успехи с лучшими достижениями эллинской культуры — театра, литературы, скульптуры, архитектуры. Сами же эллины в данное время научились выгодно эксплуатировать свою «культурную» славу — нанимались к римлянам секретарями, домашними учителями, летописцами их подвигов. А греческие философы-софисты за большую плату обучали желающих доказывать, что белое — это черное. Зачем это было нужно? Чтобы демонстрировать «ученость» и легче получить место секретаря у вельможи. Или обзавестись собственными учениками, передавать им полученную науку и драть плату.

Но преувеличивать «цивилизованность» тогдашнего античного мира, право, не стоит. Он был чрезвычайно жестоким. Например, когда в 199 г. до н.э. македонский царь Филипп V захватил Абидос, и жители умоляли его о пощаде, он «смилоствовался» и дал им три дня, чтобы все они сами лишили себя жизни. Когда в 166 г. Иуда Маккавей поднял среди евреев восстание против Селевкидов, на территории его государства были поголовно вырезаны все не-иудеи. А в «просвещенном» эллинистическом Египте практиковалась передача приговоренных жрецам для медицинских экспериментов. Так, знаменитая Клеопатра специально приговорила к смерти нескольких своих служанок, чтобы изучить вынашивание детей — их оплодотворили и вскрыли животы на различных стадиях беременности.

Все еще процветали страшные и темные культы. В Северной Греции и Малой Азии открыто действовали сообщества менад-вакханок, устраивавших пышные шествия по городам — полуголые участницы, едва прикрытые барсовыми и козлиными шкурами, прыгали и плясали, потрясая бубнами и

палками-тирсами. После чего убегали в горы, доходя до дикого возбуждения и предаваясь лесбийским страстям, а тирсы используя в качестве фаллоимитаторов. Участвовать в этих торжествах не считали зазорным знатные дамы и даже царицы. А на осеннем празднестве оплакивания и похорон Диониса вакханки ловили и зверски убивали первого встречного мужчину. Это тоже не считалось предосудительным. Пропал человек — и все тут. Значит, «божество» так захотело.

В Грузии в начале весны происходили мистерии «Гека-ты» как называет ее псевдо-Плутарх. То есть местного аналога греческой Гекаты, богини ночи, смерти и черного колдовства. И мистерии, соответственно, были жуткими, с человеческими жертвоприношениями и извращениями. А в Малой Азии славился культ «Матери богов» Кибелы. Тот самый, которым когда-то увлекся Анахарсис. Ее главное святилище находилось на горе Ида, и празднества собирали множество народа. Стекалось местное население, участвовали те же менады, приезжали изда- лека паломники. На торжествах в честь Аттиса, погибшего воз- любимого Кибелы, люди наносили себе увечья, добровольцы сами оскопляли себя, жертвуя мужские части богине — пусть, мол, возьмет мои вместо Аттиса. Такие скопцы становились жрецами «Матери». А жрицы именно в этом культе жертвовали богине собственные груди.

Практиковался и ежегодный ритуал с жертвоприношени- ем «заместительницы». В желающих фанатичках недостатка не было, выбирали самую красивую и совершенную девушку, без изъянов. Год она жила внутри святилища. А на осеннем празд- нике плодородия обнаженная «богиня» выходила к людям от- куда-то из-под земли, из пещеры. Выносила блюдо с различны- ми земными плодами, одаривая собравшихся. Потом ее омыва- ли в священном источнике. И резали, причем сопровождая это ритуальным каннибализмом. Сперва, еще у живой, отсекали са- мое священное, молочные железы, кроша на мелкие кусочки, поедавшиеся жрецами. А затем остальное тело «богини» разда- валось по частичке участником торжества. И вкусив его, тыся- чи людей предавались общей сексуальной оргии...

Этот культ тоже не считался чем-то грязным и недостой- ным, наоборот! Поучаствовать в таинствах ехали обществен-

ные деятели, знаменитые гетеры, интеллектуальная элита. Например, Катулл не остановился перед путешествием из Италии, после чего посвятил Кибеле поэму «Аттис». Поклонением «Матери богов» заразились пришедшие в Малую Азию кельты, из них составила большая часть жрецов. Они формировали и «разъездные бригады», колесившие по Эгейскому региону, проповедуя свою богиню.

Увлеклись ею и римляне. Секта ее почитателей возникла в самом Риме — тоже устраивала пиры и кровавые оргии с жертвоприношениями и канибализмом. Тут они практиковались даже чаще, чем в Малой Азии, стали самоцелью. И о добровольчестве речи не было, резали рабынь. Когда дело вскрылось, сенат забил тревогу. В 185 — 179 гг. до н.э. состоялось два расследования. И судьи пришли в ужас, узнав, какие широкие круги охватила секта. К ответственности было привлечено 10 тыс. человек, половину из которых казнили или принудили к самоубийству, остальных изгнали [129]. Впрочем, в Риме и много позже были известны страшные ритуалы. В I в. до н.э. приносили в жертву рабов Катилина и его соратники, моля богов об успехе заговора. Устроил гекатомбу и Октавиан Август, зарезав на алтаре 300 пленных соотечественников, захваченных в гражданской войне.

Но пока в Средиземноморье кипела борьба за «мировое господство», важные изменения произошли и на севере. Судить о них мы имеем возможность только по косвенным данным, но вполне определенно. Савроматы очень недолго оставались хозяевами причерноморских степей. Потому что по-прежнему кипел и бурлил «котел» Средней и Центральной Азии. Около 165 г. до н. э. гунны разгромили согдов и вытеснили их из Джунгарии и Семиречья. Согды, в свою очередь, разбили и разогнали саков, после чего в 141 — 128 гг. до н. э. сокрушили эллинистическое Бактрийское царство и образовали на его месте свое, Согдиану.

Все это давало толчки к новым миграциям. И за период в 50 — 60 лет в Причерноморье двинулись еще две волны племен. Языги и роксоланы. Они тоже были сарматскими народами, говорили на иранских языках, исповедовали митраизм. Только, в отличие от савроматов, признаков матриархата у них

не наблюдалось. Оба народа были скотоводами-кочевниками, жили в передвижных войлочных кибитках. Эти же кибитки в случае опасности сдвигались в круг и становились крепостью для племени или рода.

А основной ударной силой была тяжелая конница. Рядовые воины носили панциры и шлемы из воловьей кожи, щиты, сплетенные из ивовых прутьев. На кожаные доспехи нашивались металлические пластины. У знати и дружинников защитное вооружение было стальным. В захоронениях находят остроконечные шлемы, пластинчатые и чешуйчатые панцири, уже появились кольчуги. Было очень развито и ремесло. В погребениях обнаруживают богатые и красивые наборы женских украшений: ожерелий, застежек, браслетов, ушных колец, произведения искусства в «зверином стиле» — но заметно отличавшемся от скифского. У сарматских народов он стал более условным, переходя от живописной передачи природы в орнамент. Эти изображения становятся полихромными, богато инкрустировались драгоценными и полудрагоценными камнями.

Мы не знаем, вместе пришли языги и роксоланы, в качестве союзников, или по очереди. Но племена савроматов оказались разбиты и вытеснены на запад, за Карпаты — вслед за скифами и праславянами, которых они победили. И в Западном Причерноморье установилось господство языгов, а в Северной Таврии и на Дону — роксоланов. Они к скифам не испытывали личной ненависти. И Крымская Скифия заключила с ними союз — по одним версиям, равноправный, по другим — признав себя их вассалом. Обстановка в здешних краях стабилизировалась.

ПОНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Северо-восток Малой Азии обошло стороной нашествие Александра Македонского, он не стал ареной боев между диадохами, не дошли сюда и кельты. Поэтому здешние города остались не разоренными, население не вырезанным. Наоборот, оно увеличилось, сюда устремлялись беженцы из сопредельных районов. И из распавшихся персидских владений на юж-

ном берегу Черного моря выделилось царство Понт (по гречески «понт» — море). Оно умело лавировало в драках между соседними державами, признавало зависимость то от селевкидской Сирии, то от Македонии. А когда ту и другую сокрушил Рим, признало себя вассалом победителей. Хотя вассалитет был чисто номинальным, практически Понт остался самостоятельным. Население его представляло собой смешение различных народов — персов, фригийцев, лидийцев, ликийцев, армян, греков. Царство богатело, усиливалось. И достигло расцвета во II в. до н.э. под властью Митридата VI Евпатора.

Происхождения он был довольно темного, захватив трон в результате переворота. Но «официально» производил себя по отцовской линии от Дария Гистаспа Младшего, а по материнской от Александра Македонского и Селевкидов, обосновывая таким образом права на владычество и в азиатском, и в греческом мире. Современники представляют его фигурой весьма колоритной. Он поражал всех исполинским ростом и силой. Мог любого перепить и переест, укрощал и объезжал самых диких коней. В одно утро вдруг исчез из дворца и пропадал несколько месяцев — оказалось, что царь, переодевшись простолюдином, обошел пешком всю страну, изучая нужды населения.

Он свободно говорил на 22 языках подвластных ему народов и ни с одним из подданных не общался через переводчика. Любил искусство и музыку, окружал себя историками, мыслителями, поэтами. Богатый Понт привлекал художников, скульпторов, архитекторов — здесь их радушно принимали и хорошо платили. Но греческие обычаи тут соединились и с восточными. Митридат имел огромный гарем из сотен жен и наложниц. Причем, по персидской традиции, его женами стали и собственные сестры. Впрочем, в тогдашнем мире это не было чем-то экстраординарным — когда македоняне Птолеми воцарились в Египте, они тоже последовали обычаям прежних фараонов и стали брать в жены сестер.

У Митридата философские беседы и представления греческого театра ничуть не мешали другим развлечениям. Из уст в уста передавались слухи о его грандиозных пиршествах, об оргиях, где властителя ублажали женщины всех цветов кожи и национальностей — лучшими исполнительницами эротиче-

ских танцев в ту эпоху считались египтянки, самыми горячими и умелыми наложницами — сирийки, они специально учились этому искусству в храмах Астарты. Ну а в качестве не просто наложниц, а интеллектуальных подруг-любовниц славились гречанки. Они объявляли себя «свободными» женщинами (в том числе от любых условностей) и возводили в культ телесные наслаждения. Перенимали все «изыски» в этой области. Пресытившись, путешествовали, силясь испытать еще что-нибудь новенькое. А ко двору Митридата самые знаменитые дамы эллинистического мира стремились, как мухи на мед. И в переписке с подругами сообщали о каких-то совершенно фантастических мужских способностях царя.

Хотя близость к Митридату сулила не только удовольствия и золото. Она была опасной. Поскольку его «широта души» сочеталась с чрезвычайной подозрительностью и жестокостью. Разгневавшись, он мог запросто отправить на смерть и любовницу, и министра. За измену, то ли мнимую, то ли действительную, казнил собственную мать, брата, сестру-жену, трех сыновей и трех дочерей. Впоследствии в его бумагах нашли заранее заготовленные смертные приговоры чуть ли не на всех приближенных. Правда, многое зависело от его настроения. Заподозрив очередной заговор, он мог одним махом обречь на казнь 1700 человек. Но мог и после явного бунта покарать лишь главных виновников, а остальных простить.

Митридат привлекал к своему двору не только знаменитых художников и шлюх, но и лучших военных. Создал сильную наемную армию. И, в отличие от предшественников, довольствовавшихся наследственными владениями, повел завоевательную политику, прибирая соседние области. Подчинил Малую Армению (Киликию), и его держава протянулась полосой от Черного до Средиземного морей.

На противоположном, северном берегу Черного моря, лидировало Боспорское царство. Нашествие сарматов привело к упадку большинства здешних греческих колоний — ведь они жили торговлей со скифами, а теперь еще и должны были откупаться данью от кочевников. Но Боспор торговал не скифской, а собственной продукцией, обошел конкурентов и стал монополистом в северной торговле зерном. Богател он и на торгов-

ле рабами, скупая их у кочевников, у дравшихся между собой кавказских народов, у пиратов. Невиданно расцвели боспорские города, строились роскошные дворцы купцов и вельмож (вельможи тут тоже были купцами). Был создан мощный военный и торговый флот, господствовавший на Черном море. Поддерживались связи с Афинами, Понтом, Египтом, Родосом, Делосом.

Но нарастали внутренние противоречия. После завоевания Тамани и Приазовья большинство населения стало не греческим. Основную часть его составляли меоты, синды, переселенцы из погибшей Великой Скифии. Однако греческое меньшинство оказалось в привилегированном положении, только оно обладало гражданскими правами. Остальные были людьми «второго сорта», что становилось причиной трений, конфликтов. А усугубилась ситуация, когда степными соседями Боспора стали роксоланы. У них возникло сильное царство, они отобрали у Боспора часть Приазовья с городом Танаисом, заключили союз с Крымской Скифией. Причем роксоланы точно так же, как скифы, умели налаживать хорошие отношения с вассалами и подданными — меоты предпочли власть пришельцев боспорской и под эгидой роксоланских царей жили очень неплохо.

Выиграла от союза и Скифия. Роксоланы предоставили ей часть Северной Таврии, скифы смогли расширить свои пастбища и места кочевий. Их царство усилилось. В Крыму началось интенсивное градостроительство. Латинские авторы упоминают многочисленные города этого царства: Тафры на Перекопе, Навар, Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиороды, Хаб. Но самым богатым и красивым городом стала столица — Неаполь-Скифский вблизи Симферополя. Настоящее название его было иным. Неаполь в переводе с греческого — «новый город», «новгород». Новая столица, заменившая погибшее Каменское городище. И, конечно, сами скифы не называли его «скифским».

Неаполь ничуть не уступал лучшим греческим городам, а то и превосходил их. К сожалению, до сих пор археологи смогли раскопать и изучить лишь небольшую его часть. Но даже то, что уже открылось, впечатляет. Обнаружены остатки мощных крепостных стен, дворцов, храмов, жилых кварталов, бань, мастерских, базаров. Выяснилось, что в Скифии процветало земле-

делие и садоводство, город был развитым центром ремесленного производства и торговли. К скифам нередко бежали греки и другие жители Боспора и Херсонеса, недовольные своим положением в этих государствах. И если жители эллинских причерноморских колоний из-за смешения народов и обычаев постепенно «варваризировались», то население Скифии перенимало греческую культуру и «эллинизировалось».

Царь Скилур начал чеканить монету со своим именем. И предпринял поход на Ольвию. Эта крупная колония предпочла покориться ему и в общем-то не прогадала. Под властью Скилура она получила защиту от набегов и «рэкеты» других кочевников. И преимущество в торговле товарами Скифии. Это способствовало новому подъему Ольвии, она опять смогла конкурировать с Боспором. А Крымская Скифия получила через Ольвию выход на международные рынки. Судя по археологическим находкам в Неаполе, возникли торговые связи с Грецией, Африкой, Малой Азией, Ближним Востоком.

Усилившаяся Скифия при поддержке роксоланов стала оказывать давление на других соседей — Херсонесское царство, занимавшее юго-западную часть Крыма, и Боспор, требуя от них платить дань. И положение Боспора оказалось очень шатким — его негреческие подданные были настроены отнюдь не в пользу своих царей, могли поддержать Скилура. Поэтому Боспору пришлось согласиться на ежегодные выплаты. Но и скифы осознали его слабость. Несколько раз повышали размер выплат. Пантикапейские цари вынуждены были соглашаться и на это.

В Херсонесе положение было иным. Его население состояло в основном из греческих земледельцев, он обладал мощными защитными сооружениями. Поэтому требования дани отклонял, а от нападений скифов успешно отбивался. Около 110 г. до н. э. Скилур предъявил царю Боспора Перисаду V ультиматум об очередном увеличении дани. А одновременно, заключив союз с таврами, развернул новое наступление против Херсонеса. Были захвачены его владения — Керкенигида и Прекрасная гавань, войска скифов подступили к стенам самого Херсонеса. Тогда город решил обратиться за помощью к царю Понта.

Для Митридата приглашение херсонитов пришлось очень кстати — он и сам вынашивал планы экспансии на север. И по-

слал в Крым своего лучшего полководца Диофанта с отборным 6-тысячным корпусом. В первом сражении со Скигуром Диофант был разбит. Однако за крепкими стенами Херсонеса понтийцы сумели оправиться от поражения, пополнить потери и перешли в наступление. Скифы тоже стали искать поддержки и обратились к царю роксоланов Тазию, который прислал им войско. Но Диофант уже успел понять особенности тактики своих противников. И навязал им битву в гористой местности, где роксоланская тяжелая кавалерия не могла развернуться. В результате 50-тысячная скифо-сарматская армия, которой командовал Палак, сын Скилура (сменивший на престоле умершего отца), понесла тяжелое поражение.

Понтийское войско прошло в глубь Крыма, захватывая города и крепости скифов и заставив их отступить на север. Затем Диофант покорил тавров на Южном Берегу и двинулся к Пантикапею — потребовав, чтобы за «освобождение от варваров» Боспор признал себя вассалом Понта. Перисаду V ничего не оставалось делать кроме как принять «покровительство». Диофант остался в Пантикапее в роли посла и главного советника Перисада (а фактически наместника). Но это вызвало недовольство большинства населения. И стало каплей, переполнившей чашу. Накопившиеся социальные и национальные противоречия выплеснулись наружу, и в 107 г. до н.э. в Боспоре вспыхнуло восстание. В рядах мятежников объединились негреческое «второсортное» население, городская чернь, рабы. А скифы сразу же после ухода понтийской армии вернулись во внутренние области Крыма, изгнали и перебили оставленные врагом гарнизоны и активно поддержали восставших. Перисад был убит, Диофант едва сумел спастись от гибели и бежал в Понт. А царем повстанцы провозгласили Савмака — о происхождении и роли которого в мятеже нам почти ничего не известно.

Переворот сопровождался погромами знати и греческих граждан. Многие из них бежали в Херсонес. И теперь этот полис оказался под угрозой соединенных сил боспорцев и Скифии. Правительство Херсонеса вместе с эмигрантами вновь возвало к Митридату, умоляя о заступничестве. Что ж, царь Понта не отказал. Войско Диофанта вторично высадилось в Крыму, штурмом взяло Пантикапей и в жестоких уличных боях пода-

вило восстание. Захваченных мятежников казнили. Савмак попал в плен и был отправлен к Митридату, где его тоже предали смерти. Непокорившиеся скифы опять отступили на север, в степи Таврии. Но теперь, после второго избавления от опасности, уже и Боспору, и Херсонесу пришлось признать власть понтийского царя. Он стал хозяином всего Крыма.

И начал прибирать к рукам соседние области. Роксоланы и скифы оказали ожесточенное сопротивление. Битва произошла на льду Керченского пролива — который в то время замерзал зимой. Сражения шли и в Приазовье, в Северной Таврии. И проникнуть в глубь материка понтийцам не позволили. Но берега Черного и Азовского морей Митридат подчинил почти полностью. Его полководцы Диофант и Неоптолем постепенно, шаг за шагом, завоевали Тамань, Кубань, Колхиду, доходили до Днестра. Некоторые греческие города и прибрежные племена были покорены силой, другие предпочли признать власть Митридата или вступить в союз с ним. Таким образом южные районы современной России вошли в состав складывающейся Понтийской империи.

Но князья скифов, вынужденных покинуть Крым и уйти на Дон к роксоланам, не подчинились и не смирились. Кстати, как показывают события, они прекрасно разбирались в международной политике своего времени. И посольство скифов поехало в Рим — с жалобой на Митридата и просьбой о помощи против него. Интересно отметить, что западная цивилизация уже и тогда обращала внимание на вопросы «прав человека». Конечно, в тех случаях, когда считала это выгодным для себя и когда эти права нарушали не сами римляне, а их соперники. Усиление Понта римский сенат воспринял болезненно, поэтому «озаботился» ущемлением прав скифов и потребовал от Митридата очистить их владения. К войне с Римом царь был еще не готов. И на словах выразил готовность уступить. Но на деле спустил выполнение требований на тормозах.

Тем не менее Евпатор понимал, что рано или поздно столкновение с римлянами неизбежно. Усиленно готовился к нему. И наконец, счел, что настал подходящий момент. В Италии разразилась Союзническая война с восставшими против Рима италийскими племенами. А потом началась и гражданская между

оптиматами (аристократами) во главе с Суллой и популярями (демократами) во главе с Марием. В таких условиях Митридат был уверен в успехе. Он заключил союз против Рима с царем Армении Тиграном II, с фракийскими царями, с какими-то сарматскими племенами, придунайскими бастарнами, с некоторыми народами самой Италии, участвовавшими в Союзнической войне, даже с далекими прибалтийскими кимврами, за 12 лет до того совершившими поход на Рим.

Царь Понта сумел договориться и с провинциями и княжествами Малой Азии, находившимися в зависимости от Рима. И нашел здесь единодушную поддержку. Римские наместники и чиновники уже успели заслужить тут всеобщую ненависть своим высокомерием и диктатом. А еще большую тем, что под властью римлян сразу внедрялись их «клиенты», ростовщики и откупщики, которым «хозяева мира» доверяли хозяйственные, финансовые операции, сбор налогов — и которые хищнически разоряли местное население. В 89 г. до н.э. Митридат подал сигнал, и по всей Малой Азии началось истребление римлян. Уничтожению подлежали не только лица италийского происхождения, но и их рабы, приближенные, дети, жены, наложницы — даже если являлись здешними уроженками. Акция была тщательно подготовлена и организована. В крупных городах семьи, имеющие хоть какое-то отношение к Риму, сгонялись в одно место и планомерно умерщвлялись, сначала казнили детей, потом женщин, и в последнюю очередь мужчин. В несколько дней было перебито более 80 тыс. человек. А малоазиатское население, с огромным энтузиазмом участвовавшее в резне, перешло под власть Митридата.

После чего он двинул войска на Балканы, и на его сторону сразу перешла почти вся Греция. А его союзник, царь Армении Тигран, отхватил у распадающегося государства Селевкидов северную часть Месопотамии, Сирию, Финикию. Но в римской междоусобице в это время одержал верх Сулла. И вместо того, чтобы закрепить успех, предпочел выступить против внешнего врага. Появившись на Балканах, он в нескольких битвах усмирил греческие города и разгромил главные силы Митридата. Правда, в его отсутствии в Риме снова победили революционеры-популяры, там принялись зверски резать оптиматов. Кто су-

мел спастись, бежали к Сулле. Но он, принимая их в своем лагере, решил пока не отвлекаться на междоусобицы. И продолжил боевые действия против Понта.

В Риме спохватились, завидуя его успехам. И послали на Митридата вторую армию, революционную, под командованием Фимбрии. Она высадилась в Малой Азии и, пользуясь тем, что большая часть понтийских войск ушла на Балканы, тоже стала одерживать победы. А Сулла между тем дошел до Босфора и начал переправу в Азию. Очутившись меж двух огней, Митридат запросил мира. Предложил Сулле помощь против внутренних противников. Тот отказался (чем заслужил чрезвычайную популярность в Риме) и потребовал капитуляции. А солдаты Фимбрии и без того завидовали добыче и славе легионов Суллы и без боя перешли на его сторону, перебив своих начальников. И все же окончательно добить Понт обстановка не позволяла. Сулла удовлетворился тем, что заставил Митридата выдать весь флот, признать зависимость от Рима, уступить ряд городов и уплатить контрибуцию — после чего смог вернуться в Италию, завершить подавление италийских племен и учинить резню популяров.

Но теперь-то оставлять в покое грозного восточного соседа римляне не собирались. И наместник Азии Луций Мурена в 83 г. до н.э. начал против Понта вторую войну, придравшись к нарушению каких-то мелких формальностей. Добавились и внутренние неурядицы в Понтийской империи. Для ведения войн Митридат значительно увеличил налоги, они стали разорительными для его подданных. Восстали Колхида и Боспор. И царю пришлось сражаться на два фронта. Но ему, хоть и с большим трудом, удалось одолеть врагов. Армия Мурены была разбита и изгнана, а к 80 г. до н.э. Митридат сумел усмирить и свои взбунтовавшиеся провинции.

Римляне тоже помаленьку преодолели собственные междоусобицы. И вернулись к политике экспансии на восток. Сперва ее объектом стали союзные Митридату фракийские государства. В 77 г. до н.э. по ним был нанесен двойной удар, из Далмации и Македонии. Однако дело оказалось не таким простым, как казалось. Обе римские армии завязли в затяжной войне, которая велась с крайним ожесточением. То римляне одерживали побе-

ду и, обозленные потерями, истребляли пленных, то фракийцы наносили контрудары, захватывая подвластные Риму города — и тоже уничтожали жителей.

Митридат не мог не понимать, что после Фракии и до него дойдет очередь. Он укреплял связи с Арменией. Заключил союз с римскими эмигрантами Сертория, бежавшими от Суллы в Испанию и образовавшими там сильное государство из иберийских народов. И Серторий прислал в Понт инструкторов-полководцев Марка Мария и Луция Фания. Кроме того, царь обручил своих дочерей Митриатиду и Ниссу с двумя царями династии Птолемеев, египетским и кипрским. Сформировал полки из наемников-бастарнов. А за неимением флота привлек к сотрудничеству могущественные сообщества киликийских пиратов — у них насчитывалось более тысячи кораблей.

И третья война с Римом началась в 74 г. до н.э. снова по инициативе Митридата — он спешил, пока противник не освободил войска из Фракии. На первом этапе Евпатору сопутствовал успех, он одерживал победы. Но во Фракию были назначены более энергичные полководцы. Гай Скрибоний Курион покорил дарданов, обитавших на территории нынешней Сербии, и вышел к Дунаю. А Марк Лукулл разгромил царство бессов и взял штурмом их столицу Ускудаму (Адрианополь). Другое фракийское государство, одрисов, предпочло после этого покориться само. Подчинились Риму и греческие причерноморские города Истрия, Томы, Каллатис, Одесс, Месембрия.

Лукулл со своими легионами переправился из Фракии в Малую Азию против Митридата и в 71 г. до н.э. нанес ему сокрушительное поражение. Царь бежал на Кавказ. А свой обширный гарем, находившийся в г. Фарнакее и оказавшийся под угрозой захвата, приказал уничтожить. Многочисленным супругам и наложницам он в знак милости предоставил самим выбрать вид смерти — быть зарезанными, удушенными или отравленными. Единственной подругой, сопровождавшей царя, осталась Гипсикратия — вероятно, сарматка. Она в совершенстве владела всеми видами оружия и неотступно находилась при Митридате, одновременно выполняя обязанности наложницы и телохранительницы.

Остатки понтийской армии, соединившись с бронированной армянской конницей, сумели сдержать дальнейшее продвижение римлян. Но Лукулл пустил в ход дипломатию. И заключили союз с владыкой Парфии Фраатом, у которого при дворе очень кстати оказался наследник армянского престола Тигран-младший, посорившийся с отцом и претендовавший на царство. И силы Армении оказались нейтрализованы, на нее с востока обрушились парфяне.

В это же время другой римский полководец, Помпей Великий, покончил с Серторием и повел борьбу с еще одними союзниками Митридата — киликийскими пиратами. Кампанию он разыграл хитро, разослав сперва несколько эскадр своих подчиненных. Пираты совсем обнаглели, плавали в роскоши, с семьями, устраивали на берегах множество баз. Их застали врасплох и сразу ошеломили крутым террором. Всех захваченных без разбора, с женами и детьми, римляне сажали на кол. Так было истреблено 20 тыс. человек. Ну а потом явился сам Помпей с главными силами. И тех, кто обратился к нему с мольбой о пощаде, миловал. В результате все оставшиеся пираты тут же начали сдаваться ему.

В 65 г. Помпей сменил Лукулла на посту главнокомандующего. Свой огромный флот он ввел в Черное море и развернул новое наступление на Митридата. Нанес несколько поражений, а в битве у реки Лик разгромил окончательно. Царь сумел бежать всего с тремя приближенными. Но когда они достигли пограничного Евфрата, Тигран II отказался принять их на своей территории. Его уже разбили парфяне, и он стремился заключить мир с римлянами.

При этом «величие» Помпея оказалось весьма своеобразным. Делиться плодами победы с парфянами он не пожелал и союз с ними объявил частной инициативой Лукулла. Признал законным армянским царем ослабленного и покорившегося Тиграна II. А Тиграна-младшего, который со своим отрядом дружески встретил римлян на Араксе, заковал в цепи и объявил пленным. Предложение парфянского царя Фраата о разделе Армении по Евфрату Помпей отверг. И пошел «преследовать Митридата» — то бишь завоевывать Закавказье.

На Куру он разбил албанов во главе с их царем Ороизом, затем двинулся против грузинского царя Артока, разбив и его тоже. И встретился со своим флотом, вошедшим в устье Риони. Однако албаны тем временем призвали на помощь народы Северного Кавказа, сарматские дружины, и снова выступили против римлян. Помпею пришлось поворачивать обратно и вести очень тяжелую войну. С трудом переправившись через Куру, берега которой противники перегородили частоколом, римляне встретились с их войском на р. Абант (предположительно Алазани). Битва была упорнейшей, против Помпея действовала и сарматская конница, и какие-то «амазонки» — по-видимому, сарматки. По римским источникам, Помпей победил — хотя добиться этого смог только с помощью какой-то хитрости.

Но в таком исходе сражения можно усомниться. И уж во всяком случае, если римляне выиграли, то и сами крепко получили. Об этом говорят красноречивые факты. Помпей сперва планировал дойти до Каспийского моря, но после схватки повернул обратно. И идти за Митридатом в северные страны, с народами которых ему пришлось столкнуться, тоже не рискнул. На север он отрядил только флот под командованием Сервилия, поручив ему оперировать в Черном море. А сам ушел в противоположном направлении, на юг. Чтобы прибрать к рукам Сирию, Киликию и другие области, оставшиеся после разгрома Армении «бесхозными». Попутно подмял и еврейское царство Маккавеев, ликвидировав эту династию.

Отвлечение Помпея подарило Митридату отсрочку. Он сумел беспрепятственно эвакуировать свою сокровищницу, хранившуюся в крепости Синопа. И через Колхиду ушел на север. Перезимовал в Диоскуриаде, а в 64 г. до н.э. вдруг объявился в Пантикапее. Правителем Боспора был его сын Махар, уже начавший считать себя самостоятельным и наводить контакты с Римом. Митридат принудил его к самоубийству и взял на себя власть в остатках империи. Несмотря на 68-летний возраст, не забыл обзавестись новым гаремом. И тоже попробовал вступить в переговоры с римлянами, обещая признать себя их вассалом, если ему вернут прежние владения.

Но Рим отказал и потребовал безоговорочной капитуляции. Флот Сервилия перекрыл подступы к Боспору. Было объ-

явлено, что любое судно, пытающееся прорваться через блокаду, будет признано пиратским с немедленной казнью всех находящихся на борту. Тогда Митридат задумал новую войну. На вывезенные в Пантикапей богатства он быстро сформировал армию в 36 тыс. бойцов. План у него был грандиозный — привлечь скифов, сарматские, придунайские народы и через Фракию и Паннонию двинуться прямо на Рим. Однако боспорцам воинские наборы и поборы уже надоели, а очередная война ничуть не улыбалась. Из-за блокады терпели убытки купцы, знать, портовые рабочие, рыбаки, матросы. Началось брожение и разговоры.

Первым поднял восстание Кастор, комендант Фанагории (Тамани), и выдал римлянам находившихся в городе сыновей Митридата. К Фанагории тут же примкнули Херсонес и Феодосия. Разъяренный Митридат дал полную волю своей жестокости. Он уже всюду видел измену и отправлял приближенных на смерть по малейшему подозрению. Был казнен еще один царевич — Ксифар. Стены города и дворца оказались сплошь уставлены крестами с распятыми на них телами царедворцев, военачальников, видных граждан и их близких. Трупы жертв попроще сбрасывали в море. Но расправы произвели обратный эффект, напугав подданных и окончательно оттолкнув их от царя.

Под подозрение в заговоре попал и наследник престола Фарнак. И, в отличие от братьев, безропотно на убой не пошел. Когда явились стражники арестовать его, сагитировал их бежать. Перешел на сторону повстанцев и возглавил мятеж. Дальше все решилось быстро. Под знамена Фарнака переметнулись войска и флот. Жители Пантикапея открыли мятежникам ворота и согласились выдать царя. Он оказался окруженным в своем дворце. Убедившись, что положение безвыходное, Митридат снова хотел уничтожить гарем. Но теперь и жены с наложницами «изменили» и бежали. А верной телохранительнице Гипсикратии и дочерям Евпатора, в том числе невестам египетского и кипрского царей, пришлось принять яд. На самого царя отравы не подействовала — говорили, что он из-за своей подозрительности специально приучил организм к ядам. Тогда

он приказал убить себя наемнику-кельту. И ушел из жизни после 57-летнего царствования.

Тела отца и его близких Фарнак выдал римлянам, рассчитывая на взаимную благосклонность. Но особого великодушия «владыки мира» не проявили. Боспор попал в зависимость от Рима. А полный суверенитет победители согласились признать только за Фанагорией, первой поднявшей восстание. Кстати, сколько всего было детей у Митридата, ни по каким хроникам подсчитать невозможно (поскольку и количество жен учту не поддается). Часть уцелевших жен и наложниц Помпей рассылал потом их родственникам. А в Риме устроил триумф, где в числе пленных провели еще одну сестру-жену Митридата, целую вереницу его «скифских» жен и пятерых детей. Понтийская империя прекратила существование.

СЛАВЯНЕ

В прошлых главах в центре нашего внимания находилось Причерноморье. Но не только из-за важности этого региона. А еще и из-за того, что он был связан со Средиземноморьем, и о нем сохранилось больше всего информации в иностранных источниках. Вроде пятна света под фонарем на темной улице. Но связывать все ключевые исторические процессы только с Причерноморьем — значило бы уподобляться пьяному, искавшему под фонарем потерянные ключи, потому что в других местах темно. Значительная доля праславян и часть скифов, как ранее отмечалось, во II в. до н.э. отступили на запад. Туда, где жили кельты, прагерманцы, вены. Конечно, без столкновений эти миграции обойтись не могли — ведь места в Центральной и Западной Европе были заняты. Чтобы осесть где-то, требовалось завоевать это право. Но какие конкретные события происходили во внутренних районах Европы, нам неизвестно.

Возможно, с этими переселениями связана легенда «Велесовой книги» о трех сыновьях отца-Ария — Кие, Щеке и Хориве. Которые стали, соответственно, вождями русов, чехов и хорват: «Когда Щек ушел на закат солнца с войнами своими,

и хорваты забрали своих воинов, иная часть искала, где места поселения русского» (II 7з). Существует и чешская легенда о братьях Чехе (Щеке) и Лехе, осваивавших земли будущих Чехии и Польши. А русы, согласно «Велесовой книге», двинулись к Балтике: «И так было в иное время, когда русы шли с вендами, и те хотели унести богов своих к морю. И там угнездились, города и помолья многие строили и были богаты. И те помолья украшены были золотом и серебром, и многие древних богов почитали, уходя от искушений. И это ведомо было иным, также это видевшим, задевавшим нас и перечившим, и там не имели наши родичи покоя» (I 8а).

Об интенсивном характере миграций говорит и Тацит в своей «Германии»: «Венеты много заимствовали из нравов последних (*сарматов*), так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между певкинами и феннами (*кельтами, жившими в устье Дуная, и финнами*). Однако их следует причислить скорее к германцам ввиду того, что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить, и даже быстро — все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне». Что касается причисления к «германцам», то оно, конечно, условно. Дело в том, что римляне долгое время вообще не различали друг от друга северные народы. Все жители Восточной Европы были для них «скифами», а Западной — «галлами» (*кельтами*).. Лишь Гай Юлий Цезарь в середине I в. до н.э. обратил внимание на разницу племен, и возникла еще одна градация, на «галлов» — южнее Рейна, и «германцев», севернее Рейна.

Впрочем, когда мы говорим о праславянах, это термин тоже расплывчатый и условный. Потому что окончательного разделения праславянско-прагерманской общности еще не произошло. Те и другие племена жили сходным бытом. И языки были гораздо ближе, чем сейчас, разница накопилась позже, на различных исторических путях, в контактах с различными соседями. Этому можно привести несколько примеров. В этнониме ализонов, окончание «зон» в германских языках (точнее, древнеарийских) означает «сын». У потомков ализонов, уличей, окончание заменилось на славянское «-чи», имеющее то же самое значение принадлежности к роду (ср. «Мономашичи», «Ольговичи»).

Другой пример: Гиппократ передает скифское название сливочного масла: «бутир» — сравните с немецким «буттер». Ряд древних индоарийских слов употребляет и «Велесова книга», написанная жрецом русов. Понятие «земля, страна» она обозначает как «лань» (ср. с германским «ланд»), а «князь, царь» — «рех» или «рец» (германское «рекс», индийское «раджа»).

Поэтому народам не так уж трудно было сменить «принадлежность». Так, часть борусичей, оставшаяся в Поднепровье, вошла в этнос полян. Другая, ушедшая далеко на запад, стала германским племенем борусков. Третья обосновалась в Прибалтике и стала славянами-пруссам. Одни переселения становились толчками для других. Именно праславяне подтолкнули уйти с прежних мест проживания часть кимвров с тевтонами, которые двинулись на юг и в 102 г. до н.э. вторглись в Италию. Праславяне вытеснили и балтов-галиндов. Они направились на восток и осели в средней полосе нынешней России. А область расселения венедов значительно расширилась по берегам Балтики до Рижского залива и Эстонии.

Но крупные миграции этим отнюдь не ограничились. Вслед за племенами Скифии были вытеснены на запад и ее победители, савроматы. В Центральную Европу стали проникать языги. А в эпицентре переселений, в «этническом котле» Средней и Центральной Азии продолжались бурные процессы. В конце II в. до н. э. началась агрессия на запад китайской империи Хань, подчинившей себе земли вплоть до Ферганской долины. А на территории нынешнего Казахстана от оз. Балхаш до Аральского моря возникло могучее царство кангаров (печенегов). Они, кстати, были не тюркским, а европеоидным народом, близким скифам и сарматам. Их царство вело войны с китайцами и другими близлежащими странами. Китайские источники сообщают, что оно подчинило пять соседних народов. Упоминают они и два других царства, «Яньцай», лежащее на восточном берегу Каспия и «Янь» где-то севернее, в низовьях Урала. Очевидно, это были сарматские государства. Но «Истории Старшей династии Хань» называет их самостоятельными, а «История Младшей династии Хань» — уже вассалами печенегов.

Добавились и изменения климата. Пересох Узбой — рукав Амударьи, прежде впадавшей в Каспийское море. Она понес-

да воды в Аральское, а местность у Каспия стала превращаться в пустыню. В результате всего этого на запад устремлялись новые волны переселенцев. Аорсы, сираки, исседоны, иксаматы. Эти племена не сумели продвинуться за Дон, были остановлены роксоланами и осели в Сальских степях, на Кубани, в нынешнем Ставрополье и Калмыкии. Другие прорывались гораздо дальше. Так, севернее Дуная обнаруживается племя племя каспиан — родственное каспиям, давшим название Каспийскому морю.

Однако возник и второй эпицентр нестабильности, инициировавший миграции — с юга развернулась экспансия Римской империи. По предвзятым стереотипам, внедрившимся в историческую науку, с какой-то стати и римлян принято изображать «культуртрегерами», несшими высокую цивилизацию «варварам». И учебники истории бездумно попугайничают, повторяя высокопарные оценки, которые давали сами римляне «подвигам» Цезаря и его коллег. Хотя на самом-то деле латиняне причисляли к «варварам» кельтов и прочие сопредельные народы примерно по тем же признакам, что греки скифов. Из-за того, что галлы носят штаны, длинные прически и живут по обычаям, отличным от римлян.

Когда Цезарь двинул легионы на Галлию, ее цивилизация ничуть не уступала Средиземноморской, а по многим параметрам превосходила ее. Здесь существовало более 800 городов и среди них весьма крупные административные, ремесленные и торговые центры. Античные авторы взалхлеб описывают роскошь королевских дворцов и богатство святилищ. В стране была всеобщая грамотность населения. Вся Галлия была покрыта сетью неплохих дорог и мостов, было развитое судоходство по Роне, Гаронне, Луаре, Сене, поддерживались регулярные связи с Британией, Прибалтикой. В морских и речных портах собирались пошлины. Причем самым сильным и культурным народом Цезарь признавал бретанских венетов. У них имелся флот из 220 кораблей со сложным парусным снаряжением, которые по размерам и мореходным качествам значительно превосходили римские гребные суда. И одолеть их в морском бою удалось только с помощью специального приспособления — ме-

чей, прикрепленных к длинным палкам, ими римляне перерубали у неприятеля парусные канаты.

В целом же покорить Галлию Цезарь сумел благодаря двум обстоятельствам. Первое — разобщенность местных королевств, из-за чего, воюя с одними, всегда можно было опереться на других. Второе — римляне не ограничивались сражениями, а стали разорять поля галлов. В войнах между самими кельтами такой прием считался запрещенным, за это можно было попасть под проклятие друидов, поскольку от голода страдало мирное население. Но римская армия, 10 лет бродившая по Галлии, меняя союзников, в выборе средств не стеснялась. А если год за годом лишать народ продовольствия, трудно ли принудить его к капитуляции?

Что ж, «культурный» Цезарь был и «созидателем», написал «Записки о Галльской войне», великолепные по литературному изложению и лживые по сути. И ими восхищались читатели последующих поколений. Забывая, что эти «Записки» стоили сотен уничтоженных городов, сотен тысяч жертв, а колоссальное количество изделий древней культуры и искусства превратилось просто в золото, которое требовалось Цезарю для борьбы за власть. Впрочем, если он оставил потомкам одну интересную книжку, то можно вспомнить и о том, что он же походя, между делом, поджег Александрию — уничтожив и величайшую в мире библиотеку. И лишив потомков многих тысяч уникальных книг.

Сама же Римская республика выглядела в данную эпоху не слишком презентабельно. Поскольку ее «республиканский» строй превратился не пойми во что. На выборы кандидаты приходили с толпами вооруженных клиентов и наемников-гладиаторов, и победа решалась не голосованием, а в кровавых потасовках. Тот, кто выигрывал и дорывался до власти, вознаграждал свои банды, позволяя им терроризировать и грабить сограждан, резать политических противников. А сенат на все это закрывал глаза.

Некоторый порядок навел Сулла, установив жесткую диктатуру. Но едва отошел от дел, все вернулось в прежнее русло. И чтобы предотвратить скатывание в хаос, возник правящий триумвират из Помпея, Цезаря и Марка Красса. Однако про-

существовал он недолго. Красс был богатейшим человеком в Риме, ему принадлежало большинство жилых домов в кварталах бедноты, борделей, харчевен. Но ему не хватало славы своих соправителей. У Цезаря была Галлия, у Помпея Кавказ и Сирия, а Крассу достались только лавры «победителя рабов», Спартака. И он затеял поход на Парфию. Это государство, помогшее римлянам сокрушить Митридата и Армению, несмотря на обман и вероломство Помпея вело себя лояльно. Никаких поводов к войне на подавало. Ну так что ж, раз человеку очень хочется, почему бы и нет? Сенат санкционировал войну. Да только Парфия оказалась противником куда более сильным, чем галльские королевства. Ее железная конница раздавила и истребила легионы Красса, и натиск римлян на восток был остановлен.

А другой мощный противник возник в это время на Балканах. Здешние фракийские царства долгое время играли стабилизирующую роль, препятствуя усилению соседей. Но стоило римлянам разгромить их, как на территории нынешней Румынии стало набирать вес государство даков. Возникло оно из союза фракийцев-гетов и сарматских племен, вытесненных сюда из Причерноморья. Сами даки были частью приаральских скифов-дахов — это отмечали персы, Страбон, Дионисий Периегет. А Плиний сообщал, что их изгнали на Дунай языги. Как уже отмечалось, в здешних краях оказались и другие восточные племена, вроде каспиан. Очевидно, как раз дахи и каспиане были союзниками савроматов при завоевании Скифии, а потом пришлось и самим уходить прочь. О смешанном населении Дакии говорило и название ее столицы — Сармизегетуза, «город сарматов и гетов». А римляне писали о сложных внутренних отношениях в этой стране и розни между группами племен.

Основателем государства даков стал Биребиста. В народе в это время стала популярной группа жрецов, проповедовавшая некое новое учение. На них и опирался Биребиста, начав с религиозной реформы. Что именно она представляла, мы не знаем, но по обновленной религии фракийцы даже перестали пить вино и вырубали виноградники. На основе измененного культа Биребиста в 60 г. до н.э. объединил здешние народы, создал царство, способное выставить 200-тысячную армию, и обрушился на соседей. Разгромил и покорил придунайских кельтов, под-

чинил Фракию, север Греции, Македонию, Иллирию, доходил до Альп и Северной Италии, практически уничтожив галльские племена бойев и таврисков. Угонялось множество пленных для работы на фракийских рудниках. Не исключено, что совершал он походы и на север, хотя достоверных сведений об этом не сохранилось.

Римляне же оказались не в силах противостоять дакам — у них началась новая полоса гражданских войн, между Цезарем и Помпеем. Раздраем в Риме попытался воспользоваться и сын Митридата Фарнак — царь Боспора. Он заключил союз с крымскими скифами, роксоланами. А когда Помпей потерпел поражение, прикинулся сторонником Цезаря. Оставил наместником в Пантикапее одного из своих вельмож, Асандра, а сам возглавил войско и начал захватывать бывшие владения отца. Овладел Фанагорией, Колхидой. Вторгся в Малую Азию, присоединил Киликию. Но Цезарь «услуг» незваного союзника не оценил и приказал Фарнаку вернуть приобретения.

Тот не подчинился, и против него был направлен Гней Домиций Кальвин с пятью легионами. Но боспорско-скифское войско в битве под Никополем разгромило римскую армию. Фарнак овладел всеми землями Понта, а вдобавок захватил Вифинию и Каппадокию. И опять предложил Цезарю мир, однако в ответ последовал новый приказ вернуть захваченное. Фарнак на словах соглашался, а на деле тянул время — в Риме продолжались междоусобицы. Вдобавок Цезарь ввязался в войну в Египте за права Клеопатры, очутился в трудном положении, и была надежда, что он оттуда не выберется. Но на выручку ему пришел еще один сын Митридата Евпатора — Митридат Пергамский со своими отрядами. Подоспели и римские войска. Цезарь в Египте сумел одержать верх. И сам двинулся на Фарнака. В 47 г. до н.э. в битве при Зеле боспорский царь был разгромлен. Именно по этому поводу Цезарь послал свое знаменитое донесение — «Пришел, увидел, победил».

На престол Понтийского царства он посадил Митридата Пергамского. Фарнак бежал в Пантикапей. Но оставленный им наместник Асандр уже распробовал вкус власти и возвращать трон царю не собирался. И тоже сделал вид, что всего лишь хочет помочь Цезарю разделаться с его врагом. Сперва Фарнак су-

мел было завладеть своей столицей. Но у Асандра нашлось много сторонников. И в разыгравшейся гражданской войне Фарнак погиб. Когда же ставленник Цезаря Митридат Пергамский предъявил на Боспор свои права, то и его Асандр не признал.

А поддержать его могущественный покровитель уже не смог, он был занят другими проблемами. Стало известно, что даки готовят очередное крупное вторжение. И Цезарь перебросил значительные силы против них. Но эта война не состоялась — реформы царя Биребисты оказались, видать, слишком уж крутыми для его подданных, и в 45 г. до н.э. он был убит в результате восстания. Сам же Гай Юлий Цезарь, вынашивал грандиозный проект похода на Парфию. И не только на Парфию, он решил покорить и территории нынешней России. Разгромив парфян, он планировал идти на север вдоль Каспийского моря, обогнуть Кавказ и ударить на «Скифию». Потом двигаться на запад, на страны, «соседние с Германией». И вернуться домой через Галлию — как пишет Плутарх, «сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном». Но при подготовке похода Цезарь пал от руки заговорщиков, и Рим расколола новая череда гражданских войн.

В Причерноморье тоже закипела война. Властитель Малой Азии Митридат Пергамский попытался подчинить Боспор собственными силами. Однако скифы, роксоланы и племена Приазовья понтийцев хорошо запомнили, больше пускать их в свои края не желали и поддерживали Асандра. Митридат потерпел поражение. Асандр провозгласил себя царем, а чтобы придать власти легитимность, женился на дочери Фарнака Динамис. Но и его попытка воссоздать прежнее Боспорское царство не удалась. Соседи не для того помогли Асандру, чтобы посадить его себе на шею. Едва он вздумал вернуть под свою власть Приазовье, вчерашние союзники стали врагами. Боспор завяз в безрезультатной борьбе.

Все эти события так или иначе откликнулись во внутренних областях Европы. Сюда отступали от римской экспансии галлы, иллирийцы, прагерманцы. Сюда устремлялись с севера Балкан фракийцы, придунайские кельты, праславяне, спасаясь от набегов и порабощения даками. И Карпатский регион между верховьями Вислы и Тисой — Словакия, юг Польши, север

Венгрии, запад Украины — стал еще одним «этническим котлом», где «варились», сталкиваясь между собой, воюя или образуя коалиции, множество самых различных племен и осколков племен. Этот регион и стал главным центром славянского этногенеза.

Главным, но не единственным. Ведь процессы образования новых народов весьма сложны и неоднозначны. И важную роль в данном случае сыграло еще одно переселение с востока, случившееся в I в. до н.э. Когда некие сарматские племена прорвались далеко на запад и стали там... «богами». Речь идет о германских богах-асах. Снорри Стурлссон, записавший в XIII в. саги о них, зафиксировал в «Круге земном» и другие предания. Что Один и его сподвижники были вполне реальными людьми, правнук Одина жил, когда правил «Август Кесарь» и «родился Христос». «Сага об Инглингах» и еще ряд скандинавских сочинений сообщают, что пришли асы из «Великая Свитьод» (Suidiod), лежащей восточнее реки Танаквисль, а столицей этой страны был Асгард.

Эти легенды подробно исследовал В. Щербаков [233, 234]. И разбор их я приводил в своей работе «Русь — дорога из глубин тысячелетий». Как вполне справедливо доказал Щербаков, Асгард — это Ниса, одна из столиц Парфии вблизи нынешнего Ашхабада. По сути даже название не изменилось: Ашхабад (Асхабад) — в тюркской транскрипции соответствует Асгарду в германской, «бад» и «гард» — «город». Страна Suidiod — это Согдиана. Настоящее звучание слова «Согдиана» было уточнено американским ученым Б.Лауфером — sqwied-di [59]. А французские исследователи Халун, Херман и Груссе установили прочтение — Squdia.[35]

«Танаквисль» может быть любой рекой. «Дан» в староиранских языках скифов и сарматов означало просто «река». Отсюда и Дон, Днепр (Данапр), Днестр, Дунай (Данувий). И установить в точности, кто такие были асы, тоже невозможно. Потому что это слово являлось самоназванием всех сарматских народов, оно употреблялось в качестве этнонима многими племенами Средней Азии. Согды, разгромившие Бактрию и основавшие на ее месте Согдиану, входили в союз «асиев». Корень «ас» легко увидеть в этнонимах языгов, каспиев, хорасмиев. Самоназвани-

ем аланов было «асы» (в русских летописях — «ясы»). Служилое сословие парфян называлось «азады» — «свободные».

Как бы то ни было, но какие-то уроженцы Турана вынуждены были уйти с мест проживания и добрались до далеких западных краев. Саги рассказывают о войнах асов с «ванами» — венедами-праславянами. А зацепиться и найти пристанище пришельцы смогли лишь в «глухом углу» тогдашней Европы — среди самых слабых и «темных» племен, оттесненных более сильными соседями в болотистые низины у Северного моря, Ютландию, Скандинавию. Для таких народов переселенцы стали желанными друзьями-союзниками. Внесли в их среду организующее начало. Выходцы из Азии имели весьма совершенное вооружение, передавали автохтонным жителям свою военную науку.

Помогли успешно бороться с врагами и явились центрами консолидации новых общностей. Согласно «Саге об Инглингах», Один и его дети стали править в Саксонии, Вестфалии, будущей стране франков, Ютландии, Норвегии, Швеции. Асы принесли новым подданным и союзникам высокую культуру Согдианы и Турана. Саги говорят о том, что именно Один обучил людей искусствам и ремеслам, ввел законодательство, скальдам принес «мед поэзии». Он же дал людям письменность, добыв священные руны. Что тоже вполне вероятно. Уже отмечалось сходство между рунами и индийским письмом «брахми». А в Средней Азии разновидностью «брахми» пользовались тохары (кстати, входившие в племенной союз асиев). Руны, похожие на германские, найдены и в Хакасии.

Неудивительно, что асов после смерти причислили к богам. И... как раз это привело к расколу праславянско-прагерманской общности! Потому что прежде верования этих народов были сходными. Верховным богом германцев являлся Тор — он же кельтский Таранис, славянский Перун, балтский Перкунас. Теперь на первое место вышел «старший брат» Тора — Один (Вотан) с соратниками-асами. Произошли и какие-то изменения в обрядах. И те, народы, которые приняли новую религию, как раз и стали германскими. А не принявшие ее большей частью отошли к славянским.

Сам этноним «славяне» впервые зафиксирован тоже во времена, когда правил «Август Кесарь» и «родился Христос»,

на рубеже I в. до н. э. — I в. н.э. Где-то в верховьях Вислы, между Карпатами и Балтикой начинают упоминаться «суобены», «суовены», «ставани». Откуда взялось это название, существуют разные версии. Финский исследователь Миккола сопоставлял его с греко-дорийским «лаос» — «народ», и с кельтским «слагос» — «община». Б.А. Рыбаков производил от «вене» — веныды. Дж.Махер, В.М. Гобарев и др. полагали, что название произошло от «сло вене» — «ясно говорящие». То бишь в условиях миграций и этнических контактов группировались и вступали в союзы племена, говорившие на понятных друг другу языках.

«Велесова книга» указывает на другой принцип объединения, не языковой, а религиозный. «И мы, славу поющие богам, так и называемся славянами, мы никогда не просили ничего, лишь славу пели» (I 4а). «Ибо мы происходим от Дажьбога и стали славны, слава богов наших, и никогда не просили и не молили их о благе своем» (I 5а). Что ж, этот принцип и впрямь характерен для древней ведической религии, где поклонение богам осуществлялось в формах «прославления» гимнами, играми, плясками и ритуалами в их честь. Один из видов подобной религии сохранился у современных кришнаитов. И, конечно, принцип «славления» сильно отличается от примитивного идолопоклонства, где отношения с богами строятся по схеме «ты — мне, я — тебе».

Можно выдвинуть еще одну версию — покровительницей славян считалась Мать Сва или Мать Слава. В древнеарийских языках «Сва» означает «самосуший» — отсюда и Сварог, и Сварга — Небо, обиталище богов. То есть, имя богини переводилось как Сама Мать, Сушая Мать. Не исключено, что славяне производили свой этноним от нее.

Но... следует помнить одну важную вещь. Что все эти объяснения придумывались «постфактум». Изначально «славяне» было лишь обозначением одного племени или племенного союза. А полагать, будто некогда существовал единый народ, именовавший себя «славянами» и охватывавший все славянские племена — глубочайшая ошибка и нонсенс. Кстати, в древности не существовало и единого кельтского или германского народов. Кельтами называли группу близких друг другу племен, греки — из-за характерного оружия, топоров-кельтов. Обобщение «гер-

манцы» ввели римляне — по этнонимам племен гермундуров и гермионов. Другие племена именовали себя отнюдь не германцами, а свевами, тенктерами, маркоманами — каждое по своему этнониму. Кстати, и в XIX в., когда впервые в истории возникло государство, близкое общегерманскому, самоназванием народа стало не «германцы», а «дойче».

Точно так же никогда не существовало «славянской общности». Это недалекая выдумка «панславистов» последующих времен. Если бы кто-то в древности спросил представителей разных славянских этносов: «Ты славянин?» — они искренне удивились бы. И ответили — нет, я варанг, карп, ант, полянин. От упомянутого племени «славян» берут начало лишь некоторые народы — словаки, словинцы, словонцы, словенцы, словене. А византийцы, контактировавшие с некоторыми из них, распространили данное название на прочие племена со сходными языками и обычаями. Поэтому и объяснение, почему славяне стали именовать себя славянами, может относиться только к какой-то их части.

Но зато обращает на себя внимание другое. Этноним «славяне» появился одновременно с рождением Бога-Слова. Иисуса Христа. Совпадение? Да, совпадение. Но бывают ли такие совпадения случайными?... А предание говорит и о том, что в I в. н.э. территорию нашей страны посетил св. апостол Андрей Первозванный и благословил ее. Нет, это еще не было Крещением Руси. Ведь и самой Руси еще не было. Но, как образно подметил историк А.В. Знатнов, в ранней Церкви существовала процедура «оглашения» тех, кто только еще начинал готовиться к крещению. И таким образом св. Андрей Первозванный «огласил» русскую землю...

«PAX ROMANA»

Политика Рима по отношению к соседним государствам искренностью никогда не страдала. Обычно их старались привлечь в число «друзей и союзников». Преподносили подарки, приглашали на службу их воинов. И народ входил в «Pax Roma-

па» — «Римский мир». Ему оказывалось покровительство. Но при этом Рим начинал выступать арбитром во взаимоотношениях «друзей», влезать в их внутренние дела. Направлял своих советников и наблюдателей. Эти страны постепенно опутывались, попадали во все большую зависимость от покровителей, «осваивались» римскими торговцами. А в какой-то момент их лишали остатков суверенитета, превращая в римские провинции. Ну а если соседи отказывались стать «друзьями и союзниками», они автоматически превращались во врагов. Крайне негативно воспринималось и усиление сопредельных государств, в таких случаях римляне не останавливались перед «превентивным» ударом.

Правда, когда самим приходилось туго, то и помощи искали у потенциальных врагов. Так, в очередной гражданской войне оба соперника, Август и Антоний, старались привлечь на свою сторону царя даков Котисона. Август дошел до того, что сватался к дакийской царевне и сам предлагал в жены Котисону свою пятилетнюю дочь Юлию. Но тот выбрал союз с Антонием. И настойчиво рекомендовал ему перенести боевые действия из Эпира в Македонию, чтобы даки могли ему помочь крупными контингентами своих войск. Как известно, Антоний, связанный любовными узами с Клеопатрой, не послушался и предпочитал держаться поближе к морю и египетскому флоту, где находилась со всеми удобствами его пассия. Из-за чего и был разгромлен.

А Август, одолев противника, намеревался идти на север и воевать с даками. Однако этого не потребовалось — в их царстве снова пошли междоусобицы. А потом по нему нанесли удар сарматы и бастарны, обитавшие в нынешней Молдавии. И Дакция распалась на пять частей. Тем не менее обстановка на Балканах оставалась напряженной. Хотя владычество Рима простиралось до Родопских гор, а дальше, до Дуная, лежали «союзные» фракийские царства, но искренними друзьями римлян стали только одрисы. Остальные фракийцы: бессы — обитавшие на Марице, трибаллы (в районе Плевны), денделеты (в районе Софии) римлян ненавидели, совершали набеги на их провинции и в ответ получали карательные экспедиции.

После победы над Дакией сюда попытались прорваться и бастарны во главе с царем Дельдоном, но на этот раз римская дипломатия заключила с даками союз, и вместе с ними полководец Марк Лициний Красс разгромил и изгнал бастарнов. А затем римские легионы учинили разборку с фракийцами. Объединяющим национальным началом у них была религия, и Рим, усмирив непокорных, в 28 г. до н.э. отобрал у бессов святилище Вакха и передал царю одрисов Реметалку, что означало и приоритет во всей Фракии. Но при этом «в награду» за верность Реметалку были пожалованы права римского чиновника. То есть его сделали юридическим подчиненным Августа.

Фракийцам такое регулирование не понравилось. И против одрисов поднялись все остальные народы. Римскую армию Пизона, пришедшую на помощь Реметалку, разбили. Положение выправил только лучший полководец Августа, его будущий наследник Тиберий. Но и ему пришлось вести долгую тяжелую войну, чтобы раздавить противников. Их государства были ликвидированы. Часть земель отдали союзнику Реметалку в состав Фракийского царства, сохранившегося в единственном числе. А часть вошла во вновь созданную провинцию Мезия — и границы Рима расширились до Дуная. Экспансия шла и в других направлениях. Были подчинены Паннония, Ретия, кельтские королевства Норик и Винделикия на территории современной Австрии. А Крымская Скифия в 26 г. до н.э. направила посольство к Августу, заключив с ним договор о дружбе.

Развернулось и наступление на Германию. Историки обычно изображают ее краем диких лесов и болот с редкими деревьями и нищими примитивными племенами. Конечно, это не соответствует действительности. Ну посудите сами, зачем римлянам понадобились бы леса с болотами и «дикари», с которых нечего взять? При Августе римские легионы вторглись за Рейн и начали покорять здешние земли. Народ маркоманов, обитавший на Майне, отступил в Богемию. И там возникло сильное и обширное царство во главе с Марободом. В состав его государства вошли не только германские, но и некоторые славянские племена — например, лугии, проживавшие в Силезии.

Римляне же в 4 г. н.э. вышли к Эльбе. Спустившись на кораблях по этой реке, Тиберий совершил плавание по Северному

морю. Достигнув основания Ютландского полуострова, римляне обнаружили своих «старых знакомых», кимбров, некогда наведывавшихся в Италию. Вступили в контакт и с другими местными народами — ругами, варинами, свардонами. Но обращает внимание тот факт, что назад Тиберий повернул без каких-либо практических результатов. Без завоеваний, изъявлений покорности, договоров о «дружбе и союзе». Это может означать одно из двух. Либо полководец счел свои силы недостаточными (Тацит и Плиний упоминают, что здешние жители были «сильны флотом»), предпочел не нарываться на неприятности и разойтись по-хорошему. Либо получил от ворот поворот.

Кстати, для римских хроник вообще является характерной чертой, что они во всех красках расписывали победы, а о неудачах старались замалчивать или ограничиваться краткими упоминаниями. Поэтому мы в подробностях знаем о кампаниях против Митридата, а события, происходившие в течение нескольких веков на северных границах Римской империи, оказались освещены лишь фрагментарно. Так, образование в Боемии крупного германо-славянского государства римлянам не понравилось. Несмотря на то, что Маробод вел себя подчеркнуто мирно, не участвовал в набегах других германских племен. Что ж, тогда Рим стал откровенно его задирать — направил для поселения на землях маркоманов племя гермундуrow. Маробод и на это не отреагировал, всеми силами старался «не поддаваться на провокации».

Однако римляне, даже и не получив предлога к войне, все равно решили напасть. Но едва началось вторжение, в тылу у римлян вспыхнуло восстание. Взбунтовались призывники, набранные для войны в Далмации, за ними поднялись Паннония, Иллирия, поддержали их даки. Рим поспешил заключить мир с Марободом, опять проявившим редкую лояльность. Он не воспользовался критическим состоянием противника, согласился разойтись на условиях сохранения довоенного статус-кво и полного нейтралитета. Легионы с маркоманского фронта были переброшены на повстанцев, к римлянам пришел на помощь и фракийский царь Реметалк с войском. Но лишь после трехлетней тяжелой войны, когда римлянам удалось перессорить между собой вождей паннонцев и иллирийцев, мятеж был подавлен.

А едва успели усмирить Паннонию и наказать карательным рейдом Дакию, как взорвалось в другом месте. Осенью 9 г. н.э. римский вассал Арминий поднял восстание германцев. Три легиона под командованием Вара были разгромлены и перебиты в Тевтобургском лесу. И возникло независимое царство, в котором господствующее положение заняло племя херусков. Осторожный Маробод снова занял нейтралитет, от союза с Арминием отказался. Но и без него римлян выгнали из Германии.

В 14 г., после смерти Августа, императором стал Тиберий. И двинул за Рейн огромное войско во главе с Германиком. Против него объединились все здешние народы. И поход было трудно назвать удачным. Два года римская армия двигалась по Германии. Жгла на своем пути городки и селения. Побеждала отряды, пытавшиеся противостоять ей в открытом бою. Собрала и захоронила кости легионеров Вара, воздвигнув над ними памятник (конечно, сразу разрушенный, когда римляне ушли). А местные жители оставались непокоренными. Рассеянные в одном месте, встречали в другом, нападали из засад, партизанили. В результате Германика, конечно, объявили победителем — абы «лицо сохранить». Но не добился он ничегошеньки и понес такие потери, что от восстановления власти над Германией и дальнейших походов на нее Тиберий решил вообще отказаться.

Ну а Арминий и его родственник Ингвиомер, избавившись от римлян, двинули свои войска на Маробода. Поставив ему в вину нейтралитет — почему не помог против захватчиков? Правда, вскоре предводители херусков перессорились, и война не состоялась, но и без того царство Маробода начало распадаться. Входящие в него германские и славянские племена тоже были недовольны чрезмерным миролюбием царя и его лояльностью к римлянам. Стали переходить под власть Арминия. Маробод обратился за помощью к Тиберию, но тот отказал, причем и император поставил ему в вину нейтралитет — почему не помог римлянам против Арминия? Кончилось тем, что в 18 г. Маробод бежал в Рим, где и доживал свой век частным лицом. А его престол занял князь племени свевов Катуальд. Через год в междоусобице погиб и Арминий, и его государство также рассыпалось на отдельные племена и княжества.

Примерно в это же время прекратило существование Фракийское царство. Там умер Реметалк, и римляне в «благодарность» верному союзнику разделили его владения. Половину отдали сыну царя, половину брату. Который захотел получить не половину, а все, и убил своего племянника. А римляне заманили его на переговоры, схватили и казнили. Над обеими половинами государства поставили малолетних сыновей погибших царей, и под видом «опеки» править стали наместники Тиберия. Фракийцы возмутились, все как один взялись за оружие. Сражения с ними шли с переменным успехом с 21 по 26 г., пока римлянам не удалось загнать повстанцев в горы и голодом принудить к капитуляции. Последний фракийский царь, которого тоже звали Реметалк, родины уже не знал. Он жил в Риме, стал одним из дружков небезызвестного Калигулы. И предпочитал его буйные развлечения своим «варварским» владениям. Правил от его лица наместник.

В 20-х гг. у Рима появились и новые соседи. Из Причерноморья в Паннонию начали проникать сарматы-языги. Тиберий заключил с ними союз и разрешил поселиться между Тисой и Дунаем, чтобы их можно было использовать как против германцев в Богемии, так и против Дакии. А для закрепления северо-восточных окраин было организовано несколько римских флотов: Паннонский — на Дунае, Мезийский — с базой в Томах (Констанца), Фракийский — в Перинфе, Понтийский — в Синопе и Трапезунде.

Ну а на востоке Тиберий задумал захватить Парфию и Армению. Эти державы находились в союзе, армянский престол занимал Аршак, сын парфянского царя Артабана. Но во время тамошних междоусобиц в Рим бежали царевичи Фраат и Тиридат, чем и хотели воспользоваться римляне. Теперь они подготовились получше, чем Красс. Кроме легионов под командованием Луция Вителлия, к войне привлекли зависимых от Рима князей закавказских албанов и царя Иберии Митридата. А чтобы противостоять бронированной парфянской и армянской коннице, были за золото наняты дружины роксоланов и других сарматских племен. И массированное вторжение началось. Сарматы и легионеры успешно разгромили противника,

армянский царь Аршак погиб, было разбито и парфянское войско царевича Орода.

Тогда Артабан собрал значительные силы и выступил сам. Однако Тиберий успешно применил такое средство, как «подрыв тыла». От персов и Селевкидов парфяне получили весьма разношерстное наследство. Разные области царства населяли персы, армяне, халдеи, арабы, туранцы. А в городах преобладали греки, «эллинизировавшиеся» сирийцы, финикийцы, евреи. И на римские деньги было организовано восстание греческого населения городов. Изменил царю и один из полководцев, князь Сиппах. Всю Парфию охватила смута. Артабан, по происхождению скиф-дах, бежал к сородичам в Среднюю Азию. И парфянский престол занял Тиридат, ставленник римлян. Но как раз это обстоятельство совершенно не улыбалось местной знати. И князья, переметнувшиеся было на его сторону, снова восстали. А тут и Артабан вернулся с подкреплениями, набранными в Туране. Римляне опять двинули легионы в круговерть сражений, но обе стороны были уже измотаны. В 36 г. был заключен компромиссный мир. За Тиридатом остался лишь армянский престол, он признавал зависимость от Рима, а от замысла утвердиться в Парфии Тиберий отступился.

Так обрисовались границы «Римского мира» от Рейна до Евфрата и от Крыма до Египта. «Римского мира», которым не устают восхищаться историки всех времен. И впрямь, империя достигла высокого уровня в области искусств, культуры, техники. Но стоит учитывать, что объяснялось это отнюдь не каким-то «римским гением» — ведь подавляющее большинство художников, скульпторов, архитекторов, ремесленников, литераторов были не римского происхождения. А уж инженеры и конструкторы, рассчитывавшие арки, возводившие акведуки, водопроводы и не оставившие нам своих имен, были наверняка не римлянами. Поскольку для «настоящих» римлян такие занятия считались недостойными. Просто получилось так, что завоевания создали единое «культурное пространство». Что и позволило соединиться лучшим достижениям разных цивилизаций. А материальная подпитка высокой римской культуры обеспечивалась за счет разрушения и ограбления этих цивилизаций — Ис-

панской, Карфагенской, Галльской, Фракийской, Понтийской, Армянской, Сирийской.

В особое умиление либеральных профессоров, да и вообще «демократическую общественность» всегда приводил римский «культ права», который захватчики якобы разносили покоренным народам. Что, вроде бы, вполне оправдывало все завоевания, стертые с лица земли государства вместе с их историческими и культурными ценностями. И до сих пор преподносится как величайшее достижение, легшее в основу нынешней Западной цивилизации. Да, римляне жутко гордились тем, что живут «по закону». Хотя обычное право «варварских» народов оказывалось куда более прочным, последовательным и справедливым.

Потому что римские законы существовали на только бумаге — но выполнение их оставалось вопросом весьма проблематичным. Они могли выворачиваться так и эдак в зависимости от прихотей власть имущих. И породили болото отвратительного сутяжничества, в котором тонула любая справедливость. Ведь решения судов определялись не правотой сторон, а «красноречием» ораторов и общественным положением тех, кто поддерживал тяжущихся. Да, вот это и впрямь было римским, исконным! Ну а апологетам римского «культа законности» не мешает вспомнить хотя бы дело Иисуса Христа. Наместник-прокуратор не находит ни малейшего состава преступления. Но «уважаемые люди» из Синедриона просят, настаивают. Возбужденная толпа евреев орет: «Распни Его!» И прокуратор «умывает руки», отправляя Христа на бесчеловечные истязания, а потом и на мучительную смерть. Где вы тут увидели хоть тень «законности»?

Зато в юридическом крюкотворстве граждане Вечного города достигли высочайшего совершенства. И в этом они действительно стали предшественниками нынешнего Запада. Это самое искусство казуистики помогало им дурить и опутывать целые народы и государства. Впрочем, и самих себя тоже. Они, например, чрезвычайно презирали «рабскую психологию» других народов, подчиняющихся царям и князьям, себя же почитали людьми «свободными», живущими в республике. И даже

когда ими стали править императоры, все равно верили, что у них республика! Ведь сохранился сенат, выборы консулов, трибунов, преторов. Которые не имели никакой реальной власти, кандидатуры диктовал император. Но все равно по формальным признакам была «республика» — чем и кичились.

Захотелось императору вырезать тысячу-другую сограждан — никто этим не возмущался. Поскольку сенат безоговорочно одобрял — и все получалось «по закону». Это противопоставлялось «тирании» в других государствах. Гордились римляне и тем, что в качестве «свободных граждан» никогда не унижаются до наемной работы, за плату — это тоже объявлялось позором и признаком «рабства». Но жить на что-то надо. И чтобы обойти подобное положение, опять использовались юридические ухищрения, было введено понятие «гонорара» — вроде бы это не плата за труд, а подарок в награду за сделанное.

А кто и на работу за «гонорар» не был способен, становились «клиентами» богатых покровителей и жили их подачками — это зазорным не считалось. Как и паразитарное существование многотысячной массы бездельников-люмпенов, ожидающих дармовых раздач. Но с другой стороны, и императоры, чтобы заслужить популярность, должны были считаться с чаяниями черни, живущей лишь за счет того, что они — римские граждане. И на этом основании требующей «хлеба и зрелищ». Конечно, такое паразитирование становилось возможным только за счет хищнического выкачивания средств из завоеванных провинций и захвата новых. Получавших взамен, как внушают нам учебники, «культ права» и «римский организаторский гений». Хотя до завоевания римлянами покоренные народы почему-то прекрасно обходились без столь «ценных» приобретений. И когда получалось освободиться от них, тоже почему-то не горевали.

На самих же римлянах роль «мировых организаторов» отразилась крайне плачевно. Торговлю и финансы в империи захватили отнюдь не они, а их более предприимчивые вольноотпущенники, сирийцы и евреи. Педагогику — греки. На виллы завозились массы рабов, а свободные землевладельцы разоря-

лись, пополняя число той же бездельной черни. А образование «единого культурного пространства» привело к тому, что в Рим хлынули не только награбленные богатства, не только достижения различных культур, но и худшие их пороки. Он прежних традиционных добродетелей очень быстро не осталось следа. И если раньше римлян возмущали «девичники» этрусков, шокировало расточительство египетских царей, у которых к ужину жарилось два кабана, поскольку один может недожариться или подгореть, то теперь по сравнению с забавами и пирами римской верхушки развращенность этрусков показалась бы образцом скромности, а кабаны Птолемея — бедным и простеньким угощением.

Разрушилась и религия. Особенно после того, как внедрилось обожествление императоров. Можно ли было всерьез поклоняться тем, о ком знали, что они пьяницы, извращенцы, убийцы? Но поклонялись весьма дисциплинированно — сенат постановил, значит, «по закону». В результате посещение храмов стало делом не духовным, а политическим. А прежние верования выродились в набор бессмысленных суеверий, иногда весьма уродливых. Так, римские матроны, чтобы избавиться от неудач и несчастий, голыми переползали по-пластунски через Марсово поле. Почтенные аристократы из коллегии «арвальских братьев» (жрецов Марса) при зачитывании в храме священных текстов о даровании победы задирали туники выше пояса, выставив половые органы. Зачем — никто не знал. Но исполняли с умным видом, поскольку так было положено. И весталок, нарушивших целомудрие, замуровывали живьем, потому что так положено. А образовавшуюся духовную пустоту стали заполнять темные культы Востока — Изиды, Астарты, малоазиатских «матерей»...

Впрочем, когда мы говорим о духовности римлян, об их культурном уровне, то обычно следуем чужим необъективным оценкам. На самом деле их уровень красноречиво характеризуют те зрелища, которые они предпочитали. И когда мы восхищаемся архитектурой Колизея, стоит вспомнить, для каких «культурных» целей возводилось это великолепие. Для того, чтобы десятки тысяч зевак могли позабавиться, наблюдая, как в гла-

диаторских боях сотни и тысячи единиц «человеческого мяса» кромсают себе подобных. И чем больше крови, тем уважительнее отмечают эти представления «высококультурные» римские авторы. Ради разнообразия разыгрывались и «морские» сражения на специально выкопанных прудах. В гладиаторских схватках участвовали не только мужчины, но и женщины, выпуская друг дружке кишки на потеху почтеннейшей публике.

А императоры старались учитывать вкусы и запросы сограждан. Поэтому стали дополнять бои театрализованными казнями, поставленными по мифологическим сюжетам. И римляне восторженно глазели, как бык покрывает приговоренную «Пасифаю», разбивается «Икар», восходит на костер и сгорает «Геракл», приносят в жертву «Ифигению»... Устраивались и массовые публичные казни. Например, растерзание зверями и прочие виды умерщвления тысяч мужчин и женщин после подавления восстаний. Для таких зрелищ жертвы отбирались по внешности и сложению, а на арену выпускались обнаженными, чтобы истинные «ценители» могли в полной мере насладиться каждой их судорогой...

Да, вот это было действительно римским, не «варварским» достижением. И в подражание столице по всему «Римскому миру» строились амфитеатры и цирки. Они возводились в Галлии — вместо уничтоженных школ и обсерваторий, в Африке, Малой Азии, на Ближнем Востоке. Так что львиная доля богатств, награбленных римлянами, в итоге-то выбрасывалась впустую. Уходила в мишуру представлений, триумфальных шествий, в животы дармоедов, вытекала в песок арен, разбазаривалась на оргии знати. И чем могущественнее становилось государство, чем обширнее области оно завоевывало, тем грандиознее были все эти зрелища, раздачи и связанные с ними расходы.

В целом же можно констатировать, что в истории человечества «Римский мир» сыграл только одну положительную роль. Но крайне важную. Его «единое пространство» и этническая мешанина создали условия для быстрого и широкого распространения христианства.

Авторы римской эпохи оставили нам и описания других стран. Но при пользовании этими источниками надо учитывать их особенности. Римляне были прагматиками. И чаще фиксировали информацию, важную для мореплавателей, купцов, военных. Сведения о быте, обычаях других народов римлян мало интересовали, они были уверены, что за пределами их «мира» ничего путного существовать не может. Ярким примером такого отношения стал Овидий, сосланный Августом в Томы (Констанца) и проживший там десять лет. Его элегии и письмах оттуда — лишь ностальгия о римской жизни. И ни единой новой детали об окружающей его стране. Раз за разом повторяются только жалобы на суровость зим и дикость «скифов». Овидий даже гордился тем, что в течение долгих лет сумел остаться «настоящим римлянином» и не выучил ни одного «варварского» слова. Ну а те, кто создавал описания «варварских» земель, обычно ограничивались набором этнонимов.

Кроме того, очень немногие авторы, как Тацит, Плиний Старший, Арриан, сами бывали в чужих краях. А если и бывали, то в римском приграничье. Поэтому пользовались чужими сведениями или компилировали информацию из более ранних источников. Отсюда неизбежные неточности и нестыковки. Звучание тех же этнонимов один понял так, другой иначе. Да и сам этноним одного и того же народа мог различаться. Это могло быть самоназвание или прозвище, данное соседями. Мог быть набор племенных этнонимов — или название союза, объединявшего ряд племен. Неоднозначной могла быть и локализация проживания народов, тем более при отсутствии точных географических карт. Один автор представлял Европу так, другой эдак.

Наконец, при сборе информации из чужих уст она густо дополнялась вымыслами, и из римских трудов мы узнаем о странах «гиппоподов» с лошадиными ногами, «пануатиев, у которых длинные висячие уши, прикрывающие собой все тело, служат одеянием для наготы», о стране «Абаримон, в которой

живут лесные люди с вывернутыми назад ступнями, отличающиеся чрезвычайной быстротой». Сообщалось, что «савроматы, живущие на тринадцать дней выше Борисфена, постоянно принимают пищу через два дня на третий», а в «Албании рождаются люди, с детства седые и видящие ночью лучше, чем днем».

Но все же путем сопоставления и анализа различных работ можно выделить слой более менее достоверной информации и оставить приблизительное описание Центральной и Восточной Европы в I — II вв. нашей эры [42, т.7]. Областей расселения германских народов я здесь касаться не буду, пройдемся лишь по районам, интересующим нас с точки зрения славянского и русского этногенеза. Так, этноним «ставани» или «суовены» локализуется где-то в районе Буга, от верховий Вислы до верховий Припяти. На юг от них обитали сабоки, татры и карпы. Из них татры и карпы известны впоследствии как славянские племена, проживавшие, соответственно, в Татрах и на Карпатах. А «сабоки», вероятно, были родственны костобокам, дакийскому карпатскому племени. Или это один и тот же народ.

Слово «венеды» у некоторых авторов употребляется в обобщенном значении для славян. Другие выделяют его в качестве племенного названия. Поэтому встречаются разночтения. В одних источниках они помещаются на обширных пространствах от Верхнего Дуная до Рижского залива. Сами Карпаты называются Венедскими горами, а Балтийское море — Венедским заливом. Но иногда венедов отделяют от «ставан» и локализуют по соседству с ними — по Бугу, Средней Висле и Варте. А рядом с ними, по среднему течению Одера римские авторы располагают вандалов. Хотя венеды и вандалы — очевидно, две формы произношения одного и того же этнонима [143].

Западнее, между Одером и Эльбой, жили лугии. На берегу Балтики, между устьями этих рек, мы находим свардонов и варинов, а примерно от Одера до Вислы обитали руги. Некоторые античные авторы перечисляют еще ряд прибалтийских племен — ревиндги, севионы, эвдосии, ситоны, нуитоны. Севионов, например, Тацит локализует «дальше» ругов, то есть от Вислы до Немана. А еще дальше лежали владения эстиев. Большинство этих народов впоследствии известны как славянские. Лугии — это лужичане, предки сербов. Свардоны и варины — предки

вагров и варангов. Ругии — это руги, предки руян, рарогов, русов. Севионов идентифицировать труднее, но место их проживания совпадает с «венетами», добывающими янтарь. Следовательно, это тоже было праславянское племя. Ну а эстии — это не эсты, а литовцы-айстии, поскольку, по Тациту, они тоже торговали янтарем.

Но в описываемое время прибалтийские и полабские народы в полном смысле славянскими еще не были. «Ославянились» они позже. Некоторые исследователи считают их северной ветвью кельтов, некоторые — «северными иллирийцами», Л.Н. Гумилев возводил их к древней индоарийской общности. Видимо, все эти взгляды в той или иной мере справедливы. Поскольку арии освоили берега Балтики еще в IV—III тыс. до н.э. Здесь действительно существовало население, родственное иллирийцам (как уже отмечалось, отсюда шли миграции дорийцев и северобалканских племен). В киммерийскую эпоху добавилась и кельтская составляющая, а потом — праславяно-скифская.

Хотя часть здешних племен впоследствии выделилась не в славянские, а в германские. Так, Плиний Старший родственными вандалам называет их соседей-бургундов, а к варинам были близки ютландские англы. Но Тацит отличает жителей этого региона от германцев и обычаи описывает явно не германские. Например, традиционной для германцев была выборность королей. Они являлись, скорее, племенными вождями, предводителями на войне, власть их была весьма ограниченной — важные вопросы решались советами старейшин и сходами общинников. А у варинов, ругов, свионов существовали сильные централизованные государства с наследственными монархами. «Им свойственно почтение власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать, безо всяких ограничений повелевает король».

У ситонов, входивших в племенной союз свионов, правила женщина. И Тацит сетует: «Вот до чего пали ситоны!» — мол, и «свободу» утратили, да еще и бабе подчиняются (писалось это, когда самодурство римских императоров зашкаливало до беспредела). У севионов запрещалось и носить оружие. Оно содержалось под стражей в королевском арсенале и выдавалось в военное время. Но здешние народы были отличными воинами,

были «сильны флотом», что и заставило Тиберия уйти отсюда несолоно хлебавши. Сообщается, что частыми были и войны с германцами, пытавшимися захватить месторождения янтаря.

Но если римляне о прибалтийских странах имели весьма смутное представление, то здешние жители об Италии хорошо знали. По-прежнему действовал «Янтарный путь» через всю Европу, связывавший Балтику с сородичами, адриатическими венетами. При Нероне один из его приближенных, Юлиан, заведовавший гладиаторскими представлениями, направил по этому пути своего агента, который объехал всю Прибалтику и привез огромное количество янтаря, его использовали для украшения декораций в очередных пышных игрищах. А следом сюда потянулись и римские купцы — сирийцы.

Плиний Старший, рассказывая о посланце Юлиана, глухо упоминает, что он посетил «торговые центры». Дополнить это сообщение позволяет археология. Остатки таких «центров» обнаружены на территории Польши, Чехии, Словакии — например, Бискупинское возле Познани, Бероун недалеко от Праги. И оказывается, что это были большие, очень развитые города с четкой планировкой улиц, со сложными системами крепостных сооружений, даже с деревянными мостовыми — такими же, какие будут впоследствии делать новгородцы. В этих городах были мастерские ремесленников, кузнецов, гончаров, ювелиров. Существовали какие-то общественные здания и рыночные площади.

Ну а «прочные дома», упомянутые Тацитом, были длинными бревенчатыми зданиями, которые украшались резьбой. Проживало в них человек по 20 — 30. Римские источники сообщают, что у венедов были групповые браки. Любая женщина, приходившая в семью, номинально считалась женой старшего брата, но являлась «общей» и для всех остальных братьев. Так же, как в обычаях «агатирсов», описанных Геродотом. Но объяснялась такая традиция отнюдь не сексуальной распущенностью, она диктовалась суровыми реалиями своего времени — частыми войнами, лишениями, опасностями. Чтобы при гибели мужа женщины не оставались вдовами, а дети — сиротами. Разумеется, психология и нравы людей древности отличались от нынешних. И если в большом общем доме мужчины

сходились с женщинами, это вовсе не считалось чем-то зазорным. Другие просто «не замечали» таких вещей. Точно так же, как мы не акцентируем внимания, когда наши домашние переодеваются или идут в туалет. Продолжение рода было естественно, оно и воспринималось как естественное.

Отличались и верования, традиции людей. У германцев, например, праздники происходили в священных рощах. Обязательно сопровождалась человеческими жертвоприношениями, после чего следовали некие «таинства», оставшиеся римлянам неизвестными. У прибалтийских праславянских народов регулярных человеческих жертвоприношений не отмечено. Но у них существовал обряд поклонения Нерте, богине матери-земли. Обряд тоже не германский. Вероятно, Нерта соответствует кельтской Негаллени — «неназываемой». Имя можно перевести именно так, от «не-речь».

На острове в священной роще находилась повозка богини, всегда скрытая под покровом, касаться ее разрешалось только одному жрецу. Через определенные промежутки времени повозка, запряженная коровами, объезжала земли разных племен. На это время устанавливался общий мир, убирались все железные предметы. Города и селения, куда прибывала повозка, торжественно украшались, устраивались праздники. А после объезда всех «подконтрольных» территорий кортеж направлялся к священному озеру. Повозка и покров омывались рабынями, которых потом топили в этом же озере.

Литовцы-айстии жили не похоже на праславянских соседей. У них, правда, тоже было развито земледелие, оно находилось на куда более высоком уровне, чем у германцев. Литовцы контактировали с римскими купцами, продавали янтарь. Но отмечалось, что «меч у них — редкость», и воюют они по большей части «дрекольем». То есть выплавлять и обрабатывать металл они еще не научились, пользовались деревянными, каменными и костяными оружием и орудиями труда. А поклонялись «праматери богов», символом которой служил вепрь, каждый литовец носил его изображение-оберег.

В Причерноморье римские источники перечисляют массу этнонимов мелких племен, проживавших по берегам — аксиаки, энкадии, кроббиги и др. Это требовалось для мореходства —

знать, кто проживает в месте возможного причаливания. Но загромождать ими данную работу, думаю, нет необходимости. Разберем, так сказать, по-крупному. В дельте Дуная и на территории нынешней Молдавии жили бастарны. Страбон называет их кельто-скифами, они произошли от смешения придунайских кельтов и отступивших сюда скифов. Сперва это было могущественное племя, но постепенно оно разбазаривало свою силу, поскольку обычным промыслом бастарнов являлось наемничество в чужих армиях.

Низовья Буга, окрестности Ольвии, по-прежнему населяли каллипиды — огречившиеся скифы и греко-скифы. А на Днестре упоминаются тирагеты — геты, живущие на Тирасе. Очевидно, потомки агатирсов и предки тиверцев. Точно так же и на Днестре римские источники называют «борусков», «болусков» или «племя, носящее то же название, что река Борисфен». К жителям Поднепровья относят и обозначение «сполы», «спалеи». Ясно, что «боруски» — все те же борусичи, они же «борисфениты», они же поляне. Снова мы видим, что этнонимы на протяжении веков сохранились в тех же местах. И сохранились, конечно, с частью населения, оставшегося в родных краях после гибели Скифии.

Хотя хозяевами Правобережья Днепра были в это время языги, «так называемые царские». Эти территории входили в царство языгов, простиравшееся от Днепра до Паннонии. Но их государство сильно отличалось от Скифии. Славянские земледельческие племена, вошедшие в его состав, отнюдь не стали «языгами-пахарями» и «языгами-земледельцами», они были просто данниками. К такому выводу приводит и археология. Если в XI — III вв. до н.э. существовала единая «лужицко-скифская» культура от Балтики до Причерноморья, и культура праславян плавно сливалась со скифской, то в сарматский период ни о каком слиянии с культурой степных соседей нет и речи. Еще один примечательный факт — в селениях Милоградской культуры, относящихся к скифским временам, часто встречаются греческие монеты, изделия, полученные в результате торговли зерном. Языги торговлю тоже вели. Но в славянской Зарубинецкой культуре римских и греческих монет I в. до н.э. —

I в. н.э. почти нет. Следовательно, языги получали продукцию бесплатно, в виде добычи или дани.

Крупные поселения с развитым ремеслом, земледелием, скотоводством, сохранялись лишь на западе. А в Поднепровье, Побужье, Приднестровье, которые когда-то были житницей Скифии, земледелие на прежнем уровне не возродилось. Тут существовали лишь мелкие селения, как бы прячущиеся в лесах, с небольшими участками обрабатываемой земли, да и скота содержалось мало. Словом, было сведено к минимуму все, что может быть отнято и что нужно бросать, если вдруг придется укрываться в лесных чащах. А возникавший из-за этого дефицит продуктов питания компенсировался охотой и рыболовством. Значит, и защиту своим подданным языги не обеспечивали. Или их собственный сбор дани напоминал набеги.

Арриан писал, что здешние жители «прежде питались хлебом и занимались земледелием, но после поражения, нанесенного им фракийцами, изменили образ жизни и поклялись великой клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобретать драгоценного имущества, а скота держать не более, чем сколько можно переводить из одной страны в другую». Никакой клятвы славяне, разумеется, не давали, а просто приспособились к новым условиям существования. И произошло это не после нашествия фракийцев-даков (в I в.), а гораздо раньше.

А в качестве союзников «царских языгов» у Страбона названы «урги». Это уроги, угорское племя. Ранее уже говорилось, что они активно участвовали в разгроме Скифии, после чего из района Верхней Волги расселились по южным лесостепям. По соседству с языгами поселились уроги. На Северском Донце у римлян называются «саргати» — сарагуры, а где-то на Нижней Волге и в прикаспийских степях жили барсилы (все эти три этноса впоследствии вошли в состав болгар).

На восток от Днепра господствующее положение занимали царства скифов и роксоланов. Скифам принадлежали степи Северной Таврии и Крым. Хотя этот полуостров скифские цари делили с Херсонесом и Боспором. А на Южном берегу по-прежнему жили тавры. Однако в римских описаниях они уже сильно отличаются от тех дикарей и разбойников, каковыми пред-

ставил их Геродот. Упоминается их укрепленный город Плакея, многочисленные порты и гавани. Тавры зависели от Скифии, но сохранили внутреннее самоуправление.

Царство роксоланов располагалось на Дону. Летом они кочевали по окрестным степям, а зимовали в низовьях этой реки, здесь располагались их города или городки, святилища, ставка царей. Но сведений о поселениях роксоланов нет, поскольку вглубь своих земель они чужеземцев не пускали и плавания вверх по Дону запрещали. А торговлю вели только через Танаис — Азов. Судя по данным раскопок, это был довольно большой город, процветающий культурный и торговый центр. И, как доказано учеными, он был не греческим. В надписях и обращениях к его жителям они всегда разделяются на две категории — «танаиты и эллины». Причем правители были из «танаитов», а для руководства делами греческой общины они назначали особых чиновников, «эллинархов». Танаис входил в государство роксоланов, но в античных источниках он значится «полисом». То есть с точки зрения греков и римлян он был городом и юридически. Имел самоуправление, муниципальную собственность, земельные владения.

Роксоланам принадлежало и Приазовье. И они, в отличие от языгов, умели налаживать хорошие отношения с подданными. Здешние края процветали. Квинт Курциний Руф писал, что «места, обращенные к Танаису, достаточно высоко культивированы». Но и состав приазовского населения сильно изменился. Если древние меоты избегали конфликтов, пассивно переходили под власть то Скифии, то Боспора, то в римские времена авторы подчеркивали, что оседлые приазовские жители не менее воинственны, чем кочевники. Видимо, они вобрали в себя часть скифов, сарматов, праславян. Это подтверждает Страбон, рассказывая о смешанном племени, жившем в дельте Дона (который имел тогда дельту с большими островами).

В античных трудах население Приазовья разделялось на три племени (или союза). На северном берегу — бораны, на северо-западном — свардены, на восточном — тарпеты. Из них обращает на себя внимание этноним сварденов. Ведь и на Балтике называлось государство свардонов. Очевидно, это две части одного народа. Одна после гибели Скифии мигрировала на

запад, другая укрылась в приазовских болотах и лесах Дона. А звучание этнонима, локализация на восток от Днепра, земледельческий (т.е. праславянский) род занятий дают основание предположить, что это — предки северян. Кстати, к географическому направлению «север» северяне не имели никакого отношения, в древности данное направление обозначалось «на полночь». А этноним произошел от какого-то иного корня. Нельзя исключать, что эти племена были родственны с сабирами (савирами) жившими в лесостепях Сибири. В ходе переселений одна из ветвей пришла со скифами в Причерноморье, потом случился исход к Балтике. Вот и возникла очередная «цепочка» сходных этнонимов.

Изменилось и обобщенное название жителей Приазовья. Более поздние хроники именуют их уже не меотами, а герулами. Их называли «люди болот», а этноним, вероятно, произошел от реки Герра — Молочная. Античные авторы относили герулов к «скифским», то есть здешним народам, и сообщали, что они выставляли на войну отличную легкую пехоту. Иордан приводит одно их слово, «еля» — топкое место. И любопытно, что оно сохранилось в лексиконе казаков: елань («лань» в языке древних русов — земля, страна).

На север от сарматских степей римские источники перечисляют каких-то гамаксобиев, периербитов, гиппомолгов и еще десяток названий. Идентифицировать из них можно только галиндов. Как уже отмечалось, это было балтское племя, вытесненное из района Немана и расселившееся по лесам от Брянска до Пензы и Тамбова. А насчет остальных этнонимов остается только развести руками и учесть признание Страбона, что никаких достоверных данных о народах, живущих севернее роксоланов, у римлян и греков нет.

А на юг и восток от Дона, до Кавказских гор, обосновались сарматские племена, пришедшие в Причерноморье после роксоланов — исседоны, иксаматы, аорсы, сираки, писаматы. Об иксаматах сообщается, что женщины у них сражаются наравне с мужчинами, но предпочитают действовать не рубящим и колющим оружием, а лихо захлестывают противника арканами. Женщины-вожди и воительницы были и у исседонов, писаматов. Вероятно, как раз представительницы этих народов

были «амазонками», помогавшими албанам в битве с Помпеем на р.Абант. Однако безмужными эти «амазонки» не были. У каких-то племен предводительницы имели даже институт рабоналожников. И археологи находят тут женские погребения с конями, оружием, а некоторые с жертвоприношением мужчин.

Но соприкоснувшись с культурой таманских и приазовских жителей, многие пришельцы-сарматы стали перенимать ее, переходить на оседлый образ жизни и земледелие. И все низовья Кубани стали богатыми возделанными краями. Об этом свидетельствуют и античные источники, и археология. Селения утопали в садах, обрабатывались большие поля. Процветали и здешние города. Строились хорошие дома, богатые дворцы и храмы, посвященные каким-то местным женским божествам, греческие и римские авторы называли их Афродитой Апатурой (богиней обманчивой любви) и Артемидой Агротерой (земледелецей).

Южнее, на северокавказском побережье обитали ахеи, гениохи, зиги и керкеты. Ахеи и гениохи — древние меотские племена, вытесненные из Приазовья герулами. А зигов ученые с какой-то стати соотносят с черкесами. Что вряд ли правомочно. К этнониму «черкесы» гораздо ближе керкеты. А зиги, может, и вошли частью в этот этнос, но одна из их ветвей известна как «чики», впоследствии они жили в верховьях Дона и слились с казаками. Римляне отмечали, что зиги — отличные мореходы (для черкесов это никак не характерно). Нередко они промышляли пиратством, «для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около 25 человек» и называющиеся «кама-ры». Но указывалось, что они люди не кровожадные, разбойничают только ради заработка и охотно отпускают пленников за выкуп. Впрочем, покровительство им оказывали и цари Боспора, снабжая всем необходимым, скупая награбленное и рабов.

Народы Кавказа по римским источникам идентифицировать очень трудно, часто они обозначаются лишь кличками: «макропогоны» (длиннобородые), «фтейрофаги» (вшееды) и др. А в долине Терека и на берегах Каспия проживали хазары. Л.Н. Гумилев считал их частью населения Скифии, сумевшей при ее разгроме укрыться от врагов в приречных и приморских зарослях. Так же, как жители Приазовья. В пользу его

гипотезы говорит и сам этноним «хазары». Ранее отмечалось, что в древнеарийских языках «козар» — пастух. А хазары, как показывают данные археологии, не были пастухами. Они стали оседлыми людьми, занимались рыболовством, виноградарством, земледелием. Степные пастбища принадлежали не им, а уграм-барсилам. Кочевавшим, разводившим скот. И терроризировавшим хазар своими набегами.

СРАЖАЯСЬ С ЗАХВАТЧИКАМИ

Когда властитель Боспора Асандр, дабы узаконить свою власть, женился на дочке погибшего Фарнака и внучке Митридата Евпатора царевне Динамис, для нее такой прецедент легитимизации оказался большим соблазном. А она была дамой не слишком уживчивой и любвеобильной. За полвека, с 41 г. до н.э. по 7 г. н.э., Динамис сменила четверых мужей, поочередно усаживая их на царство и свергая предыдущих. На пользу государству это не пошло. Все это время Боспор не оставлял попыток вернуть под свою власть Танаис и другие бывшие владения. Предпринимались походы, экспедиции. Но приазовские племена предпочитали номинальную власть росколанских царей, а боспорцев каждый раз отражали. В этих войнах Боспор только еще больше подорвал свои силы. В 7 г. Полемон, последний из мужей престарелой Динамис, погиб в войне с приазовским княжеством аспургиан. В Пантикапее его смерть подтолкнула к действиям оппозиционную группировку знати, недовольную правлением царицы. И пятого мужа ей найти не дали. Произошел переворот, Динамис свергли и убили. После нее над Боспором царствовали разные потомки Митридата Евпатора, действительные или мнимые, а царство совсем захирело.

В Риме на Причерноморье обратил внимание император Клавдий. В 46 г. он окончательно упразднил номинальное «царство» во Фракии, превратив ее в римскую провинцию. А потомка одрисских фракийских царей Котиса задумал в утешение посадить на трон Боспора. Чтобы заодно прибрать к рукам и это государство. В 47 г. была предпринята экспедиция в Крым. По-

мощь Клавдию оказал Херсонес — предоставил свой порт в качестве базы, обеспечил снабжение, дополнительные суда. Римские войска высадились в Пантикапее. О сопротивлении даже и речи не было, горожане поспешили выразить покорность. И на престол взшел Котис I.

Клавдий оказал своему ставленнику всяческую поддержку. И решил вернуть для него прежние владения Боспора. Римская армия и флот совершили поход по Приазовью от Тамани до Дона. Когда они подступили к одному из городов сираков, обитавших недалеко от Танаиса, то жители предложили откуп — пусть, мол, римляне отвяжутся, а сираки дадут им 10 тыс. рабов и рабынь. Отсюда, кстати, видно, что города в Приазовье были не маленькие и не бедные. Видно и то, что в здешних краях происходили весьма масштабные войны, раз в них захватывались такие количества невольников. Но откуп римских командиров не удовлетворил. По приказу своего императора они заставляли города и племена признать власть Боспора. Был взят и подчинен Котису Танаис. Легионеры перешли Дон.

Но... о форсировании Дона римские источники сообщают в победных тонах. И почему-то на этом замолкают. До селений роксоланов, лежащих где-то рядом, на Нижнем Дону, войско почему-то не добралось. И корабли вверх по Дону почему-то не проникли. А если вспомнить римскую традицию умалчивать о неудачах, то ясно, что без боев не обошлись, и роксоланы с приазовцами остановили здесь «хозяев мира». В пользу данной версии говорят и приведенные выше упоминания о воинственности местного населения, о недопущении роксоланами плаваний по Дону. Не допускали — значит, имели силу не допустить.

И устье Дона стало самой северной точкой экспансии римлян во все времена. Боспору восстановили старые границы, а сам он стал вассалом Рима. Правда, прямого наместнического управления тут установлено не было, сохранился статус царства. Но в Пантикапее стали чеканить монету с изображением римских властителей, в храмах ввели культ обожествленных императоров, в городах разместились римские гарнизоны. Однако Херсонесу за оказанные услуги Клавдий даровал полную независимость. Не распространилась римская власть и на Крымскую Скифию, на Ольвию, Борисфениду, Тирас и другие

города Северо-Западного Причерноморья, зависимые от скифских и сарматских царей. Очевидно, император и его полководцы сочли за лучшее не связываться с этими государствами и не задевать их без нужды.

Под римской эгидой Боспорское царство вступило в полосу нового расцвета. Оно стало главным поставщиком кубанского и приазовского хлеба для римских легионов, расквартированных на парфянской и дунайской границах. И одним из главных поставщиков рабов в страны Средиземноморья. Покупателей происхождение невольников не интересовало, их обобщенно называли «скифами» и брали оптом для перепродажи на рынках Родоса, Италии, Ближнего Востока. В Пантикапее полным ходом действовали и заведения по «доработкам» живого товара — оскоплению мальчиков и стерилизации девочек. По римским законам членовредительство категорически запрещалось. Но не торговля теми, кого уже «доработали». На такую продукцию был высокий спрос, она стоила дорого, а Боспор формально был другим государством, тут законы о членовредительстве не действовали. На чем и наживались местные работорговцы.

Между тем войны в Восточной Европе не прекращались. Из Приуралья сюда двинулась еще одна волна сарматских переселенцев — аланы. Народ суровый, мужественный и крайне воинственный. Аммиан Марцеллин писал: «То наслаждение, которое добродушные и миролюбивые люди получают от ученого досуга, они обретают в опасностях и войне. Высшим счастьем в их глазах является смерть на поле боя; умереть от старости или несчастного случая для них позорно и является признаком трусости, обвинение в которой крайне оскорбительно». Описывал он и некоторые их обычаи, похожие на скифские: скальпирование врагов, ритуал поклонения мечу — символу божества войны. По сравнению с языгами и роксоланами, их вооружение было более сильным и совершенным. Богаче погребения, найденные археологами. Они показывают высокое развитие ремесла, ювелирного искусства.

А традиции аланов во многом отличались от скифских, языгских, роксоланских. Они не создавали федераций с другими народами. И не делали их своими данниками. Победенных

они вбирали в свою этническую общность. По мере войн из античных источников исчезают названия аорсов, исседонов, сираков, иксаматов, писаматов. Все они были побеждены аланами — и стали аланами. Аммиан Марцеллин сообщал: «Своими повторяющимися победами они постепенно сломили народы, которые встречали, и подобно персам, инкорпорировали их под своим национальным именем».

Впрочем, во многом Аммиан Марцеллин ошибался. Он рисует аланов сугубо кочевниками. На самом же деле они во многом переняли культуру Парфии, строили постоянные селения. В предгорьях Кавказа обнаружены мощные аланские крепости. И сарматы-земледельцы Кубани, превратившись в аланов, так и остались земледельцами. На Дону роксоланы сумели остановить новых соседей. Но в результате миграций и войн возникло обширное аланское царство, охватившее Кубань, Ставрополье, Северный Кавказ. Его упоминают и китайские хроники, причем они называют аланов оседлым народом, а восточную границу царства обозначают где-то на Урале.

Второй эпицентр напряженности возник в это время на Балканах. Тут опять сумела объединиться Дакия, превратившись в могущественную державу. И повела себя сразу агрессивно. Около 50 г. даки вторглись на север, во владения языгов. Как сообщают Дион Хризостом и Арриан, они разоряли все на своем пути. Разграбили все причерноморские города от Дуная до Южного Буга, в устье которого взяли штурмом и дотла разрушили Ольвию. А она принадлежала Крымской Скифии и даже монету чеканила с именами скифских царей. Скифы объединились с роксоланами. Был заключен союз и с языгами. Присоединились бастарны и славяне, чьи земли попали под удар даков. И в разыгравшейся войне пришельцев разгромили. Сначала их оттеснили на юг, к Дунаю, а потом вообще выбили с морских берегов в горные районы. На Дунае языги и роксоланы встретились с римлянами и заключили с ними союз. На некоторое время совместными усилиями им удалось стабилизировать ситуацию.

Но дружба с Римом продолжалась недолго. Скифы и роксоланы затеяли очередную разборку с Херсонесом, требуя выплаты дани. Город запросил помощи у римлян. И энергичный

наместник Нижней Мезии Тиберий Плавтий Сильван Элиан послал в Крым легионеров. Не только для помощи — римляне фактически оккупировали Херсонес, поставив там гарнизон. Подчинили тавров и захватили Южный Берег Крыма. Попытались продвинуться и вглубь, однако в степной части полуострова скифско-роксоланское войско их побило и не дало зацепиться.

После Крыма Плавтий Сильван предпринял поход и за Дунай. В 56 г. он дошел до Днестра и присоединил к римским владениям Тирас. Город сдался без боя — после разгрома даками он то ли не смог, то ли не захотел сопротивляться. А 100 тыс. жителей Приднестровья с «князьями и царями» римляне угнали за Дунай и поселили в Мезии. Бастарны и сарматы, естественно, возмутились, и началась война. Плавтий Сильван занервничал и предпочел пойти на мировую. Отослал царям роксоланов и бастарнов их сыновей, попавших в плен к римлянам. Но все равно прежний союз не восстановился.

Тем более что в Риме правил полусумасшедший Нерон, в голову коего взбрели колоссальные завоевательные планы. Он задумал захватить весь регион севернее Кавказа, от Азовского до Каспийского морей, и образовать там новую провинцию — «Сарматию». В 68 г. начались приготовления к грандиозной «восточной экспедиции». В Египте и на Дунае сосредотачивались войска. Но едва легионы стали перебрасывать с Дуная в Закавказье для вторжения на север, римлянам довелось «пожать плоды» экспедиций Плавтия Сильвана.

Девятитысячное войско роксоланов вторглось в Мезию. Как сообщают очевидцы, это была тяжелая панцирная конница, вооруженная длинными пиками и двуручными мечами. Тацит писал: «Вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд». И действительно, две римские когорты, посмевшие встать на их пути, были сметены одним ударом. Степняки беспрепятственно погуляли по провинции, вдоволь пограбили. Но на обратном пути их подстерег 3-й легион. Роксоланы двигались уже отягощенные большой добычей, да и погода помогла римлянам — шел дождь, таял снег. Копыта лошадей скользили в этом месиве. И атакой пехоты роксоланы были разбиты, понеся большие потери.

Более благоразумные советники Нерона остерегали его от северного похода — прикидывая, во что выльется большая война с роксоланами и аланами. Но при этом императоре благоразумие было не в чести. Приготовления шли полным ходом. И остановил их лишь переворот в Риме и смерть Нерона. Империю расколола затяжная смута, драки за власть. Чем воспользовались соседи. На Дунае последовали новые вторжения роксоланов, даков, языгов, в Закавказье стали вторгаться аланы. Попытались использовать момент и покоренные народы. Произошел переворот в Боспоре. Там появился некий Митридат VIII, сверг Одрисскую династию, заключил союз с сарматами и отважился на борьбу с Римом. Бурлила восстаниями и Иудея, здешние «зилоты» (кинжальщики) без разбору резали всех «чужаков». Но полководец Веспасиан разгромил евреев. Выиграл он и гражданскую войну, став императором. И направил на Иудею сына Тита. Тут-то и последовала расплата за распятие Христа. Иерусалим был взят, еврейский храм разрушен. Мятежную провинцию римляне покарали очень круто. Множество повстанцев перебили, сотни тысяч обратили в рабство.

Митридата VIII римляне тоже быстро победили и казнили вместе со сторонниками. А на трон Боспора Веспасиан в 71 г. возвел Рескупорида I из той же Одрисской династии. Нероновский поход на север он, разумеется, похоронил. Но аланские набеги продолжались. Поэтому император приказал римским контингентам, расквартированным в Грузии, выдвинуться на линию Кавказского хребта и перекрыть перевалы. Тревожной оставалась и граница на Дунае. Веспасиан и его преемник Тит кое-как поддерживали здесь порядок. Но решающее столкновение произошло, когда императором стал второй сын Веспасиана — глупый и садистски-жестокый Домициан.

В Дакии в это время престарелый царь Диупаней уступил власть своему племяннику Децебалу. Который, как писал Кассий Дион, «был для римлян достойным противником». Он проявил себя великолепным организатором и дипломатом. Усилил центральные структуры государства, подавил оппозицию племенной знати. Ввел в войсках римскую дисциплину, привлек в качестве инструкторов дезертиров и перебежчиков из римской армии. Установил связи с роксоланами, свевами, квада-

ми, языгами, карпами — карпатскими славянами. Децебал пытался заключить союз и с Парфией, однако она была далеко, на море господствовал римский флот, и послов перехватывали по дороге.

В 85 г. даки начали масштабное вторжение на римскую территорию. Захватили Мезию. Части, размещенные здесь, были разгромлены, наместник Оппий Сабин погиб. Домициан сам выступил на войну, а непосредственное командование поручил префекту преторианцев Корнелию Фуску. После кровопролитных боев даки были отброшены за Дунай, и по этому поводу император в 86 г. справил пышный триумф. Предложение Децебала о мире Домициан отклонил. Повелел наступать в пределы Дакии. Но Фуск на перевале Ротен-Турм попал в засаду и был наголову разбит. Погиб сам, Децебалу достались все знамена, масса пленных и оружия.

В следующей кампании командование принял Тетий Юлиан и начал наступление с территории нынешней Сербии. Даки встретили его в ущелье Тапы у Железных ворот. Победу в сражении римляне приписали себе, но это ложь — они понесли такие потери, что дальнейшее наступление пришлось отменить. К тому же дипломатия Децебала дала свои плоды. Правда, маркоманы, свевы и языги, населявшие Моравию и Трансильванию, на стороне даков не выступили, но и римлян не поддерживали, сохранили нейтралитет. Домициан счел это изменой союзников и решил отыгаться на них. Послов языгов и свевов, явившихся к нему с объяснениями, он казнил и послал войско против этих народов. Чем, разумеется, толкнул их в противоположный лагерь.

Германцы и языги разбили и обратили в бегство направленные против них соединения, и теперь уже сами угрожали западному флангу римского фронта. И императору пришлось заключить с Децебалом позорный мир. Дакам обещали выплату ежегодной дани, возвращали трофеи и пленных. А Децебал в ответ обещал не трогать укреплений на Дунае. Причем император для сохранения реноме схитрил совсем уж по-детски — преподнес в подарок Децебалу диадему и как бы невзначай надел ее на царя. После чего объявил — дескать, тот принял корону из

рук Домициана, а значит, признал себя вассалом. И по данному поводу император не постеснялся справить второй триумф.

В 92 г. Домициан попробовал реабилитироваться и совершил поход против дакских союзников — свевов, маркоманов, квадов и языгов. Но получил еще крепче. Языги окружили конницей 21-й легион и полностью уничтожили, перестреляли и перекололи длинными пиками. В итоге и этих противников император еле-еле сумел вытеснить с римской территории и замирился, ублажив их выплатой дани. Хотя теперь справлять триумф все же устыдился и ограничился поднесением «победного венка» Юпитеру Капитолийскому.

Возобновились боевые действия уже при другом императоре, Траяне, прекрасном полководце и государственном руководителе. Дипломатическими мерами ему удалось ослабить антиримскую коалицию, перетянуть на свою сторону языгов. И в 101 г. он начал вторую войну с Дакией. Захватил укрепления Децебала в ущелье Железные ворота, выиграл сражение у Тапы. Но вмешались союзники Дакии. И в то время как римляне вторглись в нее с юго-запада, последовал ответный удар на другом фланге, в устье Дуная. Роксоланы и карпы вместе с даками атаковали в Нижней Мезии. Траяну пришлось отводить свое войско назад за Дунай и перебрасывать на участок прорыва. У Адамкисси произошло одно из самых жестоких сражений в этой войне. Которое римляне опять объявили выигранным. Но фактически оно завершилось вничью, с огромными жертвами с обеих сторон.

В 102 г. бои продолжились по всему фронту от Паннии до Молдавии. Об их напряжении говорит тот факт, что римляне вынуждены были даже вывести гарнизоны из причерноморских городов, перебросив их в Дакию. И просили помощи солдатами-наемниками у царя Боспора, отдав за это под его юрисдикцию Херсонес. Войска Траяна одну за другой брали горные крепости, оборонявшиеся с крайним упорством. Измотались, несли урон. И к осени ни император, ни его полководцы не верили в успех. Но Дакия оказалась истощена сильнее римлян, ее силы были подорваны. И, к неожиданной великой радости Траяна, Децебал вдруг запросил мира. Что ж, победители сразу вос-

прянули духом. И условия продиктовали жесткие — Дакии не вести самостоятельной внешней политики, уступить земли, которые были заняты римлянами, срыть крепости, выдать оружие и перебежчиков. Царю пришлось согласиться.

Но обе стороны понимали, что этот мир лишь временный, готовились к новой схватке. Римляне усиленно строили дороги, возвели большой каменный мост через Дунай. А даки укрывали от сдачи часть оружия, покупали и ковали новое, формировали армию. В 105 г. Рим начал дипломатические придирки, будто даки обидели его союзников языгов. Децебалу стало ясно, что враг ищет лишь предлог к войне. И он опять предпочел ударить первым.

Он хотел внезапным натиском выбить противника из оккупированных районов Дакии, занять и блокировать перевалы Железных Ворот. Но сыграли роль работы, произведенные римлянами, — по новым дорогам и мостам войска перебрасывались быстро, и вскоре против Децебала уже стояло 14 легионов.

Успешно действовала дипломатия Траяна — даки остались без союзников. Удалось внести раскол и в круги дакийской знати, подогреть межплеменную рознь. И часть районов подчинилась без сопротивления. На остальной территории бои шли до конца 106 г. Даки дрались насмерть. Жители Сармизегетузы после отчаянной обороны зажгли свой город и совершили коллективное самоубийство. Децебал погиб, а его отрубленная голова была привезена в Рим и брошена в грязь на Гемонской лестнице.

Дакия была превращена в провинцию. Население ее чрезвычайно поредело, и сюда направлялись переселенцы из других провинций. А уцелевшие местные жители обращались в рабство или депортировались. Траян захватил в Дакии 5 млн. римских фунтов золота, 10 млн. фунтов серебра, 500 тыс. пленных. Торжества по случаю победы длились аж 117-дней! Все это время римская чернь получала дармовые раздачи хлеба, вина, денег. Для ее потехи на арене лили кровь 20 тыс. гладиаторов, а вдобавок ей продемонстрировали травлю 11 тыс. зверей.

Римляне попытались проникнуть и дальше на север. Но были встречены в копья и мечи сарматами, славянами и бастар-

нами. Которые заставили их остановиться на достигнутых рубежах. «Велесова книга» утверждает, что Траян здесь имел столкновение с племенем дулебов: «Вспомним, как римские орлы были поражены от дедов наших близ устья Дуная, когда Траян напал на дулебов» (III 29). Римские хроники об этих событиях молчат. Но факты таковы, что «владыки мира» не только остановились, а начали строить пограничную систему Траяновых валов — две линии укреплений, шедшие от Прута к Днестру и заканчивавшиеся у города Тирас. Таким образом, в состав Римских владений вошли часть нынешней Молдавии и Украины.

При Траяне империя достигла максимального размаха и в других направлениях. Римские крепости строились на побережье Колхиды. Римские поселения возникли на Черноморском побережье в Фасиде и Диоскурии (Севастополь). Вассалами римлян стали кавказские народы — сваны, апсилы, лазы, гениохи, колхи, махелоны, абасги, сапиги. Их царей назначал или утверждал император. После Дакии Траян сумел нанести поражение и Парфии, низведя ее до положения вассального государства, римскими провинциями стали Армения, Ассирия и Вавилония. Но эти завоевания оказались уже непрочными. Новые провинции тут же взбунтовались, и император поочередно усмирал их, пока не умер. А при его преемниках все завоевания на востоке были потеряны.

Неспокойной осталась и северная граница несмотря ни на какие укрепления. Здесь продолжались удары сарматских отрядов, к которым присоединялись остатки дакских племен, славяне и германцы. Легионы тут постоянно находились в боевой готовности, хотя и это не помогало. И все чаще приходилось просто покупать соседей, оплачивая мир ежегодными «субсидиями». В общем, положение переменилось. Прежде царства и княжества, соглашаясь стать союзниками-«федератами» римлян, попадали от них в зависимость и постепенно подминались, превращались в подданных. Теперь «федераты» сами считали римлян своими данниками. В 117—118 гг. разразилась война с роксоланами — возможно, действовавшими в союзе со славянами. И император Адриан, прибывший на Дунай, поспешил вступить в переговоры с противником. Как сообщает биограф

императора, «расследовав дело, он заключил мир с царем роксоланов, который жаловался на сокращение ему денежных платежей». Адриан быстренько отстегнул требуемые суммы, подтвердил договор о прежних размерах субсидий и разрядил обстановку.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ИМПЕРИЯ

После Траяна Римская империя уже не расширялась. Старалась сохранить хотя бы прежние владения. До поры до времени это удавалось. В 133 — 135 гг. в Иудее вспыхнуло очередное восстание, Бар-Кохбы. Опять очень жестокое, с поголовной резней неевреев. Римлянам такие рецидивы надоели, и они расправились с Иудеей раз и навсегда, она обезлюдела и заселялась сирийцами и арабами. Уцелевшие евреи бежали кто куда. Одни в Вавилон, где было много соплеменников, другие в Аравию. Кое-кто нашел прибежище на Боспоре — с этого времени еврейские захоронения появляются в Крыму и на Тамани.

А в середине II в. началось Великое Переселение народов. Толчков, инициировавших его, было два. В 155 г. далеко на востоке под ударами сяньбийцев (предков монголов) распалась держава гуннов. Одни гунны ушли в Китай, другие осели в горных долинах Тарбагатая и Семиречья, а третьи, «неукротимые», 20 — 30 тыс. воинов, ушли на запад. Сумели пробиться через земли кангаров (печенегов) и достигли Волги [59]. Об их появлении в Европе в 160 г. писал Дионисий Периегет, а в 175 — 182 гг. Птолемей. Дальше их не пустили аланы. Но в лесостепях Поволжья и Урала гунны нашли себе союзников — угров. Для которых пришельцы стали хорошими друзьями, помогая им организовать и защититься от соседних сарматских племен. Контакты установились на основе симбиоза, без покорения одного народа другим. И гунны поселились вместе с уграми.

Но в это же время на другом конце Европы активизировался народ готов — их родиной были о. Готланд, Южная Скандинавия (она называлась Готия) и Ютландия (Редготланд). Около 155 г. готы вторглись на южное побережье Балтики, разгромив

проживавших там ругов и вандалов. Вандалы отошли в Верхнюю Силезию. Следом покатались семноны и лангобарды, жившие на Эльбе. И пришел в движение целый ряд племен. Одни народы теснили другие, заставляя и их искать новые места поселений. Некоторые вступали между собой в союзы, чтобы отразить врагов, но при этом и сами усиливались, получая возможность теснить соседей. Свевы, тюринги, семноны, и гермундуры объединились на Верхней Эльбе в союз алеманнов. На Нижнем Рейне возник союз франков. По соседству с богемским государством маркоманов, в Моравии, возникло еще одно королевство — квадов.

Переселение сразу сказалось на римской границе. В 161 г. к ней прорвались лангобарды. Просили выделить им место для поселения, но получили отказ и были выбиты прочь. За ними последовало вторжение хаттов. Силы Рима в данный момент были связаны на востоке, он вел войну с Парфией. И этим воспользовался король маркоманов Баламор. Заключил союз с квадами, языгами, хаттами, принял под покровительство отступивших сюда наристов — то ли славянское, то ли литовское племя. И проломил пограничные укрепления. Были захвачены Ретия, Норик, Паннония, Северная Италия. Причем вторгшиеся племена не довольствовались грабежами, а намеревались поселиться здесь. Успех Баламора стал примером и для народов, обитавших восточнее. На Дунае через границу прорвались роксоланы, карпы, дакийское племя костобоков. Громили Дакию, Фракию, Мезию, Грецию.

Императору Марку Аврелию и его полководцам пришлось метаться то туда, то сюда, отражая удары. Несколько римских армий было разбито. В Дакии погиб со своими войсками Марк Клавдий Фронтон, та же участь постигла командира гвардии Марка Макриния Виндекса. Чтобы организовать сопротивление, римляне были вынуждены вооружать даже рабов, пообещав им свободу. И устояла империя еле-еле — племена, проникшие на ее территорию, стали действовать порознь. Рассредоточились, выбирая места для поселений. И Марк Аврелий бил их по частям. За плату нанимал других «варваров» — например, кельтское племя котингов, отступившее к римским границам из Галиции. Заключил сепаратный мир с королем квадов Фуртием,

хотя и не надолго — подданные тут же свергли Фуртия и поставили над собой Ариогеза, возобновившего войну.

В 172 — 175 гг. кипели непрерывные сражения на Среднем Дунае. Несколько раз судьба империи висела на волоске. На колонне Марка Аврелия в Риме изображен ряд чудес, спасавших его армию. Чудо дождя — намочившего тетивы сарматских луков, чудо молнии, ударившей в неприятельский лагерь. Но и в самом Риме углублялось разложение. Полководцы больше думали о себе, чем о государстве. Восстал Авидий Кассий, провозгласив себя императором. Тогда Марк Аврелий пустил в ход дипломатию и сумел заключить с «варварами» мир. По условиям которого они очищали приграничную полосу, язги предоставили вспомогательное войско в 8 тыс. всадников и вернули 100 тыс. пленных, угнанных в ходе войны.

В результате вторжений Северная Италия была совершенно опустошена, города и села лежали в развалинах. И сюда пришлось переселять жителей Сирии — именно с этого момента итальянцы стали приобретать знакомый нам облик, курчавый и черноволосый. Император с помощью «варваров» подавил мятеж Авидия Кассия. Но соблюдать мир с ними не собирался. Перебросил легионы с парфянской границы и решил расправиться с соседями так же, как Траян с Дакией, а их земли превратить в провинции Маркоманию и Сарматия. В 178 г. началась вторая война, тоже весьма жестокая. Маркоманы были почти совсем истреблены, квады покорились римлянам. Войска Марка Аврелия и его сына Коммода продвинулись в Словакию — здесь на скале Тренцина обнаружена надпись, оставленная 2-м легионом.

Но в 180 г. Марк Аврелий скончался. А Коммод, ставший императором, предпочитал походам и лишениям другой образ жизни. Он заключил мир со всеми соседями, отказавшись от завоеваний, вывел войска с занятых территорий, согласился выплачивать «субсидии». После чего возродил в Риме худшие традиции Калигулы и Нерона (да еще и вместе взятых). Завел огромный гарем рабов и рабынь для своих оргий, разорял страну бесконечными празднествами, развлекался массовыми казнями неугодных, ради удовольствия сам выступал в гладиаторских играх — конечно, противники обязаны были подстав-

ляться под его меч. И Рим терпеливо сносил все это 13 лет! Но однажды Коммод допустил ошибку, забыв в постели очередной любовницы список приговоренных для следующей казни. Где было и ее имя. Она сообщила другим обреченным, и император был убит.

Это привело к смуте. Пертинакса, избранного сенатом, убили гвардейцы-преторианцы. И... выставили должность императора на торг, кто больше заплатит. Продали богачу Дидию Юлиану. Но возмутилась армия, и разные легионы выдвинули своих кандидатов. Победил суровый наместник Паннонии Септимий Север — вообще не римлянин, а иллириец. Он заключил союз с языгами и какими-то другими соседними народами, при их поддержке ринулся к столице и захватил ее, убил Дидия Юлиана, а потом разгромил и соперников..

Римские источники отразили только события, напрямую касавшиеся их государства. А миграции шли и севернее. Народ вандалов раскололся. Одно из их племен, астинги, двинулось на север Дакии, попросило у римлян разрешения поселиться. Получило отказ, но обосновалось там без разрешения. Еще одним народом, пострадавшим от удара готов, были руги. Они же русы. Звук «th» в слове «ruth» или «ruthen» можно в разных произношениях воспринять и как «г», и как «с», и как «т». Поэтому у различных авторов можно встретить и другие формы этого этнонима — руси, рос, роги, рози, руци, рутены. Многочисленные средневековые германские источники отождествляли ругов и русов. Тожество их доказано и современными исследователями [56, 102, 143, 178].

После разгрома одна ветвь ругов и венедов осталась на Балтике, попав в зависимость от готов. Другая откатилась на юг, к Карпатам и Судетам. Это переселение отражает римская «Певтингерова карта», которая после вторжения готов обозначает венедов уже не на берегах Балтики, а возле западных склонов Карпат. Но задержаться здесь руги не смогли. И опять разделились. Часть двинулась в долину Дуная, часть на восток, в Поднепровье. Единственный источник, описывающий эти события — «Велесова книга». Но ее данные совершенно не противоречат другой информации, имеющейся в нашем распоряжении.

Она указывает на отделение русов от прибалтийских венедов. «При отце Арии был единым род славян, а после отца три сына разделились натрое (*т. е. выделились чехи и хорваты*), и так же стало с русколанами и вендами, разделившимися надвое» (8). «От морских берегов моря Готского шли мы до Днепра и нигде не видели иных бродяг, таких же, как русы — только гуннов и ягов» (III 8/2). Гунны вышли к Волге в 158 г. Следовательно, и русы появились на Днепре примерно в 160-х гг. Отметим, что Л.Н. Гумилев датирует появление в Поднепровье «росомонов» (в переводе с готского — «люди рос») около 190 — 200 г., что при дефиците и нечеткости наличной информации находится в пределах допуска.

По «Велесовой книге», возглавил переселение князь Кий. В сказаниях он фигурирует в качестве одного из родоначальников славян, сына Ария. Но, очевидно, существовал и реальный князь, носивший это имя. Хотя не исключено, что Кий — не собственное, а «тронное» имя или титул (как Тэмуджин, встав во главе монголов, принял имя Чингисхан). В иранских языках «кей» — владыка. В славянских языках «кий» — палка, палица, жезл. А, например, у сарматских народов знаком власти вождей был именно жезл, булава.

«Во времена Кия были мы на заходе солнца, а оттуда пошли к солнцу к Днепру реке, и там Кием утвержден был град, где обитали иные славянские роды, и там сами поселились...» (II 156). «Русы шли от Белой Вежи к Руси на Днепровской земле, и там Кий сотворил град Киев, и собрались поляне, древляне, кривичи и ляхи вместе с русскими и стали русичами» (33. 1-11). Произошло то же самое, что у асов с германскими племенами, а у гуннов с угорскими. Пришельцы-руссы стали объединяющим началом для славян Поднепровья. Обеспечили им воинскую поддержку.

Возникший союз был значительной силой, отнюдь не той, которая отступала с Балтики и не нашла себе места на Карпатах. Такая сила могла уже не только противостоять врагам. И была провозглашена цель возрождения Великой Скифии — она погибла 300 лет назад, память о ней была еще жива. И руссы еще помнили, что на этой земле жили их предки. По «Велесовой книге», Кий оставил в Киеве наместником своего сына

по имени Лебедян, и вместе с полянами пошел на болгар — то есть на урогов и сарагуров, населявших лесостепи по Левобережью Днестра и Северскому Донцу. И «Голунь-град русский отобрал и обрел Донские земли и так оба края отобрал русского наследства» (III 34).

После чего князь ударил на запад, на готов, продвигавшихся вслед за русами по Висле к Бугу и Припяти. «И потом начал с готами биться, и сила народная одолела в битве» (III 34). «И так земля наша осталась от края до края Русколанью, в битвах данной нам богами и очищенной от врагов» (III 34). Столицей ее стала Голунь. Может быть — древний Гелон (Бельское городище в Полтавской обл.), а может — другой город, получивший то же имя. «Предрешено было в старые времена, чтобы мы сплотились с иными, сотворив державу великую от рода этого, имели Русколань нашу около Голуни, и триста городов и сел, огнищ дубовых обрели. Там и Перун наш и земля» (I 2a). «Лань», как уже отмечалось — земля, страна. В «Велесовой книге» встречается и сочетание «Грецколань». А «Русколань» — страна русов.

Это название многое объясняет. Дело в том, что существует еще одна гипотеза происхождения русов — не от ругов, а от роксоланов. Наиболее полно она разработана Г.В. Вернадским [35]. Правда, его выводы грешат множеством натяжек и серьезной критики не выдерживают [229]. Но и полностью отбрасывать их нельзя. Потому что как «ругская», так и «роксоланская» версии, взятые по отдельности, наталкиваются на ряд серьезных противоречий.

По археологическим данным, образованию русского государства соответствует возникшая во II в. в Поднепровье высокоразвитая Черняховская культура. Считать ее родоначальниками роксоланов никак нельзя. Они были степняками-скотоводами, а эта культура распространялась по лесостепям и была земледельческой. К тому же, роксоланы жили рядом со славянами 300 лет — и ничего подобного почему-то не появлялось. Во второй половине II в. в Восточной Европе действительно зафиксирован новый народ, на что указывает даже тип захоронений. И племена Зарубинецкой культуры, и роксоланы своих покойников погребали в земле, а в Черняховской культуре наря-

ду с такими погребениями появляется кремация — которая и позже была характерна для русов.

Однако с другой стороны, продвижение Черняховской культуры на юг и выход ее на открытые лесостепные пространства означает успешную борьбу со степняками — ведь новые поселения славян стали возникать во владениях языгов! И борьба была не оборонительной, а наступательной! Большинство черняховских поселений даже не огораживались. Значит, они уже не ожидали набегов. Степь стала для них безопасной. Языги в это время окончательно вытесняются в Паннонию. Мало того, археологами найдены остатки валов, сооруженных от Дуная через Тису до гор Дакии. Они защищали паннонское царство языгов с севера! Выходит, их не только изгнали, а еще и угрожали им, и угрожали нешуточно.

Но... успешные боевые действия против кочевников и борьба с ними за степи и лесостепи вряд ли стали бы возможными без сильного конного войска. А его ни у переселенцев-русов, ни у местных славян быть не могло. Отметим и другой факт. Согласно историческим хроникам, никакого ослабления роксоланов в этот период не отмечалось. Напротив, они вдруг резко усиливаются и занимают в Причерноморье господствующее положение. И усиление это идет параллельно с развитием Черняховской культуры! Непротиворечивый вывод напрашивается только один — «ругскую» и «роксоланскую» гипотезы следует объединить. Русы, создавая свое государство, заключили тесный союз с роксоланами. «Сплотились с иными» в «Велесовой книге» означает не только славян, а и роксоланов.

Ведь и положение роксоланов ко II в. оказалось затруднительным. Они враждовали с языгами. С востока давили аланы, уже начали проникать за Дон, появляться на Дунае. А с запада к Причерноморью прорывался новый враг — готы. Сближение роксоланов со славянами, видимо, началось еще раньше, в ходе совместных войн с даками и римлянами. А союз с русами стал для них жизненной необходимостью. И кто знает, возможно, что установлению прочных контактов действительно способствовало сходство этнонимов, и слово «русколань» каждый понимал по-своему? Одни — как собственное племенное наименование, другие — как «страну русов»?

Возникновение этого союза подтверждается многими фактами. С конца II в. в Танаисе и Пантикапее вдруг появляются роксоланы не только с иранскими, но и со славянскими именами — Ант, Хорват. Славянские имена с этого времени обнаруживаются и на надгробиях греческих городов, входивших в сферу влияния роксоланов. Если в I в. римские авторы причисляли роксоланов к чисто сарматским народам, то с III века начали их отличать и от сарматов, и от аланов [213]. Хотя в процессах ассимиляции союзных народов победили язык и культура русов, а не роксоланов. Но отметим, что даже во времена Киевской Руси славяне в боевых действиях сочетали и сарматскую тактику — лобовой удар тяжеловооруженных конных дружин, и тактику рогов — натиск плотного строя тяжелой пехоты, защищенной сомкнутыми щитами и врубающейся в ряды врагов мечами и боевыми топорами — так сражались, например, новгородцы.

К сожалению, фрагментарность текстов «Велесовой книги» не позволяет точно восстановить последовательность действий князя Кия. Но из них видно, что восточная граница державы утвердилась по Волге, были отвоеваны южные степи: «Языци отвратились к югу» (II 56). «И так, борясь, мы познали силу свою и пошли от Голуни и до Сурожской земли... и прямо на юге были греки, и с ними мы торговлю творили» (III 34). «И тут оделили степями теми роды свои и обрели Скифию Великую» (III 34). В состав нового государства вошла Крымская Скифия — «Суренжань». Все это подтверждается римскими источниками. И то, что языги были изгнаны из Причерноморья именно «роксоланами». И то, что Крымская Скифия, пришедшая к этому времени в упадок, в конце II в. попала под власть «роксоланов». Прекращаются и появления аланов на Дунае. Очевидно, теперь сложилась сила, способная не пускать их через свои степи.

Хотя на самом деле победы одерживались не только роксоланами. Русы и славяне перенимали сарматский тип вооружения и тактику боя. А славянские города и поселения обеспечивали прочную тыловую базу объединенного войска. И барельефы II — III вв., обнаруженные на территории Русколани, представляют нам облик тогдашних ее воинов. Уже похожих на

привычный нам образ русских витязей. На конях с длинными копьями, в остроконечных шлемах и кольчугах, поверх которых накидывался плащ-корзно.

Таким образом возникла Первая Русская империя. На севере граничащая с дружественными финнами, на востоке — с уграми и гуннами, на юго-востоке с аланами, на юго-западе — с римлянами, а на западе с готами. Как гласит «Велесова книга»: «Умные изгнанников храбростью укрепили, и тогда мы пошли на восход солнца, с обеих сторон реки видя, и там осели, где мать Сва-Слава рекла, и обеими своими крыльями освятила ее, так обрели землю ту, и оборонили ее от дасуни и гуннов, также к готам обратили стрелы свои и мечи отточенные» (II 13). (Дасунь — древнеарийское слово, в «Ригведе» им обобщенно обозначаются враждебные неарийские племена).

Как показывают археологические данные, в хозяйственном и культурном плане образование нового государства вызвало резкий подъем у восточных славян. От Волыни до Северского Донца распространилась Черняховская культура с развитым земледелием, скотоводством, ремеслом, многочисленными поселениями. Причем доказано, что возникла эта культура на Среднем Днепре, а затем несколькими потоками начала расширяться на восток — по Десне, Сейму и Северскому Донцу, и на юг — по Днепру, Южному Бугу и Днестру, что полностью соответствует текстам «Велесовой книги». Можно выдвинуть и гипотезу, что как раз русы принесли восточным славянам письменность. Ведь руническое письмо в Прибалтике было уже известно и отсюда распространялось на восток [152]. А в источниках, относящихся ко II — III вв., встречаются указания на некие «савроматские знаки» [42, т.6].

«Повесть временных лет» тоже упоминает князя Кия, но смутно и отрывочно, лишь как основателя Киева вместе с братьями Щеком, Хоривом и сестрой Лыбедью (в которую, вероятно, превратился его сын Лебедян). Причина столь скудной информированности Нестора ясна. Если «Велесова книга» писалась через 600 лет после Кия, то «Повесть временных лет» — через 1000. Но между Кием и Нестором лежали не только века, а еще и обрыв исторической традиции. Точнее, два обрыва. Первый — с приходом «варягов», второй — с принятием христианства. Не-

стор сообщает, что Кий побывал на Дунае, где заложил г. Киев, но не удержался там, вытесненный местными народами. Возможно, князь попытался установить границы своего царства по Нижнему Дунаю. Или вслед за изгнанными языгами продвинуться в Паннонию, где как раз шли описанные выше Маркоманские войны.

Также «Повесть временных лет» рассказывает, что Кий ходил «к Царьграду»: «И ходил он к царю — не знаем только, к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил». Ни в какой «Царьград» Кий, конечно же, не путешествовал — Константинополь был основан позже. Просто для летописца XII века «ходить к царю» однозначно увязывалось с посещением Царьграда. Но во II в. образ жизни римских императоров значительно отличался от средневековой Византии. Владыки Рима еще сами разъезжали по провинциям и вели войны, и Кий вполне мог встречаться с кем-нибудь из них на границе. И при этом, естественно, был осыпан милостями и подарками — римляне всегда поступали так с вождями «варваров», если желали купить мир и союз с ними.

По времени правления подходят Марк Аврелий, Коммод и Септимий Север. Как мы видели, все они довольно часто общались с правителями северных «варваров». Но вообще-то, во времена Кия «царей» вокруг Руси было гораздо больше, чем во времена Нестора. Возможно, предания, дошедшие до летописца, имели в виду встречу с царем готов, угров, гуннов, аланов. Нельзя исключить, что он через Закавказье связывался с парфянским царем. Или легенды приписали Кию события более далекие — вроде описанных в прошлой главе переговоров императора Адриана с царем роксоланов, завершившихся выплатой римской дани.

Первая Русская империя просуществовала недолго. «Велесова книга» дает нам хронологию: 30 лет правил Кий, 20 лет — его сын Лебедян, 20 — Верен из Великограда, 10 — Серезень, а потом Причерноморье было захвачено готами (I 26). Хотя, конечно, реальные даты не могут быть столь «круглыми», но даже приблизительная информация лучше, чем никакой. Итого получается около 80 лет. Если образовалась Русколань где-то в

160 -х гг., как мы приблизительно определили ранее, то просуществовала она до 240-х годов, что и впрямь близко совпадает с завоеванием готами этого края (235— 240 гг.). Так что все сошлось.

Академики А.А. Преображенский и Б.А. Рыбаков, исследуя памятники литературы Древней Руси, пришли к выводам: «Боян, согласно «Слову о полку Игореве», воспевал... далекие «траяновы века». Траяновы века у Бояна — это не годы царствования римского императора Марка Ульпия Траяна..., а почти три столетия мира и благоденствия в жизни славянских племен... Именно в века траяновы и складывались предпосылки к образованию Русского государства... Дата Черняховской культуры точно совпадает с траяновыми веками — II — IV вв.» [161]. С этим вряд ли можно согласиться. Во II в. образовались не «предпосылки», а само государство. Оно действительно благоденствовало и процветало.

Но жизнь его была далеко не мирной. Были столкновения с языгами, костобочками. «Языги и костобочки разили со злобой, убегали и воровали коров наших» (II 56). Античные источники упоминают о войнах «сарматов и тавроскифов» с Боспором и Херсонесом в III в. Это был период степной засухи, и «Велесова книга» подтверждает, что русичи в период бескормицы вели войну с греками, отобрав у них сенокосы. Сражались и с римлянами.

Кстати, косвенным подтверждением того, что в Восточной Европе возникло крупное славянское государство, может служить и такой факт. Прежние пограничные контакты римлян на Нижнем Дунае происходили, в основном, с роксоланами. Теперь же роксоланы продолжали жить и здравствовать в Причерноморье, но политическими соседями Рима оказываются уже вдруг не они, а «карпы». То есть, карпатские славяне, известные римлянам еще по Дакийским войнам. Но упоминания о них становятся такими частыми и ведут они себя так активно, что напрашивается объяснение: латинские авторы начали обозначать знакомым этнонимом вообще всех славян как таковых.

«Велесова книга» говорит о нападениях римлян. Античные источники, наоборот, возмущаются постоянными набега-

ми карпов с роксоланами. Очевидно, имело место и то, и другое. В начале III в. по всей северной границе, в том числе и придуннайской, начинают строиться и усиливаться римские укрепления. Значит, нападения извне происходили. Да только и римляне были отнюдь не безобидными овечками. Так, при Септими Севере в число их владений вдруг попадает Ольвия в устье Южного Буга. Прежде она входила во владения скифского и роксоланского царей, теперь же в ней появляется римский гарнизон, возводятся новые стены. Даже если город добровольно перешел в подданство императора, очень трудно предположить, чтобы роксоланы и русы допустили это без войны.

А в 214 г. на Дунай пожаловал император Антонин Каракалла. Якобы одержал здесь грандиозную победу над «даками» и карпами и присвоил себе за это титул Дакский Великий. Чему верить вовсе не обязательно. Поскольку Каракалла был того же поля ягодой, что Калигула или Коммод. Утопал в оргиях и в крови всех неугодных, в борьбе за власть прикончил брата Гету вместе со всеми его знакомыми. Заехав в Трою, Каракалла отравил своего любовника — только для того, чтобы разыграть «похороны Патрокла Ахиллом». Обвинил в прелюбодеянии весталку — из чистого любопытства, захотел посмотреть на древний обряд ее казни. Приказал перебить всех жителей Александрии, сочтя, что они саботируют его распоряжения. Когда в число приговоренной знати попали несовершеннолетние девчонки, и ему напомнили, что по закону казнить девственниц запрещается, он согласился, что законы нарушать нельзя, и обреченных стали лишать девственности, а уж потом отправлять на смерть.

Но, в отличие от Коммода, он был еще и обуян жадной воинской славой. Позорно проиграл в Британии войну с каледонцами и пиктами, объявив ее победой. Все говорит о том, что и на Дунае произошло то же самое. Потому что никаких деталей «великой победы» хроники не сообщают — хотя Каракалла возил с собой кучу историков и поэтов, и при реальной удаче они позаботились бы расписать ее поярче. Ни малейших территориальных приобретений римлянам эта война не принесла. Наоборот, сразу после нее на Дунае был возведен дополнительный оборонительный вал. А Каракаллу в народе вместо Дак-

ского стали звать Гетским — намекая на убийство Геты. Судя по всему, он просто вторгся на славянские земли и был выбит обратно. Не об этих ли сражениях сообщает «Велесова книга»? «Это римляне увидели и замыслили злое на нас и пришли с воинами своими в железных бронях и напали на нас, и потому долго оборонялись от них и отваживали» (II 7а). «И бьет крыльями матерь Сва-Слава... речет та птица о гриднях бурсинских, которые от римлян пали около Дуная возле Траянова вала» (II 7ж).

Однако археологические данные говорят не только о войнах с римлянами, но и о периодах интенсивной торговли с ними. При раскопках селений Черняховской культуры находят множество амфор для вина и масла, импортной посуды, украшений и предметов быта, а клады содержат огромное количество римских серебряных монет II — III вв. Главным продуктом экспорта из восточнославянских земель было зерно. Впервые со времен крушения Скифии здешнее земледелие вновь вышло на товарный уровень. И для Римской империи Русь за короткое время стала вторым по значению поставщиком хлеба после Египта! По обилию серебра, найденного в Поднепровье, исследователи предполагают, что у славян в это время существовало и денежное обращение на основе римских монет.

Ну а главная опасность для Первой Русской империи грозила не от внешних врагов. Она таилась у нее внутри. После смерти Кия, то есть в 190 — 200 гг., его держава начала распадаться. «И тут родичи стали делиться, кому старшим быть, ибо Кий отошел к отцам и праотцам умершим. Кий от нас ушел, и тут великая свара одолела Русь, которая стала ссориться до разделения и разделилась» (III 8/1). От Русколани отпала Русь Борусская — Правобережье Днепра. Возможно, ее столицей стал Киев — «Велесова книга» часто противопоставляет его Голуни. «Голунь была градом славным и триста городов сильных имела, а Киевград имел меньше, на юге десять городов и весей, и сел немного» (III 22).

Отделилась и Крымская Скифия. Но в результате осталась один на один с Боспором, была разгромлена и попала в зависимость от него. Царь Рескупорид III (правивший в 210—227 гг.) назвал себя «царем всего Боспора и тавроскифов». Даты впол-

не подтверждают хронологию «Велесовой книги». Которая тоже сообщает об установлении вассалитета: «А Суренжань не была княжеством сильным, ибо грекам давала врагам дань и также иным» (II бв). Распад и ослабление Первой Русской империи объяснялись, разумеется, не национальными особенностями славян. Закономерности оказались общими для многих держав, возникавших в эпоху Великого Переселения — держав могучих, но недолговечных.

НАШЕСТВИЕ ГОТОВ

Описывая Великое Переселение, историки традиционно не обращают внимание на несколько загадок. Первая — готы, погромив всех на Балтике, почему-то двинулись не к границам Римской империи, не на богатый юг, куда стремились другие племена. Нет, они зачем-то стали пробиваться в Причерноморье! Вторая загадка — обычно миграцию готов на Днепр принято изображать эдаким триумфальным маршем. Но это далеко не так. Готский историк VI в. Иордан сообщал, что Филимер, во времена которого готы находились на Висле и «под предводительством которого его народ вступил в землю скифов», был «пятый в порядке лиц, управлявших королевством готов по удалении их с острова Скандзы» (из Скандинавии). Причем, он привел переселенцев в некую «страну Ойум» — «изобилующую водой» и лежащую где-то западнее Днепра. Сами понимаете, такое описание никак не подходит к скифским степям. Скорее, это Полесье, куда как раз и вела в древности главная дорога с Балтики в Поднепровье — по Висле, Западному Бугу и в Припять. Итак, четыре короля сменились, прежде чем готы смогли не овладеть «скифской землей», а только «вступить» в нее, зацепиться за ее окраину.

Рассмотрим реальные даты. В греческих причерноморских полисах нашествие готов отмечено в 235 — 240 гг. На 80 лет позже их вторжения на материк. Историография весьма осторожно старается обходить эту неувязку, выстраивает предположения, что готы, мол, появились в Причерноморье раньше, «постепен-

но осваивая» новые земли, но это представляется весьма сомнительным. Получается, что воинственные пришельцы несколько десятилетий сидели тихо-мирно, а потом будто с цепи сорвались и ринулись грабить и громить всех соседей? Логичнее все же довериться зафиксированным датам. И картина «триумфального марша» расплзается по швам. Он растянулся на несколько поколений.

Значит, готов кто-то останавливал. Сделать это могла только Русь и княжества, на которые она разделилась. Иордан — историк весьма тенденциозный, он работал под покровительством готских королей, и о поражениях не сообщает. Но упоминает, что на какой-то большой реке (предположительно Днепре) готы вели войну со «сполами» — в которых нетрудно узнать полян (у Прокопия Кесарийского — «споры», у Плиния — «спалеи»). Эти сведения дополняет «Велесова книга»: «А прежде силу имели великую и оборонялись от нашествия готов... шестьдесят лет. И тут ильмеры (*финны*) нас поддержали, и мы имели победы над врагами, которые десятерых королей имели» (I 26).

Но тогда возникает другой вопрос. Если готы встретили на востоке сильное сопротивление, то почему они не повернули свою агрессию в другом направлении? Стоило ли переселяться с родины и воевать, чтобы целые поколения прозябали в лесах Польши и болотах Полесья, раз за разом повторяя попытки прорваться дальше? Выходит, готский «дранг нах остен» имел не случайный, а целенаправленный характер? На этот вопрос остается ответить только положительно. И причина лежит на поверхности. Это рассмотренные ранее легенды о переселении Одина и его сподвижников-асов! Если их записал Снорри Стурлссон в XIII в., то уж во II в. для скандинавов эти предания были совсем свежими, их наверняка знал каждый.

Знали и то, где находится прародина асов. В «Саге об Инглингах» рассказывается, что конунг Свейгдир, живший на рубеже I в. до н.э. — I в. н.э. совершил путешествие в старый Асгард, добрался до «страны турок» (очевидно Турана, Средней Азии), где «встретил сородичей», и вернулся обратно. Его поездка продолжалась пять лет. Готы и позже ездили далеко на восток. В Индии, в буддийском храме в 120 км от Бомбея, обна-

ружены две надписи середины II в., оставленные готскими купцами Ирилой и Китой.

Словом, если русы пришли в Причерноморье под флагом восстановления «Великой Скифии», то и готы шли отвоевывать «Великую Свитьод» своих божественных предков. Это была их «земля обетованная»! Переселение поддерживалось мощной идеологической базой. Отсюда и настойчивость в достижении цели. Нетрудно понять и то, почему о причине походов умолчал Иордан. Он был христианином и ссылаться на языческих богов было для него неудобно. Ведь тогда и подвиги готских королей, коих он превозносил, выглядели бы «от лукавого», от языческих соблазнов. Ложными и напрасными.

Княжества, на которые поделилась Русская империя, какое-то время сдерживали экспансию, но постепенно слабели в войнах и междоусобицах. А готы, наоборот, усиливались. Их цементировала общая идея. «Священный» поход наверняка подпитывался добровольцами из Скандинавии. А на новых местах проживания готы подчиняли окрестные племена, шел и естественный прирост — каждый воин в то время считал делом чести захватить нескольких пленниц-наложниц, а дети от венедек, русок, литовок становились полноправными готами. Успехам способствовало и то, что готы заключили союз с аланами — кстати, по самоназванию «асами». То бишь они оказались связаны мифологическим родством. К тому же аланы были врагами русов и роксоланов.

И в III в. готы в союзе с ними одолели славян, ворвавшись в Причерноморье. Донесение из Ольвии, относящееся к середине 230-х гг., гласит, что готы опустошили все окрестности, хотя римскому гарнизону удалось отстоять город. Надпись, обнаруженная в Танаисе и датированная 237 годом, сообщает, что город готовится к обороне. О результате сражения нетрудно догадаться, так как это последняя надпись, сделанная в Танаисе.

Полного покорения русичей в это время еще не произошло. Готы захватили лишь Поднепровье. Часть населения отошла восточнее, на Дон и Северский Донец, сохранив прежнее название княжества «Русколань». Об этом неоднократно сообщает «Велесова книга» (II 56; 32; II 4а). В одном из эпизодов она упоминает, как русичи отразили какого-то Гематериха, после чего

готы осели на «Малой Калице», распространяясь далее к берегу моря, а граница установилась по «Великой Калке». Локализацию русского княжества на Дону косвенно подтверждает Иордан — он называет роксоланов восточными соседями Готии. Подтверждается это и археологией — с III в. Черняховская культура стала перетекать на днепровское Левобережье, распространяться в лесные районы — верховья Днепра, Десны и Оки. В это же время переселились к северу финские племена — подальше от агрессивных пришельцев.

С III в. из хроник исчезает имя роксоланов как отдельного степного народа. Их владения, причерноморские степи, достались готам и аланам. А роксоланы вынуждены были отступить к русичам. И, очевидно, смешались с ними. Лесной, оседлый образ жизни, на который пришлось перейти роксоланам, способствовал быстрой ассимиляции. Русское княжество на Дону и Донце, скорее всего, признало какую-то форму зависимости от готов. Поднепровские племена были обложены данью. По-видимому, встреча с асами-аланами и легендарная река «Танаквисль», за которую приняли Танаис-Дон, убедили готов, что они уже достигли «Великой Свитьод». Тем более что до настоящей Свитьод — Согдианы, добраться через пустыни было более чем проблематично. С помощью аланов готы создали мощную конницу, вооруженную по сарматскому образцу. И вот теперь-то они обрушились на Римскую империю...

А она уже стала приходить в упадок. Наступила неизбежная расплата за века «господства над миром» и паразитарного существования. Разложившаяся знать погрязла в интригах. Разложившаяся чернь бездельничала среди дармовых удовольствий. Но те и другие кичились статусом «римских граждан»! И очень возмутились, когда Каракалла распространил римское гражданство на жителей провинций. Однако спорить в Каракаллой было категорически противопоказано. И проглотили. Зато провинциалы обрадовались «повышению» — и хлынули в Рим, чтобы тоже вкусить плоды своего гражданства.

Ни о каком величии культуры больше и речи не было. Настоящее жило за счет проедания прошлого. Новые храмы возводили не из мрамора, а лепили из цемента, для «галочки». Триумфальные арки императорам воздвигали из кусков разломан-

ных старых арок и монументов. Созданные ранее водопроводы, акведуки, канализационные системы разрушались, а для их ремонта уже не было ни специалистов, ни средств. Города превращались в грязные клоаки, то и дело вспыхивали губительные эпидемии — но на место умерших тут же стекались новые толпы сброда. В этой атмосфере и на императорском престоле возникали самые фантастические фигуры. Когда приближенные убили Каракаллу, императором стал его 14-летний племянник Элагабал. Который был жрецом темного сирийского божества Элагабала, отчего и получил прозвище. Он и во главе государства считал себя прежде всего жрецом, совершал жертвоприношения детей и женщин, каждый год брал новую жену и сам занимался сакральной проституцией, отдаваясь мужчинам в честь своего бога. И терпели такую власть 5 лет, пока тоже не прикончили.

Рим загнивал — а его соседи усиливались. На Рейне возникло мощное королевство алеманнов. А в Парфии князь Ардашир в 224 г. поднял восстание против царя Артабана. Изгнал парфянскую знать и стал основателем новой династии — Сасанидов. Укрепил государство, сделав своей опорой зороастрийскую религию. И лоскутная, раздираемая междоусобицами Парфия превратилась в монолитную Персию. После ряда успешных войн сын Ардашира Шапур I принял титул «царь царей Ирана и не-Ирана», и его владения раскинулись от Армении на западе до устья Инда на востоке. Противостоять таким соседям Рим не смог бы. «Настоящие» римляне настолько выродились, что были не способны даже защищать себя. Они уже и воинскую службу считали недостойным занятием, лучше паразитировать.

Но гибель империи отсрочила, как сказали бы сейчас, «утечка мозгов». Точнее — не только мозгов. Прежнее величие Рима, накопленные богатства, достигнутое благоустройство становились величайшим соблазном для соседних «варваров». И многие устремлялись сюда на поиски счастья — точно так же, как сейчас едут в Америку. В начале III в. уже вся римская армия была укомплектована из иллирийцев, фракийцев, сарматов, германцев, мавров, арабов, из них состояли не только солдаты, но и офицерский корпус. Таким военным Рим и его

граждане были, собственно, до лампочки — они служили только ради собственного обогащения и возвышения. И пошли непрерывные свары — эпоха «солдатских императоров». В 235 г. солдаты убили последнего из династии Северов, малолетнего Александра, и правившую от его имени мать Маммею, а на престол возвели Максимиана, по одним источникам, фракийца, по другим — сына гота и аланки. Против него выступили соперники — ведь и другие легионы считали выгодным иметь «своего» императора.

И как раз в этот момент на границы обрушились «варвары». Сперва ее попытались перейти племена, отступающие от готов — карпы, сарматы и даки. В 235 — 237 гг. Максимиан разгромил их и изгнал прочь. Но был убит взбунтовавшимися солдатами, провозгласившими императором Гордиана III. А в 238 г. готы вышли к Дунаю и взяли Истрию. С карпами они, видимо, пришли к какому-то соглашению. И последовали непрерывные набеги готов, аланов и славян. В 242 г. они разбили Гордиана под Филиппополем, разорили окрестные провинции. Император предпочел откупиться. Однако заплатил лишь тем, кто возглавлял коалицию — готам. А карпам, требовавшим не только субсидий, а и места для поселения, отказал. Тогда они прорвали границу и вторглись во Фракию. Но римляне как раз собирались воевать с Персией, и полководец Гай Фурий Сабин, направлявшийся с войском против Шапура I, по пути разбил и изгнал славян.

В 244 г. Гордиана одолел и убил префект преторианцев Филипп Араб. И тут же должен был отбивать следующее вторжение карпов. Три года воевал с ними в Дакии. А едва отразил (и присвоил себе титул «Карпийский»), как на римскую территорию опять напали готы. Несколько побед над ними одержал храбрый военачальник Деций. Но... солдатам такой вождь понравился, и они провозгласили его императором. А Филипп в разыгравшейся междоусобице был побежден и погиб.

В 250 г. случилось еще более катастрофическое нашествие. Под руководством готского короля Книвы готы и карпы вторглись двумя армиями. Деций отбросил войско Книвы, осадившее Никополь на Дунае. Но поражение оказалось не очень серьезным. Едва римские легионы от Никополя пошли против вто-

рой неприятельской армии, славянской, разорявшей Дакию, как Книва вернулся и устремился на юг. Император хотел его перехватить, форсированным маршем через Шипку повел войска наперерез. Но у Береи готы устроили ему засаду, атаковали и разбили. Римляне отступили, полчища готов и карпов хлынули на Балканы. Взяли Никополь, Анхиал, осадили Филиппополь. Возглавивший его оборону наместник Юлий Приск отбил несколько штурмов и... солдаты его тоже провозгласили императором. Поэтому помощи он не получил. И вынужден был капитулировать. Готы и их союзники полгода разгуливали по Балканам, набрали 100 тыс. пленных. Деций решил ударить, когда они с награбленным уходили на север. И напал на них в Добрудже, у Абритта. Возможно, Книва устроил ему ловушку — его воины оказались готовы к битве, загнали римлян в болото и учинили чудовищный разгром. Армия Деция была уничтожена, а сам он погиб.

Императором стал легат Нижней Мезии Требониан Галл, который заключил с Книвой мир, пообещав выплату дани. Но свое слово Галл нарушил, к следующему году собрал войско и под командованием мавританца Эмилиана направил против готов. Эмилиан сумел не только выбить «варваров», обосновавшихся на римских землях, но и провел масштабную карательную экспедицию за Дунай. Римляне прошлись огнем и мечом по территориям соседей, стремясь утратить их сожженными селениями и казнями. Захватили богатые трофеи. И для императора этот успех стал... смертным приговором. Потому что войска не преминули признать удачливого Эмилиана новым императором. А Галла предали и убили.

Но вскоре выяснилось, что экспедиция Эмилиана дала результаты сугубо отрицательные. Легионеры за Дунаем жгли и резали не разбирая, кто враг, а кто друг. Досталось и племенам, не принимавшим участия в набегах. И вся прежняя система «союзнчества» и дипломатических игр пошла насмарку. К следующим вторжениям присоединились роксоланы, языги, бастарны, вандалы, аланы... А легионеры, падкие до добычи и расправ над мирным населением, доблести отнюдь не проявили. Прятались по крепостям, а противник беспрепятственно разорил Дакию. Не осталось у римлян и элементарной порядочно-

сти. Едва против Эмилиана выступил другой полководец, Луций Валериан, как солдаты предали и убили бывшего кумира, переметнувшись на сторону нового.

В каком качестве участвовали в этих войнах славяне и роксоланы? Готских союзников, привлеченных возможностью пограбить и свести с римлянами старые счеты? Или подневольных вассалов? Факты показывают, что имело место и то и другое. Карпы, т.е. славяне, вторгавшиеся в 235 — 237 и в 242 гг., просили разрешения поселиться в империи. Значит, хотели уйти от готов и найти защиту от них. А в 250 г. армии готов и карпов действовали по отдельности, но согласованно между собой. Следовательно, были союзниками. Ничего удивительного в этом нет. Ведь готы не были едины. Их было три племени — остготы, вестготы и гепиды, управлявшиеся своими королями. Иногда они выступали совместно, иногда соперничали. Но и у славян не было единства. Существовала межплеменная рознь, погубившая Русскую империю. Поэтому вполне логично, что одни были покорены готами, а другие становились их друзьями — неизвестно, до какой степени надежными.

Кстати, ряд исследователей, и не только западных, а и отечественных, выдвигают версию о цивилизаторской деятельности готов в Причерноморье. Мол, именно они впервые принесли «темным» славянам основы государственности, организующее начало. Порой выставляют их даже главными носителями и родоначальниками развитой Черняховской культуры. Но авторам подобных гипотез можно лишь посоветовать открыть глаза на очевидные факты. Как было показано, расцвет Черняховской культуры характеризовался подъемом торговли с Римом и городами Северного Черноморья. Однако как раз с середины 230-х годов в этих городах отмечается жесточайший экономический кризис.

С 235 г. и в Тире, и в Ольвии прекращается чеканка монеты, на Боспоре в 260-х гг. вместо золотых монет входят в обращение медные. Нимфей и Мирмекий вообще были оставлены жителями. Во всех причерноморских городах приходят в упадок искусства и ремесла, прекращается строительство домов и богатых гробниц. Замирает внешняя торговля — даже в светильниках вместо привозного оливкового масла начинает исполь-

зоваться местная нефть, добываемая в примитивных колодцах. Гончарные мастерские вместо изящных ваз и амфор переходят на грубую керамику, пригодную только для собственных нужд [42]. Не увязать эти явления с нашествием готов, четко совпадающим по времени, никак нельзя.

Что же касается Черняховской культуры, то с середины III в. здесь резко уменьшается приток предметов римско-греческого производства, а в обнаруженныхкладах — количество римских монет (которые, в отличие от других изделий, можно точно датировать). А это говорит не только о сворачивании торговли. Ведь именно с середины III в. начинаются набеги готов на римские владения. Следовательно, племена Черняховской культуры в готских вторжениях не участвовали. А если и участвовали, то в подневольном качестве, исключаясь из раздела добычи. Между прочим, отсутствие вкладах монет второй половины III века датирует и время, когда они зарывались. В момент готского завоевания. Жители Поднепровья прятали свои богатства и ушли или погибли — иначе их сокровища не остались бы в земле до наших дней.

Где-то в это время готы завоевали и Крымскую Скифию. Около 250 г. их поселения появляются в Крыму. Здешние греческие города уцелели. Херсонес имел очень сильные укрепления, взять его было трудно. Но трусливых работорговцев Боспора готы напугали так, что царство фактически отложилось от Рима и предало его. Боспорцы предоставили завоевателям свободный проход через Керченский полуостров и пролив, передали в их распоряжение свой флот, что позволило готам захватить города Тамани.

А приазовские герулы и бораны заключили с пришельцами союз. В 256 г. на боспорских судах и своих лодках они вышли в море и атаковали г. Питиунт (Пицунда). Первая попытка завершилась неудачей, но на следующий год герулы совершили морской рейд уже вместе с остготами, взяли и разграбили Питиунт и Трапезунд. А вестготы захватили г. Тирас, сделали его своей базой, построили корабли и в 258 г. совершили поход в Эгейское море — разорили Халкедон, Никею, Никомедию. Отсюда, кстати, видно, что готы поддерживали связь с соплеменниками, оставшимися на Балтике. Потому что в течение нескольких по-

колений «сухопутной» жизни навыки кораблестроения и мореходства вряд ли сохранились бы.

Ну а очередной римский император Валериан оказался честным и талантливым правителем. Сумел за 6 лет царствования навести порядок в стране, укрепил границу на Дунае, отбил несколько нападений. Но государству стали угрожать персы, Валериану пришлось выступить против них. А капризные и развращенные легионеры проявили свои худшие качества. Во время битвы, испугавшись персидского войска, они взбунтовались и заставили Валериана сдаться. Он погиб в страшной темнице персидских царей — «башне молчания». И империя раскололась на трое. В Риме властвовал Галлиен, оставленный на время похода Валерианом. На западе узурпатор Постум провозгласил Галльскую империю, а с востока вторглись персы. Отбиться сумела богатая Пальмира. Ее наместник Оденат организовал под своим началом соседние провинции, создал сильное войско и очистил от персов захваченные ими территории.

В этой войне он погиб со старшим сыном. И от имени второго сына, малолетнего Вабаллафа, стала править вдова Одената — знаменитая в то время красавица Зенобия. Она проявила себя мудрой и деятельной властительницей. Пальмирские войска заняли Египет, большую часть Малой Азии. В условиях хаоса, охватившего римские владения, многие города и провинции добровольно признали власть Зенобии. В том числе Боспор и его соседи. В результате случилось так, что часть Крыма и нынешней России вошли в состав Пальмирской империи — под ее юрисдикцией оказались Тамань, низовья Кубани, приморские районы Кавказа. Причем из трех обломков Римской державы эта империя выглядела самой благополучной.

В Риме же Галлиен оказался карикатурой на императора — он даже на монетах распорядился изображать себя в женской одежде с надписью «Галлиена Августа». А последующие римские историки величали его «презреннейшим из всех женщин». Но предаться излюбленным «голубым» развлечениям обстановка ему почти не позволяла. Пользуясь развалом в Риме, на него полезли все соседи. Даже ослабленные маркоманы ворвались в Италию. Галлиен купил мир лишь ценой уступки территорий и женился на дочери маркоманского царя (хотя жена ему могла

понадобиться только в политических целях). Но следом, желая получить такие же уступки, напали квады, вандалы, бастарны.

Продолжались и морские набеги готов — в 262, 264, 267 г. Они грабили Вифинию, Каппадокию, Кизик, Афины, Коринф, Лемнос, Скирос. Галлиен отправился в Дакию отражать карпов, но был убит заговорщиками. В 269 г. на империю обрушилось комбинированное нападение вестготов, гепидов, герулов и бастарнов. Огромная флотилия захватила Фессалоники, а сухопутное войско дошло до Иллирии. Очередной император Клавдий II сумел разгромить противников у реки Моравы. Но заразился чумой и умер — став единственным из властителей этого периода, чью смерть можно было считать «естественной». А власть после новых междоусобиц досталась Аврелиану.

Нападения не прекращались. Особенно туго римлянам пришлось в 271 г. Языги, свевы и вандалы, разбив противостоящие легионы, прорвались в Италию, а готы, карпы и аланы во главе с готским королем Карнабудом — в Дакию, Фракию и Иллирию. Хотя Риму это, может быть, пошло на пользу. Смертельная угроза сплотила граждан, подняла авторитет императора. Аврелиан мобилизовал все силы, пришлось опять прибегнуть к вооружению рабов. И в Италии вторгшиеся племена удалось побить по частям. После чего император выступил на Нижний Дунай и в нескольких боях остановил наступление Карнабуда.

Римские источники вознесли до небес победы Аврелиана. Что не имеет отношения к истине. Поскольку после этих «побед» Аврелиан решил вообще оставить Дакию «варварам». Гарнизоны из нее выводились. Желаящим жителям предлагалось эвакуироваться. Но многие остались. Ведь Дакия традиционно являлась местом ссылки — сюда направляли опальных и депортированных со всех концов империи. Причин для любви к Риму у них не было. Да и вряд ли под властью «варварских» королей жилось хуже, чем в империи, терзаемой непрерывными набегами и смутами. И оставшееся в Дакии смешанное романизованное население стало предками румын и молдаван.

Но когда Аврелиан отступил за Дунай, последовало еще одно вторжение карпов. Император их якобы тоже разгромил, приняв титул «Карпийский Великий». Что также достойно сомнения. Поскольку это были какие-то славянские племе-

на, стремившиеся всего лишь уйти от готов. И конфликт завершился тем, что Аврелиан разрешил им поселиться на римской территории, выделив земли южнее Дуная. Что ж, в данном случае он и впрямь поступил мудро. Лишил готов подневольных союзников, превратив их в охранников своих границ. Увидев такое дело, в римское подданство попросилась и часть вандалов, ругов. Их тоже приняли.

А свое войско, сплотившееся и закалившееся в походах, Аврелиан направил с Дуная на Пальмиру. После первых же римских побед держава Зенобии посыпалась, как карточный домик. От нее поспешно отпали, перекинувшись к Аврелиану, Египет, Сирия, Малая Азия. В 273 г. состоялся второй поход. И Пальмирская империя прекратила существование. Ее великолепная столица, считавшаяся «жемчужиной Востока», была взята штурмом и так разрушена, что больше уже не восстановилась. В 274 г. Аврелиан завершил восстановление государства, сокрушив Галльскую империю. И впервые за долгое время потешил жителей Рима зрелищами сразу трех пышных триумфов. «Дакского» (несмотря на потерю Дакии), «Пальмирского» и «Галльского».

Вели пленных, разбив их по национальностям, чтобы число «побежденных народов» выглядело повнушительнее: готы, аланы, языги, роксоланы, вандалы и т.п. Ради экзотики провели и полуголых «амазонок» в мужских штанах — сарматок или славянок. Провели в золотых цепях и пальмирскую императрицу Зенобию, и вскоре она умерла (вероятнее — умертвили). Огромные трофейные богатства помогли на какое-то время возродить римский «блеск» и «величие». Точнее — иллюзию величия. Ведь эти богатства были награблены в Пальмире и Галлии, в своих же «объединяемых» провинциях. Получалось, что Рим ради ублажения столицы начал пожирать собственные окраины. Ничего хорошего не принесли победы и Аврелиану. В 275 г., как только исчезла внешняя опасность и обстановка в государстве стабилизировалась, подданные его тоже убили..

Но этот же упадок и хаос в империи способствовал широкому распространению христианства. Оно становилось единственным пристанищем для чистых и честных людей. Единственным надежным и светлым, за что можно было держаться в

таком мраке. Христианство завоевывало популярность и в армии — впрочем, наряду с митраизмом. Обе эти религии нетерпимы к предательству, и принадлежность к общинам давала гарантию, что товарищ не изменит, не бросит в беде. На христиан одну за другой устраивали страшные кампании гонений. Их казни превращались в традиционную забаву той же развращенной черни. Но ничего не помогало. Христиан становилось все больше и больше...

ИМПЕРИЯ ГЕРМАНАРИХА

После сдачи римлянами Дакии в Трансильвании обосновалось королевство гепидов, на восток от них до Днестра — вестготов, которыми правила династия Балтов, а от Днестра до Дона — остготов, во главе с династией Амалов. Сохранялось и княжество русичей на Дону и Донце. И в течение всего периода соседства с готами возобновлялись войны. Как свидетельствуют тексты «Велесовой книги», протекали они с переменным успехом. То одолевали готы, облагая славян данью, то русичи восстанавливали свою независимость.

В Риме же пошла настоящая вакханалия цареубийств и переворотов. После Аврелиана одного за другим прикончили троих императоров. Четвертый, паннонец Проб, попытался найти кардинальное решение причерноморской проблемы — и придумал натравить на готов франков. Провел с ними переговоры, обещал выделить корабли, чтобы франки отправились на Черное море и поселились там, им были обещаны Крым, Тамань и район Ольвии. Они вроде согласились, прислали в Италию десантный корпус. Но стать «Францией» российским краям было не суждено. В чем-то союзники с римлянами не сошлись. И, получив обещанные суда, ушли на них не в Черное море, а в Северное, причем по дороге пограбили Сицилию и Африку.

А вскоре убили и Проба, за ним еще пятерых императоров. И лишь в 284 г., одиннадцатым за десять лет, стал Диоклетиан, прекративший смуты. Уничтожив всех соперников, он плюнул на прогнивший Рим, перенес столицу в малоазиатскую Нико-

медию и окружил себя преданной гвардией из горцев. Отмел он и остатки республиканской мишуры, приняв титул уже не «принцепса сената», а царя (*dominus*) государства. Ввел в стране жесткую бюрократическую систему. Не доверяя наместникам, рвущимся к власти, назначил трех младших соправителей, еще одного «августа» и двух «цезарей», которые по идее должны были по цепочке наследовать друг другу.

Туго стало в империи и с финансами. Ведь захватнических походов давно уже не было. Значит, требовалось найти другие источники. И Диоклетиан обложил всех жителей империи большими налогами. Римские граждане, не привыкшие ничего давать, а только получать, взвыли — но деваться было некуда, император наводил порядок очень крутыми мерами. Ему тоже пришлось воевать на Дунае, отражать нашествия с севера. В 295 г. еще какие-то племена карпов захотели уйти из-под власти готов. Диоклетиан разрешил им поселиться на римских землях, предоставив права «федератов» — младших союзников, живущих по своим законам и во главе со своими правителями, но обязанными выставлять войско в помощь римскому.

Но и Диоклетиан со временем отчаялся вернуть империи былое величие. В 305 г. он отрекся от власти и зажил частным лицом в Спалатро, построив там себе «дом величиной с город». А Рим сразу рухнул в хаос следующей гражданской войны. В которой победил Константин Великий — в отличие от яркого гонителя христиан Диоклетиана, он догадался поднять на знамени знак Креста. Но и в его легионах, и у его противников большинство солдат уже были тайными христианами. Крест и определил исход борьбы. Константин по примеру Диоклетиана отмежевался от такой обузы, как Рим. А новую столицу заложил в 330 г. на месте городка Византий. Советников и вельмож перевел сюда только тех, кого выбрал сам. И своей опорой в возрождении империи сделал христианскую Церковь.

Важные процессы протекали в это время и в готских королевствах. Здесь под властью королей Атала (правил в 284 — 317 гг.) и Агиульфа (318 — 350 гг.) начало возвышаться государство остготов. Правой рукой Агиульфа, военачальником, а потом и соправителем стал его сын Германарих. Иордан в своих хрониках сравнивал его с Александром Македонским, а Амми-

ан Марцеллин писал, что это был «наиболее воинственный монарх, вызывающий испуг соседних наций, благодаря своим многочисленным и различным доблестям». Преимущества остготам давал союз с аланами. И, опираясь на него, Германарих повел борьбу за образование единой готской империи.

Одолел вестготов с гепидами, а их королей лишил власти и низвел до положения «судей». Потом обрушился на остальных соседей. Эти войны обострили ситуацию в римском порубежье. В 332 г. готы перешли границу на Нижнем Дунае, но Константин II, соправитель Константина Великого, отразил их нападение. Однако на сопредельной территории готы напали на роксоланов и другие племена, в том числе славянские. Римлянам это не понравилось, они вмешались, нанесли ряд ударов по готам, и был заключен мирный договор. Готы обязались не нарушать границу по Дунаю и поставлять вспомогательные отряды в римскую армию. Но в 334 г. война между готами, сарматскими и славянскими народами возобновилась. Драки перекинулись и на римскую территорию, где уже проживало немало «варваров».

Тогда на Дунай пожаловал сам Константин Великий с войском. Провел ряд боевых операций, но больше переговоров, и стабилизировал обстановку. В той степени, как это требовалось римлянам — чтобы «варвары» прекратили драться внутри империи и вблизи ее границ. Если хочется, пусть месятся где-нибудь подальше. Авторитет Константина среди готов был действительно очень высоким. В отличие от славян, они вообще преклонялись перед римской культурой и порядками. Когда Константин укрепил империю, то и набеги прекратились. При Агиульфе и Германарихе возобновилась широкая торговля зерном, Причерноморье теперь кормило Константинополь. Значит, под властью этих королей восстановилось сельское хозяйство, разрушенное готским вторжением. Хотя уже отмечалось и другое — римских монет данного времени в славянских кладах нет. То есть торговали не земледельцы, а готские короли, собирая хлеб в виде дани.

Впитывая все римское, как губка, часть готов обратилась в христианство, для чего епископ Ульфила перевел Священное Писание на готский язык. Но произошло это в 340 — 347 гг., ко-

гда над православием одержало временную победу арианство. Поэтому и готы стали арианами. А поскольку с готского Писание оказалось легче переводить на другие германские и близкие им языки, то арианство пошло и к бургундам, лангобардам, вандалам, аланам. Впрочем, сперва была крещена лишь небольшая часть готов. Государственной религией христианство еще не стало, и короли были язычниками. У них сохранялось многоженство. Как у всех германских народов, были распространены человеческие жертвоприношения. За победы благодарили Одина, закалывая пленных. С покоренных взимали дань не только материальными ценностями, но и «кровью», рабами и рабынями, и некоторые из них тоже кончали жизнь на алтарях.

Точную последовательность завоеваний Германариха мы не знаем. Иордан описывал его деяния спустя 200 лет, по устным преданиям, многое искажил. Так, если верить ему, то получится, что Германарих унаследовал трон в возрасте 85 лет. Очевидно, это преувеличение. Он был уже пожилым человеком, но оставался еще весьма энергичным. А среди народов, которые он завоевал, у Иордана перечисляются гольтескифы (галинды), тиуды (чудь), васинобронксы (весь), меренс (меря), морденс (мордва), имнискиры (германское племя), роги (дунайские руги), а также какие-то неизвестные «тадзанс, атаулы, навего, бубегены, колды». Из римских источников известно, что Германариху подчинились языги, карпы, вандалы, тайфалы. Были окончательно покорены и «росомоны» — «люди рос». Что подтверждает и «Велесова книга»: «И была повержена Русколань от готов Германариха. И они брали женщин от рода нашего и повергли вождей наших, когда текли на нас» (32). А византийская хроника Никифора Григоры упоминает русского князя, занимавшего придворную должность при Константине — вероятно, эмигранта.

В подданство Германариха перешел и Боспор. Получив от этого огромную выгоду, теперь готы сбывали сюда рабов, захваченных в походах. Но долго сопротивлялись приазовские герулы. Иордан называет их племенем «очень подвижным», воинственным и «высокомерным». Рассказывает, что в большей части они были перебиты, но все равно не хотели подчиниться. И отбивались во главе со своим «герцогом» Аларихом (имена, естественно, искажены в готской передаче, а окончание «рих» зна-

чит «царь» или «князь»). Лишь после того, как Германарих еще раз погромил герулов, остатки их признали его власть.

После этого готский император выступил против венедов. В данном случае имеются в виду славяне на Висле, в Приднестровье и Побужье.. Иордан именует их «достойными презрения» и сообщает, что Германарих их разгромил, хотя венеды были сильны, многочисленны и «пробовали сопротивляться». А Аммиан Марцеллин уточняет, что проиграли они только из-за плохого вооружения. То ли тем же, то ли другим походом Германарих покорил и «эстиев» — литовцев-айстиев. Красноречивые следы этих войн находят археологи — и на Волыни, и в верховьях Вислы обнаруживаются славянские поселения IV в. со следами поспешного бегства жителей, пожарищами, брошенным имуществом, и опять же — множеством зарытых кладов, за которыми хозяева так и не вернулись.

В итоге империя остготов раскинулась на огромном пространстве от Дуная до Верхнего Поволжья и от Балтийского до Черного морей. Впрочем, как уже подмечено историками, многочисленные народы, побежденные и обложенные данью, никак не могли составлять прочную державу. Завоевания удерживались лишь силой меча, а племена, живущие на окраинах империи, надо думать, числились подвластными лишь номинально.

А между тем по соседству усиливалась другая держава. Гуннов. И вот у них-то характерной особенностью оказалось умение находить союзников, устанавливая взаимовыгодные отношения с иными народами. Даже когда они жили рядом с Китаем, многие жители Поднебесной империи бежали в их владения, утверждая, что «у гуннов жить весело». А на Волге и Урале гунны 200 лет прожили вместе с уграми. Постепенно сливались — в погребениях европейских гуннов часто встречаются уже не тюркские, а угорские черты. Происходило и смешение со славянами. Готская легенда гласит, что их короли изгнали «колдуний» из «скифских земель», те удалились к злым духам, пришедшим из пустынь Востока, и от этих браков произошел народ гуннов. То есть готы, захватив Поднепровье, выгоняли славянских вдов, чьи мужья были перебиты. Или они сами уходили куда глаза глядят, в том числе к гуннам. И в результате умножился и набрал силу могущественный племенной союз. Причем так же,

как славяне, вошедшие в империю русов, превратились в «русичей», так и племена, составившие державу гуннов, стали называть себя «гуннами».

И около 360 г. начались их столкновения с аланами. Причиной войны стала, скорее всего, агрессия Германариха — среди подвластных ему народов называются меря, мордва. Значит, он совершал походы по Волге, погромив местные племена. Воевал он в союзе с аланами. Но поволжские финно-угорские народы были союзниками гуннов. А союз и отмщение для степняков — дело святое. Аланы являлись сильным противником, у них были мощные крепости, великолепная панцирная конница. Гунны располагали только легкой кавалерией, а металла у них не хватало не то что на доспехи, а порой и на наконечники стрел — использовались костяные.

Но еще на прежней родине они накопили опыт борьбы с тяжелой конницей согдов и китайцев. Не принимали атак врага, рассыпались. Но и не выходили из боя, кружились рядом и осыпали стрелами. А когда тяжеловооруженные всадники и их кони изматывались, гунны решительно нападали, накидывали на врагов арканы и, нарушив их строй, рубили мечами в ближнем бою, где длинные сарматские копы становились лишь помехой. И войну, затянувшуюся на 10 лет, гунны выиграли — как сообщают Аммиан Марцеллин и Иордан, «обессилив аланов частыми стычками». Какое-то время аланы удерживались в своих крепостях. Брать их гунны не умели, да и не стали, при археологических раскопках следов разгрома там не обнаружено. Но в крепости можно отсидеться от одного набега, другого. Жить постоянно за стенами невозможно. А степи между Каспием и Доном гунны захватили. В результате одна часть аланов подчинилась победителям или отступила в горные районы, другая ушла к союзникам-готам. И теперь уже Германариху пришлось готовиться к серьезной войне.

Но около 370 г. разыгралась трагедия, достойная Шекспира. Приведшая к конфликту с росомонами, которых Иордан называет «вероломным народом» и виновниками всех готских несчастий. Правда, сюжет он излагает весьма путанно. Дескать, Германарих решил покарать росомонку Сунильду «за изменнический уход от короля, ее мужа». Можно понять, что от кня-

зя росомонов. Но тогда почему она очутилась у Германариха? И почему тогда народ росомонов назван «вероломным»? Не сходится. Кстати, Германарих оставался единственным королем в своей державе, даже королей вестготов и гепидов превратил в «судей». А князей подвластных народов Иордан титурует «герцогами».

Следовательно, Сунильда и была женой самого Германариха. Это подтверждается тем, что и ее братья находились при дворе императора. И упоминанием «Велесовой книги»: «И они брали женщин от рода нашего». Ведь Германарих был язычником-многоженцем. И можно вспомнить обычай подобных ему завоевателей — собирать гарем их знатных представительниц всех покоренных народов, чтобы одновременно служили и заложницами. И Сунильде по понятным причинам отнюдь не нравилось быть в числе жен поработителя. Тем более старика, с перспективой в скором будущем быть отправленной вместе с ним на тот свет. В ситуации надвигающейся войны с гуннами она решилась бежать, но неудачно. Хотя может быть и так, что Германарих отыгрался на ней за какие-то другие прегрешения ее народа.

Казнь он назначил жесточайшую, считавшуюся у германцев самой страшной и позорной для женщин (таким же образом расправился, например, король франков Хлотарь II со своей противницей королевой Брюнеотой). Жертву, раздетую до гола, вывели перед сборищем всего народа, привязали к диким лошадям и пустили их вскачь, волоча приговоренную по кочкам и камням и раздирая на части. Братья Сунильды Сар и Амми возмутились и решили отомстить — на ближайшем приеме у императора ударили его в бок мечом. Их убила стража, Германарих остался жив. Но от полученной раны начал тяжело болеть, выпустив из рук управление.

А в это время, в 371 г., нанес решающий удар царь гуннов Баламбер. Готы собрали все силы на Дону. Однако их противник совершил глубокий обход. Легенда гласит, что гунны, охотившиеся на Тамани, ранили оленя. И он, следуя по мелководью и переплывая глубокие места, сумел уйти от них в Крым, показав дорогу. Как показал Л.Н. Гумилев, это было вполне реально. Климат в IV в. отличался от нынешнего, Керченский про-

лив был значительно уже, имел много мелей из-за наносов Кубани. Как бы то ни было, но войско гуннов легко форсировало пролив, и через Крым и Перекоп ворвалось в тылы готам, громя их и уничтожая всех подряд.

Среди готов поднялась паника, и империя Германариха мгновенно развалилась. От нее сразу отпали вестготы и гепиды, отступив на запад, в свои владения. Остготы покатались на север — к Донцу и Десне, во владения русов. А герулы с радостью перекинулись на сторону гуннов (кстати, старинный герб донских казаков изображал оленя, раненного стрелой — не того ли оленя, который привел гуннов в Причерноморье и принес избавление от готов?)

Разгромив и разогнав врагов в степях между Днепром и Доном, гунны занялись причерноморскими городами. И можно отметить четкую закономерность. Херсонес они не тронули, даже не подступали к нему. Обрушились только на владения Боспора. Это еще одно доказательство, что война носила не случайный, а целенаправленный характер. Херсонес все время сохранял верность Риму, а Боспор стал союзником и вассалом Германариха, скупал и перепродавал готских и аланских пленников. Укрепленные города были гуннам не по зубам. Но боспорские купцы и работоторговцы перепугались, воззвали о помощи к Риму. Который спасти их отказался, отомстив за измену и альянс с готами. После чего боспорцы пали духом и без боя сдали Баламберу свои твердыни. Это их не спасло. Видать, у гуннов и их союзников накопились изрядные счета к Боспору — все принадлежащие ему города были разграблены, а население перебито, захвачено в плен или разбежалось.

Ну а положение Донской Руси оказалось сложным и запутанным. С одной стороны, гунны были ее естественными союзниками против готов. Но она пустила остготов на свою территорию и осталась таким образом в их лагере. В лесах против степняков можно было обороняться вполне успешно. Что, видимо, и происходило. Русичам вместе с готами удалось продержаться четыре года. Но у них углублялись внутренние раздоры. Судя по всему, разбитые готы на славянских землях по-прежнему хотели считать себя хозяевами, а русичей подчиненными. Тем подобное положение, конечно, не нравилось. Однако сва-

ры шли и среди самих готов. С немощным императором больше никто не считался. И в 375 г. Германарих покончил с собой, бросившись на меч.

А остготы раскололись. Одни ушли на запад, к вестготам. Другие же признали власть Баламбера. И... из союзников русичей превратились во врагов. Уже находящихся на их землях! Расплата за политическую ошибку была жестокой. «Велесова книга» сообщает: «И тут плакали Русколань и Борусия, потому что гунны сроились с готами» (II 7в).. Это подтверждается археологией — к IV в. относится окончательная гибель лесостепной Черняховской культуры на Донце и Дону со следами жестокого разгрома, какие-то ее остатки сохраняются только в лесах.

И уцелевшее население отступило поглубже в леса — в Среднее Поднепровье. «Велесова книга» рассказывает: «После готской войны порушенную Русколань оставили и притекли к Киеву, и осели на земле той, там же готовились к войне со степью вражеской и оборонялись от нее» (III 22). «Русколань пала ниц от сговора готов с гуннами, и тогда сотворились Киевская Русь и Антия, а готы этого устрашились и ушли вон к своему краю» (III 8/1). Это совпадает с археологической информацией. По данным А.С. Бугая, исследовавшего методом радиоуглеродного анализа систему Змиевых валов на юге Киевской обл., основные из них относятся как раз к концу IV в. Предназначались против гуннов. И следов их вторжений на Киевщине не выявлено. Следовательно, здесь славяне сумели отбиться. Хотя гуннов глубины лесов не очень-то и интересовали. Там и грабить-то было нечего после 140 лет готской власти.

Но если автор «Велесовой книги», идеализирующий древнюю Русколань, однозначно считает гуннов врагами славян, исторические факты говорят обратное. Другая часть племен, анты, встретила гуннов как друзей. Что, в общем-то, неудивительно. Ведь славяне не были едиными. А принцип выбора ориентации четко иллюстрируется схемами — «враг моего врага — мой друг», и «друг моего врага — мой враг». Как остготы, так и вестготы были врагами славян. Но остготы превратились в подданных и союзников гуннов. И для славян Левобережья и Киевщины гунны стали врагами. А вестготы, контролировавшие

Поднепровье, стали непримиримыми врагами гуннов, поэтому гунны превратились в друзей для здешних славян.

Об антах Иордан сообщал, что это одно из племен венедов. Точнее — племенной союз, поскольку говорится о различных их наименованиях «согласно родам и местностям». Образовался этот союз после крушения империи Германариха. Точнее — в результате ее крушения, из племен, занявших земли, очищенные от готов. Что же касается этнонима «анты», то существуют разные версии его истолкования. Скорее всего, это одна из форм произношения слова «венды». Например, в «Велесовой книге» этноним передается как «оанты», что позволяет предположить в начале наличие смягченного «в».

Ну а гуннский царь Баламбер, покончив с противниками на севере, обратился в 376 г. на запад. Вестготы и примкнувшая к ним часть остготов с аланами готовились защищаться на рубеже Днестра. Но и они между собой не ладили, сил не объединили и расположили армии независимо друг от друга. Баламбер этим не преминул воспользоваться. Учил он и чувствительность готов к обходам и окружениям. Отряд гуннов ночью переправился через Днестр в незащищенном месте и ударил по тылам. Расчет оказался верным — опять возникла паника, и оборона рассыпалась.

Часть готов бросилась за Дунай и попросила убежища у римлян. Император Валент II согласился, но поставил условием поголовное крещение. По арианскому обряду, поскольку в этот период в империи опять взяло верх арианство. Другая часть готов, языческая, во главе с Атанарихом укрепились в лесах между Прутом и Днестром. А гепиды предпочли войти в союз с Баламбером. В 377 г. гунны появились в Паннонии и вышли к римским рубежам на Дунае. Правда, повели себя вполне лояльно, границ нарушать не стали.

Зато принятые Валентом готы доставили ему массу проблем. Усугубила которые алчность римских чиновников. Готам не поставили обещанные продукты — может быть, по халатности, а скорее, хапуги надеялись таким способом нажиться. У переселенцев начался голод, и сами же комиссары попытались за хлеб скупать в рабство готских женщин и детей. Бежен-

цы возмутились, заволновались. Тогда чиновники для предотвращения бунта не придумали ничего лучшего, как пригласить вождей на переговоры — где их перебили. Результат оказался плачевным и для комиссаров, и для всей империи. Вестготы поднялись как один, истребили чиновников и двинулись по Фракии, сметая все на своем пути. А когда против них выступил император с войском, призвали соплеменников, оставшихся за Дунаем. Встретили римлян под Адрианополем и разгромили. Валент погиб. И лишь его преемник Феодосий Великий сумел договориться с «варварами». Вестготам выделили для поселения земли в Иллирии, дали права «федератов».

В 395—397 гг. гунны, подобно многим своим предшественникам — скифам, киммерийцам, аланам, решили поправить «материальное положение» набегом на Ближний Восток. Вторглись в Закавказье, пограбили Месопотамию, Каппадокию и Сирию. Но уходом Баламбера и гуннского войска решил воспользоваться внук и преемник Германариха Амал Винитар. Он, как пишет Иордан, «с горечью выносил подчинение гуннам», задумал восстановить империю остготов в Причерноморье. Собрал войско и напал на... антов. Что лишний раз подтверждает — они действительно стали союзниками гуннов, а не были поработченными ими. Первое сражение Амал Винитар проиграл. Но потом все же одолел и учинил расправу, распял антского «короля» (т.е. князя) Буса с сыновьями и 70 старейшин, «чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных». Очевидно, это была и месть бывшим подданным, которые поддерживали Баламбера.

Однако гунны умели ценить друзей и заступаться за них. Амал Винитар в Причерноморье «повелевал едва в течение одного года». Пока Баламбер не вернулся из Закавказья. Причем он проявил себя и умелым политиком — обратился к другому остготскому вождю, Гезимунду, назначил его королем, и часть соплеменников тут же отпала от Амала Винитара. А царь гуннов лично возглавил поход против мятежника. После нескольких боев разгромил его в низовьях Днепра, Амал Винитар погиб. Эта история отразилась и в «Слове о полку Игореве», и в «Велесовой книге» — хотя там, как уже отмечалось, она передана в искаженном виде. Там виновником выступает сам Германарих, который «Буса и семьдесят иных крестил» (32). А вме-

сто Баламбера фигурирует славянский князь Болорев, убивающий «сына Германариха» (8; III 27).

Впоследствии на гуннов повешали очень много «сбак». Римские, греческие, германские авторы постарались изобразить их в самых черных красках. Писали о них, как о полнейших дикарях, одевающихся в «шкуры крыс», евших сырое мясо. И у европейских писателей XIX в. даже царь гуннов, грязный и отроду не мытый, босой, жрет какую-то падаль. Археологи без раздумий приписали гуннам результаты походов Германариха — страшный разгром всех археологических культур от Причерноморья до Прибалтики в IV в. Несмотря на то, что следы этого разгрома не сопровождаются ни находками гуннского оружия, ни их погребениями. Да степнякам и нечего было делать в лесах и болотах. Так же легко опровергается и прочая клевета. «Шкуры крыс» на поверку оказываются мехом сурков, куниц и других пушных зверей. «Сырое мясо» — обычным соленым салом. Да и облик гуннов на самом деле был отнюдь не «дикарским» — в источниках тех времен сообщается, что в конце IV — начале V в. у римлян пошла мода на гуннские наряды: кафтаны, широкие шаровары и мягкие сапоги. И на гуннские прически — с зачесыванием волос назад и завязыванием их «хвостиком».

Новая империя раскинулась от Урала до нынешней Венгрии. Причем принципы ее построения заметно отличались от империи готской. Да, гунны были страшны для врагов. Но внутри своего государства они установили порядки, весьма неплохие для своей эпохи. Они умели уважать обычаи других племен, проявляли полнейшую веротерпимость. Даже побежденным народам полностью сохраняли самоуправление. Те же самые античные авторы, которые так хают гуннов, отмечают у них отсутствие какой бы то ни было национальной дискриминации, «справедливость царей», честность и «неподкупность судей», «легкие» налоги.

И доходило до того, что многие римские граждане бежали к ним, предпочитая справедливость у «варваров» тем беззакониям, которые творились у них на родине. И эти «невозвращенцы» тоже становились полноправными «гуннами». Даже служи-

ли в войске, быстро обучив «варваров» постройке осадных машин и другим западным военным хитростям.

Ну а об «отсталости» гуннов красноречиво свидетельствуют воспоминания Приска Панийского, ездившего с римским посольством в гуннскую столицу, располагавшуюся где-то в Нижнем Поднепровье. Он описывает большой и красивый деревянный город. Дворец, дома знати, украшенные искусной резьбой по дереву и окруженные резными заборами «не для безопасности, а для красоты». Рассказывает, как царя встречал хор из десятков нарядных девиц, певших хвалебные песни. О многолюдных веселых пирах с песнями, выступлениями поэтов, бардов, шутов. О роскошном убранстве, красивой посуде и оружии.

Кстати, Приск Панийский утверждал, будто язык большинства гуннов отличается от языка правящей верхушки. И приводил «гуннские» слова этого большинства — «мед», «квас», «страва» (поминки). А Иордан приводит «гуннское» название Днестра — Вар. Это древнеарийское слово «вода», видимо, из языка русов. То есть и славяне с русами, вошедшие в империю гуннов, стали в ней «гуннами». Отсюда понятно, почему в славянских преданиях, дошедших до IX в., Баламбер превратился в «своего» Болорева.

ИМПЕРИЯ ГУННОВ

С переносом римской столицы в Константинополь и принятием христианства полного обновления Римского государства отнюдь не произошло. Императоры еще неоднократно меняли свою резиденцию, переносили ее то в Равенну, то в Милан. А дисциплина продолжала падать. Управлять огромными территориями становилось все труднее, и со времен Диоклетиана продолжалась практика назначения соправителей. Начиная вести себя более или менее самостоятельно. Римские граждане по-прежнему чурались военной службы и утратили способность к ней. И уже вся армия состояла из «варварских» наемников и «федератов» — тех же «варваров», но нанятых целыми племенами, во главе с собственными вождями. Это стоило

очень дорого, как и содержание огромного чиновничьего аппарата. И отдуваться приходилось гражданам, на которых сваливались все новые налоги.

Как они выколачивались в IV в., описывает Лактанций: «Это были картины ужаса, как при нападении врагов и уводе пленных... В города сгонялось все городское и сельское население; все площади были забиты толпами людей... Ввели пытки и побои, сыновей пытали перед отцами, вернейших рабов перед хозяевами, жен перед мужьями. Если же все это было безуспешно, пытали самого собственника, и если он не выдерживал боли, он записывал в собственность то, чего вообще не существовало. Ни возраст, ни немощи не находили снисхождения...»

Не менее суровыми мерами императоры пытались бороться за укрепление разложившейся державы. Так, по законам, принятым в 326 г., смертная казнь грозила почти за любые прегрешения, даже за супружескую неверность или связь свободной женщины с рабом. Причем обычная угроза смерти уже не действовала — римляне настолько привыкли к казням, что как бы адаптировались к ним. И ужесточались сами способы умерщвления. Скажем, за прелюбодеяние виновных выставляли у позорного столба, связав вместе, а потом сжигали. Впрочем, подобные законы действовали лишь в рамках кратковременных кампаний, пока император отслеживал, а потом спускались на тормозах. А в провинциях их и вовсе не исполняли, иначе поданных не осталось бы.

Крупные проблемы возникли и на религиозной почве. Триста лет христианство просуществовало в тайных общинах. В зависимости от проповедников, возникали разные его толкования. А когда оно стало государственной религией, противоречия выплеснулись наружу. Арианство считало Христа человеком, на которого снизошел Святой Дух. Монофизитство — только Богом, но не человеком. Несторианство не признавало святости Богородицы. Возникали и радикальные секты — монتانисты, донатисты, считавшие лучшим способом «спасения» добровольное мученичество, допускаящие самоистязания и взаимоистязания, а то и заставлявшие посторонних убивать себя. Эту разноголосицу мучительно преодолевали на Вселенских Соборах Церкви. И в 381 г. Феодосий Великий провел Кон-

стантинопольский Собор, утвердивший Никейское православие — которое в то время исповедовало большинство жителей империи

Но ереси сохранялись, гнездились по окраинам. А эллинистическим философам очень не нравилось, что в христианстве приоритет отдается вере, а не разуму, не остается места для их собственного умствования. И они создали теории гностицизма. Их тоже было множество — одни объявляли существующий мир иллюзией, другие — забавой Бога, вроде театра, третьи призывали поклоняться змею, соблазнившему Еву вкусить плод познания. Были и попытки реставрации язычества, пресеченные Феодосием, приравнявшим языческие богослужения к оскорблению императора. Однако столь мощный всплеск богословских споров задел и другие религии.

В Иране гностицизм соединился с зороастризмом, и возникло манихейство. Оно признавало дуализм добра и зла, но объявляло злом весь материальный мир, якобы сотворенный дьяволом. А следовательно, задача верующих состояла в разрушении этого мира, в том числе и своего тела, дабы высвободить частицы «божественного света», плененного материей. Общины состояли из «посвященных» — изнурявших себя аскетизмом и теоретизировавших, «верных» — эмиссаров, вербовавших новых сторонников, и «мирян». От коих требовалось безоговорочно выполнять предписания «посвященных» и саморазрушаться различными способами от групповых сексуальных оргий до наркотиков. В любом государстве манихеи становились оппозиционной, разрушительной силой, поэтому их преследовали и казнили везде, как в Персии, так и в Риме. Но страшная ересь также разделилась на ряд течений, почковала все новые секты.

Разделились и евреи. После разгона с родины их раввины придумали новый способ единения, создали «Талмуд» и фактически новую религию. Некоторые общины этих реформ не приняли. В частности, в Крыму — так возникли караимы. А вавилонские евреи объединили иудаизм с гностицизмом и манихейством. И родился каббализм, занявшийся иносказательными толкованиями Ветхого Завета и поисками некой «тайной мудрости» — которая часто бралась их темных языческих культов Востока.

Могущественной северной соседкой Рима стала гуннская империя. Но с ней сперва проблем не возникало. Баламбер вел себя миролюбиво, даже уступил Феодосию разгромленные города Боспора. Куда большую опасность для Рима представляли его внутренние болезни. Генералы, наместники, вельможи давно плюнули на благо государства, думали лишь о собственных выгодах. В 395 г. Феодосий скончался, поделив владения между сыновьями. Старшим императором стал Аркадий, в Константинополе, младшим Гонорий — в Равенне. Но оба были полными ничтожествами, реальная власть досталась временщикам. При Гонории делами заправлял талантливый полководец вандал Стилихон, при Аркадии — Руфин, дурак и склочник. Их соперничество немедленно поссорило братьев, и тогда-то Римская империя практически раскололась на Западную и Восточную, Византию. Хотя надо помнить, что термин «Византия» не совсем корректен. Сами ее жители никогда себя византийцами не называли, а только «ромеями» — римлянами. И константинопольские императоры считали себя законными наследниками всей империи, в том числе Западной. Поэтому в данной работе обозначения «Византия» и «византийцы» будут применяться лишь условно — в качестве общепринятых.

Ну а обосновавшиеся на территории империи германцы оказались для нее сущим бедствием. Едва не стало Феодосия, умевшего держать их в руках, как вестготы, по словам Иордана, почувствовали к римлянам «презрение и, опасаясь, как бы от длительного мира не ослабла их сила», взялись за оружие, придравшись к отмене даров вспомогательным войскам. Избрали королем Алариха, подступили к Константинополю. От них удалось откупиться, но они покатались по Греции, производя жуткие опустошения. На помощь из Западной империи пришел Стилихон. Разгромил вестготов в Южной Греции, запер в ущелье. Тут-то им и пришел бы конец. Но в Константинополе заправлял Руфин. И Стилихон вдруг получил повеление Аркадия оставить в покое «друга и союзника римлян» Алариха. Которому император присвоил титул герцога Иллирика.

В 399 г. поднял мятеж гот Гайна, главнокомандующий римских войск на Востоке — состоявших из тех же германцев. Захватил Константинополь, устроив побоище. Прикончил Руфи-

на. И намеревался сам возглавить империю. Хотел учинить и церковный переворот в пользу арианства, и епископ св. Иоанн Златоуст отправился в лагерь мятежников, убедив Гайну не трогать Церковь. А подавить путчистов помогли гунны, приславшие императору войска. И Рим заключил с гуннами союз против германских племен, осаждавших его границы.

Но и вестготы во главе с Аларихом не унялись. Прошлые грабежи лишь разожгли их аппетиты. А в Константинополе новым временщиком стал внуч Евтропий, того же поля ягода, что Руфин. Он нашел «решение проблемы» — подтолкнул устремления вестготов на... свою же империю, но на ее западную часть. Пусть разоряют владения не Аркадия, а Гонория. То есть, как видим, при номинальном единстве фактическая монолитность государства уже была утрачена. В 402 — 403 гг. Аларих вторгся в Италию. И снова был разбит Стилихоном у стен Вероны.

В империи гуннов это время умер Баламбер и царем стал Ругила. Судя по имени, его мать была из ругов или русов. Он оказался мудрым и дальновидным политиком. Предпочитал решать вопросы мирным путем. При нем гунны окончательно освоили Паннонию — здешние степи, где не выпадает глубокого снега, были более благоприятны для кочевого скотоводства. Впоследствии сюда была перенесена и главная ставка гуннских царей. А в Причерноморье осталось гуннское племя акациров. Многие народы, жившие по Дунаю, подчинились Ругиле без борьбы: руги, языги, карпы, бастарны. Границы его державы достигли Рейна.

Но аланы, вандалы, бургунды и свевы предпочли уйти. И под предводительством вождя Радагайса двинулись на Рим. Их тоже сумел нейтрализовать Стилихон. Окружил в горах, разбил и вынудил к сдаче. Радагайс был выдан собственными сподвижниками и казнен. А племена переселенцев римляне направили в Галлию, надеясь использовать их против других «варваров». Но результат получился плачевным. Новых «федератов» потрепали вторгшиеся франки и алеманны. И те, не видя смысла быть битыми за римские интересы, начали искать себе другие места. Бургунды обосновались в долине Роны, остальные двинулись в Испанию, захватили ее и поделили между собой. До Пиренейского полуострова руки ослабшего Рима уже не

доставали, и «варвары» беспрепятственно утвердили там свои королевства.

Но ослабевший Рим сам же и подрывал свои оставшиеся силы. Император Запада Гонорий тяготился опекой Стилихона, болезненно ревновал к его славе. Подсуетились и «настоящие» римские сенаторы, ненавидевшие «варвара». Оклеветали его, обвинив в измене, и в 408 г. Стилихон был убит. Однако император и сенаторы жестоко просчитались. В это же время в Восточной империи Аркадия сменил на троне семилетний Феодосий II. При котором, разумеется, властвовали временщики. Продолжившие реализацию прежнего плана избавиться от буйных вестготов — натравить их на Италию. Аларих опять двинул войско на Рим. И на этот раз противостоять ему было некому.

Беспомощный Гонорий спрятался в сильной крепости Равенна, а вестготы разгуливали по его стране. Аларих потребовал уступить ему часть территории, платить дань. А когда получил отказ, захватил Рим, отдав его на три дня на разграбление. Попутно женился на римской аристократке Галле Плацидии. А затем взял курс на юг, намереваясь переправиться в Африку. Но неожиданно умер. Ему устроили пышные похороны на дне какой-то реки, временно отведя русло в сторону, после чего перебили всех пленных, участвовавших в работах и знавших место погребения. Новый король Атаульф взял в жены вдову Алариха Галлу Плацидию. Но планы изменил. Еще разок прочистил Италию грабежами. После чего предложил Гонорию мир и союз. Теперь император согласился, уступил земли в Аквитании, а королевство разрешил основать в Испании, если вестготы выгонят оттуда вандалов с аланами.

Гунны в данный период совершили всего два набега на Византию — в 408 г. на Фракию и в 415 г. на Иллирию. О причинах нарушений мира хроники умалчивают. Может быть, Константинополь своевременно не выплатил «субсидии». Или Ругиле не понравилась византийская политика покровительства готам. Но без этой политики Восточная империя существовать уже не могла — у нее не было национальных войск. И едва избавившись от вестготской напасти, Византия взвалила на себя новую. Стала привлекать на службу остготов. Которые вели себя ничуть не лучше.

А в Западной империи восходила звезда Аэция, отличного полководца и отчаянного авантюриста. Сын военачальника Гауденция (тоже из германцев), он в юности был заложником у гуннов. Подружился с Ругилой и его племянником Атилиой, хорошо изучил язык гуннов, их нравы и обычаи. Потом быстро сделал карьеру и стал наместником Галлии. Пост этот был очень трудным. Провинцию терроризировали германские племена, многие уже осели в ней. И к тому же всю Галлию охватило восстание багаудов — коренного кельтского населения, разоряемого налогами. К крестьянам примыкали колонны, рабы. Аэций умелой дипломатией сумел добиться лояльности угнездившихся на галльских землях бургундов, вестготов, франков, алеманнов. Использовал их против багаудов, а при необходимости и друг против друга. По старой дружбе Аэцию помогали и Ругила с Атилиой, присылали по его заявкам гуннские отряды.

Однако в Риме давно уже стало традицией, что удачливый полководец должен бороться за власть. И Аэций погряз в интригах. Своим конкурентом он счел наместника Африки Бонифация и оболгал его. Бонифаций, объявленный мятежником, стал готовиться к защите. И на помощь пригласил из Испании вандалов. Что ж, те оказались себе на уме. Их как раз в это время теснили вестготы. Вандалы в 429 г. отправились в Африку. Увидели, насколько слаба там римская власть, и попросту захватили провинцию. Переместили сюда из Испании свое королевство. Бонифация эти «союзники» выгнали. Он поехал в Рим и, как ни странно, сумел оправдаться — поскольку всплыли все интриги Аэция.

Тогда Аэций провозгласил императором собственную марионетку, некоего Иоанна, и выступил на Италию со своей гальской армией. Направил он посольство и к Ругиле, и тот послал ему 10-тысячное войско. Но второго Цезаря из Аэция не вышло, а помощь Ругилы запоздала. Бонифаций, приняв командование над правительственными силами, разгромил соперника. Хотя и сам получил в бою рану и вскоре умер. Аэций бежал к гуннам. Впрочем, несмотря на такие «художества», он быстро получил прощение. Потому что без него «союзные» германцы в Галлии сразу отбились от рук, усилилось движение багаудов.

Да и вообще в некогда могучей империи хороших полководцев больше не значилось. И Аэций получил возможность как ни в чем не бывало вернуться в Рим.

А в гуннской державе в 433 г. умер Ругила. Царями-соправителями стали сыновья его брата Мундзука Аттила и Бледа. Имя Аттилы, вероятно, происходит от тюркского названия Волги — Итиль или Атиль, то есть он или родился где-то на Волге, или его мать была из поволжских народов. А любимой женой его была дочь русского князя — в разных источниках Эрка или Керка. Современники описывают типично монголоидную внешность Аттилы, чуть ли не мистическую внутреннюю силу. Иордан сообщал: «Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился». В преданиях многих славянских народов он запечатлелся в качестве положительного героя, Аттилы-батюшки, в германских легендах — в качестве врага. Но и там он выступает могущественным и мудрым правителем, благородным воином (например, в «Песни о Нибелунгах»). Его полководческие таланты и удачу гунны и их союзники ценили очень высоко и шли за ним безоглядно. Начал он царствование победоносным походом на Закавказье. Подчинил местные народы, но попутно завязал и дипломатические связи с персидским шахом Ездигердом II, установил с ним дружественные отношения.

А вот связи с Византией резко испортились. И вина в этом лежала на Константинополе. Ромеям очень не нравилось соседство сильной империи и ее влияние на международную политику. И, не в силах открыто выступить против Аттилы, византийцы стали действовать исподтишка, разрушая его державу изнутри. В 440 г. их шпионы инициировали и финансировали заговор в племени акациров. Он был раскрыт и последовало возмездие. В 441 г. гунны вторглись в Византию, разорили 70 городов и достигли Константинополя, хотя осаждать его не стали. (Кстати, патриарх Прокл в проповеди о гуннском вторжении говорил и о «народе рос», а средневековая русская «Степенная книга» сообщала о «брани с русскими вои» императора Феодосия).

В 445 г. Атила убил своего брата Бледу и стал править единолично. Причина остается неизвестной. Не исключено, что Бледа тоже попал под влияние византийских агентов. Во всяком случае, какая-то причина имелась, и очень весомая — поскольку поступок Атилы нисколько не умалил его авторитета в глазах подданных, не вызвал среди них ни раскола, ни осуждения. А в 447 г. последовал новый поход на Византию. Против гуннов выслали войска, но их разгромили в трех боях. Атила подступил к Константинополю. И вынудил Феодосия II заключить позорный мир, по которому тот уступал гуннам значительную область южнее Дуная и обязался платить ежегодную дань в 2100 фунтов золота.

Очередной византийский временщик евнух Хрисаф опять не придумал ничего лучшего, как удар исподтишка. В 448 г. направил к гуннам посольство. Официально — добиться, чтобы они не принимали римских перебежчиков, а на самом деле — организовать убийство Атилы. Но тут выяснилось, что у него прекрасно действовала разведка. О «деликатной» миссии послов, конечно, знали лишь единицы. Однако Атила оказался уже в курсе. На приветствие дипломатов ответил иронически: «Желаю римскому императору того же, что он мне желает» и выговорил все, что думает о правителях Константинополя, пользующихся такими методами. Сам же проявил великодушие. И послов-киллеров отпустил восвояси целыми и невредимыми.

Впрочем, Атила вовсе не отличался каким-то чрезмерным миролюбием. В подобном случае он не сумел бы заслужить такую любовь своих подданных. Он был сыном своей эпохи, когда в первую очередь ценилась воинская доблесть. А к середине V в. Европа раскололась на два враждебных лагеря. С одной стороны — враги гуннов. Вестготы, аланы, бургунды, свевы. Которые угнездились на землях Римской империи, уже приступили к ее разделу, награбили богатую добычу и основали свои королевства. С другой — племена, вошедшие в гуннскую державу. И рассчитывающие переделить «римское наследство» в свою пользу. Назрела большая война. В Константинополе в 450 г. на престол взошел новый император Маркиан. Он разорвал капитулянт-

ский договор с гуннами и, ожидая за это нападения, принялся готовиться к обороне. Но Аттила на Византию не пошел. Все Балканы были уже опустошены и разграблены готами, а потом самими гуннами. Никакой добычи воинам здесь не светило.

Считая, что Восточная империя от него никуда не денется, Аттила готовил поход на Западную. Тем более что она в это время тоже считалась владениями Константинополя. Да и предлог подвернулся благородный, даже романтический. После смерти Гонория и его соправителя Констанция III византийская дипломатия крепко поработала и возвела на престол Западной империи своего ставленника — малолетнего Валентиниана III. Сына Констанция III и Галлы Плацидии — той самой дамы, которая успела побывать замужем за готскими королями Аларихом, Атаульфом, а потом и за Констанцием. Валентиниан же был личностью до того ущербной и инфантильной, что даже по достижении совершеннолетия за него правила матушка.

Но у него была еще и старшая сестра Гонория. Облеченная из-за такого родства титулом «августы». Титул-то ей дали, но боялись, что ее потенциальный муж или сын окажется претендентом на трон. Поэтому замуж ей выйти не позволяли. И держали взаперти, под контролем, отгоняя от нее любых представителей мужского пола. И тогда исстрадавшаяся тридцатилетняя дева додумалась тайком переслать письмо Аттиле, моля вызволить ее. К сему она приложила обручальное кольцо, обещала руку и сердце, и, как водится в сказках, «полцарства в придачу», то бишь часть Римской империи. Аттиле идея понравилась. Он заявил, что должен спасти несчастную принцессу и жениться на ней — и что посредством кольца уже обручен с ней, она стала его невестой. Правда, жен у него и без того было множество, но стоило ли обращать внимание на подобные мелочи? Больно уж красивая история складывалась. Конечно, и право на «полцарства» играло не последнюю роль.

Была проведена серьезная дипломатическая подготовка. Аттила заключил союз с королем вандалов Гензерихом — у которого тоже нашелся весьма благовидный повод для войны: ведь он стал хозяином Северной Африки, вот и решил восстановить историческую справедливость, отомстить Риму за раз-

рушение Карфагена 600 лет назад. Кроме того, к гуннам перебежал один из князей франков со своей дружиной. И обещал признать подданство, если ему помогут получить франкскую корону. В 451 г. Атила вторгся в Галлию. В его войско входили остготы, гепиды, герулы, руги, бастарны, алеманны, часть франков, бургундов, тюрингов. Угорские, сарматские, славянские племена в римских хрониках не упоминаются — их обозначали общим термином «гунны». Сперва объединенная армия разгромила королевство бургундов на востоке нынешней Франции с центром в Лионе. Затем, разрушая по пути все города, дошла до Орлеана, но отступили от него и двинулись на северо-запад.

Противостоял Аттиле его друг детства Аэций. Только он благодаря своим исключительным талантам сумел собрать в единую коалицию с наемными римскими легионами разнородные силы вестготов, аланов, саксов, франков, бургундов, армориканцев (бретонских кельтов), каких-то литицианов, рипариев, олибрионов (вероятно, кельтские племена). Опасность была так велика, что римляне, готовясь к войне, вывели для усиления армии гарнизоны из Британии, по сути отказавшись от этой провинции. (И в Британию тут же вторглись дружины англов, саксов и ютов под предводительством Хенгиста и Горзы).

А решающее столкновение с Аттилой произошло на Каталаунских полях — на р. Марне. В «битве народов» участвовало полмиллиона человек, и погибла из них третья часть. Римские источники приписали Аэцию блестящую победу, и их оценка автоматически вошла в историческую литературу. Хотя она неверна, в действительности побоище закончилось «вничью». Атила, понеся большие потери, прекратил атаки и отошел. А Аэций, потерявший не меньше, не мог его преследовать.

Но гунны отнюдь не были побеждены. Свою мощь они сохранили. И уже в следующем, 452 г., Атила предпринял новый поход. Из уроков прошлой кампании он сделал выводы и решил бить противников по частям. Поэтому вторгся в Италию. Он рассчитал точно. Здесь, в отличие от Галлии, у римлян не было «варварских» союзников. А сами они уже далеко уступали по боевым качествам германцам и степнякам. Атила взял их самую сильную крепость — Аквилею. Медиолан и Павия сдались

ему без боя, оговорив лишь сохранение жизней для горожан. Гунны опустошили всю долину р. По и пошли на Рим. Император Валентиниан пребывал в полной прострации, защищать Вечный город было некому. И римляне вступили в переговоры, которые повел даже не император, а папа Лев I. Был предложен огромный выкуп, ежегодная дань и сепаратный мир — Рим отказывался от союза с другими врагами гуннов.

Аттилу такие условия вполне устроили, тем более что в непривычном климате Италии в его войске начались эпидемии. И он согласился уйти. Теперь настала очередь германских королевств в Галлии. Да и Риму Аттила не преминул напомнить о женитьбе на Гонории, угрожая в случае отказа новым набегом. Там ошалели от ужаса. Ломали головы, посылать ли ему столь опасную «невесту»? Не пошлешь — осерчает. Пошлешь — потребует свои «полцарства». Но выручила случайность. Пока римскую августу ему не прислали, Аттила в 453 г. очередной раз женился — на бургундской принцессе Ильдико. И в брачную ночь внезапно умер: согласно Иордану, «ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином».

Вот тут-то и сказались усилия византийских агентов, давно старавшихся развалить гуннскую империю. Особенный успех их агитация имела у германцев, благоговевших перед римскими обычаями, презиравших угров и славян. Тем более что в Византии служило много их соплеменников. Пока Аттила был жив, против него выступать не осмеливались. А как только его не стало, держава будто взорвалась. После царя от разных жен и наложниц осталось 70 детей. И оппозиция отвергла преемственность власти, выдвинув марионеток из числа младших царевичей. Единая коалиция раскололась на две. Одну возглавил король гепидов Ардарих, к которому присоединились остготы, языги, свевы, бургунды, другую — сын и наследник Аттилы Эллак с гуннами, уграми, славянами. Руги и герулы разделились надвое. Битва произошла на р. Недава (приток Савы), и победил Ардарих. Эллак погиб, пали 30 тыс. гуннов и их союзников.

А едва гуннская держава распалась, римский император Валентиниан собственноручно убил Аэция, сочтя, что необходимость в нем отпала. И просчитался так же, как его предшественник Гонорий. Мать, Галла Плацидия, уже успела умереть, и

поддерживать престол дебильного монарха оказалось некому. В 455г. Валентиниана прикончили, императором стал его враг Петроний Максим. Но и он процарствовал лишь три месяца. С запозданием сказал свое слово союзник Атиллы Гензерих, в устье Тибра вошла эскадра вандалов. В Риме началась паника. Петроний Максим хотел бежать. Но его опознали свои же подданные, возмутились попыткой скрыться, бросив их на произвол судьбы, и убили. А Гензерих беспрепятственно занял Рим и отдал его на двухнедельное разграбление. Впрочем, хотя имя вандалов стало нарицательным, стоит отметить, что Гензерих запретил поджигать город, разрушать здания и истреблять население. Как, кстати, и Аларих. Блаженный Августин с удивлением писал: «Но что было необычным, так это то, что варварская дикость чудесным образом обернулась такой мягкостью, что в самых больших базиликах (*церквях*), выбранных и назначенных для спасения народа, никто не был избит и никого не тронули, никто оттуда не был уведен в рабство жестокими врагами, а многих сочувствующие враги сами препровождали туда, чтобы сохранить им свободу».

После гибели Эллака осколки гуннской империи раздробились окончательно. Паннонию заняли остготы. Дакию — гепиды. Руги основали свое королевство в Норике (Австрия) — и впоследствии герцоги Штирии ввели свое происхождение от «русских» королей. А гуннов и примкнувших к ним германцев-ангискиров сыновья Атиллы Денгезих и Ирник увели к самым надежным друзьям, антам, в Поднестровье и Поднепровье. В 460 г. гунны еще совершили набег на Азербайджан. Денгезих продолжил и войну с готами, совершал против них рейды в Паннонию и предлагал Византии установить союз. Но это оказалось невозможным — потому что в Константинополе господствовала гвардия из тех же остготов, гуннских врагов. Они совершенно обнаглели, диктовали императорам требования вплоть до выплаты ежегодной «стипендии» своим сородичам в Паннонии. И ссориться с ними монархи Византии боялись. В 463 г. Денгезих появился на Дунае — то ли с целью набега, то ли переговоров. Это осталось неясным, произошло столкновение с готами, и сын Атиллы погиб.

Одновременно гунны получили неожиданный удар с востока. В степях произошла очередная передвижка народов. Памирские горцы-эфталиты начали создание своей державы в Средней Азии. Они потеснили с мест проживания абаров, абары — сабиров, а сабиры ударили по племенам болгар — сарагурам, оногурам и урогам. Из Приуралья болгары двинулись на запад, где победили и покорили гуннское племя акациров, после чего направили посольство в Константинополь и предложили Византии свой союз.

Но если в Восточной Римской империи фактическую власть захватили остготы, то в Западной дела обстояли еще более плачевно. От нашествий гуннов и вандалов Рим уже не оправился. Начальники наемных войск Рицимер, Гундебальд, Орест распоясались здесь еще и похлеще, чем в Константинополе. смещали неугодных императоров и сами назначали новых. А затем объявился Одоакр (в славянских преданиях Оттокар), которого одни источники называют ругом, другие герулом. После распада гуннской империи войны входивших в нее племен совершенно разорили области по Среднему Дунаю. Там начался голод. И Одоакр, вождь герулов, к которому примкнула часть ругов, турклингов, скиров, повел свое воинство в Рим наниматься на службу. На месте присмотрелся, что к чему, и пришел к выводу, что проще и выгоднее Италию захватить, чем служить ей. В 476 г. убил своего конкурента Ореста и низложил последнего императора Ромула Августула. Слабые марионетки-императоры уже настолько себя дискредитировали, что Одоакр на этот титул не позарился, да и преемника назначать не стал. Отослал знаки императорского достоинства в Константинополь и стал королем Италии. Своим воинам он отдал треть италийских земель, и герулы, вон как далеко забравшиеся от родного Приазовья, расселились по римским виллам, блаженствуя в дармовом богатстве и быстро разлагаясь.

Восточная Римская империя была недалеко от аналогичной участи, но сумела избежать ее. Когда остготская гвардия уже довела ее до ручки, полководец Зенон нанял малоазиатских исаврийцев — потомков киликийских пиратов. В 471 г. его солдаты внезапно нанесли удар и перебили всех готов в Константино-

поле. Правда, и себя Зенон не забыл. Ведь исаврийская гвардия заняла место готской. И, опираясь на нее, он вскоре стал императором. А на паннонских остготов византийская дипломатия нацелила гепидов и болгар, своих новых причерноморских союзников. Потерпев ряд поражений, готы опять двинулись было на Константинополь, требуя себе места для поселения. Однако Византия была уже научена, ее такой расклад не утраивал. И вышла из положения по прежней, опробованной схеме. Готы вроде согласились принять на службу, их королю Теодориху присвоили высшие чины консула и патрикия. Но направили «освободить Рим» от узурпатора Одоакра.

При вступлении в Италию часть разношерстных войск Одоакра сразу переметнулась к Теодориху. Остальные были разбиты в трех сражениях. Но сам Одоакр укрылся в Равенне, и готы осаждали ее три года, не в силах взять. Наконец, в 493 г., обе стороны согласились на компромиссный мир. Поделить власть между Теодорихом и Одоакром, а земли — между старыми и новыми переселенцами. И король готов проявил редкостное вероломство. На пиру в честь подписания мира убил Одоакра, а готы по сигналу короля набросились на герулов, истребляя их... Но и выслуживаться перед Константинополем Теодорих не стал. Сделал Италию собственным королевством.

Ну а империя гуннов прекратила существование. Какая-то часть этого народа попросилась в подданство Византии и была поселена в Добрудже. Кто-то ушел на Алтай — китайские хроники упоминают о связи западных гуннов с образованием народа тюрков. Однако авторитет даже погибшей державы оставался очень высоким, сказалось и умение гуннов устанавливать хорошие отношения с другими народами. И победители-болгары охотно приняли к себе сына Атиллы Ирника с его уцелевшим племенем. Причем не только приняли, болгарский племенной союз утургуров избрал Ирника своим царем, от него пошла династия Дуло. Определенная доля гуннов слилась и со славянами. И они тоже приняли кого-то из царевичей — от Атиллы производили свой княжеский род поморяне. Превратились в славян и германцы-ангискиры, отступившие с остатками гуннов на север. А вот смешения с готами не произошло. Часть их,

«тетракситы», осталась в Причерноморье. Но поселилась обособленно, на Южном Берегу Крыма. Жила отдельной общиной и со славянами никогда связей не поддерживала.

АНТИЯ — ВТОРАЯ РУССКАЯ ИМПЕРИЯ

Великое Переселение расслоило европейские народы. На юг и запад, к границам Рима и на его земли, схлынули многие германские племена, а на севере и востоке стали господствовать славяне. У них возникали и крупные государства. Например, усилилось княжество прибалтийских варингов (варангов). Подвластные ему территории достигли нынешней Голландии, оно стало граничить с франками. Впрочем, быстро растеряло завоевания. Возникали новые союзы племен, устремлялись на места, оставленные германцами. К южному берегу Балтики двинулись славяне под руководством князя Бодрича, и появилось сильное государство бодричей (ободритов). Другими переселенцами на территорию Германии стали лютичи (они же вильцы, вилькины). А севернее появились поморяне. В состав новых княжеств вошли и местные племена, в том числе не славянские. Вступали в союзы с пришельцами, покорялись ими и тоже «ославянивались». Славяне обосновались в Саксонии, Тюрингии, Баварии.

Римские и византийские источники обо всем этом не знали. Их интересовало только то, что касалось их государств. Поэтому, например, готский историк Иордан ограничивается обобщенным делением славян на три ветви. Венеды — западная часть, жившая от Чехии до Балтики, склавины — южная, обитавшая от Вислы до Днестра, а анты — восточная, занимавшая земли между Днестром и Днепром. Антов он представлял «сильнейшими», а склавинов — самыми отсталыми, сообщая, что «вместо городов у них болота и леса». Но указывал и на то, что каждая из трех ветвей имеет множество племенных названий.

Византийские авторы, Прокопий Кесарийский, Маврикий, Менандр Протиктор, даже и венедов не касаются, только скла-

винов и антов. На их сообщениях как раз и базируется вся современная наука. Византийцы описали некоторые обычаи славян. Их вольнолюбие, выносливость — «они легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище». Маврикий пишет о традициях гостеприимства, что славяне готовы все сделать для гостя, защищают его, «при переходе из одного места в другое охраняют», а если «по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпит ущерб, принимавший его раньше начинает войну, считая долгом чести отомстить за чужеземца». Рассказывается о развитом земледелии и скотоводстве: «У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы».

Описываются и излюбленные военные приемы. Славяне «с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают, в противном случае обращаются в бегство», заманивают к лесу и нападают из засад. «Часто несомую добычу они бросают, как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются в атаку и наносят неприятелю вред». Пленных же держат в рабстве не вечно, а 10 лет. После чего им предлагают или вернуться на родину за небольшой выкуп или остаться, но уже на положении свободного и равноправного общинника.

Однако при этом надо отметить и другое. Что византийцы беспардонно оболгали славян. То есть в принципе не совсем наврали, но изложили информацию в такой редакции и в таких выражениях, что возникает впечатление о полнейших дикарях. Что и было охотно подхвачено позднейшими историками. Прокопий Кесарийский, например, указывал, что славяне жили «в жалких хижинах, разбросанных на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют место жительства», а Маврикий писал, что «они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов, вследствие случающихся с ними... опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую».

Сообщали об отсутствии государственной организации. Согласно Прокопию «эти племена, славяне и анты, не управ-

ляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), а все важные вопросы решают на сеймах». А Маврикий в «Стратегиконе» презрительно отмечал, что «не имея над собой главы», они воюют беспорядочными толпами, «неспособны сражаться в правильной битве». Описывал и вполне «варварское» снаряжение воинов: «Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим».

Все это опровергается. И археологией, и... самими же византийцами. Да, в IV — начале V в., в период интенсивных переселений и войн в материальной культуре славян действительно отмечался регресс. Исчезают красивая керамика, прежние фигурные сосуды с художественными изображениями зверей и птиц, заменяясь простыми горшками, вылепленными вручную, без гончарного круга. Уменьшилось количество и ухудшилось качество других ремесленных изделий, весьма грубыми стали украшения. И это вполне естественно, в походных или полукочевых условиях люди не обременяли себя созданием мастерских, переноской оборудования.

Но упомянутые византийские труды создавались уже позже, в VI в. Когда многое изменилось. И нетрудно заметить, что часто они противоречат сами себе. Так, говоря об отсутствии организации, Маврикий тут же сообщает о славянских «царьках» (т.е. князьях), рекомендуя привлекать их на свою сторону «с помощью речей и даров» и ссорить между собой. И власть их была отнюдь не номинальной, иначе разве имели бы смысл дипломатические игры с ними? Маврикий пишет об отсутствии военного командования и «толпах», но выше приводились типичные боевые приемы славян. Весьма сложные. Попробуйте-ка неорганизованной толпой в несколько тысяч человек «все вместе» с криком продвинуться вперед, сориентироваться, как действовать дальше, выбрать место для засады и заманить туда преследователей, внезапно перейти из притворного бегства в контратаку... Без общего командования, без выучки и тренировок это невозможно.

Но государственные структуры славян не ограничивались племенными княжествами, они были разветвленными и развитыми. «Демократия» Прокопия — это институты вече и совета старейшин, дополнявших власть князей. Мало того, в византийских хрониках различаются князья и «цари» — в подчинение коих входили князья. Следовательно, существовала иерархия знати и крупные государства, племенные союзы. Самым сильным из них стала Антия. Если Иордан располагал ее между Днестром и Днепром, то последующие авторы помещали «бесчисленные антские народы» уже и за Днепром, до Дона. Что подтверждается археологией — в VI в. славяне заселили всю лесостепную полосу Восточной Европы и во многих местах проникали в глубь степей. Хроники называют имена некоторых «королей» антов. М.В. Ломоносов, исследуя хронику Менандра Протиктора, доказал, что у них существовала наследственная династия. И по сути Антия стала Второй Русской империей.

Раскопки обнаруживают многочисленные села — в них было от 5 до 25 домов. Но есть и более крупные поселения, в 80 — 90 домов. И когда Маврикий говорит о «жилищах со многими выходами», то оказывается, что имеются в виду не отдельные дома, а крепости-городища. Имевшие по несколько выходов — нормальный прием в фортификации. Эти городища строились в форме круга, укрепляясь валами и рвами, центральная площадь оставалась свободной, а по периметру располагались жилища-полуземлянки. Для их строительства вырывался котлован глубиной от 0,3 до 2 м, в него опускался сруб. Иногда стены делались из жердей и глины, а сверху возводилась двускатная крыша. Полы устилались деревянными плахами, в центре размещалась глиняная плита, а для сна делались нары. Рядом сооружались различные хозяйственные постройки,

Обычно в таких городищах проживало по 200 — 400 человек. Хотя в описаниях войн против славян византийцы отмечают и «лагеря» (те же городища), население которых достигало нескольких тысяч. И археологами выявлены крупные города. Например, Пастырское городище, мощные валы которого были воздвигнуты еще в скифские времена. Или Зимно — его окружали ров, деревянная стена и частокол. Археологические дан-

ные показывают, что вокруг этих городов группировались села, то есть они были административными центрами. И ремесленными тоже. Тут жили кузнецы, гончары, ювелиры, камнерезы.

Что касается зарывания в тайниках «необходимых вещей» и «бродячей жизни», то почему-то историки не обращают внимания на даты — Маврикий писал эти строки уже *после разгрома Антского княжества аварами*. Впрочем, «бродячая жизнь» была связана и с подсечной системой земледелия, когда участок леса выжигался, в течение 2 — 3 лет давал высокий урожай, а потом его забрасывали и осваивали новый. При такой системе и впрямь селения периодически переезжали поближе к обрабатываемым полям.

Но в Антии подсечная система уже сменялась переложной и двупольем. В результате и поселения становились постоянными, вместо землянок и полуземлянок строились избы. С конца V — начала VI в. применялись не только легкие, но и тяжелые плуги, в византийских и сирийских источниках упоминается о богатых полях антов, больших стадах скота и табунах коней. А названные Маврикием «кучи», в которых лежало зерно, по археологическим данным оказываются специально оборудованными ямами-зернохранилищами. Правда, тут и любой здравомыслящий человек должен был задуматься — какой же земледелец станет хранить добытый собственным потом урожай «в кучах», где все сгниет после первого дождя? Но профессора-историки почему-то таким вопросом не задавались.

Очень высокой была материальная культура антов. Разрабатывались рудные месторождения, выплавлялся металл. Изготавливались красивые бронзовые и серебряные украшения с эмалью, изящно выполненные застёжки, кольца, пряжки, гребни с затейливыми орнаментами. Делалась отличная керамика. Кстати, в данном случае мы сталкиваемся с очередным научным «ляпом». Потому что ряд теорий относит появление славян только к VI в. По археологическому признаку — увязывая их с «пражской керамикой», выделенной чешским ученым Борковским и относимой к VI в. [64]. Логику подобных рассуждений можете оценить сами — жили-были люди, в один прекрасный день научились делать новые горшки, лучше прежних. И сразу стали другим народом!

Византийские описания славянского вооружения далеко не полны. Кроме дротиков и луков археологи во множестве обнаруживают копья, боевые топоры и длинные прямые мечи, изготовлявшиеся в больших количествах и высочайшего качества. Знаменитыми антскими мечами сражаются даже герои англосаксонского «Беовульфа», а в археологии они дали название целому классу — «мечи антского типа». Были и кольчуги, шлемы, кожаные доспехи. И если славяне иногда выходили сражаться «в одних штанах, подтянутых широким поясом», то это объяснялось вовсе не отсутствием снаряжения. Это было особым психологическим приемом — воины подчеркивали свое полное пренебрежение к ранам и крови, что сильно действовало на врагов.

Уже выделились специалисты-ремесленники. Например, в Пастырском городище люди варили железо, кузнецы изготовляли косы, серпы, лопаты, оружие. Найдены и их инструменты — кувалда, клещи, зубило. Рядом располагались мастерские гончаров, лепивших с помощью круга и обжигавших посуду. Найдены и изделия местных ювелиров, серебряные и бронзовые украшения с цветными эмалями, красивые фибулы-застежки, которыми анты застегивали свои плащи. Иоанн Эфесский писал о славянах: «Они стали богаты, имеют много золота, серебра, табуны лошадей и оружие, и научились вести войны лучше самих римлян». Из византийских хроник и описания чудес Св. Дмитрия Солунского мы узнаем, что у славян были речные ладьи, что они выводили в море целые флотилии лодок-однодревок. Была и письменность. Это подтверждается находками «славянских рун», относимых к V — VI вв. — на ритуальном сосуде из села Войсковое на Днестре, на глиняном черепке из Рипнева, на Микоржинском камне, на камнях острова Валаам и др.

Но единства между славянами не было. Анты, например, враждовали с придунайскими склавинами. Это отмечал и Маврикий, указывая, что славяне «питают друг к другу ненависть и ни в чем не могут согласиться друг с другом», и рекомендуя использовать их распри в византийских интересах. Изменился в данную эпоху и состав соседей славян. Хозяевами степей Причерноморья стали болгары. Изначально этот народ не был тюркским, основную долю болгар составили угорские племена

на, к которым добавилась и часть гуннов (и в византийских источниках самих болгар называли «гуннами»). Но и болгары не были едины. Они разделились на два враждебных друг другу царства. Кутургуров — западнее Дона, и утургуров — восточнее.

На Урале и в Предуралье жили угры — предки венгров и башкир. На левобережье Нижнего Дона обитали залы, давшие имя реке Сал и Сальским степям — вероятно, это был сарматский народ. На Кавказе армянские источники упоминают «царей лезгин» и «дзурдзуков» — предков чеченцев и ингушей. Изрядная доля аланов ушла на запад, но их царство все еще оставалось самым сильным в Северокавказском регионе.

А по Кубани расселились касоги или кашаки, попавшие в зависимость от Алании. Арабский автор Аль-Масуди писал о них: «За царством алан находится народ, именуемый кашак, живущий между горой Кабх (Казбек) и Румским (Черным) морем. Народ этот исповедует веру магов. Среди племен тех мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более выпуклой линией бедер и ягодиц. Наедине их женщины, как описывают, отличаются сладостностью. Аланы более сильны, чем кашаки. Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их. В таком случае ни аланы, ни какой другой народ не смогли бы их покорить».

В конце V в. в Восточной Европе появились еще одни пришельцы — сабиры. Это был древний индоарийский народ, родственник киммерийцам и в какой-то степени праславянам. Он обитал раньше по границе сибирской тайги и степей и дал свое имя Сибири. Теперь же в ходе среднеазиатских войн и передвижек сабиры были вытеснены с мест проживания абарами и обосновались в Дагестане [55, 56].

Обстановка в Причерноморье в данный период во многом определялась противостоянием двух великих держав, Византии и Ирана. Между ними шла постоянная война, никогда надолго не прекращавшаяся. И на севере вовсю действовала дипломатия обеих империй. Чтобы, с одной стороны, обезопасить собствен-

ные границы. А с другой, натравить здешние народы на соперников. Особенно преуспели в этих играх греки. Они установили тесные связи с крымскими готами, даже сменившими арианство на православие. Вовлекли в союз аланов. А потом и сабиров. Те и другие принялись совершать набеги на Персию.

Но и в самом Иране началась полоса бедствий. В начале 490-х случилась засуха, добавилось нашествие саранчи. Несмотря на меры, предпринимавшиеся шахом Кавадом, разразился голод. И народные волнения. А на их гребне выдвинулся визирь Маздак. Он был сторонником каких-то гностических или манихейских учений, объявлявших существующий мир царством зла. И верил в торжество «разума». Выдвинул концепцию, что несправедливость и имущественное неравенство — следствие «неразумности». А значит, надо «исправить мир». Путем «экспроприацию экспроприаторов». Вряд ли он до всего этого додумался сам. За Маздаком стояли вавилонские еврей-каббалисты, надеявшиеся дорваться до власти и погреть руки. Вероятно, поддерживали его и тайные манихейские общины.

Шаха заставили подчиниться программе реформ, и пошла вакханалия террора и грабежей. Знать и богатые слои общества объявлялись «сторонниками зла», их казнили. Как гласит местная хроника «по всей стране... отнимали у богатых жилища, женщин, имущество». Женщины из гаремов «обобществлялись», так как маздакиты во имя «справедливости» постановили иметь общих жен. А шаха держали в качестве марионетки, его именем Маздак прикрывал свои решения. Конечно, благоденствия и равенства все равно не получалось, награбленного на всех не хватало. Львиная доля доставалась лидерам революции — это считалось «справедливым», ведь они были главными поборниками «добра» и «разума». Ну а тех, кто пытался протестовать — например, крестьян, не желавших «обобществлять» своих жен, безжалостно репрессировали. Многие бежали в соседние страны.

В результате такой бучи Персия подорвала собственные силы и для Византии угрозы не представляла. Но оттуда теперь ползли разрушительные революционные идеи. А с севера в 490-х гг. начались набеги славян и болгар. Теплых чувств к заносчивым ромям славяне никогда не питали, счеты к ним

копились еще со времен Траяна. Да и возможность пограбить играла не последнюю роль. Болгары охотно составили компанию славянам, и вторгшиеся отряды докатывались до самого Константинополя. Чтобы обезопасить столицу, император Анастасий начал строить Длинные стены в 40 км от города — они протянулись от Мраморного моря до Босфора. Но шел и другой процесс. Некоторые племена стали переходить на византийскую территорию и селиться на землях, опустошенных прежде готами и гуннами. Например, таким образом осело в Македонии племя велесичей. Со славянской проблемой пришлось столкнуться и следующему императору, Юстину. В 519 г. перешло Дунай большое войско антов. Оно было разгромлено стратегом Фракии Германом, перебившим при этом всех пленных и раненых.

Кстати, политической особенностью Византии было, как и в Риме, отсутствие наследственного права. Императоры выбирали себе преемников сами, в том числе не из родственников. «Родство» в таких случаях обеспечивалось через усыновление, браки с дочерьми или сестрами монарха. Часто подобное наследование становилось причиной смут и интриг. Но оно же порой способствовало выдвижению на престол талантливых личностей. Так было и с Юстином и его племянником Юстинианом. Оба они, как и жена Юстиниана Феодора, были чудовищно оклеветаны в истории. Преуспел в этом заразившийся «либеральным» мировоззрением Прокопий Кесарийский. Который наряду с официальными трудами, восхвалявшими властителей, создал «Секретную историю», предназначенную не для современников, а для потомков. Солдата-македонянина Юстина изобразил неграмотным тупицей, Юстиниана — повесой и коварным злодеем, особенно расстарался в отношении Феодоры, бывшей актрисы, представив ее чуть ли не гетерой, соблазнами тела влезшей на трон.

Многими историками было доказано, что «Секретная история» является политическим памфлетом [208]. Если ремесло актрисы действительно считалось в Византии позорным, то Феодора вполне это сознавала и прошла долгий и тяжелый путь покаяния, пока Церковь ее (и она сама себя) не сочла достойной занимать полноправное положение в обществе. И стала для

Юстиниана не только верной и любящей супругой, но и ценной помощницей. А он, во многом благодаря жене, сумел стать одним из лучших правителей Византии во все времена. Он подавил распространявшиеся из Ирана волны революционных веяний, которые под флагами разных ересей вызвали восстания в Сирии, Малой Азии и бессмысленный мятеж «Ника», уничтоживший половину Константинополя. Был осуществлен колоссальный труд по кодификации всего римского права с древнейших времен. При Юстиниане развернулось интенсивное градостроительство, и, в частности, был возведен знаменитый храм Св. Софии.

Персии в это время тоже удалось справиться со смутой. В 529 г. принц Хосрой Ануширван собрал в Средней Азии войско из эмигрантов, привлек в помощь саков и эфталитов, разгромил революционеров и повесил Маздака. Казнили и его сторонников — озлобление против них было так велико, что о них даже считали зазорным пачкать мечи и закапывали живыми. И теперь уже уцелевшие революционеры разбежались в сопредельные страны. Но восстановить прежнее могущество Ирану было не просто. И перед Юстинианом встала дилемма — добивать ослабленную Персию или довольствоваться тем, что она не может напасть, и решать политические задачи на западе. Он выбрал второе. А своей сверхзадачей он видел восстановление Римской империи.

Облегчали ее раздоры в германских королевствах. Теодорих, первый остготский король Италии, фанатично преклонялся перед всем римским, старался привлечь на свою сторону симпатии старой аристократии и создать некий римско-германский симбиоз. Но ничего хорошего из этого не вышло. Заносчивые сенаторы презирали «варваров», сносились с Константинополем, ожидая от него «освобождения». А после смерти Теодориха и германская знать передралась в борьбе за престол. Склоки шли и в других королевствах. И полководцы Юстиниана Велизарий и Нерсес отвоевали у вандалов Северную Африку, отбили у вестготов часть Испании. Высадились в Италии. Но готы сразу объединились против византийцев. А от беспомощных римлян ждать реальной поддержки не приходилось. И война в Италии затянулась на 18 лет.

А набеги славян не прекращались. Наоборот, во времена Юстиниана они стали сущим бедствием. Правда, здесь стоит отметить еще одну византийскую традицию, унаследованную от Рима. Умалчивать о своих неудачах. Поэтому сведения о славянских вторжениях мы имеем весьма отрывочные. Из житий святых, из той же «Секретной истории» Прокопия — ставшего показателем, как плохо жилось при Юстиниане. За точность подобного источника ручаться не приходится, многое может быть преувеличено. Прокопий писал: «Иллирия и Фракия полностью, охватывая всю территорию от Ионийского залива до окраин Византии, включая Грецию и фракийский Херсонес, захлестывались практически каждый год гуннами (*т.е. болгарами*), склавенами и антами со времен воцарения Юстиниана в Римской империи, и они творили ужасный хаос среди жителей региона. Во время каждого вторжения более 200 тысяч римлян, как мне кажется, уничтожались или обращались там в рабство».

Вдоль северных границ Византии возводились укрепления, а в 531 г. главнокомандующим во Фракию был назначен один из лучших полководцев Хилвуд, по происхождению германец. Не ограничиваясь обороной, он начал проводить карательные рейды на славянские земли, но после нескольких удачных операций был в 534 г. разгромлен и, по официальной версии, погиб. Однако после этого случилась любопытная история. Анты выдвинули из своей среды якобы самозванца, объявили его Хилвудом, спасшимся в плену. И потребовали от Византии назначить его наместником Фракии и командующим Дунайской армии — которая при этом состояла бы из самих антов. И псевдо-Хилвуд даже поехал на переговоры в Константинополь, где был изобличен в обмане и арестован. Данная версия вызывает сомнения. Неужто анты были такими простаками, чтобы не понимать, как легко вывести их ставленника на чистую воду? Скорее, он и был настоящим Хилвудом. Которого согласились освободить, если он возьмет антов на службу. Ну а в Византии сочли за лучшее объявить его самозванцем и прикончить.

Но из готовности антов идти на контакты Константинополь сделал выводы, дипломатия ромеев повела активную работу, и был заключен союз. Антов стали нанимать на службу.

Около 544 г. антские войска были размещены в г. Тирас на Днестре для защиты от болгарских и славянских набегов. Некоторые анты достигали в Византийской империи высоких чинов — например, Доброгаст стал командующим Черноморской эскадры. В составе ромейских частей они сражались и в Италии. 1600 бойцов антской конницы выручили Велизария, осажденного в Риме, а в 547 г. отряд антов помог византийской армии в Лукании. Хотя известно и другое — 6 тыс. каких-то славян пытались прорваться в Италию на помощь готам. Но были перехвачены и остановлены войсками Юстиниана. Откуда видно, что славяне хорошо знали о международной обстановке своего времени.

Войны Юстиниана с «варварскими» королевствами кончились победами. Вандалы были перебиты почти полностью. И от остготов в ходе изнурительной борьбы мало кто уцелел. Но и возрождения былой Римской империи не произошло. Византийцы оказывались вовсе не «освободителями», а завоевателями. Под властью вандалов Северная Африка оставалась цветущим краем — а в результате «освобождения» превратилась в выжженную пустыню с руинами городов. Была совершенно опустошена и Италия. Если в 410 и 455 гг. «варвары» только грабили Рим, щадя сам город и жителей, то в ходе «освобождения» он пять раз переходил из рук в руки, был сожжен, и из миллиона жителей уцелело 50 тыс. Милан был снесен до основания.

В прежнем Риме война «питала войну», а государство богато за счет трофеев. Теперь войско Византии состояло из тех же наемных «варваров» — гепидов, болгар, исаврийцев, антов. Изрядная доля награбленного доставалась им. Кроме того, наемникам требовалось платить. И война подрывала финансы империи, разоряла налогоплательщиков. Между тем с севера продолжались удары славян. Причем после византийских карательных рейдов на их земли склавини стали воевать куда более жестоко. В 547—548 гг. произошло массированное вторжение в Иллирию и Далмацию. И 15-тысячная ромейская армия, высланная против славян, не осмелилась вступить в бой с вдвое меньшими силами. Держалась поотдаль и пассивно наблюдала, как славяне, перегруженные добычей, уходят за Дунай.

В 549—550 гг. последовало новое вторжение. Славяне и болгары, перейдя границу, разделились и двинулись по нескольким

направлениям. Отряд из 1,5 тысячи славян разгромил вышедшие против него силы под командованием оруженосца Юстиниана Асвада. Под Адрианополем потерпела жестокое поражение и вторая византийская армия во главе с евнухом Схоластиком. Так что известие Маврикия о неспособности славян «сражаться в правильной битве» напрочь опровергается фактами. Проявили они и умение брать сильные крепости — например, штурмом захватили Топер на Эгейском море. Разорили Фракию, дойдя до Длинных стен Константинополя, погуляли по Иллирии, Македонии. И Юстиниан вынужден был приказать полководцу Герману, готовившемуся к отправке в Италию, оборонять Солунь.

Прокопий сообщал, что в этом набеге славяне проявили ужасную жестокость. Что после взятия Топера они истребили всех мужчин, числом до 15 тыс., а женщин и детей угнали. «И долго вся Иллирия и Фракия были покрыты трупами. Встречных они убивали не мечом, не копьем и не каким-либо другим оружием, а сажали на кол, распинали на кресте, били батогами по голове, иных, заперши в шатры вместе с быками и овцами, которых не могли увезти с собою, безжалостно сжигали». Такая картина вызывает недоумение. Нет, я далек от того, чтобы идеализировать славян и изображать их «ангелами во плоти». Они были людьми своего времени и соответствующего склада. Но излишняя жестокость и садизм были вообще не характерны для психологии «варварских» народов. Они были ненужными. Свирепые в бою, с побежденными славяне обычно вели себя благодушно и даже беспечно. Скажем, захватывая придунайские земли, они объявляли местным крестьянам: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем у вас только половину подати» (то есть половину налогов, взимаемых Византией). Ранее отмечались обычаи гостеприимства и освобождения пленных, когда они «отмотают свой срок». Да и сам же Прокопий отмечал, что «по существу, они не плохие и совсем не злые».

А о зверствах славян он рассказывает тоже в «Секретной истории». Поэтому объяснение может быть двояким. Либо Прокопий сгустил краски (с той же целью, показать, как плохо было при Юстиниане), либо умолчал о каких-то византийских злодеяниях — например, расправах над пленными или мирным на-

селением во время карательных походов за Дунай. Вот в этом случае месть и впрямь могла быть суровой, поскольку «варварам» было присуще понятие коллективной ответственности. В пользу данного предположения говорят и виды казней, названные Прокопием — сажание на кол, распятие. Для славянской цивилизации они были чуждыми. И вполне вероятно, что византийцам просто ответили их собственными методами по принципу «око за око».

Традиционными союзниками склавинов в набегах были болгары-кутургуры. И византийская дипломатия нашла способ нейтрализовать врагов. Точно так же, как установила дружбу с антами, врагами склавинов, таким же образом, богатыми дарами и посольствами склонила к союзу утургуров. И когда в 551 г. кутургуры со славянами очередной раз вторглись за Дунай, последовал набег утургуров на кутургурские кочевья. После чего нападения на Балканы на некоторое время прекратились — теперь противники Византии опасались ударов с тыла.

Союзниками Константинополя оставались и сабиры, нанеся удары по главной сопернице ромеев, Персии. В 552 г. ворвались в Закавказье и захватили Агванию (Азербайджан). Лишь через два года шах Хосрой Ануширван сумел выбить их. И чтобы обезопасить свои владения, приказал соорудить Дербентскую стену, протянувшуюся на 40 км и перекрывающую промежуток от Кавказских гор до Каспийского моря. Причем арабский историк ас-Саалиби в рассказе о ее постройке среди народов, против коих предназначалась стена, называет и русов. Упоминает их применительно к кавказским событиям VI в. и Захир-ад-Дин-Мар'аши.

Что вполне логично. Уже отмечалось, что «бесчисленные антские народы» заняли пространства от Днестра до Дона. И восточную часть этих земель, территорию погибшей «Русколани», заселили русы вместе со славянским племенем северян (напомню, по легенде «Велесовой книги» Сева и Рус — братья). «Церковная история» Захария Ритора, написанная в 555 г., называет народ «рос», живший на севере от Азовского моря, на территории днепровского Левобережья, Дона и Донца. На Дону упоминает «роксоланов» и анонимный географ VII в., называет там город «Малороса». А в последующие века персидские авто-

ры именовали Дон то «русской», то «славянской» рекой. Русы и северяне в данное время входили в эти самые «бесчисленные антские народы», то есть в Антский союз племен. Следовательно, были византийскими союзниками. Вот и нападали вместе с сабирами на Иран.

В целом же народы Причерноморья благодаря усилиям византийской дипломатии оказались расколоты на две коалиции. Друзья Константинополя — анты, утургуры, аланы, сабиры. И его враги, склавины и кутургуры. А соответственно, враги первой коалиции.

АВАРСКИЙ И ТЮРКСКИЙ КАГНАТЫ

В середине VI в. из осколков различных племен на Алтае образовался новый народ — тюрки. У них была очень развита металлургия, они создали тяжелую панцирную конницу в доспехах из стальных пластин, вооруженную длинными саблями и копьями. Ударные отряды такой кавалерии дополнялись легковооруженными конными стрелками союзных и покоренных народов. Сами по себе тюрки были немногочисленны. Но они создали своеобразную систему государственной организации — «эль». В степи испокон веков царили взаимные распри, одним племенам оказывалась не лишней помощь против других, защита от них. А тюрки выбирали тех, кто мог стать их друзьями, и инкорпорировали в состав «эля» на равных правах с собственными родами. Благодаря такой системе возник могущественный каганат, сокрушил прежних хозяев монгольских степей, жужаней, и начал широкие завоевания. К 555 г. тюркский властитель Мугань-каган захватил земли на востоке вплоть до Желтого моря, а его дядя Истеми двинулся на запад.

В его войске собственно тюрков было мало — только верховное командование и дружины вождей, а основную массу воинов составляли племена телесцев, включенных в систему эля. Но сражались и распределяли добычу они фактически на равных. И на завоеванных территориях их различают только по погребениям. Тюрки своих покойников сжигали. А если

это была важная персона, отправляли с ним на тот свет 2 — 4 слуг, нескольких коней и баранов и на месте кремации ставили памятник, где усопший как бы от своего лица рассказывает о собственных подвигах. Обычаи телесцев были другими. Они устанавливали мертвецов в могилу вертикально, с луком, мечом и копьем. С вождем хоронили коня. А с каждым простым воином — более дешевою, чем конь, женщину. Но не жен, а рабынь-пленниц — никаких следов женских украшений и одежды археологи в совместных погребениях не находят. Рабынь приводили на место церемонии обнаженными, сворачивали шею и закапывали [57]. Видимо, чтобы духи на том свете не перепутали социальный статус жертвы. Или считали, что мертвецу приятнее находиться в обществе раздетой спутницы.

Истеми-хан разгромил ослабевшее царство печенегов, включив и их в свои вспомогательные войска, и вышел к Аральскому морю. Но здесь тюрки натолкнулись на сопротивление племен вар и хиони. Их еще называли хионитами, тюрки звали их вархонитами, а в Европе они вскоре стали известны под именем аваров. Исторические представления о них в значительной мере искажены, их часто ставят в один ряд с гуннами, тюрками, татарами. Но они были не могнлоидами, а индоарийцами, потомками древних сакских племен, белокуроыми и голубоглазыми. Не были они и кочевниками, вели оседлый образ жизни. В Приаралье и низовьях Сырдарьи С.П. Толстовым обнаружены остатки их поселений, «болотные городища» (от проживавших здесь когда-то хионитов произошло и название Хива). У них тоже имелась сильная панцирная конница, воевать они хорошо умели и в составе персидских войск сражались против Византии.

В упорной борьбе тюрки их все же одолели. Однако покориться они не пожелали и решили уйти на запад. Феофилакт Симокатта пишет, что они сами называли себя аварами, чтобы внушить к себе уважение — в Средней Азии было известно и другое, могучее и воинственное племя абаров (вошедшее в состав Тюркского каганата). Но скорее, путаница возникла сама собой из-за слова «вар» — вархонитов в Европе знали плохо, а об абарах были наслышаны от побежденных ими болгар и савиров. Тюрки продолжили было движение вслед за вархонита-

ми-аварами, но им стало угрожать царство эфталитов. Истемихан повернул на юг против нового врага, а переселенцы смогли оторваться от преследования.

В это время Антия под руководством князя Мезенмира вела войну с лангобардами и кутургурами. Лангобарды («длиннобородые») были последним осколком Великого Переселения, все еще продолжавшим бродить по Европе. Их называли «самыми дикими» из германцев. Вид у них и вправду был устрашающий. Они не стригли волос, бород, усов, из-за чего лицо было покрыто сплошной косматой массой. И вдобавок перед боем они красили физиономии в зеленый цвет. Они считались очень свирепыми воинами, но и очень неорганизованными. Поэтому чаще терпели поражения. С Эльбы они были выбиты славянами. И вторглись на Вольту, во владения антов, заключив союз с их противниками-кутургурами. Об этой войне сообщают два источника. «Хроника лангобардов» упоминает, что по пути от Эльбы до Паннонии и Италии это племя проходило «страну Антаиб». А «Велесова книга» рассказывает: «...И та Вольту — первейших родов место, и тогда осерчали вои, и анты Мезенмира одержали победу над готами, разогнав их на обе стороны. А после них потекли гунны, крови славян жаждущие, и готы побратались с гуннами, и с ними на отцов наших напали, и были разбиты и унижены» (I 46). «Готы» здесь могут быть только лангобардами, а «гунны» — кутургурами, так как далее в том же фрагменте текста говорится о приходе аваров.

Этих пришельцев было не так уж много — по оценкам Л.Н. Гумилева, около 20 тыс. [55] Но как вскоре выяснилось, сила аваров была не только в их численности. А в хитрости и коварстве. Они появились на Северном Кавказе в качестве скромных беженцев. И вежливо попросили аланского царя Саросия принять их под покровительство. А поскольку аланы были союзниками Византии, то и авары выразили желание стать ее друзьями. Саросий вошел в их положение, оказал поддержку, помог их посольству добраться до Константинополя. Правда, там представителей непонятого народа приняли прохладно, без особого восторга. Но Кавказ был важным плацдармом для действий против Ирана. А эта держава успела оправиться после своих революций, усилиться, создать полки профессиональной

конницы. И снова стала грозной соперницей Византии. Поэтому Юстиниан не пренебрег аvaraми, направил к ним ответное посольство с подарками, традиционными для дружественных «варваров». В 558 г. был заключен союз о совместных действиях против врагов Византии.

Но... в том же 558 г. в Константинополь прибыло посольство Тюркского каганата. И вот оно-то встретило самый радужный прием. Столь могучего союзника, способного угрожать Ирану с востока, византийцы готовы были заполучить всеми средствами. Знали ли об этом авары? Вероятно, да. Дипломатия у них была налажена прекрасно. Они не могли не понять, что из-за них Константинополь с тюрками ссориться не станет, отдаст их на растерзание Истеми-хану. Но авары ждать этого не стали. Мгновенно переориентировались, установив связи с врагами Византии. Причем сделали это тайно, ромеи и их союзники ни о чем не догадывались. А авары внезапно обрушились на этих самых ромейских союзников.

По цепочке, громя одного за другим и не давая опомниться. Сперва неожиданно напали на сабиров. Наложилась и упомянутая ошибка — сабиры их приняли за абаров, за тот самый народ, который прогнал их дедов из Сибири. Паника способствовала разгрому. А авары вслед за ними разбили утургуров, потом залов. И ушли к кутургурам. А здесь их жертвой стали анты, авары принялись грабить и опустошать их земли. «Велесова книга» пишет: «И так после гуннов напозла на нас великая беда, это обры, которых было как песка морского, и которые решили обложить данью всю Русь. И тем обрам противостояли и стояли попереки, но не много лада было в Руси, и через это обры одержали силу воинскую над нами» (32. 22-30).

Разумеется, аваров было меньше, чем «песка морского», но ведь они выступали в союзе с кутургурами, которых Менандр называет «против антов исполненными лютой ненавистью». Подключились склавины, враги антов. Был заключен союз и с лангобардами. Кроме того, авары нашли у антов уязвимое место, разоряя в первую очередь их поля, обрекая тем самым на голод и подрывая способность к сопротивлению. А союз с Византией пользы антам не принес. Особенностью ее политики было то, что она лишь использовала своих «друзей». Но ни-

когда даже пальцем о палец не ударила для помощи им. Немым свидетельством ожесточенной борьбы за Антию является Пастырское городище в Черкасской обл., разгромленное в это время. Археологи находят и многочисленные антские клады — люди опять зарывали свои богатства. (О чем как раз и писал император Маврикий — дескать, славяне «необходимые для них вещи зарывают в тайниках» и «ничем лишним открыто не владеют»).

Когда анты были разбиты и «приведены в бедственное положение», они попытались вступить в переговоры с аварами и выкупить пленных. Послом поехал сам князь Мезенмир. Менандр Протиктор сообщал, что он вел себя дерзко, «говорил более высокомерно, чем подобает послу» — но тут же указывается другая причина судьбы Мезенмира. Кутургуры подсказали аварскому кагану Баяну: «Сей муж приобрел величайшее влияние среди антов, он способен противостоять любому из своих врагов. Поэтому нужно его убить, а затем беспрепятственно совершать набеги на чужую землю».

Авары так и поступили, грубо нарушив все правовые нормы. Об этом же факте упоминает «Велесова книга» сразу после рассказа о войнах Мезенмира с «готами» и «гуннами». «Затем пришли обры и князя нашего убили. И так сине море отошло от Руси» (I 4б). А Менандр указывал, что после убийства князя авары «чаще, чем раньше... разоряли землю антов и не прекращали порабощать, уводить и грабить». Кстати, уводы в рабство — еще одно свидетельство оседлой аварской культуры. Ведь в хозяйстве кочевников использование невольников весьма ограничено. А выхода на работоторговые рынки авары не имели.

После сокрушения антов и утургуров князь кутургуров Заберган уже не опасался за свои тылы и в 559 г. вместе со склавинами учинил очередное вторжение в Византию. Три группировки прокатились по Македонии, Фракии, сам Заберган подступил к Константинополю. С большим трудом его смог отогнать престарелый военачальник Велизарий, возвращенный ради этого из отставки. И лишь получив богатую дань, кутургуры покинули Византию. Но их соперники утургуры уже оправались от поражения, и Юстиниан спешно направил их князю Сандлиху просьбу о помощи. Утургуры совершили ответный набег,

уничтожили один из трех отрядов Забергана на пути домой, а награбленное отобрали и вернули грекам. Кутургуры возмутились. И между двумя болгарскими племенными союзами разразилась жесточайшая война. А плоды ее пожали авары. Обе стороны понесли такие потери, что пришельцы подмяли под себя ослабевших кутургуров. Которые из друзей и покровителей превратились в фактических аварских вассалов. Да и славяны очень быстро перешли на положение подданных.

Разгромленные сабиры вообще исчезают из исторических хроник. Они предпочли передаться под покровительство персидского шаха и были поселены в Азербайджане, где появляются топонимы Сабир, Сабирабад и др. Какая-то часть, возможно, ушла и к русичам. Л.Н. Гумилев даже производит от сабиров этноним северян [55, 56], но это ошибка. Славяне-северяне зафиксированы в византийских хрониках среди племен, вторгавшихся на Балканы в VI в. И никакого отношения к сабирам они не имели. Хотя население на Дону и Донце действительно стало смешанным. Археология показывает, что здесь появляются какие-то носители иранской культуры [85] — может быть, залы или осколки других сарматских племен, отступившие сюда от аварских и кутургурских ударов. Они поселились среди русичей, вместе с ними отбивались от врагов и постепенно «ославянивались».

Ну а авары, добившись лидерства в Причерноморье, вместе с лангобардами, болгарами и славянами в 567 г. двинулись в Паннонию. Уничтожили здесь королевство гепидов (еще одних союзников Византии). После чего лангобардов от себя благополучно спровадили. Завоевывать Италию. Она после войн византийцев с готами так и не оправилась, лежала в развалинах, население ее сократилось вдвое. А лангобарды усилились за счет побежденных и младших союзников — гепидов, свевов, болгар, славян, в 568 г. вторглись на Апеннинский полуостров, без особого труда захватывая города и основав свое королевство. Византия смогла удержать только Рим, Венецию, часть Центральной Италии и юг Апеннинского полуострова. Вероятно, и это потеряла бы. Но сказалась нелюбовь лангобардов к централизации и дисциплине. Их королевство почти сразу распалось на герцогства, не признающие власти короля и ссорящиеся меж-

ду собой. Так что византийская дипломатия смогла использовать одних герцогов против других.

А авары остались в Паннонии полными хозяевами, найдя вокруг озера Балатон условия, сходные с родным Приаральем. Построили 9 городов, подобных своим среднеазиатским «болотным городищам» — германские хроники называют их «рингами» (кругами). Они представляли собой военные лагеря, окруженные кольцами земляных валов и палисадами, и располагались так, чтобы держать под надзором всю территорию захваченной страны. В рингах сосредотачивались запасы продовольствия, собираемая дань, награбленные сокровища. И из Паннонии авары стали терроризировать и подчинять всех соседей.

Их главные враги, тюрки, в это время не могли достать своих «бежавших рабов», как они презрительно именовали аваров, поскольку втянулись в войны за Среднюю Азию. Прежде грозная Согдиана, сотрясавшая мир волнами сарматских племен, давно уже расплескала свои силы, утратила агрессивность, и теперь ее называли «веселой» Согдианой. Это была страна больших торговых городов, богатых купцов, контролировавших транзитную торговлю шелком из Китая на запад. А шелк стоил баснословно дорого. Не только из-за красоты — шелковая одежда была в древности единственным надежным способом убежать от насекомых. Сама же Согдиана поставляла в другие страны уже не воинов, как раньше, а ковры, ремесленные изделия и танцовщиц. Потому что египетские и сирийские исполнительницы эротических танцев после принятия христианства «сошли со сцены», и их место заняли туранки. Они по древней сарматской традиции привыкли плясать полуголыми или почти без покровов, считались «зажигательными» и высоко ценились в Китае, Персии, Аравии, Индии.

Но когда Согдиана превратилась в мирную и «веселую», она стала объектом притязаний соседей. И ее население, в общем-то, не возражало, лишь бы хозяева «оплачивали» владычество поддержанием порядка и не мешали жить и торговать. Однако захватившие Среднюю Азию эфталиты перессорились и воевали со всеми сопредельными государствами, что подрывало торговлю, оборачивалось поборами и вражескими втор-

жениями. С тюрками против эфталитов охотно заключил союз Иран. И согдийские купцы тоже приняли сторону тюрков. Сошли их каганат как раз той силой, которая нужна — способной установить прочную власть, обеспечить расцвет хозяйства и торговли. Эфталиты были разгромлены и изгнаны.

Но тюрки и Иран тотчас превратились из союзников во врагов, не поделив плоды побед. В результате столкновений почти вся Средняя Азия осталась за каганатом. А грамотные и многоопытные согдийские купцы нашли себе место при тюркских властителях — стали у них финансистами, советниками, дипломатами. Возобновилась пересылка посольствами между Истеми-ханом и Константинополем. Между ними был заключен торговый договор и военный союз. И тюрки предприняли новый поход на запад. Чтобы покорить тамошние народы и в обход враждебной Персии пробить дорогу к Византии — от китайцев каганат получал в виде дани большое количество шелка, а греки соглашались покупать его по высоким ценам.

Между Уралом и Волгой тюрки подчинили угорские народы. При этом три племени угров взбунтовались против завоевателей, бежали в Паннонию и присоединились к аварам. А на Северном Кавказе и в степях между Волгой и Доном тюркам оказали сопротивление барсилы, аланы и утургуры. Как сообщал Менаандр, они «были одушевлены безмерной бодростью, полагались на свои силы и осмелились противостоять непобедимому народу тюркскому». Разумеется, полагались они не только на свои силы, а надеялись и на заступничество союзной Византии.

Но еще один местный народ встретил тюрков отнюдь не в качестве врагов — хазары. Как уже отмечалось, это были потомки древнего скифского населения Восточной Европы. Арабские и персидские авторы указывали, что исконный их язык не был тюркским. А легенда из арабского труда «Маджмал-ат-таварих» сообщает: «Рус и Хазар были от одной матери и отца». Хазары обитали на берегах Каспия, в долинах Терека и Сулака. Были оседлыми, ловили рыбу, выращивали виноградники и огороды. И отличались от соседей одним обычаем, по которому и теперь выделяют их погребения — из-за каких-то сво-

их представлений они страшно боялись «ходячих мертвецов». Поэтому покойникам проламывали головы и отрубали ноги. После чего погребали уже чинно и благопристойно — мертвец был больше не опасен.

Но хазарам крепко доставалось от болгарского племени барсилов, которому принадлежали соседние степи. Если люди могли укрыться от набегов в болотах и зарослях, то дома и виноградники с собой не унесешь. Приходилось покоряться, платить дань. В древних описаниях прикаспийский регион севернее Кавказа называется не «Хазарией», а «Барсилией». Властители мобилизовывали хазар и во вспомогательные отряды при своих набегах на Азербайджан. Да и вообще, видать, держали в черном теле. Поэтому в начавшейся войне хазары поддержали тюрков. Для пришельцев это оказалось очень кстати. Они далеко оторвались от родных мест, им требовалась опора в завоеванных краях. Каковой не могли стать народы, покоренные оружием. Дружественных хазар инкорпорировали в систему «эля», и китайские хроники называют их «тюркским поколением» — так обозначались народы, добровольно вошедшие в состав каганата и равноправные с тюрками. Для самих хазар могучее покровительство принесло освобождение, они тут же отыгрались на прежних обидчиках. Источники конца VI в. указывали, что теперь уже барсилы прячутся от хазар на островах в дельте Волги. Но те продвинулись на север вслед за побежденными и разгромили их окончательно. После чего роли поменялись, барсилы перешли в подчиненное положение к хазарам.

А надежды аланов и утургуров на Византию оказались тщетными. Она заботилась только о собственных интересах. Диктовавших союз с тюрками. Так стоило ли портить с ними отношения из-за каких-то там дружественных «варваров»? Которые и теперь никуда не денутся, продолжают воевать за византийские интересы, но уже в составе каганата? В результате аланы с утургурами потерпели поражение и стали тюркскими вассалами. Возникла огромная держава от Черного моря до Желтого. Но западнее Дона тюркам продвинуться уже не удалось. Поскольку «бежавшие рабы» авары тоже успели создать «сверхдержаву», контролирующую земли от Альп до Приазовья.

Причем их империя была ничуть не похожей ни на готскую, ни на гуннскую, ни на тюркскую. Она была основана не на силе или союзах, а на поразительном умении использовать принцип «разделяй и властвуй». Играть на межплеменной розни, поддерживать «друзей» против их врагов, но при этом и «друзья» попадали в аварскую зависимость. И Аварский каганат стал подобием «пирамиды» из многих народов, которые, по сути, сами покорили друг друга. На вершине очутились авары, ниже — более полноправные вассалы, еще ниже — менее полноправные или совсем бесправные. Племена, оказавшиеся в преимущественном положении, пользовались относительной самостоятельностью, сохраняли самоуправление, только признавали над собой верховную власть кагана и выставляли войска по его требованию. Другие облагались данью. И на одних подданных всегда можно было воздействовать с помощью других.

Да и воевать авары предпочитали чужими руками. Каган Баян, угрожая императору Юстину II, заявил: «Я таких людей пошлю на Римскую землю, потеря которых не будет для меня чувствительна, хоть бы они совсем погибли» — и отправил в набег 10 тыс. болгар. Франкский историк Фредегарий свидетельствовал, что авары в бою всегда располагали на передовых линиях славян. Баян заключил союз с Персией, начавшей очередную войну против Византии. И на нее посыпались уже не стихийные, а скоординированные славянские и болгарские вторжения.

А южная полоса России оказалась таким образом разделена по Дону между владениями Аварского и Тюркского каганатов. У Тюркского внутренняя структура была иной. Он был разделен на восемь уделов, связанных между собой сложной системой лестничного подчинения. Были уделы, подчиняющиеся верховному владыке — Тобго-кагану, были «уделы от уделов», и ханам более высокого ранга подчинялись младшие ханы. Так, уделом Нижней Волги и Урала владел Турксанф. А его вассалом был хан Северного Кавказа Бури. Но союз тюрков с греками оказался недолговечным, начались разногласия. Выяснилось, что Византия через своих агентов сумела заполучить личинки шелковичного червя и создавала собственную шелковую

промышленность — расчеты каганата на сверхприбыли не оправдались.

Кроме того, согласно союзному договору, Константинополь обязался не заключать мир с аварами. Но Византию достали набегам, и она заключил такой мир. Пошла и на сепаратное перемирие с персами, а в результате Иран высвободил войска, нанес удар по владениям тюрков и отнял у них несколько городов в Средней Азии. Тех рассердило столь одностороннее понимание ромеями союзнических обязательств, и в 576 г. каганат начал войну. Его войска осадили и захватили города Боспора. Потом произвели набег на Крым. Византийцам могло достаться куда круче, но тюрки в это же время воевали с Китаем, а на «западном фронте» боевые действия вели только войска удельных ханов Турксанфа и Бури, в основном состоявшие из местных народов — утургуров, аланов, хазар.

Аварский каганат тоже отнюдь не ограничивался набегами на Византию. Неоднократно громил Тюрингию, Чехию, Силезию, земли славян по Эльбе и Одера, победил и взяли в плен короля франков Сигберта Австразийского. И, стравливая племена, расширял собственное влияние. Самые дальние народы авары пытались вовлечь в зависимость дипломатическими мерами. Так, Феофилакт Симокатта описал случай, когда к византийскому императору привели троих славян с берегов «Западного океана», то есть с Балтики. У них не было никакого оружия, только «кифары». И они рассказали, что каган прислал их «племенному владыке» большие дары, предлагая вступить в союз и выставить вооруженную силу против греков. Дары были приняты, а от союза их князь отказался «за дальностью» и направил их троих в качестве послов, сообщить об этом. «Но каган, забыв все законы по отношению к послам», задержал их, не пуская домой. И они бежали в Византию. Кифары же они носят из-за того, что не привыкли облекаться в оружие. И Феофилакт развил мысль — что это племя славян вообще мирное, не знает войн и железа.

Историки дружно не доверяют его сообщению — мол, это сказки о далеком народе, живущем в «золотом веке». Хотя в действительности Феофилакт Симокатта допустил только одну ошибку. Трое славян говорили не о своем племени, а лишь о

себе и своем сословии. Ведь и у кельтов певцам-бардам не полагось брать в руки оружие, но они обладали неприкосновенностью и исполняли дипломатические функции. Как видим, те же обычаи были присущи славянам. Но авары, как и в случае с Мезенмиром, не посчитались с иммунитетом послов. И ясное дело, что после такого грубого нарушения международных норм их союз с прибалтийскими княжествами не сложился.

Но если с дальними племенами каган пытался заигрывать, то ближние соседи, славяне Моравии, Богемии, Волыни попали в полную неволю. Их нещадно эксплуатировали, насильно мобилизовывали во вспомогательные части и на работы, всячески измывались. Об этом сообщает «Велесова книга»: «Примучены мы были от обров, даже... воинов своих посылали в Грецию» (32. 22-30). То же слово «примучили» применяет и Нестор в отношении дулебов, живших на Волыни и входивших в антский союз. И не случайно «Повесть временных лет», весьма скупо уделяющая внимание дорюриковским временам, все же отразила ужасы аварского ига, рассказывая, как «обры», «великие телом и гордые умом», не только насиловали славянских женщин, но и ездили на них, впрягая в повозки вместо коней и волов.

Кстати, историки и литераторы почему-то любят порассуждать о жестокости «варваров», противопоставляя им гуманизм «цивилизованных» народов. Хотя все исторические факты свидетельствуют об обратном. «Дикий» кочевник может ограбить врагов, взять в плен, перебить, но до садистских забав он не додумается. Для него они не имеют смысла, а значит, иррациональны. Везде и всюду изощренная жестокость выступала побочным продуктом «культуры», а не «варварства». Что и проявилось в случае с аварами, осколком древней высокой цивилизации Турана, когда они вдруг оказались властителями могущественного государства.

И многие славяне стали уходить подальше от них, в Византию. Как повествуют греческие хроники, «славяне начали без страха селиться на землях империи». Одни организованно, стараясь договориться об убежище с местными властями. Другие перетекали «явочным порядком», захватывая пустующие районы. В 578 г. Дунай пересекла первая крупная партия беженцев — около 100 тыс., в 581 г. последовала вторая. Впрочем, и

переселенцы были разные. Одни удирали от аваров. А других направляли сами авары. В 581 г. они захватили Сирмий, ключевую крепость в Иллирии, и двинули в этот край подчиненные славянские племена, так что занятая ими Иллирия попала под власть Аварского каганата.

А некоторые переселенцы сами лезли под аваров. Описание чудес св. Дмитрия Солунского сообщает, как огромная славянская флотилия лодок-однодревок подступила к Солуни. Славяне осаждали ее два года, но взять не могли. И обратились к кагану, обещая признать подданство, если поможет захватить город. Авары откликнулись, прислали конницу. Однако овладеть Солунью все равно не получилось. Причем продержаться город сумел благодаря помощи другого племени славян, велесичей, ранее поселившихся в Македонии и продававших осажденным продовольствие.

Аналогичные эскадры причаливали к Эгейским островам, появлялись на Адриатике. И каган всемерно поощрял славянское мореплавание, задумал создать собственный флот. Обратился к королю лангобардов Агиульфу, чтобы тот прислал из Италии опытных кораблестроителей и инструкторов, и возникла славянская морская база в Дубровнике.

Византии в результате этих миграций и аварских ударов пришлось очень туго. Император Тиберий вынужден был заключить с Баяном позорный договор, обязуясь выплачивать ежегодную дань в 80 тыс. золотых монет. Но когда в 582 г. на престол взошел Маврикий, каган потребовал увеличения дани. Император было отказал — и получил массированное нашествие, после чего пришлось согласиться.

А каган вел себя вздорно и капризно. Узнав, что у императора есть зверинец, потребовал, чтобы оттуда прислали слона. Когда же животное с невероятными трудностями доставили в Паннонию, презрительно скривился и сказал, что передумал — пусть слона отправят обратно, а пришлют золотой трон. Мог разорять города до основания, а мог вдруг пощадить г. Анхиал (Бургас) — из-за того, что здешние целебные воды помогли любимой жене Баяна. Мог широко жестом подарить византийцам тысячу их пленных, отобранных у славян. Зато в другой раз начал торговаться. Греки не могли заплатить требуемый выкуп,

просили сбавить цену — тогда каган хладнокровно велел перебить 12 тыс. мужчин, женщин и детей. Значительную часть угнанных жителей авары просто селили в Паннонии на положении невольников — чтобы обеспечивали господ сельскохозяйственной продукцией, ремесленными изделиями.

Тюрки вели себя еще более свирепо. В 582 — 583 гг. они попытались по берегу Черного моря вторгнуться в Грузию, союзную византийцам. Однако были остановлены в Абхазии, понесли большие потери и отступили. При этом увели все население, которое смогли поймать и в отместку за неудачу на обратном пути учинили жуткую гекатомбу — вырезали всех угнанных, 300 тыс. человек. Но война с тюрками прекратилась так же внезапно, как и вспыхнула. Сложная система удельного подчинения в каганате продержалась только одно поколение. Сразу после смерти верховного Тобго-кагана она обернулась сварами. Да и система «эля» оказалась далекой от идеала. Множество племен, вошедших в каганат, были далеко не дружны между собой.

В 584 г. это вылилось в ожесточенную междоусобицу, каганат раскололся на два — Западный и Восточный, граница между которыми проходила примерно по Алтаю. Каганом Западного стал Кара-Чурин, а его придворное окружение, верхушку чиновничьего аппарата составили согдийские купцы. Которым требовались мирные отношения с греками, чтобы через черноморские порты продавать свои товары. Последовал обмен посольствами, Византии был возвращен Боспор. Кара-Чурин и Маврикий восстановили союз и в 589 г. начали совместную войну против Ирана, напав на него с нескольких сторон.

Персы кое-как сумели отбиться, но у них начались внутренние смуты. Шах Ормизд был свергнут и убит. Его наследник Хосрой Парвиз бежал в Византию, попросил помощи у Маврикия. И тот послал свои войска, которые вместе со сторонниками законной династии разгромили мятежников и посадили принца на престол. Казалось, перед Константинополем открываются блестящие перспективы. Персы уступили все спорные территории, их шах признал Маврикия «названным отцом».

А тюрки опять сумели объединиться. Заключили с греками договор о разграничении сфер интересов — каганат отка-

звался от экспансии в Закавказье, а император — от интриг среди северокавказских народов. И византийско-тюркский союз стал могущественной силой, которой вряд ли кто смог бы противостоять. Но каганат снова начал борьбу с Китаем. В нем не прекращалась и межплеменная рознь. Чем и воспользовалась китайская дипломатия, ничуть не уступавшая византийской. Западные и восточные тюрки перессорились окончательно, передрались между собой и потерпели сокрушительное поражение от Китая и его союзников. В результате оба каганата вынуждены были признать зависимость от Китая. Да, и такое было в истории нашей страны — Средняя Азия, Южная Сибирь, Урал, Нижнее Поволжье, Кубань, Северный Кавказ на 10 — 15 лет вошли в подданство Китайской империи. Хотя, разумеется, оно было чисто юридическим. Император Поднебесной никогда не интересовался, что там творится в волжских и кубанских владениях его вассалов. Да и местные жители не знали и не догадывались о своем подданстве далекому Пекину.

МИР МЕНЯЕТСЯ

После того, как удалось решить «иранскую проблему», император Маврикий смог перебросить силы на запад. Начать он решил не с самих аваров, а с тех, кто составлял главную силу в их набегах, со славян. В 592 г. в Доростоле была сосредоточена армия под командованием Приска. Каган было возмущен военными приготовлениями, но Приск заверил, что собирается лишь наказать славян, и авары махнули на это рукой — откуда видно их отношение к собственным вассалам. Перейдя границу, византийцы внезапно атаковали городище князя Ардагаста и разгромили его. Сам князь едва избежал плена, бросившись в реку.

Вскоре разведка Приска донесла, что на подходе новое славянское войско. С помощью шпиона, хорошо владевшего славянским языком, этот отряд удалось заманить в ловушку, разбить и вынудить к сдаче. От пленных узнали, что они — авангард армии, которую ведет их «царь» Музокий. Используя эти

сведения, византийцы сначала разгромили на Дунае приближавшуюся славянскую флотилию из 150 ладей, а потом неожиданной ночной атакой уничтожили войско Музокия, взяв в плен и его самого. Арабский энциклопедист X в. Аль-Масуди, ссылаясь на не дошедший до нас труд о славянах Аль-Джарми, жившего на сто лет раньше и собиравшего сведения в византийском плену, сообщал, что некогда существовало единое государство славян «Валинана», а царя ее звали «Маджак» [85]. В данных сведениях, видимо, объединилась разнородная информация. «Валинана» — вероятно, Антия, одним из главных племен которой были вольняне (дулебы). А «Маджак» — знакомый византийцам Музокий (катати, окончание «кий» может быть титулом).

Не исключено, что под властью Музокия славяне действительно усилились, поэтому авары и не возражали против их разгрома византийцами. Или рассчитывали, что стороны измотают друг друга в боях. И только после побед Приска каганат счел нужным вступить за своих подданных и выразить протест. Но Приск согласился уступить аварам половину захваченной добычи и пленных, 5 тыс., и каган успокоился. Правда, император остался недоволен таким решением и сместил Приска, назначив на его место своего брата Петра. А славян вторжение разозлило, последовали их ответные нападения. Петру пришлось отражать их. В 597 г. он предпринял еще один поход за Дунай. В первом сражении славянское войско потерпело поражение, а его предводитель князь Пейрагаст был смертельно ранен. Но когда Петр рискнул углубиться во вражескую землю, у реки Гелибакий (Яломица) его армия была разгромлена и понесла огромные потери. С трудом выведя остатки войск в империю, Петр был отстранен, император вернул командование Приску.

Тут-то и выяснилось, что авары ведут свою игру. Поражением византийцев они немедленно воспользовались и начали вторжение. Одна их армия атаковала Сингидун (Белград), другая осадила Приска в Томах. Высланный императором корпус Коментиола был разбит, авары подступили к Константинополю. Прорваться через Длинные стены не смогли, но Маврикию в 600 г. пришлось опять согласиться на увеличение дани. Одна-

ко терпеть подобное положение он не намеревался. Получше подготовился, и армия Приска внезапно, без объявления войны, ударила на Аварский каганат, нанеся ему два тяжелых поражения. В плен попали 3 тыс. аваров, множество славян и болгар.

Одновременно корпус Гудвина двинулся на славянские земли. Использовалась и дипломатия. Гудвин сумел найти общий язык с князьями антов. Они под впечатлением побед Приска отложились от каганата и выступили на стороне Византии. Совместно с Гудвином разгромили склавинов, аварских союзников. Возможно, тут-то и пришел бы конец господству кагана. Но... Византия унаследовала многие болезни Римской империи. Теперь уже Константинополь превратился в мегаполис, переполненный избалованной чернью. Забывшей про всякий патриотизм и требовавшей дармовых раздач и зрелищ — правда, не гладиаторских боев, а пышных церковных праздников, и особенно гонок колесниц, где соперничающие партии болельщиков, «зеленые» и «синие», доходили до свалок и побоищ между собой.

Маврикий одолел персов и аваров — на это столице было наплевать. Зато война требовала подтянуть пояса, отказаться от дорогостоящих развлечений — и за это Маврикия возненавидели. А армия по-прежнему состояла из наемников, преследующих только собственные интересы. И в 602 г., когда император потребовал от нее остаться на зиму за Дунаем, на вражеских территориях, чтобы не дать противнику восстановить силы, легионы взбунтовались. Провозгласили императором некоего Фоку и двинулись на Константинополь. Столица тоже восстала. Бежавшего Маврикия поймали. Фока велел у него на глазах казнить его детей, а потом и его самого.

Но византийцам очень быстро пришлось раскаяться. Байка тех времен гласит — когда Фока вошел в храм, один монах ахнул: «Господи, какого ты нам дал императора!» И услышал голос: «Худшего по вашим грехам я не смог найти». Он оказался свирепейшим тираном. Войну с аварами прекратил, согласившись на новое увеличение ежегодной дани — уже до 200 тыс. золотых. И обрушился на подданных, отправляя их на смерть по малейшему подозрению. Уничтожил практически всю знать, лично пытал жен аристократов, вытягивая все новые имена «ви-

новных». Казнили целыми семьями вместе со слугами, знакомыми, близкими. Обезглавливали, вешали, а особенно император любил казни в медном быке: в него помещали приговоренного, быка раскаляли и жарили человека.

Ну а антам-то пришлось отдуваться. За то, что поверили в союз с Византией и выступили против каганата. Теперь они оказались брошены на произвол судьбы. И последовала кара. В 602—609 гг. авары подвергли их земли таким ударам, что с этого времени имя антов вообще исчезает со страниц истории. Но почти одновременно, в 605—620 гг., произошли массовые переселения славян на Балканы. Туда потекли целыми племенами, оседая в Македонии, Иллирии, Греции. Опять по разным причинам. Уходили осколки народов Антии. Но и сами авары нацеливали туда своих подданных, поскольку граница уже совсем не охранялась.

Переселилась часть лужичан — они стали сербами. Переселились хорваты, обитавшие в Галиции (часть их осталась на прежнем месте, они известны как «белые хорваты»). А среди славянских этнонимов, упоминаемых в Македонии и на Пеллопоннесе, встречаются поляне, смольняне, северяне, кривичи, древляне. Между прочим византийские хроники об этих событиях говорят лишь мельком. Если следовать им, то возникает впечатление, будто империя жила как ни в чем не бывало, сохраняла свою целостность. И лишь позже, в X в. Константин Багрянородный проговорился, что в описываемое время «вся провинция ославянилась и сделалась варварской». А в XI в. из синодального послания патриарха Николая II императору Алексею Комнину вдруг выясняется, что в начале VII в. Пеллопоннес был совершенно захвачен славянами, и византийская власть 218 лет не имела там своих чиновников и представителей.

Но переселения шли и в другом направлении — на север, в глубины лесов. Северяне оставили степи и отступили в леса Северского Донца. Как сообщают летописи (и подтверждают археологические данные), в конце VI — начале VII в. случилась миграция кривичей, живших на Немане и страдавших от аварских набегов. Во главе с князем и жрецом Криве они отправились на новые места. Сокрушили балтское государство в верховьях Западной Двины, разгромив его центры Банцеровщина

и Тушемля. И достигли Псковского озера. На север двинулось и племя словен с частью русов, перебравшись в район Ладоги. По времени это тоже увязывается с гибелью Антии (при раскопках обнаружена византийская монета 617 г.)

О данном переселении рассказывает легенда, переданная «Мазуринским летописцем»: «Славен и Рус с роды своими отлучашася от Ексинопонта (Черного моря) и от роду своего, и хождаху по странам вселенная, яко крылатыи орлы перелетаху пустыни многие, и ищуще себе места на селение, и во многих местах почивающе мечуще их, и нигде же не обретоша себе селения» — и наконец, через 14 лет скитаний Славен основал город «иже ныне зовется Великий Новгород». Часто этот отрывок считают аналогом легенды о братьях Славене и Скифе из «Иоакимовской летописи» и «Велесовой книги», приведенными в главе 11. Но такое отождествление совершенно неправомочно. Ситуация в легендах принципиально иная. Славен и Скиф «многие земли о Черном мори и на Дунае себе покориша». А Славен и Рус — изгнанники, «отлучашася от Ексинопонта» и не знающие, где приткнуться. Это уже не скифское время, а аварское. И отметим, что только в «Мазуринском летописце» основанный город соотносится с Великим Новгородом. В Иоакимовской летописи Славен основывает «Словенск», а в «Велесовой книге» просто «свой город».

Ну а беды Византии отнюдь не кончились. Воспользовавшись ее ослаблением из-за смут и репрессий против нее начал войну шах Ирана Хосрой Парвиз. Предлогом послужила месть за шахского благодетеля и «приемного отца» Маврикия. Хотя это, конечно, было лишь поводом, а не причиной. Хосрой стал попросту прибирать к рукам бывшие владения «приемного отца». И возобновил союз с аварами. Византию начали бить с двух сторон. Одна за другой пали пограничные крепости в Малой Азии, персы ворвались в Сирию.

А Фока продолжал зверствовать. В 610 г. он арестовал жену экзарха Египта Ираклия и невесту его сына. Под подозрение попал и зять императора Приск. Понимая, что терять им нечего, они сумели быстро организовать и нанести удар. Египетский экзарх посадил на корабли отряд солдат под командованием сына, которого тоже звали Ираклием. А Приск встретил

его в Константинополе и обеспечил высадку. За Фоку не вступился никто, весь город радостно приветствовал его свержение. Он был выдан на суд народу и сожжен в том же медном быке, в котором сам любил сжигать подданных. Престол достался сыну экзарха Ираклию.

Но империя была настолько ослаблена, что не могла противостоять врагам. Персы захватили Каппадокию, Сирию, Палестину. Этим победам весьма способствовала «пятая колонна» в лице евреев. В Иране их купцы и ростовщики пользовались покровительством шахов, занимали важное положение. И поддерживали связи со своими ближневосточными соплеменниками. Которые становились шпионами, агитаторами, диверсантами. Открывали персам ворота крепостей. И наживались после их взятия, скупая пленных. За свои услуги попросили Хосроя отдать в их распоряжение Иерусалим, и он согласился. В результате после взятия города в 615 г. произошла чудовищная вакханалия. Евреи разорили и сожгли храм Гроба Господня и прочие святыни, перерезали 35 тыс. христиан.

Затем иранцы захватили Египет, огромную часть Малой Азии. А с запада Византию терроризировали авары, их кони беспрепятственно паслись во Фракии и Греции. В ближайших окрестностях Константинополя каган чуть не захватил в плен самого Ираклия, пригласив на переговоры — император был предупрежден в последний момент и едва сумел ускакать на коне от погони. В 619 — 620 гг. каган и шах решили добить Византию. Авары осадили Константинополь, персы приближались к нему с востока. Ираклий даже собирался эвакуироваться в Карфаген и перенести туда столицу. Но его убедили, что еще не все потеряно.

Спасла византийцев дипломатия. Учитывая разнородный состав аварской армии, они провели сепаратные переговоры с вождями кутургуров. Сыграли на обидах, которые терпели болгары от аваров, заплатили крупную сумму и уговорили отступить. Склонили к перемирию и иранского полководца Саита, направили посольство из 70 важных персон к шаху. Но Хосрой переговоры отверг. Вероятно, не без влияния еврейских советников, поскольку заявил: «Если Христос не мог спасти Себя от евреев, убивших Его на кресте, то как же Он поможет вам?» По-

слов велел заковать в кандалы и бросить в тюрьму, а с Саита за согласие на перемирие содрать кожу. И возобновил войну, поставив главным военачальником Шахрварза.

Но все эти маневры помогали Византии выиграть время. А Ираклий, талантливый военный и администратор, отнюдь не сидел сложа руки. Именно при нем империя окончательно рассталась с «римской наследственностью» и хотя сохранила название Римской, превратилась, по сути, в новую, греческую. Впрочем, и слово «греческая» надо понимать условно. Греки данной эпохи уже не имели практически никакого отношения к древним эллинам. После готских, гуннских, славянских, аварских нашествий прежнее население почти исчезло, «оазисы эллинизма» сохранялись только в районе Афин и крупных городах — Константинополе, Солуни. А Балканы были заселены другими племенами, в основном славянскими.

Часть из них «огречивалась», но во многих местностях вплоть до XIX в. разговаривали на славянских языках. Лишь после освобождения Греции из-под турецкого ига англичане и французы, взявшие ее под «покровительство», повели целенаправленную «эллинизацию» (дабы оторвать ее жителей от России). Орудием в этой кампании стала греческая интеллигенция, получавшая образование на Западе. В школах был установлен только греческий язык, ученикам внушалось происхождение от древних эллинов, а память о славянских корнях была стерта.

Однако в VII в. это новое население оказалось куда более энергичным и боеспособным, чем прежнее. Что позволило Ираклию провести кардинальную армейскую реформу, отказавшись от наемничества. Он стал создавать «фемы», административные области, которые одновременно были и воинскими соединениями — каждая фема содержала и выставляла определенное число солдат. Император договорился с рядом славянских племен, их переправляли целыми общинами в малоазиатскую Вифинию, где и организовывались первые фемы. А в 622 г. Ираклий оставил Константинополь на малолетнего сына Константина при регентстве патриарха Сергия и патрикия Вона и отправился к новым войскам. Полгода занимался их обучением, а потом ударил по тылам персов, снова нацелившихся на Византию, и нанес им поражение.

Нашелся у него и союзник, хотя и «неофициальный». В 623 г. несколько славянских племен в Моравии объединились под руководством князя Само и сбросили аварское иго. О Само известно очень мало. Фредегарий даже объявлял его франкским купцом. Но другие источники, например, Зальцбургская летопись, опровергают это, называя Само славянским вождем. (О том же говорят и его действия, поскольку франков он тоже успешно лупил). Авары попытались раздавить возникший очаг непокорства. Однако Само нанес им серьезное поражение и отразил. Что послужило примером для других племен. Они тоже стали выходить из повиновения кагану, примыкая к новому княжеству. Под властью Само собралась внушительная коалиция из славян Чехии, Моравии, Силезии, бассейна Эльбы. И хотя авары еще сохраняли высокую боевую мощь, справиться с возникшим союзом они уже не могли.

А Ираклий сделал своей главной базой Лазику и Колхиду — юго-восточный «угол» Черноморского побережья. Византия сохранила господство на морях, и отсюда император мог поддерживать связь со столицей. Здесь он привлек кавказских горцев и западных грузин, доведя армию до 120 тыс. бойцов. И с 623 г. повел отсюда ежегодные походы в глубь владений шаха. Вторгался в Армению, Агванию, Месопотамию. Поскольку персы в Иерусалиме захватили главные христианские святыни, Ираклий вел войну под религиозными лозунгами, пытался привлечь христианские народы Закавказья. Но они его не поддержали, рассматривали в качестве завоевателя. Восточная Грузия, Армения, Агвания выступили на стороне персов. И борьба шла с переменным успехом. То Ираклий одерживал победы, брал города, то его обкладывали иранские полководцы, вынуждая отступить назад в Лазику.

Однако успела измениться и политическая обстановка на Востоке. В Китае, еще недавно громившем тюрков, в 613—620 гг. вспыхнула жесточайшая гражданская война. Пала династия Суй, к власти пришла династия Тан. Но в ходе войны погибло две трети населения, хозяйство было разрушено. Чем воспользовались тюрки и восстановили оба своих каганата, Западный и Восточный. Но эти каганаты кровно враждовали между собой.

Восточный начал войну против ослабленного Китая. А китайцы заключили союз с владыкой Западного, Тун-Джабгу.

Вспомнил о прежних связях и Ираклий. В 625 г. направил послов к Тун-Джабгу, и между ними был реанимирован самый что ни на есть дружественный альянс. Весьма опасный для Персии. И шах немедленно принял соответствующие дипломатические меры — заключил союз с Восточным каганатом. Создалась ситуация, каковой еще не бывало в истории. Шесть крупнейших мировых держав разделились на две коалиции. Аварский каганат, Персия и Восточный Тюркский каганат — против Византии, Западного Тюркского каганата и Китая. В орбиту их борьбы оказались также втянуты королевство франков, княжество Само, болгарские, славянские, сибирские, центральноазиатские племена.

Сражения развернулись на нескольких фронтах. На «византийском» в 626 г. нанесли удар авары и персы. Не в силах справиться с рейдирующей армией Ираклия, шах задумал довести до конца прежний план двойного удара по Константинополю. Аварский каган двинул на него все подвластные народы. Только его авангард греки оценивали в 300 тыс. Очевидно, преувеличенно, но в этот раз войско было действительно гигантским. Нахлынув по всему фронту, оно проломило Длинные стены, заняв пригороды, виллы и поля, благодаря которым константинопольцы могли выдерживать долгие осады.

Теперь эта масса подступила непосредственно к стенам самого города. А на азиатский берег Босфора вышла, взяв Халкидон и Хрисополь, персидская армия Шахрварза. Каган был настолько уверен в победе, что «великодушно» разрешал горожанам уйти, позволяя каждому взять с собой лишь рубаху и плащ и поясняя: «Вы ведь не можете обратиться в рыб и искать спасения в море, или в птиц и улететь на небо». Но на Босфоре господствовал греческий флот и не дал союзникам соединиться. И каган бросил своих подданных на штурм без персов. Со стен их встретили тучами стрел, градом камней, варом и кипятком. Но авары швыряли в бой все новые и новые волны славян, заполнявших телами глубокий ров. Сияясь раздавить византийцев массой, гнали следующие отряды, карабкавшиеся по трупам и тоже погибавшие. Наконец, каган смилостивился, велел пре-

кратить самоубийственные атаки и строить 12 осадных башен. С таранами, камнеметными машинами и лучниками, которые поражали бы защитников.

Однако когда штурм возобновился и башни подтащили к стенам, византийцы впервые применили свое новое изобретение, «греческий огонь». Состав его до сих пор неизвестен — из специальных устройств-сифонов выбрасывались струи горячей жидкости, и потушить ее вода не могла. Башни и толпы атакующих были сожжены. Но и после этого каган не угомонился. Рассчитывал на свой флот, славянский, способный переломить ход осады. Вскоре он подошел. Тоже огромный. Но состоял из множества небольших судов и лодок. И при попытке прорыва в Босфор тяжелые византийские корабли в двух сражениях разметали и уничтожили его. И вот теперь авары испугались. Испугались, как бы подданные за такие потери не отыгрались на них самих. Бросили остатки своих войск и бежали. Тогда и персы сочли за лучшее отступить. Кстати, разбирая завалы трупов, покрывших все предполье, греки находили многочисленных «амазонок» — женщин-славянок, участвовавших в штурме. То есть авары действительно рассчитывали одолеть количеством и провели общую мобилизацию подвластных племен.

А в следующем году состоялся двойной удар Византии и Западного Тюркского каганата — на Закавказье. Персы не ожидали тут прорыва тюрков, надеясь на мощные укрепления около Дербента, где от гор до моря тянулась стена высотой 18 — 20 метров с 30 башнями. Но оборонялась она местным ополчением, необученным и плохо вооруженным. Тюрки засыпали защитников ливнем стрел, совершенно деморализовали, взяли укрепления одним приступом и устроили побоище.

Моисей Каланкатуйский писал: «Гейшах (*наместник*) видел, что произошло с защитниками великого города Чора (*Дербента*) и с войсками, находящимися на дивных стенах, для постройки которых персидские цари изнурили страну нашу... Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание овладело жителями, особенно при виде метких и сильных стрел-

ков, которые как бы сильным градом ождали их и как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин и женщин, не оставлял в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей».

Погромив Агванию, каган Тун-Джабгу повел армию к Тбилиси, куда подошел и Ираклий с византийцами. Встреча владык прошла очень торжественно, Ираклий пообещал кагану в жены свою дочь Евдокию (кстати, и китайский император обещал выдать за него царевну). Два месяца шла осада, отражались вылазки грузин и персов, во время которых погиб грузинский царь Стефан, однако на штурм Ираклий и Тун-Джабгу не решились — каждый был себе на уме и опасался ослабить свое войско, чтобы плоды победы не пожал лишь его союзник. Наконец, в окрестностях иссякли запасы корма для лошадей, и каган увел армию, заверив императора, что вернется на следующий год.

А Ираклий снял осаду и сделал еще один неожиданный ход. Вместо того, чтобы как в прошлые годы уходить на зимовку в Лазику, внезапно устремился в самое сердце Ирана. Ворвался в долину Тигра, около Ниневии разгромил персидское войско, а в начале 628 г. захватил шахскую резиденцию Дасдагерд, гаремы и сокровища. Город, дворцы и все трофеи, которые не удавалось вывезти, безжалостно уничтожались. В Персии начались разброд и паника. Хосрой мобилизовывал в войско чиновников, прислугу. У него еще была боеспособная армия Шахрварза, стоявшая в крепостях Сирии и Малой Азии, но шах впал в проstration. Он уже никому не верил, во всем винил своих полководцев, объявил Шахрварза и его помощников изменниками и приговорил к смерти. Греки перехватили приказ о их казни и услужливо переправили в руки приговоренных. Шахрварз немедленно заключил с византийцами перемирие, поднял войско и пошел на родину. Хосроя свергли и казнили, а на престол военные возвели свою марионетку Кавада Широю. Ираклия по-

просили о мире, и он согласился — надорвавшаяся Персия устраивала его в качестве соседа больше, чем грозные тюрки.

Но сепаратный мир между Византией и Ираном, конечно же, не удовлетворил Тун-Джабгу. Тюркам-то ничего не обломилось. И каган решил восполнить сие упущение. В 628 г. его армия снова подошла к Тбилиси. Теперь тюрки действовали для себя, а не для византийцев, поэтому без долгих проволочек ринулись на штурм, взяли город и устроили резню еще похлеще, чем в Дербенте. Во время прошлой осады грузины оскорбили кагана, выставив на стене карикатуру на него — тыкву с нарисованными щелками глаз. За это население города было истреблено до единого человека.

Затем племянник кагана Бури-шад был направлен с частью войск в Агванию — уже не для простого набега, а для ее полного завоевания. Персидский наместник бежал, тюрки принялись разорять край, и Агвания капитулировала. После чего Буришад отрядил 3 тыс. воинов под командованием Чорпан-тархана на завоевание Армении. Из Ирана против них было выслано 10-тысячное войско, но разбитая страна пребывала в хаосе, солдаты были сомнительного качества. И несмотря на численное неравенство, Чорпан-тархан заманил противника в засаду и уничтожил.

Это была вершина могущества Западного каганата. Китайский посол Сюань Цзан, посетивший ставку Тун-Джабгу, описывает ее богатство и великолепие. Упоминается и о том, что китайцы застали у кагана послов из Византии, от народов Месопотамии, Средней Азии. И из Руси. Правда, расшифровка этнонимов в китайской передаче далеко не однозначна, но в принципе это могло быть. Северская Русь граничила с владениями каганата на Дону, была заинтересована в союзе против общих врагов — аваров и их вассалов кутургуров.

Однако война продолжалась и на других фронтах. Против Тун-Джабгу вел операции владыка Восточного каганата Катиль-каган. Шли и боевые действия между Восточным каганатом и Китаем. Причем все противники использовали не только копья и стрелы, а и пропагандистское оружие. Китайцы и эмиссары Тун-Джабгу сеяли раздоры среди племен, входящих

в Восточный каганат. А эмиссары Кат-Иль-кагана — среди племен, входящих в Западный. И непрочность обеих тюркских держав со слишком уж разношерстным составом подданных сказалась в полной мере. В 630 г. Восточный каганат взорвался восстаниями, был добит китайцами и прекратил существование. Почти одновременно взбунтовались и племена Западного каганата, чьи интересы в составе этого государства так или иначе оказались ущемленными. Возглавил недовольных Кюлюг-Сибир, дядя Тун-Джабгу. Убил кагана и захватил престол. Смута тут же распространилась на армию — тоже разноплеменную. Например, болгары-утургуры поддержали узурпатора, а хазары остались верными законным претендентам. Тюрки покинули Закавказье, и началась гражданская война.

В том же 630 г. внутренний раскол потряс Аварский каганат. После катастрофы под Константинополем в нем зрело недовольство. И когда авары очередной раз попытались направить на греков кутургуров, они восстали. У кагана еще хватило сил разгромить их. Но в подчиненное положение они уже не вернулись. Часть их бежала к франкам, однако там по приказу короля Дагоберта кутургуров просто перебили, припомнив им прежние набеги. Другая часть отступила не на запад, а на восток. К родственным утургурам, с которыми в результате международных интриг им 80 лет пришлось враждовать. И князь утургуров Кубрат принял их.

При болгарском восстании из каганата ушла и масса потомков греческих пленников, угнанных аварами и поселенных в Паннонии. Они явились в Византию, доставили множество проблем правительству, но в конце концов получили места для поселения. Вышли из-под власти каганата хорваты, сербы. И ситуацией решил воспользоваться король франков Дагоберт. В 631 г. он заключил с Ираклием союз против аваров. Но Дагоберт преследовал сугубо собственную выгоду и не рискнул напасть на недавних потрясателей Европы. Вместо этого вдруг двинулся не на аваров, а на их врагов — на княжество Само, сочтя его более легкой добычей. Король жестоко просчитался. Само дважды разнес в пух и прах его армии и надолго отбил у франков охоту лезть на славянские земли.

А племена Западного Тюркского каганата все еще рубились в междоусобных драках. Болгарский князь Кубрат сперва поддерживал узурпатора Кюлюг-Сибира, который приходился ему дядей по материнской линии. Но вскоре тот погиб, эпицентр гражданской войны сместился в Среднюю Азию, и в 635 г. Кубрат совершенно отделился от гибнущего каганата. Основал независимое Болгарское ханство, где кутургуры и утургуры слились в один народ. Нанес поражение аварам, став хозяином всех степей от Кубани до Дуная. И направил посольство в Константинополь. Ираклий обласкал его, пожаловал титул патрикия и богатые дары. Ведь после того, как юную царевну Евдокию, уже отправленную в гарем тюркского кагана, пришлось вернуть с дороги из-за гибели жениха, империи требовалось искать новых союзников.

Получилось так, что Персию-то Византия разгромила, от аварской опасности избавилась, но... ничего не выиграла. Потому что тоже серьезно подорвала свои силы. Усугубил положение сам Ираклий. В возвращенных шахом областях — Сирии, Египте, Закавказье значительная доля христиан была монофизитами (исповедовавшими, что Христос имел не две природы, божественную и человеческую, а только одну, божественную). Императору хотелось попрочнее привязать их к Византии, он распорядился найти компромисс между православием и монофизитством. И родилась новая ересь, монофелитство (утверждавшая, что природы было две, но связанных «одной волей»). Из замысла ничего не вышло. Монофизиты компромисс не приняли, но и православные его отвергли. По Византии покатались споры и раздоры на религиозной почве.

А плодами греко-тюрко-персидской войны в полной мере воспользовалась «третья сила». Арабы. Племена которых как раз в это время объединились учением Магомета и начали свои завоевания. Измотавшаяся Персия смогла выставить против них только наспех собранное и необученное ополчение. И в 636 г. в битве при Кадеше была наголову разгромлена небольшой, но сплоченной и вдохновленной идеями ислама армией халифа Омара. Из стран Ближнего Востока, уступленных Ираклию, иранцы свои войска вывели. Но и греки укрепиться как следует там не успели. Арабы захватили их шутя, при мини-

мальном сопротивлении. А к 651 г. почти полностью завоевали Персию. Образовалась новая мировая держава, Арабский халифат. Столицей его стал Дамаск.

В древние времена прочным «тылом» Парфии и Ирана была Средняя Азия. Но теперь ее все еще раздирала война между осколками Западного Тюркского каганата. Местных жителей подобное положение совершенно достало. Вместо мира и процветания тюркская власть принесла Согдиане только бесконечные драки, разорявшие край. И перед бывшими повелителями все чаще захлопывали ворота городов, встречали их стрелами, требуя убраться с глаз долой. В 651 г. очередным узурпатором был убит последний властитель по «законной» линии Ирбис Шегуй-каган, воевать за которого подданные отказались. После чего почти все среднеазиатские города и кочевые племена признали зависимость от Китая. Предпочли власть далекого императора затянувшимся тюркским распрям, да и рассчитывали на помощь перед лицом надвигающейся арабской агрессии.

А наследники и сторонники кагана со своими дружинами бежали к хазарам. Где нашли самый радушный прием, поскольку хазары до сих пор считали каганов рода Ашина своей законной династией. Таким образом, в Прикаспийских степях и на Северном Кавказе возникло еще одно государство — Хазарский каганат. Тюрки составили в нем правящую верхушку и военную аристократию. А основная часть населения была из хазар и барсиллов, которые под тюркской властью успели забыть давнюю вражду и перемешались, постепенно сливаясь в один народ. Таким образом Хазарский каганат стал многонациональным государством, но без национальной розни и порабощения одних племен другими. Что диктовалось и внешними условиями — с запада теперь угрожало Болгарское царство, враждебное хазарам. С юга — арабы.

Доказательством внутренних отношений, сложившихся в каганате, служит кладбище, обнаруженное археологами в дельте Волги на «бугре Разина» — там представители нескольких народов похоронены в разное время и по разным обрядам, но вперемежку, бок о бок: тюрки, телесцы, хазары, барсиллы, печенег. То есть и жили они дружно, одной общностью. Столицей Хазарии стал г. Семендер на Тереке. Остатки его обнаружены недалеко

от нынешней станицы Шелковской. Четырехугольная крепость, цитадель, высокие валы со рвами протяженностью 4 км. Современники описывали, что это был огромный город, утопавший в садах и виноградниках. Но дома были в основном легкими, деревянными, с горбатыми крышами. А окружали город многочисленные палатки и шатры кочевников, живших тут постоянно или навевывавшихся по мере надобности.

В 658 г. распалось и государство Само — как только умер князь, так и племена, объединенные его властью, рассыпались сами по себе. Но за время существования княжества развеялся миф о всемогуществе аваров. Славяне утратили страх перед ними. И создавали теперь новые племенные союзы, знать не желающие о подчинении кагану. И сам Аварский каганат вдруг неузнаваемо преобразился. Огромная держава, 80 лет сотрясавшая всю Европу, превратилась в довольно небольшое царство. Богатое за счет прошлых грабежей, но... спокойное и миролюбивое. Как только исчезло повинование подданных, громивших по указке каганов соседей или друг друга, так и реальная аварская сила сошла на нет.

ХАЗАРСКИЙ КАГНАТ И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ

Итак, к середине VII в. карта Восточной Европы изменилась. В лесах развивались славянские княжества, в степях господствовали Болгария и Хазария, на Северном Кавказе вернула независимость Алания, а в горах восточной части Кавказа образовался ряд мелких царств — Серир, Туман, Зарик-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз, Филан. В Приуралье жили мадьяры, а за Уралом кочевали гузы и печенеги. Отношения между этими государствами и народами были довольно сложными. Болгарами правила тюркская династия Дуло, хазарами — Ашина. Оба рода враждовали между собой. Да и в прошлом между болгарами и хазарами накопились счеты. Их государства стали врагами, что и определяло политический расклад в регионе. Соседст-

во северян и полян со степной Болгарией, судя по всему, было далеко не мирным. И они стали союзниками Хазарии. Кроме того, ханы Ашина установили дружбу с мадьярами. Но печенеги и гузы враждовали с мадьярами (и между собой тоже), поэтому были врагами и для хазар.

Ну а для Болгарии надежными друзьями оставались придунайские славяне, которым она помогла освободиться от аварского ига. А значит, они являлись врагами поднепровских и северских славян. Византия же сперва заигрывала с ханами Дуло, но вскоре этот альянс нарушился. Болгары и придунайские славяне по-прежнему представляли угрозу для ромейских границ. И Константинополь переориентировался на старый союз с ханами Ашина. А Алания в возникшем противостоянии старалась сохранить нейтральную позицию между Болгарией и Хазарией, опасаясь, что ее может подмять как та, так и другая держава.

Возникшая дружба между Константинополем и Хазарским каганатом объяснялась еще и тем, что у них обозначился общий грозный враг. Арабы. Захватив восточные византийские провинции и добив Персию, они вторглись в Среднюю Азию, прибирали к рукам Закавказье. Покорили Армению, Агванию, в 643 г. вышли к Дербенту. И местный правитель, как сообщает Балами, предложил компромисс: «Я зажат меж двух врагов, хазар и русов. Последние — враги всего мира. Поскольку одни мы знаем, как воевать с ними, давайте воевать с ними вместо взыскания с нас дани». Это подтверждает, что Северская Русь выступала союзником хазар и участвовала в их набегах на Кавказ. В составе Арабского халифата покоренным народам приходилось тяжело. Каждый житель государства должен был платить высокую подать «харадж», а иноверцы еще и «джизью». Но для Закавказья поначалу было сделано исключение. Здешние князья сохранили свою власть над подданными, могли собирать прежние налоги в свою пользу, но должны были помогать арабам военной силой. Потому что халифат был окрылен идеей мирового господства, и Закавказье представлялось плацдармом для дальнейшего наступления на север.

Но дальше на пути арабов лежал Хазарский каганат — онто и стал для них камнем преткновения. Боевое качество тюркских дружин оставалось высоким, да и сами хазары под тюрк-

ской властью успели стать опытными воинами. В 654 г. арабы прорвались через Дербентский проход, но возле города Беленджер в Дагестане были атакованы хазарами и разбиты. Вероятно, помогли каганату и союзники, славяне с мадьярами. Мало того, в 660 г. последовало ответное вторжение в Азербайджан. В результате жестоких боев эта страна осталась за арабами, но и их дальнейшие попытки прорваться на север были отражены.

Однако в эти же годы началась другая война, между хазарами и болгарами. Кто ее инициировал, трудно сказать. То ли Болгария, воспользовавшись отвлечением хазар на кавказский фронт, попытался ударить по тылам. То ли каганат, отмобилизовав армию в сражениях с арабами и имея сильных союзников, решил попутно покончить с давними врагами. А союзниками хазар, судя по дальнейшим событиям, стали те же северяне и мадьяры. Какое-то время борьба шла с переменным успехом. Но хазарам удалось привлечь на свою сторону Аланию. А в Болгарии умер хан Кроват. И момент оказался удобным для удара. В 670 г. ханство было разгромлено, и болгары разделились. Одна их часть ушла в горы — они стали предками балкарцев. Другая переселилась севернее, на Среднюю Волгу и Каму, создав там новое государство (кстати, еще в XIX в. казанские татары часто называли себя «болгарами»). А третья во главе с ханом Аспарухом отступила на запад. Отметим, что болгары не пошли в Поднепровье или на Дон и Донец. Откуда как раз и видно, что поляне и северяне были для них врагами.

Хазары, преследуя и оттесняя разбитых противников, заняли Тамань, степи Таврии и почти весь Крым, кроме укрепленного Херсонеса и нескольких других городов. Тамань и значительная часть Крыма принадлежали Византии, под ее покровительством находилось и крымское царство готов. Но греки даже не подумали протестовать по поводу захвата своих территорий и покорения своих вассалов — хазары остались их единственными союзниками против арабов. А Константинополю приходилось в это время туго. Халифат теснил его. Многие сирийцы и жители Малой Азии переходили в ислам, в результате арабы обзавелись флотом, совершали рейды по Эгейским островам, нападали на Балканы. С 672 г. их флот регулярно появлялся в Босфоре, разоряя окрестности византийской столицы.

Аспаруха хазары и их союзники продолжали теснить, в 675 г. болгары откатились к Дунаю. Их положение казалось безвыходным. Вверх по течению лежал враждебный им Аварский каганат, еще не потерявший способность защитить свои владения. А за Дунаем была Византия, союзница хазар, там беженцы пристанища не получили бы. Словом, очутились между молотом и наковальней. Однако выход нашелся. На Дунае и в Восточных Карпатах жили дружественные болгарам славянские племена. И Аспарух принял единственно верное решение — сделал свой осколок Болгарии центром их объединения. Точно так же, как создавали новые державы русы или гунны.

Сама Византия тоже была заселена славянами. Некоторые племена обосновались на ее землях «самостийно». Некоторые вступили в соглашение с правительством, получали различные льготы, им сохраняли племенное самоуправление. Но терпеть такое положение греческие власти не собирались. Постепенно старались подчинить переселенцев, лишить изначальных вольностей. Перевести на положение обычных крестьян, распространяя на них тяжелое налоговое бремя империи. Кроме того, славяне традиционно оставались для ромеев людьми второго сорта, «варварами». Относились к ним высокомерно и презрительно, так что основания для недовольства они имели. И все это сыграло на руку Аспаруху.

Ханский аппарат управления и дружины болгарской конницы стали «центром кристаллизации» новой общности, обрастая придунайскими племенами. В 679 г. Аспарух вторгся во Фракию, где нашел множество сторонников. Нанес византийцам несколько поражений и основал на захваченных землях обновленное Болгарское ханство — население которого состояло в основном из славян. Не поработенных пришельцами, а примкнувших к ним добровольно. Поэтому государство получилось крепким и жизнеспособным. Первой его столицей стал г. Плиска. Археологические раскопки выявили здесь сильные укрепления, остатки деревянных домов, памятников, большого каменного дворца с тронным залом и личными покоями, предметы искусства. То есть ханство было далеко не «дикарским». Но очень воинственным. Действовали законы для поддержания постоянной боеготовности — в преддверии войны

хан посылал доверенных лиц проверять снаряжение своих подданных. И тех, кто «расслабился», не содержал оружие и коней должным образом, ждала смертная казнь.

Византийцы не смирились с образованием Болгарии. Предпринимали на нее походы. Очень любопытно, как описывают эти войны греческие хроники. Дескать, пришел император с войском, и «презренные» болгары, перепугавшись, попрятались за свои укрепления. Но тут некстати император приболел, ему потребовалось уехать полечиться. Тогда болгары вдруг выскочили и «нанесли вред» войску [208]. Очевидно, следует понимать, что византийцы были крепко побиты, и их император удрал. Ханство же продолжало укрепляться и расти, вбирая все новые славянские области.

А от изгнания болгар из Северного Причерноморья выиграли не только хазары. В это время расширило свои владения Северское княжество. Как показывает археология, в конце VII — начале VIII в. северяне значительно продвинулись на юг, укрепились на Дону, в Приазовье. Судя по находкам археологов, Северское княжество установило тесные экономические связи с Хазарским каганатом. Это еще одно свидетельство, что северяне были союзниками хазар, раз они получили часть болгарских территорий. Вероятно, к данным событиям относится легенда, попавшая в арабские сочинения — что Рус и Хазар были братьями, причем Хазар дал Русу какие-то места для поселения, и они разделили между собой землю.

Но «Хазар» уступил территории не только «Русу». В это же время на запад стали переселяться мадьяры. Это был угорский народ, вобравший в себя, как показывают лингвисты, какие-то иранские и тюркские корни (от сарматов и гуннов). И славянские тоже — например, правитель мадьяр носил титул «воевода». В конце VII в. их стали сильно теснить печенеги. И мадьярский народ разделился надвое. Одна ветвь отступила в леса и горы Южного Урала — они стали башкирами. А другая попросила убежища у хазар. Они стали предками венгров. Их было семь кланов, способных выставить 10 — 20 тыс. всадников.

И хазары их приняли, предоставив им степи между Днепром и Доном. А мадьяры признали себя вассалами кагана, и правитель-воевода в знак дружбы и верности отдал свою дочь

в жены хазарскому властителю. Но хотя мадьяры и северяне являлись союзниками каганата, друг с другом у них сложились отнюдь не лучшие отношения. Возможно, русичи сами нацеливались на часть «болгарского наследства», доставшуюся мадьярам. Впрочем, скорее всего, хазары произвели такой раздел преднамеренно. Вряд ли их устраивало чрезмерное усиление соседей-северян. Теперь же каганат создал им противовес.

А Алания своей участи не избежала. Вынуждена была признать над собой главенство хазар. Но против арабов здешние народы по-прежнему выступали плечом к плечу. И война на Кавказе не прекращалась. То хазарская коалиция предпринимала вторжения в Закавказье, то арабы повторяли попытки прорваться на север. Держалась и Византия. С рейдами арабского флота она смогла справиться благодаря изобретению новой конструкции сифонов для «греческого огня». Их стали устанавливать на кораблях, и византийский флот пожег вражеские суда, отучив их соваться в Босфор. Обороне Малой Азии способствовала созданная Ираклием система фем. Но в верхушке государства было далеко не ладно.

Сын Ираклия Константин, унаследовав престол, был отравлен. Захватившая власть мачеха Мартина с сыном Ираклеоном были свергнуты военными, ей вырезали язык, его кастрировали и отсекали нос, отправив обоих в заточение. Внук Ираклия Константин успешно царствовал, но был убит в Сиракузах, где поднял бунт армянин Мизизий, провозгласив себя императором. Его подавил наследник престола Константин IV Погонат. Однако во время его экспедиции в Сиракузы в Константинополе попытались устроить переворот братья Погоната. Мятеж он жестоко усмирив, братьев наказал членовредительством.

Все более самостоятельно начинали вести себя Рим, Венеция и прочие итальянские владения Константинополя. Власть императора их раздражала. Хотелось больших свобод. К тому же папа римский был теперь не только подданным Византии, а духовным пастырем в королевствах франков и лангобардов, имел в них церковные владения. В результате чувствовал себя независимо, появились претензии на исключительность.

А в 685 г. на трон Византии вступил 16-летний Юстиниан II. Человек очень смелый, талантливый, но крайне жестокий и не-

уравновешенный. Хотя его отец Погонат заключил 30-летний мир с арабами, Юстиниан его нарушил. Одержал ряд побед и добился еще более выгодных условий, халифат уступил половину дани с Армении и Грузии. Император попытался воевать и с болгарами. Был разбит, но решил привести к общему знаменателю славян, заселивших Балканы. Предпринял экспедицию в Македонию, одни племена согласились безоговорочно покориться, другие были побеждены оружием.

Не без оснований считая, что славянское население является благоприятной почвой для болгарских завоеваний, Юстиниан задумал «убить двух зайцев». Уменьшить долю славян на Балканах и переместить их на восток, использовать против арабов. По указу императора около 200 тыс. славян были депортированы в Малую Азию для расселения и создания из них воинских частей. В 692 г. Юстиниан снова нарушил выгодный мир с халифатом, надеясь добиться еще больших уступок. Но не тут-то было. Славянам насильственная депортация понравиться никак не могла. Как только начались боевые действия, их 20-тысячное войско во главе с князем Небулосом перешло на сторону неприятеля, из-за чего византийская армия потерпела сокрушительное поражение.

Юстиниан расвирепел. И велел истребить всю колонию, от которой был выставлен изменивший корпус. Десятки тысяч женщин, детей, стариков были преданы жесточайшим казням. Кроме славян, император рассорился и с Арменией, со своими итальянскими подданными, по какому-то подозрению казнив верхушку граждан Равенны, разругался с папой римским. Вступил в конфликт и с Константинополем, намеревался перебить высший слой общества. Но против него в 695 г. начал мятеж стратиг Леонтий. Свергнутому Юстиниану отрезали нос и сослали в Херсонес.

Леонтий тоже на троне не удержался. Его сверг Тиберий III, лишил носа и отправил в монастырь. Но и Юстиниан не унимался, подбивал жителей Херсонеса на восстание. Его не поддерживали, донесли в столицу. Тогда он бежал в готский город Дорас и снесся с хазарским каганом Ибузиром, договариваясь о помощи в возвращении престола. Каган поддержал его, благосклонно принял, разрешил поселиться в Фанагории на Тама-

ни. И выдал за него свою сестру, несмотря на отсутствие носа. В крещении ее назвали Феодорой.

Но император Тиберий направил к Ибузиру посольство с богатыми дарами, требовал выдачи. Юстиниан испугался, что каган согласится, отослал к нему обратно Феодору, убил командира приданной ему хазарской стражи и с немногими сторонниками бежал на корабле к болгарам. Которыми правил в это время хан Тервел. Юстиниан предложил ему союз и обещал всякие выгоды, даже свою дочь от первого брака в жены. Хан согласился, и в 705 г. болгарское войско внезапно подступило к Константинополю. Тиберий организовал оборону, однако Юстиниан с отрядом воинов пробрался в город через водосточные трубы, и в результате возникшей паники столица пала.

На врагов вернувшегося императора обрушился террор. Тиберия и извлеченного из монастыря Леонтия он попирал ногами во время циркового представления, потом казнили вместе со сторонниками. А Тервел получил исключительные почести, был коронован «цезарем», было приказано обращаться к нему с теми же церемониями, как к императору — как раз с этого момента болгарские ханы стали еще и «царями», и положение их на Балканах значительно упрочилось. Юстиниан постарался восстановить и дружбу с Хазарией. Вызвал оттуда жену, ее первенца по имени Тиберий признал законным наследником. Побывал с визитом в Константинополе и сам каган, и тоже был удостоен чрезвычайных почестей. Вероятно, византийские хроники говорят не все. Похоже, что Юстиниан подарил тестю Херсонес — там вдруг обнаруживается хазарский тудун (наместник).

Но внутри империи репрессии приняли беспрецедентные масштабы. Снова отправляли на смерть итальянских подданных, константинопольскую оппозицию, действительную или мнимую. Юстиниан рассорился с Тервелом, предприняв поход против него, но был разгромлен. Пожелал отомстить и Херсонесу, не поддержавшему его в борьбе за власть. Направил туда карательную экспедицию. Многих горожан казнили, а хазарского тудуна арестовали. Причем на обратном пути экспедиция попала в бурю, погибло две трети кораблей и солдат. Среди херсонесцев прошел слух, что скоро придет второй флот, совсем

перебить их. И они восстали, отдавшись под покровительство кагана. Между Хазарией и Византией чуть не началась война. Юстиниан опомнился, послал в Херсонес своих представителей миром уладить конфликт, освободил тудуна.

Однако херсониты уже не верили. Посланцев Юстиниана убили и провозгласили императором некоего Филиппика. Тогда и впрямь на них было направлено войско под командованием патрикия Мавра. Филиппик бежал к хазарам. Но... Мавр со своими солдатами перешел на сторону мятежников. Каган, судя по всему, оказался в затруднительном положении. С одной стороны, император был родственником, мужем сестры. И Филиппика он задержал. Но, с другой стороны, Юстиниан ярко проявлял свою неадекватность. Восставшие обращались с просьбами отпустить к ним Филиппика. И каган после некоторых раздумий согласился освободить его за выкуп. Предоставив зятя его судьбе.

Она была печальной. Мятежники отправились в Константинополь. Юстиниан, зная о ненависти к нему в столице, бежал в Малую Азию. Был пойман и убит. Прикончили и Феодору. А малолетнего сына, искавшего спасения в алтаре во Влахернском храме Богородицы, вытащили и публично зарезали на городской стене. Херсонес остался за Византией.

В общем-то хазарам в это время было не до Крыма. Арабы наращивали свое присутствие и усиливали власть в Закавказье. Прежние поблажки были отменены. Армянских нахараров (князей) собрали для переговоров в Нахичевань, заперли в церквях и сожгли. Для управления краем назначались наместники халифа. И снова предпринимались попытки прорыва на север. Дербент переходил из рук в руки. В 708 г. арабы смогли его взять и вторглись в Хазарию. В жестоких схватках их выбили, в 711 г. хазары вернули Дербент.

Арабы находились на вершине своего могущества. Они подчинили весь север Африки. Переправились в Испанию, где их радостно поддержало автохтонное население, поскольку прежние завоеватели, вестготы, став правящей верхушкой, нещадно эксплуатировали народ. Владениями халифата стал и юг Франции. Но арабские завоевания вызвали и ряд побочных процессов. Персия была державой весьма терпимой в религиозном и

идеологическом отношении. Принимала бежавших от Рима евреев, бежавших из Византии еретиков. Некоторые течения и для Ирана оказывались неприемлемыми. Как уже отмечалось, из него пришлось эмигрировать манихеям, революционерам-маздакитам. Но большинство евреев, каббалистов, гностиков, еретиков, тайных сектантов манихейского толка продолжали гнездиться и плодиться в Персии (что немало способствовало ее внутреннему разъеданию).

Завоеватели-арабы насаждали ислам. Христиан и иудеев терпели, но облагали дополнительным налогом. А радикальных сектантов сурово преследовали. И они выплеснулись прочь, в другие страны. Манихеев приняли лагнобарды, их общины возникли в Милане. Византия таких гостей не жаловала, но плохо контролировала свои окраины. Разные секты стали возникать в Малой Азии. В Армении и горах Тавра возникло течение «павликиан» — использовавшее христианскую терминологию, но по сути антихристианское, принявшее манихейские и гностические доктрины. Многие евреи эмигрировали на Северный Кавказ, в Хазарию. Весьма благоприятные условия для сектантов создались и в Средней Азии, которая после гибели Тюркского каганата распалась на ряд независимых и полунезависимых государств.

Самым сильным из них был Хорезм, он отразил несколько арабских наступлений. Но в 712 г. здешние сектанты учинили революцию. Возглавил ее родственник хорезмшаха Хурзад. Как сообщает Табари, «Хурзад расправился с хорезмийской знатью, отнимая у нее имущество, скот, девушек, дочерей, сестер и красивых жен». То есть, действовал так же, как раньше Маздак. Хорезмшах Чаган бежал к арабам и обратился за помощью к полководцу Кутейбе ибн Муслиме. Который не преминул воспользоваться случаем. Поставив условие — принятие хорезмшахом ислама. В условиях революционной смуты овладеть Хорезмом не составило труда. Хурзада и его сторонников казнили, часть их бежала в Хазарию. А жители Хорезма, спасенные Муслимой от маздакитского террора, стали с этого времени ревностными сторонниками ислама и арабов. Завоеватели получили прекрасную базу для дальнейших операций в Средней Азии.

Муслима пробовал нанести и удар по Хазарии. В 713 — 714 гг. перенес усилия на Кавказ, предпринял походы в Дагестан. Закрепиться там не сумел, но удержал за собой Дербент. Хазарам в этой жестокой борьбе приходилось рассчитывать только на свои силы и на русичей, мадьяров, аланов. А самая могущественная союзница, Византия, фактически выбыла из игры. В ней начали твориться такие же безобразия, как когда-то в Риме — различные группировки военных, разные феи дрались, усаживая на престол своих императоров. Филиппика сверг и убил Анастасий, его скинул Феодосий, его — Лев III Исавр.

А арабы теснили, отбирали у греков город за городом. В 717 г. положение стало критическим. Тот же самый Муслима, покоритель Хорезма и Дербента, посадил большую армию на суда, переправил ее во Фракию и осадил Константинополь с суши. А арабский флот, 1800 кораблей, вошел в Мраморное море. Однако Лев III оказался умным и деятельным правителем. Он позаботился быстро заключить мир и союз с болгарями, сделав им территориальные уступки, пообещав беспопытливую торговлю и ежегодную дань в 30 фунтов золота. И конница хана Тервела стала наносить удары по арабским тылам. А византийский флот, выждав удобный момент, напал на арабский и сжег его «греческим огнем».

Армия Муслимы оказалась отрезана от Азии. В этот момент перешли в наступление и хазары, вторгшись в Закавказье и оттянув арабские силы на себя. А в арабской столице, Дамаске, умер халиф Сулейман. Осадное войско, не получив вовремя подкреплений, зимовало под стенами Константинополя. Несло потери от холода, болезней, болгары не давали ему собирать продовольствие и фураж. Лишь в 718 г. арабы собрали новый флот и отправили Муслиме две эскадры в 760 судов с подмогой и припасами. Но Лев узнал об этом, его огненосные корабли произвели ряд вылазок и опять пожгли неприятельских моряков. В августе Муслиме пришлось снять годичную осаду. Его армия потеряла более 100 тыс. человек. А остатки флота были уничтожены бурей, в Сирию вернулось лишь 5 судов.

На Кавказе же война приобретала затяжной и все более ожесточенный характер. В 721 г. хазары вторглись в Армению, одержали несколько побед, но затем были разбиты. В от-

вет арабский наместник Армении Абу Убейд Джаррах совершил два набега на Хазарию, взял города Семендер, Беленджер и вернулся с богатой добычей. После этого столица Хазарского каганата была перенесена подальше от опасного региона. Вместо разгромленного Семендера ею стал город Итиль, основанный в низовьях Волги. Туда стали переселяться многие хазарские семьи.

Особенно трудно пришлось каганату, когда против него выступила еще и Алания. Решила воспользоваться войной с арабами и сбросить зависимость от хазаров, ударила по их тылам. Но аланы просчитались. Арабам было безразлично, в какой очередности покорять северные народы. В 724 — 725 гг., пройдя через Дарьяльское ущелье, они напали на саму Аланию, одолели ее и обложили данью. В 726 г. каган предпринял ответный набег на Закавказье. В 728 г. последовал контрудар арабов. Его отразили, сын кагана Барджиль вторгся в Азербайджан, однако здесь был разгромлен, победители-арабы захватили «знамя в виде медного изображения». А в 732 г. они опять отбили у хазар Дербент, разместив в нем 14-тысячный сирийский гарнизон.

Но непобедимость халифата уже кончалась. Захватив огромные пространства и сражаясь на многих фронтах, он разбросал свои силы. Арабские воины и военачальники в богатых покоренных городах входили во вкус роскоши и житейских благ. Прежние монолитные контингенты разбавлялись исламизированными местными народами. Которые нередко были не прочь повоевать и пограбить, но и власть халифа терпели лишь вынужденно. С 733 г. покатила чередой восстаний по Средней Азии. Нередко их инициировали те же сектанты и революционеры-маздакиты, но теперь они выступали под антиарабскими лозунгами и получали широкую поддержку. В 735 г. восстала против захватчиков и Грузия.

Для ее усмирения наместником Армении и Азербайджана был назначен полководец Мерван. В памяти грузин он до сих пор остался одним из самых страшных завоевателей. Прошелся с большим войском по мятежной стране и буквально залил ее кровью. Большая часть городов была разрушена. Население подвергалось массовым казням. Его стогнали в огромные тол-

пы, и Мерван одним мановением руки осуждал всех на смерть. Множество обреченных невзирая на пол и возраст выстраивали в очереди к палачам или укладывали рядами и рубили головы. Других сжигали, топили, сбрасывали в пропасти.

Превратив Грузию в пустыню, Мерван собрал вспомогательные части из кавказских народов, доведя армию до 150 тыс. бойцов. И в 736 г. двинулся на север. Пройдя через ущелья Кавказа, занял Аланию, покорил царство лакцев. А в следующем, 737 г., ударил на хазар. Его войско достигло Волги. Каганат смог выставить лишь 40 тыс. воинов. Они отошли на левый берег Волги и отступали на север. А арабы следовали за ними по правому берегу. Некоторое время две армии двигались параллельно. Хазары, отделенные от врага широкой рекой, чувствовали себя недосыгаемыми. Но Мерван, дав им привыкнуть к такому положению и усыпив бдительность, внезапно навел понтонный мост и перебросил через Волгу отборный отряд арабов, который напал на хазар врасплох, вызвал панику. Каган бежал, 10 тыс. его воинов было убито, 7 тыс. взято в плен.

После этого разгрома Хазария запросила мира. Мерван потребовал от кагана принятия ислама и признания власти халифа, и тот вынужден был согласиться. Но и арабские силы были уже на излете. По халифату катились смуты и волнения. Мерван прекрасно понимал, что прочное покорение северных земель слишком затруднительно, а надолго уводить армию из Закавказья опасался. Поэтому удовлетворился формальным признанием подданства и повернул назад. На обратном пути у некой «славянской реки», очевидно, Дона, он захватил и угнал 20 тысяч семей «сакалиба» — славян. Но когда их довели до арабских владений, они взбунтовались, перебили стражу и поставленного над ними эмира, и двинулись на родину. Против них бросили войска, окружили и поголовно истребили.

В последующие годы Мерван еще сумел покорить царства горного Дагестана. Однако халифат начинал рушиться. В нем разгорались гражданские войны. В 739 г. византийцы нанесли ему сокрушительное поражение при Акроине. В 743 г. Мерван покинул Закавказье, вернулся в Дамаск и стал халифом. Царствовать ему довелось недолго. Вспыхнуло восстание Абу-Муслима, Мерван погиб, и на нем закончилось владычество дина-

стии Омейядов. Мятежники возвели на престол династию Аббасидов, а столица была перенесена в Багдад.

Во многих арабских владениях узурпаторов не признали. В Испании взяли верх сторонники Омейядов. В других регионах нашлись свои кандидаты на власть. Для местных народов поддержка таких претендентов отвечала их сепаратистским тенденциям. И в середине VIII в. Арабский халифат развалился на части. Хазары же после ухода армии Мервана об условиях капитуляции больше не вспоминали. И вхождение Северного Кавказа и Поволжья в Арабский халифат осталось только бумажным актом, соблюдать который одна из сторон не собиралась, а вторая уже не могла ее заставить. Границей остался Кавказский хребет. Таким образом в ходе почти столетней борьбы хазары и русичи отстаивали свою независимость. Да и не только свою. Защищали от арабских завоевателей всю Восточную Европу.

СЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Нетрудно увидеть, что основные потрясения, связанные с нашествиями тюрков и арабов, практически не задели области расселения западных и восточных славян. И в период с VII до конца VIII — начала IX в. их цивилизация достигла расцвета. Кстати, еще раз стоит коснуться нарочитой предвзятости научной терминологии. В случаях, когда речь идет о германских или кельтских общностях, историки смело обозначают их «королевствами», хотя бы это королевство состояло из нескольких деревень. Если же речь идет о славянах, то и зарубежные, и отечественные авторы скромненько скажут «племя». Там, где у кельтов или германцев фигурирует «король», у славян обязательно будет «вождь», а вместо города или замка — «городище». Сами понимаете, что такая терминология невольно вызывает перед глазами картину племени дикарей в звериных шкурах. И чтобы правильно представлять отечественную древнюю историю, читателю необходимо помнить и делать поправку — там, где обозначено «племя», чаще всего следует понимать государство, княжество.

В описываемую эпоху выделился ряд государств у полабских и прибалтийских славян. У подножия Ютландского полуострова и к востоку от него, на землях нынешнего Мекленбурга располагалось княжество бодричей (ободритов). К югу от них, до Хафеля и Шпрее, лежала страна лютичей (они же вильцы или волки). Еще южнее располагались земли лужичан — вдоль средней Эльбы, от Салы (Заале) до Нейсе. На восток от этих трех княжеств лежали другие. По берегам Балтики от территории ободритов до Одры (Одера) лежало государство вагров. К востоку от него — ругиев, им же принадлежал остров Рюген (он же — Руян или Буян русских сказок). От Одера до Вислы находились владения поморян. А еще восточнее, за Вислой — пруссов. Это были сильные княжества, по уровню развития ничуть не уступавшие другим европейским государствам своей эпохи. Кстати, тогдашние германские хроники в полной мере это отмечали и отзывались о них весьма уважительно. Великих князей обозначали титулом «рекс» — король или царь, а подчиненных им племенных князей — «герцогами» или «графами».

На севере Польши существовало княжество мазовшан, на юге — ляхов. В Центральной Европе после освобождения из аварской неволи возникли государства чехов и мораван. Ну а в Восточной Европе жили славянские народы, известные нам по летописям. На Волхове и у Ладоги — словене. От Псковского озера до Смоленска расселились кривичи. В Белоруссии — полочане, дреговичи. В Прикарпатье — белые хорваты. На Западной Украине — воляняне (дулебы). В Полесье — древляне. В Среднем Поднепровье — поляне, по Днестру — тиверцы, по Южному Бугу — уличи. На Левобережье Днепра до Дона — северяне.

Причем эти этнонимы означали не отдельные племена, а большие племенные союзы, имевшие государственную организацию. О чем упоминает и Нестор, сообщая, что по смерти Кия, Щека и Хорива «потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое...» Где-то в VII в. с запада, «от ляхов», переселились радимичи и вятичи. Может быть, они уходили от Аварского каганата, а может, были вытеснены в междоусобицах с другими славянами. Радимичи осели в Среднем

Поднепровье на р. Сож, а вятичи сперва обосновались в бассейне Десны, распространяясь на восток, к Оке. Что касается народа русов, то он все еще выделялся из славян, но разбился по различным княжествам. Часть русов оставалась на Балтике — рароги, ругии. Часть примкнула к словенам, основав у оз. Ильмень Старую Руссу. Часть вошла в княжество полян. И значительное число — в союз северян. Анонимный баварский географ начала IX в. перечислял разные общности русов — «аттросы», «виллросы», «забросы», «хозиросы». А основными из них считал две, балтийскую и живущую рядом с хазарами. То есть в земле северян.

Это согласуется и с другими источниками. Восточные авторы часто называют северян «русами», отличая их от чистых славян — «сакалиба». Хотя некоторые из них, например, Ибн-Хордабег, все же уточняют, что «руосы» — это племя из славян. Лиутпранд Кремонский помещал русов на юге, рядом с хазарами и печенегами, а Ибн-Хаукаль сообщал, что «русы — варварский народ, живущий в стороне болгар (камских), между ними и сакалиба», причем «Куяба» (Киев) принадлежал не им, а «сакалиба», из чего еще раз видно отождествление русов именно с северянами. Да и во времена Киевской Руси термин «Русская земля» нередко применялся по отношению к Северскому княжеству — в данном смысле он употребляется и в «Слове о полку Игореве», и у Черниговского игумена XII в. Даниила.

Правда, Ибн-Фадлан и ряд других арабских авторов помещают страну или столицу русов на некоем «острове». И многие исследователи, вдохновившись подобным указанием, начинают выискивать эту страну невесть где, вплоть до мелких островков Черного и Азовского морей. Чем проявляют свою не очень-то высокую компетентность. Потому что арабы — уроженцы пустынь, и слово, переводимое как «остров», в их языке отнюдь не тождественно нашему. Для нас с вами «остров» — участок суши, окруженный водой. А в арабском языке — участок местности, который вообще каким-то образом отделен от окружающего пейзажа. Арабским «островом» может быть оазис в пустыне, роща в степи, и наоборот, открытый участок среди лесов. Словом, такая локализация может соответствовать любому славянскому городу. Хотя, с другой стороны, Ибн-Фадлан писал о

неких вполне конкретных русах, которых встречал в X в. в Булгаре, и речь может идти об острове Рюген..

Славянская цивилизация отнюдь не была бедной и замурзанной «золушкой» по сравнению, например, с германской. Напротив, славянские страны процветали. Ибн-Якуб, объездивший всю Европу, называл эти страны «наиболее богатыми продуктами питания» и писал, что «славяне с особым усердием занимаются земледелием и поисками средств к жизни, в чем они намного превосходят все северные народы». Уже с VII — VIII вв. прежнее подсечное земледелие повсюду заменилось трехпольем. Для вспашки стала применяться соха со стальным наконечником, образцы которой обнаружены в Ладоге и Сумской обл. Кроме зерновых культур, выращивались огурцы, свекла, гречиха, горох, репа, капуста, лук, чеснок, а также технические культуры — лен, конопля. В садах произрастали уже все современные виды плодовых деревьев и кустарников, в южных районах — персики и виноград. Было очень развито и животноводство.

Особенно высокого благосостояния достигли прибалтийские княжества, избежавшие аварского нашествия. Здесь располагалось множество крупных городов: Зверин (Шверин), Рарог (Рерик), Стариград (Ольденбург), Волин, Микелин, Аркона, Дымин, Велиград, Коданьск (Гданьск), Ратибор (Ратценбург), Бранибор (Бранденбург), Щетин (Щецин), Ретра и др. Адам Бременский называл Волин (он же Виннета) «самым большим из всех городов Европы». Славилась своим богатством и красотой Ретра — имевшая девять ворот и монументальные храмовые комплексы, а также Микелин, Аркона. Рерик считался крупнейшим портом на Балтике. Каждый город являлся административным, военным, религиозным и хозяйственным центром того или иного племени. А у нескольких племен, составлявших княжество, был более крупный город, представлявший столицу государства.

В VII — начале IX в. и княжество словен с центром в Ладогe (Новгорода еще не существовало, он возник позже) тяготело не к поднепровским, а к прибалтийским славянским землям. С ними и связываться было удобнее. Балтика предоставляла такие же возможности коммуникаций, как Эгейское море

для греков. Было очень развито судостроение, мореходство. Между Ладогой и Южной Прибалтикой существовали промежуточные славянские базы — Ротала в Эстонии, Виндава на берегу Рижского залива. Не позже чем с VIII в. Ладога была связана регулярными морскими сообщениями с Арконой, Щетином, Коданьском, Рериком и другими портами, с германским городом Дорестада в низовьях Рейна. А в самой Ладогое обнаружены следы пребывания скандинавов.

Любопытно, что в письмах последующих новгородских священников упоминаются местные легенды, подобные ирландским или греческим — о том, как ладожские моряки добирались до края света, до неких «райских» островов или наоборот, населенных чудовищами. Через земли славян проходил древний «Янтарный путь» из Прибалтики и далее по Оке и Волге в страны Востока. Не позже VII в. на внутриславянском рынке получили хождение «меховые» деньги, а с VIII в. они стали вытесняться металлическими. В раскопках обнаруживается большое количество арабских, византийских, франкских монет.

В Центральной Европе из крупных славянских центров выделялась Прага — город, который, согласно Ибн-Якубу, «выстроен из камня и извести и есть богатейший из городов торговлей». Славилась также Велеград, Краков, Коуржим, Будеч, Тетин, Казин, Девин. Но и в Восточной Европе городов было уже много. Нелишне вспомнить, что скандинавы еще до летописных времен называли Русь «Гардарика» — «Страна городов». У Ибн-Якуба сохранилось описание, как они возводились: «Славяне строят большую часть своих градов таким образом: они направляются к лугам, изобилующим водой и зарослями, и намечают там круглое или четырехугольное пространство, в зависимости от величины и формы, которую желают придать граду. Затем они выкапывают вокруг ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши его досками и сваями, наподобие шанцев, пока вал не дойдет до желаемой высоты. Тогда отмеряют в нем ворота, с какой стороны им угодно, а к воротам можно подойти по деревянному мосту».

Вал, укрепляемый «досками и сваями» — это обычная для славянских городов стена из деревянных срубов, заполненных внутри землей или камнями. Правда, как показывает археоло-

гия, большинство «городов» представляли собой лишь крепости, внутри которых насчитывалось по 30—40 домов. Но и в восточнославянских княжествах имелись крупные административные, торговые и ремесленные центры. Например, Киев — иностранные источники и данные археологии опровергают сообщение Нестора, что до варягов он был «маленьким городком». Можно перечислить и Смоленск, Любеч, Чернигов, Псков, Изборск, Искоростень, Гнездово, Сарское городище под Ростовом, Тимиревское — под Ярославлем, Галич, Сутейск, Переяславль, Ростов, Витебск, Суздаль, Муром, городища Титчиха, Новотроицкое, Горнальское, Червона Диброва. Тут найдены остатки укреплений, древние святилища, велась торговля, улицы оборудовались деревянными мостовыми. В этих городах жили воины, искусные кузнецы, гончары, литейщики, косторезы, ювелиры, ткачи. Археологи находят женские украшения, ритуальные предметы, дорогие привозные вещи. Найдены и инструменты ремесленников — часто довольно сложные и совершенные.

Арабы отмечали у восточных славян три самых сильных государства — Куяба, Арасания и Славия. Куяба — это Киев, княжество полян, Арасания — земля русов, княжество северян. А Славия — Ладога, княжество словен. Но в VII—VIII вв. в Южной Руси лидировали еще не поляне, а северяне. Они чаще упоминаются в иностранных источниках, и археология показывает, что они жили гораздо богаче своих соседей. Как уже отмечалось, они постоянно выступали союзниками хазар. Мы многого не знаем. До нас не дошло ни одной северской летописи — возможно, они были уничтожены в ходе борьбы киевских Мономашичей и черниговских Ольговичей. Но народные предания сохранили имя князя Черного, основателя Чернигова, похороненного в знаменитом погребении Черной Могилы с богатейшей утварью. Да и во времена Киевской Руси Северщина еще не утратила былого величия. По подсчетам В.Чивилихина, в ней было больше городов, чем во всех других русских княжествах. Четвертая часть всех известных русских городов располагалась в Северском крае. И Чивилихин на множестве примеров показал, что если Киев стал административно-политическим центром Руси, то Чернигов оставался ее культурным центром [219].

Как же жили наши далекие предки? Сефрид писал о «чистых и нарядных избах», многие авторы отмечали, что славянские «постройки отличались красотой». Дома строились из больших бревен с двухскатной крышей, чаще всего они состояли из двух помещений — сеней и большой комнаты с очагом. Славяне были очень чистоплотны. И «Повесть временных лет» в первых же строках сообщает о парной бане. Обычной одеждой мужчин были льняная рубаха и штаны, дополняемые меховой или войлочной шапкой и накидкой из меха или овчины, а у женщин — рубаха или сарафан. Выделялись и шерстяные ткани. И, как показывают находки археологов, в отличие от германских государств, у славян они были доступны не только знати, но и простонародью. Те же находки, в опровержение представлений о «лапотной Руси», свидетельствуют о широком распространении кожаной обуви.

Высокого уровня достигли ремесла: кузнечное, оружейное, ткацкое, гончарное, ювелирное. Многие украшения, обнаруженные в славянских кладах и погребениях, представляют собой настоящие шедевры искусства. Например, браслеты с изображениями сказочных птиц, кентавров, гусяров, плясуний. Или колты, гривны, цепочки и броши тончайшей работы. Браслеты славянки надевали не только на запястья, а и на щиколотки. А вот серьги не носили. Серьга в ухе была украшением мужчины-воины. А женщины и девушки предпочитали такие изделия, для которых уши прокалывать не требовалось. Чаще всего — височные кольца, вплетавшиеся в прическу. Или колты — фигурные подвески, крепившиеся к ленте, обвязывавшей волосы, или к головному убору. Иногда их делали полыми и вовнутрь наливали по капельке благовоний.

Умели славяне и веселиться. На одном из браслетов сохранилось изображение нарядных женщин, весело пляшущих под музыку. Существовала своя эпическая поэзия. Исследования однозначно доказали, что многие былины восходят к дохристианским временам. Кстати, русский эпос был известен и на Западе. В германской «Сage о Тидрике Бернском», записанной в X в. и поэме «Ортнит», созданной в начале XIII в., среди героев упоминается Илья Муромец — там его зовут Илиас, Илиас фон Руссен, и он выступает могучим и благородным рыцарем. Сле-

ды древней поэтической традиции явно видны в языке, которым написана «Велесова книга», в дошедшем до нас «Бояновом гимне», «Слове о полку Игореве, в некоторых народных песнях, знахарских заговорах.

Была и дохристианская письменность. Дитмар Мерзебургский, Адам Бременский, Саксон Грамматик, Гельмгольд сообщают о надписях в прибалтийских славянских храмах. А в воспоминаниях Ибн-Фадлана язычники-русы подписывают на надгробии имя покойного и имя «своего царя». Какой была эта письменность? В алфавите, которым написана «Велесова книга», некоторые буквы — греческие, а другие повторяют германские руны или сходны с ними. И если вспомнить указание Черноризца Храбра об изначальной славянской письменности из «черт и резев», то ясно, что имелись в виду руны. Они не случайно состоят из прямых линий, без закруглений — чтобы их было удобно чертить на камне или вырезать на дереве.

Вероятно, сперва письмо относилось к жреческим тайнам, но со временем получало все более широкое распространение. Взять хотя бы огромное количество «берестяных грамот», обнаруженных в Новгороде. Записками обменивались люди самых различных сословий по разнообразным мелким бытовым поводам. Муж просил жену передать забытую вещь, а слуга напоминал хозяину о покупке вина к празднику Велеса. Даже сапожники подписывали свои колодки. То есть грамотность была всеобщей. Правда, найденные грамоты относятся уже к X в. Но это дата не появления письменности, а основания Новгорода. Почва которого оказалась благоприятной для сохранения бересты. А тот факт, что письменность существовала не только здесь, доказан находкой двух берестяных грамот в Смоленске. И обнаруженного здесь Д.В. Авдусиным глиняного сосуда с надписью «горушна» — «горчица». Сосуда весьма скромного и грубоватого, явно принадлежавшего не княжеской или боярской семье. Разумеется, столь широкое употребление письма внедрилось не сразу, а постепенно. Но и произошло это, конечно, не с нуля, не на пустом месте. А на основе давней письменной традиции.

Впрочем, средневековых авторов в большей степени интересовало не культурное развитие, а воинская сила славян. А бойцами они были отменными. Имели прекрасное снаряже-

ние — остроконечные стальные шлемы (причем уже были известны шлемы с забралами), брони и кольчуги, щиты. Хотя по-прежнему иногда шли в бой полураздетыми в знак презрения к опасности. Вооружение состояло из мечей, боевых топоров, копий или бердышей и луков со стрелами. Чаще сражались пешими — боевым строем был клин, так называемая «кабанья голова». Но имелась и конница. А прибалтийские славяне, ладожане и северяне умели действовать и на море.

В отечественной литературе с какой-то стати создавалось представление о некоем чрезмерном миролюбии славян. Их традиционно изображали эдакими безобидными землепашцами, противопоставляя западным и восточным «хищникам». Очевидно, авторы старались перенести собственную психологию и представления о «хорошем» и «плохом» на людей далекого прошлого. Что весьма некорректно. В VIII—IX в. высшей добродетелью у славян считалась воинская удаля, а кроткий и смиренный «идеал», нарисованный писателями XIX—XX вв., выглядел бы просто патологией и не смог бы выжить в тогдашнем суровом мире. У славян уже выделились профессиональные воины-дружинники. Однако и землепашцы хорошо владели оружием. И брались за него не только для самообороны. Сходить в набег на тех или иных соседей (с которыми, как водится, имелись и «идеологические» счеты), приобрести славу и богатые трофеи — на это всегда хватало желающих. Ибн-Мискавейх писал: «Хорошо, что русы ездят только на ладьях, а если бы они умели ездить на конях, то завоевали бы весь мир». С ним был согласен и Аль-Бекри: «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять».

В целом же жизнь строилась и регулировалась обычаями. Поэтому важное место в обществе занимали их хранители, жрецы. Точнее — не только жрецы. Ранее отмечалось, что традиции славян во многом напоминали кельтские. А у кельтов существовало несколько священных сословий — друиды, филиды, барды. Аналогичное положение было и в славянских княжествах. Друидам примерно соответствовали волхвы — служители бо-

гов и хранители древних знаний. Была и категория, соответствующая филидам — прорицателям, знатокам законов. А певцы-гуслиеры были не просто бродячими исполнителями-попрошайками. Они, как и барды, были специалистами в области истории, эпических преданий. И, как мы видели по византийским источникам, выполняли дипломатические функции.

Персидская рукопись первой половины IX в. рассказывает о развитых государственных институтах полян: «Одна часть их — рыцарство. Жрецы пользуются у них уважением. Они ежегодно платят правительству девятую часть своих доходов и торговой прибыли. Город Куяба — местопребывание царя. Там выделывают разнообразные меха и ценные мечи...» [161]. Германские авторы сообщают о «гражданских правах» славян, о городской аристократии. Существование родовой знати подтверждается многими источниками: «Велесова книга» упоминает «бояр» у северян. Нестор — бояр у словен и «мужей знатных» у древлян. Был и институт рабства. Однако оно носило ограниченный, патриархальный характер.

Хотя вообще славянские княжества формировались в разных условиях, поэтому обычаи и структуры у них различались. Так, Ибн-Русте рассказывал о сложной социальной организации вятичей: «Глава их, которого они называют главою глав, зовется у них «свиег-малик». И он выше супанеджа, а супанедж является его наместником». «Малик» — по-арабски «царь», «князь». И титул, очевидно, звучал как «светлый князь». А «супанеж» — жупан. Воевода, возглавляющий жупу — кланово-родовую общину. То есть княжество вятичей имело клановую организацию.

У ободритов было иначе. Ророги, варанги и прочие племена, входившие в их государство, имели собственных князей и обладали определенной автономией. А над всей федерацией стоял великий князь. Княжество ругиев было близко к теократическому. В нем огромным весом пользовались жрецы храма Свентовита. Пошлины заезжими купцами платились не князю или городу, а храму. Святилище имело собственную дружину из 600 человек, в его пользу шла вся добыча этой дружины, а также треть трофеев остальных воинов.

Теократия долгое время сохранялась и в Центральной Европе. Причем здесь важное место занимали жрицы-женщины. Вероятно, тут осели и смешались со славянами савроматы и подобные им племена. В Моравии существовал мощный культ Лады, богини любви и плодородия. Современники описывали ее большой храм. В нем находилась статуя обнаженной богини с длинными распущенными волосами, стояла она на повозке, запряженной лебедями, в губах держала бутоны роз, а в руках — золотые яблоки. Сквозь левую грудь просвечивало сердце и вырывался луч света, а «свиту» составляли еще три статуи нагих дев. Качество статуй было очень высоким, и видевшие их считали, что они сделаны греками. При храме существовал и воспитательный дом, где проходили обучение 150 девушек из семей знати. Они жили здесь до совершеннолетия неким полумонашеским орденом, несли охрану святилища и были младшими служительницами. А в случае войны эти девушки и «выпускницы» общины составляли особую дружину [189].

Нечто подобное существовало и в Чехии. Козьма Пражский, Адам Бременский и чешские предания рассказывали, что в VIII в. страной правила Либуша — мудрая царица, жрица и провидица, а удельными княжествами владели ее сестры Кази и Тета. И только в 722 г. осуществился переход к светской власти, к князю Пршемыслу — для чего был применен известный у многих древнеарийских народов способ гадания с помощью белого коня [79, 106]. Но служительницы женского культа, центром которого был город Девин, с утратой своего положения не смирились. У них, как и в Моравии, имелась боевая дружина. И главная жрица Власта начала открытое противостояние. Ее подручные совершали вылазки, хватали и приносили в жертву мужчин. А «пятой колонной» Власты оказались практически все жены и дочери чехов. Ведь и они поклонялись тому же культу. Но когда «амазонкам» попался и был умерщвлен воевода Цтирад, за них взялись серьезно. Началась «девичья война», воины Пршемысла захватили Девин, а всех обитательниц истребили [79].

Вероятно, подобный культ и общины воительниц имели место и в соседней Паннонии. Как уже отмечалось, при штур-

ме аварами Константинополя среди паннонских славян находили тела «амазонок». А Адам Бременский и арабские историки Аль-Казвини и Аль-Идриси сообщали о каких-то «амазонках» на Балтике [243]. Хотя в этих случаях речь могла идти и об обычных славянских женщинах — они умели владеть оружием и иногда вступали в бой. Но у большинства славянских народов это практиковалось только при крайней необходимости.

У разных племен отличались и похоронные обряды. Словене, кривичи, северяне, русы, вятичи кремировали покойников. А поляне, древляне, волыняне, радимичи хоронили в земле. Среди обычаев тогдашних славян многие авторы подчеркивали их чрезвычайное гостеприимство. Гельмгольд писал: «Относительно нравов и гостеприимства не найти людей честнее и добродушнее». «В приглашении гостя они все как бы соревнуются друг с другом... что ни приобретет славянин своим трудом, он все израсходует на угощение и считает того лучшим человеком, кто щедрее». Он приходил к выводу, что «нет народа приветливее славян». Ему вторили Сефрид и Адам Бременский. Гельмгольд сообщал и о том, что заботиться о больных и престарелых считалось у славян священным долгом.

Что касается семейной жизни, то в некоторых местах еще отмечались групповые браки, как у древних венедов, или следы подобной традиции. Но у большинства славян она сменилась многоженством, «имеяху же по две и три жены». У князей, знати, воинов несколько жен могли дополняться еще и наложницами. И источники того времени разграничивают эти категории. Однако была и возможность перевода из наложниц в жены. Нестор (осуждая), сообщает о брачных обычаях — «устраивали игрища между селениями, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен». Но умыкали «по стовору».

Правда, многие представления о славянах оказались искажены последующей литературой. Все по той же причине: писатели и историки XIX—XX вв. вместо объективного исследования фактов частенько занимались строительством собственных моделей — какими, по личным авторским представлениям, были люди прошлого, как они должны были жить. Одно из рас-

пространенных искажений основывалось на единственной цитате Маврикия о славянках: «Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считает смерть мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь». Добавились пару упоминаний о том, как на похоронах знатных русичей умерщвляли женщину. И родилось две сказки.

Одна — о гипертрофированном «целомудрии» славянок. Вторая — о том, как несчастные жены вынуждены были завершать жизненный путь вместе с мужьями. На здравый смысл при этом внимания не обращалось — ведь продолжительность жизни была очень низкой, и если бы все вдовы отправлялись на тот свет со своими супругами, то кто бы стал растить и воспитывать детей? Опровергает такие байки и археология. Парные захоронения единичны и относятся именно к знати. А Ибн-Фадлан и другие авторы, которым доводилось быть свидетелями похорон, указывают, что умерщвлялась отнюдь не жена, а одна из наложниц. В житии св. Северина и некоторых других работах фигурируют вдовы русов. В западных хрониках и наших летописях сплошь и рядом встречаются вдовы славянских языческих князей, живые и здоровые.

У варангов, кстати, старший сын после смерти отца должен был взять в жены своих мачех (всех вдов, кроме собственной матери). У других народов вдов наследовал брат покойного. Существовал и обычай «снохачества». И с точки зрения реалий данной эпохи это было вполне объяснимо. Если мужчина погиб, то кто-то должен был заботиться о защите и прокормлении вдов и сирот. К тому же важнейшей целью человеческой жизни считалось продолжение рода. И если муж по каким-то причинам не смог или не успел осуществить эту задачу, кому следовало взять ее на себя, чтобы род не прервался? Естественно, отцу или брату мужа.

Ну а что касается целомудрия, то древние понятия о нем значительно отличались от морали последующих эпох. Арабский географ Аль-Бекри писал: «Славянские женщины, вступив однажды в брак, сохраняют супружескую верность. Но если девушка кого-нибудь любит, она идет к нему для удовлетворения

своей страсти. И если мужчина, женившись, находит невесту целомудренной, он говорит ей: если бы в тебе было что-нибудь хорошее, ты была бы любима мужчинами и выбрала бы кого-нибудь, кто лишил бы тебя девственности. Затем он ее прогоняет и отказывается от нее». Кстати, подобные традиции бытовали не только у славян, но и у германцев. В сельской местности Германии они сохранялись вплоть до XVIII — XIX в. в виде «пробных ночей». Каждая девушка имела право отдаться всем понравившимся ей парням. За бесчестье это отнюдь не считалось, о свиданиях знала вся деревня, и лишь родители девицы должны были прикидываться неосведомленными. И лишь после того, как она перепробует разные кандидатуры и выберет оптимальную, стороны договаривались о браке.

Конечно же, никак не вяжется с суперцеломудрием и обычаем многоженства. Славянок ничуть не смущало, что их суженый делит свое внимание между несколькими «половинами», да еще и приводит пленниц-наложниц. Напротив, каждая супруга гордилась таким положением. Количество жен и наложниц свидетельствовало об общественном положении мужа, его военной доблести. И было показателем мужской силы. А большим женским коллективом было легче выполнять работы по хозяйству. Понятия о «приличии» и «неприличии» в разные времена очень сильно отличаются. И оценивать мораль одной эпохи с точки зрения другой — по крайней мере некорректно.

Допустим, нагота среди славян не представлялась чем-либо пикантным и экстраординарным. Это было естественно и обыденно — если вдруг людям понадобилось искупаться, переодеться. Летний наряд большинства славянок состоял из одной лишь рубахи, надетой на голое тело. Это никого не смущало, просто так было удобнее работать на жаре. А когда приходилось сражаться, женщины наряду с мужчинами часто выходили на бой в мужских штанах, голыми по пояс. В таком виде тела «амазонок» находили у стен Константинополя. Так же, кстати, воевали и германки. В саге «Об Эйрике Рыжем» рассказывающей о путешествии викингов в Америку, при нападении туземцев приготовилась к бою беременная Фрейдис, но когда она встала в ряд с воинами, потирая мечом голую грудь, ата-

кующие в панике бежали, приняв ее за богиню или колдунью. И это тоже не считалось чем-то «неприличным». Гораздо проще смотрели и на сексуальные вопросы. В одном доме жили мужчины нескольких поколений, их жены, наложницы. Кто и от кого там стал бы прятаться? И каким образом? Ибн-Фадлан пишет, что русы, приехавшие на ярмарку, неоднократно совокуплялись со своими женщинами в присутствии друг друга. В их среде это воспринималось как нечто нормальное. Они просто «не замечали», если их товарищу и его даме захотелось удовлетворить свои желания.

Вопрос о верованиях славян будет разобран особо. Но здесь хотелось бы коснуться еще одного крайне неверного штампа, внедрившегося в отечественную науку. О каком-то общемировом «славянском единстве» и «славянском братстве». Впервые эта идея прозвучала в XVII в., а развитие получила в XIX в. в рамках искусственно раздутого учения «панславизма». В XX в. те же теории были подхвачены «пролетарским интернационализмом». И... задним числом перекинуты в прошлое. Рассуждалось о едином славянстве, которое потом разделилось на три ветви, западную, восточную и южную. А потом каждая из них раздробилась на племена. Это глубокая ошибка. Выше уже рассматривалось, что славяне в Прибалтике, Прикарпатье, на Дунае формировались из разных этнических субстратов, испытывали далеко не одинаковые внешние воздействия и влияния. И говорить о «славянском единстве» столь же нелепо, как о германском — о «братстве» нынешних немцев, англичан, голландцев...

А уж славян, живших тысячу с лишним лет назад, совершенно безграмотно подгонять к какому-то идеалу «единства». Разными народами были не только чехи и русичи. Не были одним народом и восточнославянские племена. Они являлись отнюдь не «субэтносами», как указывает Гумилев, нарушая собственное определение субэтноса — «таксономические единицы внутри этноса как зримого целого, не нарушающие его единства» [61]. Еще не существовало этого «зримого целого» и «единства». И поляне, северяне, древляне, кривичи, вятичи, словене, родимичи являлись *разными этносами. Разными народами!*

Так же, как англы, саксы, бургунды, лангобарды, франки и др. Доказательством служит любопытный археологический эксперимент. Была составлена карта находок украшений различного типа — главным образом, височных колец, и сопоставлена с картой расселения славян из «Повести временных лет». Выяснилось, что эти типы украшений четко совпадают с определенными племенными союзами. И нигде не смешиваются! Образуют замкнутые области. Кривичи с полянами и северяне с древлянами вовсе не считали друг друга «братьями». Они осознавали себя другими и отделяли от других.

Нередко и воевали друг с другом, не менее жестоко, чем с не-славянами. Одно время очень усилились лютичи. Согласно западноевропейским легендам, их войско доходило до Полоцка [141]. Чешские предания сообщают о страшной войне с лужичанами, которые под предводительством князя Властислава громили соседей, облагали данью, угоняли пленных, продавая в рабство франкам и еврейским купцам [79]. «Повесть временных лет» рассказывала, что поляне «быша обидимы древлянами и иными околными».

Ярким свидетельством того, до какой степени доходила вражда, служит и сама «Повесть временных лет» — несмотря на то, что она писалась в конце XI — начале XII вв., когда все племена давно слились в составе Руси, киевлянин Нестор постарался только полян изобразить единственными носителями культуры, «мудрыми и смысленными», а всех их соседей грубо и грязно оболгал. Выставил совершенными дикарями, жившими «звериньским образом», не зная ни правды, ни закона, ни государственности, ни брачных союзов. И ведь оболгал-то не случайно, а преднамеренно, поскольку тут же, в собственной работе упоминает и о княжении, и о процветании на землях других племен, и о сватовстве, и о семьях. А те языческие обряды, которые он приписывает им, были до крещения присущи и самим полянам. Впрочем, «мудрые и смысленные» поляне, надо думать, тоже были «не сахар», раз умудрились перессориться со всеми соседями. А крепости, обнаруженные на территориях древлян и северян, прикрывали их границы со стороны Киева. Уж конечно, они возводились не ради пустой забавы.

В Западной Европе самой могущественной была держава франков. В ходе Великого Переселения они благоразумно не полезли в драки вокруг Рима, а захватывали то, что «плохо лежит». И их государство раскинулось на территориях нынешних Франции, Бельгии, Голландии, изрядной части Германии. Но после смерти первого короля Хлодвига его владения сразу же развалились на три части, Нейстрию, Бургундию и Австразию, враждовавшие между собой. А франкские короли из династии Меровингов, раздав земли и богатства вассалам, постепенно утратили всякую реальную власть. Она перешла к королевским майордомам (управляющим двором). И сами монархи полностью зависели от своих управляющих. Летописец Эйнгард сообщал: «Даже расходы на весьма скудное питание оплачивал майордом, и то в зависимости от настроения. Если королю надо было куда-нибудь поехать, ему подавали, как простому крестьянину, повозку, запряженную быками»

Распад государства углублялся. Выделилась самостоятельная Бретань. С севера совершали набеги саксы. С юга вторгались арабы, отхватив Прованс. Очень усилилось герцогство Баварское — против аваров восстали славяне Австрии, Каринтии и Крайны (Словении и Хорватии), попросили помощи у Баварии и выразили желание перейти в ее подданство. Это оказалось выгодно обеим сторонам. Славяне сохранили собственные порядки и самоуправление, далекие баварские герцоги их не притесняли и не обирали. Зато, опираясь на силы славян, герцоги стали вести себя независимо от королей.

Но в VIII в. среди майордомов выделился умный и энергичный Карл Мартелл. Он провел ряд реформ, направленных на усиление государственности. И начал борьбу за объединение франкских земель. Способствовала этому и арабская опасность, диктовавшая феодалам необходимость сближения. В результате Карлу удалось добиться централизации власти, разгромить и выгнать мусульман, осваивавших Южную Францию.

Византия же в это время крепко нагадила сама себе. Как отмечалось в предыдущих главах, побочным продуктом арабских завоеваний стал выброс с территории халифата всевозможных сектантов и еретиков. Они оседали в приграничных районах, и ересями оказались заражены византийские войска, ряд военачальников. В том числе занявший императорский престол Лев III Исавр. Он происходил из Исаврии — горной области на границе с Сирией. Одни источники считают его тайным иудеем, крещеным только для видимости. Другие полагают, что он принадлежал к павликианам или подобной им секте (во всяком случае, к павликианам он во время своего царствования относился очень лояльно) [208].

В 726 г. Лев начал кампанию иконоборчества. Официальным ее обоснованием провозглашалось требование противостоять мусульманской пропаганде, обвинявшей христиан в «идолопоклонстве». Но фактически развернулась атака на христианство. Первым актом стало демонстративное уничтожение лика Спасителя-Антифонита, помещенного на дворцовых воротах и считавшегося чудотворным. Когда направленный для этого офицер стал крушить лик секирой, возмутились горожанки и убили нечестивца. Император послал воинов, и они учинили жуткую резню женщин. Пошло уничтожение икон по всей стране. В ответ вспыхнуло восстание в Греции, жестоко подавленное.

Иконоборчество стало поводом для отделения Рима. Именно поводом, а не причиной. Римские папы давно уже своевольничали и косили на сторону. Придравшись к мелким формальностям, не принимали эдиктов Константа, Константина IV, Юлиана II, как и самозванцев Филиппика, Анастасия. Ну а тут сам император подарил предлог послать его подальше, да еще и быть при этом правыми! Папа Григорий гневно обрушился на Льва и практически разорвал отношения с Константинополем. Отпали и другие итальянские владения Византии. Они стали прибежищем для множества иконопочитателей, священников и монахов, подвергавшихся гонениям на родине. Для Италии, в то время нищей и темной, такой приток культурных сил оказался очень кстати.

Но при этом византийские города и области на Апеннинском полуострове остались один на один с внешними врагами. Лангобарды захватили Равенну. Предпринимали походы на Рим, тесня папу. Пошла буза и внутри отпавших византийских владений. Одни граждане стояли за возвращение под власть и защиту императора, другие противились. Добавляли смуту манихеи, получившие прибежище у лангобардов. Они распространяли свое учение по Италии, возникали общины «патаренов». От манихеев почковались и секты сатанистов — ведь если материальный мир «от лукавого», то почему было не поклониться ему?

Рим оказался в очень тяжелом положении. Сыграл на этом франкский майордом Карл Мартелл — начал оказывать папе помощь, чем упрочил и собственную власть. А после смерти Пипина майордомом стал его сын Пипин Короткий. Он продолжил политику покровительства римскому первосвященнику. Побил лангобардов. Отвоевал для папы самостоятельное светское государство, объявив себя его защитником. А за это благодарный папа щедро расплатился — опираясь на его авторитет, Пипин сверг и отправил в монастырь последнего короля из династии Меровингов Хильдерика III и в 753 г. был коронован сам. Переориентация Рима на франков стала очень важным пунктом в истории. По сути, именно она ознаменовала раскол единого христианского мира — на Запад и Восток. В дальнейшем шло только углубление и юридическое закрепление такого раздела.

Ну а Пипин, основатель династии Каролингов, проявил себя мудрым и дальновидным политиком. На северные области его королевства продолжались опустошительные набеги саксов. Однако за землями саксов лежали славянские княжества. Отношения между ними были далеко не идеальными. Как правило, с соседями враждовали, а дружили «через одного», с врагами своих врагов. В частности, княжество ободритов граничило на западе с саксами, а на юге с лютичами. И традиционно воевало с теми и другими. Соответственно лютичи стали союзниками саксов. Но Пипин наладил прочные отношения с ободритами и заключил с ними союз. При этом друзьями франков

стали и друзья ободритов — ругии, словене. Такой союз помогал сдерживать саксов — теперь им гразили ответные удары с тыла. Когда герцог Баварии Одилон вздумал окончательно отложиться от короля, Пипин тоже пригласил на помощь войско ободритов и с их участием выиграл войну. Силы славян он использовал и при подавлении мятежа, поднятого одним из васалов Грифоном. И ободритов стали называть в франкских хрониках «наши славяне» [107].

Арабы в данное время завершили покорение Средней Азии. Их успехам способствовала неутихающая вражда между здешними тюркскими племенами. А китайская дипломатия еще и дополнительно натравливала их друг на друга. Эти племена измочалились в междоусобицах, и арабы одержали над ними верх. Разгромили и китайцев в сражении у Таласа. И стали хозяевами всего региона. Но много проблем завоевателям доставили восстания городов Согдианы, инициированные маздакитами и подобными им революционерами. На подавление был направлен полководец Наср ибн-Сейяр с войсками, на вербованными в Персии. Ему пришлось очень нелегко. Только успевал усмирить мятеж в одном месте, как уже разгоралось в другом. Города требовалось брать осадами и штурмами, нести большие потери.

Правда, задачу завоевателей облегчали сами революционеры. Взбунтовав тот или иной город, они начинали проводить свои «социальные реформы». Которые вызывали недовольство населения и раскол антиарабских сил. И в итоге Среднюю Азию удалось покорить. Точнее — раздавить. Усмирение было жесточайшим. «Веселая Согдиана» была уничтожена, от нее остались руины городов и деревень с грудями трупов, горами отрубленных голов, лесами кольев и виселиц. А толпы согдийских женщин и детей, обращенных в рабство, переполнили все невольничьи рынки, так что цены на живой товар упали небывало низко. Такой товар не окупал его содержания. И арабские командиры рассчитывались со своими воинами-персами этими же дармовыми женщинами и детьми. И участками земли в опустошенной стране. От такого смешения персов и согдианок возник народ таджиков — «таджиками» называли воинов халифата.

Но на Кавказе на арабские владения снова посыпались чувствительные удары. В 750-х гг. здесь произошло вторжение «севордиков», как их называют армянские хроники, а арабские — «саварджи». Под этим именем нетрудно узнать северян. Очевидно, решивших отомстить за угон и истребление своих соплеменников при нашествии Мервана. Их войско взяло и разрушило г. Шамхор, опустошило окрестности Гянджи.

Оправлялся от понесенного разгрома и Хазарский каганат. В 754 г. наместник Закавказья Ясид бен Усаид-ас-Сулам попытался было напомнить хазарам, что они обещали принять ислам и признали зависимость от халифа. К его обращениям северные соседи остались глухи. Тогда он решил повторить рейд Мервана. Но углубиться на север уже не смог, был остановлен сразу за Дарьяльским ущельем. Бои протекали с переменным успехом. Ясид понял, что покорить хазар у него не получится. А раз так, то важнее обеспечить безопасность собственных владений. И был заключен мир — на этот раз на равных. Договор был скреплен браком между Ясидом и дочерью кагана.

Однако и этот мир не стал прочным. Пользуясь тем, что устранилась арабская угроза, хазары восстановили свое господство на Северном Кавказе — подчинили Аланию, Лакию, Хамзин. Тем самым они снова перекрыли дороги в свою страну через Кавказский хребет. А себе открыли пути для набегов. И пошли вторжения. Хазары нападали на Грузию, захватывали и разоряли Тбилиси, громили Армению. Правда, эти рейды имели и обратную сторону. Больше-то доставалось не арабам, а грузинам, армянам, албанам. Подрывались силы этих народов, они уже не могли бороться с захватчиками. Даже наоборот, должны были сблизиться с арабами для защиты от нашествий. Эти вторжения привели и к изменению облика Агвании, прежде христианской и армяноязычной. Здешние жители погибали, угонялись в плен. Или переходили в ислам, чтобы получить более надежное покровительство халифата. А в опустошенные районы власти переселяли мусульман из Ирана. И стал складываться этнос азербайджанцев.

Хазария оставалась нужнейшей союзницей для Византии. Чтобы упрочить этот альянс, Лев III даже женил своего сына

и наследника Константина на хазарской царевне Чичак. Но основной внутренней политики Константинополя оставалось иконоборчество. Кстати, Лев издал и указ о поголовном крещении евреев. Вероятно, в его планы входило слияние «измененного» христианства с иудаизмом. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Кто-то из евреев крестился для видимости, другие указ проигнорировали — последующие события показывают, что иудейские общины в Византии сохранились.

Впрочем, и иконоборчество при Льве велось все же в ограниченных масштабах. Было казнено 30 священнослужителей, пытавшихся отстаивать иконопочитание, ряд иерархов сместили с постов и отправили в ссылки. Были уничтожены иконы в нескольких столичных храмах. Но в провинциях иконоборческие эдикты, как правило, не выполнялись. И Лев, видимо, не решался подавлять Православие силой. Куда круче взялся за дело его сын Константин V Копроним. «Копро» — по-гречески «дерьмо». Предание гласит, что при крещении, когда его погружали в купель, царевич обделался и тем самым как бы дал себе имя. И «оправдал» его.

Правда, в первые 10 лет правления он решительных действий против Православия не предпринимал. Потому что вел войну с арабами и опасался подрывать свой тыл. Но повел систематическую «чистку» руководства Церкви, заменяя «иконопочитателей» своими ставленниками. Одержав ряд побед, заключил с халифатом выгодный мир. И в 754 г. созвал собор, провозглашенный «вселенским», который осудил и предал проклятию почитание икон. И понеслось. Патриарх Константин был низложен и сослан на о.Принкипо. Покатились варварские акции уничтожения икон, фресок, мозаик — их заменяли в церквях картинами светского содержания. Было запрещено и почитание святых мощей. Их сжигали, выбрасывали в море. Опорой Константина в этих безобразиях стали разложившаяся столичная чернь и армия, насквозь зараженная ересями.

Да и Константин был популярен среди солдат как удачливый полководец. Замирившись с арабами, он перебросил войско против болгар. Несмотря на то, что они помогали Византии в войнах с халифатом. Но за эту помощь приходилось платить

дань, да и вообще соседство сильной Болгарии мозолило ромеям глаза. И Копроним задумал сокрушить ее. Однако здесь он завяз надолго, то и дело византийцы терпели поражения. Вдобавок восстали и славяне внутри империи. Константин их сумел подавить и депортировал 200 тыс. человек в Вифинию. Что лишь усилило недовольство, византийские славяне стали переходить в подданство Болгарии и выставили 20-тысячную армию, сражавшуюся на ее стороне.

Невзирая на эти трудности, Копроним усиливал гонения на Православие. Если негодных епископов и священников можно было сменить, запугать, купить, то оставалась мощная оппозиция в лице монашества. И император нанес по нему сокрушительный удар, сравнимый с гонениями эпохи языческого Рима. В 761 — 765 гг. были разгромлены все монастыри в окрестностях Константинополя. Монахов убивали, истязали. Один из источников упоминает 340 монахов в столичной темнице Фиалы — без глаз, носов, ушей, с отрубленными руками, ногами. Принял мученическую кончину св. Стефан — его подвергли побоям и издевательствам, потом, привязав к лошади, таскали по улицам, пока не умер. Вытащили из ссылки и патриарха Константина. Во время циркового представления возили по ипподрому в шутовской одежде, посадив на осла задом наперед. А чернь плевалась в него, закидывала грязью. После чего патриарха, его родственников и 19 вельмож обезглавили.

Кульминацией бесчинств в столице стало зрелище на ипподроме в августе 765 г. Монахов соединили попарно с монахинями и вели в позорном шествии. Зрители оплевывали их, били, швыряли камнями. Император кричал, что монахи не дают ему покоя, а народ вопил в ответ: «Больше уже нет этого отродья». В 766 г. император разослал своих эмиссаров с карательными экспедициями по провинциям. И, например, во Фракисийской феме патрикий Михаил Лахондракон согнал всех монахов и монахинь в Эфес, объявив им: «Кто не хочет быть послушниками царской воли, пусть снимет темное одеяние и тотчас возьмет себе жену, в противном случае будет ослеплен и сослан на остров Кипр». Кто-то покорился, многие нет, были изувечены и погибли.

Монастыри уничтожались. Церковное и монастырское достояние конфисковывалось. Храмы превращали в казармы, склады, конюшни. Суровые кары обрушивались и на тех, кто прятал у себя те или иные святыни. Даже из книг вырывались и выскабливались упоминания об иконах, мощах. Но конфискация церковных ценностей помогла Копрониму вести войну с Болгарией. Она потерпела ряд поражений. Была измотана многолетними боями и тяготами. И в 768 г. запросила мира. Условия продиктовал Константин.

Но окончательно сломить болгар ему все же не удалось. И в 773 г. разразилась новая война, в которой опять победили греки. Причем хроники отмечали, что этот поход Копроним осуществлял со своим флотом и эскадрой «русских кораблей». Как видим, русичи уже хорошо освоили мореходство. И оставались союзниками византийско-хазарской коалиции.

Однако во второй половине VIII в. стал меняться и облик Хазарского каганата. Он был многонациональным государством, славился своей веротерпимостью, здесь мирно уживались поклонники Неба-Тенгри, православные, монофизиты. И евреи тоже. Как уже отмечалось, они появились в Крыму и на Тамани после разгрома римлянами Иудеи. Потом добавлялись беженцы из Персии в период маздакитской революции. А потом и спасающиеся от арабов. Так, в 690 г. в Иране произошло восстание против халифата. Оно было жестоко подавлено. Иосиф бен Иегошуа Га-Коген сообщает: «И было в лето 4450 (690), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими, и пали они под их ноги, и спасались бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев».

Добавлялись беженцы из Закавказья, из Средней Азии. Постепенно крупные еврейские колонии образовались в Дагестане и к северу от Терека — арабы несколько раз прорывались в эти края начиная с 654 г., и районы, опустошенные их вторжениями, «освободились» для переселенцев. Они сживались с местными народами. Вместе с ними отстаивали свои земли от новых напа-

дений арабов. Со временем утратили многие иудейские обычаи. Священной книгой почитали лишь Тору (Ветхий Завет), а предписаниям Талмуда не следовали — то есть, как и крымские евреи, стали караимами. Как сообщает «Кембриджский аноним»: «И они породнились с жителями той страны и научились делам их. И они всегда выходили вместе с ними на войну и стали одним с ними народом. Только завета обрезания они держались, и некоторые из них соблюдали субботу».

Но по налаженной дороге, к единоплеменникам, было легче переселяться следующим эмигрантам-иудеям. Через их колонии стали налаживать связи с Хазарией и крупные еврейские купцы Западной Европы и Византии. Особенно актуальным это стало после разгрома Согдианы. Ведь раньше караванную торговлю через Среднюю Азию и транзит шелка из Китая держали в своих руках согдийские купцы. Теперь они погибли или разорились, их города лежали в руинах. И еврейские предприниматели постарались перехватить столь выгодное дело. Они положили новый Шелковый путь севернее Каспия через г. Итиль. Но тут проходил не только Шелковый путь. Через Оку и Волгу с древних времен вел Янтарный путь — с Балтики в страны Востока! А если следовать на север, можно было попасть в Биармию — Великую Пермь, страну мехов. И Итиль находился на перекрестке этих трех дорог!

Стала складываться огромная мировая торговая сеть, ведущая роль в которой принадлежала еврейским купцам-рахдоницам (слово иранское, оно означает «знающие путь»). Эти купцы становились разведчиками, проникающими в дальние страны. Они были и дипломатами, договариваясь с местными правителями. И организаторами, основывая в чужих краях фактории, представительства, а на дорогах — караван-сарай и перевалочные базы. И китайские товары потекли на Запад вплоть до Прованса и Испании. Плодами международной торговли пользовались и жители Восточной Европы. При раскопках в г. Булгаре на Каме находят китайские зеркала. А из русских сказаний и «Слова о полку Игореве» мы знаем о «мечах харалужных» — это название пошло от высокосортного булата, изготовлявшегося народом карлуков, которые жили у Балхаша и на Иртыше и славились своей металлургией.

В общем, для иудейских торговцев стало вполне естественным перебираться в Хазарию уже не только в качестве эмигрантов, но и в деловых интересах. Люди грамотные, с высокой древней культурой, они пригодились здешним властителям. Потому что Хазарский каганат был военной державой, его верхушку составляла тюркская знать со своими дружинами. А «гражданские» функции в своем государстве тюрки часто передоверяли иноплеменникам. В Тюркском каганате подобную роль играли согды. В Хазарском их место заняли евреи, они стали у каганов чиновниками, советниками, дипломатами, финансистами. Но была разница. Согдийских купцов интересовал собственный кошелек и процветание Согдианы. У евреев же своей страны не было. И они принялись делать «своей» Хазарию, укрепляя в ней позиции иудаизма.

Легенды называют первым обращенным князя Булана, одержавшего какие-то победы над арабами. Датировка этого события расходитя в диапазоне от 720-х до 760-х гг. Неясно и происхождение Булана. Одни авторы считают его предводителем караимов. Другие — тюркским князем, родившимся от матери-еврейки. Разнятся и версии его обращения. Одну изложил хазарский царь Иосиф. Якобы Булан изгнал из страны «гадателей и идолопоклонников» и обратился к истинному Богу, после чего ему было видение ангела, через которого он получил благословение своих дел. Он поведал о видении «князьям своим и рабам и всему народу, те одобрили это и приняли новую веру». После чего Булан в молитвах принялся сетовать на свою бедность, из-за чего он не может построить достойный храм. И Бог «благословил его на разбой соседних народов и пообещал вложить в сердца их страх и ужас перед хазарами и отдать их под руку хазарского царя». А христианского и мусульманского мудрецов, пытавшихся склонить Булана к своей вере, иудейский раввин победил в ходе диспута [95].

Другая версия передана арабским писателем Аль-Бекри со ссылкой на Масуди и мемуары еврейского купца Ибн-Якуба. Она гласит, что Булан сперва принял христианство, но эта вера ему не понравилась, и он созвал проповедников разных религий, чтобы узнать, «кто обладает истиной». Один из его со-

ветников-иудеев, «ловкий в спорах», сумел выиграть диспут у христианского епископа, а к мусульманскому ученому подослал своего шпиона и отравил [103]. В любом случае легенды не точны и совместили начало процесса с его завершением. Булан был не каганом, а лишь князем (он носил титул «бек» или «шад»), и сделать иудаизм государственной религией он никак не мог. А если бы изгнал «гадателей и идолопоклонников», то кто остался бы в войске?

Реальное внедрение иудаизма в Хазарии шло постепенно. Шаг за шагом в руках иудейской купеческой общины сосредотачивались рычаги государства — сбор налогов, финансы, торговля, дипломатия. В хазарских городах строились синагоги, при них вводилась иудейская система образования. Вероятно, купцы ссужали тюркскую верхушку деньгами после нашествия Мервана — для восстановления армии и хозяйства. Финансировали строительство новой столицы на Волге, получая за это новые льготы и привилегии. И видоизменялось само государство. Из военизированной структуры, жившей за счет натурального хозяйства, степных пастбищ и трофейной добычи, Хазария превращалась в крупную торговую державу. Богатела за счет торговых пошлин, перепало и правителям. Но при этом росла роль иудейской верхушки. Она получила возможность выдвигать своих ставленников на ключевые посты, обретала все большее влияние на каганов.

В настоящее время на Западе широко пропагандируется теория, будто современные евреи — вовсе и не евреи, а потомки обратившихся в иудаизм хазар. И отметим, что распространяют эту теорию сами евреи и масонские авторы. Смысл подтасовки понятен. «Породниться» не с семитскими, а с арийскими и тюркскими корнями. И отмежеваться от тех евреев, которые распяли Христа и сами произнесли проклятие на свой род: «Кровь Его на нас и на детях наших». Вот и утверждается — тех евреев больше нет, их перебили римляне. А нынешние происходят от героев-хазар, отстоявших Европу от арабов. К истине такие теории не имеют ни малейшего отношения. Потому что главная особенность еврейского этноса — он никогда и ни в одной стране не смешивается с коренными жителями.

Только благодаря этому евреи более 2,5 тыс. лет (с «вавилонского пленения») могут существовать в диаспоре, не растворявшись в других народах. Но из-за этой же особенности они всегда остаются чужеродным телом в системах любого народа и государства.

Внедрение иудаизма в Хазарии шло отнюдь не миссионерским путем, а генетическим. Язычники тюрки и хазары были многоженцами. И в гаремы их знати направляли красивых евреек. Дети от них наследовали высокое положение отцов. Но по иудейским законам, они, рожденные от евреек, считались полноценными евреями. Именно они (а не хазары и тюрки) получали иудейское образование. Купеческая община поддерживала их продвижение в государственной иерархии. И они получали преимущества перед лицами нееврейского происхождения.

Правда, известен и обычай обращения в иудаизм домашних рабов, на что было прямое указание Аврааму, содержащееся в Ветхом Завете (Быт., 13). Но на деле это было забыто еще в древности и почти не практиковалось, поскольку невольников-иудеев полагалось через 7 лет освобождать, да еще и выделить им все необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. В раннем Средневековье в Западной Европе были случаи обращения рабов в иудаизм, на что французские и германские монахи жаловались папе римскому. Однако здесь преследовались чисто издевательские цели — надругаться над религией невольников-христиан и сделать их вероотступниками. Никто таких «неофитов» евреями не считал, и они как были, так и оставались всего лишь рабами.

Наконец, в исключительных случаях практиковалось «обращение» важной персоны, нужной купеческой общине. Ее обхаживали, обрабатывали, разъясняли свою религию. Когда человек согласится обрезать и назвать себя иудеем, к нему демонстративно относились, как к «своему». Хотя это было фикцией, каждый еврей понимал, что подобный неофит на самом-то деле — «гой». Но «обращение», естественно, дополнялось женитьбой на еврейке. И с детьми все уже было в порядке. По иудейским законам, национальность отца не имеет значения.

СОЮЗНИКИ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Наибольшее количество сведений о прибалтийских славянах сохранилось в хрониках франков. Королевство которых, как уже отмечалось, лидировало в Западной Европе. Правда, в 768 г. после смерти Пипина Короткого оно чуть снова не развалилась. Потому что он разделил владения между двумя сыновьями. При этом младший, Карломан, должен был подчиниться старшему, Карлу. Но дело осложнялось тем, что Карл родился у Пипина и его любовницы Бертрады до их вступления в брак, а Карломан — после. Он объявил брата незаконнорожденным, а себя — наследником всего королевства. И принялся сколачивать против Карла союз с извечными врагами франков лангобардами, с сепаратистски настроенным герцогом Баварии. Спасла положение мать обоих соперников Бертрада. Чтобы дети не передрались, она придумала ловкий дипломатический ход. Хотя Карл был уже женат, лично отправилась в Лангобардию к королю Дизиерию и сосватала его дочь Дезире для старшего сына.

Дизиерий обрадовался — такой союз развязывал ему руки для действий в Италии. А римский папа был в ужасе, пытался возражать против развода. Но без поддержки франков он не много значил, и обошлись без его благословения. Энергичная мать настояла, чтобы Карл отправил первую жену Химильтруду в монастырь и женился на Дезире — судя по хроникам франков, девице малопривлекательной. Впрочем, король был очень темпераментным мужчиной и находил утешение чуть ли не со всеми служанками и придворными дамами. Зато Карломан, лишившись главного союзника, утомился, и на междоусобицу не решился. А через год он умер, и Карл сразу сменил политику. Нелюбимую Дезире отправил к отцу. А по тогдашним традициям это было серьезно. Такое оскорбление автоматически означало войну. Но Карл как раз и хотел войны.

В исторической литературе этого монарха часто изображают родоначальником политики «Дранг нах Остен» и борьбы против славянства, однако это глубоко неверно. Все его устрем-

ления нацеливались на юг — его заветной мечтой было воссоздание Римской империи. Но не тут-то было. Северная граница его державы была слишком беспокойной. А источником беспокойства являлись саксы. В то время они населяли север Германии — территории нынешних земель Северная Вестфалия, Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн. Саксы не были едиными, у них существовали четыре племенных союза или княжества. Самые западные — вестфалы, рядом — ангарии или энгерны, дальше — остфалы. А на север от устья Эльбы, у перешейка Ютландского полуострова жили нордальбинги.

Объединяющим началом для саксов был кровавый культ Ирминсула. Человеческие жертвоприношения ему и другим божествам были вообще очень распространены. Причем резали не только рабов, а и своих соплеменников. По жребию или выбору жрецов определяли юношей и девушек. Хотя самих саксов такой обычай отнюдь не ужасал. Напротив, это считалось высочайшей честью. Ведь избранники попадали не в мрачное царство смерти Нифльхейм, а в светлую Валгаллу, предназначенную для героев. А для девушек, по германским верованиям, это был чуть ли не единственный способ очутиться там. Обреченных окружали почетом, тщательно готовили к встрече с богами. А само жертвоприношение было общим праздником, с песнями и ликованием. Избранника или избранницу провожали к святилищу родственники, давали наставления и напутствия. Жертва с энтузиазмом ложилась на алтарь и подставляла грудь под священный нож.

Но если саксы были безжалостны к своим, то к чужим и подавно. Они были очень воинственны. И в 772 г., когда Карл готовился к походу в Италию, произвели очередное вторжение в его страну. Пограбили селения, жителей перебили или угнали. Причем многие из них тоже закончили жизнь на алтарях богов. В результате Карл разгневался и повернул войско не на юг, а на север. Так начались Саксонские войны, которым суждено было продлиться 26 лет. Первая из них была обычной карательной экспедицией. Карл нанес удар по вестфалам, взял штурмом и разрушил их город Эресбург, уничтожил главное святилище Ирминсула.

Счел, что достаточно наказал нечестивцев, и двинулся на лангобардов. Воспользовавшись передышкой, которую ему подарили саксы, Дизидерий усиленно готовился, заключил союз с герцогом Баварии, вел переговоры с аварами. Но ничто его не спасло. Король франков обрушился на него всеми силами, разгромил, после долгой осады взял столицу Дизидерия Павию, заточил бывшего тестя в монастырь. А железную корону лангобардов возложил на себя. Перепуганный баварский герцог Тассилон тут же пошел на мировую и возобновил вассальную присягу.

Вот только наслаждаться плодами побед Карлу пришлось недолго. На северные районы опять напали саксы. Теперь он действовал более решительно. Его армия, разоряя селения и беря заложников, углубилась дальше, чем прежние франкские экспедиции. Переправилась через Везер, дошла до страны остфалов. Энгеры попытались ударить в тыл, напали на отряд, оставленный у Везера. Поэтому на обратном пути Карл погромил и это саксонское племя. И оставил свои гарнизоны в саксонских крепостях Эресбурге и Сигибурге.

Но и это не помогло. Едва армия удалилась, саксы взяли за оружие. Сигибург кое-как отбил, Эресбург был взят и вырезан. Тогда король вернулся. Усмирил буйных соседей. И решил, как на других опасных направлениях, создать здесь пограничную марку (укрепленный район). В 776 г. были усилены крепости Эресбург, Сигибург, Карлсбург. Сюда направлялись дополнительные воинские силы и священники, чтобы крестить местных жителей.

Казалось, все успокоилось. И следующий свой поход Карл направил на Пиренейский полуостров против мавров (тот самый поход, в котором погиб известный из средневекового эпоса маркграф Бретани Роланд). Однако в 778 г., как только франки увязли в боях с маврами, саксонский князь Виндукинд поднял вестфалов на войну. Перешел Рейн, опустошив прилегающие провинции. До этого момента Карл рассматривал саксонские дела только как досадную помеху, стремился лишь обезопасить северные рубежи. Теперь же пришел к выводу, что полумерами проблему не решить. И поставил задачу полного покорения

ния саксов, для чего обратился и к старым франкским союзникам — ободритам.

В 780 г. был нанесен совместный удар — король с запада, славяне с востока. Виндукинд бежал и получил убежище у короля Дании. Франкское войско прошло Саксонию до Эльбы, где встретилось с дружинами ободритов. И Карл здесь, как пишет его биограф Эйнгард, «урегулировал дела как саксов, так и славян». Славянское урегулирование заключалось в том, что король пригрозил лютичам, совершавшим набеги на ободритов. А дела саксов он попытался урегулировать кардинально. Его сопровождала целая армия священнослужителей, принявших крестить этот народ. Карл ввел в Саксонии свою администрацию, назначал графов, в том числе и из местной знати, если она соглашалась принять крещение.

Но через год мир на севере опять нарушился. На земли Саксонии и Тюрингии вторглись славяне-лужичане. Причем их нападение было четко скоординировано с Виндукиндром. Как только король бросил войско для отражения набега, саксонский князь тут же пожаловал из Дании и поднял восстание. Корпус, двигавшийся на лужичан, дошел только до Везера — у г. Зунталь саксы внезапно окружили его и уничтожили. И пошла резня по всей новой провинции. Убивали не только франков, уничтожали и собственных соотечественников, принявших крещение, жгли церкви. Тут уж Карл опять вынужден был явиться сюда лично. С большой армией и в величайшем гневе. Восстание он с помощью ободритов подавил. Виндукинд снова спрятался за границей. А король учинил крутую расправу, казнил 4500 заложников и издал «Саксонские капитулярии» — особые законы, по которым любое прегрешение против его администрации каралось смертью.

Он три года оставался в Саксонии, искореняя остатки мятежа. Виндукинд, видать, осознал, что его дело проиграно, согласился на переговоры. Выразил покорность и принял крещение, получив за это амнистию. С лужичанами то ли удалось договориться миром, то ли привести их к порядку силами ободритов — на них король походов не предпринимал, и в дальнейшем они стали выступать на стороне франков. Через ободритов держава Карла установила связи и с рюянами, с ладожски-

ми словенами. Король назначил в своих городах специальных чиновников для ведения дел со славянскими купцами, у них существовали в Германии собственные подворья.

Впрочем, спокойствие опять было недолгим. Едва удалось справиться с Виндукиндом, обозначились новые враги. Стал мутить воду и сколачивать блок против Карла баварский герцог Тассилон. Заключил союз с Аварским каганатом, с лангобардами, вел тайные переговоры с саксами. Король узнал об этом и в 787 г. предпринял поход на Баварию. До битвы дело не дошло. Вассалы герцога перепугались, переметнулись к Карлу. Тассилон встретил с богатыми дарами, принес клятву верности. И счел, что обманул этим сюзерена, продолжая собирать анти-франкский союз. Общий удар был намечен на следующий год.

Но и король был не так прост. Он через свою агентуру был в курсе происков Тассилона. Сделал вид, будто поверил ему, а потом вдруг вызвал в Ингельгейм на генеральный сейм. Где и предъявил доказательства измены. Герцог был приговорен к смерти, которую ему заменили пострижением в монахи. Анти-франкская коалиция распалась. Вместо удара с нескольких сторон напали одни лишь авары, не получившие своевременного известия об аресте союзника. Их отразили, и Карл стал готовиться к войне с каганатом. А Бавария полностью утратила свой суверенитет, и вместе с ней в королевство Карла Великого вошли Каринтия с Крайной, населенные славянами.

Распространение влияния на Италию и Балканы приводили Карла ко все более тесному соприкосновению с Византией. А там произошли важные изменения. Император Лев IV Хазар продолжал иконоборческую политику отца Константина Копрониа, но процарствовал недолго. После его смерти престол достался малолетнему Константину VI при регентстве матери, св. Ирины. А она была убежденной православной, противницей иконоборчества. Провела на пост патриарха св. Тарасия. И был подготовлен VII Вселенский Собор. Причем его даже не смогли провести в Константинополе — иконоборчеством была заражена армия, столичная чернь, еще недавно оплевывавшая монахов. Собор состоялся в 787 г. в Никее, осудил ересь и утвердил догмат иконопочитения. Любопытно, что сопутствовал Собору эдикт Константина об изгнании из страны всех евреев. Их об-

винили в шпионаже и сотрудничестве с арабами. Но дело, очевидно, было не только в этом. А в том, что они составляли опору иконоборцев. Словом, в Византии восстановилось ортодоксальное христианство.

Но... наложилась политика Карла Великого. Который, напомним, вынашивал мечты о воссоздании Римской империи. А по тогдашним представлениям, император мог быть только один. Поэтому для Карла было важно, чтобы константинопольский император оставался «еретическим», как бы не настоящим. Римский папа целиком зависел от короля франков. И, придравшись к разным мелким формальностям, VII Вселенского Собора не признал. Отсюда и Византия оставалась для Запада словно бы «еретической», ее продолжали поносить за иконоборчество. Хотя Ирина предпринимала все усилия для воссоединения Церкви, в Рим и к Карлу направлялись посольства, велись переговоры, диспуты. В ходе которых возникло еще одно разногласие: переводы Символа Веры на латынь, сделанные западными и восточными богословами, несколько различались. Франкские специалисты были куда менее грамотными, чем греческие, и в их перевод вкралось слово «filioque». Получилось, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына. Сам папа и многие римские иерархи склонялись к греческому переводу. Но Карл настоял, чтобы был принят «свой» вариант. Что углубило раскол Церкви. Впрочем, Карл как раз и хотел, чтобы Церковь у него была «своя».

В пику Византии он наводил контакты с ее противницей Болгарией. Что требовалось королю и для войны с аvaraми. Поход против них намечался на 789 г. Но королю пришлось выступить не в Паннонию, а опять на север. На этот раз — по просьбе ободритов, на которых напали лютичи. А дружбе с ободритами Карл придавал очень важное значение и не замедлил прийти на помощь. Как пишет Эйнгард, «причина войны заключалась в том, что вильцы беспрестанно тревожили набегами ободритов, давних союзников франков, и не могли быть удержаны одними приказами». Кроме франков и ободритов к походу были привлечены отряды саксов, фризов и лужичан — имевших с лютичами свои счеты. Были наведены два моста через Эльбу, и объединенное войско нанесло мощный удар. Лютичи дрались

упорно, но устоять не смогли. Карл гнал их до р. Пены, осадил столицу княжества. И великий князь лютичей Драговит выразил готовность покориться, дал заложников. Король счел, что этого достаточно. Вернул Драговиту титул великого князя, но раз он теперь принял корону от Карла, то признавал свой формальный вассалитет.

В 791 г. франки выступили на Аварский каганат. Эта держава в значительной мере успела разложиться. Награбленные колоссальные богатства не пошли ей впрок. Как потом признавались сами авары, их сгубили любовь к роскоши и вино. Именно в это время в Паннонии были разведены обширные виноградники. Авары пристрастились к пьянству, итальянские и еврейские работорговцы поставляли им в любых количествах танцовщиц, наложниц, мальчиков для удовольствий. А воинская сила сходила на нет. Когда войско франков дошло до Венского леса, где располагались пограничные укрепления каганата, авары их бросили и стали отступать. Но и латники Карла оказались плохо приспособленными для степной войны в венгерской пуште, не могли настичь врага. У них начался падеж лошадей, и пришлось повернуть восвояси.

Карл принялся готовить новый поход, но авары оставались хитрыми и опытными дипломатами. Не скупясь на золото, повели интенсивные пересылки посольствами, вовлекая в альянс всех, кто имел причины для недовольства франками — саксов, фризов, лютичей. И в 792 — 793 гг. в Саксонии вспыхнуло новое восстание, еще и похлеще прежних. Присоединились фризы и лютичи, с аварами поддерживалась регулярная связь. Были перебиты франкские гарнизоны, священники. Возводились алтари прежних богов. Да, с точки зрения нынешней психологии это может показаться удивительным, но массы саксов, уже полностью окрещенных, готовы были сражаться и погибать за возврат старой веры — в том числе и за возможность приносить в жертву собственных сыновей и дочерей.

Карл в момент восстания как раз вел войска в Паннонию. Но, узнав о случившемся, повернул в Саксонию. А против аваров стал формировать вторую армию, которую возглавили его лучшие полководцы — зять короля Герольд и граф Эрик Фри-

ульский. Пошла борьба на два фронта. Драка с саксами шла теперь с крайним ожесточением. В 795 г. Карл дошел до Нижней Эльбы. Узнав, что саксы убили его союзника и личного друга, князя ободритов, он страшно разгневался, приказал казнить и продать в рабство 7 тыс. пленных. Селения разорались. Треть населения, уцелевшего в резне, была депортирована за Рейн, в глубь франкских земель.

А в Паннонии несколько операций завершилось безрезультатно. Но в 795 г. франки догадались привлечь к войне хорутан (словенцев) и хорватов. Армия сразу удвоилась за счет славян. Они побывали в подданстве каганата, ненавидели его. И знали аваров и их страну гораздо лучше, чем франки. Новый поход возглавили Эрик Фриульский и хорутанский князь Войномир. Врага разгромили, взяли один из городов-рингов. Добить каганат Карл поручил своему сыну Пипину. Снова пригласил славян. А вдобавок заключил союз с царем Болгарии Крумом. И на Паннонию обрушились удары с двух сторон.

Тогда авары убили своего кагана, главных вельмож и послали к Пипину делегацию, соглашаясь капитулировать и выдать ему всю знать. Но он переговоры вести не стал, прошел по их стране, разоряя все на своем пути, и захватил главный ринг. Трофеи достались огромные, только золотом и драгоценностями нагроулили 15 подвод. Эйнгард сообщал: «Нельзя указать другой войны, во время которой они (франки) смогли бы столько приобрести и так обогатиться. Ведь до сих пор франки считались почти бедными, а теперь они захватили в аварской столице столько золота и серебра и в битвах овладели такой драгоценной добычей, что поистине можно считать, франки законно исторгли у гуннов то, что прежде гунны незаконно исторгали у других народов». Немало богатств было взято и в остальных рингах. И, кстати, именно эти сокровища во многом обеспечили финансовую основу формирующейся Западной цивилизации.

Правда, с побежденными Карл обошелся милостиво. Согласился признать их лишь своими вассалами, и летописцы сообщали: «Дикая нация вошла под скипетр Карла». В 798 г. он направил миссионеров и в Каринтию, чтобы обратить в хри-

стианство своих подданных славян. Несколько епископов и целый легион священников были направлены в Паннонию для обращения аваров. Но только оказалось, что... крестить там почти некого. Потому что окрестные славяне давно точили зубы на аваров. И как только рухнуло их государство, рассчитались сполна. Современник писал: «В Паннонии не осталось в живых ни одного ее обитателя, а место, в котором находилась резиденция кагана, не сохранило и следов человеческой деятельности. Вся знать гуннов была в этой войне перебита, вся их слава — предана забвению». Русский летописец отобразил ту же картину более лаконично: «Погибоша аки обре».

Сам Карл в это время еще продолжал операции на севере. Тут у него обозначился новый сильный противник, король Дании Готфрид. К франкам он относился враждебно, опасался роста их державы и завидовал ей. И задумал создать собственное обширное государство, в котором объединились бы Дания, Норвегия, Швеция, саксы и прибалтийские славяне. Выступить против Карла открыто Готфрид еще опасался, но вовсю вредил исподтишка. Для чего привлек скандинавских пиратов. Эйнгард писал: «Даны завели большой флот, приступили к опустошению Галлии и Германии». На самом деле «большой флот» принадлежал не «данам», а разбойникам разных прибалтийских национальностей. Но первоначально поддержал их и собрал под своим крылом именно Готфрид, нацелив на владения франков. И таким образом зародилось движение викингов — после первых удачных набегов и огромной добычи пираты вошли во вкус, и в их ряды потекли массы добровольцев.

Готфрид оказывал покровительство и саксам. Поэтому эпицентр войны сместился в северо-восточные саксонские области, примыкающие к датской границе — Вихомодию и Нордальбингию. Карл попытался договориться с Готфридом и направил к нему посольство, но на обратном пути оно было перехвачено нордальбингами и перебито. В ответ в 798 г. был нанесен двойной удар. Франки Карла проутюжили область между Везером и Эльбой, а ободриты во главе с новым князем Дражко вторглись в Нордальбингию. Войска славян и саксов встретились у г. Свентаны, где Дражко и королевский легат Эбурис наголо-

ву разгромили врага. На поле боя осталось 4 тыс. убитых саксонских витязей, остальные разбежались.

Карл высоко оценил эту победу, щедро наградил Дражко и утвердил его великим князем ободритов. И отдал в состав его княжества всю Нордальбингию — чтобы заодно славяне прикрыли датскую границу. В 799 г. был осуществлен новый совместный поход, в котором участвовали Карл, и его сыновья. По окончании этой кампании в Барденгау прошли переговоры с участием ободритов, саксов и лютичей. Были определены границы между ними, урегулированы спорные вопросы, и мир в этом регионе казался установленным. Как видим, считать Карла врагом славянства нет оснований. Кроме Каринтии и Крайны, вошедших в его государство вместе с Баварией, он ни одной славянской области не присоединил. Союзные ободриты и побежденные лютичи признавали себя его вассалами, но полностью сохраняли суверенитет. Карл не вводил у них своей администрации и не подвергал христианизации, обязательной для его подданных.

А в Паннонии началась полная каша. Туда хлынули мораване (словаки), чехи, хорваты. И уступать эти земли франкам отнюдь не собирались. Оказывали сопротивление и какие-то группы аваров. Шли непрерывные бои и стычки не пойми кого и с кем. В них погибли оба королевских полководца, действовавших здесь, Герольд и Эрик Фриульский. И Карл решил отступить от этой, в общем-то ненужной ему области.

На Рождество 800 г. он был торжественно коронован в Риме и стал императором обширного государства, простиравшегося от Эльбы до Пиренеев и Балкан. А поскольку умерла его пятая жена Лютгарда, задумал просить руку и сердце византийской императрицы Ирины — вот и восстановилась бы единая Римская империя. Однако положение Ирины было очень сложным. Константинополь во все времена был клубком интриг. А уж эта императрица получила особенно сильную оппозицию. Многие придворные и значительная часть церковной верхушки выдвинулись при иконоборцах, ненавидели ее за восстановления иконопочитания. То и дело возникали заговоры. Иконоборцы всю обрабатывали и сына Ирины Константина VII.

Тем более что и сам он был юношей совершенно неуравновешенным, возможно — не совсем нормальным. По доносу о якобы готовящемся мятеже учинил массовые казни в феме Армениак. Истязал и увечил монахов, осуждавших его развод с женой. И, поняв, во что выльется царствование сына, Ирина пошла на решительный шаг. Свергла и ослепила его. Но при этом получила дополнительную оппозицию в качестве «узурпаторши». Когда к ней прибыли послы Карла и начали тайные переговоры насчет брака, это стало последней каплей — теперь недовольных можно было организовывать еще и под тем предлогом, что замужество императрицы приведет к засилью «варваров»-франков. В 802 г. обширный заговор составил придворный евнух Аэций, надеясь самому захватить престол. Но использовал ситуацию не он — а логофет Никифор. Поднял армию якобы под лозунгом подавления заговора Аэция, произвел переворот и стал императором, а Ирину заточил в монастырь, где она вскоре скончалась.

И проект Карла Великого таким образом лопнул. Неудачей завершился и другой его план — вмешаться в передел «аварского наследства». В 805 г. к нему явился кто-то из уцелевших наследников кагана, принес роскошные дары и униженно просил выделить земли в Паннонии. Император согласился и послал войско под командованием сына Карла Юного на Чехию, захватившую львиную долю владений каганата. Но чехи заключили союз с лужичанами и дали отпор. В 806 г. Карл Юный повторил поход более крупными силами, на этот раз вместе с саксами и ободритами, а другой сын императора, Пипин, ударил на лужичан. В ходе войны чешский князь погиб, его страна подверглась опустошению. Но никаких иных результатов достичь не удалось. Земли для аварского вассала так и не отвоевали. А поражением чехов воспользовались мораване. И в Центральной Европе, подминая соседей, разрослось Моравское княжество.

А затем вдруг заявил о себе Готфрид Датский. В 808 г. он уже счел себя в силе бросить открытый вызов Карлу. Заключил союз с лютичами, глинянами и смольнянами и напал на княжество ободритов. Датское войско прошло Нордальбингию, сжигая славянские города и селения. С других направле-

ний вторглись славянские союзники Готфрида. Ободриты были разгромлены. Датчане осадили крупный город Рерик. Оборону возглавил Годолоуб (в немецкой транскрипции Годлав), князь племени рарогов, входивших в ободритскую федерацию. Город был взят штурмом и сожжен. А Годолоуб попал в плен, и датский король велел его повесить.

Когда Карл Великий узнал об этом, он срочно отправил на помощь ободритам войско под командованием Карла Юного. Оно разбило глинян и смольнян, разорило их земли, выбило датчан из Нордальбингии. Но союзников спасти не смогло. Их великий князь Дражко боролся в течение двух лет, потерпел несколько поражений, силы его княжества были подорваны, датчане с лютичами покорили ободритов и обложили данью. А Дражко бежал куда-то к соседям, где и был убит. Карл же вступил с Готфридом в переговоры. Хотя оба монарха вели их только для видимости — старались выиграть время и наращивали силы.

Датский король готовил новое вторжение вместе с лютичами и викингами, на этот раз в Саксонию. Но в 810 г. он был внезапно убит своим телохранителем — то ли сработала агентура Карла, то ли в результате личной мести. Ведь Готфрид был правителем крутым и многим успел насолить. И планы нарушились, наступление началось без участия датчан. 200 кораблей викингов погромили берега Франции, лютичи захватили крепость в Саксонии. Но император заключил мир с Данией, и в 811—812 г. франки предприняли два похода на лютичей, нанесли им решительное поражение и взяли заложников.

В результате этих войн Карл решил просто отгородиться от беспокойного севера. Разгромленную и обезлюженную Нордальбингию он больше ободритам не вернул, а заложил здесь Датскую марку. Кроме того, создавались Саксонский рубеж и Сорбский рубеж — укрепленные линии с городами Бардовиком, Магдебургом, Форгеймом, Регенсбургом, Лорхом, которые одновременно должны были стать местами торговли со славянами. В 814 г. великий правитель и воин Карл умер. Но события, описанные в данной главе, впоследствии оказались вдруг связанными с судьбами Руси...

К концу VIII в. государственные структуры Хазарии оказались уже насквозь коррумпированными, и на политику оказывали сильное влияние иудейские купцы. Но до тех пор, пока в Константинополе правили иконоборцы, между каганатом и Византией сохранялась закадычная дружба. Даже распространение христианства не встречало препятствий, была образована Хазарско-Хорезмийская митрополия, насчитывавшая 7 епископских кафедр и руководимая из Византии.

Однако когда к власти пришла св.Ирина и начала воссоставлять Православие, произошло охлаждение. В 786 — 787 гг. хазары помогли Абхазии освободиться из-под власти Константинополя. Отнюдь не улучшило взаимоотношений и изгнание иудеев из Византии в 787 г. Как писал Ибн-аль-Асир, «владелец Константинополя во время Гаруна-ар-Рашида изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждения, посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее». Эта информация не совсем точна. Евреев в каганате было уже много. И если там радушно приняли изгнанников из союзного государства, предоставили им проповедовать свою религию, это значит, что в окружении кагана уже действовала сильная иудейская партия.

А что касается «принятия» новой религии хазарами, то оно не касалось всего народа. Но где-то в это время произошло «обращение» кагана. Масуди писал о Хазарии: «Царь принял иудейство во время правления халифа Гарун-ар-Рашида» (768 — 814 гг.). Хотя мы не знаем, каким именно образом случилось это «обращение». Возможно, купцы-советники с помощью раввинов, перебравшихся из Византии, растолковали кагану, что греки ведут себя нечестно по отношению к союзникам (а доказать это было нетрудно, империя всегда понимала союзы сугубо односторонне), что распространение христианства ведет к зависимости от Константинополя, уговорили обрезать и убедили,

что с этого момента каган — иудей. Хотя могло быть и иначе — что на престол взошел царевич, рожденный от еврейки. То есть уже иудей. Во всяком случае, известен лишь результат. Как сообщил Иегуда бен Барзилай: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов» (иудаизма).

Противоречия между каганатом и империей возникли и в Северном Причерноморье. Каган стал сдавать налоги на откуп тем же иудейским купцам, они обдирали население, разоряли торговых конкурентов. И от каганата решили отложиться крымские готы, попросились под власть Византии. Хазары круто усмирили их, взяв г. Дорас и покарав непокорных. Готы взывали о помощи к грекам. Но в противоборство вмешалась и третья сила. Где-то в конце VIII в. русичи под руководством князя Бравлина совершили массированный набег на Крым. «Житие св. Стефана Сурожского» сообщает: «Приде рать велика русскаа из Новаграда князь Бравлин силен зело». Его упоминает и «Велесова книга»: «И был князь Бравлин, который поборол эллинов у берегов морских» (I 86). Эта рать опустошила побережье от Херсонеса до Керчи и после десятидневной осады взяла г. Сурож (Сугдею). Но согласно «Житию св. Стефана Сурожского», у гробницы святого князь раскаялся, вернул награбленное, отпустил пленных и принял крещение.

Какие именно русичи предприняли набег, не совсем ясно. Может быть, ладожане — в источниках последующих времен их часто обозначают «новгородцами». Может быть, северяне из Новгорода-Северского. Неясна и причина похода. То ли это был обычный пиратский рейд. То ли русичей подстрекнули к нападению хазары. Существует и версия, что Бравлин потом никуда из Крыма не ушел, а сделал захваченную Сугдею своей базой и осел здесь с частью воинов. Поселения русов-«сурожцев» в Крыму известны, и нельзя исключать, что они возникли в результате этого похода. Но в любом случае в выигрыше остались хазарские купцы. Ряд греческих городов был порушен, их хозяйство подорвано. А после восстановления они попали в зависимость от каганата, перехватившего первенство в черноморской торговле. Греческий Пантикапей превратился в хазарский Самкерц (Керчь), на месте небольшой Фанагории разрос-

ся город Таматарха. Это были крупные порты и торговые центры, ведущую роль в которых занимали евреи.

Вопреки прежней политике войн с арабами Хазария стала склоняться к замирению. Чему, надо сказать, имелись и объективные причины. Союзница-Византия, как всегда, вела себя эгоистично. Когда считала нужным, заключала с халифатом сепаратный мир, предоставляя хазарам сражаться одним. И каганат тоже попытался проводить собственную линию, наладить дружеские связи с подконтрольным арабам Закавказьем. Прошли переговоры с местной знатью, и дочь кагана была помолвлена с армянским князем Бармакидом. Но из этого ничего не вышло. Жених, выехав навстречу невесте, внезапно умер. И хазары, заподозрив отравление, в 799 — 800 гг. обрушились на Закавказье очередной войной.

Однако государственные структуры и традиции каганата входили во все большее противоречие с его новой сущностью торговой державы. Правящей верхушкой оставались тюркские беки, еврейское купечество могло существовать только «при» них, на втором плане. А хотелось, конечно, на первом. Те и другие являлись для коренных хазар чужаками. Но отношения были разными. Тюрки командовали войсками и ценили воинскую доблесть. Обеспечивали безопасность подданных. Жили скотоводством, «подрабатывали» добычей в набегах. Хотя от этой добычи перепало и рядовым воинам-хазарам. По сути, тюркская знать объединила исторические судьбы, свою и протонародья.

Еврейская купеческая верхушка была замкнутой и с народом свои интересы никак не соотносила. Византия являлась для нее врагом, греческие торговцы — конкурентами. А вражда с арабами перекрывала выходы на богатейшие рынки Востока. И в руководстве каганата шла борьба тюркской и еврейской партий, что и выразилось в попытке укрепления связей с Закавказьем. Но для тюрков смерть Бармакида стала поводом мстить. А с купеческой точки зрения война была совершенно бессмысленной. Если князя и отравили, так его все равно не вернешь. Зачем же отношения портить? Впрочем, набеги на многократно разоренное Закавказье и для хазар давали добычу все более сомнительную. Никакая внешняя опасность каганату не угрожа-

ла уже полвека, хазары привыкли к миру и благополучию. Поэтому причины ценить военную знать исчезли. Зато евреи для многих становились «благодетелями» — работодателями, скупщиками винограда, скота, рыбы. И люди перенимали их взгляды, политические оценки.

Каган из династии Ашина, несмотря на обращение в иудаизм, был все же выходцем из тюркской аристократии. Не чужд был ее традиций и психологии, в каких-то вопросах брал ее сторону. Но в 808 г. произошел переворот. Осуществил его один из высших сановников каганата Обадия. Исследователи приходят к выводу, что он был внуком Булана, выдвинулся до уровня второго лица в государстве, являлся верховным судьей и командующим войсками и носил титул «бек» (князь) [56, 57]. А иудейские хроники сообщают, что «он был человек праведный и справедливый, он поправил царство и укрепил собрания, и дома ученых, и собрал множество мудрецов израильских, дав им много золота и серебра, и они объяснили ему 24 книги, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятый у хаззанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди».

Обадия фактически отстранил от власти кагана, но сохранил его в качестве своей марионетки. И, опираясь на его авторитет, сверг тюркскую знать. Разгорелась гражданская война, которая велась с крайним ожесточением. Следы ее обнаружены, например, в виде остатков замка у станицы Цимлянской, принадлежавшего кому-то из тюркских беков. По заключению археологов: «В жилищах и вне их во дворе Правобережной крепости обнаружены скелеты, главным образом женщин и детей, перебитых врагами, ворвавшимися в крепость, разграбившими и сжегшими находившиеся внутри постройки. В некоторых жилищах наблюдались целые скопления скелетов, вырезанных беспощадными победителями» [94].

Очевидно, сторонники новой власти тоже несли серьезные потери. Во всяком случае, их правители в этот период погибали очень быстро. Точная хронология остается нам неизвестной, но зафиксирован порядок смены различных лиц на царстве. После Обадии власть получил его сын Езекия. Потом внук Манассия, а потом — брат Обадии Ханукка. То есть брат был еще жив и вполне дееспособен после смерти внука. Хотя кто знает, может

быть, цари погибали не на войне, а в результате интриг внутри самой иудейской группировки?

Но борьбу с тюркской знатью эта группировка все же выиграла. Остатки прежней аристократии и их дружин ушли к своим старым союзникам мадьярам. Константин Багрянородный писал: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них были перебиты, другие убежали и поселились с венграми в печенежской земле, заключили взаимную дружбу и получили название кабаров». К 812 — 813 г.г. территория каганата раскололась. Мадьяры и кабары, ставшие теперь ярыми врагами Хазарии, контролировали степи от Днестра до Дона, а иудейское правительство — от Дона до Урала и Северный Кавказ. Отпала от каганата и Крымская Готия, перекинувшись е грекам.

Сопредельные державы в эти события не вмешались. У них хватало своих проблем. Византию всюю теснила Болгария. Царь Крум, помогший Карлу Великому разгромить Аварский каганат, присоединил территории по Дунаю, подчинил земли к северу от него вплоть до Днестра, распространил влияние на сербов и хорват. И раз за разом бил греков. Был разгромлен и убит император Никифор I. На престол вступил Михаил Рангави. Но был вдребезги разбит, за это армия заставила его отречься, и выдвинула императором полководца Льва V Армянина.

Он попытался сладить с Крумом подло, исподтишка — пригласил на переговоры безоружного и устроил засаду, чтобы его убили. Замысел сорвался. Болгарский царь сумел ускакать на коне, а лучники из засады не попали в него. И разъяренный Крум опустошил окрестности Константинополя, занял Месемврию, Фракию, Македонию. От дальнейших бедствий спасла Византию только смерть Крума. Но с востока ее клевали арабы.

А вдобавок Лев Армянин стал инициатором нового внутреннего потрясения для империи — реанимировал иконоборчество. Опираясь на армию, которая все еще была заражена этой ересью, хранила память о победах царей Исаврийской династии, Лев в 815 г. издал эдикт о запрете почитания икон, низложил патриарха Никифора. Церковь, вооруженная против ереси решениями VII Вселенского Собора, отказалась повиноваться.

И на нее обрушились репрессии, затмившие безобразия Копро-
нима. Монахов и священников истязали, топили в море, заму-
рвывали в стенах. Громились храмы и монастыри. Все это могло
бы привести к совсем плачевным последствиям для империи.
Но болгарский царь Омортаг, преемник Крума, не был настроен
продолжать войну. И заключил с Византией 30-летний мир.

А ситуация на границах с арабами совсем запуталась.
В Малой Азии и Закавказье возникло два мощных очага вос-
станий. В Армении и горах Тавра развернулось движение сек-
тантов-павликиан. А по соседству, в Азербайджане, вспыхнуло
восстание хуррамитов под руководством Бабека — это были,
по сути, те же маздакиты, но строили свои теории на «револю-
ционных» толкованиях Корана. Причем хуррамиты стали со-
юзниками греков, а павликиане — мусульман. Они совершали
набеги на христианские селения, рушили церкви, беспощадно
истребляли всех «поклоняющихся кресту», кроме юношей и де-
вушек, угоняемых в плен. Их продавали арабам, и у павликиан
эта торговля стала главным промыслом.

В таких условиях переменялась вся система междунаро-
дных связей в Восточной Европе и Передней Азии. Византия со-
хранила прежнюю дружбу с хазарскими тюрками и мадьярами.
Но ни малейшей поддержки им не оказала, а только старалась
использовать их в своих интересах, против болгар. Они согла-
сились, стали совершать нападения. И болгарские цари, доходя
во время войны до Адрианополя и Македонии, депортировали
здешних жителей в Приднестровье. Расселили там для охраны
своих границ от набегов мадьяр.

Ну а новый Хазарский каганат налаживал контакты с ара-
бами. Враждовал с хуррамитами, мешающими торговать через
Закавказье. Поддерживал павликиан. И установил хорошие свя-
зи с Болгарией. Во-первых, через ее территорию, по Дунаю, шел
самый удобный путь в Западную Европу. А во-вторых, она вое-
вала с мадьярами. То есть была союзницей. После заключения
мира с Византией царь Омортаг занялся внутренним устрой-
ством государства, перенес столицу из Плиски в Преславу, по-
строив здесь великолепный город.

Может быть, иудейские купцы и дипломаты подсуетились
помочь ему деньгами для этого строительства. При этом влияя

и на его политику. Потому что Омортаг, отказавшись от дальнейшей экспансии на Балканы, перенес вдруг усилия на север-восток. Развернул наступление на мадьяр и славян. Войско его заходило довольно далеко. Надпись, датируемая 818 — 820 гг., сообщает, что болгарский воевода Окорс утонул в Днепре. Но успехов здесь Омортаг не добился никаких, получил отпор. Не исключено, что и Окорс утонул отнюдь не в результате случайности, а потерпев поражение и отступая. Зато в крупном выигрыше оказалась Хазария. Силы ее врагов были связаны на болгарском фронте, они несли потери. А каганат получил передышку и привлек в союз печенегов, давних врагов тюрков и мадьяр. Им хорошо приплатили, денег у купцов хватало. И в 822 г. на венгров обрушились удары с востока. Они были разбиты и к 826 г. оттеснены за Днепр.

Сам же каганат в это время совершенно преобразился. Сразу после переворота Обадии в нем была ликвидирована Хазарско-Хорезмийская митрополия, а позже вообще запрещена церковная организация христиан, на них последовали гонения. Господствующей религией стал иудаизм. Но отнюдь не религией народа, а только правящего еврейского меньшинства. Ибн-Рус-те сообщал: «Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как царь, так и военачальники и вельможи, которые состоят при нем: прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религией турок» (мадьяр). А более поздний автор Аль-Бекри писал: «Большинство хазар мусульмане и христиане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный класс у них евреи». В отличие от тюркской верхушки, никакого смешения не было. Иудеи жили обособленно. И арабские путешественники четко разделяли хазар на «черных» и «белых».

А в государственных структурах было установлено «двоевластие». Номинально трон занимал великий каган из династии Ашина — узурпаторы учли ее популярность в народе. Формальная «легитимность» обеспечила их победу в гражданской войне. Но теперь кагану придавались чисто символические функции. Он объявлялся чуть ли не земным воплощением Бога, ему воздавалось поклонение по сложным ритуалам. Выезжал он из своего дворцового комплекса лишь раз в год, причем весь на-

род в это время должен был лежать ниц, а видеть его простым смертным не дозволялось. Любого, кто во время выездов бросал даже случайный взгляд на «живое божество», немедленно казнили.

Но властью каган не обладал ни малейшей. Согласно арабским источникам, «он не издает ни приказов, ни каких-либо заповестей, и не принимает решений по государственным делам». А настоящий правитель сохранил за собой скромный титул «бек» и даже должен был входить к великому кагану только босиком. Но арабские и персидские авторы, чтобы отличить властителя от обычных беков, чаще именуют его «малик» — «царь». Или «каганбек». Власть его стала наследственной, Ханука и его потомки правили вплоть до 965 г.

Царь «руководил армией и управлял делами в государстве, именно ему соседние цари выражали свою покорность». При нем сформировалась свита из «четырёх тысяч мужей». Они-то и были подлинными вершителями судеб страны. А великий каган должен был «находиться в распоряжении царя», не мог «ни выезжать, ни появляться перед ближними и народом, ни покидать свое местопребывание». Мало того, его использовали в качестве своеобразного «козла отпущения»! В случае голода, поражений и других бедствий признавалось, что каган неугоден Богу, и царь выдавал его на растерзание народу. А как свидетельствует посетивший Хазарию Ибн-Фадлан, после сорока лет пребывания на троне кагана... убивали и заменяли новым.

Отсюда следуют два интересных вывода. Первый — в Хазарии ортодоксальные иудеи, которые «объясняли 24 книги, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятый у хаззанов», сомкнулись с каббалистами! Ведь как раз вавилонские каббалисты переняли «тайные знания» из гностических теорий и темных сакральных культов Востока. А в этих архаичных культурах действительно существовала концепция, что царь — магическая фигура, олицетворяющая все государство. Поэтому если царь «неудачный», если заболел или состарился, надо его менять, чтобы и государство не ослабло. Ну а второй вывод — в Хазарии была реализована давняя мечта вавилонских олигархов о сменяемом и регулируемом царе! И получается, что каганат стал... первым в истории прообразом либерального го-

сударства. Да-да, по всем признакам. С одной стороны — суть либерализма состоит именно во всесии олигархов при максимальном ослаблении главы государства. А с другой — основой либерализма являются масонские теории. Базирующиеся на гностических и каббалистических учениях.

Но, как и во всех последующих либеральных системах, выиграли от этого только немногие «избранные». За счет других. Поскольку главным фактором, определяющим внешнюю и внутреннюю политику, стала прибыль иудейской верхушки. Одной ее статьей был транзит шелка в Западную Европу. Но в странах Востока шелк не требовался, там его уже производили. А главными товарами, хлынувшими из Хазарии на персидские и арабские рынки, стали меха и рабы. Спрос на невольников здесь был огромным. Женщины шли в гаремы, мужчины требовались для строительных и ирригационных работ. Из рабов халифы и эмиры формировали и личную гвардию — после многочисленных переворотов и заговоров «своим» они уже не могли доверять.

И Хазария стала одним из главных поставщиков рабов в страны ислама, там даже выделялась особая категория живого товара — «аль-Хазари». В нее входили представители степных народов и горцы Кавказа, постоянно воевавшие между собой и сбывавшие пленных. И славяне тоже. Первые сообщения о массовых появлениях на восточных рынках рабов «сакалиба», т.е. славян, относятся к началу IX в., ко времени гражданской войны. Вероятно, какие-то из славян участвовали в ней на стороне тюркской знати.

Изменилось и положение рядовых хазар. Прежде в Хазарском каганате, как и в Тюркском, налоговое бремя было довольно тяжелым, но касалось оно только покоренных народов. Сами тюрки и хазары налогов не платили. Вместо этого они несли военную службу — по призыву кагана обязаны были взяться за оружие. И армия каганата представляла собой народное ополчение, формирующееся вокруг дружин тюркских беков. Которые сами расплачивались со своими воинами за счет добычи. Еврейская купеческая верхушка была отделена от народа. Ставила во главу угла только собственные материальные выгоды.

И опираться на вооруженный народ для нее было бы рискованно.

Поэтому ополчение заменили наемниками, набиравшимися из хорезмийцев. Был создан постоянный профессиональный корпус в 7 — 12 тыс. воинов, «ал-арсиев», который при необходимости дополнялся наймом степняков. А хазар обложили налогами. Причем очень высокими. Теперь нужно было платить наемникам и кочевникам. Содержать кагана и царя с их дворами и гаремами, вельмож, чиновников. Оплачивать строительство дворцов, караван-сараев, синагог. А что касается продукции садоводства, земледелия, скотоводства, рыболовства, то зачем платить дорого, если пребывание у власти позволяет брать дешево или даром? Для хазар новая система стала разорительной. А за неуплату податей их продавали в рабство вместе с семьями — с точки зрения правящих олигархов, это тоже оказывалось выгодно.

Как показали археологические данные, коренные хазары начали отселяться подальше от таких властителей, на окраины государства [13, 57, 59]. Очевидно, уходили и к русичам. И славяне, кстати, разделяли настоящих хазар от «новых хазар». В былинах среди киевских богатырей действует Михаил Козарин — фигура, которая, по мнению исследователей, «принадлежит к числу наиболее архаичных в русском эпосе» [94]. В былине сообщается, что родители по каким-то причинам глубоко возненавидели его и хотели погубить, поэтому он и ушел на Русь «от своего рода-племени». Стоит отметить, что никакие бедствия, связанные с хазарским игом, образ Михаила Козарина не омрачили — он остался одним из популярнейших народных героев. Но в былинах описывается и битва с могучим великаном Жидовином, приехавшим «из этой земли из Жидовския» в степи Цецарские под гору Сорочинскую. И вот с ним-то Илье Муромцу приходится сражаться не на жизнь, а на смерть после того, как великан побил других богатырей.

Да, столкновение иудейской Хазарии с Русью произошло. Хотя, скорее всего, не сразу. Потому что мадьяры, оттесненные к западу, лишились привычной системы жизненных связей и повели себя очень агрессивно. Начали существовать за счет соседей. Союзниками мадьяр стали поднестривские тиверцы и

уличи, которых прижимали болгары. А другие окрестные племена венгры совершенно достали. Согласно Ибн-Русте они «поработили славян, которых считали своими рабами и от которых получали продовольствие», а Гардизи сообщает, что «венгры — огнепоклонники, и ходят к гузам, славянам и русам, и берут от туда пленников, везут в Рум и продают», «мадьяры правили славянами, своими соседями, и накладывали на них такую тяжкую дань, как будто славяне находились в положении военнопленных». Из того, что пленников везли в Рум (Византию), а не в Хазарию, видно, что совершалось это уже после отделения от каганата. Хроника «Венгерские деяния» короля Белы сообщает о мадьярских победах над киевлянами и даже их подчинении.

Поэтому славяне, по крайней мере северяне, на первом этапе, вероятно, выступали союзниками каганата в борьбе с венграми. Но сама обновленная сущность Хазарии подталкивала ее к экспансии на земли других народов. Для выкачивания все той же прибыли. Иудейское правительство подмяло и обложило данью прежних подданных каганата, касогов и аланов. И начало присматриваться к славянским и финно-угорским племенам — они были неиссякаемым источником важнейших экспортных товаров, мехов и рабов.

Налаживались и подпортившиеся отношения Хазарии с Византией. В Константинополе снова правили иконоборцы, ни о каких гонениях на иудеев больше речи не было. А с точки зрения купцов вести конфронтацию с такой державой было невыгодно. Зачем закрывать себе дополнительные пути и рынки? Но и для Константинополя налаживание отношений оказывалось важным. Иконоборческие кампании ослабили державу. Отпала Венеция. На фронтах ромеи терпели поражения. Испанские арабы отобрали у них Крит. Африканские арабы высадились в Сицилии. Отсюда перенесли завоевания и на византийские владения в Южной Италии, основывая там пиратские базы. Аббасиды и павликиане теснили греков в Малой Азии.

И императоры искали союзников где угодно. Михаил II старался упрочить дружбу с Бабеком, вождем азербайджанских хуррамитов. Возникали даже идеи объединить иконоборческое христианство с хуррамитским реформированным исламом, в данном направлении велись проработки. Но из этого ничего не

получилось. Слишком уж крутая выходила ересь, не способная удовлетворить ни одну из сторон. Константинополь всеми силами старался добиться и расположения Хазарии, стелился и шел на уступки. Дал привилегии иудейским купцам, по Византии снова пышно разрослись их кварталы и подворья. Император Феофил откликнулся и на просьбу каганата прислать инженеров для строительства крепости Саркел на Дону.

В 834 г. сюда были направлены лучшие специалисты во главе с Петроной Каматиром. Кстати, этот архитектор обнаружил, что значительная часть населения на Дону — христиане. Что еще раз подтверждает бегство гонимых хазар на окраины государства. И Каматир запроектировал в Саркеле строительство церкви. Но власти каганата наложили на это строгий запрет, и привезенные для храма колонны и капители были брошены в степи, где их и нашли археологи в 1935 г. Словом, хазарская верхушка была себе на уме. Уступки византийцев охотно принимала, но идти на ответные не спешила. Императоров, конечно, интересовало возобновление союза против арабов. Но зачем это было купцам, для которых арабы являлись главными партнерами? И Византия еле-еле отбивалась от врагов на нескольких фронтах.

В Болгарии пришел к власти царь Маламир. Расторг договор о тридцатилетнем мире и в 836 г. начал наступление на Константинополь. Но грекам через свою агентуру удалось подорвать его тылы. Они организовали восстание депортированных македонцев, поселенных во времена Крума по Днестру, прислали им корабли и вывезли в Византию. А одновременно договорились с мадьярами об ударе по оголившемуся рубежу. В результате границы Болгарии были прорваны, венгры захватили северную часть ее владений и вышли к Дунаю. Однако арабы в это время сумели справиться с хуррамидами. Пленных не брали, истребляя их самым жесточайшим образом: сдирали кожу, сжигали. А в 838 г. халиф Мутасим смог бросить высвободившиеся силы против греков. Разгромил византийскую армию у Дазимона и взял второй по величине город империи Аморий.

В дополнение к этим напастям обрушилась новая. Русичи. В 840 г. случилось их нашествие на черноморское побережье Малой Азии. Они взяли и разграбили г. Амастриду и два года

опустошали земли от Синопа до Босфора, совершили рейд и на о.Эгина. Как сообщают византийские источники, «все лежащее на берегах Эвксина и его побережье разорял и опустошал в набегах флот россов. Народ же рос — скифский, живущий у Северного Тавра, грубый и дикий». Однако в 842 г. ситуация неожиданно переменилась. Русы вдруг заключили с Византией мирный договор, и уплыли, вернув пленных и часть добычи...

И вот на эти события стоит обратить особое внимание. Потому что дата 834 г., строительство Саркела — это начало хазарской экспансии на земли славян. Крепость стала главной базой для данных операций. Но ее строительство свидетельствует и о том, что граница с княжеством северян проходила еще по Дону. И в 840 г. русы напали на Византию, не беспокоясь за свои тылы. Очевидно, хазары поддерживали видимость дружбы с ними. А может быть, сами исподтишка инициировали набег. Ведь Византия была союзницей мадьяр, славянских врагов. Разве плохой повод для войны? При этом сам каганат отнюдь не нарушал мира с Константинополем. Когда же главные силы северян разгуливали по византийским берегам, представился самый удобный случай ударить на них. Поспешный их мир с греками с возвратом пленных и добычи скорее всего объясняется тем, что северяне узнали о вероломном нападении хазар, другую причину найти трудно. А каганат получал двойной выигрыш! Срывая экономический или политический куш с Византии — он же помог ей. И было покорено самое сильное и богатое славянское княжество.

«Велесова книга» сообщает: «И тут хазары пояли нас... и напали на нас» (II 4а). «Иные русичи остались под хазарами, а некоторые добрались до града Киева и там поселились... Хазары русских брали на работы свои, и детей, и жен многих, зло били и творили зло» (II 4а).

Это подтверждается археологическими данными. Если в VIII в. множество поселений северян существовало по Северскому Донцу и на Дону, то теперь им пришлось отступить западнее, на Десну и Сулу. В бассейне Десны они потеснили вятичей, вынудив их уйти на Оку. А на Дону, Донце, Осколе как раз с середины IX в. начинают строиться хазарские крепости.

Нет, тут существовал не только Саркел. Археологическими экспедициями М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, С.А. Плетневой этих крепостей обнаружено около 300! Они представляли собой мощные белокаменные замки из обтесанных меловых блоков. Для строительства некоторых из них: Верхнесалтановского, Маяцкого, Мохначевского городищ, требовалось от 7 до 14 тыс. кубометров камня. Располагались они на высоких прибрежных местах на расстоянии 10—20 км друг от друга и составляли единую систему.

Выявлено, кстати, что службу в этих замках несли не только мужчины, но и какие-то женщины-воительницы. Их хоронили с оружием, конями, сбруей. Вооружены были эти «амазонки» саблями, кистенями, копьями очень высокого качества. Иногда встречаются захоронения молодых девушек европеоидного типа, но чаще — дам в более солидном возрасте. Все они носили воинские пояса, украшенные особыми бляшками. Очевидно, они служили наградами или соответствовали количеству убитых врагов. К какому народу они принадлежали? Возможно, это были остатки какого-то сарматского племени, привлеченные на службу хазарами.

Но к господствующему классу они отнюдь не принадлежали. Потому что внутри замков жили только властители, а вокруг крепостей существовал еще один обвод укреплений, земляной. И именно в этом обводе проживало большинство населения, в том числе и воины — хотя и в цитаделях хватало свободного места. Очень интересную находку сделала С.А. Плетнева. Часовые на постах во все времена скучают и от нечего делать царапают рисунки, надписи. Так вот, в хазарских замках такие следы «творчества» воинов оставались не на внутренней, а на внешней стороне стен! Караулы располагались снаружи, а не внутри крепости! То есть правители своим воинам не очень-то доверяли.

Разумеется, сотни замков строились не сразу, а постепенно. Но при этом, как показывают археологические данные, они продвигались с востока на запад. А еще одна характерная особенность — они строились не по восточным берегам рек, что было бы логично для обороны, а по западным. Они являлись плацдармами и базами для нападений. И для контроля над «осваи-

ваемой» территорией. Да, именно в это время состоялось упомянутое в легенде Иосифа «благословение» на «разбой соседних народов». Важная роль в экспансии принадлежала все тем же купцам-рахдонитам и сети их поселений-факторий. Они играли роль шпионов, хорошо знали местные условия, завоевывали доверие местных вождей, стараясь склонить их к подчинению.

А если «добром» этого сделать не удавалось, следовала военная экспедиция. И народ, сохраняя внутреннее самоуправление, становился данником каганата. Шаг за шагом хазары распространяли влияние вверх по Волге. В зависимость от них попали буртасы, мордва, черемисы, мурома. В данный период исчез куда-то народ, строивший крепости Городецкой культуры по Оке и Средней Волге. Прожил полторы тысячи лет, со скифских времен. И вдруг эти городища были брошены обитателями без следов разгрома. По всей видимости, их прижали хазары, и народ предпочел уйти. Если верна высказанная ранее гипотеза, что это были балты, то они просто сменили место и образ жизни. Отступили в глубь лесов, смешиваясь с финскими народами. А остатки сохранились в виде племени галиндов (голядь), которое славяне застали на юге Московской области.

Продолжалось и покорение хазарами славянских княжеств. «Велесова книга» сообщает: «А в другую тысячу лет подверглись разделению, и убыло тогда самостоятельности, и стали дань чужим отрабатывать, сперва готам, которые крепко обдирали, а затем хазарам, которые тоже забирали. Явился каган, и то нерадением нашим, сперва с теми купцами на Руси, поначалу были велеречивы, а потом стали золото у русских улучать» (II 46). Точной хронологии и последовательности завоеваний мы не знаем. Но, очевидно, каганат умело играл на межплеменной вражде. Например, подчинив северян, использовал их против других славян.

А северяне и сами не прочь были пограбить соседей. Как свидетельствуют Ибн-Русте, Мукадасси, Гардизи и Мадвари, русы «нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают». Об этом говорят и многочисленные находки араб-

ских монет IX в. на территории северян. Как видим, «иные русичи», которые остались «под хазарами», отлично приспособились к системе иудейского каганата и научились в ней подрабатывать.

Еще одна деталь, выявленная археологами — клады, зарытые в этот период обнаружены в землях северян, радимичей, вятичей. Следовательно, эти народы были покорены в результате вооруженных вторжений, когда люди прятали свои богатства, и многие уже не вернулись за ними. В землях полян кладов данного времени почти нет. Значит, сюда войско хазар (или их союзников) не вторгалось. И поляне согласились подчиниться добровольно. Вероятно, способствовали этому нападения венгров, которые, как ранее отмечалось, терроризировали Киев, облагали высокой данью. Поэтому поляне под властью хазар надеялись обрести защиту от мадьяр, да и от набегов северян с древлянами.

Легенда, переданная Нестором, гласит, что Киев предложил каганату платить дань мечами, продукцией своих оружейников. И эта легенда подтверждается косвенными данными. Восторженные оценки «ценных мечей», изготовлявшихся в Киеве, мы находим в арабско-персидских источниках IX в. А вот арабских монет указанного периода в Киеве не обнаружено. То есть мечи продавались на Восток не полянами, а хазарами, забиравшими их бесплатно.

В целом же время покорения Южной Руси можно датировать десятилетием от 842 до 852 г. — согласно «Повести временных лет», где-то раньше этой даты поляне признали себя данниками. Подтверждает такую хронологию еще один факт. В 853 г. против арабов восстали закавказские князья и обратились за помощью ко всем близлежащим странам: к императору Византии, царю Хазарии и «сахибу-ас-сакалиба». Титулам в древние времена придавалось важнейшее значение, порой принижение титула вело к войне. Но отметим, что прежде киевского и прочих славянских князей именовали «царями». А «сахиб» в переводе — не царь или князь, а просто «господин» или «начальник» славян. Значит, обращение шло не к суверенному государю, а к какому-то предводителю. Или даже хазарскому наместнику.

Таким образом в середине IX в. в Восточной Европе разрослась огромная паразитарная держава. Как сообщается в переписке царя Иосифа: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины, Он (Бог) подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань — цари Эдома и цари исмаильтян». А зарубежные иудейские источники этого времени рассказывали, что «потомки колена Симона и полуколена Манассиева» живут «в стране Козраим вдалеке от Иерусалима, они бесчисленны и забирают они дань от 25 государств».

За счет работорговли, Шелкового пути, дани от покоренных народов каганат невиданно разбогател. Город Итиль, раскинувшийся на берегах Волги и Ахтубы, поражал современников роскошью и величиной. Он протянулся на 8 — 10 км, в нем строились красивые дома знати, резиденции купцов, синагоги, многочисленные базары, бани, караван-сарай. Транзитным купцам здесь готовы были предложить самые экзотические товары. И самые изысканные удовольствия — лучшую еду, вина, танцовщиц, девушек и мальчиков на любой вкус. Выбирай, развлекайся, абы деньги были. А на острове, отделенном протоками, располагались огромные дворцовые комплексы кагана и царя. Они представляли собой еще один «город в городе». Попасть туда могли лишь избранные. С остальными частями города остров был связан подъемными мостами, которые в случае народных волнений разводились.

Богатыми и многолюдными были и другие города Хазарии: Саксин в Волжской дельте, Беленджер в Дагестане, Семендер на Тереке, Самкерц, Таматарха. Но подданным каганата приходилось несладко. Дань накладывалась мехами или «по шелягу с плуга». Брали не суммарно с племени или княжества, а именно «с плуга», «с дыма». То есть, хазарские чиновники вели учет и переписывали подданных. А «шеляг» — слово еврейское, «деньги». По разным версиям, взималось по золотой монете (византийский солид) или по серебряной (франкский шиллинг, арабский дирхем). Но объем денежной массы в IX в. был весьма ограничен, и в любом случае «шеляг с плуга» внести было нелегко. А за неуплату следовала продажа в рабство. В столицах поко-

ренных народов расположились резиденции наместников — «тудунов». Сыновья подчиненных князей должны были пребывать заложниками в Итиле. А их дочери направлялись в гарем хазарского царя. Кстати, такое правило могло иметь не только политическое, но и магическое значение — царь в лице этих девушек «овладевал» и подвластными странами.

Некоторые народы не выдерживали гнета, восставали. В IX в. хазарам неоднократно пришлось усмирять Аланию и касогов. О мятежах славян известий нет. Есть упоминания о нескольких военных походах, но нацеливались они не против каганата, а все туда же, пограбить византийцев. «Велесова книга» рассказывает, как призывал идти «на юг, на Грецколань» Бравлин-младший, внук или правнук князя Бравлина, бравшего Сурож (I 8а). Сообщает и о другом походе «на Сурож», который возглавил князь Белояр Криворог. Кончился он печально. Князь победил греков, и они согласились дать ему «золото, шерсть и конские сбруи», но, притупив бдительность, напустили «воинов в железах и побили его. Много было пролито крови русской на землю, и не было числа стенаниям русским» (II 4в).

Нетрудно понять, что даже при удачном раскладе выигрывала от подобных предприятий только Хазария. А скорее, она же их провоцировала. В набегах громились конкуренты в причерноморской торговле. Причем чужими руками, без ущерба для дипломатических и торговых связей с Византией. А пленных и добычу скупали все те же хазарские купцы. К тому же в набегах находила выход буйная силушка русичей, они несли потери. Что облегчало господство над ними.

РУССКИЙ КАГАНАТ — ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ

Исторические судьбы Северной Руси, куда в конце VI—VII вв. переселились кривичи, словене и примкнувшая к ним ветвь русов, сперва складывались иначе, чем на Юге. Пришельцы установили неплохие отношения с местными финскими народами — чудью, весью, наровой, мерянами. В противном случае они не смогли бы прочно закрепиться и выжить в новых

местах. Да и между собой кривичи с «новгородцами» не враждовали — очевидно, дружбе способствовала общая доля беженцев. Только еще раз напомним, что термин «новгородцы» летописцы употребляют «задним числом», применительно к реалиям собственного времени. Судя по археологическим данным, Новгород Великий был построен в 930 — 950 гг. А столицей здешнего края стал богатый и красивый город Ладога.

Но благодаря морским коммуникациям этот край вошел в систему связей не с Киевом или Черниговом, а с прибалтийскими славянами. Плавали торговать к ободритам, руянам, поморьянам, пруссам, заключали союзы и браки. Правда, сохранялись и торговые контакты с Южной Русью. Потому что древний путь с Запада в Причерноморье, проходивший по Висле, Западному Бугу и Припяти, оказался перекрыт враждой полян и древлян. И новые дороги пролегли через земли кривичей и словен, что приносило значительные выгоды этим княжествам. Сильных врагов поблизости не было, и Северная Русь получила возможность беспрепятственно богатеть и развиваться.

Однако в конце VIII в. такое положение нарушилось. Балтику охватило движение викингов. Впрочем, назывались они по-разному. Викингами именовали себя скандинавы, уходившие в море искать удачи и противопоставлявшие себя хевдингам — тем, кто оставался трудиться на родной земле («вик» — военное поселение, где собиралась и жила вольница). В Византии те же выходцы с Балтики, служившие наемниками у императоров, назывались «вэрингами» или «ворингами» — «принесшими клятву», дружинниками, связанными присягой со своим предводителем. Отсюда и слово «варяги», получившее распространение на Руси. Хотя иногда его производят и от этнонима варангов — славянского племени, входившего в союз ободритов. В Англии викингов без различия национальности именовали «датчанами». Ну а в других странах Запада и Средиземноморья их, тоже без различия национальности, называли «норманнами» — норвежцами (или, в буквальном переводе, «людьми севера»).

Фактически же терминами «викинги», «варяги», «норманны» обозначалась не этническая принадлежность, а род занятий — свободные воины, которые в зависимости от обстоятельств становились пиратами или наемниками. В Западной Ев-

ропе подобное явление тоже наблюдалось, но позже, примерно с X в. Наследником землевладельца становился старший сын, а младшие получали коней, оружие и превращались в странствующих рыцарей, искавших выгодной службы или разбойничавших на большой дороге. На Севере аналогичная категория выделилась в разряд викингов. А с легкой руки Готфрида Датского они осознали силу организации и перспективы обогащения в набегах.

Профессия викингов (точно так же, как впоследствии странствующих рыцарей) быстро вошла в моду и приобрела высокий «рейтинг», их воспевали скальды в песнях и сагах (разумеется, получая за это хорошее вознаграждение из добычи). И пиратском промыслом отнюдь не гнушались многие власти Прибалтики — короли, герцоги, князья. У них было больше возможностей для организации сильных эскадр, а значит, и для более грандиозных предприятий. Король Дании Хальдван даже уступил добровольно трон брату Харальду, чтобы целиком отдаться любимому делу, морским походам. Та часть местных жителей, которая предпочитала мирный труд поискам удачи, тоже оказывалась в выигрыше. Уход их соплеменников в варяги помогал избавляться от избытков населения, не дробить земельные наделы. Кроме того, в море сливалась самая буйная вольница, что обеспечивало родным странам викингов спокойное существование. И наоборот, в родные страны текла от них добыча. Поэтому власти прибрежных местностей охотно предоставляли пиратам базы — заодно обеспечивая себе защиту от других морских хищников.

В результате Балтика, изобилующая фиордами, бухтами и островами, удобными для стоянок судов, превратилась в натуральное пиратское гнездо. Отсюда эскадры варягов начали выплескиваться на Англию, Ирландию, Францию, Испанию, Средиземноморье. О нравах этого воинства красноречиво свидетельствуют прозвища предводителей: «Раскалыватель Черепов, Гадюка, Коварный, Кровавая Секира, Брюхотряс, Грабитель, Свинья, Живодер, Вшивая Борода, Поджигатель» [188]. А разгул их дошел до того, что в первой половине IX в. путешествие из Германии в Данию стало считаться чрезвычайно опасным предприятием.

С какой-то стати принято отождествлять викингов только со скандинавами. Но это неверно. Их ряды пополняли все без исключения прибалтийские народы. Вовсю пиратствовали балты, финны. Норвежский принц Олав Трюгвассон был вместе с матерью захвачен эстонскими пиратами. Не оставались в стороне от общей «моды» и славяне. Например, описанные в прошлых главах набеги русичей на Крым и Малую Азию проводились в «лучших традициях» викингов и по той же тактике. Ну а пираты-русы из прибалтийских славян были знамениты ничуть не меньше своих скандинавских коллег.

Одной из главных их баз был о. Руян-Рюген, где даже храм Свентовита имел долю в пиратском промысле, освящал набеги религиозными ритуалами и направлял в них часть собственной храмовой дружины. И если затерроризированные европейцы в своих хрониках обычно не уточняли, какие именно «норманны» пожаловали их грабить, то арабы очень четко выделяли викингов-«русов» и не жалели в их адрес самых увесистых эпитетов. Причем славянские пираты громили не только жителей Запада или Средиземноморья, но и своих соседей скандинавов. Известны случаи, когда они захватывали и разоряли шведскую столицу Сигтуну, Хайтхабу, резиденцию норвежских королей Конунгхаллу.

Однако и скандинавы не прочь были при случае пограбить славян. И среди «лакомых кусков», на которые они положили глаз, оказалась Ладога. Она была не только богатым центром международной торговли. Обладание ею сулило и другие выгоды. Контроль над внутренними водными системами Руси. Во-первых, из Ладоги можно было попасть в «Биармию» («Пермь» — в обобщенном смысле, нынешний российский Север), страну драгоценных мехов. Викинги неоднократно старались добраться туда морем, вокруг Скандинавии, через Баренцево и Белое моря. Но это было слишком опасно. Несмотря на высокое мореходное искусство, их ладьи-драккары оставались судами весьма ненадежными. Северные штормы были не для них, и цели достигали лишь единичные экспедиции. Таких счастливых особено прославляли в сагах как совершивших невероятный подвиг. А по рекам и озерам достичь «Биармии» было не столь уж сложно.

Во-вторых, через Ладогу открывался путь «из варяг в греки», в богатую Византию и Восточное Средиземноморье, до которых иначе пришлось бы добираться вокруг всей Европы. Викинги об этом пути знали — наемники из их среды часто сопровождали купцов в качестве охраны, ездили поступать на службу к византийским императорам. А третий важный путь вел на Волгу, «в хазары», где викинги имели наилучшие возможности для сбыта пленников. В самой Скандинавии использование рабов было весьма ограниченным, только в домашнем хозяйстве, а получить выкуп можно было далеко не за каждого. После рейдов по Западной Европе «живой товар» скупали евреи-работорговцы. Но, естественно, старались заплатить поменьше. Все равно невольников больше было некуда девать. Другое дело, если самим попасть на рынки Хазарии и халифата. И тот, кто держит пути к этим рынкам, мог диктовать условия другим пиратам, иметь с них немалую мзду.

События, разыгравшиеся на Севере Руси, нашим современникам в основном известны по «Повести временных лет», самому распространенному летописному источнику. Им пользовался и Н.М. Карамзин, создавший литературное переложение летописи. Его книга стала бестселлером, именно по ней, а не по первоисточникам, изучала историю вся русская интеллигенция. И возник штамп, внедрившийся в сознание и учебники. Согласно данной версии, какие-то викинги в период до 860 г. захватили страны чуди и славян и обложили данью. Славяне в один прекрасный день восстали и изгнали незваных гостей. Но потом начались внутренние раздоры, неурядицы, и тогда словене, кривичи, чудь и весь отправили посольство за море, к «варягам-руси», призвав оттуда правителей во главе с Рюриком.

Однако самый известный источник — не значит единственный. И не значит — самый достоверный. Стоит помнить, что как раз летопись Нестора претерпела наиболее основательные чистки и редакции — ведь киевские хроники являлись «придворными», постоянно находясь на виду у государственных властей. Наличие в «Повести» явных правок, нестыковок и пропусков многократно отмечалось исследователями. Если же взять новгородские летописи — а их не одна, а четырнадцать, если взять северные летописи, составлявшиеся на основе нов-

городских, то историческая картина получится куда более сложной и объемной [103].

Викинги нападали на Ладогу не один раз. Начались их набеги где-то в конце VIII в. во время правления князя Буривой. Причем он был не просто племенным вожаком или выборным лицом, а потомственным князем. Летопись, составленная первым новгородским епископом Иоакимом, сообщает, что Буривой происходил в десятом колене от легендарного Славена, брата Скифа. Хотя здесь, конечно, требуется уточнение. Очевидно, предания, записанные Иоакимом, совместили фигуры двух Славенов, мифического прародителя и реального человека. Антский князь Славен упоминается в «Велесовой книге» и в «Гимне Бояна» из архива Державина. Он был потомком Буса, казненного Амалом Винитаром, одерживал какие-то победы над германцами. Можно вспомнить и легенду из «Мазуринского летописца» — о том, как во время аварского нашествия Славен вместе с Русом увел свой народ на север к Ладоге. И от этого антского Славена в десятом колене действительно мог вести свой род Буривой.

Князь несколько раз отражал вторжения викингов, но потом был разбит, а ладожане покорены. Но уж конечно же, ни о какой их цивилизаторской миссии захватчиков, которую столь красноречиво пытался обосновать «западник» Карамзин, говорить не приходится — достаточно заглянуть в европейские хроники и посмотреть, что там вытворяли норманны, либо просто еще раз просмотреть перечень прозвищ пиратских вождей, приведенный выше. Пришельцы подмяли не только словен, но и их соседей. Согласно текстам северных летописей, «словене и кривичи и меря и чудь дань даяху варягам», а «те насилие даяху». Список покоренных народов в разных источниках отличается. К словенам, кривичам, чуди и мерянам (жившим на Верхней Волге) часто добавляется весь (обитавшая на Белоозере), соседние с кривичами дреговичи. А Иоакимовская летопись и Ипатьевский список отдельным этнонимом выделяют «русь» — ту часть русов, которая жила со словенами.

Из всех этих народов и сложилась коалиция, поднявшая восстание. Возглавил его сын Буривой Гостомysl. Вопреки голословным утверждениям скептиков, личностью он был впол-

не исторической. Он упоминается уже в древнейшем Новгородском своде 1050 г., во всех прочих новгородских и северных летописях, даже и в западных хрониках [103]. Судя по времени рождения внука, сам Гостомysl родился примерно в 760—770 гг. И под его руководством «всташе словене и кривичи и мера и чюдь на варягы, и изгнаше я за море, и начаше владети сами себе. Словене свою волость имяху... и посадиша старейшину Гостомысла; а кривичи свою, а мера свою, а чюдь свою».

Но союз, возникший в совместной борьбе, не распался. Что и понятно, никому не хотелось стать жертвами каких-нибудь новых хищников. В результате возникла федерация, где каждый народ «свою волость имяху», имел своих вождей или князей, а над ними стоял великий князь Гостомysl. Держава сложилась сильная и обширная, охватывающая нынешние Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Ярославскую, Смоленскую области, часть Белоруссии, Карелии. И в первой половине IX в. в зарубежных источниках начинают вдруг появляться упоминания о «Русском каганате».

Правда, некоторые историки связывают это название с Южной Русью. Признаться, я и сам склонялся к этому мнению. Но более детальное изучение фактов приводит к убеждению, что это не так. Киевского князя все авторы называли «царем», а не каганом. А почтмейстер халифата Ибн Хордабег указывает, что владыка славян носит титул «кназ». К княжеству северян название каганата относиться тоже не могло — известия о нем появлялись и в тот период, когда Северская Русь была уже разгромлена хазарами. Кроме того, еще раз подчеркну, что правильному титулованию в Средневековье придавалось очень большое значение. А «каган» (в буквальном переводе — «великий»), это не просто суверенный государь. Это правитель над несколькими народами, объединенными в одно государство.

На Руси такому критерию соответствовала только северная коалиция, возникшая под властью Гостомысла. Персидский аноним в IX в. рассказывает: «Народ страны русов воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовух каган русов. Среди них есть группа из моровват». Под этим неясным словом автор понимает какой-то отряд из высокопрофессиональных воинов. Воз-

можно, это была княжеская дружина или варяжские наемники. О Русском каганате сообщают также Ибн-Русте, Гардизи, Худуд ал-Алам. А Муслим Ал-Джарми, собиравший свои сведения в Константинополе, пишет, что княжество русов располагалось на «острове» у какого-то озера, и этот «остров» занимает пространство в три дня пути, окруженное лесами и болотами.

Наконец, если бы каганат существовал на юге, он должен был упоминаться в византийских источниках. И даже чаще, чем в арабских, персидских и немецких. Однако греки о нем вообще молчат. Хотя в «Бертинских анналах» германских императоров в 839 г. описана история, связанная с Византией. Рассказывается, что послы кагана Руси побывали в Константинополе при дворе императора Феофила. Но обратная дорога в их страну оказалась перекрыта какими-то «дикими и жестокими племенами». И их вместе с византийским посольством отправили в Германию. При этом Феофил просил императора Людовика Благочестивого посодействовать их возвращению домой через владения франков. Согласно хронике, эти послы, прибывшие в Ингельгейм, оказались шведами, поэтому Людовику они показались подозрительными, и он велел их арестовать для более тщательного расследования (правда, потом отпустил).

Что ж, в качестве послов Гостомысл и впрямь мог использовать наемных шведов — викинги шатались по всему свету в поисках службы, разъезжали в охране купцов. Соответственно, знали дороги и обычаи разных народов. Вернуться из Константинополя по пути «из варяг в греки» им, очевидно, помешала мадьярско-болгарская война или нападения венгров на поляны. Но обратим внимание, если бы Русский каганат располагался в Киеве или на Северщине, то объезжать «дикие и жестокие племена» через Германию было более чем странно. Не проще ли сесть в Константинополе на корабль и плыть в крымский Херсонес? А вот в Ладогу через земли немцев попасть было можно. Потому что и города на Рейне, и княжества прибалтийских славян были связаны с Ладогой регулярными торговыми сообщениями.

Гостомысл вообще вел активную внешнюю политику. Западные хроники сообщают, что он и сам по каким-то делам бывал в городах прибалтийских славян. А трех дочерей он отдал

«соседним князем в жены». Ладожане бывали и на Востоке. Ибн Хордабег сообщал, что русские купцы из «отдаленнейших частей Славии» добирались до Хазарии и Багдада.

О конкретных событиях истории Русского каганата в этот период сведений у нас нет. Ясно лишь, что его жизнь отнюдь не ограничивалась торговлей и дипломатией. И что была она далеко не мирной. Впрочем, миролюбие вообще не соответствовало тогдашнему духу времени. И не случайно указание персидского автора, что русичи «воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями». Ладожане, очевидно, отбивались от викингов. Но и сами совершали лихие набеги, если считали это выгодным. Проникали в леса севера, облагали данью местные племена, чтобы получить меха на продажу. Да и среди упомянутых в прошлой главе пиратов, которые «нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают», с большой долей вероятности были не только северские и крымские русы, но и ладожские ушкуйники.

Согласно летописям, четверо сыновей Гостомысла умерли или погибли в войнах. Причем наследников князь лишился уже стариком, будучи не в состоянии произвести потомство. По некоторым данным, скончался он в 844 г., когда ему было за семьдесят, а то и за восемьдесят [103]. И по преданиям, изложенным в Иоакимовской летописи, незадолго до смерти он увидел сон, как «из чрева средние дочери его Умилы» выросло чудесное дерево, от плода которого насыщаются люди всей земли. И волхвы истолковали сон таким образом, что: «От сынов ея имать наследити ему, и земля угодбится княжением его».

Однако скорее всего, эта легенда о «политическом завещании» была придумана чуть позже. Поскольку после смерти Гостомысла настала полоса смут. Древний княжеский род, берущий начало от Буса и Славена, а может, и от самого Кия, пресекался. Не осталось прямых наследников, способных поддержать власть авторитетом происхождения. Прежние бедствия, подтолкнувшие группу народов к объединению, успели забыться. Зато накопились взаимные претензии. Не исключено, что сосредоточение власти у словен вызвало какие-то злоупотребления по отношению к другим племенам. Или им чудились та-

кие злоупотребления. Не нравилось положение «младших союзников». И Русский каганат распался. Да не просто распался, а в жестоких драках. Как сообщает летопись, «словене и кривичи и меря и чудь» обособились «и всташа сами на ся воевать, и бысть межю ими рать велика и усобицы».

Ничего к чему хорошему это не привело. Как раз в это время, в 840-х — начале 850-х гг. с юго-востока в полную силу разворачивалась агрессия Хазарского каганата. И под его власть попали меряне. А Ладогу вторично захватили викинги. В данном плане обращает на себя внимание один из западных источников — «Житие Св. Анскария», где говорится о каких-то датчанах, которые переплыли море, захватили город в «стране славян», получили большой выкуп и вернулись домой. И возвращение их датируется 852 г. Только стоит уточнить, что довольствоваться выкупом было совершенно не в обычаях викингов. Чаще они грабили и разоряли подчистую. Или устраивались на захваченных землях, как, скажем, в Нормандии и Сицилии, основывали свои герцогства и собирали дань с побежденных. То есть датчане из «страны славян» ушли, очевидно, не по своей воле. Их крепко «попросили». О чем на родине они, естественно, предпочли не распространяться.

Согласуется это и с русскими летописями, где «Новгород» был захвачен, окрестные племена обложены данью. Но они вовремя вспомнили опыт совместных действий. Быстро возродилась прежняя коалиция из словен, руси, кривичей, чуди, веси и, возможно, дреговичей (кроме мерян, ставших подданными хазар), и выгнала датчан. Однако очередной горький урок снова заставил людей задуматься о необходимости объединения. А вскоре крупное бедствие постигло соседей. В 854 г. сын шведского короля Эмунда Эрик прошелся с викингами по восточным берегам Балтики, погромив и обложив данью куров, эстов и финнов. Это могло стать дополнительным весомым аргументом в пользу объединения. Тогда-то и всплыло «завещание Гостомысла». Или родилось. А лицом, на которое оно указывало, был Рюрик.

Как сообщает Иоакимовская летопись, он-то и был внуком Гостомысла от «средние дочери его Умилы», которая, как и ее сестры, была отдана «суседним князем в жены». А соглас-

но легендам и преданиям Европейского Севера, собранным западными исследователями Б.Латомом, Ф.Хемницесом, Д.Франком, Ф. Штадемуном, К. Мармье [219], изысканиям современных российских ученых [94, 103,188], мужем Умилы и отцом Рюрика был Годолуб, князь славянского племени рарогов, входившего в союз ободритов. Тот самый Годолуб, который в 808 г., в ходе войны Готфрида Датского и лютичей против империи Карла Великого и ободритов, был казнен датчанами при взятии г. Рерика.

Имя Рюрика, как и этноним его племени, происходит от священного сокола-Рарога, воплощения Огнебога-Семаргла. Отметим, что на Руси геральдическим символом князей Рюриковичей был именно сокол. В стилизованном виде пикирующий сокол — «тризуб» сохранился и сейчас в украинской символике. Германские хронисты также хорошо знали Рюрика, и характерно, что его и династию Рюриковичей они причисляли не к немцам или скандинавам, а к потомкам древних ругов (которые и в самом деле были предками рарогов).

Но здесь мы волей-неволей касаемся давнего спора между «норманистами» и «антинорманистами», породившего огромное количество литературы. Спор этот не исторический, а чисто политический. Одна сторона силится доказать, что темные славяне получили свое организующее государственное начало от «цивилизованных» скандинавов (культурные викинги? ну-ну...) Другая сторона это отрицает. Причем во все времена данная дискуссия велась... совершенно глупо.

Например, современные германские ученые ухватились за цитату Нестора: «Сице бо звахуть ты варагы-русь, яко же друзии зовутся сее, друзии же оурмани, англяне инии и готе, тако и си». И принялись ее разбирать. Дескать, в тексте наряду с «варягами-русью» названы шведы (сее), норвежцы (оурмани — норманны), англичане, готы. Нет в перечне только датчан — значит, «русь» это и есть датчане! Ну что ж, после этого остается только посочувствовать состоянию исторической науки в Германии. А как же иначе, если господа историки не имеют представления, что в IX в. никаких англичан в помине не существовало. А англй как раз и были одним из основных племен, населявших Ютландию. Очевидно, германские истори-

ки не знают и того, что кроме норвежцев, готов, датчан и шведов в ту пору на берегах Балтики жило много других народов. Хотя в их же германских хрониках рассказывается об ободритах, лютичах, ругиях, поморянах, пруссах и т.п. Не знают и того, что этноним «русы» на территории России непрерывно прослеживается в письменных источниках (в том числе германских) начиная с IV в.

Впрочем, и «антинорманнисты» в своих построениях применяют не лучшие приемы. Вместо поисков истины просто отрицают то, на чем строят рассуждения «норманнисты». Скажем, объявляют Рюрика «неисторическим лицом». Или предводителем скандинавской дружины, нанятым новгородцами и захватившим власть. Голословно отмечают при этом летописные данные, которые не согласуются с их гипотезами. И забывают главный принцип историка — достоверным должен признаваться любой источник, пока он не опровергнут другими источниками или строгими фактами.

Но самым любопытным в этой истории оказывается то, что весь спор родился из... «выеденного яйца». Да-да, на пустом месте! *Потому что вплоть до начала XVIII в. наши предки прекрасно знали происхождение «варягов-руси» и киевско-московской великокняжеской династии!* Так, Иван Грозный бахвалился перед послами германского императора, что он не русский, а «немец». Поскольку в летописях, имевшихся в его распоряжении, вычитал, что его предки вышли «из Пруссии». Но историю он знал весьма относительно и понятия не имел, что Пруссию во времена оны населяли отнюдь не немцы.

Еще более очевидный факт — небыизвестный сподвижник Петра I Александр Меншиков сочинил себе фальшивую княжескую родословную и начал производить свой род «от ободритов». Как вы думаете, он знал, кто такие ободриты? Да он был неграмотным. Или что-нибудь слышал об ободритах тот безымянный подьячий, коему Меншиков заказал состряпать родословную? Да откуда он мог слышать, если этого народа уже 500 лет не было! Он только отрабатывал заказ, чтобы было «познатнее». И содрал с «типовых» родословных самых знатных бояр. Которые тоже вряд ли что-нибудь знали об ободритах. Но тем не менее добросовестно хранили память о них, поскольку это

причисляло их предков к сородичам и ближайшим соратникам первых Рюриковичей. И когда на Меншикова покатались бочки за разные злоупотребления, то припомнили и это. Так и указали в обвинении — мол, придумал себе, потому что «многие знатные роды производят себя от ободритов» [144].

Но затем сами боярские родословные оказались ненужными. А летописи, веками хранившиеся в монастырях, были растасканы разными «учеными» и любителями, терялись, гибли при пожарах... Немцам, нахлынувшему в Россию, хотелось доказать свои «давние связи» с нашей страной. А дилетанты-анти-норманнисты, не умея грамотно опровергнуть их доводы, принялись все отрицать. Словом, это очень яркий пример того, как истина может быть просто погребена под потоками вторичной информации.

ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

Если свести воедино данные из разных источников, то окажется, что о князе Рюрике мы знаем не так уж и мало. Родился он не позже 808—809 г. Рискну высказать предположение, что он мог быть и «посмертным» ребенком. В древности имена старались давать со смыслом. И после уничтожения г. Рерика и разгрома племени рарогов логично было бы назвать родившегося сына этим именем. В знак продолжения племенной традиции, заявки на будущее возрождение княжества. Где и каким образом Умила с ребенком (или беременная) сумела спастись, неизвестно. Может быть, Годолоуб успел отправить семью к соседям, варангам, ругиям. Или к тестю в Ладогу. А может быть, его жена попала в плен и сумела освободиться после смерти Готфрида в 810 г. Осталась «за кадром» и ее дальнейшая судьба.

Очередной след будущего князя обнаруживается в 826 г. Как сообщают «Бертинские анналы», братья Харальд и Рюрик прибыли в Ингельгейм, резиденцию франкского императора Людовика Благочестивого. Они приняли крещение от самого императора и получили в лен земли «по ту сторону Эльбы». Все в общем-то логично. Ободриты были для франков «наши-

ми славянами». Их великий князь Дражко признал вассалитет от империи, приняв корону от Карла Великого. Годолюб погиб, сражаясь в союзе с Карлом. И если Рюрик родился около 808 г., то как раз к 826 г. он возмужал и пришло самое время явиться ко двору покровителя, чтобы получить помощь в борьбе за отцовское наследство.

Из факта крещения мы видим, что рос он не у франков, а где-то в славянских землях. Относительно брата Харальда не все ясно. Западные источники причисляют его к роду Скьелдунгов — датских королей, которые вели род от Скьелда, сына Одина. Но, во-первых, у славянских князей было по несколько жен, и Харальд вполне мог быть сводным братом от матери-датчанки. А во-вторых, к Скьелдунгам мог принадлежать и сам Годолюб. Ведь рароги жили по соседству с датчанами, наверное, и роднились в династических браках. Ну а земли «по ту сторону Эльбы» как раз и были княжеством Годолюба. Очевидно, Людовик Благочестивый признал права братьев на владение и обещал поддержку в возвращении наследства.

Правда, в поздних источниках встречается версия, что император дал им в лен «Рустринген во Фрисланде» [35]. Но противоречий тут нет. Фрисланд — прибрежная область Германии, примыкавшая к подножию Ютландского полуострова с запада. А княжество рарогов — с востока, частично захватывая перешеек. Если бы сыновьям Годолюба удалось вернуть свои владения, они граничили бы с Фрисландом. Может быть, во Фрисланде селились беженцы-русы после разгрома ободритов, отсюда и название Рустринген. И вполне вероятно, что до времени, когда получится отвоевать наследство, император выделил братьям лен в этих землях.

Но... в том-то и дело, что реально Харальд и Рюрик в данный момент не могли получить ничего. Потому что слово Людовика Благочестивого в империи уже ничего не значило. Еще в 817 г. он фактически отстранился от власти, поделив государство между сыновьями, Лотарем, Пипином и Людовиком. А дальше в стране пошли ожесточенные свары за переделы владений. Император на старости лет имел неосторожность жениться на молоденькой Юдифи, и та от своего фаворита графа Бернара

Септиманского родила еще одного наследника, Карла. Для которого в 829 г. тоже потребовался удел. Трое королевичей выделять его из своих владений не пожелали, и разразилась война. В 830 г. сыновья взяли верх, упекли Юдифь в монастырь и заставили отца вернуться к прежнему разделу.

Но затем и сыновья императора перессорились. Стали вступать в коалиции то друг с другом, то с отцом. Он, воспользовавшись моментом, «расстриг» жену и опять стал бороться за права сына от нее. В 833 г. грянула новая война. До битвы не дошло, на Красном поле от Людовика Благочестивого ушло большинство вассалов, и он сдался. Старший сын Лотарь учинил для него унижительную процедуру покаяния и низложения. Но перестарался. Младшие, Людовик и Пипин, пожалели отца. Возмутились и церковники. Они освободили императора от клятвы, которую он дал. И с помощью Людовика с Пипином он восстановился в правах. Но...тут же и изменил им. Начал сговариваться с Лотарем, чтобы выторговать удел для своего любимчика Карла.

Ну а потом ситуация совсем запуталась. Умер Пипин. И встал вопрос, как же теперь делить империю? Только между сыновьями императора, Лотарем, Людовиком и Карлом? Или наряду с ними допустить к разделу детей Пипина? В 840 г. умер и император. И война разгорелась уже нешуточная. Она завершилась в 841 г. битвой при Фонтенуа-ан-Пюизе, где погибло 40 тыс. воинов. И в 843 г. был заключен Верденский договор, по которому империя делилась на три части между Лотарем, Карлом Лысым и Людовиком Немецким.

Мы не знаем, в каком качестве Рюрик и Харальд участвовали в этих усобицах. Но для возвращения отцовского княжества они явно не получили никакой помощи. Было не до них. Если они, понадеявшись на императора, все же рискнули ввязаться в борьбу с датчанами, для них это не могло кончиться ничем, кроме поражения. А получив какой-то лен для поселения и прокормления, они вскоре его лишились — при переделах 829, 830 или 833 г. Что ж, для сирот и изгоев на Балтике открывалась прямая дорога, в «варяги» — разноплеменные дружины искателей удачи, сбивавшиеся в стаи вокруг владельцев кораблей и на береговых базах. И из дальнейших событий ста-

новится ясно, что Рюрик на франков сильно обиделся. Потому что присоединился именно к тем, кто нападал на империю Каролингов.

В 843 г. большая норманнская эскадра появилась в Нанте, захватила и сожгла город, а затем в качестве своей базы заняла остров Нуартье в устье Луары. Отсюда они на следующий год совершили набег на города по течению Гаронны, дойдя до Бордо, потом направились на юг, взяли Ла-Корунью, Лиссабон и достигли Африки, где разграбили г. Нокур. На обратном пути варяги высадились в Андалусии и захватили Севилью. Может быть, в целом состав эскадры был интернациональным (арабский халиф Испании Абд-эр-Рахман II для переговоров с «королем викингов» посылал корабль в Ирландию, где в г. Арма с 839 г. размещалась варяжская «столица»). Но национальность тех пиратов, которые штурмовали Севилью, местный хронист Ахмед-ал-Кааф называет однозначно — это были русы. И командовали ими братья Харальд и Рюрик. Об этом же нападении русов писал Ал-Якуби.

Г.Р. Державин, проводивший собственные исследования биографии Рюрика и располагавший богатым архивом древних документов, впоследствии утраченных, сообщал, что в качестве одного из пиратских вождей будущей князь совершил немало других «подвигов» — захватывал Нант, Бордо, Тур, Лимузен, Орлеан, участвовал в первой осаде норманнами Парижа. Имя Харальда из хроник впоследствии исчезает — видимо, его уже не было на свете. Где же располагалась база Рюрика? Слово сочетание «варяги-русь» дает основание утверждать — на Рюгене. Именно здесь, на знаменитом «острове Буяне», в главном центре славянского пиратства, он содержал и строил свои корабли, формировал дружины, сбывал добычу.

В 845 г. ладьи Рюрика поднялись по Эльбе и погромили города по ее течению. А в 850 г. сообщается, что он спустил на воду целый флот из 350 кораблей и обрушился на Англию. Ладьи викингов вмещали по 50 — 60 человек, и все войско, таким образом, должно было составлять около 20 тыс. Для одного пиратского предводителя цифра великовата. Очевидно, имело место другое. Рюрик к этому времени выдвинулся в ряд самых

прославленных и удачливых варяжских вождей, и его избрали предводителем в совместном предприятии нескольких соединившихся эскадр.

Кстати, еще один интересный штрих. Различные «национальные группировки» викингов отнюдь не дружили между собой. И разграничили свои «сферы интересов». Так, на Францию нападали преимущественно норвежцы, на Англию — датчане. При этом между ними существовала вражда, поскольку датские короли несколько раз пытались подчинить Норвегию. Из того факта, что Рюрик многократно участвовал в рейдах на Францию видно, что он со своей русской дружиной примкнул к «норвежской группировке». Это вполне логично — ведь и для него датчане были кровными врагами. А вторжение в Англию, в датскую «сферу интересов», можно рассматривать и в качестве открытого вызова.

Но следующим объектом нападений Рюрика стала Германия, течение Рейна и Фрисланд. Он систематически стал опустошать эти края. И навел такой ужас, что император Лотарь запаниковал. Чтобы избежать дальнейшего разорения своих владений, вступил в переговоры. В результате которых стороны примирились, и Рюрику был возвращен его лен. Но вот дальнейшая информация оказывается туманной. Какой именно лен дал ему Лотарь? Г.В. Вернадский полагает — все тот же «Рустринген во Фрисланде» [35]. Но в 854 г. зафиксировано известие, что Лотарь отобрал прежний лен, а вместо него дал новый, в Ютландии... Поэтому версия Вернадского не лезет ни в какие ворота.

Во-первых, отобрать лен у феодала значило нанести ему смертельное оскорбление. Это нарушение сюзереном своей части вассального договора. Если Лотарь пошел на мировую, чтобы избежать пиратских вторжений, то мог ли он сразу же возобновить и усугубить конфликт? Ну а во-вторых, самое-то главное, Ютландия никогда Лотарю не принадлежала! Она вообще никогда не входила в состав империи франков. Вывод следует однозначный — речь шла все о том же отцовском княжестве Рюрика. Набрав силу и авторитет на Балтике, он за счет прошлой добычи получил возможность нанять любое количество варяжских головорезов. И задумал отбить свое наследство.

А Лотаря вынудил признать себя вассалом. Ведь в таком случае его княжество стало бы частью империи, могло рассчитывать на поддержку императора.

Операцию Рюрик начал успешно. Высадился и захватил ободритские земли, находившиеся в подчинении у датчан и лютичей. Вероятно, его сторону приняли соплеменники, помогли одолеть неприятелей. Захватил он, в том числе, и часть Ютландского полуострова — юго-восточный участок ютландского побережья, где сейчас располагаются города Шлезвиг, Киль, Любек, входил в княжество рарогов. Отсюда и «лен в Ютландии». А в западных хрониках князь заслужил прозвище Рюрика Ютландского.

Но... Лотарь пошел на попятную. Испугался войны с Данией. Выждал, когда Рюрик втянется в боевые действия, завязнет там и не сможет отреагировать. После чего последовало «отобрание лена» в империи. Тем самым Лотарь отказывался признавать князя своим вассалом. Его действия низводились на уровень частной инициативы. И на покровительство франков Рюрику рассчитывать не приходилось. Он остался один против нескольких врагов — датчан, лютичей, да и ободриты наверняка признали его не все. Ведь до его вторжения у них были и другие князья. Платившие дань соседям, но сохранявшие власть над своим народом. Разумеется, такая борьба должна была кончиться не в пользу Рюрика... И вот в этот самый момент последовало приглашение из Ладоги...

Зачем же народам Северной Руси для своего объединения потребовалось звать «варягов»? Причины были — и немало важные. Еще раз подчеркнем, княжение в славянских государствах всегда было наследственным. Это отмечал еще Тацит, описывая прибалтийские праславянские народы. А в последующие времена власть князя в тех или иных странах могла ограничиваться вече, жрецами, но претендовать на этот пост мог не каждый. Так, «Велесова книга» очень четко разделяет князей с боярами и воеводами, несмотря на то, что бояре порой тоже возглавляли важные предприятия. В древности считалось, что и хорошие, и дурные качества передаются по наследству. Поэтому, например, вместе со злодеем нередко казнили всю его семью. А князя вече могло выбрать только из рода, имеющего на это право, — из потомков великих вождей прошлого. Кста-

ти, это наблюдалось и в летописные времена. Как ни капризничало, как ни бушевало новгородское вече, прогоняя неудобных князей, но ни разу оно не выдвинуло кандидатуру из собственной среды. Такое и в голову никому не пришло бы. Новый князь мог быть приглашен даже не из русского, а, допустим, литовского рода, но обязательно княжеского.

С легкой руки Карамзина и первых переводчиков «Повести временных лет» в историческую литературу вкралась ошибка: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — идите княжить и владеть нами». На самом деле в первоисточниках употребляется другое слово: «Наряда в ней нет» либо «нарядника в ней нет». Речь идет не о порядке, а о правителе или системе управления (в Средневековье немыслимой без персонального правителя). Правящая династия пресеклась по мужской линии. Новерное, представители древних княжеских родов имелись на юге, но они были данниками хазар, и о передаче им власти речи быть не могло. А Рюрик являлся внуком Гостомысла по дочерней линии. И вполне мог стать его наследником. Подобное у славян практиковалось. Так, в чешских сказаниях после смерти бездетного Чеха народ призвал на княжение его племянника Крока от родственников ляхов.

Была и другая важная причина призвания варягов. Одна из северных летописей сообщает: «И реша к себе: поищем себе князя, иже владел нами и рядил ны по праву». Рядил — значит, управлял и судил. По праву, по справедливости. Словене, кривичи и финские племена не всегда жили дружно между собой, имели взаимные претензии, обиды. Значит, выдвижение к руководству представителя одного народа могло вызвать оппозицию остальных — почему они, а не мы? Могло привести к новой междоусобице. Приглашение со стороны было компромиссом, приемлемым для всех. Все оказывались в равных условиях перед новыми правителями.

Но, конечно, существовали и факторы, определившие персональный выбор Рюрика. Ведь у Гостомысла были и другие дочери, выданные «соседним князем в жены». А у них, надо думать, тоже имелось потомство. Однако имя Рюрика гремело на Балтике. Это был знаменитый вождь, воин, герой. И при этом — изгой. Княжич без княжества. Разве не оптимальное сочетание?

Другого-то пригласишь — он вольно или невольно будет заботиться об интересах своей родины. А этот родины лишен. Кроме того, как мы видели, в 852 г. на Ладогу нападали датчане. А у викингов было не в привычках довольствоваться одиночными набегами. Раз уж дорогу проторили и поняли, что место богатое, их следовало ждать снова. К примеру, на Париж они нападали шесть раз. Но как раз датчане были кровными врагами Рюрика. Это повышало вероятность, что он откликнется на призыв, станет лучшим защитником Ладоги и ее союзников от следующих вторжений. Словом, все «плюсы» сошлись.

Как отмечалось выше, последнее датированное упоминание о действиях Рюрика в Ютландии относится к 854 г., когда Лотарь отрекся от покровительства ему. Он мог еще какое-то время держаться. Но затяжная оборонительная война была ему не по силам. Наемные варяжские дружины ушли бы от него — действия в обороне не сулили добычи и не окупали потерь. Разумеется, если бы его дела шли успешно, он не бросил бы завоеванного края. Следовательно, к моменту призвания он терпел поражения или был уже выбит из Ютландии. И ладожане, конечно, об этом знали. Внутрибалтийские связи действовали, информация отслеживалась. Об этом свидетельствует сам факт, что авторы приглашения, снаряжая посольство «за море», были уверены — Рюрик жив. Знали и то, где его искать.

И как бы то ни было, предложение оказалось для него очень кстати. Попытка достичь жизненной цели, к которой он так долго шел, провалилась. Он снова очутился «у разбитого корыта». А княжич был уже далеко не юношей, каким явился когда-то ко двору императора. Теперь ему было где-то за сорок пять. Бесприютная варяжская жизнь на кораблях и по чужим углам становилась уже не по возрасту. Годы требовали более прочного пристанища (что он и попытался осуществить в Ютландской авантюре). И приглашение было принято. Летописи рассказывают, что в 862 г. Рюрик пришел на Русь с братьями Синеусом и Трувором. Сам сел княжить в Ладоге (часто употребляется анахронизм, вместо Ладоги называется Новгород), Синеуса послал в Белоозеро, а Трувора — в Изборск. А через два года, по кончине братьев, отдал в управление своим боярам их города, а также Ростов, Полоцк и Муром.

В этом известии есть неточности. Пришел Рюрик, по-видимому, раньше. Можно указать лишь промежуток — между 855 и 862 гг. А Синеус и Трувор, странным образом умершие в одночасье, нигде в западных источниках не упоминаются. Ни у славян, ни у германцев таких имен не встречается. И вопрос о существовании братьев сейчас считается весьма спорным — широко известна версия, что летописец всего лишь неверно перевел текст какого-то скандинавского первоисточника: «Рюрик, его родственники (*sine hus*) и дружинники (*thru voring*)». Скорее всего, речь идет о различных отрядах его соратников. «Родственники» или сородичи — это славяне-ободриты, которые после неудачной попытки реставрировать отцовское княжество ушли вместе с ним. А «дружинники» — обычные наемники-варяги.

В своих прежних набегах на Францию и Испанию Рюрик всегда действовал вместе с норвежцами. Очевидно, и на Русь с ним пришли норвежцы. Кстати, ошибка с переводом показывает, что во времена Рюрика велись какие-то «придворные» хроники, ставшие потом материалом для летописных переработок. Но она говорит и о том, что его хроники писались не по-русски, а по-норманнски. Хотя теоретически какие-то «братья» из ближайшего окружения у него могли быть. У викингов существовал обычай побратимства, считавшегося не менее прочным, чем кровное родство.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, как грамотно князь разместил свои силы. Ладога контролировала самое начало водного пути «из варяг в греки». И проход в глубины русских земель с Балтики. Белоозеро запирало дорогу на Волгу, «в хазары». А Изборск, во-первых, был «столицей» кривичей. А во-вторых, дружина из этого города могла контролировать водный путь через Чудское озеро и реку Великую. Контролировала и дороги с запада, из Эстонии. Таким образом, Рюрик обеспечил границы своего княжества, прикрыл возможные направления нежелательных проникновений с Балтики и из Хазарии.

Но самая интересная информация вытекает из того факта, что к 864 г. под юрисдикцией Рюрика оказываются новые города — особенно Ростов и Муром. Это значит, что он кардинально изменил политику Северной Руси и начал активную борьбу

бу против каганата! Потому что Ока и Верхняя Волга входили в зону хазарских «интересов», а племена мурома (Муром) и меря (Ростов) были данниками хазар. Поводом к войне вполне могло послужить то обстоятельство, что меряне прежде входили в державу Гостомысла. И информацию о таком столкновении подтверждает еврейский «Кембриджский аноним», перечисляющий государства и народы, с которыми воевала Хазария во второй половине IX — начале X в. — Алания, Дербент, Зибух (черкесы), венгры и Ладога. И по тому, что два важных города остались за Рюриком, мы видим, что он одержал победу. Ну еще бы! Могли ли валы и частоколы крепостей, печенежские или славянские отряды хазарских наместников, остановить свирепых воинов-профессионалов и их предводителя, бравшего неприступную Севилью?

Но в 864 г. среди словен вспыхнуло вдруг восстание под предводительством Вадима Храброго, о котором сообщает Никоновская летопись. Что же случилось? Что вызвало этот бунт? Наверняка соединилось несколько причин. Славяне-ободриты, хоть и являлись сородичами ладожан, но во многом были не похожи на них. Существовали различия в языке, религии, стереотипах поведения. Купцы, плававшие по Балтике, к этому привыкли и не обращали внимания, иначе как же торговать? Но разница сразу сказалась, когда большое количество иноплеменников пришло на Русь, да еще и оказалось в числе знати. Ну а дружина Рюрика была вообще «интернациональной» со значительным числом норманнов, занявших при князе ключевые посты. Да и сам он всю сознательную жизнь вращался то у франков, то в сбродной среде викингов, нахватавшись соответствующих привычек. То есть вместо «братьев-славян», каковых представляло себе и желало бы видеть большинство ладожан, к ним пришло войско балтийских головорезов — примерно таких же, как варяги, изгнанные раньше.

Видимо, недовольство усугубилось и тем, что восточные славяне привыкли к вечевому правлению, и «демократия» должна была особенно разгуляться в период межвластия. Рюрик же стал вводить единоличное правление. Даже более жесткое, чем у западных королей — их власть ограничивалась круп-

ными феодалами, при них сохранялись всякие «тинги», «альтинги», «сеймы». Но Рюрик старому славянскому боярству был чужд, новое — из его дружинников, набрать силу еще не успело, а с вечем и прочей «коллегиальностью» мог ли считаться вождь, привыкший единовластно командовать на борту пиратского корабля? Все источники сходятся на том, что несмотря на буйный нрав викингов, дисциплина в походах у них была железной. Добавим и то, что после распада державы Гостомысла о сборе податей, уж конечно же, было забыто. Но содержание профессиональной дружины требовало средств, и немалых. А возвращение налогового бремени вряд ли кому-то могло понравиться. Если учесть эти факторы, то понятно указание летописи: «Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: тако быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его».

Впрочем, должна была сказаться еще одна, и отнюдь не патриотическая подоплека восстания. Война с хазарами. Разумеется, каганат не смирился с поражениями. Над ним нависла угроза потерять и других славянских и финских подданных. В таком центре, как Ладога, не могло не быть еврейских купцов или их представителей. А рахдониты были опытными шпионами и дипломатами, имели в городской верхушке «своих» прикормленных людей. И уж ясное дело, постарались подогреть недовольство Рюриком. Его войско ушло на Волгу и Оку — так почему бы не подорвать его тылы? Причем, обратите внимание, под флагом борьбы за «свободы», за «права человека». Как все знакомо, правда?

Однако Рюрик оказался предводителем решительным и оперативным, восстание подавил мгновенно — «того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его» (светников — то есть, соучастников, соумышленников). И после этого посадил своих бояр-наместников в Белоозеро, Изборск, Ростов, Полоцк, Муром. Вероятно, как раз из этого факта Нестор (умолчавший или не знавший о восстании) сделал вывод, что братья Рюрика, ранее правившие в Изборске и Белоозере, одновременно скончались. А некоторые историки как раз и объясняют их смерть восстанием. Но

Никоновская летопись говорит только о выступлении против Рюрика словен, а не кривичей и веси. Да и само слово «светники» позволяет предположить, что имел место заговор, а не общее восстание. Поэтому более логичным представляется другое объяснение. Первые два года Рюрик пытался править на основе добровольного подчинения — как-никак, население само призвало его. И лишь после мятежа он принялся создавать собственную административную систему, назначая в подвластные города наместников.

Дальнейших территориальных приобретений за князем не значится. Вероятно, он сделал должные выводы из бунта словен и оценил непрочность своего государства. Решил пока удовлетвориться достигнутым, занялся внутренним устройством державы и укреплением ее рубежей. Археологические данные показывают, что как раз во второй половине IX в., при Рюрике, в Ладоге и Изборске возводятся каменные городские стены. Следы крупных военных поселений, относящиеся к этому времени, обнаружены на Волге под Ярославлем (Тимиревское городище), и недалеко от Смоленска (Гнездово) — и все находки свидетельствуют, что здесь располагались пограничные заставы и таможи Рюрика. Выявлено, что проживали тут скандинавы и какие-то западные славяне из Прибалтики. В Гнездово существовала большая крепость, обнаруживаются многочисленные арабские, византийские и европейские монеты, привозные вещи, найдены и весы. Тимиревская и Гнездовская базы перекрывали пути «в хазары» и «в греки». Проезжающие купцы останавливались тут, производился досмотр, взвешивание и оценка их товаров, уплачивались пошлины.

Особо стоит подчеркнуть еще один важный аспект деятельности Рюрика. На Балтике и Северном море бесчинства викингов продолжались вовсю. Они совершенно затерроризировали Англию, многократно грабили и жгли города по Эльбе, Рейну, Везеру, Мозелю, совершали набеги на земли прибалтийских славян, а на восточном побережье то и дело громили Курляндию. К середине X в. даже Ютландия, сама по себе пиратское гнездо, оказалась совершенно разоренной нападениями варягов. И только на Русь после прихода к власти Рюрика не

было больше ни одного пиратского вторжения! Она единственная из европейских государств, имевших выходы к морю, обрела безопасность от балтийских хищников. И в этом несомненная заслуга Рюрика.

Правда, варяги стали появляться на Волге — но лишь для торговли с хазарами. Князь с каганатом больше не воевал. Да и Хазария, похоже, не спешила нарушать мир. Еврейские купцы, торговавшие по всему свету, прекрасно знали, что такое варяжские удары — даже если получится отбиться, это грозило такими убытками, по сравнению с которыми потеря дани от мери и муромы выглядела бы сущей мелочью. Зато поддержание мира с Рюриком позволяло с лихвой компенсировать понесенный ущерб. За счет потока рабов, который теперь через Ладогу хлынул в Хазарию с пиратской Балтики. Так, в конце IX или начале X в., когда несколько норманнских эскадр добрались до Каспия, на рынки Востока выплеснулось более 10 тыс. невольников и невольниц из Франции и Нидерландов.

Надо думать, что и словене с кривичами и мерянами отнюдь не возражали против такого «транзита». Их государство богатело за счет пошлин. Их князь, не обременяя подданных лишними налогами, получил возможность защищать их — строить крепости, содержать войско. А сами подданные Рюрика могли за хорошую цену сбывать проезжающим хлеб, мед, пиво, рыбу, мясо, ремесленные изделия. Держава Рюрика и сама поддерживала связи с зарубежьем, при иностранных дворах о ней знали. В 871 г. германский и византийский императоры поспорили о своих титулах. И Людовик Немецкий в письме Василию Македонянину разобрал различные варианты титулования, в том числе «каган», перечислив при этом четыре каганата, Аварский, Болгарский, Хазарский и Норманнский. Тот факт, что после прихода варягов Русский каганат превратился в «Норманнский», служит еще одним доказательством его тождества с Ладогой, а не с Киевом. А впоследствии и киевские князья из династии Рюриковичей стали называть себя «каганами». Что в западной иерархии котировалось выше князя или короля. Людовик Немецкий приравнивает этот титул к латинскому «dominus» или греческому «василевс» — царь, государь.

Как ни удивительно, предвзятые взгляды ученых препятствуют не только объективному изучению славянской государственности, а даже и славянского язычества. И появляются утверждения, что наши предки поклонялись только примитивным «племенным богам», а единой славянской религии «никогда не существовало, поскольку славяне в дохристианское время не имели единого государства» [17]. Простите, но у древних греков единого государства тоже никогда не существовало, как и у германцев, кельтов, индусов. И почему-то никто не осмеливается отрицать наличие у них развитых религий. Хотя и у них в разных местностях выделялись «свои» божества-покровители. У тех же элинов в одних городах большей популярностью пользовалась Афина, в других — Посейдон, Артемида. И пантеон со временем менялся, дополняясь за счет фракийских, малоазиатские богов.

То же самое было в индуизме, родившемся на основе ведической индоарийской религии, вобравшей в себя культы покоренных и ассимилированных народов. В нем параллельно существуют множество школ, отличающихся и по учениям, и по обрядам — шиваиты, вишнуиты, кришнаиты, шактисты, тантристы, почитатели местных культов. Но тем не менее все исследователи согласны, что «несмотря на расхождения и различия разных течений, сект, направлений и взглядов, единство индуизма неоспоримо» [6]. Все это применимо и к религии древних славян. И, кстати, попытки исследовать ее путем отыскания прямых аналогов между русскими и греко-римскими божествами оказываются обречены на провал. Потому что верования Руси и античного Средиземноморья принципиально отличались.

На разных ступенях этногенеза славянские народы формировались из различных субстратов. А при этом из различных «слоев» формировалась и их религия. И самый мощный слой оказывается родственным как раз ранним формам индуизма, ведической религии древних ариев. Славянский и индийский

пантеоны практически идентичны. Так, одним из главных ведических богов был Индра. Он хорошо известен и у славян, неоднократно упоминается в «Велесовой книге»: «Ибо Индра пребудет вовек тем самым Индрой, который с Перуном все брани начинает» (II бг), «и Индра шел за нами, как шел за отцами нашими на ромеев в Трояновой земле» (II 7в). Его образ сохранился даже в христианские времена в сказаниях калик перехожих, где он трансформировался в «Индрик-зверя», владыку царства зверей, который «ходит по поднебесью» и служит помощником Бога — например, прокладывая реки при сотворении мира. Когда он разыграется, «вся Вселенная всколыхается», а живет он «у святой горы» — у индусов Индра жил на священной горе Меру. Имя «Индра» до сих пор бытует у западных славян.

А индийский Варуна — это Перун (хотя иногда считают, что Перун — это Парджанья, бог грозы. Но скорее, он вобрал в себя черты обоих, и верховного божества, блюстителя мирового порядка Варуны, и Парджаньи). Таких параллелей можно привести еще множество. Индийский Агни — это Огнебог-Семаргл, индийская богиня плодородия Сита — славянская Жита. И у индусов, и у праславян солнечным богом был Сурья (отсюда и Сурож). Хмельной напиток из забродившего на солнце меда назывался сурицей — а индийскую богиню вина звали Сури.

Сварог — индийский Брахма, его имя соответствует другому имени Брахмы — Сваямбху («Самосуший»). Впрочем, в ведической религии ариев бога-творца Брахму тоже звали иначе — Дьяус, что у разных народов трансформировалось в «Зевс», «Деус» или «Теос», т.е. просто «Бог», а у славян запечатлелось в именах Сварога — «Див» или «Дий». Дочь (а по некоторым версиям и жена) Брахмы, богиня мудрости Сарасвати — славянская Матерь Сва. Но в индуизме существует и понятие «брахман» — мировой дух. У славян термином «рахман» обозначались души умерших предков, и в некоторых местностях на Украине день поминовения усопших называли «рахман великдэнь» [106].

Славянская Дива, Дева, Девонна, Дзевана — индийская Дэви или разные ее ипостаси. Богиня любви и брака Лада (в Прибалтике — Лайма) — это Лакшми. Индийская Мара, богиня смерти — Марена, она же Мармора. А Мокошь, прядущая

нить судьбы и одновременно покровительствующая рукодельницам, родственна индийскому понятию «Мокша» — связи со «Всеобщей душой». Дажьбог — это Дакша, воплощение энергии и производящих сил, а Свентовит — Савитар или Шива (Сива). Кстати, Шива является сложным божеством, и Шакти, женская производительная энергия, также считается одной из его сущностей, как бы неотъемлемой половиной. А у славян соответствующая богиня сохранила даже имя Шивы — Жива. Сохранилось несколько ее изображений в виде молодой обнаженной женщины с ниспадающими до колен волосами, с яблоком и колосьями в руках, а у южных славян — с гроздью винограда. Божественная природа Шивы, заложенная в каждом живом существе, в индуизме называется «шиватва» — сравните с древнерусским понятием «живот». А понятие «душа» у индусов носит имя «джива».

Среди славянских божеств в «Велесовой книге» есть имя Вышень, у болгар оно же известно как «Вишна» — и разумеется, соответствует Вишну. А славянский Крышень — Кришна. У славян Крышень и Коляда — братья, разделившие смерть и бессмертие, то есть греческие Кастор и Полидевк. А в индуизме Коляда или Полидевк — это Баладева, брат Кришны. Но надо помнить, что у разных народов роль и функции богов со сходными или одинаковыми именами могли существенно различаться. Так, греческий Геракл был совсем не однозначен этрусскому Херкле. У минойцев и фракийцев Дионис являлся одним из верховных богов, а у греков занял «должность» бога вина. Функции небожителей могли и трансформироваться со временем. Например, те же Вишну и Кришна были в ранней ведической религии второстепенными божествами. И в пантеоне славян они тоже не занимали заметного положения.

Однако параллели между индуизмом и русскими верованиями не ограничиваются именами богов. Небесная обитель богов у славян называлась Сварга. У индусов точно так же называется рай Индры. Символ солнечного круговорота получил у индусов название «свастика» — а у прибалтийских славян известно божество Свайкстикс, отвечавшее за солнечный круговорот. И атрибутом его был тот же знак свастики. Разгульные народные праздники индуистов, посвященные любовным иг-

рищам Кришны с пастушками, называются «расалила» — и по звучанию, и по сути соответствуя славянским русалиям.

Наши русалки — индийские аспараси, девы небесных и земных вод, которые любят вводить людей в смущение, купаясь при них нагишом, или соблазнять мужчин, являясь им в свете луны. А индийские ветапы — вилы западных славян. (У восточных они стали называться тюркским словом «убур» — «упырь», а уже у венгров это слово стало произноситься как «вампир»). Иван-царевич в сказках сражается со Змеем-Горынычем на Калиновом мосту, а Кришна побивает стоголового змея на реке Калинди. Ну а наша с вами «родная» Баба Яга произошла от йогини — колдуньи и жрицы богини Кали, приносивших ей человеческие жертвы.

В «Стихе о Голубиной книге», записанном исследователями русского фольклора в XIX в., излагается легенда о сотворении мира: говорится, что белый свет взялся от Бога, солнце — от Его лица, луна — от груди, зори — из очей, ветры — от Духа Святого, а мир создан от Адама, камни из его костей, земля из плоти, из Адама сотворены и люди — причем цари из головы, а крестьяне из колена. Несмотря на использование христианской терминологии, сюжет этот очень древний, и в точности соответствует гимну «Пурушасукта» из «Ригведы», где описывается сотворение мира и людей из различных частей тела первочеловека Пуруши, из уст которого были созданы брамины, из рук — воины-кшатрии, из бедер — крестьяне-вайшьи, а из ступней — слуги-шудры.

Славянская религия включала в себя и очень сложные философские концепции. Например, Триглав — триединство Сварога, Перуна и Свентовита, соответствовал индийскому Тримурти — соединению в Едином Боге различных его сущностей, Брахмы, Вишну и Шивы (т.е. Отца, Сына и Духа, хотя, конечно, по толкованию и пониманию это триединство во многом отличалось от христианской Троицы). Да, славяне знали концепцию Единого Бога. Представляя ее примерно так же, как во многих школах индуизма или зороастризма, где различные божества являются проявлениями единого Ахурамазды. «Велесова книга», осуждая примитивное идолопоклонство, говорит: «А еще блудят иные, которые улещают богов, разделив их в Сварге. Из-

вержены они будут из рода, как не имеющие богов. Разве Вышень, и Сварог, и иные суть множество? Ибо Бог есть един и множествен, и пусть никто не разделяет того множества и не речет, якобы имеем богов многих» (III 30). Или «Едины есть Хорс и Перун, Яр, Купала, Лада, Дажьбог» (8). Это согласуется и с описанием славянских верований у Прокопия Кесарийского, которые часто воспринимаются как противоречивые — с одной стороны, «они почитают реки, и нимф, и другие божества», а с другой стороны — «они считают, что только один Бог, творец молний, является владыкой над всеми». У славян существовали и понятия о диалектическом единстве «трех миров» — Прави, Яви и Нави, то бишь духовного, физического и астрального планов (III 19).

Но арийская основа религии славян, родственная ведическому индуизму, на разных исторических этапах вбирала в себя те или иные добавки. Например, близкие малоазиатскому и фракийскому культу Диониса, пришедшему от пеласгов. В этом культе исследователи находят много «славянских» черт. Его мать звали Семела (Semela) — это имя легко читается как «Земля». А воспитывала его, согласно мифам, великая богиня-мать Кибела. Она же — славянская Купала. Сам же Дионис, по видимому, совместился с культом Дажьбога, оба они были умирающим и воскресающими божествами.

При формировании славянских этносов они вобрали в себя значительную кельтскую составляющую. И в их религии четко прослеживается «слой», соответствующий верованиям кельтов. Так, кельтский Бел или Беленос — это балтский Велс, славянский Велес, покровитель мудрости, поэзии и скотоводства. Как уже отмечалось, кельтского бога смерти звали Смертиус, а соответствующую богиню — Росмерта. Параллели очевидны. Юлий Цезарь писал о непонятном римлянам божестве по имени Дит Патар — «отец богов». А в «Велесовой книге» упоминается Патар Дий (III 19) — видимо, одно из культовых имен Сварога.

В кельтской мифологии фигурирует Жиль де Кэр, лошадь которого отвозит людей в загробный мир. А в «Слове о полку Игореве» Жля и Карна поскакали по земле за душами погибших. Хотя в принципе, ведь и кельты, германцы, фракийцы были арийцами. Поэтому можно отметить и параллели, об-

щие для многих народов. Например, Дажьбог, он же индийский Дакша — это кельтский Дагда («Добрый бог»). Индо-славянская Мара-Марена — грозная кельтская Морриган. Варуна-Перун — это Таранис (германский Тор). А Кибела-Купала — индийская Кали, одна из ипостасей богини-матери, но одновременно опасная владычица темных сил.

Прослеживается в славянской религии и значительный «слой», пришедший из скифо-сарматского митраизма. Отсюда в славянский пантеон перекочевал солнечный Хорс — одно из воплощений Митры (правильнее — Михры). Хорс или Хуршад — туранский бог, он считался главным у жителей домусульманского Хорезма, и туранцев-солнцепоклонников называли «хорсарами». У славян он занял место прежнего солнечного божества Сурьи и частично совместился с ним (в «Велесовой книге» он назван «Хорсом златорунным, коловращающим Сурью» (II 12). Огнебог принял свое второе имя «Семаргл» от птицы Симург, соответствующей тому же божеству. А в имени Свентовита узнается иранский Спента-Майнью («Святой Дух»). Само слово «небо» произошло от иранского «небах». На славянских вышивках часто обнаруживается образ богини-матери, изображенной в чисто парфянской манере, с двумя символами свастики вверху, а по бокам размещены кони, олени или пантеры.

Концепции митраизма и зороастризма нашли отражение в славянских верованиях о борьбе сил добра и зла, Белобога и Чернобога. Так, об обрядах питья сурицы «Велесова книга» сообщает: «И мы пьем ее во славу божью... И если иной не удержит своего естества в этот раз и скажет безумное, то это от Чернобога, а другой получит радость — и это от Белобога» (III 22). Белобог — одно из культовых имен Дажьбога. А настоящее имя Чернобога осталось нам неизвестным. Скорее всего, оно было табуировано, и вслух его предпочитали не поминать, заменяя словом «Кашей» — «раб». Потому что так же, как в митраизме и зороастризме, воплощение зла считалось побежденным и скованным. Предполагалось, что где-то в будущем этот бог вырвется на свободу, после чего будет побежден окончательно. Поэтому в сказках Кашей Бессмертный (то есть божество, эпитет «бессмертный» отделяет его от обычных кашеев-

рабов) предстает скованным цепями где-то на краю земли, а освобождается после нарушения тех или иных запретов. У западных славян зафиксирован и самостоятельный культ поклонения Чернобогу, но лишь в единичном случае. Может быть, он возник под влиянием манихейских и сатанистских учений, распространявшихся из Италии.

Загробных миров, по представлениям славян, было несколько. Один — «Сварожьи луга», светлый Ирий, счастливая страна с цветущими деревьями, богатыми стадами и полями, реками, полными рыбой. Второй — сумрачная Навь, царство Марены. Германцы тоже верили в светлую Валгаллу, где пируют воины, принятые в дружину Одина, и в мрачную страну Нифльхейм. Однако славяне, в отличие от германцев, считали, что в рай попадают не только герои, но и все, прожившие честно («Велесова книга», II 7е, I 9б, I 3б). А воинам, павшим на поле боя, Перуница дает выпить живую воду, они на белом коне едут прямо в Сваргу, обитель богов, и получают «чин в храбром войске Перуна» (I 8а, III 2б). Поэтому смерть не воспринималась как трагедия. Похороны сопровождались обильным пиром — стравой, и тризной — воинскими спортивными состязаниями.

Разумеется, была и мифология. Но представлять ее в виде особых книг-сборников бессмысленно. Таковых не имелось ни у одного народа. Мифы всегда передавались устно. Германские саги о богах Снорри Стурлссон записал только в XIII в. А, например, греческую мифологию, которую считают самой «известной», воссоздавали искусственно, выбирая цитаты из произведений Гесиода, Гомера, Эсхила, Софокла, Аристофана и т.п. Следы же славянской мифологии сохранились в некоторых фрагментах «Велесовой книги», «Слова о полку Игореве», в народных песнях, знахарских заговорах, былинах, сказках. Многие исследователи приходили к выводу, что в русском фольклоре прослеживаются очень глубокие корни. Например, только в наших сказках Бабе Яге присущи черты древней жрицы или богини, которая может быть жестокой и страшной, но чаще помогает добрым молодцам мудрыми советами.

Были у славян религиозные центры, святилища. Саксон Грамматик, Дитмар Мерзебургский, Адам Бременский, Гельмгольд и другие авторы описывают храмы Свентовита в Арко-

не, Радегоста в Ретре, Яровита в Вологоще (Вольгаст), Триглава в Браниборе (Бранденбург), Щетине и Волине и т.д. Уже упоминался храм Лады в Богемии. О красоте и великолепии славянских храмов писал арабский путешественник Аль-Масуди. Но храмовые здания и комплексы возводились только у западных славян. Там, где перенимались обычаи соседей. А для славянской культуры (как и для ранних форм все того же индуизма) храмостроительство было чуждо. В основном, святилища были открытого типа. Считалось, что при общении с божеством, человек не должен быть отделен от неба, природы.

Известны крупные святилища в Ромове, возле Новгорода, в Хотомели на р. Горынь, возле Чернигова. Изображения богов обычно изготовлялись из дерева, и поэтому до нас не дошли. Иногда дерево дополнялось золотыми или серебряными деталями. Которые, естественно, тоже не сохранились. Так, в XVIII в. под Черниговом был найден огромный идол, целиком отлитый из серебра — но небезызвестный Мазепа переплавил его в слитки. В результате к нынешнему времени уцелел чуть ли не единственный Збручский идол — каменный. Но часто искусственные святилища вообще не строились, и роль храмов играли священные рощи, священные источники, при них жили особые жрецы-хранители.

Жрецы отличались от остальных людей одеждой, длинными волосами и бородами, которых не подстригали. Их положение было наследственным, либо они отбирали себе преемников из способных юношей, обучали их и готовили. Адам Бременский упоминает, что славяне ездили в далекие паломничества к тем или иным знаменитым святилищам. Некоторые из них играли роль греческих оракулов. В Арконе предсказывали будущее по поведению священного белого коня, переступающего копыя. В Щетине — по поведению вороного коня. В Ретре — по предметам, которые обнаружатся в земле. Были и предсказания по выбрасыванию дощечек с рунами. Или черно-белых — какой стороной выпадет.

Что касается обрядов поклонения богам, то они составляли единый годичный цикл, связанный с природным и сельскохозяйственным. Многие такие обряды существовали и много позже, в христианские времена, когда о языческой их сущно-

сти было давно забыто — «колядование», святочные гадания. На Масленицу — кулачные бои, блины. Весной — хороводы, дни поминовения с «окличками» мертвых. На Троицу — завивание березки, изгнание русалок. На Купалу — добывание «живого огня», костры и игры. Праздники Зажинок и Дожинок при сборе урожая и т.д. [97, 221] Кстати, даже и в этих обычаях прослеживаются общие черты с индуизмом. Точно так же, как на Руси топили изображение Купалы и на Масленицу сжигали чучело Зимы, так и на праздниках индусов торжественно топят статую Кали или сжигают фигуру демона Раваны.

Многие славянские ритуалы были далеки от «целомудрия». Это было обычным для всех языческих религий. Ведь земное плодородие напрямую увязывалось с волей богов, и сексуальный акт почитался священным. В дошедших до нас памятниках славянской языческой культуры присутствует и мужская, и женская половая символика. Были обряды наподобие «священной свадьбы». Хотя исполнялись они уже не перед всем племенем, а на уровне сельской общины или в семьях. Очевидно, и в некоторых святилищах жрецами и жрицами. От этих обрядов в ряде местностей России вплоть до XIX в. дожил обычай ритуального совокупления мужа с женой на пашне для повышения плодородия.

Были и оргиастические Купальские игрища. Стоглав, осуждая их при Иване Грозном, сообщал, что «в городах и селах мужи и жены, отроки и девицы собираются вместе и со всякими скоморошествами, с гусями и с сатанинскими песнями, с плясками и скаканием, ходят по улицам и по водам, предаются различным играм и пьянству, и бывает отрокам осквернение и девам растление; а под конец ночи спешат к реке с великим криком, как бесные, и умываются водой». Но несмотря ни на какие запреты Церкви эти обычаи тоже просуществовали очень долго.

С древнейших времен вошли в славянскую религию и особые женские культы. Они имели место не только в Чехии и Моравии. Например, при крупном святилище в Ромове была община служительниц-гриваиток, подобных римским весталкам. Точно так же они были обязаны сохранять девственность и поддерживать неугасимый «живой огонь». Если какая-то из

них нарушила девичество или по ее небрежности огонь погас, ее ждала смерть (то есть порядки были суровее, чем у весталок — их лишали жизни только за нецеломудрие, а за неподдержание огня подвергали лишь порке). Но и во всех общинах славян были особые девичьи фратрии. Следы их существования прослеживаются в обрядах «девичников», в праздновании «Честного Семика», куда не допускались посторонние, а девушки выполняли свои обряды — с песнями в честь Лады украшали березу, «крестили кукушку» (одно из воплощений Перуна), «кумились» и символически «венчались» между собой. А название «Семик» очень близко к имени Смик — у пруссов это был бог девственности [189].

Были и обряды, исполнявшиеся замужними женщинами. Женским праздником являлись «Дожинки». Они же справляли проводы осени — для этого домохозяйки пекли овсяный хлеб и босиком, в одних сорочках шли ночью к реке или озеру, где производили тайные ритуалы. На женщинах лежали и обряды защитной магии. Например, при эпидемии или эпизоотии («коровьей смерти») деревня опахивалась или боронилась по кругу. При этом в плуг или борону впрягались голые женщины, часто для такой роли выбирали беременных, а сопровождало их, читая заклинания, шествие всех односельчанок, также в раздетом виде. И любое живое существо, попавшее на пути, будь то чья-то собака, скотина, ребенок или мужчина, полагалось убивать на месте.

Ритуальная нагота в данном случае также была обычным явлением для языческих религий. Она служила для более тесного «единения» с природой и богами. В минимальной одежде или без нее выполнялись некоторые виды священнодействий, обряды «домашней магии». Так, до XIX в. на Руси дожили обычаи «обегания» голыми девушками садов и огородов для защиты из от вредителей, а в Полесье — тайных обрядовых танцев обнаженных девушек и женщин при проводах лета.

Важным актом языческих верований были и жертвоприношения. Но у восточных славян человеческих жертв не практиковалось. «Велесова книга» сообщает: «Боги русские не берут жертв людских или животных, а только плоды, овощи, цветы и зерна, молоко, сурью питную, на травах забродившую, и мед, но

никогда живую птицу и не рыбу» (I 46). «Мы имеем истинную веру, которая не требует человеческих жертв. Это делается у варягов, приносящих такие жертвы и именующих Перуна Перкуном. И мы ему жертвы приносим, мы же смеем давать полную жертву от трудов наших — просо, молоко и жир, и подкрепляем Коляду ягненком, а также на русалиях в Ярилин день, также на Красную Гору» (II 7а).

Жертвоприношение было не «данью» богам, а совместной трапезой с ними. Часть уделялась жрецам, часть употребляли сами приносящие. Этот обычай долго существовал на Руси в виде «петровского барашка» — на Петров день сельчане обязательно забивали барана и съедали его на «братчине». Перуну жертвовали и петухов. А пивом, «освященным» в ходе жертвенной трапезы, кропили скотину, предохраняя ее от падежа.

Правда, при похоронах знатного лица умерщвляли одну из наложниц, иногда — нескольких слуг. Но это не было жертвоприношением. Они просто «проводжали» усопшего в загробный мир. Похороны знатного руса подробно описал Ибн-Фадлан, наблюдавший их в Булгаре. Когда умер богатый воин и купец, родственники опросили его челядь, кто желает последовать с ним. И одна из девиц вызвалась добровольно. Свою участь она воспринимала отнюдь не трагически — ведь она на том свете получала приоритет перед другими наложницами и женами, которые придут туда позже. Десять дней в ожидании смерти избранница проводила в пирах и веселье, поочередно ходила в гости ко всем друзьям и родственникам покойного, которые должны были совоккупиться с ней в знак уважения к ее господину.

Ладей усопшего вытаскивали на берег, на ней сооружали шатер, где усаживали труп. Обкладывали дровами и хворостом. «Сопровождающую» девицу в день похорон наряжали в праздничные одежды. Играли на музыкальных инструментах, пели. Убивали и клали на погребальный костер собаку, лошадей, петуха и курицу. На закате солнца начиналась главная церемония. Девицу трижды поднимали над воротами, построенными у костра, спрашивали, что она видит. В первый раз она говорила — мать и отца, во второй раз — всех умерших сородичей, в третий — господина, сидящего в райском саду со своими дружинниками и зовущего ее.

Умерщвление производила женщина-жрица, называвшаяся «ангелом смерти». И ремесло ее было потомственным, подручными выступали две ее дочери. Обреченная пела погребальную песнь, раздаривала часть одежд и украшений. Дочерям жрицы она отдавала ножные браслеты (почему-то эту деталь не полагалось брать с собой на тот свет, о них сообщается в письменных источниках, но в погребениях их не находят). Близкие родственники покойного еще раз вступали в половую связь с жертвой. Потом жрица опускала ее на колени, вталкивала голову и верхнюю часть туловища в шатер с трупом и набрасывала на шею веревку. Двое мужчин тянули в разные стороны за концы — чтобы жертва не издала предсмертный крик, это считалось дурным знаком. А жрица колола девушку кинжалом под ребро. Костер зажигали, и начиналось пиршество до утра. После чего собирали останки и хоронили, насыпая курган.

Однако у западных славян, отчасти перенимавших обычаи соседних германцев и балтов, человеческие жертвоприношения осуществлялись куда более широко, чем у восточных. Ритуальные убийства пленников зафиксированы у поляков, варангов, руян, пруссов, поморян. «Велесова книга» не случайно ссылается на балтское имя Перуна — Перкун, Перкунас. У литовцев человеческая кровь лилась именно на его алтарях. Что перешло и к их соседям. Автор «Велесовой книги», судя по всему сам из жрецов, считает это нарушением истинной веры, ересью: «И это варяги и греки богам дают жертву иную и страшную, человеческую» (I 46).

Греков автор, настроенный антихристиански, приплюсовал, конечно, «за компанию». Но сбродные варяжские дружины действительно исповедовали весьма суровый конгломерат из разных прибалтийских культов. Своих богов представляли такими же крутыми и свирепыми, как были сами. И считали человеческие жертвоприношения самым естественным способом отблагодарить их за удачу или испросить новых милостей. Известно, скажем, что знаменитый викинг Хрольв, ставший герцогом Нормандии и даже принявший крещение, перед смертью сделал крупные вклады в церковь, но одновременно приказал зарезать на алтаре сотню пленников. На всякий случай, чтобы еще и Одину угодить. Варяги могли отправить жертву

за борт, чтобы умиловить богов в бурю — что отразилось в былине о Садко.

У литовцев, как и у саксов, существовал обычай приносить в жертву и юношей и девушек из числа своих соплеменников, избранных по жребию. Он тоже был перенят прибалтийскими славянами, хотя практиковался реже, чем у германцев и балтов, только в каких-то особо важных случаях. И вместе с варягами эти обряды пришли на Русь. Правда, Рюрик был крещеным. Но у викингов не предводитель определял веру дружины, а наоборот. Вспомним, что даже князь Святослав Игоревич по этой причине отказался от предложения матери Ольги принять крещение. А двор и войско Рюрика составляли норманны, ободриты, руяне. Они становились его чиновниками и наместниками. Внедряя и свои кровавые культы. И не исключено, что как раз «реформы» религии и расшатывание ее древних устоев впоследствии облегчили победу христианства на Руси.

ВАРЯГИ И КИЕВ

История возникновения Киевской Руси и дохристианского периода ее жизни в летописях отображена как бы «пунктиром». С большими пропусками, неточностями, нестыковками. Что неудивительно, летописцы восстанавливали ее по преданиям, воспоминаниям, греческим и скандинавским хроникам. Поэтому данный период допускает значительный простор для тех или иных интерпретаций. И в последнее время широкое распространение получила версия событий, построенная Л.Н. Гумилевым, — из-за его авторитета, высокой эрудиции, хорошей читаемости и, как следствие, больших тиражей произведений.

Но, должен сказать, его версия не просто ошибочна, она ложна. Нельзя отрицать заслуг Льва Николаевича в создании теории этногенеза и истории Великой Степи. Но как только его описания по времени и месту приближаются к Руси, исследования подменяются субъективным моделированием. Причем накладывается, с одной стороны, неприязнь автора к «немцам», евреям, а с другой — идеализация тюркских народов и Визан-

тии. Славянам же оставляется роль некой пассивной глины, которая испытывает «положительные» или «отрицательные» воздействия, но никакой самостоятельности для нее почему-то не предусматривается.

На самом деле теория о противостоянии «немцев» и славян применительно к реалиям VIII — IX вв. является анахронизмом. Как мы видели, «немцы» вполне могли вступать в союзы со славянами, воюя против «немцев», и наоборот. Ободриты были друзьями франков, лютичи — саксов и датчан. И подобное положение сохранялось еще долго. В XII в., когда герцог баварский и саксонский Генрих Лев решил окончательно завоевать земли ободритов, он снова сделал это в союзе с лютичами. А пленных продавал в рабство «братьям-славянам», полякам и чехам. Когда же император Фридрих Барбаросса задумал разделаться с усилившимся и обнаглевшим Генрихом Львом, то не мог его одолеть, пока не переманил на свою сторону князя лютичей. И вместе разгромили. Известны и случаи, когда немецкие рыцари переходили на службу к русским князьям. Противостояние началось лишь в конце XII — начале XIII в. После того как римский папа направил крестовые походы на прибалтийских славян-язычников, а потом и на православных, приравняв их к язычникам. Но и тогда грань пролегла не по этническому, а по конфессиональному признаку. Католики — чехи и поляки, стали для Запада «своими». Никуда не делись и лютичи, поморяне, вагры, руяне, пруссы. Одни, как союзники германцев, окатоличились добровольно, другие были покорены оружием. И постепенно германизировались, сменив язык и превратившись в немцев.

Что же касается отношений славян с греками, то анализ произведений Л.Н. Гумилева показывает — историю Византии он представлял весьма поверхностно. Порой путал важные детали, не учитывал облика и особенностей политики тех или иных императоров. В результате и здесь вместо реальной картины возникла грубая схема. Впрочем, для исследователя простительно не знать каких-либо фактов — всего знать невозможно. Простительно ошибаться — это свойственно любому человеку. Простительной может быть и вольная или невольная «подтасовка», любой автор субъективен, а выстраивать факты

так, как он сочтет нужным, — его полное право. Но при внимательном разборе трудов Гумилева оказывается, что некоторые факты были преднамеренно «сконструированы». То есть придуманы автором, чтобы подкрепить его схемы. Другие же факты, не лезущие в эти схемы, опускались. Или голословно объявлялись «недостовверными». И вот такие методы никак нельзя считать допустимыми.

Вряд ли можно согласиться и с аргументацией, характерной не только для Л.Н. Гумилева, но и для многих других ученых — когда в качестве весомых доказательств используются ссылки «как считал Шахматов», «как указывал Пашуто» и т.п. Потому что научных авторитетов много, и при желании всегда можно найти того, кто считал и указывал вот так-то. Нет, давайте уж проследим историю рождения Киевской Руси не по чьим-то версиям и мнениям, а по фактам. И для начала рассмотрим международную обстановку.

В Византии наконец-то прекратилось иконоборчество. Православие стойко выдерживало обрушивавшиеся на него удары. И император Феофил, видимо, отчаялся искоренить иконопочитание. При нем масштабы гонений сократились. Военные поражения и политические неудачи подорвали популярность императоров-иконоборцев и в армии. И после смерти Феофила его вдова св.Феодора, ставшая регентшей при малолетнем Михаиле III смогла беспрепятственно восстановить Православие. Произошло это в первое воскресенье Великого Поста в 843 г., что и празднуется Церковью как Неделя Торжества Православия.

На пост патриарха Феодора выдвинула Игнатия. Он был сыном ранее свергнутого императора Михаила I, после переворота оскорплен и заточен в монастырь. Прославился строгой праведностью, был популярен среди «черного» духовенства. Сама же Феодора проявила себя мудрой и деятельной правительницей. Одним из первых ее шагов был решительный удар по павликианам, разорявшим Малую Азию набегами и разлагавшим ее своей ересью. Против них императрица направила своих доверенных полководцев, 100 тыс. еретиков было перебито, 5 тыс. бежали к арабам. При Феодоре были подчинены и славяне, заселившие Пелопоннес. Впрочем, подчинены номинально. Они по-прежнему жили своими общинами по собст-

венным обычаям и законам, только признали зависимость от империи и обязались платить дань — сугубо формальную. Например, с племени езеритов взималось 300 номисм в год, с млингов — 60. Для сравнения, в Византии один крестьянин-домовладелец платил 6 номисм.

С восстановлением Православия исчезли причины для религиозной розни с Римом. Поэтому Феодора и Игнатий попытались восстановить единство Церкви. Начались переговоры, пересылка посольствами. Ан не тут-то было. Римские папы уже привыкли ориентироваться на германские королевства. Выступали арбитрами в из спорах, короновали королей и императоров. И уже возникло представление о том, что власть пап выше светских монархов. Поэтому и с Византией они пытались общаться «сверху вниз», как с «заблудшей овцой», вернувшейся в их многочисленное стадо.

Папы и сами были теперь в значительной мере «светскими» властителями, имели собственные владения, вели активную внешнюю политику. Проповедники латинской церкви направлялись в Скандинавию, к западным и южным славянам. Так, Паннония, Словения, Хорватия отданы были в ведение Зальцбургской архиепископии, Моравия и Чехия — архиепископии Пассау. И возникла совершенно новая система Церкви наподобие феодального государства. В этой системе архиепископы могли и конфликтовать с папой, если считали, что он нарушает какие-то их права — точно так же, как графы и герцоги конфликтовали порой с королями. Тем не менее римский первосвященник оставался наднациональной «высшей инстанцией».

Для Византии претензии Рима ставить себя выше светских властей были неприемлемы. И константинопольские цари считали себя единственными законными христианскими императорами, а не одними из многих. В общем, достичь взаимопонимания не удавалось. И надо сказать, патриарх Игнатий в данном случае оказался не на высоте положения. Он был хорошим монахом, игуменом. Но отнюдь не политиком. «Великодержавных» притязаний Рима он не понимал. Как и невозможности восстановления прежнего положения, до раскола. Старался хоть как-нибудь уладить трения, шел на уступки. В результате только проигрывал по всем статьям, а папа еще больше задира л нос.

При Феодоре испортились и отношения Византии с Хазарией. Императрица не выказывала желания угождать иудейским купцам и правителям каганата. Уничтожила еретиков, с которыми они были связаны. А Хазария преследовала христиан, продолжала практику натравливать зависимых от нее славян на греческие города Причерноморья, чтобы крушить торговых конкурентов. И дошло до фактического разрыва между империей и каганатом.

Хазария, покорившая множество народов, находилась в это время на вершине успехов. И попросту обнаглела. Ее царь даже примерял для себя роль покровителя иудеев всего мира. Не довольствуясь запрещением христианской церкви, в 854 г. начал гонения и на мусульман. Что объяснялось и вполне светскими причинами. По законам ислама единоверцев нельзя было продавать в рабство. А значит, и хазар-мусульман, обращенных в рабство за неуплату налогов, нельзя было продать на Восток. Простонародье узнало об этом и ринулось переходить в ислам. Однако правительство, поняв суть дела, пресекло «отдушину», муллы и проповедники были казнены, исповедание этой религии запрещено, Многие мусульмане из Хазарии бежали в Закавказье.

Но... властители исламского мира в таких вопросах шутить не любили. Последовало охлаждение. А ведь каганат жил и богател за счет международной торговли. Тут-то и выявилось его уязвимое место. Конфронтация с исламом перекрывала пути на юг, вела к прямым убыткам. Конфронтация с Византией закрывала пути через Босфор в Средиземноморье. А мадьяры провалились к Дунаю, воевали с болгарами и нарушали самую удобную дорогу на Запад. В общем, поневоле призадумался, какую политику вести.

Впрочем, ситуация в Константинополе вскоре стала меняться. У Феодоры подрастал сынок Михаил III. Нет, он не был иконоборцем. Но и не стал православным. Он стал безбожником. Плюс дураком, развратником и пьницей. Его воспитание сумел замкнуть на себя дядя мальчишки, Варда, потакая всем порокам, чтобы возвыситься самому. Царь окружил себя компанией грязных шутов и проходимцев. В ходе попок издева-

лись над Церковью. Рядились в одежды священнослужителей, некий Грилл стал «патриархом», а 11 собутыльников — «митрополитами». Пародировали богослужение, причастие. Устраивали в таком виде шествия по городу, а при встрече с патриархом Игнатием поносили его ругательствами, бесстыдно задирали подолы одеяний.

Что-либо предпринять против Михаила Игнатий оказался не в состоянии, ограничивался увещеваниями. И Феодора не могла повлиять на сына. Практически перед ней встал тот же выбор, что и перед св.Ириной, — свергнуть отпрыска и править самой. Но Феодора на такой шаг не решилась. И удары обрушились на нее. В 855 г. Варда и Михаил распространили клевету, будто императрица состоит в связи с логофетом Феоктистом. Арестовали его и казнили, лишив Феодору ее главной опоры. Потом уекли в монастырь четверых ее дочерей, сестер Михаила. А в 857 г. постригли в монахини и Феодору. При отстранении от власти она дала отчет сенату, и выяснилось, что за время правления она невиданно обогатила казну, оставив сыну огромное количество золота и серебра. Ну да он быстро пустил все в трубу. Во время пьянок и бисексуальных оргий швырял 100 золотых тому, кто сумеет пустить ветры, погасив свечу на столе. Устраивал пышные цирковые представления, не скупясь на награды. Наорал на вельможу, явившегося с докладом о наступлении арабов, захвативших две провинции, — он отвлек царя от «более важного», гонок колесниц.

Но при ничтожестве Михаиле выдвинулись действительно талантливые люди, хотя и не чистыми путями. Толковым государственным деятелем стал Варда. Он получил сан кесаря-соправителя, а фактически захватил власть. Патриарх Игнатий, не давший согласия на принудительный постриг Феодоры, был смещен. И на его место Варда назначил Фотия. Это был очень образованный человек, преподаватель богословской академии и мудрый политик. Правда, он являлся светским лицом. Его в 6 дней провели через все ступени священства и сделали патриархом. Выдвинулся и Василий Македонянин, будущий император. По происхождению армянин, он был слугой у некоего Феофилицы. На пиру у Варды обратил на себя внима-

ние, победив знаменитого борца-болгарина, и вошел в свиту кесаря. Потом сумел обуздать строптивого жеребца — и стал любимцем Михаила.

А положение Хазарии продолжало усложняться. В Ладогу пришел Рюрик, отобрал ряд земель. Закупорил торговые пути на запад через Финский залив и Западную Двину. Ну а на Днепре объявились Аскольд и Дир... Кем они были? Версию ряда исследователей, что они-то и являлись настоящими полянскими князьями, свергнутыми узурпатором Олегом, надо отбросить. Доказательством прихода извне новых правителей является резкое изменение политики Киева. С 860 г. полянское княжество вдруг становится весьма агрессивным и воюет со всеми подряд, чего до этого времени не наблюдалось. Аскольд — не славянское имя, он был скандинавом и известен в шведских сагах как Хаскульд. Происхождение Дира неясно. Летопись называет их «боярами» Рюрика, хотя и «не племени его». Якобы они отделились от князя и отправились искать счастья в Грецию. Правда, на юге они появились до летописной даты «призвания варягов», до 862 г. Но ведь и сам Рюрик, очевидно, прибыл в Ладогу ранее этого года. То есть Аскольд с Диром сперва и впрямь могли входить в число его наемников.

Но они вполне могли прийти на Русь и независимо от него. В данный период многие викинги осваивали новые края самостоятельно, выискивая, где подвернется удача или возможность пожить. «Велесова книга» сообщает, что «Аскольд был варягом оружным, который купцов эллинских охранял, ходивших до Днепра-реки» (III 29). Вероятно, и Дир был из таких же. В Киеве они появились где-то в конце 850-х гг. Город показался им лакомой добычей. Торговый и ремесленный центр, контролирующий важный речной путь, удобная база для выхода на Черное море. А зависимость от хазар давала возможность выступить в качестве освободителей, привлечь на свою сторону местное население.

Поэтому захват был легким. Хотя, согласно «Велесовой книге», далеко не бескровным. «В то время пришли в Киев варяги с купцами и побили хазар» (II 4в). «Варяги пришли и землю взяли под руку свою от хазар, которым мы дань отработывали» (II 2а). Были и какие-то столкновения со славянами. «И тут

первые варяги пришли на Русь, Аскольд силой погромил князя нашего и растоптал его. Аскольд после Дира уселся на нас как непрошенный князь, и начал княжить над нами, и пребывал вождем от самого Огнебога, очаги хранящего» (II 6е). «Аскольд злой пришел на нас, и согнулся мой народ от длани его» (II 7г). Сообщается, что в Киеве варяги повесили «Свентояричей» — потомков борусского князя Свентояра (II 4б). Возможно, вместе с хазарами была уничтожена зависимая от них местная верхушка.

«Велесова книга» подтверждает предположение некоторых ученых, что сперва в дуэте лидировал Дир. А Масуди, рассказывая о славянах, упоминал «царство ад-Дира». Правда, форма написания в арабском тексте такова, что позволяет предположить не личное имя, а топоним или этноним, и иногда эту информацию относят к княжеству тиверцев на «Тире» — Днестре, либо считают искаженной формой слова «древляне». Но можно допустить, что сначала княжил Дир. Или он являлся «головой» задуманного предприятия. Или действительно был славянином, и ему предоставили первенство, дабы поляне легче признали новую власть. Но реальной силой варяжской дружины командовал Аскольд. И отодвинул Дира на второй план.

Все это было обычным для викингов, захватывавших базы в разных странах Европы и основывавших свои герцогства. Но такие захваты никогда не были конечной целью пиратов. Они становились опорными пунктами для дальнейших набегов. Аскольда, разумеется, манила богатая Византия. «Велесова Книга» сообщает: «Аскольд пришел со своими варягами к нам, и Аскольд, враг наш, говорил, что пришел защитить нас и лгал, что он враг только грекам» (III 29). Что ж, ход был многоцелевым. Полян освободили от хазар, теперь звали пограбить ромеев. Почему бы не примириться с такими властителями? Походы на Византию у славян всегда считались делом стоящим. Войско собралось значительное — 200 кораблей (8 — 10 тыс. воинов). А мобилизовывать такое количество насильно было бы опасно. Значит, нашлись желающие.

В июне 860 г. эскадра нагрянула на Константинополь. Император Михаил III с главными силами армии и флота был в походе против арабов. Столица оказалась почти беззащитной.

Пошло разорение ее окрестностей. Патриарх Фотий в проповеди «На нашествие россов» рассказывал, что враг «истребил живущих на этой земле, не щадя ни человека, ни скота, ни сходя к немощи женщин, не жалея нежности детей, не уважая седину старцев». Опять же описываются ужасы, типичные для викингов и хорошо знакомые в эти времена жителям Англии, Франции, Германии, Италии. Спасло Константинополь только чудо, которое византийцы связали с ризой Пресвятой Богородицы. После крестного хода ее опустили в море и возложили на алтарь во Влахернской церкви. И вскоре началась буря. А пришлые варяги переменчивого нрава Черного моря, видать, не знали, мер предосторожности не предприняли. Шторм разметал и разбил их корабли, многие утонули, и остатки эскадры уплыли прочь.

Историки часто задаются вопросом — если Аскольд с Диром захватили Киев у хазар, то почему же канагат стерпел? Не отреагировал? Ответ прост. Во-первых, хазар отвлек Рюрик. Он, как ранее отмечалось, занял земли мери и муромы, и это было опаснее, по Волге можно было прорваться к Итилю. Стало быть, каганату пришлось готовить оборону с севера. А во-вторых, в 860 — 861 гг. случилась война хазар с мадьярами. И каганат ее проиграл. Эти события на время заставили прежних хозаев забыть о Киеве. Положение Хазарии стало критическим. Она теперь находилась в кольце врагов. И как же в такой ситуации торговать? Иудейскому царю пришлось пересматривать политику. Брать курс на нормализацию отношений с соседями. При этом было решено сделать «хорошую мину при плохой игре», устроить в Итиле формальный диспут между христианскими, мусульманскими и еврейскими богословами, пригласив миссии из халифата и Константинополя.

И для патриарха Фотия это оказалось очень кстати. Конфликт между Западной и Восточной Церковью еще больше углубился. Предлогом стало низложение Игнатия. Часть греческого духовенства, недовольная этим, обратилась в Рим. И папа Николай I обрадовался возможности вмешаться в византийские дела, стать «верховным арбитром». Поставления Фотия он не признал, приняв сторону партии Игнатия. Патриарх так и эдак пытался устранить спорные вопросы. Папа отвергал все.

И Фотий, в отличие от Игнатия, понял, что дело не в частностях. Даже не в персональной кандидатуре константинопольского первосвященника. Что Рим — враг Византии и преднамеренно не идет на полюбовное улаживание конфликта.

Ну а коли так, Фотий, прекрасный богослов, начал бить оппонентов их же собственным оружием. Папы, не признав VII Вселенского Собора, по-прежнему тыкали греков носом в ересь иконоборчества (которой уже не было), придирались к неканоничности поставления Фотия. Тогда он первым обвинил латинян в ереси с добавлением в Символ Веры слова «*filioque*», блестяще опроверг претензии пап считать свою власть выше светской. Фотий обратил внимание и на то, как Рим и германские короли используют миссионерскую деятельность, прибирая под свое влияние все новые племена и страны. И в противовес решил создавать мировую «византийскую систему». Тоже через распространение христианства, но из Константинополя. Стал улучшать связи с церквями Армении, Грузии, Сирии. И принял предложение Хазарии.

Возглавил миссию любимый ученик Фотия Константин — в монашестве Кирилл. Он и его брат Мефодий (в миру предположительно Николай) родились в Солуни, окрестности которой населяли славяне. С детства знали славянские языки. Константин был прекрасным проповедником, философом, лингвистом, дипломатом, он уже успел поучаствовать в посольстве к арабам. И вместе с братом отправился в Итиль. Доплыв до Крыма, миссия некоторое время провела в Херсонесе. И здесь св. Кирилл увидел две книги, Евангелие и Псалтирь, написанные «русьскими письмены». Встречался и с русичем, жившим в этом городе, общался с ним, изучая его язык. Откуда взялись упомянутые книги, трудно судить. Возможно, они были ругскими — принадлежавшими австрийским ругам (арианам), а от них попали к родственным русам. А может быть, кто-то из русичей, крестившись, решил переписать тексты своими, понятными ему буквами — как уже отмечалось, письменность на Руси была, на основе рун и греческих букв. Данный случай как раз и послужил толчком к разработке св. Кириллом славянского алфавита и переводу Священного Писания на славянский язык. Он усовершенствовал, упорядочил виденные им буквы. И последующий

его перевод книг для моравцев называется «руским», а в одном из списков к перечню букв кириллицы дано примечание «се же есть буква славенска и болгарска еже есть русская».

Во время пребывания миссии в Херсонесе к городу подступила рать какого-то «хазарского вождя». Видимо, кто-то из славенских вассалов каганата очередной раз решил «сходить на Сурож». Или печенеги, нанятые каганатом для войны с мадьярами, решили попутно подзаработать грабежом греков. «Житие св. Кирилла» рассказывает, что он участвовал в переговорах с предводителем нападавших, даже обратил его в христианство, и тот увел свое воинство. А диспут в Итиле прошел так, как и предполагалось по хазарскому сценарию. Разумеется, св. Кирилл, мусульманский и иудейский ученые заведомо не могли переубедить друг друга. Но местной купеческой верхушке этого и не требовалось. Царь объявил, что поражен мудростью как Кирилла, так и проповедника ислама. И «в знак уважения» к ним разрешил в каганате исповедания их религий. Будущий славянский просветитель там же окрестил 200 человек. А вместо предложенных богатых даров попросил отпустить византийских пленников. И царь эту просьбу тоже уважил. Словом, сделал «широкие жесты» для нормализации отношений с Византией и Востоком. Открыл себе торговые пути. А греки помогли ему замирииться с мадьярами.

Еще одним шагом политики Фотия по созданию «византийской системы» стало крещение Болгарии. Эта страна пышно расцвела, усиливалась, принимала активное участие в международных делах. Но, по понятиям того времени, для полноценного вхождения в круг европейских держав требовалось быть христианами — иначе останешься «дикарем». И царь Борис повел на этот счет переговоры с Римом, с германским императором. Однако Фотий предпринял все усилия, чтобы перетянуть его под крыло своей церкви. И выиграл — греческая культура была ближе для болгар, многие знали греческий язык, в отличие от латинского.

В 864 г. Борис принял крещение от Константинопольского патриархата. Впрочем, тут же и обжегся. Византия попыталась подмять его под себя. Дескать, раз он вошел в лоно Восточной Церкви, то стал и подданным императора. Ему был присво-

ен второстепенный чин в византийской придворной иерархии. Чисто формально, но в Средневековье таким формальностям придавалось большое значение, и понравиться царю они никак не могли. Как и то, что греческие священники стали, по сути, греческой «пятой колонной» в Болгарии. И Борис совершил крутой поворот, снова сближаясь с Римом, откуда попросил прислать епископа и священнослужителей.

Что же касается Аскольда и Дира, то они, кроме полян, попытались подчинить и другие славянские племена. «Велесова книга» говорит, что они воевали с северянами, взяли один из городов. А новгородские летописи сообщают о войне Аскольда с древлянами и уличами. Хронология этих сражений неизвестна. Но успехов новые властители Киева не добились. Соседи признать их власть отказались, и покорить их не удалось. «Велесова книга» — единственный источник, который говорит, что и Рюрик побывал в Южной Руси. Рассказывает, что он «как лис ходил хитростью в степи и бил купцов, которые ему доверялись» (III 8/1). И что встречался с Аскольдом: «Аскольд и Рюрик по Днепру ходили и людей наших звали на войну» (III 8/1). Можно предположить, что Рюрик попал на юг в ходе борьбы с хазарами после присоединения к своему княжеству Мурома. И войну он, конечно, вел по привычным ему варяжским правилам — отнюдь не считая преступлением убить и ограбить хазарских купцов. Тем более уже отмечалось, что они в каганате играли роль шпионов и дипломатов.

Но взаимоотношения между Рюриком и Аскольдом остаются неясными. Возможно, киевские варяги признали себя вассалами князя — тогда они действительно могли считаться его «боярами» и править от лица «самого Огнебога» (очевидно, именем Огнебога-Семаргла, инкарнацией которого был сокол-Рарог, правил и сам Рюрик). А может быть, Аскольд и Рюрик звали людей на войну друг против друга? Как бы то ни было, в итоге они разошлись в разные стороны. После встречи с Рюриком «Аскольд воинов своих посадил на ладьи и пошел грабить иных, и стало, что пошел он на греков, чтобы уничтожать их города и жертвы богам приносить в землях греческих» (III 8/1). Скорее всего, это было в 864 г. Именно тогда Рюрик должен был уйти на север, где вспыхнуло восстание Вадима Храб-

рого. А Аскольд предпринял второй поход на юг. Но на этот раз не на греков, а на болгар. И снова потерпел неудачу. Никоновская летопись сообщает: «Лета 6372 (864) убиен бысть от болгар Осколдов сын».

И обратим внимание — Аскольд и Дир после захвата Киева за несколько лет ухитрились задеть всех и перессориться со всеми соседями! С хазарами, византийцами, болгарями, древлянами, северянами, уличами. А каганат о потере полянской земли отнюдь не забыл. И как только расхлебал другие проблемы, нанес удар. Только надо помнить, что хазарские иудеи редко воевали собственными силами. Наемная хорезмийская гвардия предназначалась для карательных рейдов, подавления восстаний, удержания в повиновении подданных, обороны Итиля. Для крупных операций численность 7 — 12 тыс. была недостаточной. Пошлешь их на войну, а кто столицу прикрывать будет? Для этого привлекали степняков.

И между 864 и 866 г. зафиксировано нападение на Киев печенегов. В Причерноморье они еще не жили и приходили сюда, когда их нанимал каганат. Брать укрепленных городов они не умели, но прижали варягов и полян серьезно. Сообщается, что в Киеве был «плач и голод великий». Каким-то образом выдержали осаду, сумели отбиться. Но стало ясно, что в изоляции существовать не получится — не те так эти сомнут. Требовалось искать союзников.

Возможность договориться с хазарами при таком раскладе отпадала — они потребовали бы вернуть Киев. И Аскольд с Диром выбрали Византию. Как раз в это время в греческих хрониках встречается известие, что Русь приняла крещение, а в 866 — 867 г. в Киев отправились церковные учителя. Правда, варяги вряд ли знали историю Причерноморья. Например, обычай греков использовать своих союзников, а при изменении ситуации бросать на произвол судьбы. Но в данном случае помощь они действительно получили. Поскольку друзьями Константинополя были мадьяры. И факты показывают, что с ними установился контакт — воинственные венгры, всю территорию соседней полян в данный период не трогали. Наоборот, прикрыли его от хазар — может, как раз мадьяры помогли отогнать осадивших Киев печенегов. Очевидно, постаралась и

византийская дипломатия в каганате. И после 866 г. хазары не возобновляли ударов против Аскольда и Дира.

Альянс с Киевом представлял огромный интерес для Константинополя. Греки обезопасили себя от новых «нашествий россов». Наоборот, можно было использовать новых союзников против врагов. И делался следующий шаг по пути создания «византийской системы». Правда, автор этой системы вскоре сошел с политической сцены. Ссора Константинопольской патриархии с Римом усугубилась спором, какому первосвященнику подчиняется Болгария? Папа настаивал, что ему. Фотий — что Константинополю. Дошло до того, что папа Николай I отлучил патриарха от церкви. Как и всех иерархов и священнослужителей, поставленных от Фотия. Византийская церковь возмутилась, в 867 г. в Константинополе был созван собор, объявивший вмешательство папы в дела Восточной Церкви незаконным и предавший Николая I анафеме.

Но в это время произошел переворот. В пьянках и развлечениях Михаила III все больше возвышался Василий Македонянин. Особенно упрочилось его положение, когда царь женил его на своей любовнице — а Василий должен был закрывать глаза на дальнейшую связь супруги с императором. Но, войдя в полное доверие к Михаилу, Василий оклеветал Варду и с благословения царя убил. А потом убил и Михаила. И сам стал царем. Ему очень хотелось получить поддержку папы римского, а через него — признание своей легитимности среди западных королей. А для этого Василий низложил Фотия и вернул из ссылки Игнатия.

Однако на отношения с Киевом переворот не повлиял. Обе стороны были слишком заинтересованы в союзе. И Игнатий направил к новобращенным первого епископа, учредив Русскую епархию. В общем, если Аскольд и Дир где-то в 862 — 864 гг. признали свою зависимость от Рюрика, то в 866 — 867 гг. они от него отложились, найдя себе другого покровителя. Да, покровителя. Поскольку киевские князья-самозванцы тоже стали считаться подданными императора. Хотя их такое положение устраивало. Ведь и сами они под властью Византии были не чьими-то «боярами», а «законными» властителями княжества полян.

Иногда указывается, что последующее свержение Аскольда и Дира задержало христианизацию Руси на сотню лет. Но при этом забывается, что ситуация в корне отличалась от той, что сложилась при Владимире Святославовиче. Какое христианство получили поляне в 866 г.? Отнюдь не славянское. На славянском языке велись еще только первые «эксперименты» в Моравии. А Киев получил греческое богослужение. Непонятное и чуждое местному населению. Достичь массового распространения и овладеть умами религия при этом никак не могла. Второй аспект — Аскольд с Диром не обладали могуществом царя Бориса или Владимира Святославовича. Наоборот, они нуждались в помощи. И получили ее. А вместе с ней — греческого епископа и священников. Которые были не только вероучителями, а и дипломатами, советниками. Поэтому принятие христианства вело полян к политической зависимости от Константинополя. Втягивая в коалицию с Византией, мадьярами и... Хазарией.

Да, и с Хазарией тоже. Беспутный Михаил и сменивший его на троне царевый Михаил вовсе не были врагами каганата и иудейских торговцев. Василию требовалось, чтобы на его столицу и берега Черного моря не нападали славяне. Значит, нужно было поддерживать мир с Хазарией. Василий нуждался в деньгах, поскольку его предшественник промотал казну. И при нем в византийских городах стали расти кварталы еврейских купцов. А православие самого Македонянина было довольно шатким, в его ближайшем окружении обнаруживаются сомнительные маги, спириты и каббалисты, наподобие монаха Сантаварина, которому он дал пост епископа Евхаитского.

Таким образом Киевской Руси и Хазарии предназначалось «уравновешивать» друг друга. А для каганата княжество полян стало противовесом Ладогге. Что Аскольда с Диром тоже устраивало. О том, чтобы распространять влияние на северян или радимичей, данников хазар, теперь и речи быть не могло. Так где же еще воины-викинги могли искать удачи? Только на севере. Словом, интересы совпали. И византийско-хазарские «друзья» стравили Южную Русь с Северной. В 866 — 869 гг. Аскольд совершил два похода — на полочан и кривичей. А те и другие были подданными Рюрика. Сам факт этой войны подтверждает, что трения с Хазарией уже были улажены. Разве смог бы

Аскольд выступить с войсками против ладожского князя, если бы сохранялась опасность его тылам? Выходит, угрозы не было. Может, и поддержку получил за счет северян, венгров.

Сведения об этих походах весьма скудные. Ипатьевская и Никоновская летописи упоминают лишь, что они состоялись. Но на Смоленщине, на пограничном рубеже у Гнездово, битва была серьезная. Курганов с воинскими погребениями тут несколько тысяч. И археология свидетельствует, что здешняя крепость не была взята. Аскольда отобрали. Да и дальнейший ход исторических событий показывает, что Смоленск, Полоцк и прочие земли остались в составе Ладожской державы. Через какое-то время был заключен мир — об этом говорит тот факт, что Олег пришел в Киев под видом купца. Впрочем, ведь и хазары не были заинтересованы в длительном нарушении торговых путей. Могли «намеркнуть»: не получилось победить — мириться.

Кстати, в это время уже существовала и Москва — вопреки принятой дате основания в 1147 г. Археологические раскопки на территории Кремля выявили остатки древнейшей крепости, попались и две датированные находки: хорезмийская монета 862 г. и армянская — 866 г. Из того, что монеты восточные, можно сделать вывод, что Москва входила в сферу связей Хазарского каганата. Но кто ее населял, финны-меряне или балты-голинды, мы не знаем. Неизвестным остается и то, перешла ли она в результате войны под власть Рюрика или осталась в хазарском подданстве.

ТЕРНИИ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Чтобы полнее понять исторические процессы, нам стоит еще раз отвлечься от Руси и взглянуть на Великоморавское княжество. Основал его князь Мойомир, собирая под своей властью земли и племена, освободившиеся после крушения Аварского каганата. Но подчиниться Мойомиру пожелали далеко не все славяне. Недовольных возглавил князь Прибин. Он обратился за помощью к императору Людовику Немецкому, признал

себя его вассалом, и возникло еще одно княжество, Паннонское, возле оз. Балатон. Оба князя приняли крещение от германских епископов, но враждовали между собой.

Людовик Немецкий попытался распространить свою власть не только на Паннонию, но и на Моравию. Предпринял на нее поход, разбил Мойомира и низложил его, а на престол возвел его племянника Ростислава. Однако император просчитался. Ростислав вскоре отказался от вассалитета и повел национальную политику. Заключил союзы с Чехией и Болгарией. Людовик решил наказать непокорного, снова выступил с войском на Моравию. Но на этот раз был разбит. Мало того, теперь Ростислав принялся нападать на германские владения в Баварии. Его княжество усиливалось. Разрасталась столица Моравии Велеград — это была мощная крепость и большой богатый город, превратившийся в важный центр европейской политики и торговли.

Росло и само княжество, присоединив ряд соседних земель. Распространяло влияние на хорутан, хорватов, сербов. Но... при этом оно задело интересы Болгарии. Которая тоже претендовала на эти территории. И царь Борис начал сближение с Германией. Этот альянс ему требовался и в качестве «противовеса» Византии. Немецкая дипломатия, разумеется, тоже всю постаралась установить с болгарами дружбу. И был заключен союз. Болгары получили всевозможные льготы, Борис помогал Людовику войсками против мятежных вассалов. Вместе начали теснить и Моравию. Тогда Ростислав в надежде обрести поддержку начал наводить контакты с Константинополем. Он уже успел понять, что немецкие миссионеры, действующие в его стране, являются не только священниками, но и агентами противника. И в 862 г. обратился в Византию с просьбой прислать греческих проповедников.

Ну а в Константинополе св. Кирилл, вернувшись из Хазарии, доложил патриарху Фотию свою идею о создании славянской письменности. Получил всемерную поддержку — Фотий сразу понял, какие перспективы открывает нововведение в плане создания мировой «византийской системы». И св. Кирилл занялся переводами богослужебной литературы на славянский язык. А приглашение Ростислава дало возможность опробовать

новшество на практике. Патриарх определил для этой миссии Кирилла и Мефодия, и в 863 г. братья отправились в Велеград.

Здесь им пришлось столкнуться со значительными трудностями. Германское духовенство приняло их «в штывки» — Моравия была отдана папой в ведение архиепископства Пассау, и греческие просветители таким образом действовали на «чужой территории». А Ростислав потерпел от немцев и болгар ряд поражений и в 864 г. все же вынужден был признать зависимость от Людовика. Тем не менее с прицелом на будущее он продолжал оказывать покровительство Кириллу и Мефодию, и их миссия протекала успешно. Они вели дальнейшую работу по переводам Св. Писания, за три года подготовили нескольких учеников для поставления в священники и поехали с ними в Константинополь.

Но по дороге задержались в Паннонском княжестве. Им правил наследник Прибина князь Коцелл. Он очень заинтересовался славянским богослужением, упросил братьев поработать у него, выделил им 50 учеников. И вот тут-то вдруг пришло известие, что в Византии произошел переворот, и их покровитель Фотий низложен. Мало того, желая добиться расположения Рима, Василий Македонянин созвал поместный собор, отлучивший патриарха от Церкви. А ведь сами-то Кирилл и Мефодий были всего лишь простыми монахами. Даже рукополагать священников не имели права. Теперь же их миссия вообще повисла в воздухе — получалось, что они были посланы от «еретика».

Выход они нашли в том, что в 867 г. отправились в Рим. Враг Фотия Николай I уже умер, а новый папа Адриан II был человеком умным, хитрым и тоже сразу смекнул, какие преимущества дает распространение христианства на славянском языке. Для Западной Церкви. Обласкал братьев, всемерно одобрил и благословил их дело. Но св. Кирилл, слабый здоровьем, в 869 г. умер. Да и св. Мефодий вынужден был надолго задержаться в Риме. Потому что в Центральной Европе разразилась война.

Моравский Ростислав сносил подчинение императору только вынужденно. Исподволь готовился к схватке с ним, заключил союзы с чехами, лужичанами, ободритами. И в 969 г. объединенные славянские войска под командованием Ростислава и его племянника Святополка обрушились на Баварию и Тюрин-

гию. Армии Людовика возглавили его сыновья Карл и Карломан. Они одолели славян, дошли до Велеграда, но, в свою очередь, были отбиты. Тогда Карломан, герцог Баварии и маркграф Восточной марки, инициировал удар исподтишка. Вступил в тайные переговоры с крайне честолюбивым Святополком, обещая поддержать его в борьбе за власть. И тот учинил переворот, сверг своего дядю Ростислава и выдал Карломану. Князь был ослеплен и заточен в монастырь. Однако и Святополку предательство не пошло на пользу. В Моравии начались смуты. Карломан этим воспользовался, обманом захватил в плен своего ставленника, оккупировал страну и захватил Велеград, разграбив княжескую сокровищницу.

Продолжение просветительской миссии стало возможно благодаря паннонскому князю Коцеллу. Он не забыл посещения свв. братьями, обратился в Рим с просьбой прислать Мефодия к нему и учредить у него самостоятельную епархию. И Адриан II пожелание уважил. Послал Мефодия в Паннонию, посвятив в сан архиепископа Паннонского и Моравского. Но это привело к конфликту с германским духовенством. Сказалась «феодалная» структура Западной Церкви. Паннония входила во владения Зальцбургской архиепископии, которая была гораздо теснее связана с германскими королями, чем с Римом (видимо, это учитывал и Адриан II, учредив новую кафедру, которая была бы подчинена непосредственно ему, а не Зальцбургу).

Была поднята и проблема «трехъязычия». Дело в том, что на Западе даже большинство дворян были неграмотными. И священники становились у знати секретарями, делопроизводителями, чиновниками, имея с этого солидные прибыли. Допущение богослужения на национальных языках вело к более широкому распространению грамотности, что ущемляло интересы духовенства. И еще в VIII в. один из соборов Западной Церкви принял трехъязычную ересь — что богослужение может осуществляться только на латыни, греческом и еврейском. А остальные языки «варварские» и не угодны Богу (хотя на самом деле Священное Писание уже было переведено на армянский, грузинский, готский, ругский, сирийский, коптский, персидский и еще несколько языков).

Теперь же немецкое духовенство возмутилось, что Мефодий вторгся в их «владения», объявило его назначение незаконным, славянское богослужение — неканоническим. Вызвало на суд в Зальцбург и заточило в темницу. Где он провел три года, подвергаясь избиениям, мучениям холодом и голодом. Пересылал в Рим окольными путями жалобы, апелляции. И документы свидетельствуют, что они доходили по назначению [208]. Но, сам же Адриан II, поставивший Мефодия... клал его жалобы под сукно. По простой причине. В Италии бесчинствовали арабы, захватывали города, и папа остро нуждался в помощи Людовика Немецкого — покровителя зальцбургских преступников.

Тем временем произошли перемены в Моравии. Там поднялось восстание под руководством народного героя Славомира, немцев побили и изгнали. И маркграф Карломан задумал освободить Святополка — сделать из него свою марионетку и поручить усмирение бунта. Князь с германским войском дошел до Велеграда, но был не так-то прост. К Карломану, который так с ним обошелся, он накопил счета весьма солидные. И отомстил сполна. Вошел в тайные контакты с мораванами и организовал их внезапное нападение на немецкий лагерь. Армия была истреблена. Хронист говорит, что мало было семей в Баварии, Австрии и Хорутании, которым не пришлось бы оплакивать своих близких. После этого Святополк одержал еще несколько блестящих побед, заключил союзы с соседними славянскими народами. И кончилось тем, что Людовик Немецкий вынужден был просить мира. Который был заключен в Форхейме — признавалась независимость Моравии и ее значительные территориальные приобретения.

Дело Мефодия сдвинулось с мертвой точки, когда умер папа Адриан II и его место занял Иоанн VIII. Но теперь и международная ситуация стала иной. Людовик Немецкий в итальянских делах запутался. Там царил полная каша, христиане заключали друг против друга союзы с мусульманами, вмешательства немцев не желали. В результате сам Людовик попал в плен к герцогу Беневентскому и просидел месяц у него в замке. После чего махнул на Италию рукой. Зато здесь решил восстановить позиции Василий Македонянин. И Рим начал заигрывать с ним, а не с Людовиком.

Сказался и тот фактор, что Моравия сбросила власть Германии. А терять мораванскую паству и влияние на нее папе не хотелось. Оптимальным выходом было восстановление архиепископии. Иоанн VIII по этому поводу легко достиг взаимопонимания с Людовиком Немецким — теперь императору требовалась поддержка папы. Стоило ли с ним ссориться из-за аибиций каких-то епископов? Иоанн VIII наложил интердикт (запрет богослужения) на иерархов Зальцбурга, Пассау и Фрейзингена, судивших Мефодия. И направил своего легата Павла Анконского для наведения порядка в тамошних церковных делах. Мефодий был освобожден. Центром его архиепископства стал Велеград. Хотя богослужение на славянском папа ему запретил (чего Мефодий не исполнил).

При Святополке Великоморавское княжество достигло максимального могущества. По условиям Форхеймского мира оно присоединило Силезию, часть Паннонии. В его состав вошли Карпаты, Западная Украина вплоть до Волыни — и хроники сообщали о владычестве Святополка над «Русью». Путем династических браков он добился объединения с Чехией, и св. Мефодий крестил чешских князей Борживоя и Людмилу. Святополк провел еще одну победоносную войну с германским маркграфом Восточной марки Арнульфом. В результате к Моравии были присоединены Паннонское княжество, Словения, часть Австрии и Хорватии.

Но отношения Святополка с Мефодием становились все более напряженными. Князь был великим воителем, но человеком совершенно беспринципным и эгоистичным. И политика его была отнюдь не «национальной». Он старался только для себя лично. Вдобавок был весьма женолюбивым, не пропуская ни одной смазливой бабенки. Любил оттянуться в пирах, поохотиться, невзирая на посты и праздники. Не терпел возражений, был скор на расправу. Мефодий старался увещевать его, наставлять на путь истинный. А германские священники наоборот, потакали слабостям Святополка, легко отпускали любые грехи. И настраивали против Мефодия. Князь стал окружать себя немцами, просветителя не терпел. Доходило до того, что обнажал на него меч или натягивал лук. Правда, сдержи-

вался. Но с помощью зальцбургских «друзей» засыпал Рим доносами на Мефодия.

Тому пришлось ехать к папе Иоанну VIII, давать отчет. В Риме Мефодий вполне сумел оправдаться, был даже снят формальный запрет на богослужение на славянском языке. Но... в помощники архиепископу папа назначил епископа Викинга. Своего соглядатая. Откуда можно видеть — под Мефодия организовывался целенаправленный подкуп. С точки зрения Западной Церкви, он, в общем-то, сделал свое дело. Удержал Моравию в повиновении «святому престолу». А теперь следовало подумать о более полном ее подчинении.

Викинг быстро спелся со Святополком и расколол моравскую церковь на «немецкую» и «славянскую», причем князь поддерживал первую. Мефодию даже пришлось произнести отлучение на такого «помощника». Но Викингу на это было плевать. Он бомбардировал Рим клеветническими кляузами. Новый папа Стефан V принял его сторону, издал соответствующую буллу. Но св. Мефодия она уже не застала на этом свете. В Вербное воскресенье 885 г. он почувствовал себя плохо, благословил народ и предсказал свою смерть через три дня. А преемником себе назначил одного из учеников, Горазда.

Однако едва просветителя не стало, Святополк и Викинг разгромили созданную им славянскую церковь. Житие св. Климента рассказывает: «Стали бесчеловечно мучить приверженцев Горазда, грабили жилища их, соединяя нечестие с любостязанием, других, обнаживши, влачили по колючим растениям, и так поступали с почтенными мужами и людьми, перешедшими уже за границы мужеского возраста; а которые из пресвитеров и диаконов были молоды, тех продавали жидам» [208]. Тех, кто получил учительский сан, заковали в колодки и бросили в тюрьму. Казнить все же не решились, но избили, отобрали и выгнали вон.

Ученики свв. Равноапостольных Кирилла и Мефодия разбились по одному или мелкими группами — чтобы не погибнуть всем. Пробираясь тайком, горными и лесными тропами, терпя невероятные лишения, добрались до Болгарии. Где... царь Борис принял их с распростертыми объятиями. Ставил сразу епископами. Их-то ему не хватало для достижения заветной

цели — организации не греческой, не латинской, а своей национальной церкви! И славянская церковь как раз и родилась во второй половине 880-х гг. Не в Константинополе, а в Болгарии. С центром в Охриде, где началось обучение новых священников-славян, развернулась деятельность по переводу, переписыванию и широкому распространению славянской христианской литературы.

ЩИТ НА ВРАТАХ ЦАРЕГРАДА

В 873—874 гг. князь Рюрик снова появляется на страницах западных хроник. Он самолично совершил весьма масштабное для того времени дипломатическое турне по Европе. Встречался и вел переговоры с императором Людовиком Немецким и другими монархами франкских королевств — Карлом Лысым, Карлом Смелым. Цель этой поездки и тема переговоров неизвестны. Правда, Г.В. Вернадский вслед за некоторыми зарубежными историками повторяет версию, что Рюрик хлопотал о возвращении ему «лена во Фрисланде» [35]. Но это, конечно, полная несуразица. Разве стал бы властитель обширной и богатой державы тащиться за море, чтобы выклянчивать жалкий и ненужный ему клочок земли?

Можно выдвинуть две версии. Первая — что он хотел заключить союз против Дании. В том числе и для отвоевания отцовского княжества. На склоне лет он вполне мог считать это неисполненным жизненным долгом. Версия вторая — он начал готовиться к борьбе за Южную Русь. Для чего требовался союз против Византии. Мы не знаем, каких результатов удалось достичь Рюрику в германских королевствах. Но зато он еще больше укрепил союз с Норвегией. Возможно, и ее посетил в ходе своей поездки. А в 874 г., вернувшись в Ладогу, он женился на Ефанде из рода норвежских королей. Этот брак тоже зафиксирован западными источниками. То есть события, происходящие в Ладоге, в Европе уже считали нужным отслеживать. А правой рукой и советником Рюрика то ли стал, то ли уже раньше был брат Ефанды — Одда. Известный на Руси как Вещий Олег.

Византия же в это время потерпела от арабов страшное поражение в Сицилии, потеряла свой главный опорный пункт, Сиракузы. С переменным успехом шла и борьба на Востоке. В Багдаде тюркские наемники произвели переворот, посадив на престол своего ставленника, и халифат совсем распался на множество самостоятельных эмиратов. Но и сил Константинополя теперь не хватало, чтобы сладить с ними. На границе шла непрерывная война в виде набегов и частных операций. В одной из них Василию Македонянину удалось разгромить остатки павликиан. Но, в отличие от Феодоры, Василий их не репрессировал, а переселил во Фракию. Где они успешно возобновили распространение идеологической заразы.

Терзали Византию и церковные распри. Значительная часть духовенства не поддержала низложения и отлучения Фотия. Ссорилась с «игнатиевцами», не подчинялась патриарху. Впрочем, и император вскоре понял, что Игнатий не подходит для высокого поста. Вернул из ссылки Фотия, приблизил к себе. И все уже знали, что вскоре он опять станет патриархом. Произошло это без новых потрясений. Дождались, когда в 875 г. Игнатий преставился. И церковный конфликт ликвидировался сам собой.

Бедствие постигло и купеческую верхушку Хазарского каганата. Далеко на востоке, в Китае, покатила чередой восстаний. Власти их усмиряли, казнили людей десятками тысяч. Но в 874 — 884 г. по всему Китаю разлилось восстание под предводительством Хуан Чао. Хозяйство страны было подорвано, города разрушены. Иностранцев купцов, скупавших шелк, простонародье ненавидело. Полагало, что богачи и чиновники ради прибылей от этой торговли выжимают из народа последнее. И купцы были перебиты, их подворья разграблены. Торговля по Шелковому пути, щедрым золотым ручьем питавшая Хазарию, прервалась! А к богатству уже привыкли, да и наемникам надо было платить. И каганат попытался перепрофилироваться, компенсировать убытки за счет других источников.

Но увеличивать дань со славянских и финских племен теперь было чревато — как бы Ладоге не передались. Оставалось увеличить объем работорговли. Хазары активизировали охоту за людьми среди кавказских, поволжских и степных народов.

И в результате... поссорились со своей ударной силой — печенегами. Да и мудро было не поссориться. Как свидетельствовали Ибн-Русте и Гардизи, «хазары каждый год совершают поход в страну печенегов для поимки рабов и продажи их в страны ислама». Печенеги не были едины, у них существовало восемь отдельных кланов. Поэтому властители Хазарии и раньше промышленляли таким способом, можно было поддерживать «дружбу» с одними кланами и нападать на другие. Но теперь печенегов допекло, и они ответили яростными набегами.

И чтобы защититься от них, каганат через Византию стал наводить дружбу с мадьярами. К тому же они были весьма ценными партнерами — постоянно воевали, совершали налеты на болгар, славян, прорывались в Паннонию, Австрию и Германию, могли поставлять огромное количество пленников. Со времени переворота Обадии сменилось несколько поколений, бывшая тюркская аристократия Хазарии успела раствориться в мадьярских племенах или погибнуть. Давняя вражда потеряла былую остроту. Да и Константинополь помог ее сгладить. И сформировалась тройственная коалиция: Византия, венгры и Хазария. Что вызвало охлаждение в отношениях греков и каганата с Болгарией, страдавшей от мадьярских набегов.

А на севере выжидала и готовилась к столкновению еще одна сила. Рюрику было уже за шестьдесят, но он еще смог сотворить с Ефандой сына. А в 879 г. князь скончался. Известие о наследовании владений Рюрика другим лицом имеется и в германских хрониках. Хотя его сын Игорь был, согласно летописям, «дѣтескъ вельми». А правителем княжества стал Олег. Но только отметим, Олег — это не имя, а титул, «хельги» («священный»). Он нередко встречается в скандинавских источниках и означает одновременно «вождь» и «жрец». Что ж, Олег был действительно норманном, иноземцем. Однако о национальности государей во все времена было принято судить не по их происхождению, а по политике. Скажем, чистокровная немка Екатерина II стала в полном смысле русской царицей, а немка Виктория — одной из величайших королевы Англии. В то же время нетрудно назвать «коренных» русских правителей, стелившихся и стелящихся под иностранцев...

О политике Олега мы вполне можем судить по его делам. После смерти Рюрика его держава отнюдь не распалась. А в 882 г. Олег двинул войско на Днепр. Причем повел не только варяжскую дружину, но и многочисленное ополчение из ладожан, кривичей, чуди, веси и мерян. Значит, новая династия сумела заслужить уважение своих подданных, добиться их расположения. Вооружать и мобилизовывать столько народов насильно было бы опасно. А грабежей и богатой добычи этот поход не сулил. То есть, пошли сознательно.

Обращает на себя внимание и безупречная организация похода. Шла большая армия. Но ее подготовка, сосредоточение и передвижение осуществлялись настолько скрытно, что киевские варяги до последнего момента не подозревали о нависшей беде. Этого можно было достичь, например, сбором войск в нескольких пунктах, лежащих в стороне от торговых путей. Потом разные части соединяются — и сразу следует стремительный бросок. Еще один вывод — у Аскольда с Диром разведка была поставлена плохо или вообще не велась. А у Олега она сработала безупречно. Он знал, что делается у его врагов. Знал, что сами они находятся в Киеве.

Смоленск войско прошло без боя. Это еще раз подтверждает — пограничный рубеж в Гнездово оставался под властью Ладоги. Потом Олег внезапным налетом захватил Любеч. Город был северским, но войны с северянами не последовало. Значит, крепость была еще раньше занята Аскольдом и Диром, и там размещался их гарнизон. Но захват был произведен так четко, что защитники не сумели послать в Киев предупреждение о вторжении. После чего, оставив позади армию, Олег устремился по Днепру только со своей дружиной. В Киеве, укрыв воинов в ладьях, представился купцом — это, кстати, был один из традиционных приемов викингов. Выманил на пристань Аскольда и Дира. Объявил им: «Вы не князья и не знаменитого рода, но я князь». Указал на мальчика Игоря — «Вот сын Рюриков!» И казнил обоих.

Убил он их за самозванство — для любого славянина IX в. такая причина выглядела вполне справедливой и уважительной. Никакого сопротивления полянами не было оказано, переворот носил сугубо верхушечный характер. Это еще одно доказа-

тельство, что киевские варяги были действительно самозванцами. И что первоначальный авторитет в народе, освобожденном ими от хазар, они растеряли. Да и как же иначе, если они проиграли все войны, в которые ввязывались? А принятие христианства, греческих священников и советников отнюдь не сблизило их с полянами, а наоборот, отдалило. «Велесова книга» гласит: «Потому он (Огнебог) отвратил лик свой от нас, что были оные князья от греков крещены. Аскольд — темный воин, а так сейчас от греков освящен, что никаких русов нет, а есть варвары» (II 6е).

Момент для рейда Олега на Киев был выбран удачно. Византия была занята разборками с арабами, Хазария — войной с печенегами. Вовлечены в нее были и мадьяры. А когда опомнились, в Киеве было все кончено. Олег же предпринял ряд быстрых операций по подчинению соседних славянских народов. Первым делом выступил на древлян. Что было мудро, позволяло привлечь в войско полян, исконных древлянских врагов, и заслужить их симпатии. Древлян он победил, наложил дань черными куницами — для лесных жителей вряд ли обременительную. Заодно обезопасил свои тылы. И расчистил путь по Припяти на запад.

А вот следующий поход он направил на северян, хазарских данников. Что означало войну с каганатом. Архангелогородский летописец прямо сообщает: «В лето 6391 (883) иде Олег ...на козары». Произошли какие-то столкновения, Олег одержал победу. Но решило исход кампании не оружие, а дипломатия. Начались переговоры, и Олег объяснил северянам: «Я враг им (хазарам), а не вам»; «Аз им противен». Удовлетворился самым легким налогом и фактически перетянул северян на свою сторону. Потом под его власть перешли радимичи, обитавшие на р.Сож — здесь вообще обошлось без войны, этот народ принял подданство добровольно. А затем была подчинена вторая ветвь северян, жившая южнее, по р.Суле.

На это, кстати, тоже следует обратить внимание. Переходить в подданство Аскольду и Диру поднепровские славяне почему-то не желали. А Олегу, такому же чужаку, покорились. Выходит, отличали его от прежних киевских властителей. Почему? Ответ может быть только один. Они уже знали о поряд-

ках и системе управления, установленных в Ладожской державе и распространившихся на Киев. И предпочли эти порядки аскольдовым и хазарским.

В Византии в данный период произошли крупные перемены. Василий Македонянин пожинал плоды тех методов, коими пришел к власти. У него оказалось несколько сыновей, но от разных матерей и... разных отцов. Старший, Константин, был от первого брака с Марией, женщиной из простонародья, с ней Василию пришлось развестись в ходе своего возвышения. Остальные были от Евдокии Ингерины — той самой любовницы Михаила III, которую он выдал за Василия, не прерывая сожительства с ней. И сын Лев получился от Михаила, а Александр и Стефан — от Василия. Император прочил в наследники Константина. Но он вдруг умер, и на очереди оказался чужой, нелюбимый Лев. Между ним и Василием дошло до ссоры. Знать, как обычно, разделилась на партии. А император заточил Льва в тюрьму и намеревался завещать царство Александру.

Однако в 886 г. Василий Македонянин погиб на охоте. И партия сторонников Льва быстренько вручила ему корону. Всех ставленников прежнего царя от двора разогнали. Сослали и Фотия — патриархом Лев поставил 16-летнего брата Стефана. Сам же Лев X получил прозвище Мудрого или Философа. Но мудрым он был отнюдь не в государственных делах. А в «ученых» занятиях. Составлял проповеди и обращения на разные случаи — впрочем, чисто компилятивные, особой мудрости не обнаруживающие. Очень увлекался астрологией и прочей оккультятиной. А управление бросил на самотек, оно досталось временщикам. Лев четырежды был женат, и к кормушке толпами дорывались родственники жен, получая важные должности. Злоупотребления и коррупция достигли невиданного даже для Византии уровня.

Альянс с Хазарией при Льве не нарушился, а упрочился. С продажным окружением царя еврейские купцы прекрасно ладили. Вероятно, и в оккультных увлечениях «помогали». А свержение Олегом провизантийских правителей Киева и его война с хазарами диктовали необходимость более тесного сближения, делали Константинополь и Итиль естественными союзниками — против Руси. И уже в греческой армии появляются отря-

ды «хазар». Каких именно, не уточняется. Но, конечно, не хорезмийских наемников и не иудеев-торговцев. Очевидно, эти отряды состояли из аланов, касогов, мобилизованных коренных хазар. Создавать из них войска на родине каганат не решался. А отправить за море — почему бы и нет?

Другими соседями Руси, игравшими важную роль в политической расстановке сил, являлись две крупные славянские державы, Моравия и Болгария. Но курс их правителей был очень не похожим друг на друга. Святополк вел себя высокомерно и легкомысленно. Разгромив германского маркграфа Арнульфа, принялся оказывать ему покровительство, стал крестным отцом его сына. В 887 г. освободился немецкий престол, и именно Святополк помог избранию Арнульфа королем, а потом и императором. К могущественному Святополку обращался даже папа Стефан VI — чтобы он убедил Арнульфа предпринять поход в Италию, спасти Рим от теснящих его лангобардских феодалов.

Болгария была себе на уме. Союзничала с Германией. Старалась через церковь перетянуть из-под власти Святополка словенцев и хорватов. И... исподволь готовилась к войне с Византией. Правда, на старости лет царь Борис решил принять постриг, а царство передал сыну Владимиру. Но при нем вновь подняло голову язычество, была сделана попытка повернуть вспять от христианства. Тогда Борис вернулся к власти, отстранил Владимира и возвел на трон внука Симеона. Который стал одним из величайших болгарских царей. Он воспитывался в Константинополе, обучался вместе со Львом X. Но вынес образование куда более обстоятельное, чем император. Осознал гнилость Византии, заносчивость ромеев и презрительное отношение к славянам. Разобрался в нечистых играх дипломатии, нацеленных на раскол и разложение соседей при видимости мира и «дружбы». И пришел к мысли сокрушить греков, создать на Балканах единое Болгаро-славянское царство.

Вот в таком окружении Олег продолжал борьбу за объединение Руси, развернув боевые действия против тиверцев и уличей. И вот с ними-то, в отличие от северян и радимичей, война была затяжной и тяжелой. Они были не данниками, а союзниками каганата и венгров. Отчаянно сопротивлялись. Получали помощь хазар и греков. Каганат нанес Олегу и ответный удар —

это известно по летописям нашествие мадьяр, подступавших к Киеву. И византийская хроника Константина Багрянородного подтверждает, что венгерский воевода Алмуш в конце IX в. воевал с русами и осаждал Киев, при этом мадьяры «выполняли повеление их сюзерена Хазарии». Олегу этот удар удалось отразить.

Но все факты показывают, что и Русь вела войну не в одиночку. Она установила контакты с печенегами. И заключила союз с Болгарией. Возможно, и с Германией. Таким образом византийско-хазарско-венгерской коалиции была противопоставлена вторая — из Руси, Болгарии, Германии и печенегов. Моравия же осталась в изоляции, за что вскоре и поплатилась. Разумеется, каждый из участников коалиций преследовал собственные цели. И война на разных фронтах раскручивалась постепенно, по нарастающей.

В 887 г. Хазария сумела привлечь на свою сторону степняков-гузов. Они объединили свои силы с каганатом и нанесли печенегам несколько жестоких поражений. Но трудности хазар от этого не уменьшились, а наоборот, возросли. Печенеги отступили не на восток, а на запад — в 889 г. они стали перетекать в Причерноморье. То есть считали места у южных границ Руси более надежными и безопасными, чем зауральские степи. Знали, что отсюда их не прогонят. А заодно очень уж удачно прикрыли своим переселением русские рубежи со стороны степи. Причем сами не совершили в это время ни одного набега на русские земли, так что вывод о союзе напрашивается однозначный.

А германский король Арнульф в 892 г. напал на Моравию. Кстати, гонитель Мефодия епископ Викинг тут же перешел к немцам, он досконально знал все секреты и проблемы Святополка, и Арнульф назначил его своим канцлером. Сторону Германии приняла Болгария, прекратив поставки соли и других жизненно-важных продуктов в Моравию. Кроме того, Арнульф подкупил мадьяр. Орда вторглась во владения Святополка и месяц разоряла их, вынудив князя и его вельмож прятаться по крепостям.

В 893 г. в войну вступила Болгария — против Византии. Прежде греки могли нейтрализовать болгар мадьярской уг-

розой. Но теперь и у Симеона были сильные союзники на севере, Олег и печенеги. Греки попытались нанести удар по Болгарии при участии хазар и венгров, но были разбиты. Пленников Симеон издевательски вернул в Константинополь с отрезанными руками и ногами. В 894 г. Лев X повторил наступление. Для этого был выслан флот Никиты Склира, который перевез через Дунай всю мадьярскую орду. Она произвела страшные опустошения, нанесла несколько поражений болгарскому войску, вынудив его отступить в Доростол (Силистрия). Но, собравшись с силами, Симеон разбил и прогнал мадьяр.

Сообщения об этой войне очень скупы, греки о своих поражениях обычно умалчивали. Лишь из последующих писем патриарха Николая Мистика видно, что Симеон старался выискивать любые уязвимые места империи, вовлек многие народы от Малой Азии «до Геркулесовых Столпов». В частности, наносил какие-то удары и по владениям греков в Крыму. Флота у болгар не было, путешествовать в Крым им было не очень сподручно. Очевидно, эти нападения осуществляли союзники, русичи и печенеги.

В Моравии в 894 г. умер Святополк. Его сыновья Мойомир II и Святополк II сразу передрались между собой, и держава рассыпалась. Чехия и Паннония перекинулись к немцам. И германский император направил на Моравию войска маркграфа Люитпольда и баварского графа Арибо. При этом Мойомир II возглавил патриотическую партию, а Святополк II прогерманскую. Но и граф Арибо взбунтовался против императора — и сомкнулся с Мойомиром. А Люитпольд, соответственно, со Святополком II. Пошла резня всех против всех...

А тем временем печенеги и болгары — судя по всему, при поддержке русичей, нанесли решающий удар венграм. Разгромили их кочевья и становища. И заставили орду уйти из Причерноморья. Она отступила на запад — к Карпатам и в Паннонию. О том, что в этих операциях принял участие Олег, говорят его походы на Волынь и в Галицию, в результате которых в состав его державы вошли дулебы и белые хорваты. Прежде они были подданными Святополка. То есть Русь с выгодой для себя поучаствовала в разделе Великой Моравии.

Мы не знаем, только ли силой Олег выпроводил венгров за Карпаты. Может быть, нанеся поражения, предложил мирный договор — дескать, больше не тронем и прикроем тылы, если сами мира не нарушите. Факт тот, что мадьяры окончательно ушли в Паннонию и на Русь больше не сунулись ни разу. Хотя всех остальных соседей затерроризировали. Мораване сразу прекратили междоусобицу, подчинились немцам. Но было поздно. Венгры били тех и других. Прорывались даже в Италию, разгромив там армию короля Беренгария.

Продолжалась и война на Балканах. Симеон в 896 г. разнес имперскую армию при Булгарофиге недалеко от Адрианополя. И действительно вовлек народы «до Геркулесовых Столпов» — заключил союз с африканскими пиратами. Впрочем, они действовали рука об руку со славянскими далматинскими пиратами. Очень хорошо находили общий язык, в городах Сицилии и Африки у славян были целые кварталы, многие принимали ислам. Подключились к действиям против греков и русичи.

Поход Олега на Константинополь в 907 г. некоторые историки объявляют «недостоверным». Потому что, мол, сами греки его «не заметили», в их хрониках никаких упоминаний нет. Простите, но византийские историки многого «не замечали». Не заметили, что на 200 с лишним лет потеряли весь Пелопоннес. Не замечали, как отдали славянам Сербию, Хорватию, как теряли провинции в Малой Азии. Об этих потерях мы узнаем сугубо из «победных» хроник, когда тот или иной город брали обратно. И можно доказать, что «щит на вратах Цареграда» — был!

Только не в 907 г., это дата заключения договора. А поход был в 904 г. Совместными силами Симеона, арабских пиратов и Руси. Летопись рассказывает, что на Грецию Олег повел две рати, «на конех» и пехоту на судах — 2 тыс. кораблей. Что должно было составлять 80 — 100 тыс. воинов. Вероятно, преувеличено. Но ясно, что без союза с Симеоном поход состояться не мог. Иначе разве пропустила бы могущественная Болгария конную рать через свои земли? Об этой войне сообщал и Масуди, писавший, что на севере есть могущественный «царь ал-Олванг, у которого много владений, обширные строения, большое войско и обильное военное снаряжение. Он воюет с Румом».

Но из византийских хронистов кампанию упоминает только псевдо-Симеон, на которого ссылается Л.Н. Гумилев. Согласно этому автору в июне 904 г. предводитель арабских пиратов Лев Триполит сделал попытку напасть на Константинополь; но был отражен флотом адмирала Имерия. Тогда же с севера напали русы. Их разбил флот адмирала Иоанна Радины, у мыса Трикефал сжег их суда «греческим огнем», и лишь часть сумела спастись благодаря сверхъестественным способностям вождя, колдуна Росса [56].

Все это — ложь от начала до конца. Поход Льва Триполита описали многие источники Востока и византиец Иоанн Каминиата. Лев и сам был греком, уроженцем Атталии, перешедшим в ислам и прославившимся во главе арабских эскадр. В июне 904 г. он начал рейд, захватив и разграбив свою родную Атталию. Император выслал против него флот друнгария Евстафия, который трусился и уклонился от боя. А Триполит взял Абидос возле самого входа в Мраморное море. Царь выслал второй флот, адмирала Имерия. Который тоже повел себя весьма странно. Выйдя из Дарданелл, удалился на восток, к берегам Малой Азии. Хотя Лев Триполит находился к западу от него, у берегов Македонии. И Имерий таким образом оставил Дарданеллы без всякого прикрытия.

Но пираты на Константинополь не пошли. Они выбрали более легкую добычу — Солунь, второй по величине и богатству город Византии. Как рассказывает житель Солуни Иоанн Камениата, находившиеся в городе начальники Петрона, Лев и Никита не были согласны между собой, отменяли распоряжения друг друга и оборону не организовали. Стратиг стримонской фемы помощи не прислал. Пригласили славян, живших поблизости самоуправляемыми общинами. Но они отнеслись прохладно, прибыли в «малом количестве и плохом вооружении». И часть их ушла обратно. 29 июля пираты захватили Солунь и грабили 10 дней. Перепуганное 200-тысячное население на сопротивление оказалось не способно. Забилось по домам и ждало, когда его вырежут. И вырезали, как баранов. Большинство погибло, немногие бежали, 22 тыс., в том числе автора записок увезли и продали в рабство. А перед уходом Лев Триполит еще и вступил в переговоры с византийской администрацией и со-

драл 2 таланта золота за то, что не подожжет город. Вот так греки «отразили» арабов.

Кстати, византийские хроники «не заметили» и другого. Похода болгар! Македонские славяне не захотели оборонять Солунь и стримонский стратиг не помог ей из-за того, что с севера шел царь Симеон! И разгромил греков наголову. В 1898 г. в селении Нарышкой в 20 верстах от Солуни (Салоник) была найдена колонна с греческой надписью. Гласящей, что это — пограничный столб, означающий новую границу «между болгарами и ромеями». И поставлен он был именно в 904 г., «по соглашению» между обеими сторонами! [208] В греческих документах об этом поражении и соглашении нет ни строчки.

Можно ли после таких фактов верить отражению русичей? Кто стал бы их отражать, если главные силы флота, две эскадры, были в Эгейском море и прятались от пиратов? А армию били болгары? Возможно, Иоанн Радин и впрямь уничтожил у мыса Трикефалл один из русских отрядов. А что касается колдовства чародея Росса, то летопись упоминает хитрость Олега, который вытащил суда на сушу, поставил на колеса и под парусами двинул на Константинополь. Тут, очевидно, правда смешалась с вымыслом. Например, вполне логично было бы просто извлечь ладьи из воды и откатить от берега, чтобы они были недоступны для «греческого огня». Во всяком случае, пехота была высажена. А была же еще и конная рать. И они приняли участие в болгарском наступлении.

Может быть, и щит на вратах Цареграда следует понимать фигурально. Но разве упомянутый пограничный столб — не «щит на вратах Солуни»? А она находится гораздо южнее Константинополя. Значит, должен был существовать и аналогичный столб на пути к византийской столице. Очевидно, его установка и породила легенду о щите Олега. Хотя, может быть, он действительно на радостях по случаю победы повесил свой щит на одном из симеоновых пограничных столбов? Или на городских воротах? И отметим, он это заслужил. Не только воинскими подвигами, а и мудрой политикой, умелым поиском союзников и внешнеполитическими комбинациями, что позволило разгромить коалицию могущественных врагов и объединить Русь. За что князь и получил в народе прозвище Вещего...

ВЕРШИНА И КРАХ ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ

Накануне похода на Цареград, в 903 г., Олег женил Игоря. Может быть, как раз в связи с предстоящей своей кампанией. Мало ли что может случиться в дальних краях? Требовалось обеспечить преемственность власти. Игорь оставался правителем в Киеве, а «полноценным», совершеннолетним хозяином на Руси считался женатый человек. Супругой Игоря стала Ольга...

И вот тут учеными давно уже подмечено противоречие. В 844 г., когда Игорь погиб, ему должно было исполниться не менее 66 лет, а Ольге — за 55. Но у них обнаруживается малолетний сын. Да и в дальнейшем Ольга ведет себя гораздо энергичнее, чем следовало бы по летописному возрасту. Допустим, это противоречие еще можно снять. Если предположить, что первая супруга скончалась, и вторую тоже звали Ольга. Но добавим вторую нестыковку. Князья-язычники были многоженцами. А у престарелого Игоря почему-то всего одна супруга и один ребенок-первенец! А вот и третья загадка. В период от Вещего Олега до гибели Игоря в разных источниках зафиксированы даты смерти еще двоих (как минимум) Олегов. И четвертая загадка — власть самого Вещего Олега обычно трактуется как регентство при малолетнем Игоре Рюриковиче. Но он не только продолжал править при взрослом княжиче, во всех договорах он титулуется «великим князем русским».

И чтобы объяснить эти неувязки, обратимся к... еще одной загадке. Содержащейся в «Саге об Инглингах», где рассказывается о переселении на запад Одина и народа асов. У Одина называется много детей, которых он ставит правителями в разных странах, но в Швеции, где царствовал сам Один, он оставляет наследником младшего, Ингви. Откуда и Инглинги — династия шведских конунгов. Однако в другом месте этой же саги сказано, что после смерти Одина править Швецией стал его сподвижник Ньерд. Даже не соплеменник, а ван (славянин) из Ноатуна (Новгорода), перешедший к асам. И первые конунги ве-

дутся от Ньерда. Противоречие? Да. Но Снорри Стурлссон как слышал сагу, так и записал.

И обратим внимание, слово «Ингви», как и Игорь (Ингварь) означает одно и то же. «Младший». Не означает ли это, что в древности в странах Прибалтики был... минорат? Особая система, при которой, в отличие от майората, наследником является не старший сын, а младший. В исторически известные времена такая система существовала у тюрков, хазаров, монголов. Считавших, что старшим детям легче найти себе место в жизни, а о младшем нужно позаботиться. Но ведь и асы пришли откуда-то с далекого Востока, из Средней Азии...

Существуют ли доказательства минората на Руси? Да! Он законодательно закреплен в «Русской Правде» Ярослава Мудрого. В статье XXXI — «Двор отеческий всегда без раздела принадлежит меньшему сыну». И причина та же — младшему труднее найти себе заработок и пропитание. А ведь княжеские владения тоже понимались в качестве «двора», хозяйства. Кстати, ведь и в русских сказках царство всегда достается младшему «Ивану-дураку», но только причина этого была уже забыта.

Еще раз напомним, Олег (Хельги) — не имя, а скандинавский титул. Правитель плюс жрец. И Ольга (Хельга) — тоже титул. Соответственно правительница и жрица. Что у славян передавалось как великий князь, великая княгиня. Но мог ли князь «планировать» свою дальнейшую жизнь и доподлинно знать, что такой-то из его сыновей — «младший», и других уже не будет? Следовательно, и Игорь — титул. Означающий наследника престола. При этом Игорь, наследуя власть, становился Олегом (хотя мог и не стать — если умер раньше). Ко временам Нестора такая система была давно отброшена, отменил ее тот же Ярослав Мудрый, заменив «лествицей». Что и ввело в заблуждение летописцев. Отсюда долгое правление Игоря Рюриковича, и сын, рожденным в почтенном возрасте. Отсюда и разночтения в происхождении Ольги. Ее называют то «варяжского рода», то славянского. Очевидно, речь идет о разных Ольгах.

Но, как нетрудно понять, система минората, проявляя заботу о младших, имела и ярко выраженные слабые черты. При детях-наследниках было неизбежно выдвижение правителей со стороны. Иногда результат был положительный — если это был

человек талантливый, как Вещий Олег. Тем не менее он перехватил власть пожизненно. И при нем Игорь вряд ли получил достаточную подготовку к самостоятельному правлению. Но при такой системе могли выдвигаться и интриганы, временщики, хищники. Она давала почву для свар и междоусобиц.

Хотя в начале X в. Русь была еще на вершине успехов. В 907 г. она вышла из войны, заключив выгодный мир с греками. И летописцы отнюдь не случайно уделяют так много внимания этому договору, приводя его полностью. Потому что в архивах Византии его не сохранилось. И не только его. Там вообще не сохранилось ни одного «проигрышного» договора. Известно, что они заключались — не только с Русью, но и с болгарами, арабами, персами. А их нет. Императоры очень тщательно заботились о «сохранении лица» в истории, поэтому такие документы не попадали в хроники и своевременно уничтожались.

Однако исследователями однозначно установлено, что договоры с Русью подлинны. Даже по анализу языка и фразеологии — это переводы с греческого. Так, непонятная фраза в начале каждого договора «равно другому съвещанью» является буквальным переводом греческого канцелярского выражения «копия» или «с подлинником верно». Договоры составлялись в двух экземплярах, и русские получали копию. Правда, Л.Н. Гумилев пытается обосновать гипотезу, что летописец перенес на 907 г. договор, заключенный в 860 г. с Аскольдом и Диром, но такая версия не выдерживает критики. Аскольдов флот был уничтожен бурей, о чем рассказывает не один, а добрый десяток источников. А после провала выигрышных договоров не заключают.

Какие особенности договора Вещего Олега обращают на себя внимание? Первое — имена бояр, участвовавших в переговорах, не славянские. Карл, Фарлаф, Веремид, Гуды, Рулав, Стемид и др. Это или скандинавы, или балтийские русы-руяне (Актут-руян). Но они представляют себя «мы от рода русского» и клянутся не Едином и Тором, а Перуном и Велесом. А религия была знаком национальной принадлежности. Следовательно, даже и норманны из окружения Олега уже целиком связали себя с новой родиной и начинали путь к дальнейшему «ославяниванию».

Второе — особый смысл имела фраза договора, что империя принимает Русь в число «друзей и союзников». Еще в Риме, а потом и в Византии это означало выплату ежегодных «субсидий», то бишь дани. За что «союзник» должен был помогать империи своими отрядами. Это помимо разовой, военной дани. А она была назначена солидная, 12 гривен (2,4 кг) серебра на человека. Плюс еще уклады на города — Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и др. Кстати, сам по себе договор был первым актом международного юридического признания державы. Олег именуется «великим князем русским», и греки признают его приобретения — в том числе приобретения городов, ранее являвшихся подданными каганата.

По тексту договора мы можем судить о наличии в городах самоуправления. О существовании при великом князе коллегияльного органа из знати — послы направляются не только от Олега, но и от «светлых бояр». И об удельной системе управления — в городах «властвуют князья, Олеговы подданные». Северянам, древлянам, радимичам, уличам, тиверцам и прочим народам, вошедшим в состав державы, было сохранено самоуправление. И важнейшее место в договоре уделено торговле. Сразу видно, что она была на Руси очень развита. Греки даже ограничивают, чтобы в Константинополь входило одновременно не более 50 купцов. А условия русские получают самые льготные. Беспшлинную торговлю! Мало того, приезжим купцам дают свое подворье в предместье св. Маманта, обеспечивают от казны на шесть месяцев продуктами питания, дают свободный вход в бани, съестные припасы, корабельные снасти, якоря и паруса на обратный путь!

Словом, Олег получил максимум того, что мог желать. И дальнейшая война в Европе продолжалась без участия Руси. Симеон то возобновлял боевые действия, то мирился с Константинополем. А немцы и мораване, объединившись, пытались сопротивляться закрепившимся в Паннонии мадьярам. И в 907 г. допустили роковую ошибку, точнее — преступление. Пригласили венгерских вождей для переговоров, устроили для них пир и перебили. Рассчитывая, что с обезглавленными мадьярами легче будет сладить. Вышло наоборот. Венгры озверели. Войско маркграфа Лютитпольда и сыновей Святопол-

ка было разгромлено, пленных не брали. Константин Багрянородный писал: «Угры совершенно истребили мораван, заняли страну их и владеют ею до настоящего времени. Часть населения, пережившая этот погром, разбежалась по соседним странам». Так в Европе возникла Венгрия.

На Руси шла своя жизнь. Как показывает археология, кривичи в IX — начале X в. стали распространяться на восток, по верховьям Волги. То есть воспользовались победами Рюрика и Олега. Вятичи в это же время расселялись по Оке. Может быть, из обратных соображений. Стараясь уйти подальше от варяжских правителей. Был заключен и мир с Хазарией. Каганат теперь остался без союзников — как воевать, если мадьяр вышибли, греки капитулировали, признав вхождение хазарских подданных в состав Руси. Никаких известий о договоре с Итилем не сохранилось, но ясно, что он был. Возобновилась торговля — арабские дирхемы начала X в. археологи находят под Киевом, хотя дирхемов IX в. здесь не было. А одним из пунктов, продиктованных Олегом хазарскому царю Беньямину, был пропуск флотилий на Каспий.

В 909 г. русская эскадра захватила и разграбила остров Абаскун. В 910 г. последовало морское нападение на Мазендаран, был захвачен г. Сари. Варяги есть варяги — раз с греками заключили мир, Олегу требовалось куда-то направить воинов, чтобы могли «подзаработать». К тому же эти операции вписывались в рамки союзного договора с греками. Константинополь в данное время наводил дружбу с Арменией, подбивал ее выступить против арабов. А русичи били по мусульманским тылам — фактически стали выполнять роль прежней, тюркской Хазарии. Обновленной Хазарии, иудейской, за это уступалась часть добычи. Но для нее сложившееся положение было страшно невыгодно. Набеги русичей разрушали торговлю в Прикаспийском регионе, ссорили каганат с его партнерами. Тем не менее Беньямину пришлось смириться и терпеть. До поры до времени. Поражением Хазарии воспользовались и печенеги — часть их снова переселилась на восток, в Волго-Уральские степи.

В рамках союзного договора оказывалась и другая помощь Византии. Впрочем, умеренная и за высокую плату. Так, в 910 г. (во многих источниках 902 г., но это ошибка [208]) греки снаря-

дили против арабов большой флот Имерия. В него входило более 130 кораблей и 50 тыс. моряков. В походе участвовали 700 русских воинов, получивших жалованье в размере 1 кентинария золота. Для сравнения — такая же оплата приходилась на 3,5 тыс. византийских воинов. Русские были отборными бойцами и действовали отдельным отрядом, их везде упоминают особо. Имерий высадился на Кипре, занял его при поддержке местного населения. Потом нанес удар по сирийскому побережью, взяв крепость Ал-Куббе и Лаодикею.

Но в общем-то опять проявил полную бездарность. На Кипре он не закрепился. И когда начал бои в Сирии, арабы под началом Дамиана без труда вернули остров, учинив там бойню христиан, поддержавших греков. Имерий испугался, что Дамиан, владея Кипром, отрежет его от тылов, в 911 г. посадил войско на корабли и рванул обратно в Грецию. Но возле о. Самос его перехватила эскадра Льва Триполита и учинила разгром. Большая часть византийского флота погибла, сам Имерий удрал, в Константинополе попал в опалу и был заточен в монастырь. Судьба русского отряда неизвестна. Беда постигла и Армению — она восстала, своевременной помощи от греков не получила, наместник калифа в Азербайджане Афшин Юсуф одолел ее и жестоко покарал. Царь Смба́т I был обезглавлен. Историк Асохик писал: «Вся земля обратилась в пустыню и развалины, селения опустошены, жители рассеяны между иноязычными и чужеплеменными народами, храмы лишены служителей и всего благолепия».

В 911 г. Русь и Византия заключили второй договор. Что иногда вызывает недоумение историков. Зачем второй, когда был первый? Порой первый трактуют как «прелиминарный», а второй — «окончательный». Настоящее объяснение следует из текста документа и международной обстановки. Второй договор более полный, более конкретный. Подтверждая прежние статьи, он оговаривает различные аспекты взаимоотношений в области судебного, уголовного, имущественного права. Видимо, относящиеся к прецедентам, успевшим накопиться при контактах русских и греков. Например, пункт об ответственности, если «кто ударит другого... каким сосудом» намекает на драки в кабаках. Есть пункт об отправке на родину имущества умер-

ших на чужбине. Возможно, это касалось воинов, погибших в экспедиции Имерия.

Но была еще одна важная причина перезаключения договора. И берусь утверждать, что инициатива исходила из Константинополя. В преамбуле император Лев еще упомянут, но он был тяжело болен. И назван наряду с Александром и Константином. В Византии назревал кризис. У Льва оставался единственный сын, Константин Багрянородный. Семилетний мальчик, к тому же рожденный от четвертого брака с Зоей Карбонопси. Значительная часть духовенства считала этот брак незаконным. А соответственно и наследника. Мало того, кризисом намеревался воспользоваться болгарский царь Симеон. Готовился к большой войне. И теперь он выдвигал претензии на титул «император болгар и ромеев»! Поскольку его владения уже включали в себя большую часть греческих территорий, а законная константинопольская династия фактически кончалась на Льве X (рожденном, напомним, не от узурпатора Василия, а от Михаила III).

Византийцам крайне важно было подтвердить мир с Русью! Чтобы Олег не поддержал своего союзника Симеона. Так оно и получилось. Лев умер в сентябре 911 г. Договор утверждал уже Александр, его брат, получивший власть в качестве опекуна Константина. Но довольствоваться этим не собирался. Вдову Льва Зою сослал в монастырь, а племянника намеревался лишить царского сана и оскотить. Власть Константина и его мужское достоинство спасла только смерть Александра в 912 г. Возможно, не без чьей-то «помощи». Но и тогда правление мальчика осталось номинальным. Реальную власть захватила его мать, возвращенная из заточения. Она разогнала сформированный Александром регентский совет и составила его из своих любимцев. Снова настало царство временщиков. Симеон вовсю бил греков, осаждал Константинополь. Но от него, хоть и с огромным трудом, удавалось то обороняться, то откупаться. Русь же осталась верна заключенному договору и с болгарами в этот раз не выступила.

Но случились крупные перемены и на самой Руси. В 912 г. умер Вещий Олег. Как известно из преданий, «от коня своего». Что было предсказано волхвами. Он удалил коня, потом уз-

нал, что тот издох. Наступил на череп и был укушен змеей. Но это не совсем правдоподобно. Князя босиком вряд ли ходили, а прокусить сапог для гадюки проблематично. Может быть, народное творчество перенесло на Олега «бродячий сюжет»? Или в образной форме намекало на какое-то предательство? Или таким образом пытались официально объяснить внезапную смерть здорового и дееспособного князя? Во всяком случае, народ успел полюбить его и, согласно летописи, «стенал и проливал слезы».

Что ж, плакал народ не зря — едва не стало Олега, на Русь обрушились несчастья. Очередной поход на Каспий в 912 г. начался без него. Флот в 500 кораблей прошел по Волге. Как обычно, был беспрепятственно пропущен царем Беньямином. Масуди и ряд других восточных авторов описывают, что погуляли витязи крепко — разорили Гилян, Табаристан, Ширван, Баку, Гянджу. Добычу набрали огромную и в 913 г. двинулись домой. В Итиле остановились на отдых. Отстегнули договорную долю Беньямину. Видать, и подгуляли — в Итиле для этого имелись все условия.

Вот тут-то каганат и нанес удар исподтишка. На расслабившихся русичей была брошена хорезмийская гвардия. Причем каганат выставил дело так, будто инициатива исходила от гвардейцев — мол, захотели отомстить за закавказских мусульман-единоверцев, попросили разрешения Беньямина. И он разрешил. Нет, так не получается. Хорезмийцев было вчетверо меньше, чем русов. А случилась не только резня спящих и пьющих. Окруженные русичи сопротивлялись три дня. Значит, операция была тщательно организована и спланирована, мобилизовано и вооружено ополчение горожан, подтянуты дополнительные силы. Ясно также, что каганат успел заключить союзы с гузами, бургасами и волжскими болгарами. В результате трехдневного побоища 30 тыс. витязей было истреблено. Некоторые сумели прорваться, бежали по Волге и были добыты бургасами и болгарами. Выходит, они были предупреждены, ждали. И в том же 913 г. хазары вместе с гузами нанесли удар печенегам, кочующим в волго-уральских степях, разбили их и снова прогнал на запад [56].

Почему же Русь не ответила, не отомстила за случившееся? А она в это же время распалась. Смею предположить, сие тоже было подготовлено заранее. Мир с каганатом был заключен в 907—908 гг. Как выше отмечалось, восстановилась торговля. Значит, хазарские купцы были допущены во владения Руси, открыли свои конторы и представительства в землях разных славянских народов. И имели достаточно времени для подрывной работы. Летописи сообщают, что Игорь Рюрикович в 914 г. подавлял бунт древлян. Но в будущем ему и другим князьям пришлось заново подчинять другие племена, входившие в державу Олега. Можно понять так, что древлян Игорю удалось усмирить, а остальных... В любом случае для того, чтобы отпасть, самым удобным временем были 913—914 гг. Вещего Олега не стало, армия уничтожена, на престоле неопытный молодой человек. Наверное, и какие-то обиды к варяжским правителям успели появиться. И на национальных противоречиях сыграть можно было. И подогреть сепаратизм. Отложились уличи, тиверцы, северяне, радимичи, дулебы, хорваты.

О том, что в процессе распада приняли деятельное участие хазары, говорит факт, что радимичи и северяне вскоре снова оказались под властью каганата. И теперь-то их, конечно, покоряли не военными операциями. А пообещали покровительство, защиту. Снизили дань — вместо «шелюга с плуга» стали брать по «беле веверице с дыма», то есть по беличьей шкурке с хозяйства. Совсем не высокий налог. Но... около 916 г. появляется известие, что сын «царя сакалиба» находится в заложниках хазарского царя, а дочери отправлены в его гарем. Очевидно, имеются в виду дети князя северян или радимичей. А Муром хазары расплатились с союзной Волжской Болгарией. Тоже до поры до времени.

Печенеги, загнанные обратно в Причерноморье, составили для киевских князей дополнительную проблему. В 915 г. летописи зафиксировали их приход на Русь. Игорь вывел войско. Но дружеские отношения еще не забылись, заключили мир и разошлись без боя. Печенеги заселили прежние владения мадьяр — четыре клана обосновались в степях западнее Днепра, четыре — восточнее.

Политические хитросплетения в Причерноморье во многом определялись продолжающейся болгарско-византийской войной. Симеон наносил грекам поражение за поражением. Захватил Адрианополь, почти всю Фракию. В 917 г. армия Льва Фоки и флот Романа Лакапина выступили к устью Дуная — в сражении на р. Ахелон возле Месемврии болгары разгромили их. И 70 лет спустя Лев Диакон видел здесь груды костей «постыдно перерезанного ромейского войска». Потом последовало поражение византийцев при Катасиртах вблизи самого Константинополя. Симеон провозглашал себя «царем болгар и ромеев», добился признания независимой Болгарской патриархии в Охриде.

Коррумпированное правительство Зои Карбонопси при юном Константине VII Багрянородном и без того было непопулярно. В результате военных неудач его вообще возненавидели. И корону начали мысленно примерять на себя ромейские полководцы. Но при этом враждовали и друг с другом. И когда положение Константина стало совсем шатким, советники подсказали ему, что надо добровольно поддаться кому-то из военачальников. Иначе все равно свергнут. Выбирали по принципу наименьшего из зол. Дескать, Лев Фока очень знатного происхождения, его любят войска и народ, и он запросто отправит на свалку самого Константина. А вот позиции Романа Лакапина слабее, он не обойдется без «легитимной» поддержки, и с ним можно договориться.

И пригласили адмирала. В 919 г. произошел переворот. Причем членов правительства Зои, ходивших по городу на переговоры, народ освистывал и швырялся камнями. Роман Лакапин и впрямь не стал свергать царя. Женил его на своей дочери Елене, а сам стал кесарем и соимператором. Но реальной власти Константин не получил. Роман отправил Зою в монастырь и стал править сам. Вскоре возвел в сан августы свою супругу. Потом сделал соправителем сына. Потом начал ставить на первом месте свое имя, а Константина на втором. А потом и на третьем, после себя и сына... Но Константин был монархом непритязательным, соглашался на все. Не гонят из дворца, и ладно. Он и раньше был на заднем плане — при дяде Александре, при матери. И увлекся учеными трудами. Работал в архивах, пи-

сал книги по истории, международной политике, ритуалам византийского двора. Как раз и прославился не в качестве правителя, а писателя. Поэтому и его терпели — не мешает и под ногами не путается.

Ну а соседние народы становились разменной монетой в политических играх Константинополя. Об этом дают яркое представление письма патриарха Николая Мистика. Он вел обширную корреспонденцию с монархами других стран. В частности, пытался увещевать Симеона. Например, в письме №9 выговаривал ему: «Ты не оставляешь в покое и Вогу, херсонесского стратига. И этот стратиг постоянно делает донесения, что болгары все старания прилагают привлечь на свою сторону печенегов и другие племена, живущие в этих местах, в поход и на войну с ромеями. И не изредка, и не через продолжительные промежутки времени, но чуть не ежедневно он надоедает нам таковыми донесениями и письмами. Об этом же доводят до сведения 16 человек печенежского посольства, явившихся сюда, что из Болгарии приходят к печенегам послы, и не один раз, а часто, и что эти послы предлагают вступить с ними в союз... Ради этого у нас был собран отряд войска и послан в печенежскую землю. Но это не ради военных действий и не для того, чтобы возбудить убийство твоего народа, но частью для того, чтобы позаботиться о собственной безопасности, частью же чтобы пресечь и остановить ваше стремление и воспрепятствовать набегам на Ромейскую землю, как в том известились мы и через Вогу, и через послов печенежских».

Отряд из Херсонеса большим быть не мог, он предназначался явно не для войны со степняками, а, видимо, против болгарских гостей. И в византийских летописях содержится упоминание о политической миссии стратига Иоанна Воги в печенежскую землю [208]. Впрочем, и посольство печенегов в Константинополь, их рассказ про болгар говорит, на чью сторону они склонились. Печенеги были перекуплены. И стали «друзьями» греков. В другом письме — к сожалению, они не датированы, но более позднем, № 23, Николай Мистик путает Симеона: «Страшное движение готовится или скоро приготовится царским старанием против вашего рода. Русские, печенеги, аланы, угры — все договорены и поднимутся на вой-

ну» [208]. Вот мы и видим, каково стало отношение к Руси после понесенных ею ударов и потерь. Ее рассматривают всего лишь в качестве одного из многих «варварских» племен, удел коих — служить орудием для защиты интересов Константинополя. И, кстати, обратим внимание на упоминание аланов. Они были подданными Хазарии. То есть с каганатом восстановился альянс.

Об этом свидетельствует еще одно письмо, № 68, стратигу Воге. Патриарх поздравляет его с тем, что Воге удалось спастись от какой-то опасности и укрыться в Херсонесе и говорит относительно «прибывшего сюда хазарского посольства». Которое просит назначить в каганат... епископа! Чтобы он рукополагал священников. «Мы поручили назначенному на Херсонесскую кафедру архиепископу отправиться с Божией помощью в Хазарию и исправить необходимые требы и затем возвратиться к своей Херсонесской кафедре». И Николай просит стратига оказать помощь архиепископу как в хазарской земле, так и при вступлении на свою кафедру [208].

Вот интересно, правда? Иудейская власть озабочена поставлением у себя христианских священников! Хотя ничего парадоксального нет. Уж конечно, эта власть позаботилась подобрать «своих» священников. Которые помогут удерживать под контролем паству. Противопоставлять ее русским язычникам. И пусть уж лучше подданные переходят в христианство, чем в ислам, и их нельзя будет продать на Восток. А дело Константинопольской патриархии — только рукоположить кандидатуры, кои будут представлены.

Впрочем, дружба с иудейской Хазарией вполне вписывалась в рамки политики Константинополя. В Италии и на Сицилии греки воевали с африканскими арабами, с ними же поддерживал связи и Симеон. А Византия, в противовес им, установила теплые отношения с врагами африканцев, испанскими Омейядами. Но вскоре и с африканскими Фатимидами помирилась. Против Византии восстали ее вассалы в Южной Италии, и император заплатил крупную «субсидию» халифу Ал-Махди, чтобы он подавил мятеж. А с сицилийскими пиратами, подданными Ал-Махди, купили мир за ежегодную дань в 22 тыс.

золотых. При этом учтем, что и Хазария поддерживала тесные контакты с Омейядами и Фатимидами. В Испанском халифате очень важное место занимали евреи. А Ал-Махди и сам происходил из евреев.

Но вот Русь послушным орудием византийской политики быть отказалась. Вопреки письму Николая Мистика о «договоренностях», то есть происходившей дипломатической обработке, она старый союз с Симеоном не нарушила и против Болгарии не выступила. И... в 920 г. летописи отмечают первую войну Руси с печенегами. Подстроить ее могла только Византия. Константин Багрянородный хвастает: «Когда император ромейский живет в мире с печенегами, то ни русы, ни турки (*венгры*) не могут совершить вред нападением на ромейскую державу». Конечно, Симеон направлял послов не только к печенегам, но и к русским. Может быть, Игорь действительно склонялся на его сторону... Нельзя исключать и того, что эта война была связана с посылкой миссии и отряда Воги.

О результатах войны мы не знаем. Но Нестор пишет, что «в первый раз» на Русскую землю печенеги пришли в 968 г. Значит, в 920 г. не прорвались, были остановлены. Тем не менее какие-то нашествия на землю полян были. Ведь арабские дирхемы начала X в. найдены на Киевщине в кладях. А клады свидетельствуют не только о торговле, они — немые рассказчики о трагедии, о нападениях врагов и гибели владельцев. Если не печенеги, то кто прошелся по краю полян? Остаются соседи, северяне или уличи (скорее вторые). По подстрекательству греков и хазар. Да и печенеги с этих пор стали клевать славян мелкими наскоками и набегами.

Константин Багрянородный писал: «Русские соседствуют с печенегами, и последние часто грабят Россию и вредят ей. Русские стараются жить в мире с печенегами, ибо покупают у них волов, коней и овец, которых в России нет». Насчет того, что нет — неточность. Но данное известие говорит о том, что у русских не стало выхода на лучшие, степные пастбища. В степи их теперь печенеги не пускали. И торговле мешали. Тот же Константин сообщал, что русские купцы собираются большими караванами. И когда обходят посуху днепровские пороги, должны

драться с дежурящими там печенегами. Если пробьются, принесят благодарственную жертву. И возле устья Дуная их еще раз стараются перехватить печенеги.

В общем, Киевской Руси пришлось несладко. Кому это было на руку? Конечно, грекам. На стороне Болгарии Русь воевать не стала. И Константинополь перестал выплачивать ей дань. На руку было и хазарам. Русские представляли для них угрозу и являлись их конкурентами на рынках Византии. Поэтому нейтрализация Руси печенегами и соседями-славянами оказалась для каганата очень кстати.

БОРЬБА ЗА ЧЕРНОЕ МОРЕ

Распад Руси происходил не только отделением различных племен. Но и по обычной «феодальной» схеме. Так, в последующем обнаруживается княжество в Полоцке, где правит самостоятельная варяжская династия. Может быть, землю полочан дали в удел кому-то из старших сыновей князей. Или поставили наместника. Но со временем получилось независимое «герцогство», каковые вычленились из западных королевств.

А хазары опять почувствовали себя очень уверенно. Вытворяли что вздумается. Мусульмане в каком-то городе разрушили синагогу (в каком — не установлено), и царь Беньямин за это приказал казнить мулл и муэдзинов в Итиле. Грозился, что разрушил бы и мечети, если бы не опасался мести другим синагогам в странах ислама. Ну а народам Поволжья пришло время расплачиваться за свой союз с Хазарией против Руси. Каганат покорил буртасов, стал теснить Волжскую Болгарию. Ее эльтебер (царь) Альмуш, чтобы найти союзников, принял ислам и обратился за защитой к Багдадскому халифу. Тот откликнулся, направил в Болгарию посольство Ибн-Фадлана. Послал приказ Хорезму оказать военную помощь.

Альмуш просил денег для строительства крепости. Халиф и это уважил. Распорядился продать имущество одного из казенных вельмож и отправить средства единоверцам. Но гонец с деньгами Ибн-Фадлана уже не догнал. А властителем халиф

был чисто номинальным. Хорезм, выгодно торговавший с каганатом, его приказ проигнорировал. Принятие же ислама не усилило, а ослабило государство Альмуша. Одно из трех болгарских племен, суваз (чуваши), отказалось сменить веру и откололось. И Болгария, как и чуваши, были покорены Хазарией. Сын эльтебера отправился заложником в Итиль, а дочь — в гарем Беньямина.

На Руси же в 922 г. появляется вдруг еще одно известие о смерти Олега [56]. Если Вещий Олег умер и был похоронен в Киеве, Нестор пишет о его могиле, то другой Олег скончался в Ладоге, и здешняя его могила известна и сейчас. Осмелюсь предположить, что похоронен в ней Игорь Рюрикович. При вступлении на престол принявший титул «Хельги». То есть он был Олегом II. А после него наследником стал очередной Игорь — опять младший из сыновей. К самостоятельному правлению не способный. Значит, власть досталась какому-то новому «Хельги». Условно назовем его Олегом III. О котором мы не знаем ничего. Возможно, он был из родни Рюриковичей или Вещего Олега. А может, просто из бояр, воевод.

Факт похорон Олега II в Ладоге тоже знаменателен. Умереть-то князья могли где угодно, но хоронили их обычно в столице. Выходит, Рюриковичи опять перенесли свою резиденцию на север из-за постоянной угрозы Киеву со стороны соседей. Видимо, в связи с этим на севере, в безопасных краях, возникает и быстро разрастается Новгород Великий.

Из известий Ибн-Фадлана мы узнаем, что с Хазарией и Волжской Болгарией был мир, русские купцы приплывали туда торговать. Но эти же купцы были воинами и торговали в основном невольниками. По известиям Константина Багрянородного, русские поставляли и в Константинополь значительное количество рабов. Вот еще одна причина, по которой Русь смирилась со своим положением. Военная верхушка состояла из варягов, славянских или норманнских. Привычных к пиратским промыслам и нуждающихся в сбыте «товара». Для чего требовалось поддерживать добрые отношения с хазарами и греками. А при власти малолетки-Игоря и, допустим, временщика Хельги чаяния дружины должны были играть важную роль. Со-

гласно Ибн-Фадлану, многие пленники были по национальности близки к русам. Следовательно, брали их во взаимных разборках с теми же северянами, радимичами, уличами. В войнах прибалтийских славян, в морских рейдах.

Впрочем, что касается самого обращения в неволю, то мораль X в. не считала это предосудительным. Рабство было в порядке вещей и в Византии, и в Западной Европе. И если порой некоторые епископы и прелаты из благотворительности выкупали рабов, то только по признакам религиозного «ущемления» — христиан, попавших в неволю к язычникам или мусульманам. Если же христианин теми или иными путями попал в собственность к христианину, это признавалось нормальным. Да и те, кто очутился в неволе, смотрели на свое положение проще, чем с нашей, нынешней точки зрения. Для них, разумеется, это было трагедией, но не концом жизни. Ибн-Фадлан рассказывает, как русы, привезшие продавать пленниц, шутили с теми, кого только что выставляли на торг, угощали лакомствами. А сами девицы в ожидании следующего торга ласкались к своим владельцам и заигрывали с ними. Словом, привыкали, приспособливались. Каждый надеялся на лучшее. Для женщин — вдруг влюбится и купит князь или вельможа? Для мужчин — вдруг хозяин подвернется добрый и работа прибыльная?

Тем временем Византия все еще воевала с Болгарией. Натравливала на противников сербов, хорватов. Но все равно терпела поражение. Спасла ромеев только смерть Симеона в 927 г. И выяснилось, что греческая агентура очень хорошо поработала — среди болгарской знати уже существовала тайная провизантийская партия, причем под ее влияние попал и наследник Петр. Едва став царем, он немедленно направил послов с предложением мира. Который был сразу же заключен и скреплен браком Петра и внучки Романа Лакапина Марии. Византия праздновала этот мир как чудо, никем нежданное избавление. Болгар нарекли «первыми друзьями», их посольства получили право на приемах садиться «выше» остальных держав. Предоставили массу льгот, засыпали дарами, стали платить дань, замаскированную под «содержание царевны».

Болгар превозносили, в публичных речах даже признавали «братьями» — дескать, драться-то было не из-за чего, «как Израиль, мы разделились на Иудино и Ефремово колена, из друзей и близких стали непримиримыми врагами». Но... в это же время Константин Багрянородный в своих трудах называл их «богомерзким народом». И едва установился мир, Константинополь всеми силами принялся разлагать Болгарию, играть на ее ослабление. Так «дружба» с ромеями понравилась далеко не всем. Против Петра стали возникать заговоры. Часть бояр задумала возвести на престол младшего царевича, Иоанна. Заговор раскрыли, подавили, Иоанна выслали в Константинополь, чтобы его там заточили в монастырь. Но вместо этого ему дали чин патрикия и оставили при императорском дворе. Что поддержало антивизантийскую партию в Болгарии. Парадокс? Нет. Расчет на подпитывание внутренних смут. А 931 г. против Петра поднял восстание наместник в Сербии Чеслав. Греки поддержали не Петра, а Чеслава. И Сербия отделилась от Болгарии.

Дала о себе знать и богумильская ересь. Пошла она от манихеев-павликиан, которых Василий Македонянин переселил во Фракию. И перекинулась в Болгарию в виде учения попа Богумила. Согласно ему Бог создал только «высший» мир, а земной — Сатанаил, который в нем и властвует. А Христос якобы приходил в мир только в «эфирном теле», это была видимость. Отрицались св. таинства, поклонение кресту, объявлялось, что церкви населены демонами, и каждый человек — вместилище демона. А чистые только богумилы. Поскольку болгарская церковь признала мир, богумильство начало находить приверженцев в антивизантийской партии. Что способствовало дальнейшему расшатыванию государства.

А Хазарский каганат снова находился на вершине могущества. Система белокаменных замков-крепостей с Дона и Донца возобновила движение — на запад. Успела восстановиться шелковая торговля. Но и гнет на подданных не ослабел. Подминали их по принципу «разделяй и властвуй». Подняли было восстание касоги, сумели привлечь часть печенегов. Их, язычников, раздавили при помощи христиан-аланов. В 932 г. подняли восстание аланы — их царь Аарон раздавил при помощи язычни-

ков — гузов и касогов. При этом разрушил церкви и разгромил христианскую организацию на Кавказе.

Константинополю это, наверное, не понравилось, но к разрыву не привело. Ромеи не привыкли заступаться за чужеземцев. И у них были свои проблемы. Романа Лакапина считали узурпатором, против него чуть ли не каждый год поднимались мятежи то в одной, то в другой провинции. Вдобавок Византию постигла засуха, голод. А в 934 г. на нее совершили первый набег венгры. Разрушаемая Болгария заслоном против них служить не могла, они произвели «общий погром» во Фракии, дошли до Константинополя. К ним был послан патрикий Феофан, провел переговоры, за большую сумму купил мир и возвращение пленных.

После этих бедствий Роман то ли искренне, то ли желая приобрести любовь подданных, издал новеллу (закон) об упорядочении владения землей. Указывалось, что во время голода многие представители знати, церкви, состоятельные люди из простонародья наживались, по дешевке скупая собственность населения. Все такие приобретения предписывалось вернуть прежним владельцам, их наследникам или сельским общинам. Причем если они делались по относительно честной цене, деньги возвращались покупателю. Если же по грабительской, ниже половины реальной стоимости, покупатель просто изгонялся, не получая ничего.

Эти шаги Романа тоже вызвали охлаждение отношений с каганатом. Потому что среди «обиженных» было немало ростовщиков и купцов евреев. Да и византийская знать, по-видимому, уже сильно перемешалась с ними. Стали говорить, что Роман «не любит евреев». Впрочем, и греко-армянской верхушке общества, и церкви подобное обращение с их земельными приобретениями не понравилось. Вызывало недовольство царем.

В русских летописях данный период «пустой», никаких событий не отмечено. А может, и не велось в это время придворных хроник, забросили. Или они погибли в пожарах, междоусобицах. Но ослабленная Русь временно выключилась и из международной политики. Поэтому в зарубежных хрониках упоминания о ней единичны. Так, в 934 г. состоялась византийская экспедиция в Италию под командованием стратига Кось-

мы. Она была небольшая, из 11 греческих судов с экипажами в 1100 человек, и 7 русских кораблей, на которых находилось 415 воинов. То есть русские ездили в Грецию в качестве наемников. Участвовали они и в торговле. Константин Багрянородный пишет, что русские купцы добирались до Сирии.

Поддерживались и какие-то контакты с Западом. Около 935 г. в уставе рыцарского турнира в Магдебурге среди участников назван Велемир, принцепс русский. Русские витязи выступали здесь и под знаменами герцога Тюрингии Оттона и Венцеслава, князя Ругии. Не исключено, что кто-то из княжичей Руси отправился искать счастья в Европу или просто путешествовал. А Венцеслав, наверное, являлся князем прибалтийской Руси.

Но с конца 930-х появляется лавина сообщений о русских — они вдруг вступают в борьбу за выход к Черному морю. И с большой долей вероятности можно назвать причину нового усиления Руси. В ее состав вернулись северяне. По крайней мере во времена Ольги и Святослава они снова оказываются под властью киевских князей. А начинать войну на юге было нельзя, пока северяне оставались хазарскими подданными — в этом случае Киев и все тылы были открыты для ударов с Левобережья Днепра. Никаких военных столкновений по покорению северян в летописях нет. Однако обратим внимание на важную деталь — у них не стало своих племенных князей. У древлян, уличей, вятичей они сохранялись даже и во время пребывания в составе Киевской Руси. А у северян исчезли, Черниговом стали править наместники, а потом и князья из Рюриковичей. Отсюда можно предположить схему событий. Хазары этих своих подданных все же допекли, и северяне восстали. Князя, возможно, свергли за прохазарскую ориентацию. Или он возглавил восстание и погиб, а его дети-заложники были казнены в Итиле. А народ передался под власть Киева.

И Русь получила возможность начать войну за море. Правда, составить ее общую картину из множества разнородных и отрывочных сообщений нелегко. Сделать это попытался только иудейский Кембриджский аноним. По его версии, император Роман послал «большие дары Х-л-гу, царю Руси», подстрекнул напасть на хазар, тот пошел на Самкерц (Керчь) и по небрежности местного начальника реба Хашмоная захватил город. То-

гда был направлен достопочтенный Песах, в отместку взял три греческих города с пригородами и «избил мужчин и женщин». Осадил Шуршун (Херсонес), но взять не смог. Причем и в этом источнике не все ясно. Сказано, что Песах избивал греков, взял дань, но есть и фраза «спас от руки русов».

Потом Песах пошел на Х-л-гу, победил его, нашел взятое в Самкерце. Вождь русов сознался: «Роман подбил меня на это». А Песах потребовал, чтобы тот пошел воевать на Романа. Иначе, мол, «я здесь умру или буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». Олег пошел и «воевал против Кустантина на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар» [57]. Л.Н. Гумилев не только безусловно доверял этой версии, но и домыслил ее. Дескать, Песах пошел из Крыма на Киев и разгромил князя. Относил к этому случаю и дань мечами. Дескать, перепугавшийся Игорь капитулировал и разоружил дружину. А потом в 941 г. по требованию Песаха произвел набег на Византию (без мечей). Что и кончилось погибелью.

Что ж, давайте попробуем разобраться. Конечно, Кембриджский аноним субъективен (как и любой другой источник). Он и не аутентичен. По мнению исследователей, он написан византийским евреем в XI — XIII вв. [95]. Человеком, который что-то знал, что-то слышал о могуществе уже не существовавшего каганата. Но в источнике есть явные ошибки — например, упоминается война аланов против ясов, хотя это два названия одного народа. А относительно борьбы за Причерноморье многие факты подтверждаются. Но не все.

Одно противоречие — о победе Песаха над Хельги. Греки сообщают, что в 941 г. на них пришло 10 тыс. русских судов. Это, конечно, преувеличение. Такой флот означал бы полумиллионное войско. Но ясно, что оно было огромным. Спрашивается, где же была эта армия, когда Песах побеждал Игоря? Армия могучая, ничуть не разгромленная...А уж о выдаче мечей — полная чушь. Князь зависел от дружины не меньше, а то и больше, чем дружина от князя. Даже Владимир Святославович старался угодить дружине, покупая для нее серебряную посуду. А меч был

личной собственностью и стоил очень дорого. Знатные воины брали его с собой в могилу, люди попроще передавали по наследству. Если бы Игорь потребовал от дружины сдать мечи, древляны для его гибели уже бы не понадобилось.

Второе противоречие — Роман никогда не приглашал русов в Крым. Наоборот, Византия была озабочена тем, чтобы они не зацепились на Черном море. В договоре 944 г., завершившем эту войну, особо подчеркивается, что Русь не имеет права претендовать на Крым и на «власть корсунскую» (херсонесскую). Значит, уже претендовала. От русских требуется даже не зимовать в устье Днепра. И не мешать ромейским рыбакам, появляющимся там. Но если Роман не звал русских, то почему же Песах громил греческие города?

Вот с учетом всего этого попытаемся восстановить последовательность событий. Где-то в 937 — 938 гг. Русь начала войну с уличами. Войну победоносную. Возглавил ее упомянутый X-л-гу — Олег III. Но, как будет показано ниже, не Игорь. Через земли уличей русские получили еще один выход к морю, по Южному Бугу — удобный, без порогов и печенежских кордонов. И появились на берегах. В описании данных событий византийские хроники называют русов «дромитами». Это слово почему-то приводит ученых в затруднение — видимо, сказывается узкая специализация, когда историки углубленно изучают только свою эпоху. Потому что «дром» хорошо известен в древнегреческих и римских описаниях, лоциях. «Ахилловым дромом» или просто «дромом» (ристалищем) называлась Тендровская коса.

Место голое, неудобное. Здесь и сейчас размещаются только рыбацьи временные стоянки. Зато русы тут смогли закрепить себя, обосноваться, создать береговые базы, как и на «Белобережье» — о.Белом (ныне Кинбурнская коса). И загуляли по морю. Масуди в данное время называл Черное море «морем русов, по которому не плавают другие племена, и они обосновались на одном из его берегов». Высадились и в Крыму, куда более комфортабельном, чем острова и островки. А в Крыму поселения русичей возникали еще с VIII в., тут князь имел возможность получить поддержку сородичей.

И здешние греческие города, вероятно, предпочли признать его власть, чтобы избежать разорения. Или даже... сами призвали русов. Не император, а херсонесцы. Как уже отмечалось, узурпатора-Романа не любили, против него один за другим возникали мятежи, пытались отлагаться провинции. А в Херсонесе население было смешанным — со славянами, потомками сарматов, скифов. Город был и местом ссылки неугодных. И сепаратистские тенденции тут проявлялись часто. Не исключено, что херсониты воспользовались случаем перекинуться под номинальную власть русов. Которые заодно прихватили и Самкерц. И греческая хроника Льва Диакона, подтверждает, что в конце 930-х — начале 940-х Русь владела какой-то частью Крыма.

Война с уличами успешно завершилась в 940 г., была взята столица их княжества г. Пресечен. В это время появился и дотопочтенный Песах. С каким войском? Нет, не с отборным корпусом хорезмийских ал-арсиев. Для наступательной войны их было маловато. По-видимому, он набрал живущих поблизости касогов, аланов. Боевые качества сборного ополчения обычно невысоки. Но погромить несколько греческих городов — почему бы и нет? Было ли столкновение с русичами? Может быть, да, но скорее — нет. Когда между сторонами ляжет кровь, договариваться уже труднее. А хазарам требовалось именно это.

Песах показал князю, что имеет полную возможность вредить ему, мешать закрепиться в Крыму. После чего логично было вступить в переговоры. Дескать, вы можете вредить нам, нападать на наши владения — но и мы тоже можем. Только зачем? Не лучше ли разобраться по-хорошему. Мы-то вам не враги. Мы же с вами торгуем, пленников покупаем, обид не делаем. Разве мы не пускаем вас к морю? Разве мы натравливаем на вас печенегов? Византия — вот наш общий враг. Не думаю, что хазары подтолкнули русичей против греков из какой-то мести Роману. Любая война для иудейских купцов была невыгодной. Но у них не было выбора. Произошло то, что произошло — войско русичей прорвалось в Черноморье. Оставалось перенацелить его в других, отвести грозу от себя. Песах вполне мог привести доказательства враждебности Византии к Руси. Каганат такими данными наверняка располагал. Мог пообещать признать завоевания князя в Крыму, союз, помощь. И Хельги клюнул.

В 941 г. состоялся массированный поход на Византию. И отметим, он был предпринят только флотом и десантом, без конного войска. Операция осуществлялась не из Киева, а из Крыма. В летописях указывается, что греков предупредили болгары. Но такое предупреждение было бы бессмысленно — кораблям надо не так много времени, чтобы достичь Константинополя. Другое дело, если Русь заранее направила послов к болгарам, приглашая присоединиться к удару. А те оповестили греков. Несмотря на это, ромеи оказались не готовы. В июне русский флот встал у Боспора. Высадил десанты на азиатском берегу, в Вифинии. У Романа не было под рукой ни армий, ни флота — они воевали с арабами. Он лишь наскреб несколько торговых и других кораблей, стоявших в гавани Константинополя, установил на них сифоны с «греческим огнем», и этот отряд под командованием патрикия Феофана отогнал русскую армаду от устья Боспора. Но не разбил и не прогнал.

Она продолжала курсировать у берега, прикрывая сухопутные силы. Лев Диакон описывает ужасы нашествия — дескать, русские свирепствовали, распинали людей, забивали гвозди в головы, рушили церкви. Писал он свою хронику через несколько десятилетий и допускаю, что сгустил краски. У Льва Диакона такое бывало, в картинах некоторых других «варварских» вторжений он откровенно подвирал. Известно, что часть русских уже была крещена, причин ненависти к церквям у них не было. Известно и то, что князь, уверенный в успехе, отдал приказ не убивать врагов даже в бою, а брать в плен [89].

Хотя, конечно, пиратские вторжения всегда были жестокими, и населению мало не показалось. Но обращает на себя внимание другое. Нападение не было обычным пиратским набегом! Сам по себе ход боевых действий вызывает недоумение. Если бы русы налетели, погромили приморские города, набрали добычу и ушли, все для них кончилось бы благополучно. Но их отряды, захватив города от Ривы до Хрисополя, не ограничились приморской полосой, углубились далеко внутрь страны, доходя до Никомидии. И воевали до сентября. Спрашивается — зачем они задерживались на чужой территории? Чего-то ждали? Чего? Переговоров и уступок со стороны Романа? Или хазары обманули их, пообещав, например, выступление болгар,

помощь со стороны арабов, переворот в Константинополе? Эта задержка стала роковой.

Впрочем, только исключительно благоприятное стечение обстоятельств на арабской границе позволило императору снять оттуда армии своих лучших полководцев Иоанна Куркуа и Варды Фоки. Они двинулись в Вифинию. Но и они не нанесли серьезных поражений русичам. Просто наступала осень с непогодами. Русский флот из легких судов не мог дольше держаться у азиатских берегов [208]. Десантные отряды в полном порядке отступили к берегу, беспрепятственно сели на корабли. Но в Константинополь вернулась и часть морских сил империи. Эскадра Феофана атаковала русичей в море, когда они отчалили в обратный путь. Пожгла, нанеся страшные потери. Довершил разгром шторм. Часть спасшихся судов выбросило на берега, экипажи были схвачены. Лиутпранд Кремонский описывал, как его отчим был послом в Константинополе и стал свидетелем массовых жутких казней всех пленных русичей.

А князь с остатками войска и флота, как сообщает Лев Диакон, бежал «к Боспору Киммерийскому». Не в Киев, а в Самкерц, в хазарские владения. Что согласуется с информацией Кембриджского анонима — «постыдился вернуться в свою страну». Отсюда я и делаю вывод, что «Хельгу» был не Игорь. А неизвестный Олег III — временщик, взявший власть при малолетнем наследнике. Очевидно, на Руси далеко не все были довольны его правлением, а наследник Игорь успел подрасти, возмужать. Вокруг него сформировалась партия сторонников. И катастрофа на Черном море, гибель почти всего войска привела к падению временщика. Оттого он и не мог вернуться в Киев, а кинулся под покровительство к Хазарии.

Вот теперь и впрямь с него стало бы признать подданство Руси каганату — «тогда стали русы подчинены власти хазар». Но сам он был купеческой верхушке совершенно не нужен. И его спровадили в Закавказье. Слова о том, что этот князь «пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его» тоже подтверждаются. Сообщения иранских и арабских авторов, датированные 942—943 гг., рассказывают, что какой-то отряд русов появился на Каспии у берегов Азербайджана. Нанес поражение местному правителю Марзубану и захватил город Бердаа

в низовьях Куры. Причем восточные источники утверждают, что эти русы «хотели только власти» [177]. Князь-изгой ставил целью обосноваться здесь и создать что-то вроде «герцогства». Но Марзубан собрал силы, осадил Бердаа. Русы несли потери в боях, их стала косить эпидемия дизентерии. В одной из схваток их предводитель был убит. И остатки его отряда отчалили в неизвестном направлении...

Ну а Роман Лакапин, прежде чем казнить пленных, узнал у них, кто сосватал ему такой «подарок». И начал гонения на евреев. Масуди писал: «Император, правящий ныне и носящий имя Арманус, обращал евреев силой в христианство и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар». Отсюда еще раз видно, что до этих событий иудеи в Византии чувствовали себя весьма вольготно. Но отметим, что Масуди записал данные строки в 943 г. После чего Роман процарствовал меньше года.

РУСЬ СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ

Если, как мы предполагали, Игорь Рюрикович умер в 922 г., оставив наследником младшего Игоря Игоревича, родившегося где-то незадолго до этого, то все сходится, и летописная информация становится правдоподобной — в начале 940-х князь был молодым человеком, имел всего одну молодую жену Ольгу и сына, родившегося в 942 г. Житие св. Ольги рассказывает, что она была простого рода, жила в Выбушской веси под Псковом. И юный Игорь во время охоты увидел ее, говорил с ней и полюбил [89]. А народные предания сообщали, что настоящее ее имя было Прекраса, и что она происходила из рода Гостомысла [103]. Возможно, по боковым линиям или потомству от других его дочерей, отданных «соседним князем в жены». Так это или нет, но о ее славянском происхождении свидетельствует и имя сына.

В начале самостоятельного правления Игорю досталась ситуация не из легких. Война с Византией, которую каким-то образом требовалось завершить. После того, как сгнуло 10 ты-

сяч (условно) кораблей, сколько осталось на Руси вдов, сирот, родичей? Значит, князю нужно было отомстить, чтобы заслужить уважение подданных. Опять же купцам требовался выход к морю. Вполне вероятно, к войне подталкивала и хазарская дипломатия — каганату теперь было выгодно покрепче стравить Русь с Византией. Отплатить Лакапину за гонения на евреев. И не дать Киеву разобраться в истине, объединиться с ромеями против подстрекателей. Пусть дерутся и ослабляют друг друга. А воздействовать на русичей было не трудно — например, распространив известия о зверских казнях пленных в Константинополе.

Для продолжения боевых действий Русь первым делом заключила союз с мадьярами. И в 943 г. состоялся их набег на Византию. Опять патрикий Феофан вел переговоры с ними, и за большие деньги был куплен мир на 5 лет. А в 944 г. Игорь сумел собрать новое войско и выступил на греков, по сухопутью и морем, на кораблях. Причем здесь еще более прозрачно просматривается участие хазар. Каким образом князь собрал армию? Он привлек печенегов — а это было дорого, требовалось перекупить их, ведь им и ромеи платили. Он набрал большое количество варягов-наемников. Это тоже было очень дорого. Добавим и дары уграм при заключении союза. Где мог князь взять столь крупные суммы (если и поход 941 г. потребовал значительных вложений, а отдачи не принес)? Напрашивается ответ — Игорь получил заем от иудейских купцов.

Но до сражений дело не дошло. Император выслал посольство к устью Дуная и предложил переговоры, изъявляя готовность выплатить дань такую же, как Олегу, и дополнительно отстегнуть за заключение мира. Отдельно греки задобрили и ублажили дарами печенегов. И дружина потребовала мириться: «Когда царь без войны дает нам серебро и золото, то чего более мы можем требовать? Известно ли, кто одолеет, мы ли, они ли? И с морем кто советен? Под нами не земля, а глубина морская, в ней общая смерть людям». И впрямь победа выглядела проблематичной. На печенегов рассчитывать стало нельзя. По-видимому и сборное ополчение не внушало уверенности. А чтобы добраться до Византии, еще нужно было пробиться через враждебную Болгарию.

Князь зависел от мнения дружины очень сильно. И должен был согласиться. Печенегов он послал разорять землю болгар. Только за то, что они предупредили греков? Очевидно, нет. А за то, что именно к болгарским берегам прибило штормом русские суда в 941 г., и экипажи были выданы византийцам на смерть. А с империей был заключен договор. Она снова признавала русских «друзьями и союзниками ромеев», что означало ежегодную дань. Имелись в договоре и новые пункты по сравнению с 907 и 911 гг. Все русские купцы, прибывающие в Константинополь, должны были иметь грамоту от великого князя — сколько идет людей и сколько кораблей. Только тогда они признавались купцами, получая соответствующие льготы. В противном случае задерживались по подозрению в пиратстве и о них общалось в Киев.

Была оговорена и присылка вспомогательных войск «в том количестве, какое будет нужно» — от князя императору и от императора князю. Рассматривать такую взаимность буквально не стоит. Греки редко кому помогали. Но просить военные силы из-за рубежа было для императора несолидно, вот оно и прикрывалось маской «обоюдности». Статья 8 договора требовала: «Относительно корсуньской земли и всех городов, которые в ней находятся, князь русский не имеет права воевать эту страну, и она не покоряется русским», а статья 11 — «когда русские найдут корсунцев, ловящих рыбу в устье Днепра, то да не причиняют им никакого зла и да не имеют власти зимовать в устье Днепра». Отсюда и видно, что русские основывали свои базы на Черном море, претендовали на власть над Крымом. Но по договору отказывались от всех плодов борьбы за море и утверждение на его берегах.

И еще важный момент — часть русских, утверждавших договор клятвой, была уже христианами. Откуда они получили веру? Очевидно, не от «аскольдова» крещения. Кто-то мог креститься в Крыму. А логичнее всего предположить, что христианство прочно внедрилось на Руси в период тесных связей с Симеоном. Болгарская церковь была единственной, где богослужение велось на славянском языке. Поэтому и воспринять веру от болгар было проще.

Мир с Русью был последним внешнеполитическим успехом Романа Лакапина. У него выросли сыновья, балбесы и развратники, Стефан, Константин и Михаил. Он возвысил их, сделал соправителями, а зятя Константина Багрянородного сдвигал по иерархической лестнице все дальше. Но сыночки составили заговор, свергли отца, постригли в монахи и сослали на о. Проти. Проществовали они лишь 40 дней. Их самих сверг законный император Константин Багрянородный, и они встретились в ссылке с отцом. О механизмах переворота византийские источники говорят мало и путанно, но похоже, что два этапа были звеньями единого плана. Сперва с помощью детей убрали Романа, а потом и их отправили за борт. И конечно, сплел сеть не кабинетный теоретик Константин Багрянородный, а столичная знать и олигархи.

В это же время трагически кончилось правление Игоря. Осенью 944 г. он отправился в «полюдь», собирать дань с древлян. И мы видим еще одно подтверждение, что князь был молодым и неопытным. Наемная варяжская дружина с ним мало считалась, гребла в свою пользу. При этом бесчинствовала, озлобив древлян. Но ведь на Игоре висел заем иудейских купцов. Должок! Наверняка с хорошими процентиками. Он мог надеяться расплатиться за счет военной добычи — ее не было, войну кончили без трофеев. И не придумал ничего лучшего, как выжать из подданных. Отпустил большую часть буйной дружины и вернулся взять с древлян дополнительную дань. Они восстали под руководством князя Мала, перебили его воинов, а самого Игоря казнили, привязав к двум деревьям и разорвав на части.

Посольство Мала к Ольге с предложением брака выглядит вовсе не «сказкой» и не наглостью победителей Игоря. Это вполне логичный политический шаг — предложение мира и союза. С тем, чтобы переродить Русь из «варяжского» в восточнославянское государство. Но и Ольга была очень умной женщиной. Даже если не учитывать моральной стороны вопроса, а только политическую, такой вариант не сулил ничего хорошего для страны. Альянс с древлянами поссорил бы Ольгу не только с варяжским военным сословием, но и с полянами, врагами древлян. А там и остальные племена начали бы права

качать. И Русь снова развалилась бы. Вывод — мятеж требовалось быстро и сурово подавить.

Но и уступать власть очередному временщику-«хельги» княгиня не стала. Хотя на эту роль, возможно, претендовал Свенельд, главный воевода Игоря. Нет, она сама осталась единой державной правительницей, «Хельгой». Можно даже выдвинуть гипотезу, что до этого момента она не была Ольгой. А приняла «тронное» имя правительницы вместе с государственной властью. Ну а наследник Святослав не стал «игорем» — «младшим», потому что был не младшим, а единственным.

Истории о том, как Ольга хитростью мстила древлянам, мало правдоподобны. Похоже на то, что об этом ходили устные байки в нескольких версиях. О погребении заживо в ладье, о сожжении в бане, о том, как недругов напоили и перебили на тризне Игоря. А Нестор свел все версии вместе из-за неприязни к древлянам, чтобы хоть на страницах летописи покарать их лишний раз. И выставить полными олухами, три раза подряд наступающими на одни и те же грабли. Но древлянская война была жестокой и упорной, затянувшись на два года. Победы в полевом сражении оказалось недостаточно, Ольге пришлось брать многие города противников.

Их столица Искоростень (Коростень), сильная крепость, пала лишь после длительной осады. Пересказанная в летописи уловка с «данью птицами», которым привязывают горящий трут, и они зажигают город — «бродячий сюжет» викингов. В их сказаниях несколько мудрых предводителей берут таким способом неприступные города. То есть до Нестора эта история дошла из варяжской среды. Но она говорит и о том, что Ольга заслужила популярность в варяжском войске. И к побежденным она была строгой, но справедливой. Наложила «дань тяжку», из коей две трети должно было идти в государственную казну, а треть — лично княгине. Но дань постоянную, фиксированную, пресекая возможность хищничества. И распределила налоги по местностям. Кого-то княгиня казнила, древлянское княжение ликвидировала. Однако есть все основания полагать, что князю Малу была сохранена жизнь. Многие историки отождествляют его с Малком Любечанином, содержавшимся в замке Любеч.

Правда, немаловажным представляется и другой момент. Долг Игоря хазарским купцам остался. В период войны он мог только вырасти. И прижали Русь крепко. Значит, надо было какими-то мерами ублажать заимодавцев, лавировать, идти на уступки, расплачиваться предоставлением привилегий. И Русь попала в экономическую зависимость от Итиля, в Киеве появился иудейский квартал [56]. А линия хазарских крепостей продвинулась еще западнее! Как показывают археологические данные, самые поздние из них появляются в середине X в. уже и в Поднепровье. Например, в с. Вознесенка около Запорожья! Для того, чтобы окончательно подмять Киев, силы каганата были недостаточны. Русь была куда мощнее Волжской Болгарии, имела глубокий тыл — Новгород, Ладогу, недоступные набегам хазарских союзников. И хазары выбрали тактику душить ее изподволя, постепенно. Плюс расшатывать изнутри.

Но и Русь, в свою очередь, еще не могла сразиться с каганатом. Вынуждена была поддерживать видимость «дружбы». И Ольга первым делом занялась внутренним укреплением своей державы. В 947 г. она осуществила важные реформы. Предприняла поездку на север, учреждая административное деление на волости и устраивая «погосты» — государственные учреждения для сбора налогов. Отныне они должны были собираться самими местными жителями без «полюдь», выливавшегося в злоупотребления. Не исключено, что благодаря Ольге началось возвышение ее родного Пскова — он становится столицей кривичей вместо Изборска. Псковичи долгое время хранили сани своей княгини. Кстати, косвенные сведения подтверждают, что она была молодой и энергичной женщиной. Очень любила охоты, лично в них участвовала. Как в древлянской земле, так и на севере народ при Несторе еще указывал места ее охот, ночлегов, полевых станов, и относился к ним с уважением и благоволением.

Что же в это время творилось в мире? В Византии царствовал Константин Багрянородный. Про него говорили, что 7 лет за него правила мать, 26 лет — тесть, и 15 лет он правил сам. Впрочем, не совсем сам. Чтобы обеспечить опору в армии, он сделал ставку на представителей популярного рода Фоки — крупных землевладельцев и врагов Лакапинов. А к трону при-

близил прежних выдвиненцев матери. И царствование получилось как бы двойственным. Сам Константин был человеком добрым, умеренным, справедливым. Его генералы Варда Фока, Никифор Фока и Лев Фока оказались прекрасными военачальниками. Стали теснить арабов, отбирая город за городом.

Но император так и оставался теоретиком, далеким от «мира сего». Его установки были не более чем благими пожеланиями. Престол снова окружил невесть кто. Пышно расцвели коррупция, продажа должностей, казнокрадство. Он писал объемные наставления своему наследнику Роману, как надобно править империей, как использовать пороки и слабости соседних «варваров» и срамливать их между собой — но сыну отцовские премудрости были не очень-то и нужны, он предпочитал шляться по кабакам и борделям.

Ключевое место в тогдашней европейской политике занимала суэта вокруг Италии. Там царила невообразимая мешанина. Герцогства Фриульское, Иврейское, Беневент, Сполетто, Капуя, Итальянское королевство ссорились и дрались между собой. И Византия, имевшая свои владения в Италии, активно вмешивалась в их разборки. Здешние микроросударства, чтобы заручиться ее покровительством, то признавали себя вассалами Константинополя, то изменяли ему. Но рейтинг греков в Италии очень вырос. И прекратилось их противостояние с Римом. Потому что он ухнул в полный хаос. Папы стали марионетками местной знати. Доходило до того, что за 8 лет сменилось 8 пап. Ими вертели князья, сенаторы, даже бабы. Долгое время Римом заправляли распутная патрицианка Феодора и ее дочери Феодора и Марозия. Так, Марозия произвела ребенка от папы Сергия III. Но вскоре папы не стало, и мама Феодора возвела на папский престол Иоанна X.

А Марозия выскочила замуж за маркграфа Альберика Сполеттского. Который принял титул «принцепс римского сената» — такой же, как носили древнеримские императоры. Но допек римлян своим деспотизмом, и его убили в собственном доме. Тогда Марозия предложила брак маркграфу Тусции Видо — вместе с титулом. И он стал господином в Риме. Папу Иоанна X Марозия с мужем низложили, он был задушен в тем-

нице. Потом один за другим были поставлены и низложены еще два папы. И наконец, Марозия возвела на «святой престол» Иоанна XI, своего внебрачного сынка от Сергия III. А после смерти второго мужа предложила руку и власть итальянскому королю Гуго. Жизнь папского двора и знати была соответствующая — интриги, убийства, разгул в худшем подобии древнеримского.

И что характерно, Константинополь отнюдь не чурался связей с этой помойкой. Испрашивал утверждения патриархов, и «бабские» папы утверждали. За что сами надеялись получить помощь Византии против соперников. Покровительством греков пользовалась и Марозия. Вела переговоры, чтобы породниться с императорами и выдать свою дочь за одного из царевичей, собиралась для этого ехать в Константинополь. Но эту свадьбу, как и брак самой Марозии с Гуго, расстроил ее сын от первого брака Альберик II. Произвел переворот, заточил в тюрьму свою мать и ее сына — папу Иоанна XI, принял титул «принцепса сената» и... тоже вступил в дружеские связи с Византией.

Но в итальянские дразги полезла и Германия. Западная цивилизация уже и тогда была «юридической» — захватывай, грабь, но сумей подвести «правовую базу». Существовавший титул «короля Италии» был чисто номинальным, но он давал право претендовать на титул императора. И вот в один прекрасный день короля Гуго разгромил герцог Беренгарий Иврейский. Последнюю «держательницу» титула Адельгейду, сноху Гуго, победитель заточил в темницу и провозгласил королем себя. Ситуацией не преминул воспользоваться германский король Оттон I. Предпринял поход под флагом освобождения несчастной Адельгейды, женился на ней — и короновался итальянской короной.

На этой почве возникло противостояние Германии и Византии. Итальянская мелочь разделилась, метнувшись под крыло кто к Оттону, кто к Константину. А в Риме умер Альберик II, «принцепсом сената» стал его сын Октавиан. И одновременно в 955 г. сел на папский престол под именем Иоанна XII. Этот 16-летний «князь-папа» превратил свой двор в публичный дом, погрязал в диких оргиях, на пирушках поднимал тосты в честь

языческих богов и сатаны. Но при этом, играя на противоречиях греков и немцев, взял курс на создание собственного Римского государства.

Византия по-прежнему воевала с восточными арабскими эмиратами. И в противовес им поддерживала дружбу с Кордовским халифом Абдуррахманом III. Константин Багрянородный вел с ним личную переписку — Абдуррахман считался очень ученым человеком. Как и его визирь еврей Хосдаи Ибн-Шафрут. Который попытался через Византию отправить посольство в Хазарию к царю Иосифу. Сам этот факт говорит, что Константинополь рассматривался в качестве оптимального посредника, что связи через этот город существовали. Правда, Константин Багрянородный вежливо отказал — сослался на опасности со стороны «враждебных народов» и морские бури. Но это случилось в самом начале его царствования, сразу после конфликта с хазарскими иудеями. Да и вообще не в интересах Византии было, чтобы ее западные и восточные партнеры установили между собой прямые тесные контакты, в том числе обмениваясь информацией о греках.

В итоге Хосдаи Ибн-Шафруту пришлось переписываться с Иосифом окольными путями, через еврейских купцов. Но отказ пропустить послов отношений с обеими державами отнюдь не испортил. Из Испанского халифата в Византию прибыла и долго гостила миссия ибн-Хузейла, а в Испанию был отправлен ученый монах Николай — учить кордовских арабов и евреев греческому языку. И с Хазарией после свержения Лакапина связи быстро выправились. Ни о каких гонениях на иудеев при Константине больше речи не было. Продажность его окружения возродила оптимальные условия для торгашей и купщиков.

О восстановлении хороших отношений красноречиво говорит и строительство хазарских крепостей в Причерноморье. Они же возводились на земле печенегов. А им такое строительство никак не могло понравиться. Значит, на них кто-то повлиял, чтобы не оказывали противодействия. Кто? Ясное дело, не Русь. Печенеги были союзниками Византии и именно от нее получали субсидии. Разумеется, взаимодействие с хазарами налажилось не из теплой любви императора к каганату, просто их

интересы снова совпадали — не пустить Русь к морю. У Хазарии флота не было, она прямой угрозы для Византии не представляла. А русские воины пусть приходят к ромеям наемниками. Пусть служат и льют кровь за чужое золото.

У Хазарии же в данный период возникло множество проблем. В Китае кидани захватили Пекин, потом подрались с тюрками-шато, и экспорт шелка оттуда опять прекратился. На берегах Каспия утвердились эмиры из династии Буидов, их опору составляли свирепые разбойники-горцы, и торговля через их владения тоже нарушилась. И в дополнение всех бедствий случилось стихийное. Изменение климата. Уровень Каспийского моря в X в. значительно поднялся, обширная территория возле северных берегов, которая раньше была сушей, стала заливаться водой. В том числе хазарские поля, сады, бахчи, виноградники, пастбища.

Все это означало большие убытки, требовало корректив политики. Пути для торговли с арабским Востоком нужно было прокладывать через Византию и союзную ей Армению. А убытки компенсировались выжиманием дани из покоренных народов. Что подталкивало хазар к дальнейшей экспансии. И она действительно осуществлялась. В ответном письме царя Иосифа в Испанию, визирю Хосдаи Ибн-Шафруту, отправленном в 950-х гг., говорилось: «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним (*мусульманам*). Точно так же я не пускаю всех врагов их (*мусульман*), приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я оставил их, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада». «Никто не устоял перед нами. Все они нам служат и платят дань: и цари Эдома, и цари исмаильтян...» А о границах каганата сказано: «Земли наши на запад достигают реки Кузу, на север — до холодной страны йуру и вису. И они покорны нам, страшась меча нашего...»

Йуру и вису — югра и весь. Следовательно, хазары подчинили весь бассейн Волги и Камы. И от верховий Волги добрались до Белоозера (весь). То есть был преодолён пограничный рубеж Рюрика в Тимирево под Ярославлем. Снова покорены меряне, как и поселившаяся по Волге часть кривичей. Мо-

жет быть, хазары завоевали их еще раньше, в период максимального ослабления и распада Руси. А может, эти земли Игорю или Ольге пришлось отдать в залог за «должок». Что касается реки Кузу — это Южный Буг. Утвердившись крепостями в Нижнем Поднепровье, каганат уже протягивал руки дальше, считая своими прилегающие степи.

И заключил в это время союз с Болгарией [177]. Хотя ее царь Петр оставался верным «дружбе» с греками. И без их благословения такого шага не сделал бы. Но для Итиля альянс был очень выгодным. В разваливающейся болгарской державе иудейские купцы получили прекрасные возможности для наживы. Оба государства могли поддерживать друг друга в случае войны с русичами. А в Причерноморье как бы тянули руки навстречу друг другу, почти смыкаясь. Как видим, шупальца каганата охватывали и душили Русь с двух сторон — через Верхнее Поволжье и Причерноморье.

А для Руси внешнеполитические условия складывались крайне неблагоприятно. Куда хуже, чем при Олеге. Она очутилась практически в изоляции, без союзников. В окружении врагов. При таких обстоятельствах Ольге довелось править. По-маленьку, скрытно, готовиться к борьбе с хищным соседом. И растить сына. Она с этим справилась. Опираясь на воеводу Свенельда, воспитателя Святослава боярина Асмуда, выискивая других толковых помощников.

Но ведь титул «хельга» означал не только правительницу. А еще и верховную жрицу войска и государства. Значит, княгиня должна была участвовать в тех или иных священнодействиях, ритуалах. Что в общем-то было обычно и привычно для всех славянок, циклы сходных обрядов осуществлялись в каждом городе и деревне. Однако важнейшие государственные ритуалы включали в себя и человеческие жертвоприношения. Правда, на Руси, как и у прибалтийских славян, принесших этот обычай, своих соплеменников убивали крайне редко. Использовали пленников или покупали жертву у пиратов, ездивших через Русь в Византию и Хазарию сбывать «живой товар». Но Ольге подобные обряды явно претили.

Нельзя исключать, что это стало одним из толчков, побудивших ее задуматься над вопросами веры. И она пришла к хри-

стианству. Мы не знаем, когда именно это произошло. Но крещение она приняла самостоятельно, до визита в Византию — туда она прибыла уже со своим духовником Григорием. А имя при крещении получила — Елена. Откуда же она приняла христианство, от какой церкви, от какой патриархии? Не от Константинопольской. И не с Запада. Иначе греки или латиняне не преминули бы похвастаться таким успехом. Но в X в. была еще одна патриархия, все архивы которой впоследствии были уничтожены. Болгарская, в Охриде. И известно, что она вела активную миссионерскую работу среди славянских народов. Остается предположить, что духовник о. Григорий был направлен или рукоположен оттуда. И факт крещения св. Ольги был крайне важным. Приняла крещение не просто славянская женщина, не просто княгиня, а еще и верховная жрица! Это был грандиозный удар по язычеству, подрывавший его устои и заставлявший задуматься других.

В 955 (по другим источникам в 957) г. Ольга отправилась в Константинополь. Ее визит очень подробно описан в греческих источниках. Но они оставляют и много неясного. Главное — цель путешествия. Не крещение. Уж об этом ронеи не умолчали бы. Княгиня прибыла с большой свитой, в состав посольства входили 35 женщин из ее окружения и 88 мужчин. Откуда, кстати, видно, что на Руси умели строить и большие корабли. Трудновато допустить, чтобы великая княгиня со всеми придворными дамами путешествовала на лодках-однодревках. Из мужского персонала 44 были «гостями» — купцами. Следовательно, одной из целей являлось улучшение торговых отношений. 22 были послами от бояр. То есть от волостей и городов, управляемых боярами — значит, было соблюдено представительство от всей земли русской, от земских властей. Были и особые представители от Святослава.

Но в византийских хрониках статья о визите Ольги озаглавлена... «На нашествие россов!»! Так же, как беседа Фотия о нападении Аскольда и Дира. А смысл слова «нашествие» в греческом языке однозначен. Он может относиться только к военному вторжению с враждебными целями. Очевидно, княгиню сопровождала немалая воинская сила. А новгородский епископ

Антоний в XII в. видел в Константинополе в храме св. Софии «блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царьграду» [208]. Еще раз вспомним, что по договору 944 г. Византия признавала русских «друзьями и союзниками ромеев», что подразумевало выплату «субсидий». О чем греки после смерти Игоря, судя по всему, «забыли». Ольга им «напомнила» — ее визит одновременно был внушительной военной демонстрацией. Русские летописи говорят, что княгиню долго мурыжили, откладывая встречу с императором. В Византии так нередко поступали с «варварами», чтобы обозначить дистанцию. Данную информацию подтверждают даты. Константин принял Ольгу в сентябре, а русские караваны в Константинополь всегда приходили в июне — они формировались в Киеве весной, по «большой воде».

Парадный прием состоялся 9 сентября. Его ритуал описан многократно. Ольга должна была пройти по многочисленным залам и галереям дворца, прежде чем попасть в триклиний Маганавры, где стоял Соломонов трон, а на нем как бы в вышине восседал император в окружении блестящей свиты. Раздавалась музыка органов, скрытых коврами. У подножия трона поднимались механические золотые львы и страшно рычали. На золотых деревьях начинали петь механические птицы. А когда послы кланялись и поднимали головы, оказывалось, что император сидит уже в другом наряде — хитрыми приспособлениями с него мгновенно сдергивалось прежнее одеяние. В общем все тоже рассчитывалось, чтобы впечатлить «варваров». И смотрелось неплохо. Хотя умный человек не мог не почувствовать «перебор» с подобными фокусами. Потом Ольге оказали особую честь — частный прием в покоях императрицы. Где присутствовал и император и была возможность поговорить с ним лично. Но не с глазу на глаз, присутствовала вся его семья.

Дальше последовал парадный обед в Юстиниановой зале. И опять обозначили дистанцию. Императорская семья села за стол, а Ольга должна была стоять, пока ей не показали место за другим столом — с придворными дамами. Лишь в конце обеда допустили послабление ритуала. Сладкое подали за отдельным столиком, куда подошла царская семья и была приглаше-

на Ольга. Это было великой честью, но княгине вряд ли понравилось. Ее свиту угощали отдельно, с младшими придворными чинами. И вручили подарки, мелочно рассчитав, сколько кому. Княгине — 500 милиарисиев (серебряных монет) на велоколенном золотом блюде. Другим членам посольства — кому 24, кому 8, 5, 2... 18 октября был дан второй обед, Ольга находилась в одном зале с императрицей, а император — в другом зале, со свитой княгини. Закончилось снова скупыми дарами. Ольге — 200 милиарисиев, остальным соответственно меньше. «Одна учтливость, без сомнения, заставила великую княгиню принять в дар шестнадцать червонцев» [89].

Есть все основания полагать, что высокомерие и чванливость византийцев оскорбили Ольгу. И в храм св. Софии она, вероятно, отдала то самое блюдо, которым одарил ее император [208]. После чего отбыла на родину. Какие договоренности были достигнуты — осталось «за кадром». Но некоторые выводы сделать можно. Ольга поняла, ромеи — враги Руси. И союз с ними против Хазарии невозможен. На следующий год в Киев пожаловало ответное греческое посольство. С требованием, чтобы великая княгиня «исполнила обещание» и прислала вспомогательное войско для войн с арабами. Раскатали губы и насчет «даров» — требуя для императора рабов, меха и воск. Ответ Ольги гласил: «Когда царь ваш постоит у меня на Почайне столько же, сколько я стояла у него в Суде (*гавань Константинополя*), тогда пришлю ему дары и войско». Послам пришлось убраться несолоно хлебавши.

Но если византийцы — враги, где искать союзников? Ольга попыталась сделать это на Западе. Как сообщают Адам Бременский и Гельмгольд, в 954—960 гг. прибалтийские русы (в германских хрониках руги) состояли в союзе с Оттоном I. Помогали ему в покорении каких-то восставших славянских племен, живших «недалеко от Руси» (Рюгена). С Киевской Русью балтийские сородичи связи поддерживали, и совпадение вряд ли случайно — в 959 г. ко двору Оттона прибыло посольство Елены (Ольги), которую немцы титулуют «*regina rugorum*» — «королева ругов». Цель посольства — она просила прислать епископа и священников.

Епископом на Русь был назначен Либуций из Майнца. Однако в процессе сборов он умер. И вместо него был определен епископ Адальберт. В 961 — 962 гг. он совершил поездку с миссией в Киев. Но... «руги» его не приняли. Как подчеркивали церковные характеристики на Адальберта, впоследствии архиепископа магдебургского, не приняли «не по его нерадению». Отправили прочь. Причем на обратном пути миссии довелось претерпеть лишения, несколько спутников Адальберта были убиты, а сам он ограблен.

Как понимать такую информацию? Ольга хотела заручиться союзом с Оттоном. Но просьба о присылке епископа и священников говорит и о другом. Она желала учредить русскую церковную организацию. Напомню, никакой речи о выборе между Православием и католичеством еще не было. Формально Церковь еще долго, до середины XI в., считалась единой. Греческое «кафоличество» и латинское «католичество» были лишь двумя формами произношения одного и того же слова. Но центров у христианства было уже несколько. И от которого из них создавать русскую организацию, было не все равно.

От Константинопольского патриархата — такой вариант княгиня отвергла. Вероятно, по результатам визита в Византию. Там она этот вопрос даже не стала поднимать, разобравшись, что подчинение русской церкви Константинополю вело бы к политической зависимости. Оттуда она получила бы в первую очередь дипломатов и шпионов, которые постарались бы подчинить Русь влиянию императора. Она решила пойти по тому же пути, как болгарский царь Борис. Но и в Болгарскую патриархию обратиться не могла. Вопрос был не только церковный, а государственный. А Болгария слепо шла в русле политики Византии, была союзницей Хазарии. Ольга не могла, подобно Борису, обратиться в Рим — выше было показано, что там творилось. И она обратилась к германскому королю...

Тогда почему же миссия Адальберта кончилась неудачей и в итоге Русь примкнула не к Западной, а к Восточной Церкви? Точного ответа нет. Можно выдвинуть лишь версии. Первая — каноническая. Священники, уже действовавшие на Руси, были от болгар или херсонитов, служили на славянском языке

ке. Адальберт и его коллеги — только на латыни. Помнили о запретах на славянский язык. А болгарские священнослужители наверняка знали о гонениях на свв. братьев Кирилла и Мефодия со стороны немцев. Знали о том, что случилось в Моравии. И могли поведать об этом русским. Вторая версия — духовная.

Между 959 г. — посольством Ольги, и 962 г., изгнанием Адальберта, произошло важное событие. Тот самый «князь-папа» Иоанн XII, развратник, пьяница и сатанист, не мог сладить с соседями и внутренней римской оппозицией. Обратился за помощью к Оттону I, и между ними было заключено соглашение. Оттон поддержал Иоанна, помог ему получить желаемые владения, а папа в 962 г. короновал его императором. В Киеве о «художествах» Иоанна XII, возможно, знали — русские воины служили у византийцев в Италии, купцы ездили в Средиземноморье. И если Адальберт объяснил, что русская церковь должна будет подчиняться такому «первосвященнику», это вполне могло стать причиной провала. Но в любом случае к несчастьям миссии на обратном пути Киев отношения не имел. Отношения с Оттоном отнюдь не были прерваны, дипломатические пересылки продолжались и позже, но уже не на церковном, а только политическом уровне. И бедствий Адальберта русским никто в вину не ставил. Миссионеры потерпели ущерб от кого-то другого — галичан, поляков, венгров и т.д.

Впрочем, есть и третья версия провала посольства, которая лично автору кажется более убедительной. Сказал свое слово двадцатилетний Святослав. В летописях сообщается, что на предложение матери перейти в христианство он ответил: «Могу ли один принять новый закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Вполне вероятно, что предложение к князю креститься (а значит, возвести христианство в ранг государственной религии) было связано как раз с миссией Адальберта и попыткой образования русской церкви от Западной. И оно было отвергнуто.

Что ж, не нам с вами судить великого князя Святослава Игоревича за отказ. Он уже более тысячи лет назад предстал перед Самым Высшим Судьей. Поэтому не нам оценивать ду-

ховную сторону его решения. Но со стороны политической дело было не только в дружине. Перемена веры — процесс всегда болезненный. И именно в этот момент, накануне грандиознейшей схватки за жизнь и честь Руси, религиозная реформа могла вызвать раскол среди восточнославянских народов. А важно было — сплочение. Святослав не мог не понимать, что ни Оттон и никакой другой союзник не сможет оказать решающей помощи в близкой войне. От страшного врага, более столетия терзавшего Русь, она должна была освободиться сама.

ОТМСТИТЬ НЕРАЗУМНЫМ ХАЗАРАМ...

У Константина Багрянородного столицей Святослава назван Новгород. Обычно это считают ошибкой. Но мог ли так ошибиться император-ученый, близко общавшийся в русскими? Скорее, это правда. Только Новгород был столицей не всей Руси, поскольку и Святослав на момент визита Ольги к грекам еще не был ее правителем. Видимо, мать определила сына в северный край, чтобы привыкал и учился править. Здесь он рос, мужал под руководством боярина Асмуда. Здесь, подальше от глаз хазарских и византийских соглядатаев, готовился к военным делам, формировал свою дружину.

Но обучиться искусству воина и командира только в играх и тренировках очень трудно — тем более тому искусству, каким оно было в X в. А Святослав в последующих походах предстает уже вполне зрелым полководцем. По-видимому, он успел пройти и боевую школу — в каких-нибудь экспедициях по обложению данью соседей новгородцев, в рейдах на эстов, финнов или ливов. Может быть, и в морских предприятиях. Это нужно было и для того, чтобы заслужить уважение дружины, сплотить ее с князем. И Святослав вырос настоящим воителем. Храбрым, умным, неприхотливым. Нестор пишет, что он «легко ходил в походах, как пардус, и много воевал». Без шатров, без котлов. Довольствовался мясом, поджаренным на углях. Спал, «подостлав потник, с седлом в головах. Таковыми же были и все прочие его воины».

Армия была создана отличная. Византийские хроники упоминают о великолепном вооружении и доспехах, о четких слаженных действиях по командам, об умении держать строй даже под жестокими ударами врагов. Лев Диакон приводит портрет самого Святослава. «Он был умеренного роста... брови густые, голубые глаза, плоский нос, редкая борода, верхняя губа его была покрыта густыми и вниз спускающимися волосами. Голова была совсем голая, лишь на одной стороне висел клочок волос — знак благородного происхождения. Шея толстая, плечи широкие и все сложение очень стройное. Взгляд его был мрачный и суровый. В одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посреди. На нем была белая одежда, только чистотой отличающаяся от других» (*простых воинов*).

Да, тот самый «оселедец», которым впоследствии щеголяли запорожцы, у русов был «знаком благородного происхождения». Кстати, а одна серьга в ухе у казаков означала единственного сына у матери. Но Лев Диакон видел Святослава незадолго до гибели, когда ему было 29. А начинал он свои свершения совсем молодым, 22-летним.

Ученые давно уже обратили внимание, что описание войны в «Повести временных лет» выглядит совершенно неудовлетворительно. Впрочем, добавим — в этом источнике вообще не уделено внимания хазарскому игу. Даже давнее аварское отразилось, а упоминание о куда более тяжелом и болезненном для Руси хазарском ограничилось сказкой о «дани мечами»... Причина проста. Нестор создавал свой труд при князе Святополке, закончив его в 1106 г. Это была официальная, «придворная» хроника. А сразу после смерти этого князя мы встречаем известие, как киевляне «ограбили... всех жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка» [89]. И Мономах, прибывший затем на великое княжение, изгнал множество евреев, угнездившихся в Киеве.

Словом, при Святополке точно так же, как и в другие времена, хорошо известные читателю, это было «запретной темой». Официальным «табу». Л.Н. Гумилев предполагает, что летопись выпустила поражения от хазар. Нет, она выпустила все столк-

новения с хазарами! Победоносную войну с каганатом Рюрика — приобретенные города есть, а о войне ни слова. Да и Вещий Олег, скорее всего, совершал неизвестные нам походы «отмстить неразумным хазарам». Но в летописи он только покоряет племена, подвластные хазарам. А о войне с самим каганатом — молчание. Выпущены все походы русских на Каспий. И столкновение в Крыму. Вероятно, были и другие войны в период с 912 по 941 г., где в летописи сплошные лакуны.

Уж казалось бы, Святослава замолчать невозможно! И Нестор ему явно симпатизирует. Очень подробно описывает походы на Балканы. Но о главной войне князя летописец сумел вставить лишь скупое упоминание: «Иде Святослав на Козары. Слышавши же Козары, изыдоша противу него с князем своим Каганом, и соступишася на бой, и бысть брань, одоле Святослав Козар и град их и Белую Вежу взяв. И победи ясов и касогов». Но падение такой державы, как Хазария, не могло быть не замечено в мире. И академик Б.А. Рыбаков, А.Н. Сахаров и другие историки реставрировали ход событий, привлекая труды Ибн-Хаукаля, Аль Мукадаси, Ибн-Мискавейха, Яхьи Антиохийского и еще целого ряда зарубежных авторов.

Удар организовывался очень тщательно и задолго. Велась солидная дипломатическая подготовка. К ней относятся поездка Ольги в Константинополь, контакты с Оттоном I. Но если в этих случаях особых результатов не обозначилось, то был заключен союз с венграми. И скреплен браком Святослава на мадьярской княжне, которую на Руси называли Предслава, от нее родились два сына. Только учтем, что тогдашние венгры были совсем не похожи на нынешних, угры еще не успели смешаться с европеоидами и оставались коренастыми, низкорослыми, с широким лицом и узким разрезом глаз. Стоит ли удивляться, что Святослав влюбился «на стороне», в Малушу? Невольницу его матери, дочь любечанина Малка — предположительно пленного древлянского князя Мала. Но Малуша была не простой рабыней, а ключницей. Управляющей хозяйством княгини. И назначение молодой девушки на такой пост косвенно подтверждает ее высокое происхождение. От связи ее со Святославом родился будущий князь Владимир.

Международная обстановка благоприятствовала Руси. Византия с головой ушла в другие проблемы. В 959 г. умер Константин Багрянородный, трон перешел к его сыну Роману II. Государственные дела он совершенно забросил, предавшись кутежам. Проявила себя и его женошка Феофано, любвеобильная красавица, которую Роман подцепил в каком-то кабаке. Она ненавидела свекровь, вдову Константина Елену, изгнала ее и заточила в монастырь, как и пять ее дочерей, сестер мужа. В общем царь пьянствовал и блудил, Феофано интриговала и блудила, а реальную власть захватил евнух Иосиф Вринга, носивший придворный чин паракимомена.

Это был умный политик и администратор, организовал в 960 г. экспедицию на Крит. Возглавил ее Никифор Фока, и завершилась она триумфом, византийцы овладели островом. Потом Никифор и его брат Лев Фока одержали победы в Киликии и Сирии, захватили Алеппо. Все население города было перебито, в плен брали только детей и красивых женщин для продажи в рабство. Киев все это время поддерживал хорошие отношения с Византией, не препятствовал набирать русских наемников. Много «варягов» служило в Константинополе в придворной гвардии. Отряд русских, согласно арабским источникам, доблестно сражался в греческих войсках на Крите. Ну а Русь, сохраняя видимую лояльность, готовилась...

В Византии победы и огромная захваченная добыча взметнули популярность Никифора Фоки. А в 963 г. умер Роман. Официальная версия — от истощения организма «чрезмерными удовольствиями». Неофициальная — был отравлен Феофано. Она стала регентшей при малолетних царевичах Василии и Константине, но сделала ставку на Никифора Фоку. Всесильный евнух Вринга обеспокоился за свою власть. Постарался удалить Никифора подальше, опять в Сирию. И решил использовать его помощника Иоанна Цимисхия. Армянин по происхождению, Цимисхий тоже был отличным военачальником. Но хитрым, коварным и совершенно беспринципным. Вринга попытался сыграть на этом, послал ему приказ арестовать начальника и самому возглавить армию. Однако Цимисхий предпочел другую игру. Передал письмо Никифору. Тот возмутился. Войско

взбунтовалось, провозгласило Никифора императором и пошло на Константинополь. В столице тоже произошел мятеж, за которым стояла Феофано. Врингу свергли и отправили в ссылку. Никифор обвенчался с Феофано и принял корону. А пока Византия бултыхалась в этих дрязгах, Русь готовилась...

Никифор же был царем-солдатом. Неприхотливым, прямым, суровым. И с ходу ринулся в войны. Отменил дань сицилийским арабам. И в 964 г. направил против них весь флот. А сам с сухопутной армией выступил громить Сирию. Взяв с собой и царевичей Василия с Константином. Вроде как приучать к военному делу. А на самом деле — обезопасить себя от новых переворотов в столице. Таким образом все силы Византии оказались отвлечены и связаны. В Константинополе власти, по сути, не осталось... Не могла помешать русским и ослабленная Болгария. И настал подходящий момент начать войну.

План был разработан блестящий. Идти на Хазарию через Причерноморье было проблематично. Мало того, что само по себе движение большого войска через степи — дело очень трудное, но на этом направлении стояло три сотни хазарских крепостей! Обойти их — получишь вылазки гарнизонов по тылам. Брать — замучаешься и время потеряешь. И каганат за такой «изгородью» чувствовал себя в полной безопасности. Идти через верховья Волги — там тоже были кордоны, были города и крепости хазарских вассалов. Но враг упустил из вида, что есть еще один путь. По Оке, через землю вятичей. И выводил он прямо в сердце каганата. В обход всех твердынь и заслонов.

Велись последние дипломатические приготовления, переговоры. Был заключен союз с печенегами. Их-то Византия практически «уступила» хазарам. Строительство крепостей стеснило их, поставило в зависимость от каганата. Теперь даже дань на днепровских порогах взымали не они, а хазары. Видать и прижимали, хищничали, превращая в подданных. Что никак не могло понравиться печенегам. Но Русь заключила союз и с гузами-торками, кочевавшими на восток от Волги. Значит, и им хазары успели насолить. Впрочем, и пограбить богатства Итиля было заманчивым предложением. Такие альянсы могли быть заключены только в последний момент. Чтобы информация не просочилась к противнику.

А главным козырем Руси стал союз с вятичами. В 964 г. Святослав с войском по Десне, через земли северян, выступил на Оку. Летопись приводит стандартный диалог при переговорах: «Кому дань даете?» И ответ — «Козарам по шелягу с рала». Понимать это буквально не следует. Святослав не мог не знать, кому платят дань вятичи. И договориться с ними обязательно требовалось заранее. Иначе можно ли было знать, что они пропустят рать? Вятичи были сильным народом, занимали обширную территорию. В войне с ними по лесам и городам на окских притоках можно было увязнуть надолго. Но этого не произошло. Хазар сгубила жадность. Они продолжали драть три шкуры с племени, прикрывавшего важнейшее направление. И Святослав достиг с вятичами взаимопонимания. Причем этот альянс держался в глубокой тайне, из-за чего хазары и были спокойны за путь по Оке.

Очевидно, рать пришла на Оку осенью. Когда был собран урожай, можно было прокормить воинов. А распутица, ледостав и снега отрезали край вятичей от хазарских господ. Прикрыли сосредоточение и подготовку. Армия зимовала на Оке. Строила и ремонтировала ладьи. И обратим внимание, насколько тщательно была обеспечена скрытность операции! Хазары и их сателлиты до последнего момента не подозревали ничегошеньки. А весной 965 г., едва сошел лед, понеслись лодки с гонцами, несущими три грозных слова: «Иду на вы!». Они грянули, как гром среди ясного неба. Ошеломили, внесли панику. А следом на простор Волги выплеснулись ладьи русичей. Погромили Волжскую Болгарию, буртасов.

В Итиле хазары успели организовать, мобилизовать городское ополчение, усилились за счет бежавших к ним болгар и буртасов. Но и к русским подошли союзники. С левого берега Волги — печенеги, с правого — торки. Произошла битва. Хазар возглавил каган — последний марионеточный каган из рода Ашина. И объединенные силы Святослава разгромили врага. Каган пал в рубке. О судьбе последнего царя Иосифа ничего не известно. После победы в сражении был взят Итиль. Как в общем-то сообщает и «Повесть временных лет»: «И бысть брань, одоле Святослав Козар и град их и Белую Вежу взяв». Во многих

списках между «град их» и «Белая Вежа» стоит союз «и». Град не был Белой Вежей. Сочетание «град их» означает столицу. А Саркел (Белая Вежа) был не городом, а крепостью.

О том же рассказывает Аль Мукадаси: «Войско, прибывшее из Рума, называемое Русь, завоевало их (*хазар*) и завладело страной их». И Ибн-Хаукаль пишет, что русы опустошили Булгар «и пришли в Хазаран, Самандар и Итиль». Правда, информация Аль Мукадаси и Ибн-Хаукаля датируется 968 — 969 гг., но это не время падения Итиля, а время, когда авторы об этом слышали. Ибн-Хаукаль пишет, что после Хазарии русы ушли «к стране Рум и Андалус». Следовательно, уже знал о вторжении Святослава на Балканы. Правильную дату, 965 г., называют Ибн-Мискавейх, его продолжатель Ибн-ал-Асир. Информация о падении Хазарии докатилась и до Италии — составленный там еврейский сборник Иоаннон упоминает русов на берегу Каспия.

Ибн-Хаукаль писал, что от хазар не осталось ничего, «кроме разбросанной неполной части». Они прятались на островах с надеждой «остаться по соседству со своими областями» — вернуться, когда русичи уйдут. Но «народ рус... рыскал за ней», за этой самой «неполной частью». То есть громили капитально. Старались под корень вывести гнездо нечисти, чтоб больше не возродилось. Тут, правда, у наших современников может возникнуть вопрос — ведь волжские болгары и буртасы были подневольными подданными Итиля, да и хазарское простонародье страдало от собственных правителей. Им-то за что досталось? Но в X в. на такие вещи смотрели иначе. Были подневольными? Да. Но союзниками. Страдали от своих правителей? Но терпели их. Не свергли, не погибли в восстании, не бежали. А сжились, приспособились. Научились в этой системе получать собственные маленькие выгоды. Значит, тоже стали пособниками. А в 913 г. разве не вместе, хазары, буртасы и болгары резали русских витязей? На Руси это помнили. И расплатились сполна.

Согласно Ибн-Хаукалю дальше русское войско обрушилось на старую хазарскую столицу, Семендер. Поэтому Б.А. Рыбаковым, А.Н. Сахаровым, Л.Н. Гумилевым и др. принята следующая схема похода: после взятия Итиля армия берегом Каспия или на ладьях двинулась на Терек, разбив здешние хазарские горо-

да, прошла через Северный Кавказ, разгромив ясов и касогов, уничтожила причерноморские Таматарху и Самкерц и достигла Дона, где и взяла Саркел (Белую Вежу).

Но «Повесть временных лет» называет другую последовательность. «Град их» — Итиль, потом Белая Вежа, а потом ясы и касоги. И признаюсь, ваш покорный слуга, будучи военным, выбрал бы именно этот вариант. Поэтому и приведу описание согласное с ним. Дело в том, что летний переход большого войска через безводные прикаспийские пески и степи — дело непростое. И сквозной марш через весь Северный Кавказ сложен и долог. Но для добывания терских хазар всей армии и не требовалось. И Святослав вполне мог разделить силы, послать туда отдельный отряд. Который и погромил Семендер. Большой город с мечетями, синагогами, домами, садами, 40 тыс. одних лишь виноградников, был стерт с лица земли, как и Итиль. А от виноградников, по Ибн-Хаукалю, «если осталось что-нибудь, то только лист на стебле». Был уничтожен и город Беленджер. Уцелевшее население бежало кто в Дербент, кто в горы.

Ну а тем временем сам Святослав с главными силами с Волги переволок суда в Иловлю, вышел на Дон, спустился по реке и взял Саркел. Это была не просто крепость, а центр хазарского пограничного командования. Отсюда осуществлялось управление всей системой крепостей. И археологические раскопки подтвердили, что Саркел был взят штурмом. Да не просто взят, а снесен до основания. От развалин Саркела войско без неудобств пешего пути, на ладьях, вышло по Дону в Азовское море и разгромило еще два хазарских центра, Самкерц (Керчь) и Таматарха (Тамань). И по Кубани Святослав вторгся на Северный Кавказ, где побил хазарских вассалов ясов и касогов. Здесь к главным силам присоединился и отряд, разоривший Семендер и двигавшийся навстречу князю. Часть ясов и касогов, согласно летописям, Святослав «приведе Киеву» и поселил в его окрестностях. Может быть, пленных. А может, кто-то из этих народов перешел на его сторону и был включен в войско.

Повторяю, это лишь версия. Не исключено, что по тем или иным причинам боевые действия протекали по варианту Б.А. Рыбакова — от Итиля к Семендеру, оттуда на ясов, касогов, Тамань

и Саркел. Но в любом случае обращает внимание: поход осуществлялся так, что были сокрушены *все* крупные города Хазарии. Подчистую. То есть целью было не поражение каганата, а его уничтожение как государственной системы. Срубить чудищу все головы одним махом. А брать сотни замков, перегородивших степи между Доном и Днепром, не пришлось. Как только пали Итиль, Саркел, черноморские города, хазарские гарнизоны крепостей, которым теперь русичи выходили в тыл, бежали. К своим союзникам, болгарам. В Болгарию бежала и часть ясов с касогами, таманских и крымских хазар.

Но крушением каганата кампания еще не закончилось. Ведь оставалась задача выхода к Черному морю. И «по пути» домой армия Святослава повоевала еще и греческие владения в Приазовье и Северном Крыму. Об этом свидетельствует Яхья Антиохийский, сообщавший, что до похода в Болгарию Святослав был в состоянии войны с Византией. А где могла идти эта война? Только в Северном Причерноморье. Рассказывает о ней и обнаруженная в архивах «Записка греческого топарха». Топарх — начальник провинции не слишком высокого ранга. Имя его неизвестно, но он увлекался астрологией и указал — «Сатурн в созвездии Водолея», что соответствует периоду 964 — 967 гг. Автор описывает, что на византийские владения в Причерноморье напало войско северных «варваров» — «под предлогом нарушенной клятвы» (возможно, речь шла о невыплате дани или поддержке ромеями хазар). Этим «варварам» военные успехи «снискали уважение, города и народы добровольно к ним присоединялись». А 10 городов и 500 деревень они опустошили.

Войско ушло, но на владения топарха продолжались нападения мелких отрядов и шаек. Их отбивали, однако опасались, как бы снова не нагрянули крупные силы. Был созван совет с местной знатью. Сам автор — коренной ромей, презрительно описывает, что эта знать давно смешалась с «варварами» и жила по обычаям «варваров». Топарх стоял за сохранение верности Константинополю. Но знать единогласно постановила передаться «царствующему к северу от Дуная, который могуч большим войском и гордится силой в боях». Топарху пришлось поехать вверх по Днепру. Очевидно, в Киев. Где он и нашел «царствующую

щего». Тот принял грека хорошо, побеседовал. За признание подданства гарантировал защиту, все доходы, вернул топарху власть над его прежними владениями и еще добавил одну область [177]. В общем Никифор Фока, вернувшись в 965 г. из победоносного похода в Сирию, имел возможность узнать массу сюрпризов. О том, как кардинально изменилась вся политическая ситуация в Восточной Европе.

Кстати, и информация Ибн-Хаукаля о том, что русское войско их Хазарии ушло «в Рум и Андалус», может быть верной. В период 968 — 971 гг. какие-то русские пираты действительно вторглись в Испанию и воевали там три года, пока их не выбил герцог Гонсало Санчес. Вполне могло статься, что Святослав привлек для войны с каганатом варяжскую вольницу, а после победы отпустил ее, и она уже самостоятельно реализовала новое предприятие.

А Хазария от понесенного разгрома больше не оправилась. Остатки населения Итиля в панике обратились к шаху Хорезма, прося принять их под покровительство. Остатки населения Семендера — к шаху Ширвана Мухаммеду Ибн-Ахмаду ал-Азди. Тот и другой согласились, но с одинаковым условием. Принятия ислама. Видать, тоже имели причины не желать реанимации у них под боком иудейского государства. И хазары согласились, став подданными Хорезма и Дербента. А те, кого ислам не устраивал, эмигрировали или смешались с горцами Чечни.

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ

Болгария в X в. была огромной страной, охватывая большую часть нынешней Румынии, Хорватии, Сербии, Македонии. Но могущество ее было подорвано. Если при Симеоне Болгария 30 лет воевала с Византией и только усиливалась, то 30 лет «дружбы» с Византией хватило, чтобы привести страну к полному развалу. В Западной Болгарии началось движение «комитопулов» — сыновей комита Шишмана, и она фактически отделилась. В Восточной правительство царя Петра по-прежнему держалось провизантийской линии, но существовала сильная

оппозиция. Как сообщают летописи, имевшиеся в распоряжении Татищева, Святослав задумал войну еще до обращения к нему Константинополя, «только по своей обиде» — Болгария была союзницей Хазарии, оказала ей какую-то помощь, приняла хазарских беженцев. И князь двинул на нее войско в 966 г. Но узнав, что его полки выступили к Дунаю, восстали вятичи. Видать, они были не против освобождения от хазар, но и Киеву подчиняться не желали. И Святослав повернул назад, снова на Оку, «вятичей победи» и «дань на них возложи».

Однако тем временем произошли и перемены в византийско-болгарских отношениях. Никифор Фока решил, что соседняя держава уже достаточно разложилась, и пора с ней говорить другим языком. Болгарская царица Мария, жена Петра, умерла. А ромейская дань была замаскирована под ее содержание. Петр же искал пути установить какие-нибудь другие родственные связи с Константинополем. Например, женив одного из сыновей, Бориса или Романа, на византийской царевне. Но когда его послы явились к императору, чтобы получить очередную «субсидию» и переговорить о браке, Никифор их грубо обругал, велел бить их по щекам и выгнать вон. Обозвал болгар «бедным и гнусным народом скифским». Объявил, что мир может быть сохранен только при двух условиях — если Болгария обязуется не пропускать через свою территорию венгров, совершающих набеги на Византию, и Петр пришлет сыновей заложниками в Константинополь.

Выполнить требования было невозможно, потому что Петр и сам не контролировал всей своей территории. Был не в силах останавливать мадьяр. А его подчиненные охотно пропускали их — пусть лучше разоряют греческие, чем болгарские земли. Никифор счел предлог достаточным и выступил на Болгарию. Овладел несколькими приграничными пунктами, но, дойдя до Балканских гор, вдруг обратился вспять. Причину ромейские хроники называют уклончиво. Дескать, император осознал трудности дальнейшей войны, вот и вернулся. Хотя он был опытным военным и должен был представлять трудности до начала войны. Скорее, получил крепкий отпор. Потерпел поражение при попытке проникнуть в горные проходы. То-

гда-то и возник план обратиться к Святославу. Что позволяло убить «четырёх зайцев». Побить болгар чужими руками. Стравить их с русскими. Отвлечь Русь от византийских владений в Северном Причерноморье. А византийцам высвободить силы для дальнейшего развития успехов в Сирии.

В Константинополь был вызван сын херсонесского стратига Калокир. Херсониты часто контактировали с русичами, знали их обычаи и язык. Возможно, Калокир уже вел с ними переговоры во время боевых действий в 965 г. Теперь же, чтобы придать посольству достаточный ранг, Никифор присвоил ему высокий сан патрикия. И выдал огромную сумму в 15 кентинариев золота (1 кентинарий — 36 кг). Лев Диакон пишет — «для раздач и подарков». Пожалуй, многовато на подарки-то. Никифор слыл очень скупым властителем. Но если мы вспомним старую расценку, 1 кентинарий — оплата 700 воинов, то выходит, что Калокиру поручалось нанять армию в 10 тыс. бойцов и бросить ее на болгар.

Святославу посол понравился, как и он Калокиру. Между ними возникла личная дружба. Но утверждение Диакона о тайном соглашении, что патрикий при помощи русских будет возведен на императорский трон, расплатившись с ними сокровищами казны, нужно отбросить как ложь. Хотя бы по той простой причине, что Святослав с греками в ближайшее время воевать не собирался и еще несколько лет не предпринимал против них враждебных действий — в течение всего царствования Никифора. А вот война с болгарами была предreshена еще до приезда Калокира. Так что цель посольства совпала с целью самого Святослава.

И в 967 г. он выступил на юг. Ход кампаний на Балканах весьма подробно и толково проанализирован А.Н. Сахаровым [177]. Поэтому не буду здесь повторять его разбора и доказательств, а изложу только общий ход войны. Согласно Иоакимовской летописи, болгары готовились встретить Святослава и выставили против него не только свою армию, но и хазар, ясов и касогов — тех самых, что бежали в Болгарию. И князь обнаружил, что объединенные силы противников ожидают его на Днестре, прикрыв переправы. Но он боя не принял, а повернул

к верховьям реки. Где встретил шедших к нему союзников — венгров, «с угры же имеа любовь и согласие твердое». Русские, усилившись мадьярами, наголову разнесли разношерстные болгарско-хазарские рати.

Царь Петр обратился в Константинополь, умоляя о помощи, но Никифор оставил его призывы без внимания. Святослав захватил город Переяславец. Нестор указывает, что он взял 80 городов. А византийские хроники — будто князь опустошил и захватил всю Болгарию, «многие города и селения болгар разрушил до основания, захваченную огромную добычу обратил в свою собственность». Хотя греки противоречат сами себе. Города, якобы уничтоженные Святославом, впоследствии оказываются целыми, церкви не разрушенными, сокровища не разграбленными. На Западную Болгарию боевые действия вообще не распространились, она осталась в стороне от конфликта. И 80 *взятых* городов — слишком много. Столько было во всей Восточной Болгарии. Брать осадой и штурмом 80 крепостей слишком долго и сил не хватило бы.

Очевидно, понеся поражения, Петр капитулировал, и 80 его городов принесли Святославу вассальную присягу. Но Болгария при этом сохранила политическую самостоятельность, столицей ее по-прежнему осталась Великая Преслава. Святослав же отхватил от нее только приморскую Добруджу (ныне в составе Румынии). И резиденцию свою разместил в Малом Переяславце, у устья Дуная. Об этом же дружно сообщают все летописи — «Повесть временных лет», Устюжская, Волынская и др: «Сев князь там в Переяславце, емля дань на грецех».

Да, вот тут Святослав напомнил византийцам, что по прежним договорам о «дружбе и союзе» они обязаны платить. И рюми получили совсем не то, чего хотели. Вместо наемной армии, которая погромит болгар и уйдет (или завяжет в войне с ними, что тоже неплохо) — соседство с сильной Русью. Болгарское царство стало ее вассалом, то есть получило покровительство Святослава. Изменилась и внутренняя ситуация в самой Болгарии. Там продолжалась борьба партий, но та из них, которая была антивизантийской, стала теперь ориентироваться на Святослава, превратилась в «прорусскую». В общем, призадумайтесь.

В Италии произошло столкновение Византии с Германией. Причем русские послы в 968 г. снова посетили Оттона I, заключив с ним союз. А основные силы ромейской армии оставались на Востоке. Вели успешное наступление, заняли Кипр, осадили крупнейший и богатейший город Сирии Антиохию. Снимать оттуда армию и жертвовать плодами побед не хотелось. Но в арсенале греков всегда имелись и другие средства. Они снова начали обрабатывать болгар!

К царю Петру было направлено посольство Никифора Эротика и епископа Евхаитского. Напомнило о «дружбе», выразило согласие связать болгарских царевичей брачными узами с ромейской династией. И слабовольный Петр снова клюнул, пошел на поводу у греков и окружающей его провизантийской партии. Внешне сохранялся мир. Никаких требований к русским в 967 — 968 г. не выдвигалось. Лиутпранд Кремонский, посол императора Оттона, посетил Константинополь летом 968 г. и оставил записки. Рассказал, что посольство болгар на приеме было посажено «выше» германского, что очень оскорбило Лиутпранда (как видим, Болгария отнюдь не была завоевана и сохранила суверенитет — принимала послов, направляла своих к грекам). Лиутпранд видел два русских купеческих корабля, стоявших в гавани Константинополя. Значит, и с русскими был мир. Но внимательный дипломат подметил, что греки исподтишка готовятся к войне. Подправляют укрепления столицы, устанавливают стрелометы, перегораживают вход в гавань цепью.

И удар по русским был нанесен тоже исподтишка, чужими руками. Были отправлены дипломаты к печенегам, купили их, и тем же летом 968 г. степные орды нахлынули на Киев. Обложили город, не успевший изготавиться к осаде, теснили его. Воевода Претич сумел собрать рать на Левобережье, но недостаточную, чтобы деблокировать столицу. Осажденные терпели нужду в продовольствии, изнемогали. И, заметив подход подкрепления, послали мальчика, умевшего говорить по-печенежски (отсюда, кстати, еще раз видно, что печенеги были не тюрками, а европеоидного обличьа — осколком древних скифо-сарматских племен Турана). Отрок с уздечкой в руках, спрашивая, не видели ли его коня, прошел вражеский стан и бросился в реку. Толь-

ко тогда печенеги разобрались, принялись пускать стрелы, но он доплыл до своих. Рассказал о тяжелом положении в городе, о том, что среди киевлян сильны капитулянтские настроения.

И Претич, не считая себя в силах дать сражение, решил хотя бы вывезти княгиню Ольгу с княжичами. Рано утром устремился на ладьях к Киеву, затрубив в трубы. Радостно закричали и горожане, увидев его прорыв. Печенеги сочли, что вернулся Святослав с армией, и бросились наутек. Ольга и дети князя смогли выйти из Киева. Но враги вскоре разобрались, что пришедших мало. Печенежский князь осторожно вступил в переговоры. И Претич заверил его, что возглавляет передовой отряд, а Святослав идет следом. Печенег предложил дружбу, обменялся с Претичем оружием. Но степняки не ушли. Расположились на Лыбеди, «так что нельзя было вывести коня». Выжидали — не солгал ли воевода. И отработывали плату, полученную от греков, для которых и было нужно, чтобы Святослав покинул Болгарию.

По «Повести временных лет», излагающей события последовательно, литературно, киевляне только после этого направили гонцов к князю: «Ты, княже, чужая земля ищещи и блюдеши, а своя ся охавив...» Скорее, это произошло раньше, в начале нашествия. Святослав, узнав о нападении, «вборзе седе ня коне с дружиною своею и приде Киеву». Основную часть войска он оставил в Болгарии, но на Руси быстро собрал воинов, «и прогна печенеги в поле, и бысть мир».

Около года, а то и двух, князь оставался в Киеве. Хотя вынашивал планы перенести свою резиденцию в Переяславец. Действительно, местоположение города было очень выгодным. Он контролировал устье Дуная, а значит, и торговый путь по этой реке. Русские установили бы полное господство над Черным морем. И Святослав указывал, что Переяславец может стать торговым перекрестком, куда будут стекаться товары из Чехии, Венгрии, Руси, Греции. Но Ольга была против. Уход князя на далекую окраину ослабил бы центральную власть. Держава, сшитая «на живую нитку» из разных племен и народов, могла снова распасться и стать жертвой соседей. Святослав стоял на своем, и мать махнула рукой: «Когда похоронишь меня, отправляйся куда хочешь».

Св. Ольга была тяжело больна, предвидела свой уход из этого мира и преставилась 11 июля 969 г. По ее завещанию, она была похоронена по-христиански, без тризны. А Святослав находился на Руси еще некоторое время. Готовился к походу, занимался устройством своей земли. Летопись сообщает, что он оставил в Киеве сына Ярополка, в страну древлян направил Олега. Но и новгородцы потребовали себе князя — угрожая, что в противном случае выберут князя сами. Нестор пишет, что Святослав находился в затруднении, Ярополк и Олег идти к новгородцам отказались, но имелся и внебрачный сын Владимир от Малуши. Дядькой при нем был брат Малуши Добрыня. Он посоветовал новгородцам просить Владимира, и Святослав согласился.

Почему же Новгород предъявил такое требование, да еще и в жесткой форме? Напомню, что согласно Константину Багрянородному этот город являлся резиденцией самого Святослава. Можно вспомнить и то, что Игорь познакомился с псковитянкой Ольгой во время охоты. Откуда можно предположить, что он тоже какое-то время жил на севере. Напрашивается гипотеза, что Новгород по традиции был «столицей» наследников престола. А это давало ему ранг второго по значению центра Руси. Перевод под управление наместника понижал его статус до уровня одного из многих городов. Из-за чего новгородцы и обеспокоились, прислали посольство «качать права».

Ну а пока суть да дело, резко изменилось положение на Балканах. В Болгарии умер Петр, царем стал Борис. Западная часть страны окончательно отпала. А в восточной взяла верх византийская партия. Борис с братом Романом появлялись в Константинополе, договорились о заключении мира и союза. Но произошли перемены и в Византии. Она все еще успешно воевала с арабами. Патрикий Петр Фока взял Антиохию, подвергнув ее обычному для греков грабежу и резне, 10 тыс. молодых и красивых горожан обоего пола отобрали для продажи в рабство, значительная часть прочего населения была перебита.

Однако царствование Никифора Фоки уже кончалось. Император-солдат пришлось ромеям совершенно не по душе. Он одерживал победы, но война, как и тайная дипломатия, тре-

бовали больших средств. Увеличились налоги. В 969 г. случилась засуха, вызвавшая голод. А брат Никифора Лев спекулировал хлебом, что увеличило недовольство. Впрочем, это бы еще полбеды, хищничали в Константинополе многие. Но Никифор пытался ущемить интересы крупных землевладельцев. Урезал выплаты и пошлины, которые шли в пользу сенаторов. Обратил внимание, что епископы, скупая земли крестьян, уменьшают тем самым число свободных воинов Византии. В общем, нажил могущественных врагов.

Лев Диакон писал: «Многие ставили ему в вину тот недостаток, что он требовал от всех безусловно соблюдения добродетели и не допускал ни малейшего отступления от строгой справедливости. Вследствии этого он был неумолим в отмщении и казался страшным и жестоким по отношению к погрешившим (*т.е. преступникам*) и несносным для тех, кто привык беспечно проводить день за днем». Распутную Феофано тоже не устраивал муж, даже во дворце живший по-спартански, спавший на полу, укрывшись солдатским плащом.

И вызрел заговор. Во главе его встал Иоанн Цимисхий — двоюродный брат императора, его ближайший сподвижник и любовник Феофано. Причем заговор был раскрыт. Но Никифор великодушно ограничился тем, что удалил Цимисхия из столицы. А он тайно вернулся. Люди Феофано ночью спустили со стены на веревках корзину, и Цимисхий с несколькими заговорщиками проник во дворец. Убийцы прошли к спавшему Никифору, стали бить его ногами. А когда проснулся, Лев Волант рубанул его мечом. Иоанн воссел на царское ложе, приказал притащить к нему Никифора. После издевательств он был убит.

Константинополь воспринял переворот вполне спокойно, без каких-либо волнений и возмущений. А патриарх Полиевкт для венчания на царство предъявил Цимисхию четыре условия. Отменить законы Никифора по ограничению церковных привилегий и собственности. Восстановить епископов, которых прежний император снял за те или иные прегрешения. Удалить из дворца Феофано и наказать убийц Никифора — а то уж слишком некрасиво получалось. Но такого человека, как Цимисхий, условия ничуть не затруднили. Любовницу, кото-

рая сплела заговор в его пользу, Иоанн отправил в заточение в дальний монастырь. А единственным убийцей Никифора объявил своего товарища Льва Воланта и казнил его. Требуемые законы были отменены. И у патриарха ни малейших претензий больше не было.

В это же время, в начале 970 г., в Болгарии вспыхнула война. Она была подготовлена еще при Никифоре, но старт, очевидно, дал Цимисхий. Болгарские войска выступили против русских. Корпус во главе с воеводой Волком стоял в Переяславце, в других городах гарнизонов не было. Болгары осадили Переяславец, ратники Волка оборонялись. Но у них кончалось продовольствие, а внутри города активно действовала «пятая колонна», помогая болгарам. Тогда Волк сумел вывести войско из Переяславца, прорвал блокаду и стал отступать на Русь. И в низовьях Днестра встретил Святослава, идущего с подмогой [177].

Князь, приняв на себя командование объединившимися силами, двинулся на Переяславец. Возле него состоялось тяжелое сражение. Сперва одолевали болгары, но к вечеру Святославу удалось одолеть их. Он «взял копием» город и казнил изменников, из-за которых Волку пришлось оставить крепость. После этого царь Борис оробел, при его дворе снова воспрянула прорусская партия, и Восточная Болгария совершила поворот на 180 градусов, перекинувшись на сторону Святослава. А он от пленных узнал, «что греки болгар на него возмутили», осерчал и объявил ромеям войну: «Хочю на вы идти и взять град ваш, яко и сей» (*Переяславец*). Призвал союзных угров, возможно и поляков. Уговорил примкнуть печенегов. Направил гонцов в Киев, чтобы прислали еще войска. И болгар тоже поднял на войну. Скилица в своей хронике писал, что Святослав действовал «сообща с болгарами», Лев Диакон — что болгары сражались «вместе с русами», а армянский историк Степанос Таронский вообще указывал, что болгары «при помощи русов вышли против кир-Иоанна» (Цимисхия).

Последовало вторжение в пределы Византии, был взят ряд городов. Лев Диакон сообщал, что в Филиппополе Святослав поразил всех «врожденной свирепостью», так как, «по слухам», посадил на кол 20 тыс. пленнх. Чему верить вовсе не обяза-

тельно. Если даже Диакон, любитель приврать, счел нужным оговориться — «по слухам». Ведь Филиппополь был болгарским городом, это Пловдив, захваченный византийцами в 866 г. Уж конечно не в интересах князя было терроризировать и отпугивать болгар, своих союзников. Да и с чисто технической точки зрения слишком уж нереально. Русских было всего 10 тыс., они вступили в войну. И вместо ведения боевых действий занялись массовыми казнями? Да еще столь сложными, устанавливая 20 тыс. кольев и рассаживая на них местных жителей?

Цимисхия вторжение обеспокоило, он направил к русским посольство. Святослав к нему тоже. Как считали те и другие, миссии имели разведывательные цели. Русские стремились «выведать дела ромеев», греки — численность войска русских (наверняка так и было). В ходе переговоров Святослав требовал огромной контрибуции, выкупа за захваченные города и «уложенной погодной дани», «чего неколико лет не исправили». В противном случае грозил поставить шатры перед воротами Константинополя и выгнать греков из Европы, «им не принадлежащей», в Азию. Кстати, только в это время Калокир мог выдвинуться в претенденты на престол. Он был же ставленником Никифора, а Цимисхий являлся убийцей и узурпатором. Да и то подобный расклад представляется сомнительным. Слова об изгнании из Европы, «им не принадлежащей», показывают, что Святослав реанимировал программу Симеона о «болгарско-ромейской империи», поэтому его марионеточным кандидатом на престол был не Калокир, а болгарский царь Борис.

Переговоры кончились ничем. Византийцы торговались, сыпали обещаниями, тянули время и «не дали дани». В общем-то все легко объяснимо. Чуть позже, в XI в., греческий полководец Кевкамен в своем труде «Стратегикон» описал подобную тактику: «Если враг ускользает от тебя день ото дня, обещаая либо мир заключить либо дань заплатить, знай, что он ждет откуда-то помощи и хочет одурачить тебя». Цимисхий и впрямь ждал помощи. Он сделал то, на что не решился Никифор — снял лучшие войска с Востока. В результате арабы отобрали назад Антиохию, другие приобретения Никифора, но солдаты восточных фем форсированными маршами двигались к столице и перебрасывались во Фракию.

Русская летопись рассказывает о блестящей победе Святослава. Византийцы — о своей победе. Но А.Н. Сахаров справедливо обратил внимание, что ромейских армий было две, патрикия Петра Фоки и Варды Склира. И одна из них «исчезла». Откуда следует вывод, что и сражений было два, хотя каждая сторона описала только одно из них. Первым на Святослава обрушился патрикий Петр, герой взятия Антиохии. Силы его превосходили в несколько раз. Как сообщает Иоакимовская летопись, «ибо венгры и поляки, идущие в помощь, и от Киева еще не пришли».

Многочисленность врага смутила воинов, но Святослав сказал: «Нам некуда уже деться, хотим мы или нет, должны сражаться. Так не посраим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые сраму не имут. Если же побежим — срам нам будет. Так не побежим, но станем крепко, а я пойду впереди вас. Если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». Дружина ответила: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». «И бысть сеча велика, и одоле Святослав, и бежаша греци». Имя патрикия Петра с этого момента ни в одной ромейской хронике больше не упоминается. Он «исчез», как и его войско. А к русским присоединились союзники, «и поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая». Ко граду — к столице, Константинополю.

В спорах о ходе войны важное доказательство того, что Святослав «за малого бе не дошел до Царьграда», нашел Ф.И. Успенский. Он указывает на надпись, которую сделал в это время митрополит Мелитинский Иоанн на гробнице Никифора Фоки: «Но восстань ныне, царь! И устрой пеших, и конных, и копейщиков, твое воинство, фаланги и полки. На нас устремляется русское вооружение, скифские народы в бешенстве наносят убийство, грабят всякое племя, твой город, между тем прежде их страшил твой образ, начертанный перед воротами Цареграда. Не презри этого, сбрось камень, который покрывает тебя. Если же нет, то вскрикни хоть раз из земли своим голосом, может быть, и это одно рассеет их, если же и это тебе неугодно, то прими нас всех в свою гробницу». Успенский отмечает: «Если поставить рядом этот документ с русской летописью, то последняя, понятно, много выиграет, и наоборот, хвастливая речь Льва Диякона потеряет значение» [208].

В дополнение бедствий среди войск, перебрасываемых с востока, поднял мятеж Варда Фока. И положение Цимисхия стало совсем шатким. Но в ходе наступления его противники рассредоточились. Согласно византийским источникам, Святослав отделил угров, печенегов, часть болгар и русов. Скорее, не отделил, а это был авангард, вырвавшийся вперед. И возле городка Аркадиополь (совсем рядом с Константинополем) отряд был встречен армией Варды Склира. У него было 10 тыс. воинов, против него, по греческим данным, 30 тыс. Но основу ромейской армии составляли закованные в броню всадники-катафрактари. Их удара не выдержали печенеги, покатались назад. А следом отбросили и легкую конницу угров.

Поражение авангарда под Аркадиополем охладило и Святослава. Он согласился на возобновление переговоров, и был заключен мир. Греки дали большую контрибуцию на войско, в том числе и на погибших — «род его возьмет», выплатили задолженность по ежегодной дани. Зато Святослав удалился в Болгарию, а Цимисхий смог перебросить армию Варды Склира в Азию и раздавить мятеж Варды Фоки.

Почти год никаких боевых действий не велось. Святослав был удовлетворен условиями мира. Греки признали поражение и платили. Но... еще раз обратимся к книге «Стратегикон» Кевкамена: «Если неприятель пошлет тебе дары и приношения, коли хочешь, возьми их, но знай, что он делает это не из любви к тебе, а желая за это купить твою кровь». Да, византийцы сами расписались в традициях своей политики. Так поступал и Цимисхий. Он готовился. Сформировал особую гвардию, «бессмертных». Потрудились и дипломатия, щедро перекупив печенегов и опять перенацелив их против русских. И весной 971 г. Цимисхий нанес внезапный удар. На Пасху. Проходы в Балканских горах не охранялись. Небрежность Святослава? Нет, тут была не его территория, а болгарская. Ну а болгарских бояр греки, видимо, купили, и они сняли пограничные гарнизоны праздновать Светлое Воскресение.

Войско императора неожиданно нагрянуло на Великую Преславу — столицу Восточной Болгарии. Святослав не успел ни угров призвать, ни сам подойти. В русских летописях опи-

сания этой войны нет, а в византийских встречаются сплошные «неутыки». Сообщалось, например, что во время первой войны с болгарами Святослав разрушил и разграбил их столицу до основания. Но теперь грекам пришлось штурмовать ее два дня. В городе был русский гарнизон воеводы Свенельда, но и болгары отчаянно обороняли Преславу. И все же ромеи одолели, ворвались в город. Свенельд с остатками дружины вырвался и ушел.

В Преславе византийцы взяли царя Бориса — со всеми регалиями, в царской одежде. Следовательно, русские его вовсе не низложили, он оставался на своем престоле. Цимисхий якобы заявил, что он воюет вовсе не против болгар, а за их освобождение от русских. Но тут же описывается обратное. Лев Диакон гордо заявляет, что Цимисхий «покорил мисян» (болгар). Рассказывает, что с боем был взят дворец, и ромеями была захвачена «храняемая там казна». Значит, и ее русские не взяли. А византийцы хапнули. Овладев городом, «греческие воины ходили по улицам, убивали неприятелей и грабили их имущества». Уж наверное, грабили и убивали не русских, а болгар. Командующий армией Иоанн Куркуа грабил «многие в Мисии церкви, обратив ризы и священные сосуды в свою собственность». То есть и церковью русские не тронули, в отличие от греков. Взятую Преславу Цимисхий переименовал в свою честь в Иоаннополь и оставил «достаточную стражу». Так кто же был в Болгарии завоевателем? Русские? Или византийцы?

Войско Цимисхия двинулось на Святослава. По дороге разоряло города — Плиску, Динею. Нигде, кроме столицы, русских гарнизонов не было. Никакой русской оккупации не существовало. В древней Плиске находился памятник царя Симеона, 16 колонн с названиями городов, перешедших под его власть от ромеев. Теперь же победители-византийцы расколошматили колонны на такие мелкие кусочки, что археологи в XIX в. смогли прочитать надписи лишь на 4 колоннах. Святослав повел было свою рать навстречу Цимисхию, но к Преславе не успел, узнал о многочисленности врагов и занял оборону в г. Доростол (Силистрия) на Дунае. Диакон пишет, что здесь он казнил 300 человек из знати, подозревая в измене, а всех остальных бол-

гар во избежание бунта заковал в железо и посадил в темницу. Скилица уточняет, что заковал и посадил он 20 тыс. человек. Интересно, где бы нашлась такая темница? И столько кандалов и цепей? И кто стал бы охранять, обслуживать, кормить такое количество заключенных? Видимо, 20 тыс. составляло все население Доростола.

Тут произошло несколько сражений. Как пишет армянин Степанос Таронский, в первом из них русские смяли и обратили в бегство оба фланга византийской армии, и лишь подвиги «бессмертных» выправили положение. Греки описывают только победы, но со множеством недомолвок. Осада была долгой. Святослав не давал врагу приблизиться и поставить осадные машины, отбивался на вылазках. 2 тыс. русских совершили рейд по Дунаю, вышли ночью, собрали продовольствие и сумели вернуться обратно, разгромив вражеские посты. Среди погибших в боях ромеи находили и женщин, сражавшихся плечом к плечу с мужчинами. Уж конечно не русские своих жен сюда привели. Значит, это были болгарки. И горожане вовсе не сидели в мифической огромной темнице, а помогали оборонять Доростол.

Среди убитых русских начальников Диакон называет «третьего среди русских после князя» Свенельда. Рассказывает о тяжелой ране Святослава. Хотя Свенельд остался жив и здоров, а Святослав в последующих описаниях никаких ран не имеет. Зато у византийцев погиб Иоанн Куркуа — командующий всеми вооруженными силами во Фракии. Ясное дело, он не рубился в первой шеренге. Выходит, русские прорывались к византийской ставке. Кстати, как раз в связи с этим Диакон проговорился, что Куркуа понес кару «за безумные преступления против священных храмов» в Болгарии.

Но силы русских иссякали в боях. А Цимисхий планомерно обкладывал крепость полевыми укреплениями. Подошел по Дунаю и его флот с огненосными судами, окружение стало полным. К императору один за другим присылали посольства болгарские города, изъявляя покорность. В последнем бою и природа была против русичей — в лицо им задул сильный ветер с пылью, и они потерпели поражение. Диакон описывал, как они после этого боя подбирали павших и ночью сжигали их, «при-

чем по господствующему у них обычаю закололи над ними множество пленников из мужчин и женщин. Совершая по мертвым жертвоприношения, они топили в реке Истре грудных младенцев и петухов». Что ж, отправить на тот свет с воином пленницу или пленника могли. В остальном Диакон опять приврал. Петухов иногда резали — это была жертва Перуну. Но обряда утопления младенцев и петухов у славян никогда не было. Да и откуда бы взялись петухи в осажденном голодающем городе?

Когда последняя битва завершилась неудачей, Святослав созвал «комент» из старших воинов. И летопись приводит его речь, которую невозможно читать без волнения: «А Руска земля далече, а печенези с нами ратни, а кто нам поможет?...» Поступило предложение заключить мир с императором. «Ведь они обязались уже платить дань, того с нас и хватит. Если же перестанут нам дань платить, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». Цимисхий предложение о мире принял с радостью. Его рать тоже несла тяжелые потери. А вдруг неприятель получит помощь с Руси или от венгров? Переговоры вели с русской стороны Свенельд, с византийской — синкел Феофил. Греки требовали от Святослава уйти в свои пределы «и к Боспору Киммерийскому». Он выдвигал ответные условия.

Сошлись на том, что русичи оставляют Доростол, отпускают пленных, обязуются не нападать на Византию, Херсонес и Болгарию. А император свободно пропускает их на родину, не наносит ударов своими огненосными судами, снабжает хлебом на дорогу, по 2 меры на человека. И признает «по-прежнему друзьями и союзниками ромеев». Условная фраза, подразумевавшая выплату «субсидий». А разрешение уйти «к Боспору Киммерийскому» говорит о том, что Константинополь признал за Святославом завоеванные хазарские города Самкерц и Таматарха. И запретов зимовать в устье Днепра договор 971 г. тоже не содержит. Византии пришлось смириться с выходом Руси к морю. В договор был включен и пункт, что греки обязуются уладить вопрос о пропуске русичей печенегами...

Напоследок, по просьбе князя, состоялась его личная встреча с Цимисхием. Византийцы прибыли пышной, разнаряженной свитой. Святослав — на лодке, где греб наряду со своими вои-

нами. О чем они говорили с императором, остается неизвестным. Ромейские хроники уклончиво сообщают, что «о мире». Калокир, приглашавший Святослава в Болгарию, бежал. (Но отнюдь не исчез. В 996 г. из Константинополя к германскому императору Оттону III было направлено посольство, и одним из тех, кто возглавлял его, был патрикий Калокир. Видимо, тот самый. Его враг, узурпатор Цимисхий, уже умер, и дипломат снова занял важное место).

Участь «освобожденной» Восточной Болгарии была печальной. Цимисхий расставил гарнизоны и своих начальников во всех городах. А в Константинополе справил пышный триумф. По поводу победы над русскими? Нет, над болгарскими! На колесницах везли награбленные трофеи, главные болгарские иконы и святыни. В императорском дворце Борис сложил с себя царские одежды и обувь, его корону Цимисхий отдал в храм св. Софии. Борису был присвоен византийский чин магистра, его брата Романа оскопили. Государственность Восточной Болгарии была ликвидирована, она превращалась в ромейскую провинцию.

А Святослав с остатками войска двинулся к Днепру. Где его ждали печенеги. Цимисхий тоже хорошо понимал, что князь, набрав на Руси новых бойцов, всегда может вернуться. И предпринял меры, чтобы этого не произошло. Правда, Нестор указывал, что печенегов предупредили жители Переяславца. Но в данном случае греки сами проговорились о своем вероломстве. Как сообщает хроника Скилицы, Цимисхий во исполнение договора со Святославом послал к печенегам епископа Феофила. Корабль отправился с Дуная, то есть действительно отчалил из Переяславца или делал там остановку.

Феофил изложил вождям степняков предложения — восстановить союз с империей, впредь не заходить за Дунай, не разорять Болгарию и «позволить русам пройти через их земли в свое отечество». Печенеги же «согласились на все, кроме последнего». Но Святослава-то греки об этом не предупредили! Он шел к Днепру, считая, что все исполнено. А получилось, что и впрямь посольство Феофила лишь оповестило печенегов — русские с большой добычей будут идти через их территорию. Так что в любом случае коварство ромеев налицо. По-

чему же Цимисхий, желая уничтожить врага, не сделал это сам, не сжег эскадру огненосными судами? Но об этом наверняка узнали бы на Руси. Последовала бы месть, война, морские набеги. Умнее — руками печенегов. Пусть месть ляжет между русскими и ними.

По летописи, Свенельд якобы предупреждал: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». А Святослав не послушал его, пошел в ладьях. Свенельд же с конной дружиной двинулся степным путем, по Южному Бугу, и благополучно достиг Киева. Почему Святослав не сделал то же самое? Да ведь он вез огромные богатства. Дань, полученную от греков, трофеи похода на Константинополь, деньги для семей погибших. Наконец, разве мог князь ускакать налегке, бросив на произвол судьбы свою пехоту? И раненых, больных? Он был уверен, что договоренность со степняками достигнута. Но когда стали подниматься по Днепру, выяснилось, что пороги «заступили печенеги» большими силами. Малочисленным остаткам войска было не пробиться.

Пришлось возвращаться к устью реки, зимовать на «Белобережье» — Кинбурнской косе. В рыбацких землянках и куренях, понастроенных тут русскими моряками. Зимовка была трудной. «И не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову». И Иоакимовская летопись вдруг сообщает, что Святослав грозился, добравшись до Киева, разорить церкви... Стоп. А с какой стати? В Болгарии князь церкви не трогал. И к существовавшим в Киеве относился терпимо. Почему же теперь на них озлобился? Ответ один. Он осознал измену. Чтобы увидеть это, надо поставить еще несколько вопросов. Почему Святослав отпустил Свенельда, дополнительно ослабив тем самым свои силы? И почему зимовал в неприятном Белобережье? Почему не отплыл в тот же Самкерц или Таматарху? Он ждал помощи. Из Киева. За тем и отправил Свенельда. От столицы до устья Днепра не так уж и далеко. Но помощи не было. В Киеве знали, что князь возвращается, а подмоги не выслали...

На Руси византийская агентура имелась. Естественно, действовала и через греческих священников. Отсюда и гнев Святослава. Мы не знаем, насколько были замешаны в заговоре свя-

щенники, но зловещая роль Свенельда просматривается четко. И ведь именно он вел переговоры с Феофилом. Который потом поехал к печенегам... Кстати, а откуда стало известно, что Свенельд предупреждал князя об опасности, предлагал обойти ее? Только от самого Свенельда. Те, кто остался со Святославом, погибли. Так откуда же стало известно об угрозах князя церквям, о грядущих расправах? Может, и эту версию внедрил Свенельд? Для оправдания своего поведения?

По весне ослабевшие, измученные ратники, так и неждавшись помощи, пошли на прорыв. Вероятно, печенеги схитрили. Сделали вид, будто отошли от порогов. А то как бы князь и впрямь не ушел к другим берегам. Но когда воины высадились, разгрузили ладьи и стали перетаскивать их волоком, на них напали. Тут и была последняя сеча Святослава, в которой сложили головы он и его соратники. Из черепа князя печенежский вождь Куря сделал чашу и пил из нее. Что ж, великий князь Святослав Игоревич и его витязи умерли героями. Правда, язычниками. А за язычников по православной традиции молиться не положено. Но помянуть чаркой, по-русски, на верное, можно. Они ведь сражались за Россию...

ЧЕТВЕРТАЯ РУССКАЯ ИМПЕРИЯ — ПРАВОСЛАВНАЯ

Ну а теперь давайте еще раз вернемся к тому моменту, когда Святослав, отправляясь в Болгарию, распределил правление между сыновьями. Владимир «не в счет», он был побочным. А законных двое. Старший в Киеве, Ярополк. А в Древлянской земле — младший. И звали его... Олег! Так кто же был наследником престола? Еще раз напомним, что по русскому обычному праву «двор отеческий всегда без раздела принадлежит меньшему сыну». Меньший снова носит и тронное имя-титул Олег! Именно он, а не Ярополк был оставлен наследником. Почему же он был послан к древлянам, а Ярополку достался Киев? Древлянская земля была самой беспокойной, неоднократно бунтовала.

Ее требовалось держать под контролем (для чего Олегу, конечно, были выделены обжитые бояре). Древлянам должно было и польстить назначению наследника. Олегу нужно было привыкать, учиться править, и ему был выделен собственный удел. А в Киеве-то Ярополк всего лишь подменял отца. Это был «стол» не его, а Святослава. Вернется — придется уступить место.

Получается, что Свенельд произвел настоящий *переворот!* Прибрал под контроль юного слабовольного Ярополка. Устранил Святослава, не подав ему помощи и обрекая на гибель. И сам стал подлинным властителем в Киеве, регентом при Ярополке, перечеркнув права законного наследника Олега. Н.М. Карамзин писал: «Единодержавие пресекалось в государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над уделами своих братьев». Конечно, не имел. С какой стати Олег и Владимир стали бы подчиняться узурпатору?

Кто воспользовался смертью Святослава и расколом Руси? Византия и хазары. На переговорах в Доростоле греки признали за русскими владение «Боспором Киммерийским», портами Самкерц (Керчь) и Таматарха (Тамань). Теперь же Керчь прихватили ромеи. Греческая рукопись начала XI в. о фемном устройстве государства рассказывает об укрупнении старых и создании новых пограничных фем. И кроме фемы Херсонеса в документе упомянут стратиг (командующий фемой) Боспора. А на Тамани иудейские купцы возродили осколок Хазарии — опираясь на ясов и касогов и, вероятно, под покровительством греков.

Зато из летописи мы видим, что Ярополк жил в дружбе и союзе с печенегами. Убийцами отца. Это означает, что правительство Свенельда тоже пользовалось расположением Византии. Ей переворот в Киеве был выгодным. Устранял «русскую угрозу» на Черном море и в Болгарии. И Свенельд усиливал ромейское влияние на князя, в том числе и женив его на пленной греческой монахини (хотя Ярополк оставался при этом язычником). Не исключено, что и Олег пытался найти союзников. Ламберт Херсфельдский упоминает о прибытии в 973 г. в Кведлинбург ко двору Оттона II какого-то русского посольства. А Оттон был врагом греков.

При таком раскладе получают исчерпывающее объяснение дальнейшие трагические события. Олег Древлянский встречается на охоте Люта Свенельдича, сына воеводы, и его свиту. И приказывает убить его. Не только из-за того, что Лют Свенельдич заехал в чужие владения и нагло себя вел. Это был сын временщика, и обнаглел он, разгуливая по древлянской земле, как раз от сознания всемогущества. Это был сын главного виновника смерти Святослава. Очевидно, и сам в заговоре поучаствовал, помогая Свенельду. Олег совершил кровную месть.

Свенельд же в ответ организовал войну. В 977 г. войско из Киева двинулось на Овруч, столицу Олега. В сражении под стенами города древлянские дружины были разгромлены, 15-летний князь погиб. Ярополк безутешно рыдал над телом брата, вопрошал Свенельда: «Этого ли ты хотел?» Да, временщик хотел этого. Это было завершением переворота. Только теперь его марионетка Ярополк стал полноправным великим князем Руси. И отметим, только после гибели Олега наместники Ярополка отправляются в Новгород. Раньше их посылать не смели.

В Новгороде княжил юный Владимир под опекой своего дяди Добрыни. Все говорит о том, что они держали сторону Олега. Теперь же, после гибели законного князя, Владимир и Добрыня сочли, что не в силах сражаться против Ярополка, и бежали за море «к варягам». К каким? Ясное дело, не в Скандинавию, а к прибалтийским славянам, скорее всего на Рюген. О прибалтийской Руси в данное время сообщают многие источники. Ибн-Якуб писал, что здешние русы граничат на востоке с владениями польского короля Мешко, а с запада на кораблях нападают на пруссов. Рюгенская Русь фигурирует в Магдебургских анналах, в документе «Дагоме юдекс», в сборнике Иосифа бен Гориона.

У варягов Владимир и Добрыня пробыли два года. То есть княжича признали, дали пристанище. По-видимому, Владимир поучаствовал в каких-то войнах, набегах, что позволило ему сформировать свою дружину, приобрести воинские навыки и заслужить авторитет у варягов. И в западном эпосе Вольдемар Русский хорошо известен, он предстает иногда другом, иногда врагом, но всегда благородным и достойным рыцарем. Можно быть уверенным и в другом — что изгнанники и под-

держивали связи с родиной. Они должны были хорошо знать, что правлением Ярополка (точнее, временщиков при нем) на Руси недовольны. А раз так, то имеет смысл предъявить права на престол. Незаконный сын? От Малуши? В язычестве разница между брачными и внебрачными детьми была не такой уж значительной. Зато Ярополк — незаконный правитель. А Владимир — младший! С Олегом он о правах не спорил, а с Ярополком — почему бы и нет?

Очевидно, наводились тайные контакты с новгородцами, чтобы выступили на стороне Владимира. И не только с ними. Поддержку ему оказала коалиция из словен, кривичей и чуди. Та же самая коалиция, которая некогда призвала Рюрика и шла за Вещим Олегом. Вероятно, агенты Владимира и Добрыни создавали ее заранее. Хотя могло быть наоборот. На Руси тайно сформировалась коалиция и направила гонцов к Владимиру — давай-ка, мол, приходи княжить. Как бы то ни было в 979 г. он явился в Новгород с отрядом варягов и ни малейшего сопротивления не встретил. К нему сразу же примкнула вся Северная Русь. А наместников Ярополка он выгнал, сказав им: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!» Сразу видно, кого молодой князь считал идеалом для подражания. Отца, Святослава, — «Иду на вы!»

И вот ведь что любопытно. В народной памяти Владимир стал самым популярным святорусским князем. Устные предания именно с его именем связывает расцвет страны, ее высочайшие достижения, победы. Он — Владимир Красно Солнышко. Великий и справедливый. Аналог британского короля Артура, при его дворе служат эпические богатыри Илья Муромец, Алеша Попович, Никита Кожемяка. А его дядька Добрыня превратился в одного из любимейших народных героев Добрыню Никитича. Но в «Повести временных лет» тот же Владимир представлен... настоящим чудовищем! Жестокий, коварный, похотливый. Ни на одного другого князя Нестор не навешал столько «негатива». Откуда же такое расхождение?

Причин, по-видимому, несколько. Первая — чисто дидактический прием. Противопоставить «плохого» Владимира до

крещения добродетельному — после. Вторая причина — Нестор писал для князя Святополка. Который не любил Владимира. Точнее, не любили иудейские купцы, окружавшие Святополка. Третья причина — Владимир был наполовину древлянином. А Нестор ненавидел древлян. Однако еще раз отметим, тот же самый «негатив» нисколько не омрачил образ князя в представлении народа. Потому что судить о нравах одной эпохи с точки зрения другой глупо и нелепо. А с точки зрения морали X в. все поступки Владимира выглядели понятными и оправданными.

Ярополк, готовясь к войне, тоже искал союзников. И нашел таковых в Полоцке, где возникло независимое варяжское «герцогство», отпавшее от Руси где-то в период с 912 до 941 гг. Киев сумел договориться с тамошним князем Рогводлом, союз было решено скрепить браком его дочери Рогнеды и Ярополка. Владимир попытался разрушить альянс и тоже посватался к Рогнеде, получив заносчивый отказ: «Не хочу розути робиича». Невеста на Руси в брачную ночь исполняла обряд разувания жениха, и Рогнеда указала, что не хочет разувать «рабенка», сына невольницы.

Это было страшнейшее оскорбление. И Владимира, и его матери. И не только. Род велся не по матери, а по отцу. В Европе вообще не считалось зазорным быть бастардом. Внебрачные дети не стыдились этого, а гордились, становились графами, герцогами, королями. «Робиич» — значило, что Рогнеда усомнилась в его происхождении от Святослава. Дескать, мало ли с кем мать спуталась? Да ведь и Малуша была княжеского рода. А кто посмел попрекнуть Владимира? Рогнеда, которая сама была невесть какого происхождения? И готовилась стать даже не первой, а второй женой Ярополка! Узурпатора на престоле и сына от мадьярки, которая, небось, только на Руси умываться и подмываться научилась. И ясное дело, Рогнеда сформулировала ответ не сама. Шаг был дипломатический, и сделать его мог только Рогволд.

Стерпеть такое оскорбление по тогдашним понятиям означало «потерять лицо». Признать себя полным ничтожеством. Потерять уважение подданных, дружины, соседей. Фактически отказаться от права на княжение. А Рогволд подобным отве-

том откровенно нарывался на войну. Он и получил ее. Последовал стремительный удар на Полоцк. Город был взят. Властителей пленили. Владимир овладел Рогнедой на глазах ее отца, после чего Рогволд и двое его сыновей были казнены. Грубо? Жестоко? Но европейские властители той эпохи в сходных случаях поступали еще и круче. И на Руси популярность Владимира ничуть не пострадала. Его действия признали достойным ответом на оскорбление.

А в 980 г. объединенное войско из варягов, словен, кривичей и чуди выступило на Киев. Противостоять брату в полевом сражении Ярополк не посмел. Значит, не чувствовал за собой народной поддержки. Он затворился в городе. И поддержки действительно не было. Древляне принять его сторону никак не могли. И северяне никакой помощи не оказали — войско Владимира прошло мимо их городов свободно, никто не пытался его задержать. Но и Киев Владимир не хотел осаждать и штурмовать. Предпочел тайную дипломатию. Свенельда возле Ярополка уже не было. Очевидно, умер. Ближайшим воеводой и советником служил Блуд (скорее всего, прозвище). Того же поля ягода, что Свенельд. Человек, которого можно перекупить, переманить. Готовый служить кому угодно ради собственного возвышения. С ним и вступил в контакты Владимир, привлекая щедрыми посулами.

Коварство? Нет. На войне обман — это военная хитрость. А Владимир находился с братом в состоянии войны и не скрывал этого, заранее предупредил. Неужто лучше было штурмовать город? С резней, пожарами? Князь прекрасно знал, что представляют собой варяги. Так зачем же кровь лить, защитников-полян убивать, возбуждая тем самым ответную ненависть? Кстати, из того, что Блуд переметнулся, еще раз видно, как слабы были позиции Ярополка. Такого рода люди держат сторону сильного. Он ведь и при Ярополке был в чести, вторым лицом. А раз бросил, значит, понял — песенка прежнего князя спета. И события разыгрались оптимальным образом. Блуд уверил князя в измене киевлян, и Ярополк бежал с дружиной в крепость Родню. Киев, как только он ушел, открыл Владимир ворота без боя.

Родною победитель обложил. И опять же ни один город, ни одно славянское племя на помощь Ярополку не пришли. В Родне начался голод. Приближенный Варяжко советовал Ярополку: «Не ходи, государь, к брату, ты погибнешь. Оставь Русь на время и собери войско в земле печенегов». Не к северянам, не к полянам оставалось бежать князю, а только к печенегам! Византийским «друзьям». И «навести поганых» на Русь. Но Блуд сумел предотвратить такое развитие событий, уговорил отдать-ся на волю Владимира.

Ярополк приехал к младшему брату, вошел в дом, и поджидавшие в сенях два наемника-варяга пронзили его мечами. А как же иначе? Куда же его еще было девать? Соучастника переворота, отцеубицу, братоубийцу? Пусть действовавшего пассивно, по указкам Свенельда. Но ведь и Свенельд ничего не смог бы натворить без согласия Ярополка. Кара за столь страшные преступления могла быть только одна. И народ совершенно не осудил Владимира за кровь Ярополка. Даже и позже, при Ярославе Мудром, «Русская правда» в первой статье гласила: «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертью». Владимир расплатился за отца и брата. А беременную гречанку, супругу Ярополка, победитель взял в жены. Не из какого-то извращения, это тоже следовало по русскому обычному праву. Она за преступления мужа была не в ответе. И как вдова брата переходила к другому брату.

Правда, окончание войны без сражений и добычи вызвало конфликт с варягами. Они нагнали, бесчинствовали, считали Киев своим завоеванием, потребовали дань — с каждого жителя по две гривны (400 г.) серебра. Владимир снова повел себя умно. Уступить — значило стать игрушкой в руках дружины. И поплатиться так же, как Игорь в Древлянской земле. Оставалось подавить бунт. Князь собрал варягов на пристани под предлогом выплаты «дани», окружил славянским ополчением, и они тут же поняли, что зарвались, запросили пощады. Владимир отобрал лучших, а остальную буйную ватагу спровадил в Грецию. Мол, денег хотите — вот и отправляйтесь, там на службе много заработаете. При этом отписал царям Василию и Константину, чтобы эту банду не пускали обратно на Русь, посо-

ветовал растасовать ее мелкими группами по разным гарнизонам.

Обретение киевского престола Владимир ознаменовал благодарностью языческим богам. В Киеве было создано новое святилище. Главным был идол Перуна с серебряной головой. Кроме него, были представлены идолы Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши. В Новгороде князь тоже устроил новое богатое капище Перуна. Мироправителя, но одновременно богавоителя. Владимир и сам все следующие годы провел на коне, во главе армий, завершая дело Игоря, Ольги и Святослава по собиранию земель, отпавших от Руси. В 981 г. он провел победную войну против польского короля Мечислава, отобрал Галицию, некогда принадлежавшую Олегу, присоединил «Червенские города» вплоть до Перемышля. В 981—982 гг. князь вел тяжелую войну, заново покоряя вятичей (вероятно, отделившихся во время смут при Ярополке). А в 983 г. повел войска на запад. Против ятвягов (литовцев), совершавших набеги на окрестности Полоцка и Турова. Владимир и этих врагов разгромил и подчинил. А заодно распространил свою власть до Балтийского моря, обложив данью ливов, куров и эстов.

Столь великие победы в Киеве решили отметить человеческим жертвоприношением. Как уже отмечалось, обычно в таких ритуалах резали пленников или купленных невольников. Но по особому случаю было решено бросить жребий среди своих, киевских отроков и девушек. Только подчеркнем, что инициатива в данном случае принадлежала не князю, а столичным «боярам и старцам». Словом, и в те времена были любители выслужиться. Жребий пал на молодого крещеного варяга. Но отец отдать его отказался. Чем очень разозлил... нет, опять не князя, а киевскую чернь. Толпа вооружилась, «разметала» двор варяга, требовала выдать сына. То есть страшный обычай, пришедший к восточным славянам сотню лет назад, вполне успел прижиться. Его уже считали «правильным». Хотя тут, возможно, действовал и другой фактор — жребий-то пал не на сыновей или дочерей нападавших. Вот пусть варяг и выполняет «волю богов». Но отец так и не уступил юношу. Разъяренная толпа убила их обоих. И они, свв. Феодор и Иоанн, стали первыми и последними мучениками языческой Руси.

Владимир же продолжал формирование своей империи. Признать подданство Киеву отказывались радимичи. Олегу в свое время подчинились, а теперь не желали. Против них был направлен воевода Волчий Хвост (возможно, сын Волка, воеводы Святослава), в одном сражении на р. Пищане разнес ополчение радимичей, и они вошли в состав русской державы. А сам Владимир вместе с Добрыней предпринял поход на судах против Волжской Болгарии. Нанес им поражение. Но, согласно летописи, Добрыня указал князю, что пленные в сапогах, и посоветовал: «Они не захотят быть нашими данниками, пойдем лучше искать лапотников». Понимать ли это буквально? Вряд ли. Воины во всех государствах носили сапоги.

Другой вопрос, что Волжская Болгария была далека от Киева не только территориально, а и духовно. Она была исламской страной, поддерживала связи с Востоком, переняв оттуда богатую мусульманскую культуру. И ее подчинение не могло быть прочным. Кстати, а «лапотниками» были тогда не славяне. Археология показывает, что на Руси была распространена кожаная обувь. Лапти-поршни носили финские и балтские племена. Мордва, мурома, меря. Или только что подчиненные Владимиром эсты, куры, ливы. И вот на них-то можно было распространить не только силовое, а и культурное влияние, что обеспечило бы более прочную связку с Русью. С Волжской Болгарией был заключен мир. И установлена граница — по Волге. Соответственно в состав Руси вернулся Муром и правобережные племена.

Ну а в 985 — 986 гг. Владимир начал войны на юге. Об ударе против хазар Нестор опять умалчивает. Но об этой войне писал Иаков Мних: «И на козары шед, победы и дань на них возложи». Речь может идти только о последнем осколке Хазарии — Таматархе. О данной войне упоминает и Мукадасси. Свидетельствует о ней и результат. Таматарха стала русской Тмутараканью. Однако борьба за выход к морю не могла обойтись без столкновения с Византией. И оно произошло. Греки активизировали своих «друзей», печенегов. Начались их набеги на Русь.

Владимир предпринимал меры противодействия. Стал строить систему городов-крепостей по рекам Десна, Остер, Тру-

беж, Сула, Стугна, заселяя их кривичами, словенами, чудью, вятичами. Привлек и торков. В этот период народ гузов раскололся — одна их часть приняла ислам, они стали туркменами. Другая осталась язычниками — торки или каракалпаки. Их-то и стал брать на службу Владимир. (А с печенегами за их верность союзу Византия «расплатится» позже, в XI в. Когда их вытеснят из Причерноморья половцы, и они придут к ромеям проситься на поселение. Получат отказ. Начнут воевать. Греки их разобьют при помощи тех же половцев. Печенеги капитулируют, и император Алексей Комнин устроит геноцид, вырезав их до единого с женами и детьми. Это ужаснет даже половцев, и они с омерзением уйдут прочь. А император будет слать вдогонку гонцов, недоумевая, почему половцы не хотят взять положенной им части добычи?)

Война Владимира с Византией не ограничилась обороной. Он продолжил политику Вещего Олега, заключив союзы с Германией и Болгарией. С Западной Болгарией, сохранившей суверенитет после крушения Восточной. Болгарский царь Самуил уже давно вел борьбу против ромеев. Русские присоединились к нему. Их сухопутные части и эскадры появлялись на Балканах в 985 и 986 гг. в качестве болгарских союзников. И совместными действиями императору Василию II было нанесено жестокое поражение при Сардике (Средце).

Но Русь, конечно, не только воевала. Она трудилась, торговала, богатела. С правлением Владимира Красно Солнышко связан расцвет Киева. Западные хронисты начинают называть его величайшим и красивейшим из городов Европы. Да и сам князь был человеком широким и жизнелюбивым, умел поселиться. Нестор описывает его щедрость, пиры с дружиной. Был Владимир слаб и к женскому полу. Жен у него насчитывалось пять. Кроме Рогнеды и вдовы брата, гречанки, он был женат на немке Мальфриде. В генеалогии Вельфов упоминается о внучке императора Оттона I, дочери графа Куно фон Эннингена, вышедшей замуж за «короля ругов». Видимо, это она. Еще две жены — чешка и болгарка (не волжская, балканская). Похоже, этими браками скреплялись союзы, заключенные Владимиром.

Нестор сообщает, что кроме жен князь содержал массу наложниц — 300 в Вышгороде, 300 в Белгородке, 200 в селе Берестове. И вот это уж сомнительно. Чтобы даже по разу переспать со всеми, потребовалось бы два с половиной года. А Владимир надолго в окрестностях Киева не задерживался, спешил с войны на войну. Скорее, это были работницы княжеских мастерских по производству полотна, вышивке и т.д. С некоторыми из них любвеобильный монарх развлекался. Но понятное дело, не с восемью сотнями.

Однако за трудами, за боями, за молодецкими забавами князь не мог не задумываться о судьбах созданной им державы. Огромной, от Балтики до Черного моря и от Карпат до Волги. И многонациональной, непрочной. Объединившей добрый десяток славянских, финских и балтских народов, живших «своим обычаем», имевших разное происхождение, разное историческое прошлое. Все это могло рассыпаться так же легко, как держава Гостомысла или Вещего Олега. И сблизить население Руси, сплотить в единое целое могло только нечто большее, чем великокняжеская власть. Сегодня этот великий князь есть — а завтра его нет. Сплотить могло только общее мышление, мировоззрение. Вера...

Историю «выбора веры» «Повесть временных лет» передает так, будто сидит Владимир на своем престоле, призывает представителей разных конфессий, а они ему объясняют преимущества своих религий и недостатки чужих. После чего направляются посольства по разным странам — проверить «на местах», где вера лучше. И на основе сравнения князь делает выбор. К действительности данная картина не имеет ни малейшего отношения. Это «бродячий сюжет», встречающийся в преданиях различных народов и призванный с рациональной точки зрения объяснить, почему принята именно такая религия, а не другая.

Владимиру приглашать мудрецов и выслушивать их не требовалось. Он все эти верования и сам знал. В Киеве было уже много христиан. Его бабка св. Ольга была христианкой, наверное, и внука в церковь водила. Христианками были четыре его супруги. Причем две, гречанка и болгарка, принадлежали к Вос-

точной Церкви, а чешка и немка — к Западной. С мусульманами князь контактировал в Волжской Болгарии, видел мечети, очевидно и богослужением интересовался, спрашивал. С евреями имел дело в Тмутаракани, да и в Киеве их хватало. И попытки обращения его в разные веры были не одновременными. Они могли иметь место в разные периоды его жизни. Так, браки с чешкой, немкой, болгаркой наверняка сопровождались предложениями принять крещение. Но в этих случаях Владимир отказался. А его партнеры были настолько заинтересованы в союзе с русскими, что не настаивали.

Возможно ли, что в Волжской Болгарии предлагался ислам? Не исключено. Хотя, скорее, были только объяснения веры, рассказы о ней. Может быть, с намеками, не пожелаешь ли? Но с мусульманами русских разделяло множество бытовых особенностей, привычек, традиций. Летопись говорит, что князю не понравился обряд обрезания. Кроме того, мусульмане не едят свинины, не пьют вина. У русских завалить на охоте кабана считалось отличной добычей. И салом полакомиться любили, окороком свиным. А какой же пир, какой же праздник мыслился без хмельного? Так и Владимир, согласно Нестору, заявляет: «Веселие Руси питие еси». «Повесть временных лет» указывает и другие бытовые различия, которые во всех изданиях, кроме академических, обычно заменяются многоточиями. Оказывается, в Волжской Болгарии был распространен оральный секс. «Тако же и жены их творят ту же скверну и ино пуще: от совокупленья мужьска и женьска вкушают». А Владимир, услышав об этом, плюнул и сказал: «Нечисто есть дело» [155]. Но уж он-то был в любовных делах отнюдь не неопытным мальчиком. Значит, на Руси такие приемы были просто не приняты.

Могли ли иудеи попытаться обработать князя и вовлечь в свою общину? Тоже не исключено. В этом случае «обращение» было бы фиктивным, ему предложили бы жену-еврейку, и дальнейшее утверждение иудаизма пошло бы через детей от нее. Но такой супруги у Владимира не обнаруживается. А летопись приводит диалог. Князь якобы спрашивает, где отечество евреев. Ответ — «в Иерусалиме». Владимир переспрашивает: «Точно ли оно там?» И евреи признаются, что Бог во гневе за грехи

«рассеял нас по землям чуждым». На что следует отповедь: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом?... Или и нам того же хотите?» Здесь «подцензурный» летописец, вполне вероятно, заложил намек на другое «отечество». Не на Иерусалим, а на Хазарию, рассеянную совсем недавно. Так что и ответ «или и нам того же хотите» имеет двойной смысл. И может относиться не только к религии, но и к попыткам втереться в доверие, оказать влияние на политику, как было при Игоре.

В целом же история с «выбором веры» не более чем сказка. Повторюсь, предназначенная для рационального объяснения случившегося. Но принятие веры никоим образом не бывает рациональным! Это не торгашеский акт — которая религия лучше и выгоднее? Вера принимается не расчетами, а на более высоком уровне — душой, сердцем. И истинная вера бывает только одна! Ни о каком «выборе» речи быть не может. Поэтому куда вернее принять не объяснения Нестора, а указания других авторов XI в., Илариона и Иакова Мниха: *«Без всех сих притече ко Христу, токмо от благого смысла и разумения»*. Это, кстати, сообщают авторы, ближайшие по времени к Владимиру. *«Без всех сих притече»*. Без уговоров миссионеров, без внешних обработок. Своею волею. Господь Сам открылся князю в душе, и Владимир принял Его, «притече ко Христу». Именно поэтому Церковь признала св.Владимира, как и св. Ольгу *Равноапостольными*.

Но все же Владимир был не рядовым русичем. А монархом великого государства. И вопрос создания национальной церкви, вопрос, откуда принять христианство, был и впрямь политическим. Церковь номинально все еще оставалась единой, но Западная и Восточная ее половины все сильнее расходились. Принять христианство от Западной? Отпадало. Еще в 967 г. папа Иоанн XIII издал буллу об учреждении Пражского епископства, где поттверждался запрет служения на славянском языке, и мало того, запрещалось поставление священников «из русского и болгарского народа». Принять от Охриды? Да, Охридская патриархия оставалась важнейшим культурным и просветительским центром. Но ее «политический ранг» после захвата византийцами Восточной Болгарии очень снизился. В мире она осталась изолированной. Значит — от Константинопольской?...

Дело еще в том, что принятие христианства Русью совпало с политическим решением Владимира. Он искал возможность выйти из войны с Византией. Борьба Западной Болгарии с ромеями была славной, героической, но уже... бесперспективной. Царь Самуил до могущества Симеона далеко не дотягивал. В самом его государстве не было единства. Болгар разьедала ересь богумильства. Доходило до того, что православные иерархи передавались на сторону греков, дабы противостоять еретикам. Не было и национального единства. Против Самуила то и дело поднимались его подданные из числа сербов, хорватов, албанцев. Среди болгарской знати царил разлад, возникали заговоры. На чем ловко играли византийцы, подогревая раздраз.

Эта война закончится в 1014 г., когда император Василий II, получивший почетный титул «Болгаробойца» наголову разгромит Самуила, захватит 15 тыс. пленных болгар и прикажет ослепить их. Разделить на сотни, дать на каждую по одному поводырю, ослепленному не на оба, а на один глаз, и отпустить к их царю. Самуил от такого потрясения умрет, и независимость Западной Болгарии прекратится...

Но задолго до этих событий Владимир понял, что победой дело не пахнет и увязнуть в болгарской каше можно очень крепко. В отличие от Святослава он осознал и то, что движение на Балканы Руси не нужно. Владимир уже собрал самое крупное в Европе государство. Следовало укреплять и развивать его, а не расширять без конца. То, что требовалось Руси — выход к морю, она получила. Оставалось только закрепить этот успех вместо того, чтобы лить кровь за чужие интересы. И посольство Владимира действительно посетило Константинополь. Но не для «выбора» веры, а для переговоров о мире. С которыми соединились и переговоры о крещении. Князь прекрасно понимал, что греки постараются соединить религию с политикой, прибрать Русь под свое влияние. Как избежать этого? Он потребовал скрепить мир и союз браком с византийской царевной. Что ставило Русь на равную ногу с империей.

И момент был выбран удачно. Положение Константинополя было аховым. Болгары с русскими нанесли грекам тяжелые поражения. А пример полководцев Никифора Фоки и Ио-

анна Цимисхия, захватывавших царство и правивших от имени Василия II и его брата Константина, оказался заразительным. Сперва после смерти Цимисхия поднял бунт его лучший военачальник Варда Склир. Беспрепятственно шел на Константинополь, города и войска переходили на его сторону. Тогда правительство Василия II додумалось сделать ставку на Варду Фоку. Племянника Никифора, который бунтовал при Цимисхии и был подавлен Вардой Склиром. Он содержался в ссылке под строгим надзором, но был выпущен, обласкан и отправлен против мятежника. Фамилия Фоки все еще была популярной у военных, они стали переходить под его знамена. Варда Склир был разбит и бежал к арабам.

Но... прошло совсем немного времени, и поднял бунт победитель, Варда Фока. И тоже триумфально двинулся на Константинополь. С запада болгары, с востока Фока, в Италии греков били немцы. И за предложение Владимира император ухватился с радостью. По условиям договора русские снова признавались «друзьями и союзниками ромеев», Василий II признавал вхождение в состав Руси Тмутаракани (она превратилась в удельное княжество, сюда Владимир направил своего сына Мстислава). А в жены великому князю была обещана сестра Василия и Константина Анна. За это Русь выделила вспомогательный корпус в 6 тыс. бойцов, который в 987 г. прибыл в Византию и помог разгромить Варду Фоку.

Состоялось и крещение Владимира в Киеве. Но... он быстро разобрался, что греки, по своему обыкновению, намерены его обмануть. После крещения его приняли в число «подданных» византийского императора, присвоили невысокий придворный чин стольника. Прислали духовников-советников. О браке же с Анной больше не упоминалось. Однако Владимир умел постоять за свои и государственные интересы. В 988 — 989 гг. последовал поход на Херсонес. Главный оплот Византии в Крыму. Он был сильнейшей крепостью, и со скифских времен его еще не смог взять никто. Но Владимир был упорным и воевать умел. Обложил город с моря и с суши, окружил валами, заявляя, что хоть три года будет стоять, но Херсонесом овладеет. Столь долгой осады не потребовалось. Священник (или епископ) Анастас на стреле перебрал из города записку, указывая, где проходят

водопроводы. Вода была перекрыта, и городу пришлось капитулировать. А императору осталось утереться и исполнить обещание, прислать сестру.

В Херсонесе состоялось венчание князя и крещение дружины. В «вено» за невесту Василий II получил обратно город. А в качестве трофеев Владимир увез несколько статуй для украшения Киева. Но не только. «Поем же с собой и Анастаса... и иных многих взя, и пресвитеры корсуньские и диаконы и святые иконы, и честные кресты, и священные сосуды церковные, и прочую священную утварь, и святые книги, и все сие взял на благословение себе». Обеспечил рождающуюся русскую церковь. И забрал здешний клир! Вместо того, чтобы дожидаться священников, которых назначат из Константинополя, и которые одновременно наверняка будут политическими агентами, князь взял херсонитов.

В Крыму население было смешанным, со значительной примесью славян. Часто контактировало с Русью, и было ближе к ней, чем греки. Поступок Анастаса свидетельствует о том, что даже среди здешних священников существовала «прорусская» партия. И связи с ней, вероятно, были установлены еще перед походом. Как бы то ни было, выбором священников-херсонитов князь тоже постарался разграничить духовное и светское. Православие — это одно, а политика византийских царей — увольте, совсем другое. И, кстати, в культурном плане Киев по-прежнему поддерживал тесные связи с Охридой, пока она не была разгромлена греками.

Большой штат священнослужителей, прибывших из Корсуни на новую родину, привезенная богослужебная утварь, позволили осуществить главное дело св. Владимира. Произошло низвержение идолов. И крещение Киева — в священных для славян водах Днепра. Вряд ли все русичи морально дошли до необходимости принятия христианской веры. Но и насильственным этот акт считать нельзя. Во многом сказался высочайший авторитет, который приобрел у подданных великий князь. А раз уж такой правитель принял христианство, то... наверное, он прав.

И в других городах крещение происходило далеко не сразу, в разные годы. В Новгороде, Смоленске, Чернигове, Пскове...

То есть не по единовременному приказу свыше. Но оно оказалось важным не только в духовном плане. А и в национальном, государственном. Потому что именно крещение сплестило разнородные славянские, финские, угорские племена в один народ. Были поляне, северяне, словене, чудь, голядь. А из купели они выходили — русскими. Еще долго помнили о разном происхождении, но уже становились единым целым. И в Ростове, например, еще несколько веков сосуществовали две общины. Те меряне, которые поклонялись Керемету, оставались мерянами. А крестились — и превращались в русских... Да, так на Руси родилась новая империя, православная. И не что иное как Православие породило великий русский народ. Впереди у которого лежала долгая и славная история...

Монино, 24.12.2005 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальное издание.
2. Авеста. М., Дружба народов, 1993.
3. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973.
4. Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. Античная география Северо-Западного Причерноморья. М., Мысль, 1985.
5. Агбунов М.В. Материалы по античной географии Причерноморья. Вестник древней истории № 4, 1983.
6. Альбедиль М.Ф., Митрохин Л. В. Индуизм. // Религии мира. Энциклопедия для детей, т.6, ч.1, М., Аванта +, 1996.
7. О. Андрей (Кураев), Юркевич А.Г., Красовицкая М.С. Православие // Религии мира. Энциклопедия для детей, т.6, ч.2, М., Аванта +, 1997.
8. Античная литература. Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1973.
9. Античные города Северного Причерноморья. Л., Изд. АН СССР, 1955.
10. Античная цивилизация. Под ред. В.Д. Блаватского. М., 1973.
11. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
12. Арриан. Поход Александра. Пер. М.Е. Сергеенко, М., Миф, 1993.
13. Артамонов М.И. История хазар. Л., ЛГУ, 1962.
14. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., ЛГУ, 1974.
15. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев. Наукова думка, 1990.
16. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1982.
17. Баркова А.Л. Верования древних славян // Религии мира, т.6 ч.1, М., 1996
18. Белицкий М. Шумеры. Забытый мир. М., Вече, 2000.
19. Белов А.В. Секты, сектантство, сектанты. М., 1978.

20. Белявский В.А. Тайны Вавилона, М., Вече, 2001.
21. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
22. Бибииков С.Н. Культурные женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы. Сов. археология, т. 15, 1951.
23. Блаватская Т.В. Ахейская Греция. М., 1966.
24. Бойцов М., Шукуров Р. История средних веков. М., МИРОС, 1995.
25. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960-66.
26. Бродянский Д.Л. Человек, культура, общество. От рождения до порога цивилизаций. Владивосток, изд. Дальневосточного университета, 1995.
27. Бутромов В. Древний мир. М., Русское слово, 1996.
28. Васильев А.С. История религий Востока. М., Высшая школа, 1983.
29. Вебер Г., Всемирная история, т. 1 — 9, М., 1890 — 1896.
30. Велесова книга. Перевод и комментарии А.И. Асова. М., Менеджер, 1995.
31. Великовский И. Народы моря. Р-н/Д., Феникс, 1997.
32. Великовский И., Рамзес II и его время, Р-н/Д., Феникс, 1997.
33. Веллей Патеркул. Римская история. Пер. А.И. Немировского, Воронеж, 1985.
34. Вергилий. Энеида. Пер. С. Шервинского и С.Ошерова, М., 1979.
35. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь, Леан, 1996.
36. Византия и Русь. М., Наука, 1989.
37. Витгасин А.А. и др. История древнего мира. М., Просвещение, 1993.
38. Войцеховский А.И. Кто построил каменные цепи // Невозможная цивилизация, М., Знание, 1996.
39. В мире мифов и легенд. Под ред. В.Н. Синельченко. СПб., Диамант, 1995.
40. Воротников А.Л. История и религия. Минск, Валев, 1991.
41. Воскобойников В. Кирилл и Мефодий. М., Молодая гвардия, 1979.
42. Всемирная история, в 24 томах, т. 1-8, Минск, Литература, 1996.
43. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция. М., Новое лит. обозрение, 1996.
44. Гельмгольд. Славянская хроника. М., 1963.
45. Гесиод. Труды и дни. Теогония. // Эллинские поэты в пер. В.В. Вересаева. М., 1963.

46. Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1972.
47. Глоба П.П. Живой огонь. Учение древних ариев. М., Вагриус, 1996.
48. Глоба Т.М. Тамара, №2, М., 1994.
49. Гобарев В. Предыстория Руси. М., Менеджер, 1995.
50. Гомер. Илиада. Пер. Н. Гнедича. М., Московский рабочий, 1982.
51. Гомер. Одиссея. Пер. В. Жуковского. М., Московский рабочий, 1985.
52. Граков В.Н. Скифы. М., МГУ, 1971.
53. Гриневич Г.С. Племя рыси с острова Крит. Техника молодежи № 8, 1988.
54. Гриневич Г.С. Праславянская письменность. М., Обществ. польза, 1993.
55. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., Клышников, Комаров и К, 1993.
56. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь, М., Мысль, 1989.
57. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии, М., Айрис-пресс, 2001.
58. Гумилев Л.Н. От Руси к России, М., Айрис-пресс, 2002.
59. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, Азернешр, 1991.
60. Гумилев Л.Н. Хунну. С-Пб., Тайм аут-компас, 1991.
61. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, СПб., Азбука-классика, 2002.
62. Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.
63. Демин В.Н. Тайны русского народа. М., Вече, 1997.
64. Деревянко А. Ожившие древности. М., Молодая гвардия, 1986.
65. Диодор Сицилийский. Библиотека II. Очерки истории СССР. М., 1956.
66. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
67. Дорошенко Е.А. Зороастризм: верования и обычаи.// Религии мира. Энциклопедия для детей, т.6, ч.1, М., Аванта+ , 1996.
68. Дюмензиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
69. Дьяконов И.М. Архаичные мифы Востока и Запада. М., 1990.
70. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, Наука, 1988.
71. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
72. Забылин М. Русские народ, обычаи, обряды, предания, суеверия. М., Русская книга, 1996.

73. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., Наука, 1974.
74. Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., Наука, 1988.
75. Ильинская Л.С. Этнические и культурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья в микенскую эпоху: Сицилия и Эгеида. М., 1983.
76. Иностранцы о древней Москве. М., Столица, 1991.
77. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Пер. и комментарии Е.Ч. Скржинской. М., Изд. восточн. литер., 1960.
78. Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М., Наука, 1991.
79. Ирасек А. Старинные чешские сказания. М., Правда, 1987.
80. Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, Наукова думка, 1980.
81. Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, Наукова думка, 1980.
82. Историки Рима. Сборник переводов под ред. С. Апта. М., 1970.
83. Исторические связи Скандинавии и России IX — XX вв. Л., 1970.
84. История древнего Рима. Под ред. А.Г. Боксанина и В.И. Кузицина. М., 1981.
85. История России с древнейших времен до конца XVII века. Под ред. А.Н. Сахарова, А.П. Новосельцева. М., Изд. АСТ, 1996.
86. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.
87. Как была крещена Русь. М., Политиздат, 1990.
88. Калевала. М., 1977.
89. Карамзин Н.М. История государства Российского. Предания веков. М., Правда, 1988.
90. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России, М., 1965.
91. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
92. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981.
93. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г., Харьков, 1956.
94. Кожин В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., Чарли, 1997.

95. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., Изд. АН СССР, 1932.
96. Колосовская Ю.К. Паннония в I-III веках. М., 1973.
97. Коринфский А.А., Народная Русь, М., 1901.
98. Корнелий Тацит. Соч. В 2-х т. Под ред. А.С. Бобовича, Я.М. Боровского, М.Е. Сергеенко. Л., 1969.
99. Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.
100. Крист К. История времен римских императоров. Т.1-2, Р-н-Д, Феникс, 1997.
101. Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
102. Кузьмин А.Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988.
103. Кузьмичев И.К. Лада. М., Молодая гвардия, 1990.
104. Культура Древней Руси. М., Наука, 1966.
105. Культура средневековой Руси. Л., 1974.
106. Курбатов В.А., Славянские континенты: пути расселения наших предков, М., Алгоритм, 2005.
107. Лависс Э. Всеобщая история. Популярный справочник. М., Дельта, 1997.
108. Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, Наукова думка, 1966.
109. Левандовский А. Карл Великий. М., Мол. Гв., 1999.
110. Левин А., Камень-обсерватория. // Книга тайн. М., Общ. по изуч. тайн и загадок Земли, 1991.
111. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. Под ред. А.А. Нейхардта. М., Правда, 1987.
112. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., Прогресс, 1992.
113. Леликов А.А. Авеста в современной науке. М., 1992.
114. Литаврин Г.Г. Известие Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян. Византия, Средиземноморье, славянский мир. М., МГУ, 1991.
115. Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1980.
116. Лихачев Д.С. Русские летописи. М., Изд АН СССР, 1947.

117. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
118. Личутин В.В. Скитальцы, М., Известия, 1988.
119. Лосев А.Ф. Гомер. М., Молодая гвардия, 1996.
120. Лукач И. Пути богов. М., 1984.
121. Лукиан. Избранное. М., 1962.
122. Маховский Я. История морского пиратства. Тула, Филиппок, 1993.
123. Мелетинский Е. Скандинавская мифология как система. М., Наука, 1973.
124. Миллер В.Ф. Очерки арийской мифологии. М., 1976.
125. Мифологический словарь. М., 1991.
126. Мифология древнего мира. М., Наука, 1977.
127. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М., Сов. Энциклопедия, 1991.
128. Михайлова Т.А. Друиды и религия древних кельтов. // Религии мира. Энциклопедия для детей, т.6 М., Аванта+, 1997.
129. Моммзен Т. История Рима, т. 1-4, Р-н/Д, Феникс, 1997.
130. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: бронзовый и железный века. М., 1974.
131. Монгайт А.Л. Археология Рязанской земли. М., Наука, 1974.
132. Немировский А.И. Мифы Древней Эллады. М., Просвещение, 1992.
133. Немировский А.И. Религии народов древнейшего Средиземноморья // Религии мира. Энциклопедия для детей, т.6 М., Аванта+, 1997.
134. Немировский А.И. Этруски — от мифа к истории. М., Наука, 1983.
135. Немировский А.И. Этруски в греческой литературе и историографии. Вестник древней истории № 3, 1976.
136. Немировский А.И., Дашкова М.Ф. Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977.
137. Нефедов С. История древнего мира. Екатеринбург, 1994.
138. Никольский Н.М. История русской церкви. М., Политиздат, 1988.
139. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI — IX вв. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
140. Новиков М.П. Христианизация Киевской Руси. М., МГУ, 1991.

141. Овидий. *Метаморфозы*. Пер. С. Шервинского. М., 1977.
142. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия, т.3. М., Инфра-М, 1999.
143. Откуда есть пошла Русская земля, века VI — X, кн. 1, коммент. А.Г. Кузьмина, М., Мол. Гвардия, 1986.
144. Павленко Н.И. Меншиков. Полудержавный властелин, М., Мол. Гвардия, 2005.
145. Павсаний. *Описание Эллады*. Т. 1-2, пер. С.П. Кондратьева. М., -Л., 1938—1940.
146. Палефат. О невероятном. Пер. В.Н. Ярхо. *Вестник древней истории* № 3-4. М., 1980.
147. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978.
148. Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М., 1968.
149. Пендлбери Дж. *Археология Крита*. М., 1950.
150. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П., *История первобытного общества*. М., Высшая школа, 1982
151. Петрухин В.Я. *Германо-скандинавская религия и мифология. Религии мира. Энциклопедия для детей*, т.6, ч.1. М., Аванта+, 1996.
152. Платов А. *Руническая магия*. М., Менеджер, 1995.
153. Плиний Младший. *Письма. Панегирик Траяну*. Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура, В.С. Соколова. М., 1982.
154. Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*. Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек, С.П. Маркиш. М., 1961-1964.
155. Плутарх. *Греческие вопросы*. Пер. В.Н. Брагинской. *Вестник древней истории*, № 1-2, 1977.
156. *Повесть временных лет*. Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова, АН СССР, М.-Л., 1950.
157. *Полное собрание русских летописей*. ПСРЛ. М., Изд. восточн. литерат., 1962-1965.
158. *По следам древних культур. От Волги до Тихого океана*. М., Госиздат культпросветлитературы, 1954.
159. *Предания и мифы средневековой Германии*. М., МГУ, 1991.
160. *Предания и мифы средневековой Ирландии*, М., МГУ, 1991.
161. Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. *История Отечества*. М., Просвещение, 1996.
162. *Проезжая по Московии. Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов*. М., *Международные отношения*, 1991.

163. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.
164. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., ЛГУ, 1970.
165. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954.
166. Россия XV-XVII в.в. глазами иностранцев. Л, Лениздат, 1986.
167. Русские веды. Саратов, 1992.
168. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., Изд. АН СССР, 1963.
169. Рыбаков Б.А. Древние русы. Сов. археология, т.17, М., 1953.
170. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
171. Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.
172. Рыбаков Б.А. Космология и мифология земледельцев энеолита. Сов. археология, № 1, 1965.
173. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., Изд. АН СССР, 1948.
174. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., Наука, 1981.
175. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., Наука, 1987.
176. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси IX — первой половины X века. М., 1980.
177. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., Межд. Отношения, 1991.
178. Сахаров А.Н. Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии. Л., 1986.
179. Светланов Ю. Скандинавские сказания о богах и героях. М., 1959.
180. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., Худ. литература, 1990.
181. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII в.в. М., Наука, 1982.
182. Сказания средневековой Европы. СПб., Распекс, 1996.
183. Скифы. Хрестоматия. М., Высшая школа, 1992.
184. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, Наукова думка, 1977.
185. Слово о полку Игореве. Русская литература XI-XVIII в. М., Худ. Литература, 1987.
186. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., Наука, 1964.
187. Снисаренко А.Б. Курс — Море Мрака. М., 1982.
188. Снисаренко А.Б. Рыцари удачи. Хроники европейских морей. СПб., Судостроение, 1991.

189. Снисаренко А.Б. Третий пояс мудрости. Блеск языческой Европы. Л., Лениздат, 1989.
190. Советский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. М., Сов. Энциклопедия, 1987.
191. Соколов В.С. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры времен империи. М., 1956.
192. Соловьев С.М. Избранные труды. М., 1983.
193. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959.
194. Софокл. Трагедии. Пер. С.В. Шервинского, М., 1958.
195. Софоний. Задонщина. Русская литература XI-XVIII вв. М., Худ. литература, 1987.
196. Стеблин-Каменский М.И. Древнескандинавская литература. М., 1990.
197. Стесихор. Фрагменты. Пер. Н.Н. Казанского. Вестник древней истории № 2, М., 1985.
198. Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.
199. Стурлссон С. Круг земной. М., 1980.
200. Стурлссон С. Младшая Эдда. Л., 1970.
201. Татищев В.Н. История Российская. М., Изд. АН СССР, 1962-1963.
202. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
203. Тит Ливий. Карфаген против Рима. СПб., Браск, 1994.
204. Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., Наука, 1975.
205. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
206. Толочко П.П. Древний Киев. Киев, Наукова думка, 1983.
207. Удальцова З.В., Щапов А.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. Вопросы истории № 7, 1980.
208. Успенский Ф.И., История Византийской империи, т. 1-4, М., АСТ, 2001.
209. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.
210. Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. Смоленск, Инга, 1995.
211. Феофилакт Симокатта. История. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.
212. Фирдоуси. Шах-наме. М., 1972.

213. Флавий Вописк Сиракузянин. Божественный Аврелиан. Вестник древней истории №4, 1959.
214. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
215. Харитонова В.И. Черная и белая магия славян. М., Интербук, 1990.
216. Хойслео А. Германский героический эпос. М., 1960.
217. Хрестоматия по русской военной истории. Под ред. М.Н. Тихомирова, Н.М. Коробкова, Г.П. Мещерякова. М., Воениздат, 1947.
218. Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М., Наука, 1991.
219. Чивилихин В. Память. М., Воениздат, 1993.
220. Чичеров И.С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора, М., 1980.
221. Шамбаров В.Е. Бей поганых! М., Алгоритм, 2005.
222. Шамбаров В.Е. Как выглядел «Конец Света». Мегополис-Континент № 41, М., 1996.
223. Шамбаров В.Е. Конан — наш предок. Мегополис-Континент №22, М, 1998.
224. Шамбаров В.Е. Кто вы, княже Рюрик? // Опасная ставка № 5, М, 1999.
225. Шамбаров В.Е. Основатель династии // Золотое перо, № 4, 2002 г.
226. Шамбаров В.Е. От Стоунхенджа до Аркаима, Мегополис-Континент № 46, М., 1996.
227. Шамбаров В.Е. Потомки колдунов. Вечерняя Рязань № 33-43, 1994.
228. Шамбаров В.Е. Почему Олег был вещим?/ Золотое перо, № 4, 2002 г.
229. Шамбаров В.Е. Русь — дорога из глубин тысячелетий, М., Алгоритм, 2000.
230. Шамбаров В.Е. Тайны русских богов. Вечерняя Рязань № 65, 1994, № 9, 1995.
231. Широкова Н.С. Кельтские друиды. Л., ЛГУ, 1984.
232. Штоль Г.А. Мифы классической древности. М., Высшая школа, 1993.
233. Щербаков В. Асгард и ваны // Дорогами тысячелетий, кн. 3. М., Молодая гвардия, 1989.
234. Щербаков В. Как был открыт город богов. // Книга тайн. М., Общ. по изуч. тайн и загадок Земли, 1991.

235. Щербаков В. Эликсир бессмертия — главный секрет Олимпа. Память об атлантах. Книга тайн. М., Общ. по изуч. тайн и загадок Земли, 1991.
236. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., Наука, 1968.
237. Энеолит СССР, под ред. Массона В.М., Мерперта Н.Я., М., Наука, 1982.
238. Эпос Северной Европы. М., Мир, 1989.
239. Эпос Северной Европы. Пути и эволюция. М., 1990.
240. Эсхил. Трагедии. Пер. С. Апта. М., 1971.
241. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII — III вв. до н.э. М., 1982.
242. Яйленко В.П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии. Сов. этнография № 1, 1983.
243. Якубовский Э. Быстроконные девы. // Книга тайн. М., Общ. по изуч. тайн и загадок Земли, 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
С чего начинается история?	7
Умельцы каменного века	13
Земля, обновленная Потопом	23
Всегда ли правдива наука?	32
Жизнерадостные города Триполья	39
Темные века	53
Арии завоевывают Землю	66
Троянский узел	79
Пути прогресса	87
Мечи киммерийцев	98
Стрелы скифов	108
Азия под копытами коней	116
Эллины и «варвары»	132
Скифская империя и ее окружение	145
Нашествие персов	158
Кого не победил Александр Македонский	170
Копья сарматов	180
Понтийская империя	189
Славяне	202
«Рах Романа»	213
За пределами «Римского мира»	224
Сражаясь с захватчиками	234
Первая Русская империя	244
Нашествие готов	257
Империя Германариха	269

Империя гуннов	281
Антия — Вторая Русская империя	296
Аварский и Тюркский каганаты	310
Мир меняется	324
Хазарский каганат и Арабский халифат	339
Славянская цивилизация	352
Запад и Восток	368
Союзники Карла Великого	380
Хазарское иго	392
Русский каганат — Третья империя	409
Основатель династии	421
Тайны славянских богов	434
Варяги и Киев	446
Тернии просветителей	461
Щит на воротах Цареграда	468
Вершина и крах Третьей империи	480
Борьба за Черное море	493
Русь сосредоточивается	504
Отмстить неразумным хазарам... ..	520
Мертвые сраму не имут	529
Четвертая Русская империя — православная	546
<i>Библиография</i>	563

Шамбаров Валерий Евгеньевич
ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редактор *В.Г. Манягин*
Художественный редактор *А.Г. Сауков*
Верстка *А.А. Кувшинников*
Корректор *Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Тел.: 617-09-52, 617-08-25

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» — 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Подписано в печать 20.11.2007. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Бумага тип. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 5000 экз. Заказ № 6051.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Русская история началась задолго до призвания варягов. Предками русского народа были отнюдь не только славяне, но и финские, угорские, тюркские племена, сарматы, скифы, киммерийцы, пеласги, древние арии. О глубококом прошлом нашей страны, о великих государствах, существовавших на нашей земле в незапамятные времена, рассказывает новая книга Валерия Шамбарова, охватывающая период от библейского Потопа до Крещения Руси. Известная ранее работа автора о древнейшем прошлом нашей страны «Русь – дорога из глубин тысячелетий» стала бестселлером и в короткий срок выдержала несколько изданий. Издание рассчитано на всех глубоко интересующихся историей своего Отечества.

ISBN 978-5-9265-0423-8

9 785926 504238 >